

ОБРАЩЕНИЕ НФП "ПАМЯТЬ" : ВСЕ ЧАЩЕ И ЧАЩЕ В НЕКОТОРЫХ ХРАМАХ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА В НЕПРИКРЫТОЙ ФОРМЕ ЗВУЧАТ ПРОПОВЕДИ, ПРИЗЫВАЮЩИЕ ВЕРУЮЩИХ СТАТЬ НА КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ 1

МОСКВА • ЛЕНИНГРАД • НЬЮ-ЙОРК •
ВАШИНГТОН • ПАРИЖ • ЛОНДОН • РИГА
КИЕВ • СВЕРДЛОВСК • БАЛАШИХА •
ГАЙРА • ОДЕССА • ВИЛЬНЮС • БАКУ —
Новые газетные издания — участники этого Собрания

№ 3/91

ЦЕНА 1 РУБЛЬ
(вместе 123 руб. 30 коп. — с учетом
коммерческого курса рубля — вам придется
выплатить за газету журнал в два раза
больше в этом номере)

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
ДОЛЖНА ОСТАВАТЬСЯ
ПРАВОСЛАВНОЙ!

ОБРАЩЕНИЕ НФП "ПАМЯТЬ" : ВСЕ ЧАЩЕ И ЧАЩЕ В НЕКОТОРЫХ ХРАМАХ
НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА В НЕПРИКРЫТОЙ ФОРМЕ ЗВУЧАТ ПРОПОВЕДИ, ПРИЗЫВАЮЩИЕ
ВЕРУЮЩИХ СТАТЬ НА КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ

2

Враг, прекрасно сориентировавшись в обстановке, как по команде, прекратил вдалбливание в головы подросткам комсомольских бредней и полностью переключил работу комитетов комсомола на пропаганду разврата и насилия; ведь недаром большинство видеоприонов находятся в ведении тех, кто еще вчера призывал к коммунистической «морали» и гнал молодежь на стройки коммунизма.

Очевидно, что противники Православия, мировые дьявольские силы, прекрасно отдают себе отчет в том, что значительная часть молодых людей не бросится в душевные подвалы для того, чтобы наблюдать два часа кряду за барахтающимися в койке телами. Для таких, для ищущих истины в этом мире, богоборцы подготовили куда более изощренные методы одурманивания, главные из которых мы вкратце опишем чуть ниже.

1. ЭКУМЕНИЗМ

Злейшей ересью 20 века назвал экуменизм отец Серафим Роуз. В настоящий момент экуменизм переживает вторую стадию своего развития — суперэкуменизм, то есть общение и постепенное слияние с нехристианскими религиями.

Митрополит Питирим некоторое время назад обещал с телеэкрана издать Коран для мусульман Советского Союза. И это в тот момент, когда истинно Православной литературы катастрофически не хватает. Мы не собираемся огульно хулить ислам, но почему издательство Московской Патриархии должно пропагандировать чужую нам Веру?

2. КОСМОПОЛИТИЗМ

Все чаще и чаще, что особенно печально для патристически настроенной молодежи, в некоторых храмах нашего Отечества в неприкрытой форме звучат проповеди, призывающие верующих стать на космополитические позиции. От-

дельные «церковные» русофобы и славянофобы пытаются изгнать само понятие нации за пределы церковной ограды. Но вспомните, какой любовью к своему народу горел Апостол Павел, восклицавший, что ради сродников по плоти он готов быть отлученным от Христа.

ОБРАЩЕНИЕ НФП "ПАМЯТЬ" : ВСЕ ЧАЩЕ И ЧАЩЕ В НЕКОТОРЫХ ХРАМАХ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА В НЕПРИКРЫТОЙ ФОРМЕ ЗВУЧАТ ПРОПОВЕДИ, ПРИЗЫВАЮЩИЕ ВЕРУЮЩИХ СТАТЬ НА КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ

кой литературы, наводнили книжный рынок. Да и пресса и, увы, не только светская, но и церковная, занимается популяризацией наследия тех или иных ересей. Не так давно в Москве побывала книжная выставка «ИМКА — ПРЕСС», привезенная из Парижа главным ее редактором Никитой Струве. Многие храмы, светские и христианские библиотеки обратились с просьбой к Струве укомплектовать их хранилища изданиями «ИМКА». Но что это за литература, ортодоксальным христианам давно известно.

Невиданный разгул получило сектанство. Как грибы растут молельные дома баптистов, пятидесятников, адвентистов, открываются секты откровенно сатанинского характера. Но и это не все.

«Православным священником» Глебом Якуниным «со товарищи» устраиваются шабаши, именуемые «демократической» прессой

«крестным ходом»... к дому безбожника Сахарова — создателя адской водородной бомбы и поборника мажсонской идеи о создании мирового правительства.

Экуменисты, софиологи, бердяевцы и другие еретики, окопавшиеся в Московском Патриархате, мечтают, чтоб консервативно настроенные священнослужители и миряне вышли из Московского Патриархата и присоединились бы или к Русской Зарубежной или к Катакомбной Церкви. У нас на это ответ один: пусть они сами уходят из Русской Церкви! Московский Патриархат как был, так и должен оставаться Православным!

3. ЕРЕСИ

Огромную опасность для современной духовной жизни представляют ереси. В настоящее время еретические авторы предлагают наперебой всякому жаждущему и алчущему. Книжки Бердяева, Булгакова, Флоренского и других еретиков, в отличие от Святоотечес-

Председатель
Центрального Совета
НФП «ПАМЯТЬ»
Дмитрий ВАСИЛЬЕВ
Члены Центрального
Совета «ПАМЯТЬ»
(7 подписей)

ЛИТЕРАТУРНАЯ
РОССИЯ

12 июля
1991 г.
пятница
Цена 60 коп.
(1484)
(По подписке — 60 коп.)

ПЕРЕД ЛИЦОМ МИЛОСТИ БОЖИЕЙ

**Дорогие соотечественники!
Братья и сестры!**

Приближается день великого духовного торжества — перенесения святых мощей Преподобного Серафима Саровского чудотворца крестным ходом из Москвы в монастырь в городе Дивеево.

Сто шестьдесят лет назад Преподобный Серафим Саровский предрек это событие, так же, как великую смуту на Руси и духовное возрождение нашего Отечества после тяжких испытаний. Несколько поколений православных людей хранили в своих сердцах эту «Великую Дивеевскую тайну», несмотря на то, что внешние обстоятельства ни в прошлом, ни в нынешнем веке не давали даже надежды на ее исполнение.

Упование православных христиан было только на Господа нашего Иисуса Христа, «Который вчера и сегодня и вовеки Тот же», на предстательство Пресвятой Богородицы, Заступницы и Покровительницы Русской Земли, на молитвы за всех нас преподобного Серафима Саровского.

Путь крестного хода пройдет по московской, владимирской, нижегородской землям. Многие тысячи людей со всех концов нашего Отечества и из-за рубежа вольются в это поистине всенародное празднество. Несомненно, что это великое событие откроет новый период духовного бытия Русской Церкви и всей России.

Перед лицом этой великой милости Божией — обретения святых мощей преподобного Серафима Саровского — забудем об изнуряющих нас суетных распрях, вспомним, что есть Бог, есть вечная жизнь, вспомним, что были и есть на Руси великие праведники, духовной силой и молитвами которых стоят города, веся и вся наша Родина. Вспомним слова Преподобного Серафима, понятные для всякого, кто опытом познал их: «Стяжи в себе дух мирен и тысячи вокруг тебя спасутся».

Проведение крестного хода и пребывание тысяч людей в Дивеево связаны с многими организационными и бытовыми трудностями. Большую часть забот взяла на себя Русская Православная Церковь. Но все же без всенародной помощи будет очень трудно. Мы обращаемся ко всем, кто хочет и может помочь этому святому делу — личным участием, материальной помощью, реальной организационной поддержкой:

К молодым членам Русской Православной Церкви: принять участие в обеспечении порядка в городах, где будут останавливаться мощи, и в самом Дивеево. Обращайтесь в Свято-Данилов монастырь к протоиерею Владимиру Назаркину. Телефоны: 230-21-18, 230-20-28.

К частным лицам, общественным и государственным организациям: оказать посильную финансовую помощь, которая пойдет на питание, размещение и бытовое обеспечение многих тысяч людей в дни празднеств. Расчетный счет № 701910, Ленинское отделение МББ, МФО 201188. Крестный ход.

К организациям, располагающим соответствующими возможностями: выделить палатки, полевые кухни, грузовые автомобили для перевозки людей в Нижегородской области. Адреса и телефоны те же.

**Общественный комитет по организации перенесения
святых мощей Преподобного Серафима Саровского**

ЕН

ЕДВА ВОЗРОДИВШИЕСЯ, ПАНСЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ ПРИОБРЕЛА В РОССИИ ПОПУЛЯРНОСТЬ И НЕМАЛО СТОРОННИКОВ

"НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА" 21.01.92 с.2

ДО ТОРЖЕСТВА СЛАВЯНСКОЙ ИДЕИ ОСТАЛИСЬ СЧИТАННЫЕ МЕСЯЦЫ,

считают участники III съезда Славянского Собора

Евгений Красников

Фундаменталисты

Едва возродившись, панславянская идея приобрела в России популярность и немало сторонников. III съезд Славянского Собора, проходивший в Москве с 17 по 19 января, собрал почти 700 делегатов и более 100 гостей.

Уровень организации съезда был достаточно высок. Местом его проведения стало весьма престижное здание бывшей Академии общественных наук при ЦК КПСС. Для придания мероприятию еще большей внушительности и для охраны порядка лидер Русского национального движения Александр Боркашов (кстати, член Думы Собора) прикомандировал к съезду 100 своих «мальчиков», которые составили специальную службу безопасности. Спортивного вида, с короткой стрижкой, в черных рубашках с красными восьмиконечными звездами на рукавах, они выглядели очень серьезно.

Документы прибывающих делегатов также проверялись серьезно и тщательно. Регистрация, еще раз регистрация (уже с паспортом), а затем перерегистрация и обмен приглашений. Вряд ли чужаку проскочить через этот кордон.

Конференц-зал (опять «черные мальчики» на входе) выглядел торжественно, трибуна была драпирована алым полотнищем с Георгием Победоносцем. Стены были украшены национальными славянскими флагами, а президиум — руководителями славянских партий, а также генерал-майором КГБ Александром Стерлиговым — подтянутым и весьма импозантным.

Кстати, именно выступление помощника Руцкого — Стерлиго-

ва (пыле он возглавляет еще и движение «Офицеры за возрождение России») — вызвало наибольший интерес делегатов. Коротко, по-военному, он заклеил нынешнее правительство России как несостоятельное, а Бурбулиса и Шахрая обвинил в попытке отстранить Руцкого, «который понял наконец, в какую компанию он попал».

Большинство прочих ораторов проводили длинные историко-филологические культурологические экскурсы в глубь славянской истории, во время которых зал откровенно скучал.

Председатель Польской национальной партии Болеслав Тейковский жаловался на германо-еврейское засилье в Польше. Впрочем, проблемы братской России также были близки его сердцу. «Самое большое зло, когда еврей выдает себя за русского. Но еще большее зло, когда еврей управляет Россией», — заявил он.

Прибывший из Болгарии доктор философских наук Тодор Дичев с самого начала охарактеризовал себя как прямого человека и потому в течение своей длинной речи предпочитал называть евреев — жидами. «Как вы можете терпеть правительство и телевидение, которые не выговаривают букву «р»? — с гневом вопрошал он. Зал сконфуженно молчал. Из чего Дичев сделал вывод, что «50% делегатов — жиды», а «Собор занимается духовным онанизмом». Посланец президиума сообщил на ухо прямодушному доктору, что его сейчас выведут, но он все же успел сказать присутствующим, что «мы с вами жидкие кристаллы и 90% в голове человека состоит из воды». Все же самым любопытным показались ссылки Дичева на свои многочисленные публикации в советской прессе, а также и то, что в начале января он был приглашен выступать на телевидение, «но жиды помешали».

Зал вновь оживился, когда на

трибуне в окружении шести «боркашовских мальчиков» появился Архиепископ Истинно Православной Церкви Лазарь. Поздравив всех с праздником Крещения Господня, владыка ободрил делегатов известием, что «до торжества славянской идеи остались считанные месяцы».

Было решено начать действовать немедленно, и «наш славянский предприниматель» — руководитель Нижегородской биржи Константин Онучий — предложил уже в феврале провести в своем городе всероссийский патриотический съезд, который учредит Русское государство и создаст русское правительство. Делегатам так понравилось это предложение, что тут же было решено провести также и Славянскую конференцию по безопасности и сотрудничеству. Затем были приняты несколько резолюций. (о принадлежности России Курильских островов, об экспансии Запада в славянском мире), а также ряд программных документов.

По завершении съезда, беседа в кулуарах с корреспондентом «НГ», руководители Славянского Собора сетовали на низкую подготовленность многих делегатов, понимающих идею всеславянского единства слишком экстремистски. Однако теперь, по их словам, все будет в порядке, так как воспитательной работой среди членов Собора займется специально созданная комиссия по этике. К тому же в ближайшие дни Собор получает помещение под офис и среди прочего приступит к объединению под своей эгидой коммерческих структур, «ориентированных на вложение капитала в патриотическое движение». Очевидно, «славянин-предприниматель» из Нижнего Новгорода не одинок, и в самом ближайшем времени панславянское движение может приобрести финансовую базу, полезную и для политических дел.

КРИТИКА РАБОТЫ С.Н.БУЛГАКОВА "РАСИЗМ И ХРИСТИАНСТВО" 1

Актуальная трибуна

Литературное '91 12
ОБОЗРЕНИЕ

3

В. Камянов

О большевизме с нерусским лицом

Виктор КАМЯНОВ — литературный критик, автор книг: «Поэтический мир эпоса» (1978), «Доверие и сложность» (1984), «Время против безвременья» (1989), а также многих литературно-критических и публицистических статей в периодической печати.

1. Политика и гены

При нынешнем кипении национальных страстей на шумную толкучку «идей», призванных как-то прикрыть и облагородить темные инстинкты, выброшено немало умственных обносков, которые не хотелось бы заново перетряхивать, — на свалку просятся они или в прожарку. Но вот из шеренги любителей потолковать о свойствах и голосе «крови», об этнически окрашенных «генах» начали все чаще выдвигаться обладатели поставленных лекторских голосов, увенчанные степенями и способные подредактировать базарный фольклор про чужаков-«инородцев».

В этом деле им удобно опираться на источники, привлекательные тем более, чем славнее имена авторов, еще недавно запретные. При желании многое там можно отыскать — себе в подспорье. И отыскивают. А отыскав, поглядывают окрест с горделивостью неопитов, рукоположенных корифеями: нет, мол, не от активистов «Союза Михаила Архангела» ведем свою родословную — от серьезных мыслителей с безупречной репутацией. И вот уже именитые литературоведы втягиваются в популярную игру «Расшифровка литературных и политических псевдонимов», а ученая благовоспитанная дама, выступая на страницах солидного издания, бросает как бы мимоходом реплику о «повсеместно возникающей сегодня полемике между евреями и русскими» (вам ясно теперь, по какому признаку распределяются по лагерям наши полемисты?).

Нынешним ревнителям этнической «чистоты» (из числа образованных) уже нет особой нужды церемониться: тылы у них вроде бы обеспечены и под ногой не трухлявая опора под названием «Протоколы сионских мудрецов», а вещи солидные.

Так, с особым пиететом знатоки инородческих «козней» и межнациональных полемик ссылаются на капитальную работу религиозного философа С. Н. Булгакова «Расизм и христианство»¹. Поскольку новейшие ссылки на этот труд тоном своим очень напоминают присяги партийных ортодоксов на верность Непогрешимому учению, попробуем разобраться, что к чему в религиозно-философском трактате полувекковой давности.

Главная его тема — высокая провиденциальная миссия России как хранительницы основ православной веры, где христианскому учению дано утвердиться в его незамутненной истинности, а оттого Россия и ее народ признаны в работе «сердцем истории».

Ошеломляющей новизны в такой исходной посылке, разумеется, нет; определенную новизну следует искать в автор-

ских указаниях на те помехи, с какими столкнулась Россия на предначертанном ей пути. Уясняем: таких помех три: большевизм, «еврейство», учение и практика нацизма. При чем образуют они пусть и не самое монолитное «из возможных, но все же триединство, и, к примеру, браво марширующий нацизм получил подпитку от учения Маркса.

Не станем, однако, разбрасываться и обойдем линию «марксизм — гитлеризм» стороной, вскользь заметив, что дух прусской казармы, вообще пучеглазого, щетиноусого пруссачества (вспомним обобщенный портрет офицера-пруссача из хроники Щедрина «За рубежом») плохо совместим как с духом гетто или захолустного местечка, так и с атмосферой аудиторий, где получил закалку ум Основоположника. Что же до большевизма, стянутого в один узел с «еврейством», тут и впрямь — тема.

Те, кто сегодня ссылается на трактат С. Булгакова, подчеркивают неоднозначность его взгляда на «еврейский» вопрос, осуждение им антисемитизма как чувства низменного и недостойного христианина. От себя добавим, что, читая трактат, улавливаешь ноты теплоты и сострадания при авторских упоминаниях лишений, выпавших на долю древнего народа, уважение к его необычайной жизнестойкости, умению сберечь себя при любых зигзагах истории.

Смуцует, однако, особый вес в авторских построениях понятия «еврейство» при его студенистом и рыхлом наполнении. Велся бы, предположим, чисто богословский разговор о библейском народе, коллективном персонаже Священного Писания, тогда другое дело: характер народа Израиля очерчен, взят в раму ветхозаветных сюжетов и оппонирует как самому Ягве, так и другим народам-«характерам». Но когда «еврейство», словно рыба из родной стихии, выдернуто из легендарного контекста и через тысячелетия переброшено в политические водовороты XX века, расшифровка термина затруднительна.

Неужели скотоводческое некогда племя сберегло нетронутым с библейских времен твердое этническое ядро и способ ориентации в мире? Такое надо доказывать, если, конечно, такое доказуемо.

И потом... Взгляд на феномен большевизма сквозь призму нацвопроса абсолютно произволен, лишает какой-либо оптической четкости и сам нацвопрос, и социальное явление, подлежащее оценке. Почему именно «большевистско-иудейская власть» (сочетание, кстати, малоопытное: им щедро пользовалась нацистская пропаганда), а не «полоно-большевистская» или большевистская с «латышской» окраской? Если подходить к делу арифметически, латыши делегировали в верхние эшелоны новой власти непропорционально большой (к собственной численности) отряд представителей, как и евреи.

Но простую истину «многие видные большевики были из латышей» снизу не подпирает слой древних легенд. Библия о

¹ См.: Булгаков С. Н. Христианство и еврейский вопрос. Париж: ИМКА-пресс, 1991.

латышах молчит, помалкивает и обывательская молва о каких-либо экстремистских наклонностях небольшого прибалтийского этноса. Что там у него «в крови»? Иди гадай. То есть теоретический демарш в эту сторону заведомо проигрывает: никаких «кругов на воде». Иное дело — сюжет с участием иудеев...

Ученым рассуждениям об их враждебности христианству, да еще облгороженным призывами к национальной терпимости, обеспечен живой резонанс. Тут же расшевеливается давняя, смутно зудящая подозрительность к вездесущему неугомонному племени. И попробуйте-ка поколебать миф о власти евреев-большевиков ссылками на меньшевиков или эсеров, среди которых тоже хватало иудеев. Вызовете лишь раздражение у тех, кому миф по вкусу: растревоженную (мифом) желчь так просто не угомонишь, а подсознанию не прикажешь быть рассудительным.

Между тем и впрямь не очень понятно, зачем злоконному «еврейству» впустую распылять ударные силы, расталкивая по разным лагерям Троцкого и Мартова, Свердлова и Либера, Володарского (Гольдштейна) и Гоца. Любопытно было бы узнать мнение на этот счет теоретиков, умеющих расслышать, что нашептывают политику его национальные «гены». Но теоретики не любят тупиковых ситуаций и вряд ли выскажутся о подобной нерасчетливости расчетливого «еврейства».

Что-то вроде «голоса крови» или кровнородственной общности очень часто чудится знатокам нацвопроса в поведении политических групп, не обязательно с преобладанием евреев. Тех может и не оказаться под рукой. Вот, к примеру, заседает Государственная дума. Идут споры вокруг новых сталинских реформ. «Хотя представляла Дума как будто все население России, но на трибуне все мелькала почему-то череда необузданных закавказских социал-демократов». Это из Солженицына («Август Четырнадцатого»). Слова «мелькала почему-то» звучат многозначительно: то ли «необузданные» закавказцы вступили меж собой в закулисный разговор, то ли на трибуну их выталкивает напор «закавказской» крови. Тут, кажется, второе.

Но ссылки на «кровь», сбивая с толку наш разум, производят «подкожное» действие, рождают зуд подозрительности к «инородцам», с которыми-де не так все просто.

2. Сходство поверх различий

С. Булгаков, как просвещенный человек, мыслитель-гуманист, конечно же, осуждает расистов. Но при этом его теоретическая мысль вновь и вновь описывает круги возле неизменной константы — «инстинктивного чувства крови и единокровности», которое-де сплавливает «еврейство» в «единый душевный конгломерат». Спрашивается, удобно ли оспаривать расизм, черпая из общего с ним источника веры — в распорядительную силу «инстинктивного чувства крови»?

Слышу реплику-возражение: да неужто в нашем эмоциональном составе и намек на такое чувство нет?! Намек-то найдется. Только возводит на его основе теоретическую конструкцию значит размещать стройплощадку на облаке, причем наперед зная, что затеянное сооружение рухнет на чьи-то головы (на чьи головы рухнет — тоже зная).

По мнению современных генетиков, в «национальном» начале, возможно, скрыты «некоторые предпосылки будущего характера: больше темперамента — меньше темперамента, более быстрая реакция — более спокойная, медленная». Но они, генетики, решительно отвергают версию о биологической заданности «национального менталитета» (см. об этом в выступлении Марины Новиковой на страницах «Дружбы народов» — 1990, № 7, с. 202).

Христианский мыслитель С. Н. Булгаков, конечно, ни на какую биологическую заданность не ссылается, но повязывает общим «чувством крови», а значит, и круговой ответственностью... ну, кого с кем? Допустим, сочинителя расстрельных директив Льва Троцкого с тишайшим портным из Берди-

чева или часовщиком из Гомеля. Не вернее был бы другой классификационный принцип: склонность такой-то группы лиц издавать расстрельные директивы? Тогда встретились бы побратски в тесном кругу русский Ленин, поляк Дзержинский, грузин Сталин, еврей Троцкий, латыш Петерс, украинец Крыленко и т. д.

Уж не что далеки друг от друга по этническим признакам российский диктатор Сталин и гантянский Дювалье, Гитлер и Мао Цзэ-дун, Салазар и Пол Пот, Пиночет и Саддам Хусейн. А приглядеться — единокровные братья. И насаждаемые ими придворные нравы будто с одной матрицы сняты, и все атрибуты вождистского культа, тупорылый монументализм казенной эстетики — тоже. «Национальное» в этих случаях самоуменьшается, отходя на задний план, зато резко проступают межнациональные и межрасовые черты сытого самодовольства на верхних этажах власти и казарменной уравниловки внизу. Межэтнические механизмы здесь действуют намного мощнее «душевных конгломератов», вроде бы спянных «чувством крови».

Отчего же именно к большевизму, который в нашем веке уверенно возглавил интернационал деспотий, так охотно подступают с национальной меркой? Так ведь принцип различия людей по составу «крови» удобен: побуждает резко отпрянуть от очага социальной заразы — это, мол, «у них» кровь загнила, надо, значит, себя беречь, а тех распознавать издали — не по речам (заморочат!), а по глазам, носам, шевелюрам...

Только вот сама кровь людская узнает об умозрениях националистов лишь в моменты кровопусканий, когда ее «отворяют», а так циркулирует себе «интернационально» по жилам представителей разных племен и рас, ударяя, правда, в многочисленные головы реформаторов, но опять же вне каких-либо этнических разграничений. Да еще есть у нее, у крови, тяга к утрате этнической чистоты. Впрочем, это особый разговор...

А сейчас — риторический вопрос о «национальном» подходе все к тому же феномену большевизма и о терминах-гибридах типа «иудо-большевизм»: когда и кем установлено, что национальная принадлежность человека фатально определяет его внутренний уклад, а потому важнее его принадлежности к роду человеческому? Никогда и никем. Можно еще проще: кому и когда удавалось разглядеть человеческое лицо Когана или Когана сквозь щель пресловутой «пятой графы»? Никому и никогда.

«Щелевой» метод обозрения личности (тех же Троцкого или Свердлова) неотривен от вольных упражнений с такими ускользающе-ртутными категориями, как «русскость», «еврейство», «германство». Опыт подсказывает: национальные «станции» окружены неким рассеянным излучением, которое лучше всего улавливает искусство (характеры Жюльена Сореля, м-ра Пиквика, Ростовых, Будденброков), способное на лету схватить и выразить почти невыразимое, о том как бы и не заботясь. Но искусство его над- и межнациональные, этнические прозрения даруются за особые успехи при постижении мира личности. А вот каким путем автор трактата, оглядывающий этносы поверх голов безвестных Иванов или Гансов, получил в руки набор национальных «субстратов», совершенно не ясно.

Не приобщенные на сей раз к таинству духовного открытия, мы приобщены автором трактата к особому типу интеллектуального зодчества, когда уверенно надстраивается нечто гадательное и шаткое. Брикетуруется, можно сказать, легкий пар, смутное веяние истины. А здание, сложенное из таких брикетов, все растет.

На возможный читательский вопрос насчет исключительного места России в иерархии исторических ценностей (отчего, дескать, именно так, а не иначе?) С. Булгаков отвечает однозначно: «Таково непреложное свидетельство духовного ясновидения». Да, против подобного резона наши мирские возражения бессильны. Можно, правда, признать себе не подмогу дерзновенного мыслителя Ницше, который как-то заметил, что религиозная философия «заставляет относиться

КРИТИКА РАБОТЫ С. Н. БУЛГАКОВА "РАСИЗМ И ХРИСТИАНСТВО"

подозрительно ко всему, что она излагает в качестве науки».

Впрочем, у С. Булгакова и среди религиозных философов начала века находились оппоненты, не согласные с излюбленной его мыслью о мессианской роли России. Так, по мнению князя Е. Н. Трубецкого, «о сабого завета с Россией Бог не заключал. Новый завет — не национальный, а вселенский, а потому никакого сабого народа-богосца быти не может. Богосца ми должны быти все народы; игнорировати это — значит подменять христианское русским». Так что неординарны бывали свидетельства «духовного ясновидения».

Но воспринять построения С. Булгакова «в качестве науки» затруднительно не только из-за их религиозной основы. Скорей в силу горячей их исповедальности. Обозревая людские скопления с метафизических высот и не затрагивая мира отдельной личности, сам С. Булгаков тем не менее глубоко личностен — и в славянофильских своих пассажах, и в инвективах против большевизма.

Одно с другим связано. Патристическому чувству автора, глубоко уязвленного казарменно-лагерным прозябанием родного народа, трудно обойтись без утешений. Без света в конце туннеля.

Предшественникам С. Булгакова, славянофилам, тоже резал глаза контраст «Благополучный Запад — нищая избяная Русь», и они врачевали себя мистическими озарениями о мессианской роли России. В конце концов, если уж очень просит сердце, то досадное отставание своей страны можно трактовать как попятные шаги для стремительного разбега и прыжка за рекордную отметку. В этом смысле прогнозы славянофилов и вторящего им С. Булгакова глубоко исповедальны и лиричны.

Оно и понятно: не утешив себя верой в сверкающее завтра Родины и ее провиденциальную миссию, как вытерпеть вид изб с просевшими крышами, непроезжих дорог, где сперва увязали телеги, после — трактора; будочников, изучающих, что там такое они поймали у себя за воротом; или — позднее — полуцивильных молодцов с рысьими глазами, обтаптывающих фонарные столбы вдоль режимных улиц?.. Как все это вынести, не ударяясь в лучезарные прогнозы?

А теперь приведем несколько отзывов С. Булгакова о большевистской власти. Какая уж тут планетарность и межэпохальность взгляда на сиюминутное! Вот послушайте: «Порода комиссаров в своем зверином облике...», «Союз безбожников, возглавляемый Губельманом-«Ярославским». То было самое смрадное и нахальное явление всего большевизма», «Духовное лицо еврейства в русском большевизме... есть отвратительная маска предрассветного затемнения...».

За этими крепкими оборотами — память, раненная нахрапом и «звериным обликом» расстрельщиков из ЧК, следователей в кованых сапогах и т. п. Причем отвращение жертвы к насильнику спешит обычно сосредоточиться на особой его примете: «Вот тот с бородавкой» или «щербатый», «кургузый», «косоротый»... А если многие из числа богохульников и душегубов помечены этнической метой, распознаются по характерной чернявости-кудрявости или местечковому выговору? Тут разгадка всей скверны сама прыгает на язык.

Надо, наверно, ангелом быть, не давая закипеть крови, не пропуская в ум отсекающего — от себя и себе подобных — местоимения «они» («Это они сговорились мстить!..»). Ну пусть не ангелом — гуманистом толстовско-короленковской закалки, для кого ни «масть», ни «порода» человеку не в укор.

Но просто ли подавить подозрительность к «породе», расплаемую тем же предводителем безбожников «Ярославским»? Ведь даже у людей безупречной духовной чистоплотности, таких как академик Вернадский (письма первых послеоктябрьских лет) или Бунин («Окаянные дни»), встретим ее следы. А С. Булгаков свою уязвленность нахрапом «Ярославских», целого сонма чернявых комиссаров преобразовал в стройное учение о «борьбе еврейства со всем миром». Преобразовал

к великому соблазну малых сих, у кого слаб иммунитет против вируса шовинизма.

Но при межэпохальной широте своих умозрений, вроде бы строго взвешенных, свободных от налета предвзятости, не смог скрыть, до чего же ему омерзительны комиссары губельмановского толка и сколь многим сама теория о происхождении «еврейства» обязана их агрессивности. То есть отвлеченными построениям здесь передалась горячка тех эмоций, какие обуревают жертву насилия при воспоминании о нахальной бородавке на лице насильника.

3. Спор сравнений

Мы уже успели заметить, что категории с текучим и зыбким внутренним наполнением — «русскость», «еврейство» — С. Булгаков числит абсолютно внятыми. Между тем с той же «русскостью» дело обстоит совсем не просто.

Не в пример относительно компактным и оседлым этническим образованиям на землях Западной Европы население России выпал в XX веке кочевой удел. Миллионы сдернутых с места крестьян, репрессированные народы и народности, толпы узников ГУЛАГа были вовлечены в неупорядоченное, броуновское движение, мигрировали из края в край необъятной страны, неизбежно перемешиваясь, образуя этнически причудливые сочетания. Так что нынешние воззвания о незамутненной «русскости» штурмуют слух многочисленных мигрантов с чадами и внуками, далеких от умозрительно «чистого» гено типа, позабывших азы православия, обычаи предков и мало отзывчивых на почвенную проповедь, потому что нет им резона отречься от бабки-татарки или чуваша деда.

Что же до советского «еврейства», то рискну на этот счет поделить одним личным впечатлением. На протяжении двадцати лет (начало 50-х — начало 70-х) мне выпало учительствовать в нескольких московских школах. И поскольку любой педагог со стажем, въев наблюдаящую смену поколений, — стихийный социолог, то и в моем багаже кое-что сохранилось. Памятны, к примеру, колебания в национальном составе воспитанников. Вырисовывалась понемногу некая равнодействующая, которую бегущие годы отклоняли от этнической определенности и четкого «да» при ответе на «пятый пункт».

В начале 50-х педагогу-антисемиту приходилось держать на прицеле троих-четверых (из 35—40 учащихся класса) Коганов или Гуревичей, а насчет черняво-кудряватого Иванова наводить справки, не мамашин ли тот прикрылся фамилией. К 70-м же соотношение «полукровки» — «чистокровки» переменилось (если не перевернулось), и упомянутому антисемиту прибавилось хлопот с черноватыми Ивановыми, чьи папы-мамы все норовили засекретить уязвимую часть «генов» своего отпрыска.

Такова приметная черточка былого. А в 1990-м мою домощенную социологию тех учительских лет оживило prominently в печати сообщение, что на полтора миллиона советских евреев, пока не откочевавших за бугор, сейчас приходится 25 миллионов полу- или четвертьевреев, включая сюда породненных с евреями граждан. Даже если такие цифры грубо прикидочны, все равно видно, как «меченые» гены буквально мечутся в поисках укрытия от взора кадровика или публициста-почвенника, зарываясь в славянский генофонд. Пусть и с угрозой для дальнейших судеб «еврейства».

О его бытовании среди других народов С. Булгаков судит дюзю. С одной стороны, он признает, что малый народ добром платит «коренным» народам за приют и какую ни есть терпимость, оказываясь среди них «незаменимым и необходимым, как некие дрожжи, на которых вскисает историческое тесто»; с другой, по мысли ученого, тот же малый народ «паразитирует на чужом историческом теле», да еще, как и в седую библейскую старину, обнаруживает склонность к «смешанным бракам и смешению крови», склонность не просто греховную, а по С. Булгакову, «агасферическую», босовскую то есть.

КРИТИКА РАБОТЫ С. Н. БУЛГАКОВА "РАСИЗМ И ХРИСТИАНСТВО" 5

Позвольте — вправе удивиться мы — а как же быть с «дрожжами»? Паразитируют ли они на тесте, которому без заправки не взойти? Нет, приходится выбирать что-нибудь одно — некий паразитарный нарост на чужом теле либо дрожжевая заправка. Поставленные встык, такие характеристики не дополняют, а уничтожают одна другую.

На протяжении трактата С. Булгаков не раз упоминает об особой миссии сынов Израиля, предначертанной им свыше. Что ж, Божьи заветы «избранному народу» — дело, конечно, святое, но и природные свойства материала тоже чего-то стоят. Природа, надо полагать, не «агасферична», а о предписаниях веры и ведать не ведает. Так, не слушая никаких предостережений против «смешанных браков», она более чем благосклонна к встрече далеких «генов».

В пику ревнителям расовой «чистоты» у нас неоднократно назывались имена «нечистокровных» Пушкина, Жуковского, Герцена, Блока... Примечательно, что, когда Шолохову на роль центрального лица эпопеи понадобился природный хлэ-болош, отмеченный резкой печатью незаурядности, он остановил свой выбор на казачьем сыне с примесью турецкой крови.

Что же до «генов» малого народа, которому предписано не «смешиваться» с соседями, то в нарушение предписаний на свет явились А. Фет, поближе к нашим дням — Ю. Тынянов, Ю. Трифонов, Г. Владимов, В. Высоцкий, плеяда ученых, актеров, критиков, замечательных шахматистов с Каспаровым, Смысловым, Корчным, Спасским во главе. Ошиблась ли в подобных случаях мать-Природа? Снова оглядываясь на давнюю пору учительства, берусь свидетельствовать, что дети из «смешанных» семей (русско-еврейские семьи — наиболее характерны для Москвы сочетания), как правило, отличались и равнием, и отменными способностями к наукам.

И еще из наблюдений бывшего педагога... Ватага мельшей чаще всего интернациональна. В их играх, привязанностях, потасовках у «пятого пункта» веса нет. Или даже так: какой-нибудь бутуз, внешне отличный (разрез глаз, цвет кожи) от остальных, среди ватаги — нарасхват, особенно поначалу, пока не примелькался; всем он нужен, интересен, его тормошат, к нему льнут с предложениями «вводиться». Видимо, тут — нормальная тяга к расширению опыта, охота приблизить далекое. И лишь с возрастом, когда сознание вберет из домашних либо уличных толков едкое местонимие «они», появляется взгляд искоса на «инородца», который вроде бы самой природой помечен для отвержения. На нем удобно упражнять подростковый инстинкт гона, подкусывая «чужака» на бегу, заточивая о него молодые клычки. Срабатывает опять же нормальный рефлекс групповых сплоченных размежеваний с прицелом на азартную гонку-охоту, которую должна предварять малая охота внутри своей же «стаи» — на непохожего. Только теперь к природному рефлексу будет примешана доля демагогии: «они» — не «мы», что-то свое у «них» на уме (и значит, лучших кандидатов на роль парней не отыскать).

Нацеленный рассудок объяснит и осветит все, что надо инстинкту (отторжения непохожих). С годами так оно у многих и останется: глаз подмечает (непохожие черты), рассудок маркирует. И не дай бог непоседливой части иноплеменных сунуться на глаза при большой смуте, выделиться активностью и дров к тому же наломать. В ответе будут «они» — всем скопом, с чадами и домочадцами. А теоретический разум, выступив в защиту потерпевшей стороны, подведет под и х вину необходимую базу с экскурсами в седую древность, пояснениями о свойствах «крови» и ссылками на священные тексты. Однако при всем высокоумии таких построений они не в силах скрыть производности своей от чувства — досады, гнева, нетерпения разрядиться на «чужаках», обелив с оных, — которое выдает себя вибрацией, подобной дрожжи палубы над моторным отсеком.

Вот и у многосведущего, а вдобавок литературно искушенного С. Булгакова слишком уж явно вибрирует стык двух сравнений — с дрожжевой заправкой и неким паразитарным наростом. Если бы не травма, не болевой шок от комиссарских бесчинств, не было бы скорее всего ни взаимоотри-

цающих сравнений, ни удивительного по душевной глухоте укора малому народу, «все-таки еще» пребывающему, по С. Булгакову, в «состоянии самодовольства и самоутверждения» (здесь грубейший сбой авторского морального чувства, потому что подобный укор, брошенный военной зимой 41—42-го, когда писался трактат, сразу наталкивает на вопрос: «Уж не десятками ли тысяч женщин, детей, стариков, расстрелянных осенью 1941-го в Бабьем Яру, явлены перед дулами автоматов примеры самодовольства?»).

Возможно, не укоренись в сознании С. Булгакова образ большевизма с еврейским лицом, не стал бы он объяснять практику «смешанных браков» просками дьявола, ибо помыслил бы прежде о громадном числе людей, которых собрался за здорово живешь пометить дьяволовым клеймом, ставя им в упрек «смешанную» кровь и, по сути, каждого из них объявляя выродком.

Вообразим: открывает человек книгу и оттуда узнает, что его отца с матерью бес попутал, назло Богу толкнул чих друг к другу, причем узнает от благочестивого автора, о. Сергия Булгакова, чье призвание — возвещать начала любви и милосердия. Занимательное получится чтение.

А вообще неисповедимы пути воспарившей мысли. И никто из читателей не застрахован, что на одном из прихотливых ее витков он не будет объявлен помаркой природы, незаконно живущим, объявлен уже без ссылок на комиссаров, еврейское «самодовольство» и «агасферическое» влечение к иноплеменникам — мало ли отыщется других интеллектуальных зацепок, дабы по новой рассортировать человечество на разряды: какой выше, какой ниже, а ненужное зачеркнуть...

Нет, неполон вышел у С. Булгакова спор с расизмом, чьи выводы и чью практику он справедливо отверг, оставив, однако, нетронутым корень идеологических построений расизма — шальной, осатанелый взгляд на мир поверх людских голов, мимо глаз при эшеленском нахрапе ума, замахнувшегося перекрестить весь строй Жизни.

4. Национализация совести

Раз установлена вина «еврейства» — нужны меры. О них сказано на исходе трактата, когда накал авторских инвектив достигает предела и буквально дымятся строки про «еврейский погром над русским народом», «надругательство над святыней души народной», «насилие над Россией», «попытку духовного убийства России»... Как сильный разряд на таком грозном фоне и вспыхивает авторский призыв к «национальному еврейскому покаянию».

Дело нештучное. Автору, конечно, видятся в неясном завтра не толпы самобичевателей, оглашающих округу воплями «Простите нас за Свердлова с Ягодой!», а люди, духовно прозревшие, сосредоточенные на перемене внутренних ориентиров, метаноие. Но как бы ни играло значениями слово «покаяние», оно звучит оповещением о грехе, о тяжкой провинности. В нашем случае — коллективных.

Итак, монолиту под названием «еврейство» предстает очиститься от греха. Но где искать упомянутый монолит — в нацистском гетто? И как быть с «еврейством», собирательной категорией, которая нависла трансцендентным облаком над пестротой характеров и судеб? Не просто нависла — чревата градом поправок отдельному лицу, на которое бросила тень: оно автоматически признается ответственным за преступления единоплеменников-экстремистов. То есть виновно уже самим фактом появления на свет от неудачно выбранных отца с матерью.

А если отдельное лицо лишь наполовину принадлежит к «еврейству», вина уполонивается или, напротив, возрастает («смешанные» браки «агасферичны!»)? Нет, здесь куда ни кинь — зыбкость и сплошной сумрак законов (нравственных), положенных С. Булгаковым в основание его выкладок. И особенно ненадежно в этих выкладках рабочее допущение, будто впереди всего набора персональных наших примет гордо

шествует нацпринадлежность, остальные же теснятся следом.

Да, для классификаторских упражнений ума такой порядок — находка: разделяй земля на племена (подобное разделение все же наглядней классового) и властвуй над полученным раскладом! Только труден контроль над рассеянными частями целого. Компактные, при метафизическом к ним подходе, образования расползаются из-под рук. Собирай, коль сможешь.

Но уж вовсе надсадная тягота для ума — скоординировать мыслительные уплотнения — «еврейство», «русскость» — с духовной беспредельностью Иванова или Рабиновича, то есть как-то определить первые, дав им проекцию на второе.

А если конструирующий ум вдобавок подстегнут страстью, нетерпением покруче аттестовать «национальное» зло? Тут не до провекций или самопроверок. И Рабинович с Ивановым удостоятся роли икринок от разнопородных рыб, когда та и другая икринка стиснута себе подобными.

Но ведь оба, еврей и русский, вправе восстать против авторских систематизаций, объявив, что не согласны прищипливать к лацканам национальную бирку и вообще не придают этническому признаку той же важности, как уважаемый теоретик. Что ж, тут вопрос авторского такта по отношению к аудитории. Если же Иванов с Рабиновичем породнены, у них найдется побольше поводов для протеста...

А насчет национальной вины и запланированного покаяния критически настроенный читатель может заметить, что ряду армий (подпирающих деспотические режимы), да еще лагерям и тюрьмам тоже знакомой привычкой круговой ответственности, когда за провинность одного наказывают роту, барак или камеру. Компрометирующее, согласимся, родство у принципа «национальной вины».

Когда мы припоминаем пушкинские строки «И с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю, и горько жалуюсь...», нам слышна чистая нота сердечной горечи и покаяния — без намека на посторонний призыв. Теперь, потрясенный другой пласт памяти, извлечем из вороха словесных клише лозунг, вроде бы рвущийся из глубин гражданской совести каждого: «Мы за все в ответе, что совершается при нас!..» Апелляция к гражданским доблестям здесь пафосно-фальшива — сообразно стилю эпохи: твою совесть насильственно коллективизируют и с тебя, заложника жесточайшей деспотии, хотя спросить, как с вольного гражданина, — за «все». А значит, и за самодурства твоих угнетателей: шире шаг, связанный!

В последние годы он заглох, этот клич, породив, однако, отголоски: «Култ Сталина — общая наша вина», «Мы все в ответе и за Прагу 68-го, и за Афганистан»... Но я, частный человек, не согласен поддекивать усреднителям моей совести, ибо они меня с кем-то спутали — то ли с фанатиком-сталинистом, то ли с брежневским подпевалой. И мой протест против такой обезлички — уже залог разномыслия с ними. Вдобавок что там ни толкуй, чувство вины глубоко сохрovenно, внедрению извне, рассылке по адресам, подобно квитанциям об уплате штрафа, не подлежит.

Слова пушкинского «Воспоминания» успели стать моей внутренней речью про самого себя, тревожа болевые участки памяти, где хранится не просто свод того постыдного, что тобой совершено, — но где свернут длинный «свиток» самоослаблений, моральных уловок, компромиссов, которыми ты мостил путь к проступку. Нет такого «свитка» — неоткуда взяться ни сознанию вины, ни покаянию. Когда же тебя совестят в числе миллионов — это слишком похоже на щедринское «сечение без рассмотрения причин» и твое естественное движение — сбежать от экзекуции.

Призывы к гражданскому покаянию (за непотребства сталинщины, брежневщины...), по сути, глубоко тоталитарны, обращены к подавленной, бесправной, ведомой и секомой личности. Призывы к покаянию национальному — точно так же. В первом случае ты типизирован как частичка социума, во втором — как частичка этноса. А в тебе, типизированном без спросу (словно попавшем в облаву), едва ты успел

переварить этот сюрприз, вспыхивает строптивость: не стану, мол, напяливать униформу!

И почему, собственно, эту? Вон за учетчиками национальных провинностей — целая очередь других усреднителей твоей совести: ты рыж — ответь за рыжих, стар — ответь за седовласых, уроженец Тмутаракани — за проделки земляков... Уже и заглянуть в себя некогда — кланяться на все стороны да кайся по чьим-то заявкам.

Скажут: а ты, мол, без понуканий винись — по такой вот формуле: «За все расплачусь, за всех расплачусь». Нет, и тут не выходит вашей правды, потому что, если без ханжества, расплатиться, тем паче расплакаться я готов лишь по собственному почину. А приневоливать к добровольности — только ханжей плодить.

Даже при групповом преступлении и на каждого персональна усреднению не подлежит прежде всего потому, что внешняя ее картина (для «протокола») неполна и неверна без внутренней, лучше всех известной преступившему. Не добрался суд до внутренней картины — он лишь штамповщик приговора. Не судите по «номиналу» проступка — да не судимы будете. Если же вам пришла фантазия обличить класс, поколение, нацию и т. д., — вы «разгружаетесь» (психологически) за счет сограждан, дезориентируя совесть обличаемых, которые по предъявленной им «статье» перед собой чисты, ибо через внутренний запрет не преступали.

С. Булгакову случалось очень убедительно критиковать теоретиков-схематорцев (Маркса, например) за широковещание о судьбах миллионов при моральном верхоглядстве и равнодушии к миру личности, помечаемой серийным клеймом. Но в его собственных широковещаниях о нациях уважения к личности ничуть не больше.

В нарисованной им картине противоборства «русскости» с «еврейством» метафизические краски линияют, открывая взгляду «грунтовку» — чувство досады, раздражения, причем с путаницей адресов — против «них» (большевиков, евреев?), вызванных на суд нерасчетливой массой. Вызванных к отраде всех классификаторов роде людского по признаку «крови».

На протяжении всей цивилизации для человеческого ума, кажется, не находилось более увлекательного и возбуждающего занятия, чем разделение людей на разряды с последующей раздачей пряников и затрещин. И как бы ни был высокоморален, чужд грубой предвзятости теоретик-классификатор, он непременно «подсуживает» облюбованному разряду. Не ревность к Истине, не «духовное ясновидение» подсказывают ему способ растасовки «разрядов», — а эмоциональная его природа. Тут хорошо угадывается почерк чувства; под видом независимого разума философствует инстинкт, сердечное возбуждение или закипевшая желчь.

Теоретическому сознанию, занятому выяснением национальных «провинностей», видно, на роду написано раз за разом подтверждать такую закономерность.

АГРЕССИЯ ВЕДЕТСЯ ПРОТИВ САМОЙ ЦЕРКВИ, ПРОТИВ ПРАВОСЛАВИЯ.
В НАСТУПЛЕНИЕ ПОШЛИ НЕ ТОЛЬКО МЕСТНЫЕ СИЛЫ (ПРЕССА, РАДИО,
ТЕЛЕВИДЕНИЕ), НО НАПАДАЮТ ИЗ-ЗА ОКЕАНА (ЮРИСДИКЦИОННЫЕ ИГРЫ). 1
"ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ", №11, 1992, стр.14-15

КОМУ МЕЩАЕТ ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА

Смрад смуты, опустившись на Русскую землю в 1917 году, не обошел стороной и Православную Церковь. «Смирренный Тихон, Божией Милостью Патриарх Московский и Всея Руси», в одном из своих посланий к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской писал тогда: «Тяжкое время переживает ныне святая Православная Церковь Христова на Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово... Власть, обещавшая водворить порядок на Руси, право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и, в частности, над Святою Церковью Православной...» Так начиналось уничтожение Православия, а по сути — нивелирование русской нации, три четверти века назад... И ныне, в чаду очередной раз пришедшей на нашу землю смуты, начинается какая-то неистовая бесовская кампания против Русской Православной Церкви. В те давние годы «безбожными властелинами» зверски избивались и убивались священнослужители, захватывались и подвергались кощунственному ограблению храмы и монастыри, а святые соборы Московского Кремля просто расстреливались из орудий. Сегодня открылись пути более «демократической» агрессии. В то время, когда опаматовавший русский народ хоть и с трудом, но возвращается в лоно Православия, все те же явные и тайные враги истины Христовой начали клеветническую — по своей сути — кампанию как будто бы против иерархов Русской Православной Церкви. Агрессия же, на самом деле, ведется против самой Церкви — против Православия, потому как оно им, «демократам», что кость поперек горла. В наступление пошли не только местные силы (пресса, радио, телевидение), но нападают и из-за океана (юрисдикционные игры). Под шумок этой кампании вносят свою лепту на борьбу с Православием и заезжие «гастролеры» — зарубежные пасторы и разного рода проповедники, которым для их религиозных шоу отводятся не только самые вместительные концертные и спортивные залы, но и святые пределы Московского Кремля. И, конечно, сейчас более чем не время вести юрисдикционную борьбу — это все от лукавого. Есть только одна Церковь — «единая Святая, Соборная и Апостольская Церковь». Есть святость Православия. Патриарх Алексий II, как и Святитель Тихон, как и все Патриархи наши, возведен на престол Главы Русского Православия Милостью Божией. И под духовным главенством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Церковь Православная, призванная служить делу соборности русских людей, должна объединять народ ради спасения родной страны. Об этом говорит в своем послании Первоиерарху Зарубежной Русской Православной Церкви митрополиту Виталию священник Александр Киселев, об этом — слово сельского священника о. Родиона.

Ю. ЮШКИН

ПОСЛЕДНЕЕ время страни-
цы ряда газет и журналов
пестрят «сенсационными»
разоблачениями будто бы
доказанной связи ряда веду-
щих православных иерархов
с КГБ. При этом сообщаются

их подпольные клички и приводятся ссыл-
ки на якобы существующие достоверные
документы.

Все рассчитано на то, что неискушен-
ные люди, ознакомившись с подобным
материалом, отшатнутся от Православ-
ной Церкви, посчитав, что и в ней правды
нет, а ее иерархи и священники — пре-
датели. Действительно, некоторые пра-
вославные христиане уходят в раскол За-
рубежной Церкви, у других же
подрывается доверие и авторитет цер-
ковного клира.

Таким образом церковный организм
расшатывается и значительно ослабевает,
на радость врагов Православия. Это-
му же в немалой степени способствуют
и публичные выступления таких лжебор-
цов за церковную правду, как Глеб Яку-
нин и К°. Так, прикрываясь высокими
словыми и свитыми идеалами, лжеиерар-
хи старательно выполняют задание «вы-
соких» хозяев по дискредитации Право-
славной Церкви. Таким образом,
делается все, чтобы не допустить возвра-
щения русского народа к его православ-
ным истокам, не дать стать ему христи-
анским по своей сущности.

Кому это выгодно и кто преследует
такие сатанинские цели? Попытаемся от-
ветить на эти вопросы, но прежде рас-
смотрим «достоверность» приводимых
массовой информацией фактов.

Начиная с октября 1917 года Церковь
для Советской власти являлась врагом
№ 1. Известно, что Ленин и его сообщ-
ники люто ненавидели христианство и же-
стоко преследовали его. Епископов и
священников расстреливали, ссылали в
концлагеря. Уничтожали монастыри,
разрушали церкви, кровавым террором
старались выжечь веру из души русского
человека. Достаточно процитировать
только один тезис из секретного письма
Ленина членам Политбюро, чтобы сразу
стало ясно, какое же было отношение
Советской власти к Церкви.

«...Именно теперь и только теперь, —
гласит этот документ, — когда в голодных
местах едят людей и на дорогах валяются
сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и
поэтому должны) провести изъятие церков-
ных ценностей с самой бешеной и беспощад-
ной энергией, не останавливаясь перед
подавлением какого угодно сопротивления...
Теперь мы должны дать самое решительное
и беспощадное сражение черносотенному
духовенству и подавить его сопротивление с
такой жестокостью, чтобы они не забыли это
в течение нескольких десятилетий».

И награбленные таким образом сред-
ства, как мы дальше узнаем из письма,
предназначались не голодающему наро-
ду, до которого властям предерживалим

не было никакого дела, а более всего —
для тайной политики партии.

«Достоинным» продолжателем терро-
ра против РПЦ был Сталин. При нем в
30-х годах из трехсот с лишним тысяч
священства и монашествующих в доре-
волюционной России осталось меньше
десять тысяч служивших архиереев и несколь-
ко сот священников по всей стране. Толь-
ко в тяжелую годину Великой Отечес-
венной войны Сталин вынужден был
некоторым образом смягчить свою
политику по отношению к Церкви. При
Хрущеве же снова стали закрываться
храмы и ужесточился контроль над дея-
тельностью клира. И люди старшего по-
коления помнят, как сей деятель обещал
в 80-м году показать по телевидению
последнего «попа». И это обещание
вполне определяло и всю его политику
по отношению к Церкви.

Мало что изменилось и при последу-
ющих правителях. Так, автор этих строк
в середине 80-х годов дважды, несмотря
на блестяще сданные экзамены и хода-
тайство самого митрополита, был вычер-
кнут из списков поступивших в Духовную
семинарию и ленинградским уполномо-

ченным Советом по делам религий Жаре-
новым. Последний заверил меня, что
никогда, из-за моей твердой религиоз-
ной идеологии, священнослужителем
мне не быть.

Так о каком же сотрудничестве Цер-
кви с КГБ может идти речь? Как может
сотрудничать жертва с убийцей? Что у
них может быть общего? Провокация на
лицо. Причем схема ее предельно ясна.
КГБ держал Церковь непосредственно и
через институт уполномоченных по де-
лам религии под контролем. Дело до-
ходило до того, что правящий архиерей
не мог без ведома уполномоченного
служить в том или ином храме своей
епархии. При выезде за границу каждый
иерарх проходил собеседование в КГБ,
где с него бралась подписка не говорить
лишнего и не ходить куда не следует.
Каждому епископу внутренними орга-
нами навешивалась кличка, на каждого
священника велось отдельное досье.

А теперь этот материал подкидывает-
ся для «сенсационных» разоблачений:
«Вот, мол, у них даже и клички есть. Они
сотрудничали».

А в чем оно, это сотрудничество, выражалось? В скорби, унижении... Пусть предъявят и напечатают хотя бы один достоверный документ, кто кого предал, на кого донес тот или иной иерарх. Таких документов нет и быть не может, есть только унижительные клички, данные врагом Православия, а затем сенсационно публикуемые!

Кроме открытого террора против Православной Церкви советским правительством велась политика разложения Православия изнутри. Так, при содействии ГПУ была создана так называемая живая и обновленческая церковь, целиком подчиненная коммунистам и слепо выполнявшая их приказы. Но народ почувствовал, что там нет благодати, и не стал туда ходить, отчего она и самоликвидировалась.

Во все годы Советской власти планомерно велось разрушение веры в душе русского человека. Родителям было запрещено посылать детей в храмы и обучать Закону Божию. Практически с яслей шло развращение детских душ в атеистическом духе. Молодое поколение воспитывалось не только в безразличии, но и в ненависти к Богу, к религиозной морали, ко всему духовному и возвышенному. И ныне этому же в немалой степени служат телевидение, кино и пресса, пропагандирующие секс, агрессию, насилие, воспевающие наживу как высшее благо земной юдоли.

Вот как оценивал происходящее в России митрополит Антоний Храповицкий, ведущий иерарх Зарубежной Русской Православной Церкви, в своем послании от 28 августа 1932 года:

«...Работают все темные силы, разрушающие национальные государства. Массонская рука принимала участие в

разрушении России. Все принципы, все методы, которые большевики применяют для разрушения России, очень близки к масонским. 15-летнее наблюдение вочичию показало всему миру, как ученики точно подражают своим учителям и как порабитители русского народа верны программе масонских лож по борьбе с Богом, с Церковью, с христианской нравственностью, с семьей, с христианским государством, с христианской культурой и со всем тем, что создало и возвеличило нашу Родину».

Ныне враги Православия напуганы возможностью возрождения русского народа во всей его духовной красоте и силе, делают все, чтобы не допустить народ к источнику возможного возрождения — православию.

Еще Федор Михайлович Достоевский гениально заметил, что русский и православный — слова-синонимы, и что русский без Православия — дрянь, а не человек. И действительно, Россия как государство возникла с момента принятия Св. Князем Владимиром христианской веры и объединения на ее основе раздельных княжеств в единое целое. Сама славянская азбука была составлена Свв. Кириллом и Мефодием для перевода богослужебных текстов, то есть письменный славянский язык возник как язык богослужебный. Весь быт русского народа был проникнут православной верой, и великой державой Россия стала именно благодаря Православию.

Поэтому и уничтожение ее, и превращение в американскую и европейскую сырьевую колонию началось с методического разрушения православной веры и уничтожения ее носителей.

Поэтому-то и лютует так враг русского народа, видя усиление Православия и обращение к нему людских сердец. И делает все, чтобы этого не произошло. Очень ему мешает православная вера.

Священник о. РОДИОН

4

Ваше Высокопреосвященство,
глубокопочтмый Владыка
Митрополит Виталий!

Н

АДЕЯЛСЯ я, что «инцидент» по-
ложенного Вами на меня запре-
щения совершать богослуже-
ния окончательно был изжит Ва-
шим теплым письмом, в
котором Вы писали: «...благо-
дарю Господа, вернувшего Вам

силу духовную и мужество». О Вас я думал:
мало ли что бывает, можно под горячую руку
не только сказать, но и написать нечто без
всякого к тому основания. Бог простит.

По возвращении Вашем из Австралии, Вы
сняли с меня положенное Вами запрещение
в священнослужении. Спасибо. Но остается
вопрос, кто гарантирует мне, что я вновь,
столь же случайно, не попаду под подобную
же напасть, могущую помешать мне уме-
реть тем, кем я был всю мою долгую жизнь,
— православным русским священником?

Однако дальнейшее, к сожалению, пока-
зало, что я оказался просто наивным челове-
ком.

В понедельник 9 декабря с. г. во время
всенощной престольного праздника Сино-
дального Собора Вы через протоиерея со-
общили мне, чтобы я не облачался и не
участвовал в богослужении. Пораженный
этим, я тут же в алтаре подошел к Вам и
спросил, чем вызвано такое Ваше распоря-
жение.

— Мне сообщили, что Вы причащались с
Патриархом, — сказали Вы.

Я заверил Вас, что это неправда, что я
строго соблюдал Ваше распоряжение и ни в
России, ни во время пребывания Святейшего
Патриарха в Америке совместно с его Свя-
тейшеством не причащался.

— Да, — сказали Вы мне, — но Вы всю
службу стояли в алтаре.

Я ответил, что мне, священнику, и положе-
но стоять именно там, т. е. в алтаре.

— Однако через это Вы многих ввели в
сблзны, ... но я допущу Вас участвовать в
этом торжественном богослужении, если Вы
дадите мне обещание, что больше не будете
принимать благословения от Патриарха. Но
только при этом условии.

— Нет, Владыка, такого обещания я дать
не могу.

— Хорошенько подумайте, отец Алек-
сандр, — посоветовали Вы мне ...

5

Такого обещания я дать не мог. Оно противоречило бы всему православно-русскому пониманию уклада церковной жизни, на котором я с детства воспитывался и носителей которого я застал еще в бытность мою в Рижской Духовной семинарии и в ранние годы моего священства.

Назову лишь нескольких из них:
... архиепископ Иоанн (Поммер), прославленный Синодом как священномученик (был сожжен живым), бывший моим ректором в семинарии;

... и преосвященный Евсевий, старый псковский епископ, живший после революции в Ревеле (Таллинне), многим восполнивший багаж моих семинарских знаний;

... и дух одного из светильников русского Православия — знаменитого Валаамского монастыря, где я прожил два последних летних периода перед второй мировой войной, при игумене Харитоне и помощника его по работе над книгой о молитве Иисусовой, известным протоиереем о. Сергием Четвериковым и проф. М. А. Янсоном;

... и преспомянутый отец Адриан Риморенко (в последствии архиепископ Андрей Рокландский), его незабываемое духовное руководство, передающее дух оптинского старчества, что и доныне ощущается в Новодивееве;

... и протоиерей о. Кирилл Зайц, мой профессор в семинарии, возглавивший во время второй мировой войны православную духовную миссию в северных областях России, находившихся под немецкой оккупацией, и там расстрелянный ...

Весь этот сонм выдающихся епископов и священников, носителей лучших дореволюционных традиций, мышления и самосознания русского Православия, отвернулся бы от меня, если бы я дерзнул забыть их заветы и исполнить Ваше требование не принимать благословения от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси... А что же тогда следует делать? Протянуть Святейшему Патриарху руку для рукопожатия?!

Для меня православный епископ есть всегда епископ, и не мне (как и каждому другому) судить, достойный он или не достойный. Иначе дойдет, пожалуй, до того, что и благословиться-то не у кого будет.

Этим, собственно, и все сказано. Я не беру на себя дерзость быть кому-либо судьей, тем паче православным епископам, но это не значит, что я лишюсь права иметь собственное мнение по вопросам церковной жизни, за которую несет ответственность не только каждый епископ, но и каждый священник, и каждый мирянин. По совести не могу признать «юрисдикции» явлением богоугодным. Я «верую во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь», верую в святость Православия, а не в ту или другую юрисдикцию.

Юрисдикционная борьба среди православных русских людей особенно преступна сейчас. Сейчас время подражать нашим предкам, жившим в Смутное время (XVII век — Патриарх Гермоген), когда весь народ, от именитых до простых, со своими священниками и епископами, встал на спасение Отечества. Дело Церкви в такие ответственные дни вдохновлять и объединять народ ради спасения родной страны, верой и правдой служа единству под духовным главенством Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси.

Все это побудило меня к нижеследующему.

Я не «перехожу» в другую юрисдикцию, не «порываю» с Синодом, ибо считаю разделение — все наши русские юрисдикции — горем, которое побуждает к вражде и удаляет всех нас от духа Православия, оставляя часто лишь его символы. Я не «перехожу», не «ухожу», продолжаю ценить в Синоде все, за исключением враждебности к другим, уверенности, что только Синод один на всем белом свете истинно православен. Такое страшное мышление я воспринимаю как прямой путь к сектанству. Упаси Боже этот путь продолжать! Если мне скажут, что я преувеличиваю, то пусть мне укажут, с кем я, находясь в Синоде, могу совместно причащаться Святых Христовых Таин. С православным греком? С православным москвичом? С кем? Почему я, находясь в России, не могу там причащаться, хотя мы — Русская Православная Церковь за рубежом — называем себя частью русской отечественной Церкви?! На это мне ответят ссылкой на постановления, запрещения, на грехи, сделанные всеми, кроме нас самих... Как будто ворох бумаги может отменить заповедь Гос-

6

пода Иисуса Христа о любви, любви даже к врагам.

Повторю. Я не перехожу и не ухожу, я просто отхожу в сторону, не желая ни с кем воевать. Я просто временно возвращаюсь в Православную Церковь Америки*, оказавшись вынужденным сделать этот шаг ради защиты моего священства, несмотря на то, что лично к Вам, Владыка, да и ко многим нашим архиереям я испытываю глубокое уважение как к строгим монахам и подвижникам в миру.

Я и не обратился бы к Американской Церкви и, выйдя на старости лет на покой, служил бы дальше в Синоде, как служил в нем эти 20 лет, но столь неожиданно и столь ярко выявленная Вами уязвимость моего священства (имею в виду бесосновательно наложенное на меня запрещение в священнослужении, ибо я никогда не писал и не мыслил ничего, идущего против вероучения Святого Православия, не совершил ничего, нарушающего нравственность, а лишь призывал всех, а не одних наших архиереев, к церковному миру для спасения нашего бедствующего Отечества) вынудила меня искать защиту, ибо я хочу умереть тем, кем был всю мою жизнь, — священником.

Мое возвращение в Православную Церковь Америки не является только моим личным делом, основанным якобы на моей обиде на Ваше Высокопреосвященство. Я сам удивляюсь и радуюсь, что не чувствую во всем этом даже малой тени обиды, а, напротив, многую благодарность Богу за полученный опыт и за помощь Его правильно воспринять случившееся.

Это мое «дело» — только маленький показатель того, что ощущается и переживается очень многими. Вь дважды наказали меня на основании лишь того, что, как Вы сами говорите: «мне сказали», якобы для того, «чтобы другим повядно не было»... не напоминает ли все это некое своеволие? Это ли та чистота, которой мы гордимся и которую хотим принести в Россию? Такой «чистоты» там и без нас достаточно. То, что подлинно церковные мышление и поступки у нас теперь часто подменяются только их видимостью, очень хорошо замечается способными думать

людьми и не служит престижу Синода. Случай со мной прошел бы незамеченным, но стрельба из пушки по воробьям пробудила многих, заставив думать и делать выводы.

В одном Вашем письме ко мне Вы, Владыка, пишете: «Вы были с нами, но не всегда нашим». Это правда. За примером не далеко ходить. То, что делаете Вы сейчас в России, это, в моем понимании, весьма прискорбное и несмыслимое пятно истории Русской Церкви. Если бы Вы допустили существование в нашей церковной жизни разных мнений — «искуснейши да обратятся», как писал апостол Павел, — то не было бы у нас застоя мысли и оупляющей нетерпимости.

В моем же случае я понимаю Ваши действия как «выживания» меня из Синода. Что же делать, «насилно мил не будешь». Я ухожу. Однако я думаю, Владыка, что это «Пиррова победа». Она умножает число тех, которые пересматривают свое отношение к Синоду. С моим уходом из Синода, от нынешней его политики, ухожу я не один.

Все это побуждает меня отойти в сторону — на покой и временно вернуться в Православную Церковь Америки, где я служил до 1970 года. Я подал соответствующее прошение Митрополиту Феодосию и получил его ответ о принятии меня обратно в поместную Церковь Америки. О чем я должен поставить Ваше Высокопреосвященство в известность.

В заключение хочу сказать, что я всегда хотел и старался быть верным восприятию священства как «возможности говорить полным голосом» (слова о. Александра Ельчанинова). Правоту этих слов я хочу сохранить до конца моей жизни и пожелать Синоду с Божией помощью пересмотреть свою политику в России, стать на путь укрепления родного русского народа, а не на его разделение даже в Церкви.

Прошу простить меня за все, в чем виноват перед Вами. Я уверен, что мы с Вами, Владыка, оба любим Россию, но, к сожалению, по-разному видим пути служения ей.

Остаюсь просящий святых молитв Вашего Высокопреосвященства

**Протопресвитер
Александр КИСЕЛЕВ**

* До предоставления автокефалии (самостоятельности) была дочерней церковью РПЦ.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И НОВЫЙ ПАТРИАРХ

К светлomu Воскресению Христову (13 апреля [26 нов. стилия]) выйдет в свет четвертый выпуск этого года приложения к «Литературной России» — «Русского рубежа», основу которого, как обычно, составят произведения писателей Русского Зарубежья. В номере будут напечатаны: рассказ А. Куприна «Суд», этюды И. Шмелева «Пасха» и А. Амфитеатрова «Старушки от Успенья на Могильцах», эссе архиепископа Иоанна (Шаховского) «Пушкин у порога инобытия» и Н. Мишеева «Великолепье старины», прозаические миниатюры И. Лукаша, статья архимандрита Константина (Зайцева) «Чудо Русской истории», стихотворения И. Северянина, В. Авдеева, Л. Столицы и С. Есенина. Впервые в наши дни читатели познакомятся со статьей замечательного русского писателя и публициста Ивана Аксакова «Мыслима ли русская нация вне «Православия». В номере будут также напечатаны старинные рецепты изготовления кулича и пасхи. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей «Литературной России» в некотором сокращении статью нашего соотечественника из Канады Д. Поспеловского «Русская Православная Церковь сегодня и новый Патриарх», которая полностью печатается в апрельском номере «Русского рубежа», часть тиража которого будет продаваться в православных храмах.

Д. ПОСПЕЛОВСКИЙ

(Канада)

10

ИЮНЯ 1990 г. был избран 15-й Патриарх Московский и всея Руси, 61-летний Алексей II, митрополит Ленинградский, Таллинский и Новгородский.

Это, несомненно, самое важное событие в судьбах Русской Православной Церкви не только этого года, но и последнего десятилетия, когда покойный Патриарх Пимен фактически был уже не у дел... Избранием нового Патриарха Церковь снова приобрела управление, и поэтому так важно выяснить, кто же этот новый земной ее верховный правитель, что можно ожидать от него.

...Деятельное, активное духовенство в России — а это значит, относящееся весьма критически к высшему епископату и во всяком случае прошлой политике Патриархии — подчеркивает, что, характеризуя нового Патриарха, надо учитывать, что это доперестроечный архиерей, ставший епископом в годы хрущевских гонений, когда снова, как в тридцатые годы, стоял вопрос о сохранении хотя бы костяка Церкви любой ценой, чтобы донести его до лучших времен. А затем его деятельность развивалась в эпоху застоя, когда... храмы по-прежнему, хотя и не в тех масштабах, что при Хрущеве, продолжали закрываться и при Брежнев, и при Черненко. Что же в этих условиях мог сделать митрополит Алексей Таллинский и Эстонский, управляющий делами Патриархии? Почти ничего. Хотя он не только спас Пюхтицкий женский монастырь в Эстонии от закрытия, но обеспечил в нем такие условия, способствовал подбору таких кадров, что монастырь стал в духовно-нравственном и экономическом отношении образцовым во всем Советском Союзе, и самым многолюдным (на сегодня около 170 монахинь и послушниц), и молодым по среднему возрасту насельниц, и интеллигентным с очень высоким процентом насельниц с высшим образованием. Это уже было немалым достижением для тех лет... Немало он потрудился и для упорядочения и стабилизации Эстонской епархии, где в первые послевоенные десятилетия резко сокращалось число православных эстонцев, так как Православие отождествалось с русскостью, т. е. в глазах эстонцев — с оккупантами. Митрополит Алексей, уроженец Эстонии, владеющий эстонским как родным языком, человек германско-балтийского происхождения, воспринимается эстонцами как свой, пользуется в Эстонии большой популярностью.

Платить за это «доперестроечному» архиерею приходилось активностью во всяких советах и фондах мира, пропагандными выступлениями за границей. Но те же, кто подчеркивает его «доперестроечность», признают, что Алексей II — лучший из всех кандидатов, выдвинутых и Собором епископов, и общим Поместным Собором.

Так в России, в церковных кругах. Но не так в Зарубежье, где отзывы в эмигрантской печати оказались настолько осторожными, скорее даже отрицательными, в писаниях не только эмигрантских авторов (например, о Викторе Потапов в «Русской мысли», 3 авг.), но и диссидентских из России (например, свящ. Георгий Эдельштейн, там же, 8 июня, который еще до избрания Патриарха разносит всех возможных кандидатов, а митрополиту Алексею навешивает ярлык «матерого стукача», опираясь на пресловутые записки зампреда Совета по делам религий Плехановым бесед с тогда еще архиепископом Алексием в 1968 г.)...

О чем же говорят эти, якобы уличающие Патриарха в обыкновенном стукачестве, документы? О том, что и митрополит Никодим, и архиепископ Алексей, и митрополит Пимен (будущий Патриарх) вынуждены были являться периодически в Совет по делам религий на «беседы». Должны были это делать и все остальные члены Синода, а также все деятели Церкви после поездок за рубеж или встреч с иностранцами. Как сказал пишущему эти строки один из самых выдающихся и смелых пастырей РПЦ: «Все мы пишем отчеты. Вопрос в том, что мы включаем в них, а о чем умалчиваем и как преподносим». Митрополит Никодим прямо сказал в свое время мне: «Вот вернусь в Союз и сразу же расскажу о нашем разговоре Куроедову. Ему надо знать, за что и как нас критикуют на Западе, а мы этим путем и для Церкви кое-чего добиваемся, указывая ему, что, если на Церковь будет слишком жать в СССР, кредит доверия к ней упадет на Западе, а это не должно быть в интересах Советской власти». Так вот всем, кто вешает ярлык стукача на Патриарха Алексея II, очень рекомендую внимательно изучить архив Совета по делам Русской Церкви за 1943—1965 гг., открытый теперь для ученых в Центральном госархиве Октябрьской Революции в Москве, что удалось сделать пишущему эти строки. Там вы найдете точно такие же «беседы» или «доносы» митрополита Николая Крутицкого (Ярушевича) и Патриарха Алексея I (Симанского) друг на друга. Но есть и еще одна общая черта в этих записках «бесед»: ни в беседах архиепископа Алексея 1967—1968 гг., ни в «беседах» с Патриархом Алексием или митрополитом Николаем нет политического доноса. Так, разговоры о деловых и пастырских качествах друг друга, желательности, с точки зрения Церкви, чтобы тот или иной архипастырь, священник или преподаватель духовных школ занимал те или иные посты и пр.

...Возникает, однако, вопрос: почему на Запад попали лишь записки бесед с архиепископом Алексием и митрополитом Пименом, а в «Гласности» за декабрь 1987 г. оказались только плехановские записки бесед с архиепископом Алексием? В России существует вполне правдоподобное мнение, что документы эти были подброшены диссидентам в 1987 г. тем, кто не хотел избрания митрополита Алексея в Патриархи, чтобы скомпрометировать его, представить дело так, что он служил чуть ли не профессиональ-

ным доносчиком. А ведь такого рода компромат можно было пустить в самиздат и на любого другого члена Синода. Известно, что наряду с этим распускались слухи об Алексии, что он еврейского происхождения, с одной стороны, а с другой — что только великоросс может быть Патриархом, а Алексий — немец да еще с родственниками за рубежом...

Да, Патриарх Алексий — личность «допестроевская». Путь его архиерейства до недавнего прошлого отличался осторожностью, двойственностью, как и всех его собратий той эпохи. Но далеко не у всех у них есть те заслуги перед спасением и сохранением русского монашества и перед малым православным стадом, ему вверенным, о которых мы говорили выше. Потенциал его, однако, развернулся на Ленинградской кафедре, которую он занял после смерти митрополита Антония в 1986 г., почти развалившего ее. За три года управления Ленинградской и Новгородской епархиями первая выросла на 41 церковь (с примерно 60-ти), а вторая на 30 (с 26-ти); возвращены Церкви Валаамский мужской монастырь, Иоанновский женский в Петербурге, создана женская обитель в одном из монастырей Новгорода, удвоена площадь, занимаемая Ленинградскими духовными академией и семинарией... Дальнейшие планы митрополита Алексия включали создание большого церковного издательства в Ленинграде, с собственной типографией, для духовного обслуживания малых народов севера и востока на родных языках, создание при Иоанновском женском монастыре школы православных сестер милосердия. Речь шла о возвращении Церкви еще нескольких монастырей, в т. ч. Тихвинского, Коновязьского, Петро-Павловского в Петергофе и Александро-Невской лавры в Петербурге.

Патриарх Алексий — сторонник расширения самостоятельности епархий, создания автономных митрополических округов, в соответствии с решениями Собора 1917—1918 гг., активизации и автономизации приходов. Иными словами, соборного начала во всей структуре и жизни Церкви, что и отразилось в его первом интронизационном соборном послании, которое делает упор на активизацию мирян, дело милосердия и просвещения, издательскую деятельность, необходимость независимости Церкви от государства и закрепление за ней статуса полноправного юридического лица, удовлетворение национально-духовных чаяний каждого народа, входящего в состав Православной Церкви на территории СССР. Мало кто знает, что еще пять лет назад митрополит Алексий предлагал в Синоде предоставить Украинской Православной Церкви автономию или даже автокефалию, против чего решительно возражал митрополит Филарет Киевский (Денисенко), пользовавшийся полной поддержкой Щербичского и его мафии.

Теперь совершенно ясно, что если бы эти предложения были приняты 5 лет назад, то сегодня не было бы автокефалического раскола на Украине да и возрождение Унии не носило бы такого массового и бурного (нередко с насилиями) характера на Западной Украине, где Православие (во всяком случае до возникновения автокефального раскола архиепископа Иоанна Бондарчука) отождест-

влялось с «москалями», а последние — с коммунистической диктатурой.

Будучи митрополитом Ленинградским, Алексий сумел воспользоваться и своим председательством в Фонде мира, и депутатством на Съезде народных депутатов СССР. Указав Фонду мира на многолетние богатые взносы Церкви, он потребовал и получил сумму в несколько миллионов на восстановление монастырей и храмов Северо-Запада. Опираясь на свое депутатство, он добился получения податного и строительного транспорта у армии на очень льготных условиях, финансовой ссуды и части строительных материалов от Новгородского химкомбината на восстановление женской обители, открытия дополнительных храмов в Новгороде, в чем ему местные власти отказывали, пока он не стал депутатом.

Не правы оказались в своих предсказаниях ни Нежный (в «Московских новостях»), ни священник Эдельштейн (в «Русской мысли»): выборы Патриарха на этот раз были подлинными и вполне демократичными, а не внутренним сговором между Синодом и ГБ; и совсем не все равно, кого выберут, как утверждал Эдельштейн. Как говорят верующие ленинградцы (совсем не раболепствующие перед церковноначалием), митрополит Алексий за три года сделал больше для епархии, чем другой сделает за тридцать лет. И прощание паствы с архиастырем, которое наблюдал пишущий эти строки, было подлинно трогательным и искренним.

Но есть и мистическая сторона в выборе Патриарха Алексия. Один из трех самых почитаемых старцев сегодняшней России, архимандрит Кирилл, духовник монастыря братии Троице-Сергиевой лавры, предсказал еще год назад, что Патриархом будет Алексий. А когда это свершилось, он возликовал и поблагодарил Бога. А это — человек святой жизни, ничем себя не запятнавший, в горячих своих проповедях осуждающий атеизм и антицерковные действия местных властей.

Новый Патриарх взошел на свой высокий пост в тревожный момент междувластия, двоевластия и безвластия в стране, в момент распада империи по всем почти габаритам, в момент завихрения и смущения умов и сердец, когда так легко повернуть людей на любой путь.

И вот в момент, когда РПЦ наконец только-только встает на собственные ноги, начинает говорить собственным церковным голосом, а не по подсказке СДР*; когда открываются тысячи храмов и сотни воскресных школ и катехизаторских центров, десятки монастырей, новые семинарии и епархиальные училища, необходимые для создания новых кадров духовенства для растущей Церкви; когда под бременем этого роста, требующего колоссальных духовных и материальных средств и затрат; когда, как никогда в прошлом, необходимо церковное единство и помощь Зарубежья; когда следует забыть и простить прошлое и всем верующим объединить общие усилия, Русская Зарубежная Церковь («Синодальная» или «Карловацкая», как она широко известна в России по географическому месту ее первичного зарождения

* Совет по делам религий.

в 1921 г.) решает перенести 65-летний зарубежный раскол на территорию России. «Послание архиерейского Собора Русской Православной Церкви За границей» от 16 мая, полное исторических неточностей и прямой неправды, напечатано в «Русской мысли» лишь 3 августа и то с сокращениями. В Россию оно завезено было гораздо раньше, и пишущему эти строки привелось прочитать его полностью. В частности, в тексте, напечатанном в «Русской мысли», стыдливо опускаются строки, в которых говорится, что Зарубежники не только будут создавать свои епархии и приходы в России, но принимать в свои ряды клириков РПЦ только через покаяние. Иными словами, священник в России, взявший на себя крест служения в условиях полного бесправия Церкви и духовенства, подвергавшийся и еще подвергающийся гонениям и притеснениям за свое служение, приводящий еженедельно по несколько десятков людей из неверия в Церковь, должен за все это каяться перед эмигрантским архиереем, пользующимся всеми благами жизни на Западе и являющимся фактически наследником архиерея, покинувшего свою паству в 1920 или 1944 году! В этом их заслуга и превосходство перед духовенством Православной Церкви в России! И ваторы — весь епископат Карловацкой Церкви во главе с митрополитом Виталием — еще смеют утверждать, что этим актом они не сеют раскола, сваливая всю вину на митрополита Сергия, его Послание о лояльности 1927 г., «забывая», что зарубежный раскол состоялся на год раньше, в 1926 г., когда «Карловцы» наложили «прещение» (запрет служить) на митрополитов Евлогия и Платона за то, что оба митрополита отказывались признать над собой власть Карловацкого Синода, справедливо считая источником своих прерогатив Патриарха Тихона (т. е. Московскую Патриархию), назначившего их соответственно на Парижскую и Нью-Йоркскую кафедры. Трижды Патриарх Тихон требовал роспуска Карловацкого церковного управления, которое этим распоряжениям не подчинилось, а теперь в вышеупомянутом Послании выдает себя за верных заветам Патриарха Тихона. Послание (как принято теперь в среде многих диссидентов, не знающих церковной истории) все вины сваливает на Сергиевскую декларацию лояльности, в то время как она была простой совокупностью всех заявлений на эту тему Патриарха Тихона, во всяком случае между 1922 и 1925 гг. (включая и отрицание мучеников за веру, о чем Патриарх Тихон однажды заявил западным журналистам в интервью). Поэтому нельзя называть себя последовательным «Тихоновцем», предавая «анафеме» митрополита Сергия. Единственные новшества в декларации Сергия и его дальнейших действиях были требование к эмигрантскому духовенству дать подписку в лояльности Советской власти и слова о том, что радости Родины (не Советского Союза, как это часто утверждается, ибо митрополит Сергей пользуется женским родом, относящимся к Родине!) являются радостями Русской Православной Церкви и печали ее — печальми Церкви.

Но, помимо исторических и фактических ошибок, послание Заграничного Синода грешит горделивым самовозношением: «...обращаются к нам священники... из России с просьбой... дать им благодать». Иными сло-

вами, благодать является монополией Карловацкой церковной группировки; ее лишены пастыри в России и иноки, поднимающие храмы и монастыри из руин, возвращающие Бога русскому народу!

...В своем послании Зарубежный Синод, как всегда, манипулирует полумифической Катакомбной Церковью; и ему невдомек, что в разгар хрущевских гонений, когда руководство Московской Патриархии опасалось, что наступают последние дни открытой Церкви, митрополиты Никодим (Ротов) и Иоанн (Вендланд), а может быть, и другие архиереи Московской Патриархии рукополагали тайных священников, как при Патриархе Тихоне. Священники открытой Церкви теперь жалуются, что при нынешней катастрофической нехватке священников в связи с открытием четырех тысяч православных храмов за последние два с половиной года знакомые их «катакомбники», рукоположенные упомянутыми архиереями, вместо того чтобы пополнить собою кадры священников, которые в открытых приходах буквально валяются с ног от перегруженности, предпочитают оставаться в «подполье» с маленькими общинками в 10—15 человек, а то и меньше — привычки...

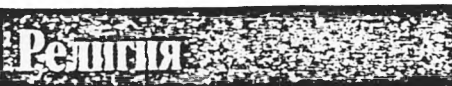
В заключение следует сказать, что воздаяние Послания Зарубежного Синода на консервативную православную общественность, именно на те круги, которые были очень положительно расположены по отношению к этому Синоду, совершенно противоположно тому, на которое надеялись составители Послания. Когда я читал лекции по истории РПЦ в Московской духовной академии в конце апреля 1990 года, мне постоянно приходилось иметь дело с апологетами «карловацких» позиций. Такими апологетами были некоторые монахи, преподаватели и даже студенты МДА, МДС. Священники, которые откровенно причисляли себя к сочувствующим «Карловчанам», решительные антисергиевцы, резко повернулись против Зарубежного Синода: «Это уже открытый раскол, сатанинская гордыня, уход «Карловчан» из вселенского Православия в схизму», — говорили они...

Вероятно, однако, что какую-то часть диссидентов новый церковный раскол может привлечь. Это еще одна иллюзия максимализма, веры, что в больном, доведенном до внутреннего распада обществе может быть идеальная, абсолютно здоровая Церковь. Но, как в свое время писал покойный священник Сергей Желудков, в больном обществе не может быть абсолютно здоровой Церкви. Она только может быть здоровее, чем окружающая среда. И так оно и есть. Стоит только посетить восстанавливаемые монастыри, например Оптину или Валаам, поднимающиеся из руин церкви — и сразу почувствуешь, что попадешь из социалистического ада почти в рай, но только «почти». Однако именно там, в этих храмах и молодых зарождающихся церковных общинах, идет духовное возрождение, а не в церковно-политических и партийных расколах и дроблениях, в которых так глубоко погрязли многие диссиденты, не заметившие, что уже не та погода и что появились возможности подлинного христианского делания, а не только критики...

ЗАРУБЕЖНАЯ ЦЕРКОВЬ:

внутренние раздоры

Дмитрий Шушарин

С КОНЦА февраля в Москве длится конфликт вокруг Марфо-Мариинской обители. Община Марфо-Мариинского храма, состоящая в основном из сотрудников поликлиники № 68, перешла под юрисдикцию Русской Зарубежной Церкви, обратившись к ее первоиерарху митрополиту Виталию, назначившему духовником общины протоиерея Алексея Аверьянова.

Не так давно прихожане храма созвали пресс-конференцию, участниками которой стали о. Алексей Аверьянов и Дмитрий Васильев — лидер национально-патриотического фронта «Память». Боевики этой организации «охраняли» собравшихся. Из распространенных документов можно сделать вывод, что о. Алексей претендует на то, чтобы представлять в Москве интересы Зарубежной Церкви.

Не менее серьезны и претензии Дмитрия Васильева, давно уже искавшего союза с Зарубежной Церковью. Так, он в недавнем прошлом критиковал Патриарха Алексея за экуменизм. НПФ «Память» боролась за передачу храма в Бронницах «зарубежникам». Теперь речь идет о том, что «Память» берет под защиту общины Зарубежной Церкви.

ХРИСТИАНСТВО НЕ МОЖЕТ НЕ ВЕСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ВОЙНЫ С ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ, ЕСЛИ ПОСЛЕДНЯЯ НАЧИНАЕТ ПРЕТЕНДОВАТЬ НА РОЛЬ ТОТАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

5 НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА 05.03.92

ДИАКОН
Андрей Куроев

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВОСЛАВИЕ

Более всего покушается
на свободу сынов Божиих
невидимая ЧК

"ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВОСЛАВИЕ" (2)

ДВАДЦАТЫЕ годы знаменательны в истории русской богословской мысли появлением так называемого «коммунистического богословия». Под давлением ЦК в Церкви возник раскол «обновленчества», лидеры которого совмещали безвкусные литургические реформы с не менее бестактными богословскими новшествами. Реформы провалились — народ их не принял, и обновленчество как церковный раскол исчезло. Но стиль его богословия пережил закат самой секты, став на долгие десятилетия официальным богословием Московской Патриархии.

Я не хочу бросать еще один камень в церковных пастырей тех тяжких лет. Но ощущение непристойности и стыда, возникающее, когда сейчас перечитываешь уверенность в том, что «Христос был первым коммунистом», забывать не стоит. Ибо чем фраза «мы в Советском Союзе хотим построить справедливое жизнеспособное общество в контексте социалистических ценностей», сказанная одним из церковных иерархов на сессии ЦК Всемирного совета церквей в Москве в 1989 году, лучше сегодняшних заверений в том, что «совместными усилиями мы построим новое общество — демократическое, свободное, открытое...»? И если чувства нечеловечности посещают нас, когда христианские ценности пытаются если не отождествить, то подружить с «демократическими идеалами», значит, стоит всерьез поговорить о принципиальной допустимости такого союза.

Чтобы иго и позор одного идеологического прислужничества не сменились другим, и решился я завести разговор на тему расхождения, а может, и несовместимости Православия с либеральной идеологией.

Итак — «почему я не демократ».

Прежде всего, на мой взгляд, соотношение между демократическим устройством общества и либеральной идеологией примерно такое же, как между наукой и сциентизмом. Наука нужна, и занятие ею благословенно — кто спорит! Но сциентизм как попытка идеологически-тотально все в мире и в человеке истолковать и описать только научными методами — это уже ересь. Напомню, что, по меткому замечанию Г. К. Честертона, ересь делает элементарную математическую ошибку

ку: она часть считает больше целого. Такова именно природа и ересь сциентизма, и ересь либерализма. Наука хороша на своем месте — но нельзя на все в мире смотреть только через нее. Хорошо, когда человек свободен и права его защищены — но что если всерьез он вобьет себе в голову, будто у него и впрямь, скажем, «право на счастье» как итог реализации всех других «прав»? И начнет он тогда на все в мире смотреть глазом судебного исполнителя: не причитается ли по какому-либо праву мне еще что-нибудь? Вообще сама формула «право на счастье» весьма опасна (а либеральная идеология — именно как идеология, то есть как система не только политологических, но и философских и антропологических воззрений, — без этого «права» просто неполна и неинтересна). Опасность здесь в том, что, как пояснил С. Аверинцев, «человек и впрямь склонен расценивать счастье как причитающееся ему право, как должок, которого ему все никак не удосужатся вылатить. Целая жизнь может быть загублена попыткой высказать счастье с людей и судьбы, вести об этом недоданном счастье тяжбу и докучать жалобами небесам и земле».

Значит, первый вывод: христианство не может не вести религиозной войны с демократической идеологией в случаях, если таковая идеология (равно как и любая другая) выходит за свои узкосоциологические рамки и начинает претендовать на роль всецелого, тотального мировоззрения, могущего объяснить людям смысл их жизни и борьбы, то есть решить сугубо метафизические вопросы.

Либеральное правозащитничествокое мироощущение не может быть полным хотя бы потому, что есть два исключения, две ситуации, когда человек должен забыть о своих «правах». И не только тогда, когда ему Промысл дает (или, как кажется, не дает) счастье. Какие, например, могут быть права у человека перед лицом собственной совести? Только одно — беззащитно открыться и сказать: «да будет мне по слову Твоему». О каких своих правах может вспомнить человек, предстоя Богу? Нет, не перед идолом Философов и публицистов, а перед Живым Богом, Которого, по слову Писания, нельзя увидеть и не умереть? Можно вести любую

полемику и тяжбу с «идеями Бога», но с Ним... Был ли больший бунтарь, чем Иов, но и он, честно и праведно отзергнув искушениям благочестия, сказал Пришедшему Богу: «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя. Поэтому я отрекаюсь и раскиваюсь в прахе и пелле» (Иов 42: 5—6).

Это значит, что в двух, самых главных ситуациях человеческой жизни — в ситуации нравственного выбора и в стоянии перед Богом — человек не имеет права вести тяжбу о своих правах. Если только он не собирается воспользоваться тем, что Достоевский назвал «правом на бесчестие».

Здесь надо уточнить: меня беспокоит не само закрепление человеческих прав в законодательстве и в социальной структуре (это все необходимо и желательно). Меня беспокоит, что пропагандистская кампания, направленная на расшатывание государственного монолита «всеобщих повинностей», производит побочный эффект в сознании многих и многих. Там, где христианин видит свои обязанности, советский человек, перевоспитанный на либеральный лад, предпочитает говорить о своих правах. Более того, обученный «борьбе за права», он воспринимает обнаружившееся у него право вполне императивно — как обязательство по отно-

шению к нему со стороны кого-то другого. На советский язык выражение «человек имеет право» переводится как «вы мне обязаны» (предоставить что-то, сделать, выделить и т. п.). Но убедить человека, что у него есть какое-то право, которого его какие-то злодеи лишили, — это вернейший путь к взрыву. Вспомните в «Покаянии» гневно-праведный глас народа: «Они нарочно от нас скрывали, что мы от обезьяны произошли!» Этой демагогией демонтировали российское общество большевики в начале века; ничего нового не смогли придумать и диссиденты накануне «второй русской революции».

СИСТЕМА АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ ОКАЗАЛАСЬ ХИМЕРОЙ, НО РЕЛИГОВЕДЕНИЕ
ДОЛЖНО БЫТЬ СОХРАНЕНО

Сергей Иваненко

5 НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА 05.03.92

НА РАЗВАЛИНАХ АТЕИСТИЧЕСКОЙ ИМПЕРИИ

Религиоведение
еще пригодится

Вообще разговор о правах христианин может вести лишь с серьезнейшими оправданиями и контрутверждениями. Вот простой пример. Я — христианин. Могу ли я и в каких ситуациях утверждать, что моя вера и мой выбор — это реализация моего «права на свободу совести»? Если моя вера сталкивается с велениями государства, то мои увещания о каких-то моих правах мало помогут. Ни «Апологии» древних христианских писателей, ни «Декларации» советских митрополитов и патриархов так и не смогли уговорить имперского зверя подвинуться и не трогать человеческую душу. И потому, как показывает опыт Церкви, в таких ситуациях гораздо важнее дать сказать другому голосу, который будет говорить мне в этой ситуации не о моих правах, а о моих обязанностях: не «право» на веру дано тебе (кесарем), но тобой принята обязанность не отречься и сохранить верность обетам, данным в Крещении. Поэтому в словосочетании «свобода сове-

сти в себе нечто, причастие чему он ценит выше своей собственной жизни.

Значит, именно эта Высшая Ценность велит мне защищать мое и ее достоинство!

Для христианина такая ценность — это единство со Спасителем, обретаемое верой. В церковном предании хранится рассказ об одном старце, который, дабы не быть ему побежденным тщеславием, покорно соглашался со вздорными обвинениями его в лености и даже в блуде. Но когда ему сказали, что он еще и еретик, тот возмущился и ответил: «Я кто угодно, но не еретик!» Было затронуто его достоинство христианина, ложь коснулась самого дорогого для него, и что же: реализовал ли он свое «право» на защиту собственного достоинства или обязательство верующей совести?

Всмотримся глазами христианина еще раз в обсуждаемую тему «человеческого достоинства». В чем оно состоит, откуда берется и как теряется — ясно,

что ответы на эти вопросы будут серьезной темой между светским гуманизмом и христианством. Но при обсуждении сходства и различий нельзя умолчать о том, что, по опыту Церкви, на человеческое достоинство нападают не только люди. Как есть Церковь видимая и невидимая, так есть и ЧК видимая и невидимая. Эта невидимая ЧК грехов и бесов (образ, изобретенный отнюдь не мною, а реально существующий в церковном обиходе уже несколько десятилетий) более всего покушается на свободу и достоинство сынов Божиих, доработав человека страстями (в том числе и гор-

дыне), назначая человеку цену, за которую он готов продаться. Поэтому — «стойте в свободе, которую даровал нам Христос» (Гал. 5. 1). От рабства меньшему, чем он сам (пище и одежде, политике и идеологии), человек избавляется лишь через отдачу себя на служение большему. Да, прав Достоевский: человек действительно ищет кому поклониться, ибо человек по природе своей — служитель, по природе своей несамодостаточен, но нуждается в восполнении свыше. Это не только богословский догмат, это вывод очевидный каждому: пока не найдет человек в своей жизни Смысла большего, чем он сам, его сердце неспокойно.

А значит, идеология, которая утверждает человеку о его правах, игнорируя человеческое стремление к обретению своих онтологических обязательств, просто антропологически неверна. Да, каждый либерал в отдельности согласится, что у каждого человека помимо прав есть и обязанности. Но ведь верно, что и большевистские агитаторы говорили не только о «терактах» и экспроприациях. Я же предлагаю (памятуя горький опыт «народного» прочтения Маркса) задуматься над тем, какой антропологический тип в действительности будет формироваться в России под аккомпанемент бесконечных сетований на нарушение чьих-то прав. Не забудем, что становление капиталистического хозяйства и развитие демократии на Западе проходили в условиях всеохватывающей религиозности (в протестантских общинах принимавшей вполне тоталитарный характер, как показывают работы того же Макса Вебера). У нас же всерьез напоминают человеку о долге никому...

Резюмировать несогласие Православия с либерализмом я мог бы в следующей формуле: с христианской точки зрения разговор о «демократических идеалах» абсурден. Демократия вообще не творческая сила. Она ничего сама не создает. Ее роль в обществе можно уподобить роли естественного отбора в дарвиновской теории эволюции: ничего не создавая, он лишь отбраковывает негодные варианты. Дарвинизм не смог объяснить источник творческой эволюции и заслуженно был забыт серьезной биологической наукой: нельзя путать ОТК с конструкторским бюро. Так и демократическое устройство общества может лишь следить за тем, чтобы в сосудах общественной жизни не возникла тромбы

дискриминации и чрезвычайной принудительности, чтобы у людей были возможно более человеческие условия для исполнения их творческого и жизненного долга. По большому счету это все — сугубо полицейские функции (ибо вообще задача государства не в насаждении добра, а в ограждении зла). Поэтому то говорить о «демократических идеалах» не более удобно, чем о «полицейских идеалах». Верно, нужны нормы в действиях полиции, как и в действиях государства. Но, учитывая российскую жажду из любого пустяка делать «идеал», а любую истину натягивать на размер не менее как вселенской Правды — осознание или неосознанные попытки подарить России либерализм как идеологию могут быть плачевными по итогам. Так уже повелось, что политические или философские открытия и настраивания, которые Запад переживая, как легкий насморк, в России, увы, оборачивались более серьезным недугом. Поэтому подкреплять авторитетом Православия и Евангелия сугубо политические рецепты в России не только недостойно, но и опасно.

Наконец, из-за того, что любые политические искания в России быстро становятся кривоторными, Православие не может относиться к либерализму иначе, как к религиозной ереси. Любая идеология рассматривает религию как «опиум», как форму ухода от активной политической борьбы. В ответ и вера не может охарактеризовать любую идеологическую попытку найти для человека смысл его существования в политическом измерении иначе как безблагодатный активизм и еретическое ограничение многомерности человеческого существования. Политика — опиум для души. Политическое понимание прав и свобод личности уводит от религиозного понимания свободы как образа осуществления моей ответственности.

Именно поэтому прежде заключения (если еще не поздно) послеполного и непродуманного конкордата между Православием и либерализмом я и счел необходимым предложить начать серьезный диалог о том, что именно мы видим по-разному в нас самих и в подаренном нам мире.

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ГРЕЦИИ И СУДЬБА РУССКИХ
МОНАСТЫРЕЙ НА АФОНЕ

"НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА", 7 МАРТА 1992, стр. 6

ИЗ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В АФИНАХ ПРОПАЛО ЕВАНГЕЛИЕ В СЕРЕБРЯНОМ ОКЛАДЕ

Должны ли молчать наши дипломаты, когда за рубежом
гибнут сокровища русской культуры

Владимир
Малышев

(Афины)

Сотечественники

В САМОМ ЦЕНТРЕ Афин, всего в нескольких десятках метров от стен парламента, где у могилы Неизвестного солдата несут круглосуточный караул живописные эвзоны (национальные гвардейцы) в белых юбочках, есть другая могила, которую не показывают туристам. Под густыми кустами возле древней церкви в греческом стиле спрятались две потемневшие от времени мраморные плиты. Если раздвинуть ветки и стереть с плит толстый слой пыли, то можно прочесть высеченные русскими буквами надписи. Они говорят о том, что здесь покоятся бывший царский посланник в Греции Павел Демидов, граф Сан-Донато и его жена, княгиня Воронцова-Дашкова.

— Они похоронены здесь не случайно, — говорит одна из старых русских эмигранток, Надежда Васильевна Воядзак, урожденная графиня Плеханова. — Дело в том, что этот древний храм служил церковью царского посольства в Афинах. В прошлом веке его передала в дар России тогдашняя королева Греции Ольга, а до брака с королем Греции Георгом I — великая княжна Ольга Константиновна, дочь великого князя Константина Николаевича, второго сына Николая I.

— Мы нарочно не ухаживаем за этими могилами, — продолжает Надежда Воядзак, — чтобы власти не обратили на них внимание. Иначе возможен скандал — могилы каких-то иностранцев в самом центре Афин. Однако последний царский посол похоронен тут на вполне законном основании. Ведь вся терри-

тория вокруг русской церкви — ее собственность, и, следовательно, и собственность России. Раньше она была огорожена чугунной решеткой, изготовленной в Петербурге, но потом афинские власти распорядились ее убрать. После этого могильные плиты оказались фактически в городском сквере.

По словам старейшей представительницы небольшой русской колонии эмигрантов Елены Александровны Кузуп, за последние десятилетия в Афинах было сделано немало, чтобы стереть всякую память о россий-

ЕН

RADIO FREE EUROPE
RADIO LIBERTY

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ГРЕЦИИ И СУДЬБА РУССКИХ
МОНАСТЫРЕЙ НА АФОНЕ

"НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА", 7 МАРТА 1992, стр. 6

2

ском присутствии. Снята медная доска с построенного королевой Ольгой русского госпиталя в Пирее, где лечились моряки с российских эскадр в Средиземном море, — кстати, тех самых эскадр, которые в свое время сражались с турецким флотом за свободу Эллады. С кладбища русских моряков в этом порту выброшены многие могилы, за которые было уже некому платить. Давно закрыта русская гимназия в Афинах, а ее богатая библиотека исчезла неизвестно куда.

— Да и сама русская церковь, — говорит Е. Кузуп, — уже фактически перестала быть русской, хотя службы иногда и ведут на русском языке. Ее настоятель отец Тимофей — грек по происхождению, в церковном совете — тоже все греки и нет ни одного русского. А ведь нам, русским людям, такое очень обидно. Мне уже более 100 лет, но я отлично помню, что в этой церкви были ценные древние книги, было изумительной красоты громадное Евангелие в серебряном окладе, которое по православным праздникам обносили вокруг храма.

Но самое главное, Е. Кузуп и другие старые русские эмигранты утверждают, что церковь и территория вокруг нее — историческая собственность России. Они уверены, что есть документы, которые это подтверждают. На Западе, в том числе и в Греции, право собственности священо, и если такие документы и в самом деле существуют, то руководить этой церковью должен не греческий гражданин, до этого работавший в Афинах парикмахером, Темотеос Саккас, а настоящий русский батюшка.

Дипломаты иногда из любопытства заходят в церковь, а бывший посол СССР Анатолий Слюсарь даже встречался с отцом Тимофеем и обещал «помочь». Однако наше, ныне российское, посольство до сих пор так и не выяснило официально, кому именно принадлежит эта историческая церковь, существует ли на самом деле дарственная и куда исчезли те сокровища русской культуры, которые в ней хранились.

В Греции есть еще более важный и крупный центр русской духовной культуры, тоже оставшийся без призора из России, — русский монастырь святого Пантелимона на горе Афон. Он расположен среди густых лесов на полуострове Халкионики в Северной Греции, где более тысячи лет назад возникла единственная в мире православная монашеская республика — 20 древ-

них монастырей: греческие, болгарский, сербский, румынский и один русский.

Обитель святого Пантелимона была до революции едва ли не самой богатой не только на Афоне, но и в самой России. Веками свозили туда ценнейшие иконы, древние книги, рукописи, щедрые дары делали монастырю русские цари. Есть легенда, что среди груд еще не разобранных рукописей в Афонских подвалах можно найти и список «Слова о полку Игореве».

В русском монастыре на Афоне живут по юлианскому календарю, там нет электричества. Братия сама сеет пшеницу, печет хлеб, делает из винограда красное монастырское вино, выращивает на огородах овощи. Ее быт труден и суров: на сон отводится всего 5 часов, все остальное время — труды и молитвы.

В плачевном состоянии, в котором оказался замечательный духовный и культурный центр России, виноваты не только советские власти. Греческие правительства препятствовали ранее выдаче въездных виз новым монахам. При правительстве Пандреу министерство по делам северной Греции заявило даже, что у него будто бы есть сведения о... тайных складах оружия в славянских монастырях на Афоне.

Обитель Св. Пантелимона была передана Руси еще в 1169 году. Об этом свидетельствует грамота византийского императора Комненокоса, в которой говорится, что монастырь дарован на «вечные воемена» русским «как людям усердным». С 1913 года после Балканских войн и договоров в Бухаресте и Лозанне Афон становится международной территорией. 10 сентября 1926 года он был объявлен греческим и все живущие в нем монахи — греческими гражданами. Послушникам в русском монастыре тоже были выданы греческие паспорта. Так сложилась ситуация, при которой русские люди, никогда не говорившие и не говорившие по-гречески, но решившие посвятить свою жизнь Богу, оказались гражданами чужого государства. Греческое гражданство вынуждены принимать и все те немногочисленные монахи, которые приехали на Афон из России за последние годы.

В посольстве России в Афинах хранится телеграмма греческого МИД, полученная несколько лет назад. В ней утверждается, что, по его данным, на горе Афон «нет русского монастыря и нет русских монахов». Как отреагировало тогдашнее посоль-

ство СССР на такую весьма странную постановку вопроса? Насколько известно, никак не отреагировало, в тихо «проглотило пилюлю». Впрочем, оно всегда так поступало в деликатных вопросах. Суть его политики сводилась, по сути, к тому, как бы «не рассердить греков», то есть вести так называемую «тихую дипломатию». На взгляд бывшего посла А. Слюсаря, сообщать широкой российской общественности об угрозе гибели русского монастыря на Афоне не следовало. Его позиция была при этом такова: посольство ведет «большую работу» по решению проблем монастыря, а газетные публикации этой работе только мешают. Хотя каковы были результаты такой деятельности, если плачевное положение Пантелимоновой обители до сих пор не улучшилось? В этом смогли, в частности, убедиться побывавшие на Афоне в прошлом году выдающиеся российские специалисты: председатель российской ассоциации реставраторов Савелий Ямщиков и профессор Герольд Вздорнов.

Бездействовать не только государственные советские власти, но и Русская Православная Церковь. Представитель Пантелимонова монастыря в киноте (орган самоуправления Афонских монастырей) отец Николай показал мне письма, которые он несколько раз направлял московским церковным иерархам и в Совет по делам религий. В них — слезные жалобы на тяжкое положение монастырской братии и вопросы о том, куда же исчезают пожертвования, собираемые в России на нужды Афонской обители. «Верующий русский народ, — пишет в Москву отец Николай, — последнюю лепту жертвует для обители, но эти деньги «плывут» в другом направлении...»

С. Ямщиков и Г. Вздорнов, осмотрев церкви и соборы, пришли к выводу, что самых ценных произведений искусства в них уже нет. Не показали нам в монастыре и даров русских царей, которые, судя по рассказам, должны были храниться в монастырских сейфах. Судя по рассказам, многое из обители вывезли еще в годы войны, опасаясь, что советская армия доберется и до Греции. Кое-что вывозили сами монахи, когда возникла угроза полного вымирания иноков и перспектива перехода монастыря к греческим монахам. Одним словом, из-за пренебрежения нуждами Пантелимоновой обители светскими и духовными властями России многое уже безвозвратно утрачено.

ЕН

OCT 29. 1991 * 982 07

DAY MONTH YEAR

ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ ГОЛОСЛОВНО ОБВИНЯЮТ В ЕРЕСИ, В ПОДДЕРЖКЕ
ГКЧП, В СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО СПЕЦСЛУЖБАМИ 1**МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ОТДЕЛ ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ**113191 Москва, Даниловский вал 22, СВДС МД. Тел.: 230-24-39. Факс: 230-26-19
DECR MP, 22, Danilovsky val, 113191 Moscow. Tel.: (007/095)230-24-39. Fax: 230-26-19
MOSCOW PATRIARCHATE. DEPARTMENT FOR EXTERNAL CHURCH RELATIONSСообщение для органов информации 13.10.1991
Requests by fax for an unofficial translation of this press-release are welcomed

ОБРАЩЕНИЕ СВЯЩЕННОГО СИНОДА

РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

К РАБОТНИКАМ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Дорогие братья и сёстры! Мы не случайно ныне обращаемся к вам. Именно сейчас решается судьба демократических реформ, а значит и судьба страны. И именно в это историческое время необычайно велика та ответственность, которую несут пресса, радио и телевидение. Наше общество должно быть признательно всем, кто в средствах массовой информации своей смелостью и преданностью идеалам свободы приближали падение тоталитаризма. Но ситуация в стране по-прежнему остаётся критической. Совершенно очевидно, что общество - на грани катастрофы. Не только духовной, экономической, политической, но и моральной. Для того, чтобы понять это, не надо читать статистических сводок. Достаточно взглянуть на лица людей, прислушаться к тону дискуссий. В стране происходит эскалация злости. Впитав образ "тоталитарного"

ЕН

OCT 29. 1991 * 982 00

DAY MONTH YEAR

ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ ГОЛОСЛОВНО ОБВИНЯЮТ В ЕРЕСИ, В ПОДДЕРЖКЕ
ГКЧП, В СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО СПЕЦСЛУЖБАМИ

2

мышления, люди обвиняют, проклинаяют, унижают друг друга, клевету друг на друга. Во многих местах эта накопившаяся злоба уже привела к пролитию братской крови. Пожар ненависти не должен разгореться. Иначе в нем погибнет страна, погибнет всё светлое, что в нас есть, погибнут люди - физически и духовно. Вот почему так важно, чтобы средства массовой информации помогали стране очиститься от пагубы ожесточения, помогали всем, - и в том числе и людям церковным - обновить общество, сделать его подлинно свободным, устремленным к правде и добру. Отношения между Церковью и светской прессой ныне складываются непросто. В первые перестроечные годы, когда голос Церкви всё еще оставался неслышным, газеты и журналы, радио и телевидение поднялись на её защиту от беззакония и произвола. При активной помощи прессы были открыты многие храмы. Светские органы информации публиковали и продолжают публиковать немало объективных материалов о церковной жизни - в том числе проблемных и критических, столь нужных Церкви сегодня. И, что особенно отрадно, - усилиями многих из вас нашему народу раскрывается красота и спасительная

OCT 29. 1991 * 982 01

DAY MONTH YEAR

ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ ГОЛОСЛОВНО ОБВИНЯЮТ В ЕРЕСИ, В ПОДДЕРЖКЕ
ГКЧП, В СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО СПЕЦСЛУЖБАМИ 3

сила нравственного идеала Евангелия, открывается тот глубочайший кладезь духовной мудрости, что создан Православием за двадцать веков. Однако, есть моменты, вызывающие у нас сожаление. Ряд изданий взяли последовательную линию на отображение жизни Церкви в искаженном виде. Представителей Церкви голословно обвиняют в ереси, в поддержке ГКЧП, в сотрудничестве с спецслужбами, чуть ли не в "удушении Церкви" ... При этом, отзывы и опровержения, направляемые в редакции, или не публикуются, или печатаются в урезанном виде. Эти материалы публикуются как бы с доброй целью: очистить и обновить церковную жизнь. Но разве можно сделать добро через клевету и очернение? Нет, и еще раз нет!

Именно поэтому мы считаем своим архипастырским долгом заявить, что эта кампания в прессе преследует иную цель: размыть канонический уклад Православия, оторвать паству от пастырей, подготовить почву в усвоении идеи и практики церковного раскола, внести в Церковь ту атмосферу злобы и ненависти, что заразил сегодня наше общество. Есть и другая опасная сторона у этой очередной в нашей стране антицерковной кампании: нет лучше способа посеять

DAY MONTH YEAR

ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ ГОЛОСЛОВНО ОБВИНЯЮТ В ЕРЕСИ, В ПОДДЕРЖКЕ
ГКЧП, В СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО СПЕЦСЛУЖБАМИ

4

среди верующих антидемократические настроения и консервативную
настороженность, чем открыто провозгласить раскол и грядущую
гибель Церкви Русской "в результате перестройки". Сказанное
означает, что движущая сила этой кампании та же, что вдохновляла
воинствующих атеистов, ниспровергавших церковные основы в течение
долгих десятилетий тоталитаризма. Не блага Русской Православной
Церкви добиваются её современные обличители, а подрыва её служения
в народе, ослабления духовного влияния на сердца и души людей.
Наша паства требует от нас, иерархов, ответственных перед Богом
за состояние церковных дел, защитить Православие от поругания.
В этом Обращении мы не будем отвечать на каждое из выдвигаемых
обвинений. Скажем только, что наиболее ошибочным нам представля-
ется утверждение, будто Православная Церковь стремится к идейной
монополии, к тому, чтобы стать государственной религией. Огромное
место, занимаемое Православием в жизни нашего народа, это -
реальность, которая остаётся непреложной даже после самых
ожесточённых попыток уничтожить нашу Церковь или превратить
её в гетто. Но роль Церкви в обществе особая. Она - в возведении

DAY MONTH YEAR

ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ ГОЛОСЛОВНО ОБВИНЯЮТ В ЕРЕСИ, В ПОДДЕРЖКЕ
ГКЧП, В СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО СПЕЦСЛУЖБАМИ

учения Христова, в преобразовании мира ненасильственными средствами при полном уважении религиозного и идейного выбора человека. Православие никому не навязывает своих убеждений и открыто к сотрудничеству с христианами разных конфессий, с верующими других религий, с людьми иных мировоззрений и взглядов. Русская Церковь, уже прошедшая однажды через искушение огосударствления, отказывается от любых претензий на особое положение в государстве. Отказывается потому, что это не имеет никакого значения для главного - спасения душ человеческих. Будущее же Церкви - в руках не человеческих, но Божиих. И мы, христиане, верим в непреложность обетования Спасителя: "Сздам Церковь Мою, и врата ада не одолеют Её" (Евангелие от Матфея глава 16-я, стих 18-й). Все же верные чада Церкви, иерархи, духовенство и миряне призваны молиться и трудиться, чтобы она не имела "пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была святá и непорочна" (послание апостола Павла к Ефёсянам, глава 5-я, стих 27-й). Церковь в нашей стране отделена от государства, но она не отделена ни от общества, ни от средств информации, которые служат обществу. И потому совершенно естественно, что

ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ ГОЛОСЛОВНО ОБВИНЯЮТ В ЕРЕСИ, В ПОДДЕРЖКЕ
ГКЧП, В СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО СПЕЦСЛУЖБАМИ 6

журналисты обсуждают проблемы богословия и церковной жизни, дискутируют по поводу отношений Церкви с государством и секулярным миром. Но при этом, мы убеждены, что вести такую дискуссию надо честно, корректно и компетентно, отражая разные точки зрения и не допуская искажения чьей-либо позиции. При равноправии и уважении всех взглядов на настоящее и будущее Церкви дискуссия будет успешной. При этом условии она не станет новым поводом для разделений и конфликтов, от которых так устал наш народ и от которых, в первую очередь, страдают слабые. Именно тогда, когда обсуждение церковно-общественных проблем будет проникнуто духом взаимного уважения и честности, критика, как "внешняя", так и "внутренняя" - действительно пойдет на пользу Церкви и станет сильным средством её соборного духовного обновления. Мы приветствуем такую дискуссию и приглашаем к ней всех, кому небезразличны судьбы Русской Православной Церкви, и готовы сделать всё от нас зависящее, чтобы помочь конструктивному обсуждению волнующих вопросов. Пусть же наши совместные труды послужат Церкви Христовой, послужат многострадальному народу нашему, ибо Церковь, это - значительная часть нашего

ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ ГОЛОСЛОВНО ОБВИНЯЮТ В ЕРЕСИ, В ПОДДЕРЖКЕ
ГКЧП, В СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО СПЕЦСЛУЖБАМИ

7

общества, и мир в Церкви - один из важнейших факторов общественно-
го мира и согласия. И только в мирное время возможно восстановле-
ние разрушенного и строительство нового. Желаем вам помощи
Божией во всех благих трудах, желаем правдивых материалов,
которые да помогут очистить страну "от всякия скверны", восста-
новить гражданское согласие и спасти общество от новых потрясе-
ний. Заверяем вас в своих молитвах. Господь да благословит
вас!

О ПОЗИЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 7

**МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ОТДЕЛ ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ**

113191 Москва, Давыдовский вал 22, СВРС М. Тел.: 230-24-39. Факс: 230-26-19
DECR MP, 22, Davydovsky val, 113191 Moscow. Tel.: (007/095) 230-24-39. Fax: 230-26-19
MOSCOW PATRIARCHATE. DEPARTMENT FOR EXTERNAL CHURCH RELATIONS

Сообщение для органов информации 13.10.1991
Requests by fax for an unofficial translation of this press-release are welcomed

ЗАЯВЛЕНИЕ СВЯЩЕННОГО СИНОДА

РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В последнее время мы становимся свидетелями важных перемен в жизни нашего многонационального государства. Республики, составлявшие еще недавно казалось бы монолитный Союз, провозглашают ныне государственный суверенитет, а иные из них твердо взяли курс на достижение полной независимости. В свою очередь, республики Прибалтики восстановили свою государственную независимость, признанную мировым сообществом. Эти политические процессы, имеющие свою закономерность и историческое объяснение, в принципе не должны влиять на внутреннюю жизнь Церкви. Но, поскольку в настоящее время на практике происходит обратное и политическая реальность оказывает отрицательное воздействие на церковную жизнь, то сказанное побуждает нас дать объяснения по вопросам, касающимся устройства нашей Церкви. Нынешние события в определенной мере напоминают вам то, что последовало за февралем 1917 года. Тогда распад Российской Империи и образование на её территории государств, объявивших себе независимыми, дали

О ПОЗИЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 2

повод к церковным нестроениям. Эти церковные нестроения возникали

под влиянием внешних по отношению к Церкви политических сил.

И сейчас порой можно услышать голоса нецерковных людей, которые готовы видеть в самом факте существования Московского Патриархата некую "последнюю имперскую структуру" и всячески поощряющих

рост сепаратистских настроений с целью вызвать пагубный раскол

в церковной среде. В связи с этим мы вынуждены разъяснить

традиционные принципы территориального устройства Православной

Церкви. Прежде всего, Поместной Церковью считается православная

община, находящаяся на той или иной территории и возглавляемая

канонически поставленным епископом. Такое устройство Церкви

существует с апостольских времен и предполагает молитвенно-

каноническое единство поместных церквей-общин между собой,

что позволяет говорить о единой, вселенской, соборной Церкви.

В дальнейшем, по мере роста числа христианских общин, для

поддержания соборности и более ответственного управления ими,

поместные церкви стали образовывать более крупные территориальные

объединения, получившие название архиепископий и митрополий,

центры которых, как правило, находились в крупных городах.

О ПОЗИЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

3

В свою очередь, в шестом веке сформировались еще более крупные территориальные церковные единицы - патриархаты, объединявшие в целях поддержания соборности в Церкви митрополии, каждая из которых пользовалась определенной самостоятельностью в своем внутреннем управлении. Так, на территории Византийской империи образовалось четыре патриархата, переживших её распад и существующих поныне. В свою очередь, наша Церковь, первоначально, в течение четырех с лишним столетий, существовала как Киевская митрополия, входившая в Константинопольский патриархат. При этом она пользовалась широкой самостоятельностью, лишь в крайних случаях церковных нестроений прибегая к суду Константинопольского патриархата. В середине пятнадцатого века, когда в силу бурных событий на Православном Востоке каноническая связь Русской Церкви с Церковью-Матерью стала затруднительной, Русская Церковь законным образом вступила на путь самостоятельного бытия. Столетие спустя, в 1589 году был учрежден Московский патриархат. Стремление братских славянских народов ради сохранения своей веры жить

О ПОЗИЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 4

в едином государстве вызвало во второй половине семнадцатого и в восемнадцатом веках потребность в объединении церковных структур Украины и Белоруссии под омофором сначала Московского патриархата, а затем - Святейшего Синода. При этом соборное сознание Церкви было достаточно чутко и к церковным настроениям, и к тенденциям в общественно-политической жизни. Вот почему Священный Собор 1917-1918 годов пошел на предоставление широкой автономии Православной Церкви на Украине в её внутренней жизни. В 1990 году Архиерейским Собором была предоставлена самостоятельность в делах управления Украинской Православной Церкви, объединяющей подавляющее большинство христиан Украины. Также стало возможным образование Синода Белорусской Православной Церкви, пользующегося широкими правами в области церковного управления в Белоруссии. Согласно существующей в Православии канонической практике, внутри патриархатов допускается внутренняя самостоятельность и самоуправление епархий и их объединений. Патриархат не сковывает самостоятельности входящих в него церковных образований, но служит обеспечению их единства и общения. Границы

О ПОЗИЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 5

патриархата не обязательно должны совпадать с государственными границами. Более того, в истории никогда не удавалось искусственно привести эти границы в соответствие. И сегодня Константинопольский патриархат, это - греческая диаспора во всем мире; Александрийский патриархат, - Африканский континент; Антиохийский патриархат - Сирия, Ливан, Иран, Ирак, Кувейт; Иерусалимский патриархат - Израиль, Иордания, Синай. Патриархат есть церковно-каноническая реальность, образованная для поддержки единства и соборности входящих в него церковных структур. Московский патриархат и далее будет идти путем укрепления единства и соборности входящих в него епархий и их объединений. Мы сознаём, что существующие структуры церковного управления, сложившиеся исторически, могут претерпевать изменения. Однако, мы решительно выступаем против того, чтобы эти изменения осуществлялись вопреки воле народа Божия, составляющего Церковь, с пренебрежением к священным канонам и в силу чуждых Церкви политических расчётов. Мы обращаемся к правительствам и общественности независимых государств

OCT 29, 1991 * 982 20

DAY MONTH YEAR

О ПОЗИЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 5

и суверенных республик отнестись с пониманием к нашей позиции, которая не преследует каких-либо "имперских" или иных чуждых православной традиции целей, и направлена лишь на то, чтобы в соответствии с традициями православной веры и не нарушая церковных обычаев, вести многонациональную паству нашу путем вечного спасения, научая её жить в мире со всеми и создавая свое земное отечество, где Господь благословил нам родиться и жить.

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ОТДЕЛ ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ
Б Ю Р О К О М М У Н И К А Ц И И

113191 Москва, Даниловский вал 22, ОБЦС МП, Бюро коммуникации. Тел.: 230-24-39. Факс: 230-26-19
 Communication Desk, DECE MP, 22, Danilovskiy val., 113191 Moscow. Tel.: (067/095)230-24-39. Fax: 230-26-19
 MOSCOW PATRIARCHATE. DEPARTMENT FOR EXTERNAL CHURCH RELATIONS

Сообщение для органов информации 22.7.1991

ЗАСЕДАНИЕ СВЯЩЕННОГО СИНОДА

18 июля 1991 под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II состоялось заседание Священного синода Русской Православной Церкви.

Принято решение об открытии следующих возвращенных Церкви монастырей:

- Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря в поселке Дивеево Нижегородской епархии;

- Свято-Успенского женского монастыря в селе Дунилово Шуйского района Ивановской области;

- Раифского Богородичного мужского монастыря в г. Зеленодольске ТАССР, наместником которого утвержден игумен Всеволод (Захаров);

- Никольского мужского монастыря в городе Гильске Курской области;

- Шегловского Богородичного женского монастыря в Тульской епархии, настоятельницей которого утверждена монахиня Иннокентия (Горячева).

Священный синод благословил возрождение Саратовской духовной семинарии и утвердил ее ректором протоиерея Николая Агафонова, клирика Волгоградской епархии.

Заслушав доклад митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая с назначением викария Нижегородской епархии, Священный синод определил епископом Балахнинским, викарием Нижегородской епархии быть архимандриту Иерофею (Соболеву), клирику Нижегородской епархии.

Священный синод принял к сведению доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата, об образовании Совместной координационной комиссии по сотрудничеству между Русской Православной Церковью и Евангелической Церковью в Германии и постановил назначить членами Совместной координационной комиссии архиепископа Малужского и Боровского Климента, заместителя председателя Отдела внешних церковных сношений; архиепископа Дюссельдорфского Лонгина; В.А. Чукалова, члена Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата.

По докладу митрополита Кирилла об участии возглавлявшейся им делегации Русской Православной Церкви в мероприятиях 24-го Немецкого Евангелического Конференциума, который проходил с 5 по 9 июля 1991 в Рурской области ФРГ, Священный синод счел участие делегации в мероприятиях этого очередного Конференциума, проходившего после образования единого Германского Государства, полезным вкладом в укрепление братских связей между христианами СССР и ФРГ, и выразил надежду на дальнейшее развитие и совершенствование сотрудничества между Русской Православной Церковью и Евангелической Церковью в Германии.

Митрополит Кирилл также представил доклад о состоявшемся 1-7.6.91 в Москве Шестом заседании Смешанной православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу и об участии в нем заместителя председателя Отдела внешних церковных сношений профессора-протопресвитера Виталия Борового и профессора Московской духовной академии А.И. Осипова. Приняв доклад к сведению, Священный синод выразил удовлетворение проведением очередной встречи этой комиссии в пределах Русской Православной Церкви, одобрил позицию ее представителей на этой встрече и поручил Комиссии Священного синода по содействию христианскому единству изучить результаты заседания.

Имея суждение о проектах Уставов, представленных председателями Отдела по религиозному образованию и катехизации и Отдела по благотворительности и социальному служению, Священный синод постановил передать эти проекты в Комиссию по внесению поправок в Устав об управлении Русской Православной Церкви - для рассмотрения и корректировки.

Иеромонах Серафим (Барякин), референт ОБЦС МП, назначен членом Русской духовной миссии в Иерусалиме.

Во изменение постановления Священного синода от 25.3.91, местом пребывания запрещенного в священнослужении епископа Гавриила (Стебляченко) определен Коневский монастырь Ленинградской епархии.

СОПРОВОДИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ИНФОРМАЦИИ:

23 июля 1991 года в 15.30, после Божественной литургии в Богоявленском патриаршем соборе города Москвы которая начнётся в 10.00 и продлится примерно до 13.00, состоится изнесение находящихся временно в соборе святых мощей преподобного Серафима Саровского и начнётся перенесение их в Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь в пос. Дивеево Нижегородской области.

Перенесение мощей продлится до 1 августа - дня памяти святого. Между населёнными пунктами процессия будет передвигаться в колонне автотранспорта, а в населённых пунктах, в которых будут остановки для поклонения святым мощам в память о подвиге жизни Святого, будут совершаться крестные ходы и богослужения. Такие остановки будут: в Ногинске к вечеру 23.7.91 и ночью; 24.7.91 - в Орехово-Зуево в первой половине дня; во Владимире - с вечера 24.7.91 до раннего утра 26.7.91; в Боголюбове - краткая остановка утром 26.7.91; в Вязниках - непродолжительная остановка в середине дня 26.7.91; в Нижнем Новгороде - с вечера 26.7.91 до вечера 28.7.91; в Арзамасе - с вечера 28.7.91 до второй половины дня 30.7.91. В Дивеево святые мощи придут к вечеру 30.7.91. В находящуюся неподалёку Саровскую пустынь мощи не могут быть возвращены, поскольку Саров находится в закрытой для посещения зоне.

В первый раз мощи были обреты в 1903 году. По случаю торжеств обречения собралось до 300 тысяч паломников.

Мощи преподобного Серафима Саровского (1759-1833), жизнь которого была подвигом любви и мира, были обреты верующими вторично 11 января 1991 года. В этот день состоялась передача их Предстоятелю Русской Православной Церкви, Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. Мощи находились в неизвестности в запасниках Музея истории религии и атеизма в Ленинграде. В 1920 году они были вскрыты и конфискованы у Церкви. 7 февраля с.г. они были перенесены в Москву в Богоявленский патриарший собор.

В своём слове 11 января 1991 г. при передаче мощей Святейший Патриарх Алексий II, в частности, сказал:

"Русской Православной Церкви возвращается великая святыня - мощи святого преподобного отца нашего Серафима Саровского. (...) То, что было достоянием всего нашего народа, то, что казалось безвозвратно утраченным, то, о чём долгие, тяжёлые годы сожалели тысячи православных христиан, сегодня здесь, перед нами: Серафим Саровский не только духом, но останками своими - с нами. В этом мы усматриваем особый, добрый, обнадеживающий знак - знамение примирения и надежды. Преподобный Серафим, так долго и кротко учивший о стяжании Святого Духа, сегодня ещё раз напоминает всем нам о христианском мирном духе. Актуальность этого призыва очевидна. Духовно радуясь и торжествуя, мы прекрасно понимаем, что Промысл Божий действует в мире через конкретных людей, через определённые обстоятельства. (...)

Надеюсь, что навсегда в прошлое ушло время тяжёлых испытаний для Русской Православной Церкви, время поругания, унижения и оскорбления религиозных чувств, время осквернения святынь. У народа должны быть святыни! Без них невозможно говорить о нравственности, о возрождении духовности и культуры. Без святости, без высокого идеала человек теряется в море зла и неправды.

Уверен, что начавшийся процесс восстановления утраченного и искажённого образа Божия в человеке даст свои плоды, если мы с любовью и благоговением будем относиться к великому наследию наших праотцов и отцов, к уникальному опыту жизни русских святых, к их заветам и наставлениям. (...)

Наиболее часто цитируются слова Преподобного и Богоносного отца нашего Серафима Саровского, всея России Чудотворца: "Стяжи, чадо, мирный дух, и многие спасутся вокруг тебя".

 Материалы о святом, в частности, имеются в Синодальной библиотеке (на территории московского Свято-Данилова монастыря).

В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПО РАДИО И В ПРЕССЕ ЧЛЕНА ДЕПУТАТСКОЙ КОМИССИИ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИИ СВЯЩЕННИКА Г. ЯКУНИНА ФАКТИЧЕСКИ
РАСШИФРОВЫВАЕТСЯ АГЕНТУРА БЫВШЕГО 5-ГО УПРАВЛЕНИЯ КГБ СССР.
"ПРАВДА", 14 ФЕВРАЛЯ 1992

Агент №...

В последнее время в печати немало публикаций, в том числе резко критических, об органах государственной безопасности. Причина их появления понятна и воспринимается в чекистских коллективах как призыв к устранению накопившихся тут недостатков, которые мешают построению действительно правового государства.

Вместе с тем вызывает недоумение публикация в средствах массовой информации материалов, откровенно компрометирующих сложившиеся у нас и принятые в спецслужбах всех без исключения стран формы и методы оперативно-розыскной работы. Прежде всего имеются в виду выступления на страницах прессы и по радио члена депутатской комиссии Верховного Совета России священника Г. Якунина, в которых фактически расшифровывается агентура бывшего 5-го управления КГБ СССР.

В связи с этим вынуждены заявить, что подобные публикации лишь разжигают общественную нетерпимость и насаждают моральный террор. А кроме того, нарушают и правовую защищенность людей, оказывающих содействие органам безопасности, дезориентируют оперативный состав, вызывают неуверенность при организации оперативно-розыскной работы.

На наш взгляд, недопустимо, декларируя переход к правовому государству, закрывать глаза на отсутствие нормативного регулирования всех аспектов деятельности органов безопасности.

Считаем крайне необходимым, чтобы российский парламент в ближайшее время рассмотрел пакет законов о безопасности, об оперативно-розыскной работе и о контроле за деятельностью спецслужб.

ПИСЬМО В «ПРАВДУ»

Ориентиром может служить законодательство других стран, где уже десятки лет содержатся конкретные нормы по вопросу использования агентов и осведомителей, установления негласных отношений с гражданами своих государств и иностранцами. Кроме того, в законодательных и подзаконных актах прямо предусматриваются определенные правовые гарантии для этой категории лиц. В США, например, люди, допустившие разглашение сведений, раскрывающих личность негласного агента, подвергаются штрафу в размере до 50 000 долларов или тюремному заключению на срок до десяти лет.

Агентурно-оперативная деятельность — острое и необходимое оружие в руках спецслужб. Можно ли говорить о безнравственности, аморальности этой деятельности? Все зависит от того, чему она служит. Беспорно одно: агентурная работа не должна наносить ущерба обществу, честному человеку, ущемлять необоснованно его законные права и свободы. Этого можно добиться, поставив органы безопасности под регламентированный закононом контроль со стороны парламента, прокуратуры, финансовых служб, общественных организаций, средств массовой информации.

А святой отец Г. Якунин, взяв к покаянию и очищению одновременно подбрасывает поленья в «инквизиторский костер» общественного презрения, забыв, как видно, заповедь Христову: «...не судите и не будете судимы».

Сотрудники военной контрразведки МБ России: полковник Р. БИГЕЕВ, подполковник В. ДОМЕНИКАН, майор В. КОЗЛОВ, подполковник Н. ТЕРЕБЕЕВ.

ПРАВДА 14 февраля 1992 года ◆ № 35 (26789) ◆ 6

СОТРУДНИЧЕСТВО ЦЕРКВИ С КГБ : МИТРОПОЛИТ ПИТЕРИМ И МИТРОПОЛИТ
ЮВЕНАЛИЙ ОБВИНЯЮТСЯ В СВЯЗИ С ОРГАНАМИ

Еженедельник "Мегаполис-экспресс", №3, 1992 (январь)

МИТРОПОЛИТ ОТ КГБ

Русской православной церкви грозит крупный скандал. Начали обнародоваться секретные документы отделов ЦК КПСС и пятого - «политического» - управления КГБ (в частности его 4-го, «церковного», отдела). Из них известно, что многие священники, включая высших иерархов РПЦ, членов Священного синода, являлись агентами охраны. Показать и прокомментировать документы мы попросили председателя Комитета ВС РФ по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности протоиерея Вячеслава ПОЛОСИНА. Он - член комиссии, занимающейся архивами ЦК КПСС и КГБ.

"МИТРОПОЛИТ ОТ КГБ" (2)

— Читая документы, иногда трудно отличить, где деятельность парторганов, а где — спецслужб, так все переплелось. Скажем, в июле 86-го Горьковский обком рапортует в ЦК, что они совместно с УКГБ противостоят разжиганию религиозного фанатизма: сорвали попытку раббина Демшиловского монастыря организовать посещения мест, связанных с святельностью Серафима Саровского. Таких фактов — множество. Было жестокой гонимие на представителей традиционных конфессий со стороны коммунистической — по сути — «мудавостанной» тоталитарной религии. Не спасали даже монастырские храмы. Донесение КГБ 83-го года: «Через агентов «Дроздова» и «Скалу» проводилась воцпитательная работа среди монахов Псково-Печорского монастыря. 84-й год: «Подготовлена аналитическая справка об обстановке в монастырях РПЦ с предложениями по активизации агентурно-оперативной работы среди монастырских». Это была политика разложения церкви изнутри. Политика унижения церкви. Кто-то, не выдержав давления, проявил слабость.

— Особую активность церковно-клубовская агентура проявляла на мировой арене?

— Да, партийные верхи до последнего старались использовать церковь для создания за рубежом выгодного общественного мнения, пропаганды своих идей. Из оперативных отчетов КГБ за 88-й год: «Для учебы в геологических заведениях СРР, СФРЮ, НРВ, ЧССР и ПНР направлены агенты... Перед ними поставлена задача: ...установление контактов с духовенством и выявление устремлений противника». «В Женеву для освящения нового храма Русской православной церкви и переговоров со Всемирным советом церквей выезжали агенты...» Март 89-го: «В КГБ направлены записки о проведении на должности заместителя генерального секретаря совета церквей представителя Русской православной церкви; в мерах РПЦ по противодействию попыткам Варинана возродить «униатскую» церковь». Деятельность сотрудников КГБ была небезуспешной. В 89-м году агентуре удалось выдвинуть агента «Кузнецова» на руководящую должность во Всемирном совете церквей». В 84-м году в Швейцарии усилиями агентуры генералом РСЦ был избран Эмилио Кастро, как сообщается в донесении «вспомогательный для нас кандидат». В октябре 83-го в Москве проходило заседание рабочего комитета христианской мирной коалиции Франции по проблемам разоружения, куда было направлено аж 9 церковных агентов КГБ «в центр

"МИТРОПОЛИТ ОТ КГБ" (3)

лю... принятия выгодных решений и... отдельных делегатов». В том же году в издательском отделе Московской патриархии была встреча представителей церковной прессы, участвовало 12 иностранцев. «Через агентов «Аббат» и «Григорий» на иностранцев было оказано политически выгодное влияние. Неупоминимый «Аббат», издатель и редактор издательского отдела, разъезжал с проповедью завоеваний социализма по всему миру.

— Вы старательно не называете имен, хотя я слышала, что уже «вычислили» личность «Аббата» — митрополит Питирим, глава издательского отдела, часто мелькавший в свите Горбачевой, «Узнал» и агент по кличке «Адамант» — митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Есть ли какая-нибудь реакция синода, патриархии — ведь они знают о существовании этих материалов?

— Ну, я никого не вычислял. Меня ужасает само явление... Пока никаких заявлений руководства РПЦ не было. Думаю, синоду нужно рассмотреть вопрос. Может, даже созвать собор. Речь ведь идет о престиже, авторитете церкви. Однако даже если из полученных материалов будет доказано, что конкретный епископ, архимандрит выполнял какие-то агентурные задания, собирал информацию, представляющую интерес для государства само по себе это не является каноническим нарушением. Человек просто по совместительству выполнял какую-то государственную службу. Хотя, конечно, в представлении большинства людей они не сочетаются с обязанностями священнослужителя. Другое дело, если в функции агентов входило доносить, собирать идеологический компромат. И особенно — если они пытались совмещать христианство с язычеством в виде коммунизма, социалистических идеологий, доказывали, что якобы между ними есть что-то родственное, общее. Это, конечно, греховное дело.

— Какова, на ваш взгляд, будет реакция мировой религиозной общественности?

— Трудно что-то предположить, посмотрим...

Р. С. «Под занавес» Полехин сообщил, что роль миссия материалов о сотрудничестве с КГБ служителей — мусульман, буддистов и представителей других конфессий. Просто трудно так быстро обрисовать и систематизировать доклады депутатов «из православных», понятно, в первую очередь инаугурация «сейма»

Елена ПЕСТРУХИНА

ПРАВОСЛАВИЕ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ НЕ ОБЯЗЫВАЕТ ВЕРУЮЩЕГО БЫТЬ АНТИСЕМИТОМ.
ЕСЛИ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЗАНИМАЕТ ПОЗИЦИЮ АНТИСЕМИТИЗМА, ЗНАЧИТ, К ЭТОМУ
ЕГО ОБЯЗЫВАЕТ НЕ ЕГО КОНФЕССИОНАЛЬНОСТЬ, А КАКИЕ-ТО ИНЫЕ,
ВНЕРЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ

"МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ", №4, 1992

ВАШИ ПРОРОКИ — НАШИ ПРОРОКИ

АЛЕКСИЙ II, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Только поверхностное знание отдаляет человека от Бога, а более глубокое вновь приводит к нему. Об этой формуле стоит вспомнить в сегодняшних дискуссиях о связях религиозности, нетерпимости и националистической ненависти. Нужно быть слепым, чтобы не видеть, как переплетены эти человеческие чувства. Но все же лишь поверхностная религиозность приводит к национализму, а более глубокая уводит от него. Подлинная вера всегда боролась с суевериями.

Прекрасный пример тому — публикуемая ниже речь патриарха Московского и всея Руси, произнесенная им 13 ноября прошлого года в Нью-Йорке на встрече с раввинами во время его визита в США.

Вывод из этой речи простой: православие по меньшей мере не обязывает верующего быть антисемитом. И если православный занимает позицию антисемитизма, значит, к этому его обязывает не его конфессиональность, а какие-то иные, внерелигиозные мотивы. Таким образом, речь патриарха об отношениях иудейства и христианства помогает преодолению двух страхов: страха православных перед евреями и страха евреев, связанного с тем, что православие неустранимо обречено на генерирование антисемитизма.

ПРАВОСЛАВИЕ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ НЕ ОБЯЗЫВАЕТ ВЕРУЮЩЕГО БЫТЬ АНТИСЕМИТОМ.
ЕСЛИ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЗАНИМАЕТ ПОЗИЦИЮ АНТИСЕМИТИЗМА, ЗНАЧИТ, К ЭТОМУ
ЕГО ОБЯЗЫВАЕТ НЕ ЕГО КОНФЕССИОНАЛЬНОСТЬ, А КАКИЕ-ТО ИНЫЕ,
ВНЕРЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ

2

"МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ", №4, 1992

Дорогие братья, шолом вам во имя Бога любви и мира! Бога отцов наших, который явил Себя угоднику Своему Моисею в Купине неопалимой, в пламени горящего тернового куста, и сказал: «Я Бог отцов твоих, Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова». Он Сущий — Бог и Отец всех, а мы все братья, ибо мы все дети Ветхого завета его на Синае, который в Новом завете, как мы, христиане, верим, обновлен Христом. Эти два завета являются двумя ступенями одной и той же богочеловеческой религии, двумя моментами одного и того же богочеловеческого процесса. В этом процессе становления Завета Бога с человеком Израиль стал избранным народом Божиим, которому были вверены законы и пророки. И через него воспринял Свое «человечество» от Пречистой Девы Марии воплотившийся Сын Божий. «Это кровное родство не прерывается и не прекращается и после Рождества Христова... И потому мы, христиане, должны чувствовать и переживать это родство как прикосновение к непосредимой тайне смотрения Божия». Очень хорошо это выразил выдающийся иерарх и богослов Русской православной церкви архиепископ Херсонский и Одесский Никанор (Бровкович) в проповеди, произнесенной в Одессе более чем сто лет назад.

Главная мысль этой проповеди — теснейшее родство между ветхозаветной и новозаветной религиями. Единение иудейства и христианства имеет реальную почву духовного и естественного родства и положительных религиозных интересов. Мы едины с иудеями, не отказываясь от христианства, не вопреки христианству, а во имя и в силу христианства, а иудеи едины с нами не вопреки иудейству, а во имя и в силу истинного иудейства. Мы потому отделены от иудеев, что мы еще «не вполне христиане», а иудеи потому отделяются от нас, что они «не вполне иудеи». Ибо полнота христианства обнимает собой и иудейство, а полнота иудейства есть христианство.

В основе выступления архиепископа Никанора лежала идея взаимопонимания между Православной церковью и еврейством. Это стремление к сближению не было одиноко в нашей Церкви. Еще в 1861 г. епископ Нижегородский Хрисанф (Ретивцев) призывал Церковь содействовать прекращению враждебности, установить отношения диалога с евреями. В таком же духе обращался к евреям в начале нашего века и архиепископ Николай (Зиоров). «Еврейский народ близок нам по вере. Ваш закон — это наш закон, ваши пророки — это наши пророки. Десять заповедей Моисея обязывают христиан, как и евреев. Мы желаем жить с вами всегда в мире и согласии, чтобы никаких недоразумений, вражды и ненависти не было между нами».

Исходя из таких вероучительных и богословских убеждений, иерархи, духовенство и богословы нашей Церкви решительно и открыто осуждали всякие проявления антисемитизма, вражду и погромы в отношении евреев. Так, осуждая погром 1903 года в Кишиневе, архиепископ Вольнянский Антоний (Храповицкий) публично заявлял: «Жестокие кишиневские убийцы должны знать, что они посмели пойти против Божественного Промысла, что они стали палачами народа, который возлюблен Богом».

Во время печально знаменитого суда над Бейлисом эксперты нашей Церкви — профессор Киевской духовной академии протоиерей Александр Глаголев и профессор Петербургской духовной академии Иван Троицкий — твердо защищали Бейлиса и решительно высказались против обвинений евреев в ритуальных убийствах. Очень много сделал для защиты евреев от антисемитских нападений со стороны крайних радикально-правых организаций митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский). Мужественно защищали евреев от вражды и неправых обвинений со стороны антисемитских кругов многие другие наши иерархи и богословы: митрополит Макарий (Булгаков), епископ Гродненский Донат (Бабинский), епископ Виссарий (Нечаев), архиепископ Серапион (Мещеряков), архиепископ Макарий (Мирослюбобов)...

Отдельно надо сказать об участии в защите евреев против антисемитизма

многих наших богословов и выдающихся религиозных мыслителей — например, Владимира Соловьева, Николая Бердяева, о.Сергия Булгакова. Соловьев считал защиту евреев, с христианской точки зрения, одной из важных задач своей жизни. Для него еврейский вопрос не есть вопрос о том, хороши или плохи евреи, а есть вопрос о том, хороши или плохи мы, христиане. Для налаживания христианско-еврейского диалога много сделали наши знаменитые православные религиозные мыслители, евреи по происхождению, Семен Франк и Лев Шестов.

Однако не только знаменитые иерархи и богословы участвовали в этом благородном деле. Многие священники на местах

ПРАВОСЛАВИЕ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ НЕ ОБЯЗЫВАЕТ ВЕРУЮЩЕГО БЫТЬ АНТИСЕМИТОМ.
ЕСЛИ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЗАНИМАЕТ ПОЗИЦИЮ АНТИСЕМИТИЗМА, ЗНАЧИТ, К ЭТОМУ
ЕГО ОБЯЗЫВАЕТ НЕ ЕГО КОНФЕССИОНАЛЬНОСТЬ, А КАКИЕ-ТО ИНЫЕ,
ВНЕРЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ

"МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ", №4, 1992

активно защищали и спасали евреев от погромов и преследований. Во время второй мировой войны и нацистской оккупации духовенство и верующие нашей Церкви, рискуя своей жизнью, укрывали евреев. Классические примеры этого — мать Мария (Скобцова), священники Дмитрий Клепинин и Алексей Глаголев, многие другие, о подвигах которых, о жертвенном служении спасению их еврейских братьев и сестер следует всем нам знать. Армия нашей страны в борьбе с гитлеровской Германией ценою жизни почти 20 миллионов победила нацизм, освободила оккупированные немцами страны Европы и тем предотвратила «окончательное решение еврейского вопроса», запланирован-

ное и жестоко проводимое нацистами на этих территориях, спасла евреев от полного истребления.

После второй мировой войны наша Церковь начала налаживать свои отношения, сотрудничество со всем христианским миром, со многими международными нехристианскими религиозными организациями и объединениями, в том числе и с еврейскими. Мы активно участвовали в деятельности Всемирного совета церквей, в частности, его комиссии «Церковь и еврейский народ», в работе международных конференций — в Москве были проведены две крупные международные конференции представителей христианских церквей и нехристианских мировых религий, где Русская православная церковь выступала с решительным осуждением милитаризма, расизма и антисемитизма.

К сожалению, сегодня, в трудное для нашего общества время, антисемитские настроения в нашей жизни проявляются довольно часто. У этих настроений, распространенных среди крайних экстремистов, правых шовинистических групп, есть питательная среда: общий кризис, рост национального обособления... Задача Русской церкви помочь нашему народу победить зло обособления, этнической вражды, узкоэтнического национал-шовинизма. В этом трудном, но святом для всех нас деле мы надеемся на понимание и помощь наших еврейских братьев и сестер. Совместными усилиями мы построим новое общество — демократическое, свободное, открытое, справедливое, такое общество, из которого никто не желал бы больше уезжать и где евреи жили бы уверенно и спокойно, в атмосфере дружбы, творческого сотрудничества и братства детей единого Бога — Отца всех, Бога отцов ваших и наших.

С радостью я должен засвидетельствовать здесь, что желание вести сближающий диалог с Русской православной церковью всегда находило положительный отклик и поддержку со стороны общественных и духовных руководителей еврейских общин в нашей стране. Из наиболее известных можно упомянуть Ицхака Бер Левинсона, который был отцом движения Гаскала (первая половина XIX в.) — движения высокой духовности среди евреев России. С предложением вести диалог между евреями и Русской церковью он обратился к архимандриту Христофору, ректору Кременецкой духовной семинарии на Волыни, где они оба жили и работали. Книга Левинсона о диалоге с православными «Довольно крови» была переведена на русский язык в 1883 г. и получила широкое распространение. Ее популярность напугала наших реакционеров, и они осудили ее в начале века как опасную для православного духовенства. В связи с еврейско-православным диалогом следует назвать еще несколько имен: раввина Шмуила Александрова из Бобруйска (Беларусь) — знаменитого еврейского каббалиста, находящегося под влиянием Владимира Соловьева и убитого фашистами в 1941 году; раввина Лейб Иегуда Дон-Яхия из Чернигова (Украина) — он испытал на себе влияние Толстого, которого часто цитировал в своих проповедях. Следует вспомнить нашего современника профессора Михаила Агурского из Иерусалима, знатока истории евреев в России, много сделавшего для нашего сближения. Недавно он приехал из Иерусалима в Москву на конгресс русской диаспоры и здесь неожиданно умер. Вечная ему память...

фото Александра МАГРИШВИНА

Вообще евреи в нашей стране с уважением относились к нашей Церкви и ее духовенству. Не случайно адвокатом митрополита Петербургского Веннамина в 1922 г. на суде по делу так называемых «церковных ценностей» был еврей Гуревич, который самозабвенно защищал митрополита...

На иконостасе нашего русского храма в Иерусалиме начертаны слова псалмопевца: «Просите мира Иерусалиму». Это сейчас то, что нам всем нужно — и вашему, и нашему народу, всем другим народам, ибо как Бог наш един Отец всех людей, так и мир — шолом — от Него, един и неделим для всех чад Его.

ИНТЕРВЬЮ ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ ВТОРОГО

«Труд»

29 ноября 1991 года

Алексий II, Патриарх Московский и Всея Руси:

СПАСЕМСЯ
ТРУДОМ СВОИМ

Перед завершением своего визита в США по приглашению главы ортодоксальной церкви Америки митрополита Теодозия Патриарх Московский и Всея Руси АЛЕКСИЙ II принял в своей Вашингтонской резиденции корреспондента «Труда» В. Сиснева и ответил на вопросы, интересующие наших читателей — верующих и неверующих, но одинаково обеспокоенных судьбами своей многострадальной Родины.

— Ваше святейшество, накануне вашего приезда американская пресса писала, что Московская патриархия «наводит мосты» с православной церковью зарубежья. Если это так, то насколько успешным в этом смысле был ваш визит? И вообще насколько важным вы считаете восстановление единства?

— Сразу после моего избрания на патриарший престол, я сделал одним из своих приоритетов укрепление православного единства. И в официальных визитах, в том числе в Америку, я ставлю перед собой именно эту цель. Что касается русского зарубежья, то оно разделено. В Западной Европе оно объединено в русскую архиепископию, подчиненную Константинопольскому патриархату. В 34 странах имеются епархии и благочиния православной церкви Московского патриархата.

Православная церковь Америки — наша дочерняя церковь. Через два года она будет праздновать 200-летие православной миссии, которую предприняли миссионеры Валаамского монастыря, начавшие с Аляски. В 1970 году мы предоставили ей автокефалию, то есть самостоятельность. Есть еще Русская зарубежная церковь, которая образовалась в 1922 году в Сремских Карловцах в Югославии. Она имеет приходы в Соединенных Штатах, Канаде, Австралии и в некоторых странах Западной Европы. К сожалению, с этой церковью у нас нет канонического и молитвенного общения. Эта церковь рассматривается как раскол, образовав-

шийся в результате политических событий после революции.

Мы неоднократно в своих посланиях обращались к Русской зарубежной церкви с предложением объединиться или начать переговоры, потому что Русская зарубежная церковь — это плоть от плоти и кровь от крови русского народа. Но политические позиции ее руководителей всегда препятствовали этому. И в последнее время тоже выдвигаются все новые требования и условия для диалога с нами. Нас упрекают в «серианстве», то есть в сотрудничестве с советской властью, и требуют, чтобы мы отказались от участия в экуменическом движении, имеющим целью объединение всех христианских верований.

Между тем декларация митрополита Сергия в 1927 году была попыткой спасти церковь в те страшные годы религиозных пре-

следований, попыткой сказать, что церковь не является политическим противником государства. Церковь всегда разделяла судьбу своего народа. Его радости и его печали.

Что же касается экуменического движения, то оно придумано не большевистской властью, оно началось еще в те далекие годы, когда осуществлялась православная миссия в Америке. Я с 1964 года участвую в Конференции европейских церквей, которая была учреждена в 1959 году для наведения мостов между Востоком и Западом.

Будучи в Америке, я посетил штаб-квартиру Национального совета церквей Христа, высказал свое недоумение по поводу некоторых его действий — например, по вопросам рукоположения женщин в церковный сан, отношения к гомосексуалистам и так далее. Но вместе с тем я выразил им благодарность за то, что в самые тяжкие времена мы ощущали поддержку, продолжали встречаться и стимулировать отношения дружбы между нашими народами. Мы ни в чем, ни на йоту не отступим от наших догматов, от истин нашей веры.

В то же время, выступая здесь, я заявлял, что мы готовы к сотрудничеству с Русской зарубежной церковью на любом уровне. Синод же ее выступает только с обвинениями. У нас слишком много задач, их нужно решать вместе, а не усугублять противостояние. Единство нам необходимо как никогда.

[Окончание на 3-й стр.]

"СПАСЕМСЯ ТРУДОМ СВОИМ" (2)

...ние. Начало на 1-й стр.]

— Вы встречались с президентом Бушем. Это само по себе — историческое событие. Ожидаете ли вы от этой встречи каких-то практических результатов?

— Да, у меня была содержательная, глубокая, искренняя встреча с господином президентом. Я рассказал о тех трудностях, которые сегодня испытывает наша страна, о надежде, которую вселили в сердца наших людей его слова, что никто в эту зиму в Советском Союзе голодать не будет. Сказал, что мы надеемся на помощь Соединенных Штатов, и почувствовал живой отклик президента. Он заверил, что сделает все возможное, чтобы помочь нам.

— Многие у нас дома рассчитывают, что нас из наших бед вытащит Америка или Запад в целом. Как вы относитесь к таким надеждам?

— Мне кажется, что гуманитарная помощь действительно необходима для слабо защищенных слоев нашего общества. И я здесь об этом неоднократно говорил. Я имею в виду больных, престарелых, одиноких, многодетных — именно они могут пострадать и страдают в первую очередь в результате роста цен, отсутствия продуктов питания и медикаментов. Говорил я представителям деловых кругов и о том, что нужна долгосрочная помощь — в возрождении нашего села. Наша деревня претерпела страшные удары судьбы — голод 20-х годов, раскулачивание, коллективизация, удушение индивидуального хозяйства налогами, разукрупнение и, наоборот, укрупнение колхозов. Все это привело к тому, что сегодня у нас нет крестьянства. Я последнее время много бывал в российской глубинке и видел, что люди хотят работать, но им нужна технология — по переработке молока, птицы, мяса. Это, кроме всего прочего, помогло бы привлечь обратно в деревню тех людей, которые неизбежно окажутся в больших городах без работы. Я просил о такой помощи и думаю: на нее можно рассчитывать. Но нам нужно и самим работать. Невозможно каждый год рассчитывать только на американскую или иную чрезвычайную помощь. Основное усилие для своего спасения должен сделать сам народ. Мы научились работать. И если мы сегодня же не начнем работать по-настоящему, не для показателей и рапортов, а для самих себя, будущее нашего Отечества весьма проблематично.

— Если позволите, несколько вопросов, относящихся к нашим внутренним делам. Но прежде хотелось бы услышать, как вы, то есть церковь, трактуете само понятие «свобода». Марксисты, как известно, утверждают, что это — «осознанная необходимость». А ваша формула?

— Человек свободен, но у него должны быть нравственные критерии, которым он обязан следовать. Это 10 заповедей и евангельские учения для христиан, Коран — для мусульман, Ветхий Завет — для иудеев. Как говорит очень четко в одном из своих посланий апостол Павел, «мне все позволено, но не все полезно». То есть не нужно путать свободу со вседозволенностью. Нравственный закон человеку необходим, хотя он его в чем-то и ограничивает.

— Вы благословили Бориса Николаевича Ельцина на президентство. И, значит, в определенной мере взяли за него ответственность перед Богом. Представляется, что это подразумевает помощь ему со стороны церкви. Ему — то есть тем демократическим силам русского общества, которые он как бы олицетворяет. Верно ли я понимаю?

— Благословляя его, я меньше сказал слов поздравлений, чем слов о той ответственности, которую Борис Николаевич берет на себя! Церковь готова разделить эту ответственность, готова к сотрудничеству, а благословение само по себе показало, что мы поддерживаем те демократические силы, которые, как вы правильно сказали, олицетворяет российский Президент. На нашей канонической территории сейчас около 12 тысяч приходов и 121 монастырь, они вносят свою посильную лепту в возрождение Отечества. Хочу заметить, что в прежние времена православные монастыри были еще и образцами культурного хозяйствования на земле. Тот же Валаамский монастырь на Ладожском озере, несмотря на суровые климатические условия, выращивал до 60 сортов яблок. Но тогда приток в монастыри шел за счет крестьянства, городского человека труднее приучить работать на земле. И сейчас в этом смысле монастыри испытывают трудности. Думаю, что с восстановлением духа восстановится и отношение к земле, и отношение к труду.

— О духовном вакууме, создавшемся после краха коммунистической идеологии, которая по сути была обязатель-

ной государственной религией, сейчас говорят и пишут очень много. Здесь, в Америке, да и в других странах, церковь играет основополагающую роль в духовном воспитании людей — политическое доктринерство способно лишь уродовать их, как это у нас и произошло. Полагаете ли вы, что православная церковь может снова занять место, утраченное ею после 1917 года?

— Нашу религию более 70 лет именовали «опиумом для народа», «идеологией империализма» и так далее. И в результате к моменту демократических перемен, происшедших в нашем обществе, многие люди пришли с пустотой в душе, которую теперь пытаются заполнить разные силы. Среди них мистические учения Востока, кришнаиты, начинает возрождаться язычество, хотя почвы для него у нас как будто бы нет. Создаются союзы колду-

нов; римско-католическая церковь осуществляет параллельную миссию на нашей территории; протестантские проповедники-фундаменталисты правдами и неправдами, раздачей подарков и литературы стараются уловить души наших людей. После революции прошло три поколения, но все-таки русский народ связан с православием тысячелетием своей истории, и ему нужно вернуться к своим исконным корням, к своим традициям. Я отношу это не только к русским, но и к украинцам, и к белорусам. Да, православная церковь может и должна помочь духовному возрождению нашего народа. Она сохранила нравственные ценности, которыми готова поделиться с обществом. Но когда раздаются голоса, что церковь хочет занять то же место, что и до 1917 года, я категорически отвечаю, что мы не претендуем на государственное или политическое влияние, наша задача совершенно иная — нравственная. Наша роль — примирять, помогать преодолеть противостояние и нетерпимость, межнациональную рознь.

"СПАСЕМСЯ ТРУДОМ СВОИМ" (3)

— Есть ли какое-то общее соглашение о возвращении патриархии церкви и насколько вы удовлетворены тем, как идет этот процесс?

— Нужно быть реалистами. Невозможно сразу вернуть все, что принадлежало церкви раньше, но нужно иметь долгосрочный перспективный план. Иван Степанович Силаев еще в бытность премьер-министром РСФСР попросил меня представить список церквей, которые мы хотели бы открыть до двухтысячного года по Российской Федерации. Я представил ему список из 780 храмов — разрушенных и оскверненных. Потом в нем появились и новые наименования: народ сам собирает средства и принимается за восстановление храмов, обращаясь к нам за помощью. Энтузиазм такого рода, который я видел во многих областях в глубинке России, энтузиазм, помогший возвращению к жизни святынь, в которых молились их деды, огромен. Иногда и крыши еще нет, а уже начинается богослужение.

— Вы цитировали Тютчева: «Не время выкликать теней, и так уж страшен этот час». Но можно ли помириться с прошлым, не назвав все своими именами, не сказав, кто повинен в наших несчастьях? Не означает ли это — загнать болезнь внутрь?

— Поиски очередного «врага» ни к чему хорошему нас не приведут. Если же говорить об общественной силе, которая поставила нас на грань катастрофы, то я скажу так. В демократическом обществе могут существовать любые партии, в том числе и коммунистическая. Но не та, которая правила страной в течение 74 лет и привела ее к нынешнему трагическому положению.

— И в продолжение предыдущего вопроса... Каким образом нельзя сделать мир и людей лучше — так говорите вы. Но не есть ли это отрицание правосудия? Власть, особенно наша крупная демократическая власть, должна уметь защищать себя, а защита без насилия невозможна. И как тогда быть с преступностью, которая буквально захлестывает страну?

— Правосудие, конечно, должно быть. Распушенность, безнравственность, жестокость, страшная жестокость, которые мы видим сегодня вокруг, особенно среди молодежи, проституция, наркомания, алкоголизм — это туго сплетенный бич общества. И здесь без принятия каких-то мер, даже очень жестких, одними нравственными при-

зывами справиться невозможно. К сожалению, многое в нашей жизни сейчас, например видеотеки с фильмами, пропагандирующими насилие и сексуальную вседозволенность, способствует не духовному возрождению, а нравственной распушенности. А между тем нравственная распушенность и преступность очень близки друг к другу. Разврат, пьянство, наркомания требуют денег. А где их взять? И люди идут на преступление, на разбой. Конечно же, нельзя отрицать, что общество имеет право защищать себя. Оно обязано это делать, если хочет быть здоровым.

— Находится немало людей, которые во всех наших бедах винят евреев. Одни, поинтереснее, изобретают теории «малых народов», другие прямо обрушиваются на «жидо-ма-

сонов». Что вы думаете об этом?

— Встретившись с большой группой нью-йоркских раввинов, я говорил им об отношении нашей церкви к антисемитизму, к погромам, которые были раньше, цитировал им многих деятелей православной церкви, считавших, что еврейский народ нельзя обвинять во всех смертных грехах, что он тоже заслуживает уважения. Виноват не какой-то один народ, не группа народов, а идеология. Испытателями ее были люди разных национальностей. Антисемитизм я отвергаю, считаю его грехом, как вообще считаю грехом любую межнациональную рознь.

— Армия — часть народа. Какова политика патриархии в отношении ее?

— Меня часто спрашивали о возможности какого-то пастьорского участия в армейской жизни. Этот вопрос поднимался и при обсуждении закона о свободе совести. Полковник Мартирьян предлагал даже, чтобы в его полку были военные священники — находясь в Ровенской области, я бывал в этом полку. Я отвечал, что пастьорское участие станет возможным только после деполитизации армии, которая сейчас и происходит. Нам нужно думать о подготовке военных священников, ибо много сегодня проблем в армии — не только дедещина, но и настоящая преступность. Сегодня у нас нет готовых военных священников. И одна из целей моих зарубежных поездок — узнать, как их обу-

— В частности, в Англии мне

чают.

удалось познакомиться с работником духовной школы, которая готовит священнослужителей, так сказать, обобщено назначения — для больниц, домов престарелых, тюрем, а также и для военной службы. Надеюсь, что мы тоже придем к этому и работа в армейской среде со временем тоже будет давать благодатные плоды.

— Ваше святительство, как между светскими властями и народом, так и между вами и вашей паствой стоит многочисленная иерархия. Как вы преодолеваете эту преграду, удается ли вам?

— Да, иерархия отделяет патриарха. Поэтому раньше его жизнь была жизнью в золотой клетке. Его знали только по фотографиям в календаре. Я стараюсь быть ближе к народу, за полтора года своего патриаршества посетил 22 епархии — не только областные города, но и сельские места. Стараюсь преодолевать отделяющий меня барьер и путем общения с прессой. Вот вы мне задаете вопросы, которые интересуют многочисленных читателей очень популярной газеты «Труд». Так что через вас я соприкасаюсь с многомиллионной аудиторией.

— Ваше святительство, газету «Труд» ежедневно читают около 80 миллионов человек. Номер с вашим интервью, я уверен, прочтут еще больше людей и в России, и в других суверенных республиках. Какие слова вы обратите к ним в этот нелегкий для нас всех час?

— Понятие, ставшее названием вашей газеты, — это как раз то, чем всем нам сегодня больше всего надлежит заниматься. Добросовестный физический, а равно и духовно-нравственный труд на тех местах, где мы поставлены волею Божией, — в этом наше общее спасение. Желаю всем читателям «Труда», чтобы труд для них был не тяжелой обязанностью, а нравственной необходимостью.

Беседу вел
В. СИСНЁВ.

ВАШИНГТОН.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПОСЛЕ АВГУСТОВСКОГО ПУТЧА. ГРОЗИТ ЛИ ЕЙ ОЧЕРЕДНОЙ РАСКОЛ?

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА 15.10.91.

5

ТРЕТИЙ РАСКОЛ РПЦ. КОГДА?

Юрий Буйда

Прогноз

В ПОСЛЕАВГУСТОВСКИХ дискуссиях о судьбах Русской Православной Церкви тема раскола то возникает явно, то маячит неотвязной тенью на втором плане как раздражающее напоминание о чем-то важном и тревожном. Возможность преодоления раскола, случившегося вскоре после Октября, многие связывают с собором православных церквей. Но, кажется, никто пока не отдает себе отчета в реальности третьего раскола, который по силе и последствиям превзойдет оба предыдущих.

Историки и верующие говорят о двух великих расколах Русской Православной Церкви. В первом случае речь идет о расколе XVII века, начавшемся со Смуты и через кульминацию в конфликте Никона—Аввакума, достигшем завершенности после реформ Петра. Несколько упрощая, можно сказать, что это была первая в истории России попытка рождения самочинной личности (Самозванец), развившаяся на церковном уровне в противостояние между сторонниками «реформации» во главе с Никоном и сторонниками консервации национальной «самости» — ревнителями древлеотческого благочестия во главе с Аввакумом. Петр, используя энергию «самости», воплотил на качественно новом уровне идеи реформаторов. Старообрядчество, отпав от государственного Тела, не выработало адекватных времени идей и утратило влияние на верующих, так и не став авторитетной оппозицией Церкви или Государству, ни основой цивилизованного самосопределения личности. А если судить по «конечным результатам», можно даже прийти к парадоксальному выводу о том, что серьезного раскола в церкви и не было — от нее откололась и качула в небитое группа ортодоксальных фундаменталистов, спустя три века «прощенных» официальной церковью, — что совершенно никак

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПОСЛЕ АВГУСТОВСКОГО ПУТЧА. ГРОЗИТ ЛИ ЕЙ ОЧЕРЕДНОЙ РАСКОЛ?

2

не отразилось ни на жизни церкви, ни на жизни общества.

Второй раскол связывают с революцией 17-го года, массовой эмиграцией, политикой пострихоновского клира и Карловацким собором. Размежевание «советской» и зарубежной православных церквей в последнее время стало достоянием широкой читающей публики, тем более что в исконных вотчинах РПЦ образуются приходы церкви зарубежной.

Но грядет третий раскол, который по своей силе и последствиям для церкви, скорее всего, значительно превзойдет оба предыдущих. Этот третий раскол может вылиться в формы, в которых развивалась европейская Реформация — реальный плод сложнейшего духовного процесса, традиционно называемого Ренессансом. Не возьмусь утверждать, что в результате этого раскола в России возникнет какая-то разновидность протестантизма, однако несомненно: кризис РПЦ, кризис православия — неизбежен.

Можно говорить о двух предпосылках, двух причинах этого кризиса, внутренне тесно связанных между собой.

Первая — так называемая «преждевность» Московской Патриархии, ее связи с КГБ, партией, взяточничеством и прочие внутренние нестроения, подрывающие моральный авторитет РПЦ. Об этом в последнее время говорится немало, в том числе и с подачи самих иерархов Русской Церкви (например, недавнее заявление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла о связях священства с КГБ). Неприимно настроенные сторонники зарубежной церкви вменяют в вину РПЦ ее двусмысленную лояльность по отношению к Советам, полагая, что это не дает права Московской Патриархии представлять всю полноту Русской Церкви. Однако здравомыслящему человеку ясно, что не имеет такого права и зарубежная церковь, на 70 лет выключенная из реальной жизни России. Выход из конфронтационного противостояния видится в соборе, на котором все стороны получили бы свои серпы и помириться бы на том, на чем смо-

гут помириться. Почему бы и нет? Однако это не решит проблему, имманентную русскому православию вообще.

Русская православная церковь никогда не была опорой для личности в ее самореализации и самоутверждении в мире. С другой стороны, в отличие от западноевропейского католицизма, «великая духовная энергия, почерпаемая из безмерной сокровищницы православной веры, шла едва ли не целиком вглубь, почти не определяя эмпирическую периферию жизни... она не определила собою общественно-правового уклада русской жизни, не воспитала веры в какие-либо, освященные ею, принципы гражданских и государственных отношений» (С. Франк).

«Богонизбранное супружество» Церкви и Государства лишило последнее собственной идеологии, которую заместил православие, а Церковь, в свою очередь, так и не обрела собственного «внешнего», общественно-авторитета, автономного по отношению к власти светской. Ее авторитет бы и остался авторитетом «внутренним», духовным и соответствует такому аморфному, хотя и необычайно мощному образованию, которое определяется все еще загадочным термином «русская соборность». Отсутствие в России секуляризованной культуры, основанной на признании автономной ценности земной жизни, коррелируется с неразвитостью русской личности, значимой лишь как компонент соборности, общности и знающей лишь одну форму личной свободы — свободу внутреннюю, духовную. Этим она и отличается от личности западноевропейского типа, свобода которой зиждется на отношениях с двумя автономными центрами — государством, владеющим «телом», и церковью, владеющей «душой» (мысль, высказанная Г. Федотовым в его эссе «Рождение свободы»). Единственное, что произвели на свет божий «богонизбранные супруги», — антиличностный православный этатизм, ставший раньше всего интересом государства.

Понятно, что вследствие этого опорой православия могло

быть главным образом русское крестьянство — единственное в мире сословие земледельцев, носящее идеологизированное название («христиане — крестьяне — крестьяне»). Это и была вся полнота РПЦ. В этом на собственном и подчас горьком опыте убеждаются те, кому выпало утверждать православие в экстраординарных условиях. Священник автокефальной Польской православной церкви Александр Шеломов, внук офицера Российского генштаба и сын польского врача русского происхождения, утверждает однозначно, что единственной силой, которая спасла православие в Польше, были крестьяне — русские, украинцы и белорусы, волею судьбы оказавшиеся за рубежом отчизны. До 1939 года в Польше было около пяти миллионов православных, многие из них оказались в казахстанских и сибирских лагерях. Сейчас в Польше их около миллиона. Вплоть до визита кардинала Казароли в Москву (1989 год) православным в этой католической стране приходилось, мягко скажем, нелегко. Александр Шеломов убежден: «В те годы мы просто не выжили бы, если бы не крепкие в своей нерассуждающей вере крестьяне».

Это свидетельство имеет непосредственное отношение к тому, что происходило и происходит в РПЦ. Первая волна любящего интеллигенции, ринувшейся было под сень Церкви, кажется, схлынула, оставив после себя не такое уж значительное количество подлинных неопитов РПЦ, и церковь вновь оказалась у старинного своего «корыта» — с крестьянами, точнее, с людьми, сохранившими те свойства национальной ментальности, которые выросли из православной соборности. Православие — антиинтеллектуальная вера бесхитростных крестьян, сомкнутых — хотя бы и психологически — в нерасчлененную общность. Впрочем, под этой психологией — все еще прочная база «обобществленной» экономики (да простится мне этот явно спрямленный марксизм).

«Рыночные» реформы 60—80-х годов прошлого века положили начало дроблению того моноли-

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПОСЛЕ АВГУСТОВСКОГО ПУТЧА. ГРОЗИТ
ЛИ ЕЙ ОЧЕРЕДНОЙ РАСКОЛ?

3

та, который назывался общиной, русским собором. Примерно в это же время возникло и такое любопытнейшее явление русской духовной жизни, как толстовство. Рискнув быть обвиненным в вульгарном социологизме, все же хотел бы напомнить о наблюдении одного российского социал-демократа, который назвал — и не без оснований — Льва Толстого «зеркалом русской революции». В этом зеркале отразилась эволюция протестантизма, соотносимого с протестантством Достоевского. Антицерковность, жажда заповедной «чистоты», обращение к первоисточникам веры, замороженность проблемами зла, первородного греха и воздаяния, то есть свободы и ответственности, проникнутая кальвинистским духом стилистика самосуда, — все это, если я не ошибаюсь, напоминает то, чем протестантизм отличается от католицизма и православия. Вряд ли случайна такая реакция двух величайших национальных гениев на общественные процессы, целью которых было формирование самочинной русской личности. Как не случайны, видимо, и обвинения — в первую очередь в адрес Толстого — в антиправославных тенденциях. Сегодня остается только гадать, во что могли бы вылиться эти реформистские умонастроения, захватившие не только Толстого и Достоевского...

Но Сталин и его команда предприняли в целом небезуспешную попытку вернуть российское общество в дореформенное — точнее, даже в «досмутное» — время к соборности как нерасчлененной общности. Стравливание социальных слоев, групп и классов преследовало, в сущности, одну цель: ликвидировать даже тень самочинной личности, даже самую возможность ее возникновения. Не случайным поэтому представляется тот факт, что именно в то время церкви «вернули» патриаршество, легализовав его как факультативную форму одушевления новой соборности — при ведущей роли «богоизбранных супругов» — Государства и Партии. Не случайно и нараставшее по

мере декондивидуализации общества остервенение, с каким официальная идеология реагировала на протестантизм Толстого и Достоевского, называя его — без малейшего смущения — фальшивым. Так оно, конечно, и должно было представляться, чтобы не обнаружилась фальшь «богоизбранного супружества», в противном случае последствия могли стать непредсказуемыми — например, вроде перестройки Горбачева...

Развитие рыночных отношений подрывает основу основ Русской Православной Церкви, каковой всегда была общность, а не личность. Но «колхозная общность» рано или поздно будет размыта, и рано или поздно принцип частной собственности обретет адекватное значение для общества. Для РПЦ — по самому большому счету — принцип частной собственности никогда не был священным, да и не мог быть священным в сверхцентрализованном деспотическом государстве; поэтому столыпинская реформа — в перспективе — была антиправославной. «Отложенное» рождение индивидуализма не может не состояться, если состоятся рыночные реформы: рынок и индивидуализм — две стороны одной медали. В нашем случае речь пойдет о переориентации личности с патернализма и соборности на индивидуализм и личную свободу, являющуюся великолепной закваской для протестантизма уже в конфессиональном смысле.

Я не готов утверждать, что протест против внешней аморальности и внутренней неподвижности РПЦ непременно приведет к возникновению... ну, скажем, национального варианта лютеранства. Но не думаю, что случаи незатухающий страх православия перед «люторской ересью» — страх и ненависть, по силе не уступающие, а пожалуй, и превосходящие соответствующие чувства к католицизму, сегодня на высшем уровне тщательно скрываемые терпимостью к экуменизму — еще одной опасной «выдумке» тех же протестантов, как полагает рядовое священство. Чуют...

СТАТЬЯ В ЗАЩИТУ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ, ОСУЖДЕННОГО В СТАТЬЕ
М. ПОЗДЕЕВА ЗА ЕГО НЕБЛАГОВИДНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ДНИ АВГУСТОВСКОГО
ПУТЧА

2

не вопрос для историков, а тайна Божиего Промысла, не доступная рациональному уяснению, а требующая любви, сострадания и прощения.

Все это относится — с теми или иными оговорками — и к нынешним событиям церковной жизни. Дело ведь не в том, кто из архиереев приветствовал осуждение путча, а кто нет, кто вставал, а кто оставался сидеть. Дело в том, что путь, избранный митрополитом Сергием, все еще не изжит в нашей Церкви, и готовность вновь превратиться в спор не ушла из церковного сознания. Слава Богу, что патриарх оказался прозорлив и решителем и избрал иной путь. Но отсюда отнюдь не следует, что священнослужители, постаравшиеся избежать этого выбора, должны рассматриваться как политические противники Патриарха. Их духовная ответственность, ответственность перед Богом и перед Церковью, конечно же, остается, и остается необходимость в полной правде о деятельности церковного управления в течение всего послереволюционного периода. Однако параллели с политическими деятелями, которые навязываются в обсуждаемой статье, явно неуместны. Речь не может идти о виновности или невиновности в том смысле, который естествен в суждениях о министрах, председателях исполкомов и редакторах газет. Проблема требует совсем иного духовного измерения, и ее изведение до уровня политической полемики сузило бы Русскую Церковь только соблазн и смуту.

Только такой результат может иметь и политизированная церковная реформа, к которой, кажется, призывает автор. Автор хотел бы, чтобы в ближайшее время был созван Поместный Собор, который был бы продолжением Собора 1917—1918 годов, и учрежден Высший церковный совет, как это и было сделано после Собора 1917—

1918 годов. Тот Собор, избравший патриарха Тихона, был действительно крупнейшим событием русской церковной истории, он создал почву для глубокого духовного возрождения и подготовил Церковь к тяжким испытаниям коммунистического плена. Участники Собора свидетельствовали, что, собравшись разрозненными и растерянными, они были соединены и просветлены Святым Духом и обрели силу и единомыслие, которых прежде не ощущали. Это не означает, однако, что Собор не был подготовлен годами предшествующего духовного делания, очищением, покаянием и трезвением, исключительно важными для предреволюционных десятилетий. Вот этот трудный и долгий процесс и должен вновь стать основой церковной жизни; можно надеяться, что он уже начался. Только его развитие и углубление сделают возможным новый Собор, решения которого могли бы быть столь же судьбоносными, как и решения Собора 1917—1918 годов. Никакие реформы церковного управления, никакое внешнее возвращение к установлениям семидесятилетней давности этих задач выполнить не может. Тем более не способствует их решению разделение и размежевание, потому что духовный авторитет — а это и есть единомыслие — происходит лишь от любви, от работы любви, которая и составляет существо церковного делания. Эта работа особенно нужна сейчас, потому что от нее в большой степени зависит не только судьба Церкви, но и судьбы всей страны.

В последнее время все чаще и чаще раздаются голоса, выражающие опасения в том, как бы Россия не перестала быть светским государством и православие не сделалось вновь государственной религией. Эти опасения не только лишены оснований, но свидетельствуют о глубоком непонимании тех проблем, которые неизбежно встают перед страной, освобождающейся от коммунизма. Само это освобождение на первый план выдвигает проблему нравственную — проблему нравственного фундамента новой власти, преодоления безыности и бесчеловечности идеологической диктатуры. За этим нравственным оправданием власть и обращается к Церкви, и в реальных исторических условиях России это может быть только Церковь Православная. Речь идет не о том, чтобы навязывать кому-нибудь религию, ущемлять права неправославных, в обязательном порядке обучать Закону Божию и формировать новую «государственную» идеологию на «православной основе». Речь идет об обретении критериев добра, о нравственной ответственности власти, которую не под силу создать никакому абстрактному гуманизму. Думается, что именно в этом заключался смысл того благословения, которое дал патриарх первому российскому президенту. И для исполнения этой миссии Церкви нужно то очищение и покаяние, которое идет из глубины и не может быть подменено никакой церковной политикой.

Вадим БОРИСОВ,
Виктор ЖИВОВ,
Дмитрий ШАХОВСКОЙ.

ПРИМЕЧАНИЕ МОНИТОРИНГА: Упомянутая в данной статье публикация М. ПОЗДЕЕВА помещена в синем выпуске мониторинга №816, стр.5-10, от 19 сентября 1991 года

СТАТЬЯ В ЗАЩИТУ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ, ОСУЖДЕННОГО В СТАТЬЕ
М. ПОЗДЕЕВА ЗА ЕГО НЕБЛАГОВИДНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ДНИ АВГУСТОВСКОГО
ПУТЧА

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА 15.10.91.

5

ВОЗЛЮБИМ ДРУГ ДРУГА ДА ЕДИНОМЫСЛЕНЕ ИСПОВЕНЫ

Письмо в «НГ»

В НОМЕРЕ «Независимой газеты» от 17 сентября 1991 года напечатана большая статья Михаила Позднеева «Да единомыслием исповемы...», содержащая резкое осуждение митрополита Сергия (Страгородского) и связывающая с его наследием неблагоприятное поведение ряда архиереев в дни августовского путча. В самом начале статьи митрополит Сергий назван «еретиком-местоблюстителем», и одно это свидетельствует о непрофессионализме журналиста, особенно опасно, когда автор берет на себя смелость рассуждать о судьбах Русской Церкви, то есть не о человеческом только, но и о Божеском: знание, ответственность и ощущение погрешности личных суждений — это минимальные требования к писанин-ам на подобную тему.

Еретик — это вполне четкий церковно-исторический термин, обозначающий человека, который исповедует взгляды, противоречащие церковным догматам. Митрополита Сергия можно обвинять в неканоническом захвате местоблюстительства (хотя вопрос о правопреемстве местоблюстителей и заместителей местоблюстителей после кончины патриарха Тихона крайне запутан и решения в каноническом праве вообще не имеет). Можно считать неканоничным его поставление в патриархи в 1943 году. Все это, однако, не имеет никакого отношения к ереси, православию митрополита Сергия никаких сомнений не вызывает и не вызвало — в частности, и у его противников, тех епископов, которые отказывались вступать с ним в общение (иосифлян, митрополита Кирилла Смирнова и др.).

Не может быть оправдан и поспешный политический радикализм в отношении к Декларации митрополита Сергия 1927 года.

В ней митрополит объявлял, что «радости и успехи» коммунистического режима должны быть радостями и успехами Русской Церкви. Эта декларация действительно привела к расколу Русской Церкви и не привнесла в положение Церкви той относительной стабильности, на которую, видимо, рассчитывал Сергий: перед войной весь епископат Русской Церкви — как сергианцы, так и неломившиеся — находился в тюрьме или ссылке, за исключением четырех архиереев во главе с самим митрополитом Сергием.

Необходимо, однако, помнить, что решение митрополита Сергия не было продиктовано личным предательством, ни личной трусостью, ни сиюминутными политическими расчетами. Это был выбор духовного пути, опиравшийся на многовековые церковные традиции. Во многих конфликтах Церкви со светской властью с позицией, отвергающей всякие компромиссы и предпочитающей мученичество нарушению канонического порядка (так называемая позиция акривистов), соседствовала иная позиция, допускающая отступление от церковных канонов ради сохранения церковного мира и благополучия верующих (так называемая позиция икономистов). Ни одна из этих позиций в принципе не отвергается Церковью как неправомерная. Так, к лику святых причислены и акривист преп. Феодор Студит, и икономист Патриарх Никифор, которые в течение многих лет отказывались от церковного общения друг с другом. Вопрос состоит в том, насколько далеко могут простираться отступления, совершаемые в порядке икономии, и этот вопрос решается лишь самой жизнью церкви, а не человеческим политизированным суждением.

И для митрополита Сергия, и для его противников речь шла не о том, приемлема или неприемлема коммунистическая идеология, может или не может безбожная власть принести стране хоть какие-то добрые плоды, речь шла о том, как сохранять Церковь от ее гонителей-богборцов. Та часть Церкви, которая отвергла декларацию, избрала путь мученичества, путь Церкви гонимой, которая возрастает и укрепляется праведной мученической кровью и бесстрашным свидетельствованием своей веры. Митрополит же Сергий видел выход в том, чтобы, сохраняя церковное благочестие, совершая таинства и отправляя богослужение, заключить церковную жизнь как бы в спор и ждать времени благоприятного, когда из этой споры вновь восстановится полнота церковного бытия. Однако Церковь живет жизнью всех христиан и в споры заключаться не может. Поэтому вопрос о мучениках, пострадавших за веру, встал как основная реальность церковной жизни, и отречение от них митрополита Сергия, заявившего, что в Советском Союзе нет преследований за веру, стало одним из самых горьких и непереносимых для совести верующих событий в послереволюционной церковной истории. Трагические результаты выбора митрополита Сергия можно не комментировать, но насколько греховным был сам этот выбор — это не вопрос для публицистики.

Г.А.РАР, БУДУЧИ ЗАРАНЕЕ УВЕРЕН, ЧТО НЕЗАВИСИМЫЕ ОТ ИЕРАРХИИ
ЦЕРКОВНЫЕ ПУБЛИЦИСТЫ - ЗАВЕДОМЫЕ ЛЖЕЦЫ, ЗАЩИЩАЕТ ОТ НИХ
СОВЕТСКУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ИЕРАРХИЮ

«ИСПОВЕМА...» НО ЧТО?

И С КЕМ?

Сергей Лёзов

Ситуация

Начну с того, что я как постоянный читатель «НГ» очень благодарен ей за публикацию блестящей, на мой взгляд, статьи Михаила Поздняева «Да единомыслием исповема...» («НГ» № 110 от 17 сентября 1991 г.). Автор дал оригинальный и очень интересный анализ духовной и политической ситуации в Московском патриархате. Как следует из работы М. Поздняева, в три августовских дня эта печальная ситуация проявилась с последней ясностью. Если бы не попытка переворота, эта болезненная тема, вероятно, еще долго бы отодвигалась на задний план православной иерархии и ее публицистам. В какой-то мере замалчиванию трудных вопросов о сегодняшней Русской Православной Церкви способствуют и новые структуры власти. Ведь сегодня они, похоже, возрождают то, что в истории Церкви называется «симфонией» — т. е. союз государства и Церкви, при котором сама Церковь становится институтом, легитимирующим власть.

А непосредственным поводом, побудившим меня обратиться к вам, стала напечатанная в «НГ» 28 сентября сердитая реплика обозревателя радиостанции «Свобода» Глеба Рара на статью М. Поздняева.

Не столь давно мне пришлось шнеть дело с двумя персонажами статьи М. Поздняева — митрополитом Кириллом и Г. Раром. В упомянутой реплике Глеб Александрович Рар защищает владыку Кирилла от обвинения в лояльности по отношению к ГКЧП и тем самым развивает один сюжет, который мне хотелось бы довести до сведения читателей.

28 ноября прошлого года в Государственной библиотеке иностранной литературы состоялось торжественное открытие голландской выставки «Мир Анны Франк (1929—1945)». Читались речи, и в числе прочих выступил архиепископ (теперь уже митрополит) Смоленский Кирилл, председатель Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата. Его речь настолько поразила меня (я не меня одного), что по горячим следам я написал статью, которую тогда же стал предлагать либеральным московским газетам. Там на мой текст реагировали до странности одинаково: вначале горячо приветствовали, но очень быстро гасли. Похоже, еще действовало старое правило: «Не плюй в колодец...». На всякий случай предочитали не связываться с ге-

роем моей статьи. Все же большой начальник...

Статью напечатал только мюнхенский журнал «Страна и мир» (№ 6 за 1990 г.). Мне придется привести несколько кратких выдержек из нее, так как в России она не опубликована и отечественному читателю недоступна. (На открытии выставки говорилось, естественно, о Катастрофе европейского еврейства в годы второй мировой войны.) Итак, цитирую:

«Архиепископ Кирилл построил свое слово как ответ на вопрос: «Можно ли найти смысл в бессмысленном страдании?». Он говорил как христианский богослов и представитель Русской Православной Церкви...

Конечно, христиане осмысляют Катастрофу, геноцид евреев, исходя из собственных вероучительных предпосылок. Так, архиепископ Кирилл говорит: «Во всем этом ужасе лишь одно несет укрепление: всякое невинное страдание имеет своим прообразом Голгофское страдание... Безвинное страдание очищает сей мир и находит отзыв в горных мирах. Неизвестно, смогли бы мы вообще сохранить человеческое достоинство, не будь в мире этого безвинного страдания... Быть может, страдание и гибель девочки Анны Франк имели искупительный смысл».

Слушатели вежливо поаплодировали этой речи. Аплодировав главный раввин Московской хоральной синагоги Шаевич, аплодировала руководившая открытием выставки Екатерина Генмева...

Г.А.РАР, БУДУЧИ ЗАРАНЕЕ УВЕРЕН, ЧТО НЕЗАВИСИМЫЕ ОТ ИЕРАРХИИ
ЦЕРКОВНЫЕ ПУБЛИЦИСТЫ - ЗАВЕДОМЫЕ ЛЖЕЦЫ, ЗАЩИЩАЕТ ОТ НИХ
СОВЕТСКУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ИЕРАРХИЮ

2

Тут я не удержался и бросил реплику: «Это же богохульство!» Мне трудно судить, трудно быть объективным: возможно, в ту минуту кощунственный смысл слов архиепископа Кирилла не поранил тех людей, чей слух привлек к убаюкивающему звучанию православной фразеологии. И все же я заметил: после его речи среди публики раздался легкий ропот. Как мне позже сообщили, один из приглашенных на церемонию зарубежных раввинов даже покинул зал.

Конечно, в наших условиях торжественное мероприятие — не лучшее место для богословских дискуссий. Да и речи были составлены заранее — для удобства перевода. Наверное, поэтому никто не пытался возразить владыке Кириллу. Лишь посол Нидерландов сказал: «Архиепископ хотел внушить нам долю оптимизма относительно безвинных страданий... Но все же в мире слишком много зла, и надо подумать о том, как спастись от него людей...»

И дальше в статье я излагал соображения, которые мне не позволили высказать на открытии выставки. Снова цитирую:

«Мы хорошо знаем, кто уничтожил народ, к которому принадлежала девочка Анна Франк.

Мы немало знаем и о жертвах наших собственных лагерей (владыка Кирилл сказал и о них, развивая мысль об искупительном смысле страдания невинных). Мифологизация геноцида — а к этому сводится христианская идея «искупительного смысла» в такой трактовке — снимает ответственность и с палачей, и с безразличных наблюдателей. А мы при этом избавляемся от чужой боли.

И в самом деле, архиепископ Кирилл вообще не упомянул о тех, на ком лежит реальная вина, ничего не сказал и о молчаливом мире, сопровождавшем (я делавшем возможными) величайшие преступления против человечества, совершенные в нашем веке. Он ничего не сказал о покаянии — а это важнейшее в христианстве понятие дает возможность для принципиально другого религиозного истолкования того, что христианские народы сделали с евреями.

По этому умолчанию и по всему смыслу сказанного православным иерархом выходит, что сам Бог направляет палачей, чтобы мы, христиане, «могли сохранить человеческое достоинство». Так Он позаботился о нас.

Вот что уверенно и спокойно сказал о высшем смысле чужого страдания владыка Кирилл.

Как христианин я считаю это богохульством. Но это не все. В таких рассуждениях об «искупительном смысле» явно различимо неуважение к памяти жертв, теологически обоснованное безразличие к реальным человеческим страданиям, просто к судьбе одной еврейской девочки — Анны Франк.

В сущности — то самое безразличие, которое обрекло жертв на их участь».

Вот о чем была статья. И случилось так, что жизнь продолжила этот сюжет. Весной я поехал в Германию и работал в Геттингенском университете. К области моих профессиональных интересов относится история христианских церквей в Третьем рейхе, в частности поведение церквей по отношению к нацистскому «окончательному решению еврейского вопроса». (Видимо, упоминание об этом существенно для нашей темы.) Однажды в университете я увидел знакомую афишу — в Геттинген приезжает та самая выставка «Мир Анны Франк!» Конечно, я пошел на ее открытие. Это было 13 мая. А через день-два мне в Геттинген позвонила из Мюнхена сотрудница русской редакции радиостанции «Свобода» Ирина Коневская и попросила написать что-нибудь для ее программы. Я сослался на статью в журнале «Страна и мир» и предложил тему: «Анна Франк в Москве и Геттингене». Предложение было принято с энтузиазмом, и о моем новом тексте, переданном в мюнхенскую

Г.А.РАР, БУДУЧИ ЗАРАНЕЕ УВЕРЕН, ЧТО НЕЗАВИСИМЫЕ ОТ ИЕРАРХИИ
ЦЕРКОВНЫЕ ПУБЛИЦИСТЫ — ЗАВЕДОМЫЕ ЛЖЕЦЫ, ЗАЩИЩАЕТ ОТ НИХ
СОВЕТСКУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ИЕРАРХИЮ

студию на следующий день, И. Коневская отозвалась в нашем следующем разговоре с пониманием и солидарностью. А потом случилось нечто отчасти знакомое — вопреки обещанию редактора мой репортаж в эфир не вышел. Никаких объяснений я не получил, звонков со «Свободы» больше не последовало. Ради справедливости добавлю: по моим впечатлениям, в московских редакциях столь бесцеремонное обращение с авторами сейчас просто немислимо.

В июне я вернулся в Москву, и здесь в мои руки попали ксерокопии двух любопытных документов, проливающих свет на эту историю — и не только на нее. Быть может, они будут интересны и для читателей «НГ».

А теперь — короткий комментарий.

С недавних пор в нашей прессе стали писать о «чекистах в рясах». Священник Георгий Эдельштейн утверждает, что митрополит Кирилл тесно сотрудничал с КГБ уже в силу своего служебного положения (см. интервью о. Георгия «Аргументам и фактам», № 36, сентябрь 1991 г.). В интервью развивается мысль о том, что само слово «сотрудничество» неуместно для описания реальной ситуации, которую застал в Русской Православной Церкви о. Георгий: ведь тут не было двух сторон, ибо никакой сущностной границы между православной иерархией и опекавшим церковь отделом КГБ не существовало. Они работали вместе, делали общее дело, только у одних — архиерейские клобуки, у других же — гебистские погоны. А из приведенного выше документа

видно, что Глеб Александрович Рар, старательно ловящий Михаила Поздняева на мелких неточностях и тем самым уводящий разговор от сути его статьи, уже не впервые занимается оправданием митрополита Кирилла. Интересно и то, что такой апологетикой занимается православный христианин, пребывающий под омофором Зарубежной Церкви, отношение которой к советской иерархии хорошо известно. Г. А. Рар, будучи заранее уверен, что независимые от иерархии церковные публицисты — заведомые лжецы, защищает от них советскую православную иерархию, демонстрирующую сегодня — как обычно — свою волю слодиться любой власти, любому режиму. В доказательстве этого положения и состоит пафос статьи Михаила Поздняева.

Такова политическая сторона дела, и она общеизвестна. Но выступление владыки Кирилла на открытии выставки «Мир Анны Франк» и переписка между Г. Раром и ОВЦС свидетельствуют о глубинном единстве политической, нравственной и богословской позиций одного из наших высших иерархов.

Митрополит Кирилл отказывается от своих слов, т. е. не готов отвечать за них. Видимо, кто-то указал ему на непристойность его речи на открытии выставки, так что предъявить этот документ представлялось невозможным. Как иначе можно понять письмо архимандрита Иосифа с его бессмысленной ложью насчет «экспромта» и «неквалифицированного перевода богословской терминологии»? Десятки собравшихся в холле «Иностранки» люди наблюдали, как владыка Кирилл читал этот

текст, а его помощник последовательно — фразу за фразой — оглашал английский перевод, приготовленный, судя по всему, в том же ОВЦС.

А ведь речь, повторяю, шла о еврейской девочке, которая, как и миллионы других людей, «чьи тела стали пламенным пеплом», уже не может вступить с Его Высокопреосвященством в дискуссию «о христианском понимании страдания» и о «прохождение через Голгофу». Именно поэтому я не могу забыть этот вроде бы незначительный эпизод и оставить последнее слово за владыкой Кириллом. А еще речь идет о реставрации институтов и идеологий, несостоятельность которых вполне обнаружилась в новейшей истории России.

В самом деле, какова должна быть богословская, нравственная и социальная культура той церковной организации, которая в принципе способна столь нераздельно слиться с «нашими органами»? Ведь, как известно, ничто на свете не происходит без достаточных оснований и предпосылок.

Надеюсь, что моя третья попытка будет удачной и «НГ» — руководствуясь своим правилом «предоставлять трибуну тем, кто не может получить ее в других местах» — познакомит читателей и с этой историей.

«НГ» считает уместным заметить, что в самом факте обращения Г. Рара-редактора к митрополиту Кириллу с просьбой уточнить изложенное в статье С. Лёзова ничего предосудительного нет. Возможно, вопрос в том, можно ли было найти иной путь проверки достоверности фактов...

Г.А.РАР, БУДУЧИ ЗАРАНЕЕ УВЕРЕН, ЧТО НЕЗАВИСИМЫЕ ОТ ИЕРАРХИИ
ЦЕРКОВНЫЕ ПУБЛИЦИСТЫ - ЗАВЕДОМЫЕ ЛЖЕЦЫ, ЗАЩИЩАЕТ ОТ НИХ
СОВЕТСКУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ИЕРАРХИЮ

Год Републики "Свобода"
Москва
№ 8-1049-09-124 31 01

Ваше Высочайшее почтение
Ваше высочайшее почтение Патриархату Кираву
Открыл в своем издании «Свобода»
Московского Патриархата
Москва

Ваше Высочайшее почтение,
В вашем издании материал, подписанный как из Москвы, автор которого является крестом на вашем выступлении на торжественном открытии выставки «Мир Алены Франк» 28 ноября прошлого года, и гласит:
«... (архивистский) сказал, что уничтожены архивы, в частности смерти девочки Алены Франк, имеет символический смысл для нас христиан, окрестить классическое достояние. Ему, Богу, такая штука неведомая для жизни христианского общества и мира. Все что в судьбе нашей страны, в ее развитии, как православный канонический принцип для нашей веры...»

Автор православного материала моей коллегии - редактору переписки, как истории истории православия - если вы мало знакомы и она обратилась ко мне с вопросом, «будет такое время быть?». Вполне уверен, что названо либо недостоверно автором того, что вам было сказано, либо - кто, я и обратилась лично к Вам.
Моя коллега материал предоставила. Как было бы важно разобраться почему он так писал. Не спрашивая из в архиве ОБС текста Вашего выступления 28 ноября 1990 года и не имея ни бы Вы разобраться о верности или Вашего православного текста по телефону?

Прочту Ваш ответ с благодарностью
искренне Ваш преданный
Глеб Рар

Примечание: В случае отсутствия владыки Патриархата, своим прочту заместителю или заместителем прочитать над необходимыми документами, чтобы внести необходимые ясность и не пропустить в эфир любое возмущение.

DEPARTMENT FOR EXTERNAL CHURCH RELATIONS
1991-1992

Уважаемый Влад Антонийский!
К сожалению Вы не являетесь в Окружении Святейшего Патриарха (или не как Высочайшее почтение Патриархату Кираву).
Ваше высочайшее почтение Патриархату Кираву
Открыл в своем издании «Свобода»
Московского Патриархата
Москва
С уважением

Глеб Рар
опубликовано в газете

ПРИМЕЧАНИЕ МОНИТОРИНГА: Упомянутая в данной статье публикация М.ПОЗДЕЕВА помещена в синем мониторинге №816, стр.5-10, от 19 сентября 1991 года.
Отклик Г.А.РАРА на публикацию М.ПОЗДЕЕВА помещен в синем мониторинге №929, стр.25-28, от 16 октября 1991 года

ИНТЕРВЬЮ СО СВЯЩЕННИКОМ ГЛЕБОМ ЯКУНИНЫМ

1

"МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ", 26 ОКТЯБРЯ 1991, с.2

Отец Глеб ЯКУНИН: «Господь призвал меня отстаивать свободу»

ИЗГНАННЫЙ ПРАВДЫ РАДИ...

— **КАК** молоды ваши дети, отец Глеб?

— Дочери старшей тридцать (уж и внучка у меня есть), а сыну — семнадцать, младшей дочке — четырнадцать.

— Веруют?

— Слава Богу.

— А вы, Глеб Павлович, в их лета безбожничали?

— Да, было, терял веру.

Помню, во время войны при открытии Елоховского собора (Сталин позволил массовое открытие храмов) мама подвела меня, девятилетнего, к патриарху Сергию под благословение. Она была глубоко религиозна, но богословски необразованная женщина и не могла ответить на все вопросы. Под влиянием антирелигиозности в школе я впал в ярый атеизм.

На пятнадцатом году жизни я увлекся философией, сначала йогой, затем теософией, а к последнему курсу института — учился я на охотоведа — вернулся в христианство. За что и пострадал: местный уполномоченный настучал директору института: тревога! — ваши студенты Якунин Глеб и Мень Александр посещают церковь. И на госэкзамене по общественным наукам за все мои правильные ответы поставили двойку и отчислили. Я поработал в подмосковном охотничьем хозяйстве и готовился поступить в семинарию, чтобы нести народу свет Христовой истины.

Штабс-капитан Павел Иванович Якунин в Белую гвардию не пошел, за что сын его впоследствии осуждал, а записался в красную кавалерию и играл там в полковом оркестре на кларнете. После гражданской окончил консерваторию и всю оставшуюся жизнь музицировал в кинотеатрах и ресторанах. И всю жизнь боялся. Когда в 37-м перестреляли всех царских офицеров, Павел Иванович уцелел — музыка для органов сфера малоприметная; уцелел, чтобы во время войны умереть от голода.

В семинарии занимались большей частью 18-летние мальчишки, которые ведать не ведали, что за подводные камни здесь торчат. Я втихую советовал однокашникам, как вести себя, если вызовут повесткой в военкомат или в больницу и там некто в штатском вдруг начнет вербовать в органы. Но меня очень скоро вычислили и с первого же курса выгнали.

Начались мои мытарства... Три года проработал на низших церковных должностях — псаломщиком, алтарником. Потом — некоторые епископы заступились — был-таки рукоположен в подмосковный Зарайск, затем переведен в Дмитров.

Тяжкая была для церкви пора. Хрущев закрыл в 59—64-м гг. в России поло-

ИНТЕРВЬЮ СО СВЯЩЕННИКОМ ГЛЕБОМ ЯКУНИНЫМ

"МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ", 26 ОКТЯБРЯ 1991, с. 2

2

вину храмов. Некоторые епископы собственными руками отбирали в намеченных церквях антиминсы (льняные платы с частицей мощей святых, без коих невозможно совершать литургию). Причем Московская патриархия, ее Отдел внешних сношений покрывал эти ползучие гонения, твердил Западу: дескать, последние старушки разуверились, потому церкви и самоликвидируются. Это напоминало мне адскую, бесовскую машину нацистских концлагерей, где капо (старосты из заключенных) убивали других заключенных, а охрана лишь стояла на вышках да ухмылялась.

Церковь превратили в обычное государственное ведомство. Всеми кадрами ве-

дал Совет по делам религий, всюду царил повальный сыск и доноительство. Старосты храмов уведомляли власти, кто крестится, кто венчается, и затем этих «адресатов» выгоняли с работы, вычеркивали из очереди на жилье, на детский садик... И это сеяло недоверие и вражду к православию — коварство, иезуитство КГБ.

Лично моя совесть чиста — когда просили, я всегда крестил без оформлений, даже на дому — что строго преследовалось государством. Если бы узнали, то гарантировано меня бы снял с регистрации местный уполномоченный — узоллил. Особенно же рьяно власти преследовали баптистов, сажали беспощадно, а наш патриарх Алексий I и епископы публично гонения отрицали.

Осенью 1965-го отец Николай Эшлиман и я выступили с открытыми письмами к Алексию I — против коллаборационизма и к Николаю Подгорному (было такое убожество, Председатель Президиума Верховного Совета СССР). Мы надеялись, что с падением Хрущева государство одумается и оставит верующих в покое. То был первый эпистолярный правозащитный документ. На Западе он поднял шум. В славном 4-м церковном отделе третьего управления по борьбе с инакомыслием полгода думали-гадали, как бы и новомучеников из нас не сотворить и без кары не оставить. (К слову, пенсионер Филипп Бобков, основатель могучей системы чекизма и стукачества в нашей

церкви, до сего дня остается народным депутатом РСФСР.) Наконец чекисты надавили на седого патриарха. Старец, как мне рассказывали, долго качал головой и отнекивался, но в конце концов «за серьезные соблазна и раздора в церкви, за ущерб православному миру — вплоть до раскаяния» — нам воспретили служить священниками.

Мы не раскаялись. Минула четверть века; умер отец Николай Эшлиман, но дело освобождения Русской Православной Церкви от пут бесчеловечного режима, империи зла, делу, коему отдано полжизни — только начинается торжествовать!

— В отрочестве мне часто слышалось сквозь радиоглушилки о вашем, отец Глеб, тираноборчестве, арестах и заключении.

Там, на нарах, вы надеялись, что однажды очутитесь в этом кабинете на 14-м этаже Дома Советов?

— Я из неисправимых оптимистов, и в лагере тоже верил — если не мы, то наши дети увидят победу справедливости.

Повторю, я вовсе не стремился пострадать, мечтал о службе рядового священника. Но Господь призвал меня всю жизнь отстаивать свободу совести. В 1979-м за руководство Христианским комитетом защиты верующих я сел по 70-й статье (антисоветская агитация и пропаганда). 5 лет лишения свободы в 37-й пермской зоне, потом ссылка. Кстати, ныне действует лишь 35-й лагерь и, вероятно, он готовится к приему созревших политзэков — нынешних путчистов ГКЧП. Последние узники совести по указу Ельцина освобождаются.

— И вот вы — политик в рясе, государство и церковь в одном лице. Зачем, Глеб Павлович?

— Моя цель неизменна: отделить, освободить церковь от государственной власти. Пускай правительство взимает налоги и охраняет общественную жизнь. Пускай из нынешнего зародыша разозьется мощная демократия на основе христианской морали, и этому делу готов послужить. Затем придет другая смена, я готов отойти от политики.

— А сочетаемы ли заповеди Христовы с кипучими-горючими митингами, на которых вы, народный депутат РСФСР, отец Глеб, весьма заметны?

— Православие, христианские догматы часто стилизуются. Отчего церковь —

ИНТЕРВЬЮ СО СВЯЩЕННИКОМ ГЛЕБОМ ЯКУНИНЫМ

"МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ", 26 ОКТЯБРЯ 1991, с. 2

3

это исключительно носительница идеи мира? То лишь одна из идей. Откройте Евангелие — оно начинается далеко не голубиной проповедью Иоанна Предтечи, резким порицанием фарисейства: «Вы — порождения ехиднины!»

По церковному учению Христос одновременно: Царь — Пророк — Первосвященник. А пророческое служение — это и есть обличение тех, кто противится Истине и упорствует во грехе. «Не мир, но меч принес Я».

Иное дело, обращаясь к народу, нельзя впадать в популизм, различая низменные политические страсти.

— 19 августа, помнится, вы с балкона Дома Советов кричали, что путчисты обречены, и проповедовали среди толпы...

— Да, ходил среди защитников, призывая на них Божье благословение, чтобы укрепил их мужество, на противостояние страшному злу, воплощением и концентрацией которого был ГКЧП.

— И вооруженных защитников благославляли?

— Тех, солдат, что за правое дело, — конечно.

— Отец Глеб, в моей голове не укладывается: ведь когда арестовывали Христа и один из апостолов пустил в дело меч, Спаситель велел: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут».

— Христос обратил эти слова к тем, кто защищал лично Его. Это не значит автоматически, что не следует отстаивать правду, христианское общество и справедливую власть. Российская Церковь и Христианское государство на этих идеалах справедливости стояло тысячелетие.

— Вы, Глеб Павлович, учились вместе с отцом Александром Менем: он на четвертом курсе, вы — на пятом. По-вашему, орудие убийства — топор — было случайным или сакральным?

— Вот теперь только, с крушением КГБ и приоткрытием его тайн создались объективные условия узнать трагическую истину.

Отец Глеб Якунин — подвижник своего века. Века-волкодава. Империю Зла не принимал ни Царь-Голод, ни германский захватчик, ни распри тонкошеих вождей. Ее уходили сие волки по крови, благородные, отважные, мирные люди. Их идеи безмерно возвысились над трухлявым официозом. Они не рыли пещеры и дворцы, не щерились из подполья. Они сражались с бандитами на другой доске, танкам противопоставили слово. Танки уползли, оставив искореженную землю. Век завершился, волкодав издох...

Сумеют ли правдоискатели управлять государством?

Юрий ЗАЙНАШЕВ.

Фото Евгения АМАНОВА.

ТРИ РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА СУДЬБУ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ,
ПРЕВРАЩЕННЫХ В МУЗЕИ: ОСТАВИТЬ ЛИ ИХ МУЗЕЯМИ ИЛИ ВОЗВРАТИТЬ
ЦЕРКВИ 1

22 октября 1991 года, 3-я стр.

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА»

В СПЕКТРЕ МНЕНИЙ**Путь духовности:****музей и церковь.****Вместе или
врозь?****«Последних святых» —
на улицу?****Ирина РОДИМЦЕВА,
директор музеев
Московского Кремля**

— Для того чтобы меня не обвинили в панических настроениях, я обнародую проект одного указа, подготовленный Московской патриархией и поданный на рассмотрение российскому правительству:

«На основании Закона РСФСР о свободе вероисповедания и во имя восстановления исторической справедливости, постановляю:

Передать Русской православной церкви, Московскому патриархату следующие ранее принадлежавшие ей храмы, церковные здания в Московском Кремле и на прилегающей к нему территории: Собор Успенской Божьей матери, Собор Благовещенья Пресвятой Богородицы, Архангельский собор, Церковь Двенадцати апостолов с Патриаршим дворцом, Церковь Иоанна Лиственичника с колокольней Ивана Великого, Церковь Ризоположения, а также Церковь Покрова-на-Рву (Собор Васи-

лия Блаженного). Церковь Великомученицы Варвары на Варварке, Церковь Максима Блаженного на Варварке, Церковь Георгия Победоносца на Псковской горе. Храмы и здания возвращаются вместе с находящимися в них предметами культа. Продолжить финансирование из государственного бюджета ремонтно-реставрационных работ и содержание перечисленных зданий».

И под всем этим предполагалась подпись президента России.

Кроме того, в списке находились все памятники - храмы, находящиеся на территории РСФСР.

Я считаю, что решать такой важнейший для нашей культуры вопрос общим списком и передавать, пусть даже такой уважаемой конфессии, как Русская православная церковь, сокровища культуры, принадлежащие государству, всему народу, без четкого закона о культуре, без серьезной правовой основы невозможно.

До 1917 года вся территория Кремля, в том числе и соборы, находилась в ведении министерства императорского двора, то есть светской власти. Напомню, что в 1721 году Петр I издал указ о создании Сената и Синода. Сенат как светская власть занимал в русском государстве более высокую ступень. Синод подчинялся Сенату, и во главе Синода стояло гражданское лицо — обер-прокурор. Каждый собор на территории Кремля имел свое государственное предназначение. Успенский собор был главным в государстве — в нем происходило венчание на княжение, а затем на царствование великих князей и царей. Архангельский служил им усыпальницей. Все Рюриковичи и Романовы, до Петра I, похоронены в Архангельском соборе. Благовещенский был домовою церковью царской фамилии.

ЕН

OCT 30 1991

DAY MONTH YEAR

ТРИ РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА СУДЬБУ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ,
ПРЕВРАЩЕННЫХ В МУЗЕИ: ОСТАВИТЬ ЛИ ИХ МУЗЕЙМИ ИЛИ ВОЗВРАТИТЬ
ЦЕРКВИ

2

Поскольку сам Кремль был всегда олицетворением государственности, то его соборы тоже служили символом государственной религии России — православной. И если отдать сейчас кремлевские соборы Московской метрополии, то мы тем самым как бы признаем главенство православной религии над другими. Вряд ли это будет правомерным и разумным. В нашем многонациональном государстве и без того много очагов национальной напряженности.

В 1990 году Кремль и Красную площадь взял под охрану ЮНЕСКО. Для того чтобы это случилось, надо было отвечать нескольким самым высоким требованиям. Учитывая высокую оценку ЮНЕСКО, мы предложили президентам РСФСР и СССР создать на территории Московского Кремля заповедную зону с включением в нее комплекса наших музеев и определением статуса государственности. Рада сказать всем, что серьезную поддержку наше предложение получило и у президентов Союза и России, и в Министерстве культуры СССР, и во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры.

Но не только тревога за судьбу музеев Московского Кремля побудила меня выступить. Я уверена, что создание заповедника на уникальной исторической территории Кремля будет осуществлено. Меня очень беспокоит, что невольно музеи поставлены сейчас с церковью по разные стороны баррикад. Нам, музейным специалистам, странно, что сегодня, накануне вступления в третье тысячелетие, нужно разбивать нашу культуру на светскую и духовную. А ведь именно это и произойдет, если мы позволим расчленить веками собираемые и бережно сохраненные коллекции древнего русского, византийского искусства, чтобы «отдать какую-то часть патриархии». В этом случае мы вернемся даже не к 1917 году, а в XVII—XVIII века, когда Русская академия наук, археологическое и археографическое общества только начинали изучать, поднимать престиж древнерусского искусства.

Мы, сотрудники музеев, считаем себя наследниками этой прекрасной традиции изучения искусства своего народа. Многие по сути отдали всю жизнь сохранению, пропаганде великолепных памятников древнерусского и византийского искусства. Это специалисты высочайшего класса, равных которым нет и у патриархии. И получается, что если эти люди неверующие или придерживаются другой религии, то они уже потеряют свободный доступ к изучаемым произведениям, особенно если эти произведения будут находиться в собственности церковной общины. Получается, что у целых категорий специалистов будет некий запрет на профессию.

Особенно тяжелое положение сейчас на местах, где иные председатели исполкома, не очень-то вникая в проблемы музеев, одним росчерком пера передают церковным общинам храмы вместе с богатейшими собраниями древнерусского искусства. А директоров музеев или сотрудников, протестующих против этого, попросту увольняют. Вот пример — отчаянная телеграмма из Кирилло-Белозерского музея, где директора Г. Иванову, искусствоведа с двадцатилетним стажем, освободили от работы за то, что она всеми силами противится расчленению коллекции и варварскому обращению с фресками Феофана Грека! А музейные специалисты, «последние святые», по выражению академика Д. С. Лихачева, долгие годы за нищенскую зарплату в 75—110 рублей хранившие, реставрировавшие и изучавшие эти самые «предметы культа», могут быть выброшены на улицу.

Скажите, пожалуйста, чем они-то виноваты, что в лихие послереволюционные годы именно в храмах размещались музеи. И не им ли, тихим, незаметным людям, истинным подвижникам, обязана Русская православная церковь сохранением многих своих сокровищ и святынь?

Я уверена, что Московская патриархия вместе с Министерствами культуры СССР и РСФСР, руководством крупнейших музеев может при желании выработать программу разумного компромисса. Не видеть в музейных хранителях ту самую экстремистскую власть, которая когда-то все отняла и теперь за это все надо отнять у нее, а идти рука об руку по единственно возможной дороге совместного духовного просвещения народа. Не выкорчевывать то, что успела сделать светская культура, а вместе сеять разумное, доброе, вечное. Не дробить целостность музейных коллекций, выгоняя нас из дома божьего, а продумать, как сохранить для потомков сокровища древнерусской культуры. В России на учете около 20 тысяч культурных памятников, и только в 450 из них размещаются музеи или реставрационные центры.

И еще я хочу обратиться к нашим законодателям. В эпоху революционных преобразований обычно издается много законов, указов. Указ о сохранении национальных ценностей, закон о культуре должны быть особенно тщательно продуманы.

ТРИ РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА СУДЬБУ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ,
 ПРЕВРАЩЕННЫХ В МУЗЕИ: ОСТАВИТЬ ЛИ ИХ МУЗЕЯМИ ИЛИ ВОЗВРАТИТЬ
 ЦЕРКВИ

3

Дана ли надежда «Данае»

Миллионы людей ждут возвращения в Эрмитаж «Данаи». «Нетленная красота», к сожалению, тленна, ибо не может противостоять ни разрушительной силе времени, ни злодейским деяниям маньяка. Четвертый год ведется реставрация известнейшей картины Рембрандта, поврежденной на 75 процентов выплеснутой на нее кислотой. Но теперь «Данае», которая постепенно возвращается к жизни, грозит другая опасность — она вместе с возрождающимися ее реставраторами может лишиться крова. Оказывается, что в Москве нет больше места для Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации художественного наследия Министерства культуры СССР. Новоспасский монастырь, где в настоящее время располагаются ведущие отделы и лаборатории института, еще в прошлом году решением Мосгорисполкома передан в собственность Московской патриархии, а с 1 октября этого года по распоряжению начальника управления госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры Москвы А. А. Савина с ВНИИР расторгнут охран-

но-арендный договор. Взамен Мосгорисполком предлагает реставраторам помещение площадью 900 квадратных метров (вместо 3.200, которые они занимают в Новоспасском монастыре), да и то лишь в четвертом квартале будущего года.

Время, которое мы сейчас переживаем, многие называют революционным. Однако вспомним, что среди первых декретов молодого государства был и такой: «О реставрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, общественных учреждений и т. д.». Вслед за изданием декрета были созданы и Государственные художественно-реставрационные мастерские. Вспомним и то, как в годы Великой Отечественной войны, еще до залпов Победы, реставраторы взялись за свои нехитрые инструменты, чтобы вернуть людям Красоту. Тогда, в 1944 году, в Москве для них нашлись помещения. Теперь же городские власти эти помещения найти не могут — ни для Центральной реставрационной мастерской, что на Большой Ордынке, ни для Всесоюзного научно-исследова-

ТРИ РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА СУДЬБУ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ,
ПРЕВРАЩЕННЫХ В МУЗЕИ: ОСТАВИТЬ ЛИ ИХ МУЗЕЯМИ ИЛИ ВОЗВРАТИТЬ
ЦЕРКВИ

тельского института реставрации.

Не по своей воле реставраторы заняли в свое время здания, ранее принадлежавшие и теперь возвращенные церкви. На те миллионы, которые были потрачены на оборудование лабораторий в не приспособленных для этого помещениях, можно было бы построить современные специализированные здания. И в середине 80-х было принято правительственное постановление, при выполнении которого ВНИИР, например, в 1994 году справил бы новоселье и не претендовал на Новоспасский монастырь. Но, увы, новое здание так и осталось в проектах.

Трудно доказывать то, что является очевидным. Кого надо убеждать в том, что шедевры мастеров прошлого — это культурное наследие, к которому надо относиться очень бережно? Кто не понимает, что реставраторы помогают сохранить не только духовные, но и материальные ценности — золотой запас государства и в прямом, и в переносном смысле? К сожалению, никто не подсчитывал и не учитывал (да и теперь это не делается), сколько стоили до реставрации и в какую сумму оцениваются ныне, например, золотая карета Екатерины II, Изборник Святослава XI века на пергаменте, икона «Знамение» XII века из Новгорода, буддийская скульптура VII века до нашей эры, панорама Ф. Рубо «Бородинская битва». Но даже люди, не обладающие большими финансовыми познаниями, думаю, понимают, что реставрационные мастерские — сверхприбыльное для государства «предприятие», и польза, которую они приносят, — неоценима.

Директор ВНИИР И. Горин во время нашей недавней встречи показал мне толстую папку с документами — своими письмами, заявлениями, обращениями к Попову, Лужкову, Губенко и пришедшими официальными ответами, решениями, постановлениями, нередко взаимоисключающими друг друга.

— Не понимаю я нынешних государственных деятелей, — говорит Иван Петрович. — Отдают московские дома и даже дворцы различным новым СП — и не думают о своих уже действующих, приносящих пользу структурах. Возвращают единым махом патриархии бывшие храмы и монастыри, и не задумываются, куда денутся размещенные там, согласно прежним постановлениям, организации. При этом возникают конфликтные ситуации между церковными служителями и реставраторами.

Ивану Петровичу Горину сейчас самому приходится становиться финансистом. Но, к сожалению, он может манипулировать только цифрами, а не конкретными деньгами. Откуда их взять, если бюджетное финансирование в настоящий момент под вопросом, а музеи при их нищенском существовании не способны заключать договоры с институтом на реставрацию экспонатов из своих коллекций? Может ли, например, музей Айвазовского в Феодосии заплатить 50 тысяч за реставрацию картины «Чесменская битва»? А ведь над этим полотном высококвалифицированный реставратор с помощниками будет трудиться не менее года, и в условиях самфинансирования при составлении договора ВНИИР должен учитывать все статьи расходов, в том числе — за аренду помещений. Патриархия же, у которой сейчас институт вынужден арендовать занимаемые в Новоспасском монастыре помещения, грозит «заломить» космические суммы — чтобы побыстрее выжить бывшего «хозяина».

Согласно мифу, Зевс пришел к Данае в виде золотого дождя. Рембрандт изобразил этот дождь как поток солнечного света, а Тициан — как водопад золотых монет. Увы, жизнь подтверждает, что золотые монеты приносят больше счастья и удачи, чем нечто неуловимое, неведущее, светящееся — солнечный свет, душа, милосердие, любовь, благородство.

Л. ФОМИНА.

ТРИ РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА СУДЬБУ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ,
ПРЕВРАЩЕННЫХ В МУЗЕИ: ОСТАВИТЬ ЛИ ИХ МУЗЕЯМИ ИЛИ ВОЗВРАТИТЬ
ЦЕРКВИ**Нужно, чтобы все встало
на свои места****ВИКТОР, епископ Подольский**

Начавшийся процесс возвращения церкви в свои родные стены выявил вопрос взаимоотношения церкви и культуры на сегодняшнем этапе их существования. Определилась проблема, перед которой обе организационные структуры оказались в известной степени беспомощными, потому что сами решить вопрос не в состоянии. Все понимают, что в храме должно совершаться богослужение, храм для того и создавался. Все понимают, что культура, которая нужна обществу и всем нам, должна существовать достойно, организации культуры, которые делают очень полезное дело, должны иметь подобающее помещение. И вся причина сложившегося печального положения, наметившегося противостояния — в беспомощности власти, которая принимает заведомо невыполнимые решения.

Существует точка зрения, что в том, что учреждения культуры оказываются ущемленными, виновата церковь. Это неверно. Никогда церковь не ставила так вопрос, что культура должна быть подвергнута какому-то ущербу, унижению и так далее. Церковь сотрудничала и будет сотрудничать с культурой в воспитании духовности, здесь никакого жизненного противопоставления нет. Мы прекрасно знаем многих людей, работающих в области культуры. В институте Горина замечательные люди, прекрасные специалисты, и мы ратуем за то, чтобы они получили лучшие условия, нежели нынешние. Ведь помещения Новоспасского

монастыря никак не приспособлены для лабораторий, реставрационных мастерских. Все упирается в то, что вопрос о нахождении и предоставлении площадей для организаций культуры вне нашей компетенции. Если власть принимает решение — предоставить институту реставрации в такой-то срок такие-то достаточные и приспособленные помещения, то пусть власть выполнит свое же собственное предписание. И если предлагается вариант, не устраивающий культурную организацию, то это нельзя расценить иначе, как бюрократический абсурд, а то и просто акцию государства против культуры.

Хотел бы коснуться и другого вопроса, который, помимо чисто организационного разрешения, требует выработки принципиального подхода. Церковное сознание требует, чтобы все церковные священные предметы находились в священном месте. Культурная позиция заключается в том, что эти предметы находятся в музее. В Третьяковской галерее иконы висят в пять рядов, как на складе, религиозный человек с этим смириться не может, для него икона представляет ценность не только эстетическую, но и религиозную, это святыня. Но хотя интересы музея и церкви здесь противоположны, но в определенном моменте они сходятся, потому что церковь тоже заинтересована в том, чтобы ее наследие изучалось, чтобы было достаточно хорошо сохранено, грамотно реставрировалось. Поэтому очевидно, что необходимо отойти от прежних стереотипов и прийти к новым формам взаимоотно-

шений, а может, и вспомнить старье, существовавшие до революции. Тогда были церковно-археологические, церковно-культурные учреждения. С одной стороны, вещь в них оставалась церковной, с другой — она была объектом научного изучения. Для того чтобы религиозное сознание не было оскорбляемо, мне представляется, нужны не просто отдельно государственные и отдельно церковные учреждения, а какие-то совместные органы. Там были бы представлены церковные работники, а также искусствоведы, реставраторы, те специалисты, которые наиболее грамотно могут обеспечить сохранность того или иного памятника или раритета.

Кроме того, в Москве и древних исторических городах очень много храмов, которые могут быть храмами-музеями, то есть в одно и то же время это действующий храм и музей. Тогда иконы будут находиться в храме, а не на выставке или в другом коробящем верующую душу месте. В то же время иконам будет обеспечено достаточное наблюдение и нужный музейным произведениям режим. Храм-музей, где проводятся богослужения, возможно, редкие, а также ведется достойная музейная работа, бывают посетители, — мне кажется, такое разрешение сложившейся коллизии могло бы быть взаимоприемлемым.

Весной в телевизионной передаче мы сказали, что нужна комиссия — согласительная ли, концептуальная ли, которая выработала бы принципы и практику передачи церковных вещей и памятников церкви, чтобы была определена конкретная судьба каждого памятника с учетом интересов науки, культуры и церкви. Но такая комиссия создана не была, хотя мы полагали, что инициатива пойдет от Министерства культуры. Министерство культуры никакой инициативы не проявило. Мы высказали предположение, что, может быть, Советский фонд культуры возьмет на себя эту

ТРИ РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА СУДЬБУ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ,
ПРЕВРАЩЕННЫХ В МУЗЕИ: ОСТАВИТЬ ЛИ ИХ МУЗЕЯМИ ИЛИ ВОЗВРАТИТЬ
ЦЕРКВИ

6

миссию, но Дмитрий Сергеевич Лихачев ответил, что фонд властными полномочиями не обладает и вряд ли стоит что-то организовывать, чтобы в очередной раз поговорить и разойтись. Мне кажется, что такой орган должен быть создан под эгидой Верховного Совета России. Представители церкви, органов культуры, специалисты, искусствоведы составили бы рабочую группу, она бы могла определить судьбу церковных памятников с учетом интересов всех сторон.

Трудность в том, что нет общения, контактов, желания подняться над собственной позицией, которая достаточно узка. Пока каждый по-своему прав, но если начнется работа, то будет найдено действительно общее решение. Должны быть региональные органы, решающие на местах судьбу разных памятников, потому что если решать все из Москвы, то много можно наломать дров, а их и так наломано предостаточно. Будущее за такими паритетными комиссиями, где бы ни одна сторона не подавлялась другой. В отношениях церкви и культуры диалог так же необходим, как и в любой другой области.

"ЕВРЕЙСКИЙ ИВАН" - О СУДЬБЕ РУССКИХ-ИУДАИСТОВ ИЗ-ПОД ВОРОНЕЖА

"ВЕК XX И МИР", №9/91

ЕВРЕЙСКИЙ ИВАН**РУССКИЕ ИУДАИСТЫ ИЗ-ПОД ВОРОНЕЖА**

Андрей ЛИТВИН

Все писавшие когда-либо о субботниках непредвзято, будь то в прошлом или нашем веке, сходились в одном — это люди трудолюбивые, чисто-плотные, незлобивые, свято оберегающие семейные устои (как рассказали мне жители Ильинки Светлана Моисеевна и Виктор Давыдович, разводов в селе всего ничего — 23, не больше, и то в последние годы). В Ильинке живут геры, те, кто не будучи этническими евреями, полностью переняли иудейский обряд, Талмуд и Каббалу и оттого считают себя евреями. Именно поэтому в их среде в начале 70-х гг. появились те, кто решил переселиться в Эрец Израиль. По законам Израиля, они евреи, точно также, как считаются таковыми таты, фалаши, лалухи и ... даже мексиканские индейцы, перешедшие в иудаизм. Да и в советских паспортах и метриках у многих ильинцев значится именно эта запись — «еврей», «еврейка». Так сложилось, что принявшие иудаизм довольно быстро начинали осознавать себя евреями.

— Мы вечно презираемы за свое еврейство, — приходилось мне слышать почти от каждого собеседника в Ильинке.

Вот что в подтверждение этих слов, да и вообще об истории субботников можно прочитать в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона:

«Первые официальные данные о них (субботниках — А.Л.) восходят к 1811 году и поступили почти одновременно из губерний Тульской, Воронежской, Тамбовской. Преосвященный воронежский доносил, что секта эта возникла между православными христианами около 1796-го года от природных жидов, между христианами живших, и распространилась в шести селениях Бобровского и Павловского уездов. Для борьбы с этой сектой, причисленной к числу особенно вредных, в 1825 году приняты были суровые меры (отдача начальников секты в военную службу, если они к ней пригодны, ссылка негодных в Сибирь, запрещение сектантам отлучек из места жительства и другие), а в видах «посмеяния над заблуждениями» и «возбуждения в народе отвращения» к ним повелено было «именовать субботников жидовскою сектою и оглашать, что они подлинно суть жида».

Слово-кличка «жид» для ильинцев не звучит оскорблением. «Мы и есть

"ЕВРЕЙСКИЙ ИВАН" (2)

жида, — отвечают они, — что тут такого особенно плохого? Жиды — значит, иудеи».

Вечером у Светланы Моисеевны и Виктора Давыдовича смотрим телепередачи; закончился кинофильм, на экране появились титры — много еврейских фамилий. «Это наши», — произносит не без гордости Светлана Моисеевна. Как-никак приятно иметь подобное сродство — «не лыком шиты», не только в земле ковыряются да коров доят, не в каждом селе могут таким сродством похвастаться!

Вообще же сама дата — 1796 год — наводит на раздумья: смена царствований, с чем всегда в России связывались надежды на облегчение участи.

Но история иудействующих на Руси имеет началом совсем не 1796-й год. Историки утверждают, что вятичи были одно время — в середине X века — данниками хазарского Кагана. Они хотя и были язычниками, но не настолько дикими, чтобы не иметь никаких точек соприкосновения с пришельцами из степи. Надо учесть, что именно в VIII—X вв. иудаизм был заметным конкурентом христианства, ислама и зороастризма на просторах от причерноморских степей до хорезмских оазисов.

Имеются также и более определенные свидетельства существования в X—XVI вв. в пределах границ Киевской Руси и Великого княжества Литовского славяноязычных евреев. Переход на язык народа, среди которого евреям суждено было жить в то или иное время — явление повсеместное. Именно это обстоятельство, думается, и мешает посмотреть на историю славяноязычных евреев по-новому. Факт перехода народа на другой язык определяется всегда фактором тотальной культурной экспансии. Так это произошло с евреями в эллинистических государствах Передней Азии и Римской империи, где в

орбиту эллинской государственности и культуры была включена сначала элита, а затем и все население тогдашней средиземноморской еврейской диаспоры вовлекалось в формирующиеся космополитические сообщества. Только простонародье Палестины оставалось верным традициям и языку предков.

Ничего подобного явно не могло произойти в X веке, ибо небольшим по численности еврейским общинам не было особой надобности приживаться тем же способом, как это случилось с огромными массами сефардов, вытолкнутых в Голландию и Германию в конце XV-го — начале XVI веков. Там, в германском мире, возникший взрывообразно язык идиш служил своеобразным индикатором лояльности евреев к этому миру. И переходя, начиная с XVI-го века в пределы Речи Посполитой, евреи, ставшие, по сути дела, новой этнографической группой — ашкеназами, — не сменили новоприобретенный язык, а только обогащали свою лексику славянизмами. Реформация, захватившая Нидерланды и Германию, несмотря на противоборство религиозно-политических группировок, вынуждавшее евреев постоянно держать путь на восток, где они вступали под покровительство польской короны, заложила для них условия довольно стабильного существования в этих странах, как хозяйственного, так и религиозного, так что к концу XIX — началу XX столетия евреи Германии были самым ассимилированным этническим меньшинством тогдашней империи Гогенцоллернов.

Не могли ли в таком случае оказаться славяноязычные евреи теми славянами, которые приняты иудаизм еще до 988-го года? Так могли поступить, скорее всего, торговые люди да городские ремесленники. Экономические мотивы такого вероисповедного выбора очевидны. Принимая иудаизм

"ЕВРЕЙСКИЙ ИВАН" (3)

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

от живших по южнорусским городам и занятых в сферах ремесла и торговли евреев или хазар, русские прозелиты получали неограниченную возможность для распространения своих товаров в пределах всей тогдашней ойкумены. Лишь официальное принятие Русью христианства внесло в эту ситуацию определенность — приток славян в иудейские общины, судя по всему, практически прекратился. А сами славяне-иудеи к XVI-му веку слились с шедшими с запада более многочисленными ашкеназскими группами еврейского народа.

Не могу не поделиться с читателями своим видением, точнее — ощущением этого канувшего в лету мира приднепровского еврейства. Меня всегда поражало именно еврейское благозвучие чисто славянских названий местечек Правобережной Украины и Среднего Приднепровья вообще: Бердичев и Летичев, Жаботин и Яготин, Бершадь, Черняхов, Канев... список можно продолжать до бесконечности. Боже, как удачно эти названия прижились у евреев в фамилиях (не беда, что они явственно позднего происхождения), в легендах и поверьях. Да и самих евреев этих мест часто по внешнему облику ни за что не отличить от местных украинцев. Кто здесь коренной, кто пришлый?...

В ИЛЬИНКЕ

Сама Ильинка — обычное русское село, небольшое по меркам воронежского края: до начала эмиграции здесь жило 500 с небольшим жителей, 2/3 из которых — субботники-геры.

Две параллельные улицы убегают с юга на север вдоль прудов, оставшихся в наследство от прежней барской усадьбы помещика Емельянова. Это ровнехонькое место — уникальный ландшафт для изрезанного оврагами

черноземья — и выбрали отцы, деды и прадеды современных жителей Ильинки в 1921 году. Тянули «жереб», «жеребо!» (то есть жребий), — рассказал мне Моисей Михайлович Кончаков, 63-летний пенсионер, справляющий, когда потребуется, похоронный обряд. Вытянули на другой участок — на въезде в Таловую, а бывший управляющий Емельянова наших отцов-дедов с юга перетянул.

Пришли в тот год под Красную Горку, под Казанскую да под Ильин день землемеры, нарезали наделы на принадлежавшей ранее дворянам и почти невозделанной земле, и потянулись из крупного, издавна малоземельного и переполненного сектантами села Верхней Тишанки обозы со скарбом: в Красновку, получившую свое название от праздника Красной Горки — тишанских молокан, старообрядцев и православных; в Казачок — молокан; в Казанку — исключительно православных; в Ильинку — субботников и живших в Тишанке на одной улице с субботниками православных. И местность, и название нового села пришлись субботникам по душе: как-никак, Илья-пророк — не чужой. Вообще же ильинские геры помнят, что их предки числились сектантами.

Мой собеседник Исаак Максимонович Кожокин недоумевает, разводя руками: «Откуда такое отношение к евреям пошло, в толк никак не возьму. Вот смотри, служил я срочную до войны, на фронте был, человек 40 наших из Ильинки на войне полегло, никто не смеялся с моего имени, а после войны, что-то такое произошло... мы и детям, и внукам своим вынуждены давать уже общеупотребимые русские имена. Конечно, между собой мы считаем их по-прежнему Лиду, Ларису — Лией, Раю — Рахилью, Витю — Беньямином».

Много историй об Ильинке и о курьезах, связанных с еврейством ее

"ЕВРЕЙСКИЙ ИВАН" (4)

жителей, поведали мне ильинцы, в том числе и Исаак Максимович и его жена Эсфирь Федоровна, с виду обычная русская крестьянка, курносая и круглолицая. Немного об именах и отчествах субботников. Все они, жившие в европейской России (в Закавказье и в Сибири они меньше зависели от церковной администрации вплоть до 1905-го года), должны были публично и с определенной регулярностью выказывать свою приверженность православию — держать дома иконы, ходить к исповеди, крестить младенцев и погребать усопших по православному обряду. Говорят, что их предки частенько откупались у батюшек от крещения, чтобы не идти против совести; записи совершались в церковных книгах, как и полагалось, а вот крещений не было. С 1861 года стало полегче, прекратились массовые ссылки в Закавказье и в Сибирь, некоторые субботники занялись было миссионерством, — агитировали посредством доказательства древности веры, простоты вероучения в сравнении с христианским; преуспеянием в хозяйстве, святостью семейных устоев. Субботники других сел Воронежской губернии (в прошлом однодворческих) были уличены в миссионерстве, оставшемся без последствий. В 1881 году было судебное разбирательство по поводу прельщения в ересь крестьян с Правобережья Дона (их потомки были расстреляны немцами во II-ую мировую войну). Приезжавший по этому делу в губернию сенатор Мордвинов не нашел ничего предосудительного в действиях субботников, ссылаясь в официальной записке по итогам разбирательства на то, что субботники вообще не ведут миссионерской деятельности. Он не смог удержаться от того, чтобы не отдать должное чистоте семейных отношений у субботников, их трудолюбию. Подобный факт миссионерства отмечен в 1860 г. в

Тамбовской губернии саратовскими субботниками. Спросил Исаака Максимовича и Эсфирь Федоровну сразу при знакомстве об их отчествах. «Да, — говорят они, — все же числились православными, оттого и в документах путаница такая.»

Имена — вот еще один из факторов, способствовавших перемене вероисповедания. Как известно, за имена надо было платить священнику. Не заплатишь хорошо, так всю жизнь и коротать с каким-нибудь неблагозвучным, да трудновыговариваемым. А у субботников сам себе хозяин. Захотел назваться хоть именем царя Давида, хоть царя Соломона, так и будут величать впредь единоверцы. И на душе легче — причастен к священной истории, к самым что ни на есть ее стародавним временам. Вообще-то и сами православные святцы изобиловали еврейскими именами, так что они были на слуху русских людей. (Помнится, когда я знакомился с материалами биографии святого епископа Тихона Задонского, наткнулся на список учащихся семинарии, где учился подвижник православия. Самым распространенным именем среди семинаристов было — Иуда.)

Это в 30-е гг. XVII-го века. Если бы не такая частотность еврейских имен, то откуда тогда среди русских православных столько Юдиных, Исаевых (Шаевых), Еремеевых, Давыдовых, Елизаровых, Елисеевых...

— Вот с моей бабкой какая история приключилась, — продолжал Исаак Максимович. — Приходим в голландское консульство оформлять документы на выезд: внучка с семьей в Израиле, в Иерусалиме живет уже полтора года — в районе Новый Яков — там большинство наших осело (так просто по-русски называют ильинцы иерусалимский район Невз-Яков). Я-то сам прошел первым процедуру оформления без хлопот (у Исаака Максимовича вполне усред-

"ЕВРЕЙСКИЙ ИВАН" (5)

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ненная европейская внешность). А вот когда моя бабулька сунулась, у ней спросили: фамилия матери. — Кожокина. — А бабки по матери? — Кожокина тоже, — говорит. Сотрудник, оформлявший бумаги, понять ничего не мог, а она не нашлась что сказать, выходит из кабинета расстроенная, объясняет мне, что с ней приключилось. (Эсфирь Федоровна тем временем на дворе дает корм курам на ночь.) Ну-ка, говорю, бабка, шас как фронтовик пойду объясню, кто мы такие. Пришел, рассказал, что больше половины села нашего уже там. Он извинился — не видал, говорит, еще таких.

СЕКРЕТ ЕВРЕЙСКОЙ
ВЗАИМОПОМОЩИ

О еврейской взаимопомощи, взаимовыручке сложено немало анекдотов, иногда добрых, иногда смешных, над которыми и сами евреи могут посмеяться вместе с другими, и даже больше неевреев, но этому, вполне реальному явлению еврейской жизни часто сопутствуют несправедливо завистливые сплетни. При этом забывают, что помогают еврей, да и субботники тоже, не только своим. Известны случаи жертвований субботниками даже на строительство православных переквей.

И все же где она, сфера, родившая еврейскую взаимопомощь? Я в прежнее был убежден в ее религиозных истоках. В беседах же в Ильинке я лишний раз удостоверился в этом.

После вечернего застолья вышли на улицу — у Виктора Давыдовича были гости из Казанки: приезжал его друг — бывший председатель колхоза с женой, человек интеллигентный, симпатичный; уже потом мне сообщили другие ильинцы, что при нем никогда не заставляли работать в дни еврейских религиозных праздников,

не то, что при нынешнем. Он даже сам приезжал на митинги (молитвенные собрания), говорил: «можно к вам посмотреть, мне это интересно». Разговорились об обычаях.

— Я человек неверующий, мало разбирающийся в этих делах, — говорит Виктор Давыдович, — короче, обычный советский, но вот помянуть родителей (Виктор Давыдович сирота с детства) буду; даже если все отсюда уедут, сам буду зажигать свечи, ходить на кладбище, устраивать поминки, — святое дело чтить память умерших. У нас как помогают друг другу? Вот умирает кто-нибудь. По закону положено, чтобы кто-либо из близких родственников (зависит от степени родства) соблюдал траур, поминал покойника и молился в течение восьми дней. Сидят на полу (раньше вообще на голом земляном, это сейчас уже позволяют себе послабления — на циновках, на ковриках). Другие родственники помогают по дому, убирают, готовят пищу, подают еду молящемуся, соблюдающему траур. Если нет из близких родственников никого, придут двоюродные, если человек совсем одинокий, соседи помогут. Траур ведь дается для того, чтобы помянуть, а не для того, чтобы умирать живому, — заключил Виктор Давыдович эту невеселую тему.

ИСХОД

Первыми в Израиль поехали энтузиасты веры, чьи религиозные запросы возвышались над потребностями основной массы односельчан, и было это в 1974-ом году.

— Уезжали в плащиках, в резиновых сапогах, чемоданчики да баулы в руках, а самые ведь многодетные семьи ехали: у кого по 5, у кого по 8, у кого и поболее 10 детей, — рассказывает 55-летняя пенсионерка Рахиль Яковлевна Кожокина. — Знаю, труд-

"ЕВРЕЙСКИЙ ИВАН" (6)

но им было там на первых порах, но выдюжили — мы народ привычный, трудолюбивый. Последнее легко проверить. Село ухоженное, несмотря на массовый отъезд. Скажем, семья собирается зимой уезжать, а картошку по весне сажали и выкапывать собираются сами, скотину продолжают держать до последнего дня (на вырученные после продаж деньги оплачивают отъезд, по нынешним временам это суммы немалые). Домишки вполне неплохие, это уже второе-третье поколение жилья, есть вполне и вполне добротные каменные. Непременный атрибут усадьбы — палисадник с плодовыми деревьями и цветами, штaketники с любовью и вкусом покрашены; во дворах — сады, посадили после отмены сталинских налогов в 1954-ом. Тогда и зажили, нельзя сказать, чтобы богато, но вполне зажиточно. В общем, живут, как жили, не расхоложиваются, невзирая на предстоящие перемены в их жизни.

Прежде чем отважиться на выезд, религиозные активисты из Ильинки и направили местным властям петицию, вполне в духе тех положений, что зафиксированы сейчас в текстах новых законов о свободе совести. Ничего экстраординарного, тем более антиобщественного они не предлагали: открыть синагогу, назначить раввина, да чтобы дети их в свободное от учебы время обучались основам вероучения и ивриту.

За четверть века до этого, когда даже электричества в селе не было (провели только в самом конце 50-х), добрались ревнителю идеологических риз и до Ильинки: в самый разгар борьбы с космополитизмом колхозу, передовому в районе, бывшему от своего основания «Еврейским крестьянином», присвоили в одночасье имя одного из вождей сталинской когорты — «имени Маленкова».

Отпустив несколько семей, отчаявшихся найти правду в этой стране,

остальным ильинцам, получившим вызовы из Израиля, устроили проработку. Желая покончить с локальной «еврейской проблемой», им заявили: «Будете жить здесь до самой смерти, никуда вы отсюда не уедете. Вы что хотите, чтобы мы отделение колхоза распустили после вашего отъезда?» Документы перестали доходить до адресатов в Ильинку: получали на другие адреса в городах. Людей, везших вызовы в деревню, перехватывали по дороге.

Привозили в село представителей всесоюзного антиссионистского комитета, а других, «ненадежных», туда не пускали ни под каким видом. Но все же те, кому надо было, — добирались. Рассказывали, что в дом, где ночевал Щаранский, гебисты ломанулись в 12 ночи. Хозяин ответил, что после одиннадцати в дом он никого не впустит — тогда «работники невидимого фронта» в своей «Волге», а дело было по осени, просидели целую ночь, никуда не отъезжая.

А вот Юрию Федоровичу Орлову — основателю московской хельсинской группы — суд помимо прочего инкриминировал также склонение ильинцев к эмиграции.

КСУБА

Весь окружающий ильинцев мир воспринимается ими сквозь призму не только еврейства-нееврейства, но и кровно-родственных отношений. Фамилий в селе всего семь — Кожокины, Матвеевы, Пискаревы, Варнавские, Кончаковы, Черноуховы, Курбатовы. Всего до начала отъезда их насчитывалось человек 600—700 по всей стране, большая часть — около 500 — жила в Ильинке, остальные в «диаспоре».

В середине 30-х гг., когда у кого-либо появлялась хоть малейшая возможность вырваться из колхозной

"ЕВРЕЙСКИЙ ИВАН" 7)

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

голодухи (в колхоз шли безропотно) — по оргнабору уезжали в Моздок, Кубу (Азербайджан), Одесскую область, — туда, где проще было прокормиться. В военные и послевоенные годы забирали по городам в ФЗУ; кто ехал учиться, тоже малопомалу стали оседать в других местах. Из рассказа Моисея Михайловича Кончакова мне удалось узнать, что первым из оказавшихся в Израиле ильинцев был их земляк, женатый то ли на татке, то ли на этнической еврейке; уехал он из Моздока в конце 50-х гг.

Что такое для ильинцев односельчанин, родственник (зачастую понятия совпадающие), понять трудно, если вы не знакомы с системой брачных отношений, укорененной у них. Он, кроме всего прочего, потенциальный партнер в брачном договоре (клубе) для него самого, его детей, внуков. (Клуба — свиток, документ, написанный от руки женихом и невестой, в нем отражены взаимные обязательства вступающих в брак. Этими документами молодожены обмениваются вместе с кольцами во время церемонии бракосочетания, правда не синагогальной, но все же...)

До войны, когда часть этнических евреев занималась сельским хозяйством, у ильинцев еще был шанс получить партнерскую брачную группу: в селе были случаи браков с этническими евреями, а вот после войны этой возможности они лишились, ибо большинство евреев-селян, живших на Украине, либо погибли, либо те, кто остался в живых, подались в города. Этнические евреи за советское время стали совсем секуляризованными, что также препятствует бракам с ними субботников здесь, но не в Израиле.

Люди понимают тупиковость своего положения, оттого и уезжают. Отсутствие партнерской брачной группы, в которой не было бы родствен-

ных пересечений, — пожалуй, самая серьезная причина, толкнувшая их на выбор нового места для себя и своих потомков.

Рахиль Яковлевна Кожокина не без горечи сказала мне:

— Ну, было бы нас здесь побольше, никуда бы не поехали, всех бы вот таких как мы созвали сюда и жили бы, а раз этого нет, — приходится уезжать: чай не профессора, на любую работу сгодимся.

Перед малыми конфессиями такая проблема стояла всегда остро — главным считалось не растеряться в среде чужих.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

На протяжении богатого катаклизмами нашего 20-го века это уже третья эмиграция из пределов Воронежской губернии (области) по профессиональному признаку: сначала — новоизраильтяне или лубковцы (1909 г. — Уругвай), меннониты (1929—30 гг. — Канада, и слава Богу, что не Германия) и, наконец, субботники-геры (1974—1991 гг. — Израиль). По своей численности все 3 группы примерно одинаковы — от 300 до 700 человек.

Беднеет страна, беднеют остающиеся, теряя разнообразие, без которого не может нормально развиваться ни одно общество.

Что такое патриотизм? Это, по моему убеждению, в том числе и уважение большинства к правам и интересам меньшинств. внимание к их проблемам — национальным, религиозным, социальным.

В Ильинке прекрасное кладбище, таких, поверьте мне, нигде по селам вы уже не встретите. Давайте, пока не поздно, сбережем его для потомков. Хотя бы его...

Март — апрель 1991 г, Москва

С ТАКИМИ ЛИЦАМИ, КАК У ЦЕРКОВНИКОВ ИЗ ПРОГРАММЫ "ВРЕМЯ",
В НАРОДНУЮ ДУШУ ХОДА НЕТ 1

6 *Общественник* № 28 • 1991

«У лжеца нет хлеба, он может
подать просящему только камень».

О ЗЕМНОМ И НЕБЕСНОМ

КТО В ХРАМЕ ХОЗЯИН?

С ТАКИМИ ЛИЦАМИ... 2

Вспомни: ты входил сюда с ликующим ощущением риска, с победителем, совершающего подвиг отрыва от внешней фальшивой, нудной жизни. Здесь все было по-другому: в зной — прохлада, в стужу — теплынь. Здесь тебе внимали и соболезновали домашние лики святых, здесь врачевал тебя ладан. Ты не знал, кому ставить свечки, тебе просто нравилось приручать воск и следить, как он жертвенно тает во имя твое. Ты стеснялся креститься, входя сюда, но для тебя, крещеного атеиста, здесь было убежище, спасательная станция, кислородная барокамера. Дыши, блудный сын!

С тех пор случилось всякое. Раньше терпеливо выжидавшая паломничества, нынче церковь сама отпавилась в массы. Якобы отделенная от государства, она в виде своих депутатов все чаще мелькает на сессиях, пленумах и прочих сугубо мирских тусовках. Государственная программа «Время», партийная газета «Правда», а то и сцена эстрадного гала-концерта уже практически немислимы без удалой религиозной пропаганды. Редко какой гараж, киоск или бассейн (разве что угольный?) вступает в строй, не будучи освящен церковью. О, где ж тот надежный герметизм былого убежища? Где величественное неучастие в политической мельтешне? И были ли они вообще? А то еще вдруг в том единственном доме, «где с куполом синим не властно соперничать небо», нет-нет да и натолкнешься на совсем уж диковинных посетителей. Вон в углу притулился скромняга премьер, который еще пару часов назад вполне язычески флибустьерствовал, из кремлевского генштаба насылая на утлые наши кассы и карманы инкассаторские абордажи. Вон у аналоя ангельски замер красный — дьяволенок — мальчиш-кибальчиш Санька Невзоров, в пыльном маскхалате, с верным маузером на боку, еще не смывший гарь своих доблестных поджогов. Может, грехи какие замаливают? Дудки! Набираются новых сил, да еще так призывно ухмыляются: мол, давай сюда, к нам, друг ситный!

Стоп, ребята. Почему это «к вам»? Я сюда, в храм, можно сказать, наоборот, «от вас» ушел, вы мне снаружи поднадоели. А кто ж в храме-то хозяин?! И начинаешь опасливо принохиваться, присматриваться, примериваться. Не разоблачительства ж ради! Просто, ежели явка рассекречена, если и тут уж наследили-нагадили, то надо поступить, как старик Плейшнер: по-товарищески предупредить своих, чтоб не совались в гиблое место. Айда на разведку!

С первого же пристального взгляда выясняется, что монолитной православной церкви нет, сплошной раскол. Как раз в этом году на родине героя воздвигнут памятник легендарному раскольнику протопопу Аввакуму, который три века назад пытался отстоять принцип «Богу — Богово, кесарю — кесарево», за что был замурован в почве. После чего церковь делилась, почковалась и сейчас имеются: Русская православная церковь Русская православная церковь за границей, катакомбная православная церковь, и еще масса других... Однако ж на второй пристальный взгляд понятно, что реальное хождение и силу на территории СССР имеет только Русская православная церковь во главе с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. По сути, это и есть государственная церковь с неодолимой тягой к монополизму и централизму. Так что когда по телевизору агитируют вступать в ряды христиан, то знайте, товарищи, что имеются в виду ряды Русской православной церкви (РПЦ). Ибо ежели некоторая община рискнет выпасть из-под опеки Патриарха, то ждет ее неминуемая «прибалтийская» участь. Вот, например, в подмосковной Кашире попытались верующие сделать Успенский собор приходом катакомбной церкви. Как тут же из-за бугра выскакивает ОМОН и разгоняет мятежников. Аналогичные истории приключаются в Севастополе, Суздале, Ступине, Уссурийске... Неужели же Христос в белом венчике из роз по старинке шествует во главе двенадцати головорезов?

Еще на что-то надеясь, пролистываешь летописи назад, к начальным главам, занимая исходную позицию. Дело было, разумеется, в 1917 году. Патриархом избран Тихон. Мелькнула робкая надежда на независимость церкви от государства, как хотел Аввакум (что было до 1917 г. — см. сочинения ересиарха Л. Н. Толстого). В январе 1918-го Тихон подверг анафеме коммунистов-безбожников, за что чуть позже был ими арестован и, кажется, отравлен в Донском монастыре в 1925 году. Преемник его Сергей (Страгородский) был куда покладистей и опубликовал знаменитую Декларацию «О радостях», где провозглашал «радости Страны Советов нашими радостями, а

С ТАКИМИ ЛИЦАМИ... 3

О ЗЕМНОМ И НЕБЕСНОМ

неудачи — нашими неудачами», ибо советская власть законная, кто от нее пострадал или совсем умер, тот сам виноват. В ту пору как раз немало священников томилось на Соловках, еще больше скрывалось в эмиграциях, поэтому радость Сергия (или, как бы сейчас говорилось, «консенсус») разделили не все, вот и начался раскол. Однако все прочие, кроме сергианской — просоветской — ветви, нещадно вырубались под доглядом главного садовода и селекционера времен и народов И. Джугашвили.

Кроме некоторого оживления в войну, церковь до 60-го года ютилась на задворках, как вдруг Хрущев с Суслевым встрепенулись, посовещались и постановили с выгодой для себя привлечь церковь к своей международной деятельности. Чтоб благословляла. Сог-

татуру? Или тот памятный референдум супротив расчленения Союза («Мама, скажи Союзу «да»), когда Алексей II монументально расположился в авангарде сторонников империи. Не о Союзе речь, а вот дело ли церкви вмешиваться, раз пошла такая безбожная пьянка? Кто о душе-то позаботится? Кто сохранит горячее сердце и холодный ум, когда уже даже ГПУ не в состоянии, с колес срывается? Я уже не говорю о Боге! Кстати, почему-то, говоря о РПЦ, совершенно нечего сказать о Боге, как будто речь идет о какой-нибудь атеистической организации. Взять хотя бы кое-какие накопившиеся свидетельства об Алексии II. Сам-то он на эту тему говорить не станет, вот и приходится читать «враждебную» прессу — «Русскую мысль», «Вестник Р. С. Х. Д.», «Столицу», «Гласность» (григорянцевскую), а то и самиздат.

В эпоху «оттепельных» гонений на церковь Алексей стал крупным функционером аппарата Московской Патриархии — управляющим делами и постоянным членом Синода. По роду службы он как бы отвечал за сношения церкви с Советом по делам религий при бывшем Совмине СССР (совет возник при отеческом участии Берии, а долготет-

Несвоевременные
заметки на полях
вторичного
крещения всея Руси

*...Такое время, что
все в бегах, но мало
кто в розыске.
Бегут не потому,
что гонят,
а потому, что
не нужны, как тот
неуловимый Джо.
Все мы немножко
лишние люди
на бескрайних
российских
трясинах.
И вот в поисках
тверди метнулись
компатриоты
к порогам
иноземных
посольств.
Но хлопотный это
путь. К счастью,
было среди прочих
не менее
экстерриториальное,
но всегда открытое
посольство —
Небесное.*

ласно канонам, всякое соучастие в таковой деятельности (экуменизм) православной церкви противопоказано, но до канонов ли...

Потом пошло-поехало, да по светским-советским бездорожьям, да постепенно сбрасывая на обочинах никчемное уже топливо религиозной духовной свободы, превратившись в итоге в банальный чиновничий рыдван, который по зову партии являлся на всяких обязательных мероприятиях. Короче, как пел Макаревич, «все они марионетки в ловких и натруженных руках». А кто бунтовал, не мирился — того в опалу, в изгнание из плодородного лона госцеркви.

Нынешний глава Русской православной церкви Алексей II в июне с. г. торжественно отметил годовщину своего патриаршества. По этому поводу выступил с речью, в которой положительно оценил свою деятельность на высоком посту. Мне из его деятельности почему-то запомнилось прежде всего то, что он подписал сакраментальное письмо к Президенту с требованием ввести режим твердой руки. Не в том дело, нужна ли мускулистая рука, но отчего церковь-то за дик-

ним его председателем был генерал-лейтенант МГБ Каргов). О чем беседовали в совете с Алексием, можно прочитать в кое-каких обнародованных документах, например в «справке о приеме архиепископа Алексия» 9 и 20 февраля 1967 года: «В беседе, перечисляя архиевреев, арх. Алексей положительно отозвался об архиепископе Псковском Иоанне, сказав, что неглупый человек, лояльный по отношению к государству... Архиепископ Алексей в этот раз сообщил также о том, что Шпиллер (Николо-Кузнецкая церковь, Москва), как видно, распоясался, распространяет среди духовенства свое письмо, адресованное Патриарху, с жалобой на исполнительный орган и якобы вмешательство местных властей в дела церкви... Патриарх Пимен, продолжал архиепископ, как-то самоизолировался. Что касается Москвы, то известно, что здесь у Пимена имеются женщины и был случай, когда по параллельному телефону я слушал, как он одной женщине говорил «крепко, крепко тебя...» («Гласность» № 13, с. 11—14, М., 1988). Согласитесь, что не волшебным ладаном и не таинственным мускусом от

ЕН

С ТАКИМИ ЛИЦАМИ... 4

эдаких речей тянет. А как от элементарных бытовых склок.

Ладно — отдышавшись — нырнем-ка еще в одну желеобразную цитату, из «Послания Архиерейского Синода Русской православной церкви за границей» от 27 июля 1990 года, где излагается секретная записка членам Политбюро ЦК КПСС «брежневского» призыва от тогдашнего зампреда Совета по делам религий Фурова: «Фуков среди прочего отмечает, что совет ведет систематическую «воспитательную работу» с членами Синода, которые «на словах и на деле подтверждают не только лояльность, но и патриотичность к социалистическому обществу, строго соблюдая законы о культах, и в этом же духе воспитывают приходское духовенство, верующих, реально сознают, что наше государство не заинтересовано в возвышении роли религии и церкви в обществе, и, понимая это, не проявляют особой активности в расширении влияния православия среди населения». Далее в докладе Фурова дается оценка степени надежности разных членов епископата с коммунистической точки зрения. Алексия Фуков в своем докладе относит к группе иерархов, которые, «соблюдая законы о ре-

лигиозных обрядах, наставляют настоятелей приходов и прихожан в том же духе. Они знают о правительственной линии не расширять религию и роль церкви в обществе и поэтому не стремятся распространять влияние религии на народ».

Ага, значит, была правительственная линия не расширять влияние, а теперь, стало быть, правительственная линия расширять. Вот и случился религиозный максимализм, вот и премьер наш уже в храме со свечкой отстает... Не удивлюсь, когда в склябрыта, пионеры и т. д. станут записывать только по предъявлению натального крестика. Церковь проследит, тем более если прибавить, что в каждом управлении КГБ существует чин, который «осуществляет контрразведывательную работу по линии Русской православной церкви», как записано в смертном приговоре за взятки в особо крупных размерах одному из таких офицеров — майору А. Хвостикову (случай помянут в «Русской мысли», 8 июня 1990).

Об Алексии II дополнительно сказать есть много чего, да надо ли? Сам он недавно однозначно сформулировал: «Мы не считаем, что позиция, занятая с 1927 года митрополитом Сергием, а затем и последующим церковным руководством, принесла вред церкви и народу». Раз не считает, что призывать к покаянию имеет право только святой или покаявшийся, то нам ли убеждать его в этом? Да и что за бяла?

По-моему, вообще не стоит никого и ничего разоблачать, выводить на чистую воду, опровергать, просвечивать рентгеном фактов. Все, знаете ли, как-нибудь само собой прояснится. По лицам разберемся. С такими лицами, как у церковников из программы «Время», в народную душу хода нет. Зато у опального отца Лазаря, епископа катакомбной церкви, глаза совсем иные, как говорится, «с печатью». Нечего за церковь беспокоиться — утрясется, займет положенное ей место, ажиотаж схлынет. Кто-нибудь снова рискнет стать атеистом. И окажется, что на дорогах, которые не ведут к храму, тоже попадутся неплохие люди и сочные пейзажи. В прогаре останутся только нынешние религиозные чины. Ладно, пусть у них алтари и клобуки, зато нам достанутся все красоты стиля Ветхого Завета и все сюжетные лабиринты Четвероевангелия. И как там сказано? «У лжецы нет хлеба, он может подать просящему только камень».

Единственный, кого мне немного жаль во всей этой истории, это тот московский студентик, что порой захаживал в поисках убежища в Небесное посольство, топил джэрчывы воск и о чем-то просил Николу Чудотворца. Да вот выяснилось, что выслушивали его не только на небесах, но и в Совете по делам религии. Что ж, впредь станет ученым, обойдется без посредников. А худа нет без добра, и, может статься, ввиду отсутствия доступных убежищ он все-таки останется там, где родился и выжил, и больше никуда не убежит?..

Игорь Мартынов.

С ТАКИМИ ЛИЦАМИ... 5

Рисунок Николая Маркелова.

...ЕГОР ДА НИКОДИМ МИРОМ МАЗАНЫ ДА НИМ...
 ...НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ...

ЕН

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ПАЛОМНИЧЕСТВО ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ

ИЗВЕСТИЯ

№ 163 ● 10 июля 1991 года

● 6

Свобода для совести союзного подчинения

В № 100 за 1991 год «Известия» напечатали заметку о двух организаторах московского религиозного Общества православной церкви Александре Калинин и Андрее Манько, которые решили совершить паломничество к святым местам — пойти пешком в города Иерусалим и Вифлеем. Никуда они не пошли, поскольку, несмотря на личное благословение святейшего патриарха Иерусалимского Дiodора I, советские и церковные власти не дали им загранпаспортов.

Сегодня выясняется, что не пошли они с пользой: за время хождений по святым для каждого смертного местам — в ОВИР, МИД, Моссовет, Совет по делам религий, Московскую и Союзную прокуратуры — божьи люди выяснили любопытные подробности, касающиеся принципов распределения свободы совести среди советских граждан.

У рядового отечественного верующего проблем с паломничеством практически нет. Ощувив потребность в приобретении к святым местам, он по существующим порядкам должен обратиться к приходскому священнику за соответствующей рекомендацией. Если такую рекомендацию он получает, документы его поднимаются по церковным инстанциям вверх вплоть до того места, где формируются группы верующих. Их документы церковь потом передает отделенному от нее государству для проведения мирских формальностей — оформления паспортов и виз.

В этот сценарий любви к Господу Александр Калинин и Андрей Манько вписались плохо, поскольку свое религиозное общество они организовали сами, и ближайший адрес, где им могли бы дать рекомендацию, — Иерусалим. Куда они, собственно, и хотели бы направиться и откуда получили еще в феврале 1991 года, как поговаривают, впервые в СССР, личное благословение (по мирскому — приглашение) святейшего патриарха Иерусалимского Дiodора I. Короче, Русская православная церковь мягко, по-отечески дала понять двум паломникам, что занимается только «своими» верующими, а самостоятельными организациями — нет.

На нет, как говорится, и суда нет. Паломники обратились к властям, а именно — к Совету по делам религий, который в официальном ответе за подписью начальника отдела международ-

ных связей Н. Мухина сообщил, что «оказывает содействие только общесоюзным религиозным центрам и организациям». Поскольку из этого следовало, что вера в Господа у Александра Калинин и Андрея Манько не носит общесоюзного характера, они обратились через прокуратуру г. Москвы к уполномоченному Совету по делам религий по г. Москве.

Уполномоченный тов. П. Дозорцев на своем официальном бланке 10 июня 1991 года охотно сообщил, что еще 26 апреля 1991 года решением Кабинета Министров СССР институт уполномоченных Совета по делам религий упразднен. И подписался — «Уполномоченный П. Н. Дозорцев».

С упраздненного — какой спрос? И пошли тогда паломники в Моссовет со своей просьбой разрешить им помолиться в Иерусалиме и Вифлееме. И тогда Моссовет увидел корень мучений Сожженных людей и изложил их в проекте письма в Кабинет Министров СССР. И были эти слова такими: Моссовет ощущает большую проблему в деле «оформления выездов за рубеж членов вновь создаваемых религиозных организаций, не имеющих союзных центров и структур». И все потому, что «выезды за рубеж с целью паломничества и по другим мотивам религиозного характера не могут рассматриваться в качестве служебных командирований, а являются поездками частного характера и, следовательно, должны оформляться через органы МВД».

Из вышесказанного следует, что любовь к Всевышнему в СССР имеет границы. И эти границы являются государственными. Особенно для возлюбивших Господа нашего не в организованном, а в стихийном и тем более — местном порядке.

С. МОСТОВЩИКОВ.

ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ ВТОРОЙ: НЕ ОТКАЗЫВАЮСЬ ОТ ДЕКЛАРАЦИИ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ, ПОТОМУ ЧТО ОН ХОТЕЛ СПАСТИ ЦЕРКОВЬ

ИЗВЕСТИЯ

№ 137 • 10 июня 1991 года • 2

Патриарх Алексей II:

ПРИНИМАЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВСЕ, ЧТО БЫЛО

В жизни Русской православной церкви после избрания на патриарший престол Московский и Всея Руси Алексия II происходят события, которые ординарными не назовешь. Впервые за много десятилетий прежде негромкий голос Церкви начал обретать свой самостоятельный тембр. Опутанная многочисленными циркулярами, и — что говорить — загнанная, но не сломленная, она все тяжкие времена была, несмотря ни на что, вместе со своей паствой, в меру своих возможностей утешая, зовя и цевностям справедливым, вечным.

Да, не все было гладко и правильно, но Русская православная церковь, как показало время, сумела сохранить, сберечь свои идеалы, традиции. В эти дни исполняется ровно год со дня интронизации нового Патриарха. Воспользовавшись этим поводом, наши корреспонденты вновь встретились с ним, чтобы продолжить разговор о делах сегодняшних, церковных и мирских.

— Ваше Святейшество, в советское время каждый Патриарх, приходящий к возглавлению Церкви, в день своего избрания должен был подтвердить, что он будет верен Декларации митрополита Сергия от 1927 года о принципах отношений Церкви и Советской власти. Вы этих слов при избрании год назад не произнесли. Но все же создается ощущение, что оправдываете эту Декларацию. Каково все-таки Ваше отношение к ней?

— Прежде всего мне не хотелось бы вставать в такую позицию, будто я отрекаюсь от нее. Декларация эта — часть истории нашей Церкви. Будучи церковным человеком, я должен принимать на себя ответственность за все, что было в жизни моей Церкви: не только за доброе, но и за тяжелое, скорбное, ошибочное. Слишком просто было бы сказать: я ее не подписывал и ничего не знаю.

Помогла или нет эта Декларация Церкви в те тяжелейшие дни — пусть судит история. Не хотел бы выносить оценку этим действиям митрополита Сергия. В ту ночь мы могли лишь плакать

вместе с ним. Насколько можно судить, ему была предложена «альтернатива»: или подпись — или расстрел нескольких сотен епископов, находившихся уже под арестом...

Та боль, которую испытывал он тогда, отчасти живет и поныне в моем сердце... Но, глядя из сегодняшнего дня, или просто с точки зрения исторической правды, мы видим, что заявление митрополита Сергия, конечно, нельзя назвать добровольным, ибо ему, находившемуся под страшным давлением, пришлось заявить вещи, далекие от истины, — ради спасения людей. Сегодня мы же можем сказать, что неправда замешана в его Декларации, которая преследовала цель «поставить Церковь в правильные отношения к советскому правительству». Но эти отношения — а в Декларации они ясно обрисовывались как подчинение Церкви интересам государственной политики — как раз не являются правильными с точки зрения Церкви.

Митрополит Сергий хотел спасти этой Декларацией Церковь. Знаю, что многие, слыша эти слова, возражают, что Церковь спасает Христос, а не люди. Это верно. Но верно и то, что без человеческих усилий помощь Божия не спасает. Неунчтожима Вселенная. Церковь. Но где знаменитая Карфагенская Церковь? Есть ли православные верующие сегодня в Каппадонии, в Малой Азии, где прославились Григорий Богослов и Василий Великий? На наших глазах уничтожена Церковь в Албании. И в России были силы, желавшие того же...

За этот год, я считаю, мы реально смогли выйти из-под навязчивой опеки государства и потому теперь, имея как факт нашу дистанцированность от него, мы имеем нравственное право сказать, что Декларация митрополита Сергия в целом ушла в прошлое и что мы не руководствуемся ею.

Это не означает, что мы выступаем против государства. Это значит, что мы считаем, что государство может ошибаться — и очень тяжело, и иногда даже преступно, и что у нас есть право и долг в этих случаях свидетельствовать перед Богом, перед нашей совестью, перед миром о нарушении правды Божией.

— Да, в этом году Вы, пожалуй, действовали так, как не стал бы действовать убежденный «сергианин». Так, как будто не про Вас В. Фуровым, в те годы заместителем председателя Совета по делам религий, сказано в 1974 году как об одном из самых лояльных епископов Русской церкви, понимающем «незаинтересованность» государства в укреплении религиозности.

1148-166

ФИНЛЯНДИЯ И АЛКОГОЛЬ (2)

режившим тяжкое безалкогольное время, и совершенно не помнит того, что в эти же самые дни сухой закон был и в Эстонии, и в Норвегии, и в США, и в Советской России (просто в мире была такая мода: начинать новую жизнь с очищения и трезвости — практически все изменения в алкогольном праве происходили на фоне революций).

Впрочем, стоит посмотреть только, что делают финны, приезжая в Москву, Ленинград или Таллинн... Странное пристрастие финских туристов на один день поехать в Ленинград, напиться вусмерть, уснуть в автобусе и вернуться объясняется не только соображениями негедоной экономической выгоды (ка 127 марок, государственную стоимость пол-литра водки в магазине фирмы «Алко», в СССР можно купить 101 бутылку водки).

В Институте социальных исследований проблем алко-

голизма, что существует при фирме «Алко» уже почти 40 лет, директор Юсси Симпура рассказал, что финны напиваются не в каждой заграничной, а только там, где чувствуют себя раскованней и богаче: на Канарских островах и в Советском Союзе. (У нас, к сведению, и по сей день алкогольные напитки — самые дешевые в мире. А самые дорогие — в Норвегии).

...ВЫТРЕЗВИТЕЛЕМ это заведение можно назвать с большой натяжкой. Мы долго не могли найти агот-дом на окраине Хельсинки, потому что он абсолютно не соответствовал нашим представлениям о такого рода заведениях. Подъезжаем к зданию с указанным номером, а там табличка: «Кафе». Подруливаем к дому с другой стороны и наблюдаем совсем уж странную картину: дверь открыта настежь, никаких решеток и полицейских с собаками, и самое вероятное: помятого вида граждане, пошатываясь, идут туда сами.

Марья-Леена Луукконен, социальный работник этого учреждения (что-то типа нашего психолога или воспитателя) все популярно объяснила. Значит, так. Первый зал, дверь в который всегда открыта, — это почти пустое помещение со специально подогреваемым полом. Сюда можно приползти и просто отлежаться. («Их и накормить иногда нужно. Бывает, что не ели по несколько суток», — участливо рассказывает Марья-Леена). Поэтому мы и наобтудили, как сюда со всей округи на «автомате» и «полуавтомате» тащатся алкаши. Никто не читает мораль, не прогоняет. Полежат там себе

человек на теплом полу, отоспится, захочет по травке погулять — выйдет, погуляет и снова сюда возвращается. Право же, чем замерзает на улице или получать тумак от жены, лучше провести время здесь. За мирно спящим народом (в лучшие времена после государственных праздников здесь могут одновременно находиться до 60 человек) на всякий случай наблюдают в телемониторы несколько сотрудников.

В соседней комнате, куда ведет дверь из зала с теплым полом, все гораздо серьезней. Там есть кровати с чистым бельем, а постепенно «просыхающие» граждане даже читают книжки. Они тоже могут сходить опохмелиться или подышать воздухом.

А вот следующий зал — это уже совсем высокий уровень. Здесь блестят полы, пациенты ходят в спортивных костюмах, а на стене висит расписание недели, где, кроме визита к доктору, посещение библиотеки, экскурсий. Здесь проходят семидневный курс лечения те, кто твердо решил завязать (хотя бы на время) с пьянством. Палаты — на трех-четыре человека, но пациенты выходят в город и встречаются с родственниками не могут. Только на кофе в кафе, которое находится в этом же здании. Хочешь уходить — уходи. А если чувствуешь, что в этот раз не готов лечиться, можешь забронировать место для следующего раза.

И, наконец, последняя, высшая стадия человеческого отношения к алкоголикам — самый натуральный приют для спившихся стариков, которым некуда больше идти. Палаты на 6 человек, тумбочки, стол

с книгами, столовая, цветы в вазочках, рыбки в аквариумах. Единственное условие — ни капли спиртного. Крепкий бордач, легко поболтав с нами на прекрасном английском, рассказал, что в прошлом он — военный. «Капитан первого ранга», — вдруг, наморщив лоб, на приличном русском пророкотал он.

Кто за это платит? В основном деньги поступают из государственного бюджета. Но если пациент может заплатить за ночлег, кормежку и курс лечения (стоит это 87 марок в день), он платит сам.

— А как вы узнаете, может ли он заплатить за себя или нет? Вдруг обманет?

— Мы им доверяем. — А что делать с теми, кто не может «завязать»? — спрашиваю Марью-Леену.

— Ничего. Человек сам должен этого захотеть. Позвонить по телефонам в систему «ЭЙ-ЭЙ» («Анонимный алкоголь») и попросить нарколога о помощи. Доктор обязательно встретится, подберет систему для выхода из запоя. Система состоит из 12 конкретных «шагов», а главный принцип ее такой: «Ты — не один, и нет необходимости делать это в одиночку». Человек может обратиться не только к медицине, но и к другим организациям. К церкви, например. Ведь алкоголизм — это не только физическая болезнь.

— Вы с ними так ласково разговариваете, прямо как с детьми, и так тепло говорите о них...

— А я и работала раньше в детской системе. В эту клинику перешла два года назад. Интересное же...

Г. САПОЖНИКОВА.
(Наш корр.).

А В ЭТО ВРЕМЯ

Вчера утром финское консульство в Таллинне подверглось злостному нападению. Гражданин Эстонской республики Мееллис К. подъехал к консульству на личном «жигуле», достал топорь, походил немного туда-сюда, посмотрел на людей, сидящих в очереди, и как прорубил окно в Европу!.. Насквозь. Но шагнуть туда не успел. Его связали работники полиции. Зато успел сказать пострадавшему народу, что таким образом он выражает недовольство очередями вообще и данной очередью в частности. И открывает возможность людям беспрепятственно попасть в финское консульство.

Стекло заменили, гражданина увезли на медэкспертизу. А народ в очереди за финской визой заметно прибодрился: может, хоть теперь этот факт привлечет всеобщее внимание!

Людам, желающим оформить документы в Финляндию, приходится записываться в группы и два-три месяца дежурить у консульства по ночам. Вчера, например, записывали только в 76-ю группу (в каждой — по 30 человек).

В Хельсинки, к слову сказать, у консульского отдела советского посольства — тоже традиционно большая очередь. Единственная, пожалуй, на весь город. Но финны — народ спокойный. Это вам не горячие эстонские парни. Там подобных инцидентов на почве длительного ожидания советской визы пока не случалось.

После того, как гражданином Мееллис К. прорубил окно, финское консульство в Таллинне закрыли до понедельника.

ИНТЕРВЬЮ ПАТРИАРХА (2)

— Когда меня назначили епископом в Таллинн — это было в сентябре 1961 года, — мне местными властями было сказано, что в Александро-Невском кафедральном соборе комсомольцы намерены сделать планетарий, а в Пюхтицком монастыре, намеченном к выселению к 1 октября, будет размещен дом отдыха шахтеров. Мне удалось убедить власти в недопустимости этих акций. И затем, за 30 лет моего руководства Эстонской епархией, в ней не было ни одного случая административного закрытия храма, а число монахинь в Пюхтицах выросло в два раза — с 80 до 160 к 1988 году. Это не означает, конечно, что я был свободен в своем управлении епархией и в своей работе в

Патриархии. Отстаивая одно, приходилось уступать в чем-то другом. Были ли другие организации, или другие люди — из числа тех, кому приходилось нести ответственность не только за себя, но и за тысячи других судеб, которым в те годы в Советском Союзе не приходилось поступать так же?

У людей же, которым эти уступки, молчание, вынужденная пассивность или выражения лояльности, допускавшие церковным возглавлением в те годы, причиняли боль, — у этих людей, не только перед Богом, но и перед ними, я прошу прощения, понимания и молитв.

— Сегодня Церковь действительно освобождается от груза прошлого. Нормализуются отношения с государством, открываются новые возможности. Сможет ли она использовать их или, напротив, станет жертвой своих междоусобиц, которые могут привести к расколу?

— Угроза расколов — главное, что печалит меня сегодня в церковной жизни. В Церкви, в ее людях должны быть мудрость, терпимость, понимание своей ответственности. Университетский преподаватель несет ответственность перед своей совестью только за полную выражения истины. Но священник прежде всего обязан думать о том, как отзовется любое его слово в душах людей.

Священники, поддерживающие раскол, ради доказательства «принципиальной правоты» своих позиций, готовы отрицать вообще наличие духовности в российском обществе, в нашей Церкви. Чем дальше, тем сложнее будет поддаваться врачеванию наметившийся раскол с Зарубежной церковью, с теми приходами, которые она открывает в России. Все более ими овладевает дух партийности, то есть готовности не столько искать истину, сколько отстаивать однажды занятые позиции.

Вообще же я хочу напомнить, что Зарубежная церковь с самого начала своего существования обещала, что, как только Патриарх в Москве обретет свободу, Зарубежный Синод представит на его суд все свои дела за годы вынужденного разъединения. Сейчас они ставят вопрос иначе: все священники Русской церкви должны прийти к ним на суд и покаяние. Я полагаю, однако, что судить никого не стоит, а каяться надлежит нам всем, в том числе и «карловчанам». Ну хотя бы за их официальную поддержку Титлера или за послание Собора Епископов Зарубежной церкви президенту США Джонсону, в котором «призывается Божие благословение на героическую Американскую Армию, самоотверженно борющуюся во Вьетнаме, с пожеланием ей победы». Во вьетнамских джунглях напалмовые бомбы все-таки выжигали не коммунистические идеи, а сжигали детей. По отношению же к Афганистану мы таких заявлений никогда не делали...

Я хочу сказать: Церковь нельзя раскалывать по политическим основаниям. Пока мы жили в России, а они — в Америке, это еще не был раскол, это было лишь некое разъединение. Но когда на одной улице появляются два храма, в каждом из которых священник вместо проповеди Евангелия будет занят разъяснениями, почему нельзя ходить в соседнюю церковь, это уже будет Раскол. Не может быть «свободной Русской церкви», «либеральной Русской церкви», «монархической Русской церкви» и еще какой-нибудь «кадетской». Когда общество раздирается национальными и политическими противоречиями, Церковь должна быть местом, где самые разные люди могли бы вспомнить и ощутить единство своего Божьего достоинства, единство своей веры и единство Божией любви ко всем нам.

— Среди внутрицерковных напряжений, угрожающих единству Церкви, есть и проблема унии. Можно ли ее разрешить через легализацию Униатской церкви?

— Что касается ее легализации — это вопрос, подлежащий ведению государственных инстанций. Уния была ликвидирована Собором униатских священнослужителей во Львове в 1946 году. Этот Собор проходил при сильном давлении сталинской администрации. Но столь же несомненно и то, что он все же выразил те настроения, которые были сильны по крайней мере у части униатского духовенства. Эти стремления затем были скомпрометированы, с одной стороны, государственным давлением, а с другой — крайне

близорукой политикой некоторых наших местных епископов. До революции в эти регионы мы старались направлять самых лучших, образованных, духовных епископов. В послевоенные годы епископы, на пребывание которых в этих местах давали согласие власти, не всегда отличались этими качествами...

Сегодня религиозная жизнь на Украине тоже не свободна от внешнего, политического давления. Вопрос о будущем унии на Западной Украине может решить собор, который был бы именно церковным, а не политическим собранием, и который не был бы лишь повторением Львовского собора со знаком «минус». К такому голосу, если он раздастся в трезвой и духовной обстановке, мы прислушаемся.

— Ваше Святейшество, какие наиболее важные события в жизни Русской православной церкви за последний год Вы бы отметили?

— Началось возвращение к нашим духовным истокам, которые были утрачены. Отношения Церкви с государством, я думаю, вступили в новую фазу — особенно в связи с получением Церковью права юридического лица. Год был напряженным, до предела насыщенным — условия жизни Церкви сегодня дают возможность для широкого осуществления во всей полноте церковной жизни. Это — катехизация, возрождение воскресных церковноприходских школ, дело милосердия, благотворительность, социальная деятельность Церкви в больницах, в домах для престарелых и в местах заключения. Это и возрождение десятков сотен, тысяч храмов, которые возвращаются Церкви. Восстановление этих изувеченных, оскверненных храмов — процесс сложный, но он вселяет оптимизм.

Конечно, у нас немало трудностей. Многие приходится начинать с азов. Вот несколько примеров. В период пребывания в Новосибирской епархии я освятил закладку шести новых храмов. Сегодня практически повсеместно осуществляется такое строительство. В Москве будет построен храм в ознаменование 1000-летия крещения Руси, восстановлен Казанский собор на Красной площади. К 1988 году в Москве действовало 45 храмов, сегодня их — уже 130. Однако многие в таком состоянии, что приходится буквально заново их возводить. А где взять настоящих мастеров, архитекторов, зодчих, которые в состоянии были бы возвести канонический храм? Увы... Секреты и навыки утрачены. Надо искать и возрождать их искусство. А пока без помощи зарубежных фирм, видимо, не обойтись. Скажем, храм 1000-летия крещения Руси, на-

ИНТЕРВЬЮ ПАТРИАРХА (3)

верное, будем возводить с помощью строительной фирмы, строящей огромный православный собор Святителя Саввы в Белграде.

— Переход страны к рынку неизбежно увеличивает тяготы людей. Хотелось бы знать, поддерживает ли Церковь новую экономическую политику?

— Возврат к рынку — именно возврат, а не переход — произойдет и в России. Церковь же, естественно, будет обращать внимание на то, чтобы этот возврат не прокатился слишком тяжелым катком по человеческим судьбам. Мы будем поддерживать и, может быть, впоследствии участвовать в создании систем социальной защиты людей. Опыт социализма — пусть не советского, а европейского образца — нам забывать не стоит.

— Заканчивая интервью, позвольте и такой вопрос: в западной прессе было сообщение, что здоровье Патриарха Алексия в последнее время пошатнулось. Действительно, Вам приходится много ездить по стране, служить литургии, общаться с людьми. Как выдерживаете такие нагрузки?

— Слава Богу, на здоровье пока не жалуясь. Дел много и болеть некогда. И правда, за последний год я посетил 15 епархий. Побывал на Украине, в Молдавии, Карелии, Эстонии, различных областях России. Встречался с иерархами, ответственностью, верующими, молодежью. Совершил более 220 служб...

Сейчас 10 дней я проведу на отдыхе, затем сразу же уеду в Белоруссию, потом — в Кострому, Нижний Новгород, Владимир, Ярославль, Коломну, Ленинград и Валаам. Верующие люди рады видеть своего Патриарха, а я рад общению с ними.

Такой динамичный образ жизни помогает мне поддерживать служение божественных литургий и других богослужений. В этом я черпаю для себя и своего служения силы.

Признаюсь, иногда хочется немного отдохнуть, побыть наедине с природой и с самим собой. Раньше во время отпуска я нахаживал по лесам Эстонии до 30 тысяч шагов в день. К сожалению, сейчас дела не позволяют. И все же надеюсь, что выпадет часок-другой и для прогулок, и для чтения духовной и светской литературы...

Беседу вел
Г. АЛИМОВ,
Г. ЧАРОДЕЕВ.

-----СЦ-

Архиепископ ЛАЗАРЬ: В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СОВЕРШЕНО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

*Депутату Верховного Совета СССР
Рижигеру Алексею Михайловичу
// Патриарху Московскому и Всея
Руси Алексию III
г. Москва, Кремль,
Верховный Совет СССР*

**Открытое письмо
Уважаемому депутату,
Ваше святейшество!**

События, имевшие место в г. Кашире Московской области - изгнание верующих из восстановленного ими Успенского собора, заставляют меня обратиться к Вам как к депутату Высшего законодательного органа страны. Предыдущие обращения - нашего прихода и мои, адресованные Вам как Патриарху Московскому и Всея Руси, остались без ответа. Вероятно, вина за такое невнимание к судьбам верующих лежит на сотрудниках Вашей канцелярии. Позволю себе выразить надежду на то, что нынешнее письмо к Вам, как к депутату ВС СССР оказывает лучшая участь.

В Русской Православной Церкви совершено преступление.

Как свое дитя любили, заботливо, не покладая рук, трудились верующие над переданным нам почти полностью разрушенным, последнее время непригодным к использованию даже под склад тарной посуды /так власти ранее использовали помещение храма/, Успенским собором в г. Кашира Московской области. Община сплачивалась трудом и заботами о благолепии храма. Не жалея времени и средств, постоянно пребывая вместе с пастырем на богослужениях пред Господом, люди прозревали на грехи свои, у них открывалось духовное зрение. Пошла она и то, что не все в Русской Православной Церкви обстоит по Правду Божьей, и потому община наша решила выйти из состава Московской Патриар-

хии и духовно соединиться с Истинно Православной Церковью /да и гражданский Закон этого не запрещал/. Духовным основанием принятия такого решения явилось греховное состояние Московской Патриархии, отречение от грехов, которые несет на себе Русская Православная Церковь в отличие от Истинно Православной Катакомбной и за-

граничной Российской Православной Свободной Церковью. К грехам этим относятся не только грех "сергианства", но и преследование инакомыслящих - старообрядцев, "стяжательное монашество" Иосифа Волоцкого и т.п., о чем мне довелось писать Вам ранее. Это и нарушение тайны исповеди, когда священники были вынуждены давать информацию власти придерживающим. Это и заземление и обмирщение Церкви, начиная с петровских времен - заземление Церкви в том, что стали искать Царствия Божия здесь на земле. Это и участие отдельных иерархов в политических играх. Одним из тяжких грехов явилось и продолжает являться изгнание Духа Святого из храмов и монастырей: "уташение Духа". Уважаемый депутат, как Патриарх РПЦ, Вы лучше меня знаете в каких формах это заземление проявляется сейчас.

27 августа 1990 года мы приняли решение - выйти из юрисдикции Московской Патриархии, о чем в установленном порядке было сообщено митрополиту Ювсалию и в соответствующие органы светской власти.

Реакция на наше заявление о выходе из РПЦ была следующая: сылаясь на срочное и в нарушение закона принятое судебное постановление, местные власти при помощи отряда ОМОН, подержанного священником РПЦ А. Умынским 29 ноября 1990 года изгнали из собора нашу общину. Ту самую общину, которая трудилась над восстановлением собора.

Мне хочется сказать о духовно-нравственном аспекте этой истории: репрессии против верующих общины Успенского храма происходили с "благословения" и при личном участии духовного лица - Управляющего Московской епархией митрополита Ювеналия.

1 и 2 сентября 1990 года митрополит Ювеналий пытался силой, собрав прихожан соседних храмов, разогнать общину верующих нашего прихода. После проведенного им с группой священников "богослужения" община была разграблена: все ценные сосуды и мои личные вещи были унесены иподьяконами высокопреосвященнейшего. Далее опытный церковный политик, известный экуменист, пользуясь своим авторитетом у властей, опубликовал несколько заметок по поводу "сектантов, еретиков и раскольников" Успенского собора в газете "Ленинское знамя" - органе коммунистов Московской области /последняя заметка 23 марта 1991/. Далее Владыка организовал суд над приходом Истинно Православной Церкви. Судился не он, Представитель Московской Патриархии, судился исполком за обладание храмом. В результате ряда действий и "ошибок" как то: утаивание кассационной жалобы из Мособлсуда Каширским судом и т.п., община Истинно Православной Церкви была ограблена и изгнана.

Случай в Кашире не единственный пример попрания Закона "О свободе вероисповеданий" священноначалием

РПЦ. Верующие из города Севастополя тоже претерпели насилие. Они пожелали перейти в Российскую Православную Свободную Церковь, но епископ РПЦ Глеб повелел собрать там же новую общину, в основном из числа прихожан другой церкви, внушив им, что надо спасти храм от "захвативших его католиков". Обманутые люди под руководством благочинного Михаила Халюта и с участием милиции топорами и ломами сорвали замки в храме и захватили церковное имущество, принадлежавшее общине.

Вам, Ваше Святейшество, выражаю недоумение по поводу действий Управляющего Московской епархией митрополита Ювеналия, его неблагоприятной роли в деле изгнания общины, решившей выйти из-под юрисдикции РПЦ. Он, как архиерей Божий, поступать так не должен - настоящий Архиерей не обижает людей. Да и о каком милосердии, сострадании и благотворительности может говорить митрополит Ювеналий, после того как он изгнал из храма верующих и меня, имеющего на иждивении семью, в том числе трех малолетних детей?

Процессы, происходящие в стране, необратимы. Даже компартия вынужде-

на отказаться от той монополии на власть, которую она имела до сих пор. Все мы видим к чему привела эта монополия. Так почему же церковный институт претендует на монополию власти в духовной жизни, преследует тех, кого он потерял, утратив свое духовное и нравственное влияние?! Почему вопреки изъявлению воли верующих творится такое даже рядом с Вами - Патриархом Московским и Всея Руси, рядом с Москвой, в которой заседает Верховный Совет СССР, в который и Вы, Ваше Святейшество, избраны?!

Не справедливо ли было, как Вы считаете, митрополиту Ювеналию отказаться от прихода нашего, где верующие не принимают его и его Управление? Ведь не обижает же ни он, ни Московская епархия, ни РПЦ в целом без Успенского собора...

ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО!

Начиная писать к Вам это письмо, я надеялся и продолжаю надеяться, что Вы, в отличие от упомянутого здесь архиерея, войдете в нужды общины Истинно Православной Церкви и великодушно ответите верующим то, что принадлежит им по праву - храм Успенья Божьей Матери, за которым они ухаживали не жалея труда и времени.

И пусть верующие Каширы ходят в тот храм, который им нравится. Пусть сами делают выбор.

С любовью о Господе.

Архиепископ Московский и Каширский

Истинно Православной Церкви
г.Москва 3 июня 1991г.

Публикация Юрия ГОИЧАРОВА

ВИ

white

«Московский церковный вестник»**№ 18 [55] ИЮНЬ 1991 ГОДА**

1

Святейший Патриарх Алексий:**«У МЕНЯ НЕ БЫЛО СОМНЕНИЙ,
ПО КАКОМУ ПУТИ ИДТИ»**

Долгие годы Патриарх Московский и всея Руси был для простых верующих истинным символом, лишенным конкретного человеческого содержания. Немного больше мы знали и о других высших иерархах. Чтобы восполнить этот пробел, редакция «Московского церковного вестника» обратилась к Святейшему Патриарху АЛЕКСИЮ с просьбой приоткрыть завесу официальности и немного рассказать о себе в неформальной обстановке. Его Святейшество любезно согласился встретиться с нашим кор-

респондентом Сергеем Белавенцом. Запись состоявшейся беседы мы и предлагаем читателям.

— Ваше Святейшество, хотелось бы узнать о Вас немного больше, чем написано в официальной биографии. Ну, например, как проходило Ваше детство, какие люди, события оказали влияние на становление Вашей личности?

— Мне посчастливилось родиться в глубоко верующей, православной семье с прочны-

ми традициями. Дух церковности пронизывал весь наш семейный уклад. Еще в пеленках родители возили меня в Пюхтицкий монастырь. Потом были поездки в Псково-Печерскую обитель, наконец, паломничества на Валаам в 1938—1939 годах. Они-то и оставили в моей душе наиболее сильные впечатления: благолепие богослужений, органичное сочетание молитвы и труда в жизни насельников, общение с монахами-подвижниками. Многих из них я хорошо помню и теперь: схимгумен Лука, схимгумен Иоанн, неросхимонах Ефрем. Монах Иулиан, архивариус обители, писал мне, тогда десятилетнему мальчику, трогательные письма — о жизни, о духовном становлении. Простой монах очень хорошо понял детскую душу.

Я любил бывать в храме, куда мы ходили всей семьей. В Таллинне тогда служил протонерей Иоанн Богоявленский (впоследствии епископ Таллиннский Исидор). Он преподавал закон Божий в школе и был прекрасным духовником. В шесть лет он благословил мне стихарь и поставил помогать при раздаче крещенской воды — это стало моим первым церковным послушанием. Под руководством отца Иоанна я начал прислуживать в храме. Был пономарем, читал на клиросе. Богослужение знал наизусть. Родители сомневались, можно ли в столь юном, по их мнению, возрасте поощрять подобную ревность к службе. Обратились к валаамским старцам. Старцы ответили, что если все делается серьезно и с благоговением, то препятствовать этому не следует. Так что у меня не было сомнений, по какому пути идти.

В те же годы я прислуживал в храме у священника Александра Киселева, где мой отец служил диаконом. Теперь отец Александр — известный пастырь Русской Зарубежной Церкви.

Позже довелось иподиаконствовать — сначала при архиепископе Павле, человеке прекрасной души, затем при епископе Исидоре.

В Таллинне я впервые встретился с митрополитом Григорием (Чуковым). Он приезжал на отпевание архиепископа Павла, позже — епископа Исидора. Ближе с митрополитом Григорием я познакомился в Ленинграде, где учился в духовной семинарии. Правда, с первого раза меня не приняли — не исполнилось 18 лет. Зато год спустя, в 1947 году, я поступил сразу в 3-й класс, основательно подготовившись и сдав экзамены за предшествовавший курс. У меня уже был достаточный опыт псаломщицкого послушания, много я узнал из книг, занимаясь самостоятельно. Помогали и старшие. Вот только до семинарии я никогда не пел в хоре и плохо знал церковные распевы на гласы, а для экзаменов это было необходимо. Тогда мой покойный родитель попросил псаломщика собора И. Н. Тараканова подучить меня. «Да ведь это же год надо!» — воскликнул Иван Николаевич. Но года у меня в запасе не было, и мы обратились за помощью к моему школьному учителю, регенту Никольской церкви и композитору И. Х. Степанову. Иван Харитонович заинтересовался: «За какой срок?» Ему ответили: «За две недели». — «За две недели? Ну что ж, все будет в порядке», — согласился опытный педагог. Мы зани-

мались две недели, может быть, даже дней десять, но знания он мне дал настолько прочные, что и теперь ночью разбуди, спроси: на какой глас поют? — отвечу без ошибки.

— Ваша учеба пришлось на первые годы деятельности возрождения Ленинградских духовных школ. Расскажите, пожалуйста, о Ваших наставниках.

— Митрополиту Григорию, последнему ректору закрытого в 1927 году Ленинградского богословского института, после войны удалось собрать многих старых профессоров и преподавателей, трудившихся еще в Петербургской духовной академии. Этим людям выпал нелегкий жизненный путь. С каким энтузиазмом передавали они нам свои знания! И учили они не только словом, но и примером своей веры и стойкости.

Одним из таких профессоров был Александр Иванович Сагарда, получивший степень магистра богословия еще до революции. Он читал у нас Священное Писание Нового Завета и историю древней Церкви. Помню, на уроке в 4-м классе семинарии (а состав у нас был очень неоднородный) чей-то неуверенный ответ так взволновал старого профессора, что он взял Новый Завет в обе руки и сказал: «Вы должны по любить эту Книгу!» Это было произнесено с таким чувством, что запомнилось мне на всю жизнь. Когда Александр Иванович знакомил нас с мученическими актами, то часто прерывал лекцию. Выйдет в коридор, ходит там, успокоится, и только потом продолжает.

Сергей Алексеевич Купресов преподавал у нас западные исповедания. Человек глубочайшей веры, он пережил много испытаний. К тому же его единственный сын был психи-

чески болен. Помню, как Сергей Алексеевич проникновенно молился перед иконой Знамения Божией Матери в академическом храме...

Я с большой благодарностью вспоминаю профессоров и наставников, у которых Господь судил мне воспринять знания, учиться вере и благочестию.

Жаль, что годы пребывания в городе на Неве оказались недолгими. Я окончил семинарию, поступил в академию, но, когда в 1950 году в Таллиннской епархии появилось много священнических вакансий, владыка Григорий вызвал меня и предложил послужить на приходе, а образование завершить экстерном. Он дал мне на выбор три места: вторым священником в Таллиннский собор, настоятелем в Екатерининский храм в Пярну или в Богоявленский храм в город Йыхви. Я последовал совету опытного архипастыря и начал самостоятельное служение в Богоявленской церкви Кохтла-Ярве, в состав которого вошел Йыхви, шахтерский город. После войны туда приезжали по набору со всех концов страны. Большинство — с неустроенной судьбой, немало и бывших заключенных. В этом трудном районе я прослужил восемь с половиной лет. Затем четыре года в Успенском соборе в Тарту. И приход, и прихожане здесь были совершенно иными. Университетский город, старая русская интеллигенция, собравшаяся в свое время вокруг Юрьевского университета. Я всегда вспоминаю тартуский период своей жизни как очень светлый и по-настоящему пастырский.

В 1961 году я был призван к епископскому служению. Но, к сожалению, уже спустя два месяца после архиерейской хиротонии мне пришлось смещать управление епархией с

4

послушанием заместителя председателя Отдела внешних церковных сношений, а с 1964 года я стал управляющим делами Московской Патриархии. Так что приходилось буквально разрываться между Таллином и Москвой. Трудное было время. Сейчас многие хулят Церковь за пассивную, соглашательскую позицию в те годы. Но ведь во главе епархий в то время стояли иерархи, на себе испытавшие и лагеря, и ссылки. Да и помимо прямых репрессий, у власти было много способов давления на практически бесправное духовенство. Я не помню, чтобы кто-то приехал в Патриархию и сказал: «Владыка, у меня все хорошо, порадитесь!». Все привозили свои проблемы, свои беды, свою боль. А многим ли мы могли помочь?

— Я слышал, что в те годы реальная угроза нависла и над Пюхтицким монастырем...

— 3 сентября состоялась моя епископская хиротония, а с 1 октября Пюхтицкий монастырь должен был передаваться государству под дом отдыха. Формально требовалось мое согласие. К счастью, в Эстонии даже с властями можно было вести какой-то диалог. И я стал убеждать, что не могу начать свое епископское служение с закрытия монастыря. Так удалось оттянуть время, а в апреле 1962 года, уже будучи заместителем председателя ОБЦС, я привез в Пюхтицы большую делегацию Лютеранской Церкви из ГДР. Вскоре газета «Нойес цайт» поместила восторженные отзывы об этом визите. Затем вторая, третья делегации — и вопрос о закрытии монастыря был снят.

Когда я возил в Пюхтицы первую группу из-за рубежа, мой отец слег в больницу с инфарктом, которого он не перенес... А я должен был его

покинуть, чтобы сопровождать иностранных гостей... 9 мая отец скончался. Я возвращаюсь с похорон, а уполномоченный Совета по делам религий объявляет мне, что молодежь хочет забрать кафедральный собор под планетарий и спрашивает, какой храм я намерен просить взамен. Долго пришлось бороться. Дошел до центрального руководства. Видимо, из Москвы последовало соответствующее распоряжение, потому что, когда я снова вернулся в Таллин и предложил уполномоченному поговорить о соборе, тот ответил: «Да я уже забыл о нем. Мало ли что молодежь хочет!»

— Ваше Святейшество, Вы упомянули, что были знакомы с отцом Александром Киселевым. Встречались ли Вы с ним после войны, поддерживаете ли отношения сейчас?

— Наша первая послевоенная встреча состоялась лишь в 1989 году, когда я был в Соединенных Штатах. Он искал ее, так как хотел узнать о жизни Церкви на Родине именно от меня. Мы тогда долго и доверительно беседовали. Во время Поместного Собора, на котором я был избран Патриархом, отец Александр был в Москве, мы снова встречались. Вообще надо сказать, что большинство клириков и мирян за рубежом скорбят о существующем разделении и сожалеют, что лишены возможности подходить к Святой Чаше вместе с нами. Пора начать диалог и иерархам, но без каких бы то ни было предварительных условий и взаимных обвинений. Впрочем, это тема отдельного разговора.

— Спасибо, Ваше Святейшество, за беседу. Позвольте от имени читателей выразить надежду, что встречи с Вами на страницах церковной газеты теперь будут чаще.

— Конечно,

E H

USSR TODAY

SOVIET MEDIA NEWS AND FEATURES DIGEST
COMPILED BY RFE/RL RESEARCH INSTITUTE MONITORING

No.

JUL 16.1991*589 13

DAY

MONTH

YEAR

«Московский церковный вестник»

№ 10 (55) ИЮНЬ 1991 года.

1

ПАТРИАРХ И ПОЛИТИКИ

JUL 16, 1991 * 589 14

DAY MONTH YEAR

2

Мы отвыкли слышать Патриарха. И даже в течении этого года по привычке принимали его выступления за обычный официоз. Мягкий и ровный тон патриаршей речи, сам тембр его голоса как бы умиротворяли, все уравнивали и настраивали на спокойно-равнодушное отношение к его словам: скажет, мол, очередную очевидность, опять призовет к миру...

И за этим нашим невниманием мы не заметили, что Патриарх действительно заговорил — после семидесяти лет вынужденного молчания или благочестивых округлостей.

«Набемус парати!», «У нас есть папа!» — восклицает диакон-кардинал, возвещая Риму и миру об избрании нового главы Церкви. И мы с тем же чувством радости, неожиданности, с благоговейной гордостью — можем воскликнуть: «У нас есть Патриарх!» Есть человек, через которого Церковь может достойно обращаться к миру.

Много нападок и домыслов было связано с его именем за этот год. Справедливы ли они? Какой Патриарх у нас — «пятый советский» или «пятнадцатый Российский»?

Поскольку более всего нападок идет от демократического движения и касаются они якобы слишком тесных и поспешных отношений Патриарха с властями, — в этом обзоре большая часть приводимых фактов призвана свидетельствовать именно против этих обвинений. В результате, может, создается искаженный уже в другую сторону образ «Патриарха-диссидента». Это тоже не так. Его позиция вывереннее и действительно уравновешеннее. Но, если слишком устойчив в сознании многих крен в одну сторону — может быть, в полемике допустимо акцентировать обратное.

Главное же — здесь только факты. По мере сил я старался быть беспристрастным. Но это трудно. Уж слишком неожиданна и велика радость: у нас есть Патриарх!

3

Сегодняшнюю религиозную ситуацию в России можно сравнить с положением в некоей стране, где 70 лет за попытку приблизиться к любому водоему стреляли без предупреждения. А затем объявили чемпионат по плаванию.

Религиозное одичание называется, в частности, в том, что отношение к Церкви у самых разных политических сил — односторонне-утилитарно. Все хотят видеть в Церкви не партнера, даже не помощника — а послушного «субподрядчика» в самых различных «перестройках». В этих условиях главным содержанием политической деятельности Церкви (то есть той стороны ее деятельности, которая имеет непосредственный общественно-значимый отклик) оказывается борьба Церкви за свою независимость. Чтобы раскрыть смысл этого стояния за достоинство Церкви, нужно рассмотреть ее взаимоотношения с тремя основными силами современной политики: с государственными структурами, демократическими движениями и патриотическими объединениями.

ПРОЩАНИЕ С ДЕКЛАРАЦИЕЙ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ

«Независимая газета» (А. Бойцов. Пересвет. Православная идеология и социалистический выбор 5.02.91) так видит сегодняшнюю ситуацию: «Патриархия срочно ищет новую внешнюю силу (для опоры). Такая сила нашлась: фундаменталистский «патриотическо-коммунистический альянс».

Есть ли этот «альянс», можно ли всерьез говорить о

«симфонии» Патриарха с советским государством? Желает ли государство представить Церкви те полномочия и функции, набор которых оно прежде предоставляло коммунистической идеологии? Сама постановка такого вопроса как минимум преждевременна. До сих пор государство противится восстановлению ряда важнейших (и в правовом отношении вполне корректных) позиций Церкви. Верховный Совет СССР осенью 1990 года не принял предложения Патриарха о введении института всенных капелланов и о допущении преподавателей религии в светские учебные заведения (при этом вариант Комитета по законодательству был изменен в сторону ужесточения на заседании Верховного Совета). Телевидение до сих пор не может найти место для постоянной религиозной телепрограммы, в которой нуждаются 100 миллионов православных Союза, предпочитая растворять религиозные сюжеты в развлекательных передачах. Государственных дотаций на восстановление государством разрушенных монастырей и храмов нет. Не деидеологизирована система школьного образования и армейского «воспитания».

Впрочем, нельзя не отметить, что многие государственные деятели готовы к серьезному диалогу и партнерству с Церковью. Но есть и попытки опереться на авторитет Церкви для достижения сугубо партийных политических целей.

Какими же видит свои отношения с государством сама Церковь? Для ответа на этот вопрос проанализируем выступления Патриарха Алексия за последние полгода (первые «сто дней» после

избрания, как велит политическая традиция, критике не подлежат).

Сентябрь. Выступление в Верховном Совете СССР при обсуждении закона о свободе совести, позднее охарактеризованное прессой как философская концепция понимания проблемы.

«Совесть свободна у каждого человека. Не каждый эту свободу рискует реализовать. Но она все же нераздельна с человеком: тягостится ли он ею или радуется ей. Эта свобода не зависит от общественно-политических условий и от законов. Государство может защитить добро, может сдерживать, осадить натиск зла. Но непосредственно взрастить добро может лишь человек своим личным трудом. Задача же государства и законов, касающихся свободы совести человека, — не мешать людям жить по совести».

Октябрь. В «Ответях на вопросы Университета Северной Каролины» Патриарх говорит: «У меня нет политической программы, с которой я мог бы сверять те или иные политические события. Евангелие — самая простая и самая главная Книга человечества — является для меня той вехой, которую я стараюсь не упустить из виду в своих суждениях и действиях. И, соответственно, политические события и изменения в жизни страны для меня важны в их человеческом измерении: помогают ли они людям жить по Евангелию или дезориентируют людей и затрудняют им путь обретения Христа».

14 октября. Патриарх выступает перед преподавателями и студентами Московской духовной академии. Его оценка духовных итогов

советского периода однозначна: «Валуны язвчества, казалось бы уже исчезнувшие под тысячелетним слоем православного воспитания, оказались вновь вывороченными наружу. А плодоносящий слой жизни русского народа был срезан и предназначен к полному уничтожению». Чтобы понять суждения Патриарха, которые он выскажет позднее, в ноябре, по поводу причин катастрофы 1917 года, из этого выступления в Московских духовных школах стоит выделить следующие слова: «Не все из того, что имелось в церковной жизни прошлого века, стоит возрождать сегодня: идеализация вредна. Если бы наша церковная жизнь в прошлом веке была совершенна, не было того, что с нами произошло в веке нынешнем».

Ноябрь. 3 ноября «Известия» публикуют «Слово к согражданам» по поводу годовщины революции 1917 года. «Не допустите духу братоненавистия и зловоздаяния еще раз справить свой бал в России!» Впрочем Патриарх не делает акцента на вине большевиков, предлагая увидеть религиозный смысл происшедшего в те дни: «Болезни, из которых выросло то горе и которые подвели Россию к той грани, нам еще долго придется осмыслять. Еще дальше, многие из них нам придется изживать». Итак, переворот 1917 года не навязан кем-то извне, а был лишь обострением давно зревших болезней.

Следующее обращение Патриарха к россиянам программное: в первом номере только начавшей издаваться «Российской газеты» помещается его статья «Дай Бог России найти дорогу к свету». Вчитаемся.

«И сегодня в общественном сознании еще не вполне прояснилось понимание того, что такое на деле есть Церковь. Удивительно, но утилитарное отношение к Церкви сегодня возрождается таким же, каким оно было в годы, предшествовавшие слову русской истории». Пожалуй, одна из тех «болезней», о которых было сказано в «Слове к согражданам», названа — утилитаризм. В подтверждение Патриарх приводит слова Ю. Самарина: «Вера не палка, и в руках того, кто держит ее как палку, чтобы защитить себя и пугать других, она разбивается в щепы. Вера служит только тому, кто искренне верит».

28 ноября «Литературная газета» публикует интервью с Патриархом. На вопрос, готов ли Патриарх Алексей пойти путем святителя Тихона, следует неожиданный ответ: «На крест не просят, но и с креста не бегают. Если мне будет уготован путь Патриарха Тихона — я приму его». Затем вопрос — «Нет ли у Вас чувства обиды на КПСС и государство, которые долгие годы терзали Церковь?» Ответ Патриарха завершается цитатой из М. Волошина: «В пытках мы выучились молиться за палачей». И снова — подчинение церковных интересов политическим, превращение Церкви в инструмент политики всегда являются насильем над верой и Церковью, всегда ведут Церковь на Голгофу».

Декабрь. Накануне четвертого Съезда народных депутатов СССР Патриарх заболел. И в дни его болезни «Советская Россия» публикует печально известное «Письмо 53-х», украшая его подписью Патриарха.

Подпись Патриарха позднее была дезавуирована — в его интервью «Франс-пресс», переданном радио «Свобода» 19 января 1991 года. О дезавуировании подписи Патриарха сообщили также «Московские новости». Следом за публикацией «Письма» следует выступление Патриарха в «Известиях» (30.12.90.). Авторы «Письма 53-х» беспокоятся о том, что «под угрозой наша высшая ценность — общественный строй, выстраданный нашим народом в испытаниях последних десятилетий». Из текста можно понять, что «высшая ценность» — это социализм. Что же говорит по этому поводу Патриарх? «Нет такого общественного строя, нет государства и нет нации, которые были созданы Богом для Вечности. Но для Вечности созданы Творцом люди. И потому где же найдет христианин те весы, на которых идея или принцип временного устройства общества перевесил бы живую и вечную человеческую душу?».

Январь начинается крайне неудачным с точки зрения церковной политики Рождественским посланием, наспех подготовленным в недрах ОБЦС. В послании утверждается, что «мы живем во вдохновляющее время демократических перемен».

А через неделю впервые со времен святителя Тихона Российский Патриарх возвысил свой голос, чтобы осудить насилие, творимое в его стране ее властями «Со всей определенностью должен сказать, что использование вооруженной силы в Литве является большой политической ошибкой, на церковном языке грехом» («Известия», 15.01.91).

11 января в «Советской России» появляется ответ Патриарха на открытое письмо, опубликованное ранее в этой газете. В письме содержалось требование лишить отца Глеба Якунина священнического сана на том основании, что его депутатская деятельность кажется авторам письма нехристианской. Патриарх отвечает: «В Православной Церкви не принято лишать священнослужителей сана по политическим мотивам...» И затем — ссылка на Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917—18 годов, «нормы которого мы стараемся сейчас возродить». Для человека, знакомого с деяниями этого Собора, ясна огромная важность заявления Патриарха.

Февраль. Разгорается пожар в Осетии. «Комсомольская правда» публикует статью с искаженным переводом «Особого приказа Патриарха Илии». По тексту «Комсомольской правды» грузинский Патриарх Илия постановил «убийцу всякого грузина считать врагом грузинского народа». По разъяснению же грузинской Патриархии и мнению лингвистов, текст гласил о том, что «всякий грузин-убийца объявляется врагом народа». (См. об этом «Московский церковный вестник», № 5). Письмо Патриарха Алексея в редакцию «Комсомольской правды» по этому поводу заканчивается так: «Были времена, когда долгом Патриарха было говорить горькие слова в лицо правителям. Теперь, кажется, пришли времена, когда еще более горькие слова надо говорить в лицо своему народу».

Апрель. Интервью в «Комсомольской правде» опубликовано в Великую субботу

6 апреля. «К сожалению, часто считают, что задачи Церкви находятся в одном контексте с задачами политических партий. Поэтому неизбежны и неизживаемы конфликты между Церковью и государством, Церковью и властью. Они были всегда. С самого начала Церкви приходилось платить кровью своих мучеников за право жить без постоянной отягощенности «направо» и «налево».

В ответ на вопрос об отношении к референдуму (о будущем СССР) Патриарх отвечает практически теми же словами, что и в мартовском заявлении глав Церквей и религиозных объединений Советского Союза. Возможно, что сама идея встречи родилась в государственных верхах. Патриарх на эту встречу согласился. Но на самой встрече (о которой давно просили мусульманские и иудейские священнослужители) речь шла не о референдуме и будущем Союза, а о сложностях межрелигиозных и международных отношений и о том, как избежать роста международной напряженности на религиозной основе. Когда М. С. Горбачев выразил желание встретиться с участниками — те решили принять текст всего заявления до встречи с Президентом, чтобы избавить себя от возможного давления. И, наконец, само заявление не содержит никаких политических призывов, но зато весьма четко отмежевывается от «политических сил, которые желают сохранить прежнюю политическую систему практически неизменной». Говорится и о том, что «идеологические и политические средства, которыми руководствовались наше госу-

дарство в послереволюционный период, исчерпаны и не могут обеспечить достойную историческую перспективу для нашего общества».

Наконец 26 апреля Патриарх направляет в Верховный Совет СССР и газету «Известия» следующее заявление:

«По сообщению «Независимой газеты», выступая при обсуждении доклада премьер-министра, народный депутат СССР Ю. Блохин заявил о том, что «необходимо шире привлекать возможность армии и духовенства для спасения народа и отечества». Не будучи знаком с полным текстом выступления депутата, я не берусь судить о том, какой смысл именно он вкладывал в эти слова. Но из комментария «Независимой газеты» видно, что эти слова могут быть восприняты как декларация о готовности использования Церкви в полицейских целях. Поэтому считаю необходимым заявить, что, во-первых, ни конкретное заявление депутата Блохина ни сами перспективы того, что «Независимая газета» назвала «франкистской» политикой, не были обсуждаемы со мной... Видеть же в этом извечном примиряющем служении Церкви некую политическую задействованность можно лишь в случае неработанности духовного зренья или цинизма. Я надеюсь, что духовного и человеческого такта достанет у политиков всех лагерей. У людей, единомышленных с Ю. Блохиным, — для понимания того, что возрождение и укрепление духовности в нашем обществе не может быть введено в рамки политической кампании. А у их оппонентов из демократического става — чтобы понять

что Церковь действительно не является «опиумом наро-

В середине мая на Пленуме ЦК КП РСФСР раздаётся возглас С. Третьякова: «лопнет терпение народа — быть гражданской войне. Если случится такое, где будут коммунисты? Вопрос не праздный...» Патриарх в это время был в Сибири, но реакция его была немедленной: «В газетах сообщается, что на Пленуме Российской Компартии шли прямые призывы к гражданской войне — я думаю, это уже предел, до которого мы дошли. Гражданская война может принести лишь огромные беды и огромные потрясения» («Российская газета», 18.05.91). Это было сказано в исполкоме Новосибирска, где первый секретарь обкома — член ползковского Политбюро, и, вдобавок, как говорят, именно он — автор знаменитого призыва «пора выходить из окопов».

А накануне, в выступлении в Новосибирском академгородке, Патриарх, поясняя соотношение рационально-научного и духовного путей познания мира, сказал: «Как указывали русские религиозные мыслители, идея социализма как рационального, научного переконструирования всей человеческой и общественной жизни неизбежно должна была обернуться тотальной войной как против человеческой личности, так и против природы. Если человек воспринимается теорией как представитель некоего класса объектов — политики не замедлят сделать свои выводы относительно «винтиков», «приводных ремней» и «человеческого фактора»... Грех — отказ другому человеку в праве на свободу, в праве на личностное бытие, и, ес-

«... вы хотите, в праве на непонимание другого... В средние века Церковь сражалась с ересями, неправо учившими в Боге. В XX веке нам выпала борьба с ересями, кощунственно учащими о человеке. Я говорю сейчас о некоторых теориях, которые не желают видеть ни свободы человека, ни его духовности, ни его Богособразной способности к творчеству...» («Литературная Россия», 31.05.91).

28 мая «Известия» просят Патриарха прокомментировать обращение группы депутатов «За сотрудничество конструктивных сил», «Для меня в этом обращении значимо прежде всего отмежевание от истории, психологии и тактики большевизма. По сути, признается вина социальных радикалов, и, в частности, большевиков, за провал и столыпинских реформ, и попыток Временного правительства предотвратить гражданскую войну». Касаясь же подозрений (или предложений) о политической блокировке Церкви, Патриарх напомнил, что «как недавно остроумно подметил филиппинский кардинал Син, как только Церковь вступает в «политический брак» с одной из политических сил, в следующем поколении она может остаться «вдовой».

В те же дни в интервью журналу «Шпигель» Святейший говорит: «Вера в коммунизм и вера во Христа — это совершенно разные стороны человеческого существования. Одна вера просто помогала не задумываться и жить без особых сложностей, вторая же требует личного выбора, постоянного подтверждения делами. Нам очень не хотелось бы, чтобы люди перенесли в Церковь

идеологические и психологические комплексы, воспитанные материалистическим государством».

Патриарх отвергает подозрения в желании Православия стать государственной религией: «Мы исходим из того, что государство и общество стали необратимо светскими и возрождение какой-либо моноидеологии, обязательной для общества или принятой всем обществом, судя по всему, уже невозможно».

Сейчас перед нами открывается некие просторы достаточно осторожного сотрудничества с государством, но мы прекрасно понимаем, что оно не может быть конфессиональным. Дело в том, что православным государством будет только, если Православие является убеждением не просто большинства, а всего народа; и, во-вторых, если народ согласен, чтобы государство оказывало воздействие на его духовную жизнь. Сейчас всех этих условий перед нами нет. Да и со стороны Церкви нет желания передавать духовное руководство своей паствой государству». («Российская газета», 8.6.91).

Так Патриарх шел к тому, чтобы, спустя год окончательно распрощаться с декларацией митрополита Сергия. «Мы не спешим на словах отказываться от нее, пока на деле, в жизни не смогли занять действительно независимую позицию. За этот год, я считаю, мы реально смогли выйти из под навязчивой опеки государства и потому теперь, имея как факт нашу дистанцированность от него, мы имеем нравственное право сказать, что декларация митрополита Сергия в целом ушла в

прошлое и что мы не руководствуемся ею... Это не означает, что мы выступаем против государства. Это значит, что мы считаем, что государство может ошибаться — и очень тяжело, и иногда даже преступно, и что у нас есть право и долг в этих случаях — свидетельствовать перед Богом, перед нашей совестью, перед миром о нарушении правды Божией... «Декларация» не ставит Церковь в правильное отношение к государству... Трагедия митрополита Сергия была в том, что он пытался под «честное слово» договориться с преступниками, дорвавшимися до власти» («Известия», 7.8.91).

Итак, столь ли услужлив Патриарх Алексий, как кажется некоторым, если судить не по его публикациям, а по публикациям о нем?

Для его характеристики стоит привести и еще один эпизод, описанный А. Собчаком в его автобиографической книге «Хождение во власть». Идет первый Съезд народных депутатов. Травля Сахарова. Выступает «афганец»-комсомолец Червонопиский. «Ни от кого здесь не прозвучало слово «коммунизм». Три слова, за которые, я считаю, всем миром нам надо бороться, я сегодня назову: это Держава, Родина, Коммунизм» (Аплодисменты, депутаты встают).

Далее А. Собчак пишет: «В этот миг я ощутил, что некая мощная сила поднимает меня, выталкивает из депутатского кресла и заставляет встать вместе с залом. Я буквально вцепился в подлокотники и лишь успел бросить взгляд на своих соседей: слева академик Игорь Спасский, справа — митро-

полит Ленинградский и Новгородский Алексий. Втроем мы сумели усидеть, сумели не поддаться стадному инстинкту ярости и агрессии. Допускаю, что и усидели-то мы на своих местах благодаря молитве будущего нашего Патриарха». (А. Собчак «Хождение во власть», с. 44—45.)

Из практики реальных отношений Патриарха с государственными инстанциями можно обратить внимание на два случая, когда церковному возглавлению пришлось действовать явно в противовес желаниям этих инстанций.

Так в сентябре Патриарх послал в Совет по делам религий письмо, в котором он уведомлял это ведомство, что если оно не отменит регистрацию священников уполномоченными данным Советом, то Патриарх сделает это сам, своим циркулярным письмом. Совет почел за лучшее, не дожидаясь циркуляра Патриарха, отменить регистрацию, ради введения которой чекистские уполномоченные выкручивали руки митрополиту Петру, а затем митрополиту Сергию.

В январе Синод принял решение об открытии в Казахстане вместо одной — трех епархий. Президент Казахстана Назарбаев высказывает свое несогласие с укреплением позиций Православной Церкви в Казахстане.. В ближайшее воскресенье после получения телеграммы из Алма-Аты в Патриаршем соборе тем не менее следует хиротония епископа Целиноградского и Чимкентского Варфоломея.

Были ли в деятельности митрополита, а затем Пат-

риарха Алексия. ошибки и грехи? «Мы грешили, — признается он в интервью «Литературной газете», — ибо личное совершенство иногда приходится принести в жертву ради спасения других. Патриарх или митрополит, подставляющий под заведомый разгром свою пастырь, согрешил бы перед Богом, людьми, Россией больше, чем если бы он компромиссом застолбил Церковь. Это — больно. Но не может многомиллионная Церковь в тоталитарном государстве уйти в катакомбы. Но виноваты мы не перед народом. Ради него, ради возможности не уходить из реальной жизни сотни миллионов людей, иерархи Церкви брали грех на душу — грех молчания, грех неправды. И за него пред Богом мы калялись всегда».

В слове Патриарха на первом Всероссийском съезде православной молодежи (25 января 1991 г.) он, претендуя на папскую непогрешимость, признается: «Неизбежны, увы, ошибки и в новом для меня патриаршем служении. Надеюсь, что ваш юношеский и неофитский максимализм не будет судить слишком строго».

В интервью «Известиям» (7.6.91) есть слова прямого и личного покаяния: «Это не означает, что я был свободен в своем управлении епархией и своей работе в Патриархии. Отстаивая одно, приходилось уступать в чем-то другому... У людей же, которым эти уступки, молчание, вынужденная пассивность или выражения лояльности, допускаясь церковным возглавлением в те годы, причиняли боль, — у этих людей, не только перед Богом, но и перед ними, я прошу прощения, понимания и молитв».

И можно ли не услышать крик, вырвавшийся из сердца Патриарха в Прощеное Воскресенье накануне Великого поста: «Простите меня, дорогие мои! Простите меня, возлюбленные мои! Простите меня, чада мои!» («Российская газета», 19.2.91).

ОДНОСТОРОННЯЯ ВОЙНА

(ОТНОШЕНИЯ С ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ДВИЖЕНИЕМ).

Мы увидели, какова общественно зримая и значимая сторона служения Патриарха Алексия. Реальных поводов для конфликта с демократическим движением, как видим, нет. Вопросы же, которые при малом знакомстве с предметом могли бы возникнуть у публициста, взявшегося писать на церковно-общественные темы, можно было бы преодолеть, привлекая для этого известный принцип демократического обсуждения: сомнения должно толковать в пользу обвиняемого. А обвиняемым в демократической прессе осени 1990-го — весны 1991 года оказался Патриарх Алексий.

В. Война в «Независимой газете» в статье «Отец Звездоний из РПЦ. Кто нас наставляет на путь истинный?» под «отцом Звездонием» (персонаж романа Войновича) подразумевает Патриарха Алексия. «РПЦ, совсем по Войновичу, продала Бога». Патриарху достаются обвинения в трусости, эгоизме, маловерии, в том, что «безоговорочно исполняет заказы безбожной и бесчеловечной власти». Таков приговор. Свидетельства об-

винения два: «Письмо 53-х» и «Заявление» перед референдумом... Весомость этих обвинений мы уже разобрали. А какова компетентность и добросовестность обвиняющей стороны?

О ней с предельно допустимой для себя ироничностью писал С. С. Аверинцев в своем письме в «Независимую газету» в связи со статьей В. Войны: «Трудно говорить о точности, если непреодолимая задача — называть сан архиепископа. И все же точность необходима. Она абсолютно необходима, когда речь идет о фактах. Допустимо ли упоминать «печально знаменитое письмо Президенту с требованием ввести режим твердой руки», не указывая на то, что Патриарх Московский и всея Руси Алексий II свою подпись под этим письмом деавуировал? Допустимо ли игнорировать в разговоре на такие темы заявление Патриарха о моральной невозможности для него как главы Церкви занимать позицию в чисто политических вопросах, каков вопрос о союзном договоре («Известия», 30.12.90) и его же отклик на события в Вильнюсе («Известия», 15.1.91). Возможно, В. Война распространяет свое неприятие и на эти документы. Но где у него хоть единое слово, информирующее читателя о самом факте их существования?» («Независимая газета», 18.4.91.).

К вопросу о компетентности нынешней антицерковной публицистики можно привести еще и курьез из уже упомянутой статьи В. Бойцова («Независимая газета», 5.2.91). Беда Православия, по его мнению, в том, что вселенское Православие лишено (в отличие от католичества) единого главы, который своей властью и авторитетом ересиарха способен приструнить и народу Божию верный путь указать». Ересиарх, поясним, — это глава ереси, и спутать его с Патриархом или Папой можно лишь будучи советским интеллигентом.

Чтобы до конца понять, как в демократической прессе ведется обвинительный процесс против Патриарха, посмотрим, как толкуются сомнения. Были ли вообще сомнения у обвинителей Патриарха? Как ни странно, были. Статья Зои Крахмальниковой «Подпись Патриарха» в «Демократической России» (22.3.91) так и начинается: «Внезапно по газетам демократического толка пронесся слух, что подписи не стало (подписи Патриарха под «письмом 53-х»). Она, как нам объявили, была деавуирована. Патриарх Алексий не подтвердил слух о том, что он деавуировал свою подпись под документом, призывающим М. Горбачева сохранить установленный в нашем обществе общественный строй». Но ведь можно было с самого начала «истории с письмом» узнать о том, как все же обстоит дело, у лиц, уполномоченных Патриархом лично представлять его в отношениях с прессой (как, например, игумен Иоранн Эконокцев). Правда, тогда было бы трудно строить всю статью на утверждении, что «Патриарх поддерживает власть партократии».

Но раз сомнения отбрасываются, и факты, идущие

вразрез с программной установкой, просто не воспринимаются — значит, есть некая воля к обличению, есть личностная заинтересованность в критике Церкви. Эта заинтересованность провоцируется отнюдь не сиюминутным политическим контекстом и не реальным «поведением» объекта этой критики. В ней, используя любые поводы, лишь реализует себя некая глубинная потребность в противостоянии Церкви.

Что же это за потребность? Это — потребность сохранить верность «Ордену интеллигенции» с присущими ему чертами мироотношения. Это мироотношение глубоко проанализировано в сборниках «Вехи» и «Из глубины», в последующих работах их соавторов, в работе Георгия Федотова «Трагедия русской интеллигенции». За недостатком места приведем лишь слова С. Булгакова: «На русской интеллигенции лежит страшная и несмысливаемая вина гонения на Церковь, осуществляемого молчаливым презрением, пассивным бойкотом, всей той атмосферой высокомерного равнодушия, которой она окружила Церковь. Исповедывать веру в атмосфере интеллигентского шипа, глухих смешков, снисходительного пренебрежения — это хуже большевизма» («На пиру богов»).

П. Б. Струве в «Вехах» и П. Новгородцев в «Из глубины» указывают как на основное свойство интеллигентского сознания на его «безрелигиозное отщепенство от государства», «Погруженная в свои теоретические мечты и разногласия,

она (интеллигенция) жила в своем интеллигентском скиниту, и когда пришло время действовать, ответственность перед своим скинтом; перед своими теориями и догматами она поставила выше своей ответственности перед государством; перед национальными задачами страны».

Этот же «комплекс беспечности» (Г. Федотов), уклонение от реального дела кропотливого государственного и национального строительства и провоцирует всплеск негодования при виде того, как Церковь пытается найти общий язык с государством, пытается худой мир противопоставить «доброй войне» и по мере сил старается сохранить остатки социального «космоса» перед вызываемым «хаосом».

Идеологический утопизм — давно отмеченная черта демократического движения в России (наиболее глубокий ее анализ, пожалуй, дан в сборнике статей С. Л. Франка «По ту сторону правого и левого». И на фоне требований «здесь и сейчас!», «долой!» и «даешь!» неизбежно скучным кажется спокойный и трезвый голос Патриарха: «Нам предстоит поистине молекулярная работа по освящению и христианизации мира, что, собственно, и является делом Церкви в веках» («Российская газета», 3.11.91).

Помимо страха соприкосновения с государственностью и обиды за надпартийность Церкви, отношение демократической интеллигенции к ней определяет еще и то, что проблемы национального самосознания чрезвычайно политизирова-

73

ны в сегодняшней полемике. Всякий раз, когда Патриарх или священник говорят о России, о русском, о национальном возрождении Руси, интеллигенции в лучшем случае кажется, что он допустил бестактность, заговорив на табуированную тему.

Но право же, нет никакого греха в разговоре о национальном достоинстве и национальной особенности России, и нет никакой добродетели в замалчивании своих культурно-национальных истоков.

Представьте, что в «Литературной России» (или, скажем, в «Московском церковном вестнике») появились такие слова: «На развалинах России, перед лицом поруганного Кремля и разрушенных храмов, мы скажем каждому русскому юноше: России безразлично, веришь ли ты в социализм, в республику или общину, но ей важно, чтобы ты чтил величие ее прошлого, чтобы величие митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию, были для тебя святынями... Жизненное дело нашего времени и грядущих поколений должно быть творимо под знаменем и во имя нации? Это — не антисемит и не славянофил. Это — Петр Струве («Исторический смысл русской революции и наши задачи»).

Кроме того, есть интеллигентская черта, о которой сказал Патриарх в обращении к православной молодежи.

«Вам, желающим трудиться в Церкви, я хочу напомнить слова отца Александра Шмемана, сказанные им о религиозном обращении русской интеллигенции в начале века: «Пускай подсознательно, в глубине души, но русский интеллигент убежден, что он нужнее Церкви, чем она ему, и потому, едва переступив ее порог, он начинает не столько спасаться в ней, сколько спасать ее (...). Слишком соблазнительно свести жизнь Церкви к действиям ее администрации. И многие предпочитают смотреть на Церковь именно такими глазами, видя в ней некий этнографический колорит, суеверия старушек да властолюбие иерархов. Почему же многие люди избирают такой взгляд? Да потому, что так проще — ведь если у Церкви нет тайны, значит, она не несет в себе вечный вызов Евангелия, и человек тогда не входит в ситуацию выбора, а, значит, и совесть не беспокоит его. Посторонний и холодный взгляд не заметит в жизни Церкви ничего, кроме игры человеческих и политических страстей. И разве что подивится «умению церковников приспособлять свои древние догматы к любой современной ситуации». (Выступление 25 января на Съезде молодежи).

Вообще тема о различии аксиологии религиозной и гуманистической — непростая и болезненная. Нам предстоит серьезный разговор о том, где, в чем и почему христианские ценности не вписываются в кодекс ценностей, провозглашенных «общечеловеческими».

Об этом говорилось в заявлении религиозно-философского общества «Откры-

твое христианство», сделанном на международной конференции «Христианство и общество» в мае 1990 года в Ленинграде: «Сближение Церкви и демократических сил сегодня связано с особым положением, когда Церковь и демократия вместе теснимы государственной властью. С изменением этого положения противоречие между церковной и демократической политикой будет обнажаться. По существу не решен вопрос о православной оценке демократических идеалов. Опираясь на выдвинутые вперед требования благополучия человека в земной жизни, они могут подвергаться сомнению со стороны церковного сознания. Вместе с этим непросто согласовать церковный и демократический идеалы человеческой свободы, достоинства личности, прав человека».

Проблема аксиологических расхождений действительно реальна. Подозрительность интеллигенции провоцирует и сдержанное отношение Церкви к идее «общевропейского дома», в котором, как постоянно намекают нам, должна быть общая же и религия. Поддерживая «карловацкий» раскол, который обвиняет Патриархию в экуменизме, демократическая интеллигенция в то же время обвиняет ее в отказе от экуменического слияния с западными конфессиями. В конце концов, раз за разом отпуская колкости в адрес Церкви, помещая просто кощунственные афоризмы и карикатуры (чего не позволяют себе патриотические издания), изыскивая в церковной жизни темные стороны (или при необходи-

мости придумывая их), демократическая пресса даже у самых аполитичных верующих и священников формирует подспудное ощущение, что ничего хорошего для Церкви от демократов ждать нельзя. Объективно демократическая пресса тем самым сама сталкивает церковных людей вправо.

Особенно тяжелы в этом отношении нападки на Патриарха и епископат. Ведь верующий человек относится к Патриарху совершенно не так, как член партии — к генсеку. Патриарх — не абстрактный «лидер», а живой объект молитвенной заботы каждого верующего. Ежедневно в самые возвышенные минуты богослужения в храмах возносится мольба о Патриархе. Что же должен чувствовать верующий, видя нападки на Предстоятеля Церкви? Либо идти на разлад с совестью, молясь за человека, никаких теплых чувств к которому он не испытывает; либо отречься ради политического комфорта от Патриарха и, соответственно, церковности; либо — ради сохранения своего духовного мира отвергать нападки прессы и тем самым занять позицию внутреннего противостояния демократическим изданиям. Большинство верующих избирают, несомненно, третий путь.

Интеллигентские представления о России раскрывают свою иллюзорность в поддержке демократами церковного раскола. Неужели еще непонятно, что идейные конфликты, которые Западом переносятся как легкий насморк, в России могут привести к летальному исходу — ибо здесь все, связанное с конечным смыслом и оправданием жизни,

воспринимается предельно серьезно. Пока есть одна Церковь в Америке, а другая в России, это — не раскол. Это лишь отчужденность. Но когда на двух улицах появляются храмы, в которых главным предметом проповеди становится разъяснение того, почему нельзя ходить в соседний храм, — это уже раскол. А в России раскол — это всегда Раскол с большой буквы...

Невежественность интеллигенции в сфере духовной жизни сказывается и в непонимании всей серьезности и трагичности того, что стоит за понятием «церковного прещеня», за разрывом евхаристического общения. Кроме того, иначе как неосведомленностью нельзя объяснить и то, что демократы поддерживают «карловчан» — крайне правую и жесткую линию Православия.

Именно из-за жесткости позиции «карловчан» русская эмиграция раскололась еще в 20-е годы и ни один крупный русский философ, писатель или богослов не пошел за «карловчанами». Именно о тех, кого превозносит свободолюбивая демократическая пресса, сказаны горькие слова Бердяева: «Драгоценным даром свободы слова эмигрантские правые круги очень плохо пользовались, они создали и на свободе застенки, удушающий всякую свободу мысли». Это из статьи Бердяева в поддержку «Декларации» митрополита Сергия («Наука и религия», № 4, 1991, с. 7).

Какой бы политической стороне ни принадлежал человек — Патриарх считает, что в решающих ситуациях «надлежит прежде всего

вспомнить о своей верности Христу и, отбросив партийные и политические предпочтения и даже обязательства... перед судом своей христианской совести, решить вопрос о степени соответствия своих предстоящих дел духу Евангелия и Православия» («Советская Россия», 11.1.91).

Итак, партийная одержимость неприемлема ни с какой стороны. И Патриарх не намерен, судя по всему, поступаться независимостью даже перед лицом раздражения демократов, вызванного аполитичностью Церкви. Но Патриарх пока не отвечает какими-либо враждебными действиями на объявление ему войны со стороны демпрессы (по крайней мере, ее московской части). «Для всех я стал всем, чтобы спасти хотя бы некоторых»...

ОДНОСТОРОННЯЯ

ЛЮБОВЬ

(ПАТРИАРХ И ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ).

Здесь ситуация обратная одной из сторон декларируется неразрывный органический союз с другой.

Какова же реакция Патриарха? «Патриотические движения у нас — крайних форм, но в них может быть две вещи, дающие надежду на то, что их можно преобразить. Первое — это небезразличие к судьбам своей страны. И второе — в них есть дух служения. Они действительно хотят служить идее, может быть, несколько неправильно понятой, с неверно понятыми целями и задачами. Если бы у Церкви была возможность серь-

езного воспитания, то и это можно было бы исправить. Есть религиозная дикость, но есть еще и одичалость национального сознания. Принцип церковной жизни здесь, как и во всей, наверно, человеческой жизни, такой: отсекать ничего нельзя. Надо преобразовывать («Комсомольская правда», 6.4.91).

Патриарх признает своеобразие духовного пути и призвания России. «У России своя судьба, и я убежден, что она отлична от путей иных народов».

Реставрация прошлого, однако, неприемлема. «Нельзя внешне вернуть то, что было 70 или 300 лет назад. Это утопия. Нельзя вернуть политическую систему. Но можно перейти, вернуться к утраченной системе ценностей. Если мы хотим возродить Святую Русь, то мы должны возродить ту систему, иерархию ценностей, которой мы обязаны лучшими страницами своей истории. Помните, Иоанн Креститель говорит фарисеям: «Не думайте говорить о себе — отец у нас Авраам». Так и нам, пожалуй, нет смысла восклищать — отец у нас Сергей Радонежский, если мы лишь клянемся его именем, но не живем его молитвенной жизнью» (там же).

Вспомнив цитаты, приведенные в первом разделе, мы увидим, что Патриарх все время, говоря о том, что государственные интересы не могут стоять выше человеческой жизни, рядом с государством ставит в этой формуле и национальность.

Обращение Патриарха Алексия к народам Грузии («Известия», 22.2.91) по сути является обращением и ко всем патриотам: «В эти дни, когда люди готовы в спорах

за землю проливать на эту землю кровь людей, слово Божие, которое все мы слишком склонны забывать за немолчным шорохом газетных страниц, да напомним нам, что мы — пришельцы на земле, и наш путь лежит к Вечному Богу, и весь он подобен Пасхе — в ее древнеиудейском смысле стремительного перехода. «Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13, 14). Творцом нам вручена земля. И мы должны будем дать ответ о том, как использовали мы данный нам талант. Скажем ли мы: «Вот, Господи, мы любили эту землю, и живя на ней, мы славили Тебя, ее Творца, и мы выращивали на ней виноград и пшеницу, а вино и хлеб приносили в Твои алтари, чтобы через эти самые простые земные дары Ты смог приобщать нас к Себе». Или скажем: «Вот, Господи, мы так любили эту землю, что убивали и прогоняли всех, кто кроме нас хотел назвать ее своею...»

В слове в Неделю Торжества Православия Патриарх в числе исказителей Православия упоминает и тех, кто уверяет «себя и нас, что Православие — это некая национальная идеология. Мы же должны знать, что Православие — это поиск жизни в Боге, и что всякое государственное и национальное устранение жизни для нас вторично... Другие говорят, что Православие — это культура, некое «культурное наследие». Мы же должны знать, что Православие — это не создание культурных форм, а сокровенное стяжание Духа Святого». («Литературная Россия», 28.2.91).

Характерно для пастырской политики Патриарха, что в тех своих публикациях, что предназначены для патриотической прессы, он подчеркнуто сторонится стождествления Православия с национальным мышлением. Так, в его пасхальном обращении к читателям «Нашего современника» речь идет исключительно о смысле Воскресения Христова и ни разу не употребляются слова «Россия» и «русский». А в интервью «Комсомольской правде», газете, будто бы стесняющейся того, что она выходит на русском языке, Патриарх, напротив, говорит о духовном своеобразии России. Связь Церкви и России он также подчеркивает в своем выступлении в «Российской газете», которая обычно сторонится любых выражений солидарности с «патриотами». Об антисемитизме Патриарх говорит вполне ясно. «Православие никогда не носило шовинистический характер, не выступало с позиции антисемитизма, потому что мы всегда руководствовались словами апостола Павла, который говорил, что во Христе нет ни едина, ни иудея. Сегодня мы продолжаем ту же линию» (интервью Би-Би-Си, опубликованное в «Панораме», № 14, декабрь 1990). В интервью «Комсомольской правде» — вновь: «Христианство и Православие нельзя считать источником антисемитизма».

И, наконец: «Христианская вера не дает права ненавидеть кого бы то ни было на «законном» основании» («Известия», 22.2.91).

Смысл позиции Патриарха по отношению к патриотическим движениям, пожалуй, заключается, во-первых, в отказе от однозначной ассо-

циации с ними, и, во-вторых, в стремлении использовать свою независимость для разъяснения того, что сначала надо стать подлинно православным, и лишь затем стоит браться за «воссоздание Святой Руси». Здесь — те же требования, что и к демократам: тактичность, серьезность, трезвость.

* * *

Понимает ли Патриарх, что политики самых разных направлений не будут в восторге от взятой им линии на самостоятельность Церкви и на освобождение ее жизни от политического вмешательства извне? Да, в «Российской газете» он признается: «Я сознаю, что эти мысли кажутся несвоевременными и непонятными». Но как это сквозит в «Заявлении» встречи глав религиозных объединений Союза, Патриарх надеется, что в России еще много людей, не охваченных своей борьбой за что бы то ни было. Вспомним, как в «Литературной газете» он цитирует Честертона: «Все люди делятся на две категории. Первая и лучшая из них — это просто люди. И их, к счастью, больше всего...»

Зная, что ни одна из сторон не оставит Церковь в покое, Патриарх Алексей просит этих «просто людей» (в своем Послании настоятелю единственного в России храма в честь святителя Патриарха Тихона (МЦВ № 7—91 г.): «Я прошу вас молиться и обо мне, чтобы по молитвам святителя Тихона Господь даровал мне дух мудрости и безбоязненности, столь необходимых всякому, кого Господь призывает к патриаршему служению на Руси»,

Диакон
Андрей КУРАЕВ.

Е.Н.

БОРЬБА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ С НОВЫМИ "РАСКОЛЬНИКАМИ"

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

№ 22, 2 июня 1991 г.

15

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ

О ЧЕМ ЗАБЫЛ ЕПИСКОП ЕВЛОГИЙ

Принцип свободы совести легко провозгласить,
но трудно осуществить на деле

Недавно народные депутаты Суздальского городского Совета и члены исполкома горсовета получили письмо от епископа Владимирского и Суздальского Евлогия (Смирнова). «Считаем *недопустимым*, — указывает, в частности, епископ (подчеркнуто им), — передачу храмов в г. Суздале каким-либо религиозным конфессиям, тем более не обладающим ни юридическим статусом, ни каноническим. Просим передавать храмы их извечному хозяину — Русской православной церкви Московского Патриархата». Таким образом, епископ обращается к государственной власти, призывая депутатов решительно и бесповоротно занять сторону Русской православной церкви.

ПО ЗАКОНУ ИЛИ ПО ЧУВСТВУ

Поясню, в чем тут дело. В Суздале в прошлом году община верующих Цареконстантиновского храма первой перешла из Русской православной церкви в Русскую православную церковь за границей (см. «МН» № 20, 44 за 1990 г.). (Позже ее примеру последовали другие общины в России и на Украине). Сейчас здесь создано епархиальное управление новой Русской православной свободной церкви (в юрисдикции Русской православной церкви за границей), в Цареконстантиновском храме служит ее епископ — Валентин (Русанцов), ее священники по воскресеньям обучают основам религии две с лишним сотни суздальских ребятшек.

Отчего суздальская община ворвала с Русской православной церковью, правы или не правы были верующие и священнослужители Цареконстантиновского храма — я не берусь однозначно ответить на этот вопрос. Бог рассудит. Нам важно другое: они не изменили свою конфессиональную принадлежность, как были, так и остались православными, как были, так и остались гражданами СССР, нашими соотечественниками, и, стало

быть, в соответствии с Законом РСФСР о вероисповеданиях Министерство юстиции РСФСР должно будет зарегистрировать устав Русской православной свободной церкви. Юридическая неопределенность ее нынешнего положения объясняется исключительно нашей родной пролокой: до сих пор еще не создана экспертная комиссия Комитета по свободе совести Верховного Совета РСФСР, заключения которой о представленных на регистрацию материалах ожидают Минюст.

Я вполне допускаю, что епископу Евлогию зарубежная церковь отвратительна и что епископ Валентин он на дух не переживет. Нашим оголтелым атеистам точно так же и еще совсем недавно было совершенно непереносимо само существование в одном с ними времени и пространстве Русской православной церкви и ее священнослужителей. И чуть что — они обрушивали на их головы обвинения в воинствующем фанатизме, провокациях, лжи, а также в неразрешенных властью молитвах. Чужды дела твоя, Господи! Православный епископ Евлогий словно слова списал для своего письма из какого-нибудь постановления о богоборчестве

районного масштаба. Во всяком случае он не стесняется указать суздальским депутатам, что православная община пользуется своими храмами «незаконно», что она «не зарегистрирована», что «аппетиты группы воинствующих суздальских карловчан... растут» (Русскую православную церковь за границей называют иногда Карловацкой — по названию сербского города Сремские Карловцы, где в 1921 году она организационно оформилась) и что «недопустимо» передавать им еще одну церковь. Из памяти епископа непостижимым образом выпало семидесятилетнее унижение Русской православной церкви, зато столь же непостижимо в нем народилась уверенная повадка хозяина, который не прочь посадить в освободившееся гетто церковь-соперницу. Монах, пользующийся в церкви репутацией молитвенника, он обещает познакомить депутатов «с провокационными заявлениями» против Советской власти со стороны презренных карловчан. А чтобы суздальские избранники до конца «поняли истинное лицо этой конфессии», епископ Евлогий сообщает им о ее «дружеской связи с немецкими фашистами».

РАСКОЛЬНИКИ?

Верно: Русская православная церковь заграничной никогда не заявляла о своей лояльности к Советской власти, а иные ее священнослужители предпочли фашизм коммунизму. Я даже могу прибавить, что в тридцать втором году ее архиерейский синод развился пространном посланием против главного источника мирового зла — масонства, а в то время, когда лейтенант Келля злодействовал во вьетнамской деревушке Сонгми, заграничное православное священноначалие призвало господнее благословение на американское оружие. Но вместе с тем, мне кажется, нет таких весов, которые бы в точности определили, какая из двух церквей превзошла другую по количеству накопленных за последние семь десятилетий исторических грехов. В конце концов вовсе не христианское дело — петь осанну величайшему палачу, товарищу Сталину, и вопреки Евангелию называть его «отцом». А самое главное — какое отношение ко всем действительным и мнимым заблуждениям Русской православной церкви заграничной имеют православные нерушащие города Суздаля?! Они всю свою жизнь прилежно и ахали на советскую власть, у многих из них родные и близкие полегли в битве с фашизмом, и они, осмелюсь я думать, не менее достойные граждане нашего Отечества, чем даже сам епископ Евлогий. Правда, они не желают молиться вместе с ним, но это уже дело их совести.

Епископ, однако, честит их «виновными раскольниками», по-видимому, совершенно не отдавая себе отчета в том, какой глубочайшей раны в исторической памяти России касается своей запальчивой рукой! В семнадцатом веке раскол разделил русское общество и подорвал нравственное здоровье церкви, которая вместе с государством принялась, как бешеных псов, гнать своих православных соотечественников только за то, что они отвергли сделанные патриархом Никоном исправления в богослужебных книгах, имя Господа: Иисус писали и произносили с одним «и» и два перста предпочитали трем. В борьбе с нынешними раскольниками наши церковные ревнители, я надеюсь, воздержались бы от применения огня, в котором заживо сожжен был протопол

Аввакум, и голода, которым уморили боярыню Морозову. Но вместе с тем возникает ужасно грустная мысль, что они восприняли бы как должное решение власти за печать алтари непокорных храмов (как это сделал в 1855 году Николай I) и заключить в одиночную келью суздальского Спасо-Евфимиева монастыря епископа Валентина (в прошлом веке именно в этот монастырь на долгие годы были заточены старообрядческие епископы).

ИСПЫТАНИЕ ВЛАСТЬЮ

Письмо епископа Евлогия, между тем, не вызвало бы у меня такого тревожного чувства, если бы не представляло собой явления далеко не суздальского масштаба. В самом деле: если крестному ходу от Кремля до храма Большого Вознесения сопутствует Председатель Верховного Совета СССР; если Президент СССР, побеседовав за «круглым столом» с главами действующих в стране церквей и религиозных организаций, усаживается затем за отдельный столик для отдельного разговора с патриархом Московским и всея Руси, то разве не производит все это довольно-таки удручающего впечатления новая к р а й н о с т ь? Трагедию распятой церкви на наших глазах сменяет слащавый волевище, одну из ролей в котором сыграл премьер-министр, в пасхальную ночь доказавший соотечественникам, что в отличие от черта коммунист не боится ни свечек, ни ладаана.

Мне пришлось довольно много заниматься проблемами церковно-государственных отношений в ту, совсем еще недалекую пору, когда они ничем не напоминали нынешней идиллии. Какой-нибудь уполномоченный Совета по делам религий, в прошлом, как правило, партийный работник, а по новой должности — неперемный confident местной госбезопасности, мог тогда запросто помыкать священниками и держать в состоянии преданного трепета почтенного архиерея. Священноначалие Русской православной церкви с покорной безмолвностью принимало даже самые безнравственные и противоконституционные решения власти как на государственном, так и местном уровне. Теперь клирики и епископы отчасти даже сами стали властью, и, по моим наблюдениям, далеко не все они сознают, что приступы смертельного

удушения церковь может испытать в объятиях государства. Большие того: совершившиеся перемены они поняли как возможность навязывать обществу свои представления о свободе совести, не имеющие, надо признать, ничего общего с принятым в СССР и РСФСР законодательством.

Право на свободную совесть выстрадано нами мучительно и далеко еще не до конца. Без него не может быть и речи о каком-либо демократическом обществе. Епископ Евлогий, похоже, намерен собственноручно его перечеркнуть.

Александр НЕЖНЫЙ.

АРХИЕРЕЙСКИЙ СОБОР РАССМОТРЕЛ ЗАКОН СССР
"О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ"

1991 • 2

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно на русском и английском языках
Адрес редакции: 119110 Москва, Патриарший пр. 20

Генеральный редактор:
И. И. Мельников
Издательский отдел:
М. А. Сидорова
Материалы:
В. И. Мельников
и другие сотрудники
Генеральный редактор

Ответственный редактор:
Г. А. Сидорова
К. М. КОМАРОВ

Определение о принятом Законе СССР о свободе совести

С должным вниманием Архиерейский Собор рассмотрел Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», принятый Верховным Советом СССР 1 октября 1990 года и вступивший в действие со дня его опубликования 9 октября 1990 года.

Впервые законодательный орган Советского Союза принял общесоюзный Закон по вопросам свободы совести, отвечающий основным принципам Всеобщей декларации прав человека, заключительному Акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и другим соглашениям, достигнутым государствами-участниками в ходе претворения в жизнь Хельсинкского процесса.

Архиерейский Собор с глубоким удовлетворением отмечает гарантирование Законом прав граждан нашего государства на определение и выражение своего отношения к религии, на соответствующие этому убеждения, на беспрепятственное исповедание религии и исполнение религиозных обрядов, а также социальную справедливость и равенство, защиту прав и интересов граждан независимо от отношения к религии (ст. 1).

Важность нового Закона состоит также в том, что Русская Православная Церковь получила должную правовую основу своей деятельности и приобрела правоспособность юридического лица.

От имени Полноты Русской Православной Церкви Архиерейский Собор выражает глубокую благодарность Верховному Совету СССР за труды по разработке Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и за его принятие.

Архиерейский Собор с благодарностью свидетельствует об активном участии архиереев, клириков, монашествующих и мирян Русской Православной Церкви в различных формах обсуждения проекта Закона и о ценных предло-

АРХИЕРЕЙСКИЙ СОБОР РАССМОТРЕЛ ЗАКОН СССР
"О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ"

2.

жениях по его содержанию, какие направлялись ими в Верховный Совет СССР.

Архиерейский Собор особо отмечает большой вклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, принимавшего самое непосредственное участие в разработке законопроекта и в его принятии Верховным Советом СССР.

В процессе обсуждения законопроекта Поместный Собор, Архиерейский Собор, Священный Синод Русской Православной Церкви, епархиальные съезды принимали обращения и заявления в адрес государственных властей, высказывая свои замечания и предложения по поводу готовящегося Закона. Эти предложения внимательно рассматривались государственными инстанциями и, как правило, получали положительное решение.

Высоко оценивая в целом содержание Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях», Архиерейский Собор вместе с тем отмечает несколько принципиальных, имеющих для жизни Русской Православной Церкви (и, полагаем, для других Церквей и религиозных объединений) весьма важное значение положений, к сожалению не получивших отражения в принятом Верховным Советом СССР тексте Закона, о насущной необходимости которых церковная сторона неоднократно заявляла в процессе обсуждения законопроекта:

1. В главе II «Религиозные организации в СССР» отсутствует четкое определение и перечисление религиозных организаций по категориям, определяющим их структурными и функциональными особенностями. Было бы естественно и закономерно прежде всего провозглашение юридического лица за Церковью в целом (или Духовным Управлением, или иной целостной религиозной организацией, состоящей из общин и других религиозных учреждений), а затем, по принципу канонической принадлежности к ней, за ее общинами, монастырями, духовно-учебными заведениями, за находящимися в ее ограде религиозными братствами, миссионерскими обществами и др. Из этого следует необходимость отражения в главе II Закона также и того обстоятельства, что выход из состава Церкви автоматически влечет за собой для данной составной части религиозного организма утрату юридического лица. В этом случае недвижимое и иное имущество общины или другого религиозного учреждения остается во владении или ведении Церкви независимо от ее (общины) дальнейшей судьбы. Последнее относится уже к главе III Закона «Имущественное положение религиозных организаций».

2. В главе II статья 14 «Регистрация уставов религиозных организаций» устанавливает единообразную процедуру регистрации всех категорий религиозных организаций в местном исполнительном комитете районного (городского) Совета народных депутатов. Подобная практика едва ли может считаться обоснованной. Деятельность приходской общины, например, имеет один территориальный и функциональный объем, епархиального управления — другой, а Высшая Церковная Власть может иметь сферу деятельности в объеме союзной республики или всего государства. Таким образом, Уставы Церковного Управления, равно как и религиозных организаций, имеющих республиканское, межреспубликанское или союзное значение, должны по справедливости регистрироваться президиумами Верховных Советов автономных или союзных республик или Верховного Совета СССР.

3. В главе III «Имущественное положение религиозных организаций» не получили отражение справедливо высказывавшееся в процессе разработки Закона

АРХИЕРЕЙСКИЙ СОБОР РАССМОТРЕЛ ЗАКОН СССР
 "О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ"

3.

желание многих граждан и организаций, просьба Поместного Собора Русской Православной Церкви 1990 года о закреплении в Законе права нашей Церкви (равно как и других Церквей и религиозных объединений) получить в собственность используемое ею недвижимое имущество (храмовые здания и другие сооружения), если они находятся на их полном содержании, включая реставрацию, ремонт, реконструкцию. Особенно это относится к недвижимому имуществу, восстанавливаемому и реконструируемому коренным образом из перестроенного или восстановленного из руин на церковные средства, складывающиеся из пожертвований верующих. Например, Данилов монастырь в Москве, Оптина пустынь в Калужской области, Толгский монастырь в Ярославской области и многие другие.

Арендная плата, вносимая в настоящее время религиозными организациями за пользование недвижимым имуществом, должна быть отменена, дабы эти средства могли идти на благотворительные и милосердные цели.

Архиерейский Собор выражает надежду, что, Богу содействующу, со временем важные для Русской Православной Церкви положения, о которых говорилось выше, найдут свое место в Законе и будут осуществлены в жизни.

Архиерейский Собор считает неотложной задачей Русской Православной Церкви всестороннюю реализацию Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях». С этой целью Архиерейский Собор определяет:

— Проведение Преосвященными епархиальных собраний с приглашением для участия в них всех отцов благочинных, отцов настоятелей и председателей приходских советов. На этих собраниях его участники должны получить разъяснение, что в соответствии с Постановлением Верховного Совета СССР от 1 октября 1990 года о введении в действие Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» (ст. 3) всем действующим и ранее зарегистрированным приходам для получения правоспособности юридического лица по новому закону в срок до 1 июля 1991 года, то есть в первом полугодии следующего года, следует представить в исполнительный комитет районного или городского Совета народных депутатов по месту нахождения прихода или иным порядком, установленным республиканским законодательством, свой устав для регистрации, которая должна быть произведена в месячный срок. Эти уставы должны соответствовать типовому Уставу православного прихода, принятому настоящим Архиерейским Собором. Приходской устав необходимо предварительно официально принять приходским собранием, что должно получить оформление в соответствующем протоколе. При этом следует иметь в виду, что никаких согласований в этом вопросе с уполномоченным Советом по делам религий при Совете Министров СССР не требуется. До 1 января 1991 года Совет Министров СССР должен принять решение об упразднении института уполномоченных. Подобной регистрации подлежат также ранее зарегистрированные монастыри, духовно-учебные заведения, епархиальные и общецерковные производственные предприятия, а также епархиальные управления, Патриархия и Русская Православная Церковь как единая и целостная религиозная организация.

В этой связи поручить Священному Синоду скорейшую разработку и принятие подлежащего регистрации Устава Русской Православной Церкви, устава Патриархии, типовых уставов епархиальных управлений, ставропигиальных и епархиальных монастырей, Духовных школ и общецерковных производственных предприятий.

JUN 25 1991 * 530 34

АРХИРЕЙСКИЙ СОБОР РАССМОТРЕЛ ЗАКОН СССР
"О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ"

4.

В случае отказа в регистрации устава прихода исполнительный комитет районного или городского Совета народных депутатов или иной определенный республиканским законодательством орган обязан сообщить письменно, по каким основаниям подобное решение было им принято. Приход имеет право обжаловать в суде подобное решение. Нарушение установленного срока регистрации устава также подлежит судебному рассмотрению. Верим, что обращение к подобным процедурам потребует в исключительных случаях, ибо надеемся, что местная власть проявит уважение к правам приходов и покажет пример добросовестного соблюдения закона.

Ранее не зарегистрированные или вновь образующиеся религиозные организации представляют свои уставы для приобретения правоспособности с 1 июля 1991 года.

Следует иметь в виду, что по новому Закону (ст. 8) религиозное общество может действовать без регистрации, но в этом случае оно не имеет статуса юридического лица.

Из сказанного следует, что срок регистрации уставов вновь открытых приходов (1 июля 1991 года) не должен влиять на образование и жизнедеятельность новых приходов в период до 1 июля 1991 года.

— Архиерейский Собор с глубоким удовлетворением отмечает, что законы «О собственности» (ст. 18) и «О свободе совести и религиозных организациях» (ст. 18) и Постановление Верховного Совета СССР (ст. 6) создают совершенно новую прочную законную основу для права религиозных организаций на собственность, на здания, храмовое имущество, объекты производственного, социального и благотворительного назначения, на денежные средства и иное имущество, необходимое для приходов, братств, монастырей, епархиальных управлений, Патриархии. Все эти организации могут обращаться за добровольными пожертвованиями денежного и имущественного характера, получать их и распоряжаться ими самостоятельно.

Церковные организации, опираясь на закон, смогут теперь обращаться в местные Советы, государственные организации с предложениями о передаче Церкви зданий, сооружений, церковного имущества (не исключая музейного), административно-хозяйственных строений с передачей в пользование прилегающих территорий. Такие обращения следует адресовать районным, городским, областным и краевым Советам, а также государственным и общественным организациям, у которых эти здания и имущество находятся в собственности или в пользовании. В соответствии с законом у религиозных организаций имеется преимущественное право на получение ими культовых зданий с прилегающей территорией (ст. 17). Срок рассмотрения обращений определен в один месяц.

Этот процесс следует начинать и вести последовательно, с должной настойчивостью, с опорой на законоположения и на Устав об управлении Русской Православной Церкви, который гражданские власти призваны принимать к сведению и уважать. Следует входить в контакт с народными депутатами, прибегать к помощи средств массовой информации, соблюдая такт, проявляя терпение, но считая, что главный путь состоит в том, чтобы вернуть Церкви в собственность в первую очередь здания, святыни, богослужебные предметы и др. То, что не может быть получено в собственность, следует использовать бесплатно на договорных началах.

Особо отмечаем, что церковные организации могут получать землю в пользование и владение для сельскохозяйственного и другого назначения.

АРХИЕРЕЙСКИЙ СОБОР РАССМОТРЕЛ ЗАКОН СССР
 "О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ"

5.

Обращаем внимание на необходимость строгого соблюдения установленных правил оформления права собственности и пользования.

Следует отделить имущество Церкви, полученное от исполкома по договору, от имущества, которое с 1946 года было приобретено на средства прихода, но зачислялось, вопреки решению правительства, по инструкции Совета по делам религий 1968 года в разряд народного достояния. Все это имущество в действительности и по акту законодательства должно рассматриваться как собственность Церкви.

— Архиерейский Собор отмечает, что права религиозных организаций установлены Законом о печати и средствах массовой информации, предусмотревшим учреждение ими печатных изданий и других средств массовой информации. Закон о предприятиях дал право религиозным организациям учреждать собственные предприятия. Законом о свободе совести предусмотрено исключительное право религиозных организаций учреждать предприятия по выпуску богослужебной литературы и производству предметов религиозного назначения. Как юридические лица, религиозные организации пользуются в полном объеме правом аренды имущества.

— Архиерейский Собор отмечает также, что по новому Закону о свободе совести (ст. 18) финансовые и имущественные пожертвования, а равно иные доходы религиозных организаций налогом не облагаются. В то же время Закон о налогах с предприятий, объединений и организаций в п. «г» статьи 5 установил налог на доходы религиозных организаций и их предприятий в размере 35 %. По обращению Святейшего Патриарха Верховный Совет СССР решил, что церковные организации за свои доходы налог не платят. Налог с церковных предприятий будет браться вдвое меньше, чем теперь. — 35 % вместо 69 % — с исключением из прибыли сумм, расходуемых на благотворительность и милосердие.

По новому Закону, доходы, получаемые гражданами от работы в религиозных организациях, включая священнослужителей, будут облагаться налогом по ставкам, установленным для рабочих и служащих государственных предприятий, учреждений и организации. Как известно, Министерство финансов СССР должно дать об этом свои указания. Вполне очевидно, что будут применяться соответствующие льготы, в том числе при трех и более иждивенцах в семье сумма налога должна понижаться на 30 %.

Закон дает возможность религиозным организациям вносить платежи в Фонд государственного социального страхования и в Пенсионный фонд СССР не только за рабочих и служащих, но и за священнослужителей, которым в этом случае будет выплачиваться государственная пенсия на общих основаниях и пособия по временной нетрудоспособности.

Архиерейский Собор выражает удовлетворение принятием нового Закона РСФСР о свободе вероисповеданий, а также и иных аналогичных законов в других союзных республиках. Собор надеется, что все это будет служить благу наших народов и Святой Церкви.

Мы молимся, чтобы в будущем строго и неизменно соблюдались данные благоприятные для Церкви законы и через это вносился определенный вклад в правовое сознание нашего общества.

Возлюбленные о Господе отцы, братья и сестры, возблагодарим Великого Пастыреначальника нашего Господа Иисуса Христа (Евр. 13, 20) за Его великие и богатые милости к Русской Православной Церкви, и да будут благословенными и ревностными наши труды во славу Святого Православия и во благо Отечества.

1991 • 2

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно на русском и английском языках
Адрес редакции 119435 Москва Погодинская ул. 20

Главный редактор -
председатель
Издательского отдела
Московского Патриархата
МИТРОПОЛИТ
ВОЛСКОЛАМСКИЙ
и ЮРЬЕВСКИЙ
ПИТИРИМ

Ответственный секретарь -
профессор
К. М. КОМАРОВ

Воззвание Архиерейского Собора к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви.

Возлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри, боголюбивые пастыри и все верные чада Русской Православной Церкви!

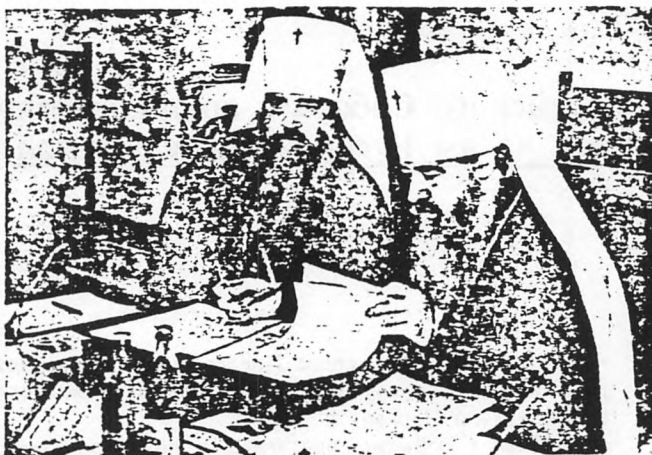
Печальное событие, поставившее под угрозу мир в нашей Церкви и ее единство, побуждает нас обратиться к вам с настоящим воззванием.

Не имеющая признания всей Православной Полноты в силу своей антиканоничности, группа епископов, именующая себя Архиерейским Собором Русской Православной Церкви за границей, десятилетиями вносящая раздоры среди наших православных соотечественников, в рассеянии сущих, посеяла теперь церковную смуту уже на территории нашей страны. Собравшись в канадском городе Мансонвилле, указанный Архиерейский Собор принял два документа: «Положение о приходах свободной Российской Православной Церкви» (2/15 мая 1990 года) и «Послание Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей. Верным пастырям и возлюбленной пастве нашей» (3/16 мая 1990 года), значительно усиливающие и без того фактически существующее разделение между ними и нашей возлюбленной Матерью — Русской Православной Церковью. Призывая ее пастырей и паству перейти под их окормление и объявляя о своем намерении поставить на канонической территории Московского Патриархата в нашей стране свою иерархию, они как на причину такого произвола указывают на «окончательно к настоящему времени парализованное, нераскаянное состояние иерархии и клира Московской Патриархии, отступивших от чистоты Православия».

Позже в дополнение к указанным документам Архиерейский Синод Русской Зарубежной Церкви обратился с посланием «К верным чадам Русской Православной Церкви, в Отечестве и в рассеянии сущим», в котором, повторяя прежние обвинения в адрес Священноначалия Московского Патриархата, заявляет о своем неприятии решений Поместного Собора, проходившего в Троице-Сергиевой Лавре в июне 1990 года. Так, они отказываются признавать выборы нового Всероссийского Патриарха в качестве «соборного волеизъявления Русской Церкви» и вообще намекают, что в своих деяниях Собор не был внутренне свободен. Но если весь мир был свидетелем как острых дискуссий в ходе соборных заседа-

ВОЗЗВАНИЕ АРХИРЕЙСКОГО СОБОРА / 2 /

За столом президиума Собора — Патриарший Экзарх всея Белоруссии митрополит Минский и Гродненский Филарет и митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий

ний, так и напряженного в несколько туров при тайном голосовании процесса выдвижения кандидатов в Патриархи и избрания Предстоятеля Русской Православной Церкви, то, спрашивается, что же тогда свобода и соборность? При этом авторы послания не гнушаются и выпадов личного характера против новоизбранного Святейшего Патриарха, основанных на источниках, которые с церковной точки зрения не могут заслуживать доверия.

Все это может вызывать и вызывает смущение в умах некоторой части наших клира и паствы, недостаточно осведомленной о подлинных событиях истории Русской Православной Церкви в текущем столетии. Поэтому почти мы своим долгом перед лицом епископата, клира и всех верных чад нашей Русской Православной Церкви дать ответы по всем пунктам выдвигающихся в вышеуказанных документах обвинений, а также дать соответствующие разъяснения о самом характере оных, чтобы никто не питал иллюзий как относительно того, что вменяется в вину иерархии и клиру нашей Церкви, так и относительно их обличителей.

Обращаясь к появившимся в нашей стране своим последователям, иерархи Русской Зарубежной Церкви предписывают им «не вступать в евхаристическое общение с Московской Патриархией», пока последняя не отречется от Декларации Митрополита Сергия и не отстранит от церковного управления иерархов, которым они вменяют в вину «антиканонические и аморальные поступки». Такое предписание клирикам и мирянам относительно их разрыва с иерархией, имеющей каноническое признание со стороны всей Православной Полноты в лице епископата Автокефальных и Автономных Поместных Православных Церквей, в соответствии с первым правилом святого Василия Великого может быть однозначно квалифицировано как подстрекательство к раско-

ВОЗВРАЩЕНИЕ АРХИРЕЙСКОГО СОБОРА / 3 /

ду со стороны лиц, уже фактически поставивших себя в положение раскольников.

Как видим, главным пунктом обвинения в адрес иерархии и клира Московского Патриархата выдвигается их связь с Декларацией Митрополита Сергия, принятой в 1927 году.

По этому поводу мы заявляем, что, отдавая дань глубокого уважения памяти Патриарха Сергия и с благодарностью вспоминая его борьбу за выживание нашей Церкви в тяжелые для нее годы гонений, мы тем не менее вовсе не считаем себя связанными его Декларацией 1927 года, сохраняющей для нас значение памятника той трагической в истории нашего Отечества эпохи. Как заявил Священный Синод 3 апреля 1990 года, «Православная Церковь не может не встать на сторону тех или иных групповых или партийных интересов, не связывать свою судьбу с тем или иным политическим курсом». Вместе с тем мы не можем оставить безответными содержащиеся в послании зарубежных иерархов выпады против Патриарха Сергия и Декларации 1927 года. «...Митрополит Сергий, — читаем мы в послании, — будучи только Заместителем (Патриаршего) Местоблюстителя, неожиданно превышает свою власть, нарушает единомыслие епископата, издает без рассуждения всех и вопреки мнению подавляющего большинства иерархов свою Декларацию о единстве интересов Церкви и безбожного правительства. Старейшие иерархи — митрополиты Петр и Кирилл Казанский осудили этот акт и прервали общение с Митрополитом Сергием... Таким образом, раскол в епископате Российской Церкви создал Митрополит Сергий. Одни (большинство) пошли путем мученичества, другие — вынужденного соглашательства. В первые же месяцы легализованного властями церковного управления начались беспримерные расправы с несогласными, с большинством епископата. Непреклонных, дерзновенно, не имея на это никакого права, Митрополит Сергий увольняет на покой, запрещает единолично в священнослужении, что дало властям основание для предания их суду, заключения в тюрьмы, лагеря и ссылки, где умирали они мучениками за Возлюбившего их».

Мы не думаем, что это писалось в неведении относительно истинной последовательности и характера событий более чем шестидесятилетней давности. Очевидно, что писавшим доступны и издания церковных источников того времени, и исследования историков, посвященные жизни Русской Церкви в ту тяжкую для нее пору. Поэтому мы вынуждены квалифицировать вышеприведенные высказывания как злонамеренную клевету, рассчитанную либо на неведение, либо на отсутствие памяти у читающих сей документ.

Чада нашей Церкви должны знать подлинные факты, связанные с Декларацией 1927 года, обращение к которым делает полностью несостоятельными вышеприведенные измышления.

Во-первых, что касается объема власти Митрополита Сергия как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, то она полностью покрывала все права и обязанности замещаемого им Предстоятеля нашей Церкви, с чем был согласен русский епископат, включая и зарубежных иерархов, обращавшихся к нему в 1926 году, прося рассудить их в связи с возникшими в их среде разногласиями относительно устройства церковной жизни русской диаспоры. Именно consensus ecclesiae (согласие Церкви) и являлся основным источником его полномочий, воспринятых в силу чрезвычайных обстоятельств жизни Русской Православной Церкви согласно распоряжению Патриаршего Местоблюстителя Митрополита

ВОЗЗВАНИЕ АРХИРЕЙСКОГО СОБОРА 141

Крутицкого Петра, оказавшегося с декабря 1925 года и до своей кончины в 1936 году в узах и поэтому не могущего исполнять свои обязанности Первоиерарха.

Во-вторых, Декларация не появилась «неожиданно». Первый ее вариант, получивший известность, в частности, благодаря зарубежным публикациям, стал предметом достаточно широкого церковного обсуждения. Что же касается ее варианта, опубликованного в «Известиях» в июле 1927 года, то он, будучи принят Временным Патриаршим Священным Синодом, готовился также не один месяц, и эти приготовления не являлись секретом. Мы вовсе не намерены идеализировать этот документ, сознавая и его вынужденный характер, и вообще относительную ценность подобных заявлений. Однако со всей определенностью мы обязаны подчеркнуть, что Декларация 1927 года не содержит ничего такого, что было бы противно слову Божию, содержало бы ересь и, таким образом, давало бы повод к отходу от принявшего его органа церковного управления. Именно так и восприняло Декларацию подавляющее большинство епископата Русской Православной Церкви, притом что критических замечаний в адрес ряда ее положений высказывалось немало. Во всяком случае, известно, что оппозиция Митрополиту Сергию Ленинградского митрополита Иосифа и отход от него в 1930 году митрополита Казанского Кирилла не были связаны непосредственно с Декларацией, а явились результатом непонимания линии Заместителя Патриаршего Местоблюстителея в вопросах церковного управления, которая в тех условиях была единственно возможной. Эта линия, в свою очередь, встретила сочувствие большинства епископов, сохранивших доверие и сострадание Митрополиту Сергию, в сознании того, что нет такой власти, которая способна лишить их свободы во Христе, ради Которого они обрекли себя на каждодневное умирание.

В-третьих, обратимся к основной мысли Декларации 1927 года, чтобы в этом вопросе не было никаких недомолвок и перетолкований. Конечно же, ни о каком «единстве интересов Церкви и безбожного правительства» здесь нет и речи. По сути, Митрополит Сергей и Временный Патриарший Священный Синод отстаивают здесь верность заповеди Спасителя отдавать кесарю кесарево, а Божие Богови (Мф. 22, 21). «Нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом». Таким образом, совершенно очевидно, что ни о каком единстве интересов Церкви и советского руководства в области духовной жизни и нравственных ценностей здесь не может быть и речи. Митрополит Сергей вместе с единомысленными с ним епископами обещает гражданской власти лишь лояльность в той мере, в какой она не затрагивает существа веры. Теперь обратимся к высказыванию, которое встречало наибольшее непонимание некоторых представителей русской церковной среды того времени. «Мы хотим, — писал Митрополит Сергей, — быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». Опять же подчеркивая верность Святому Православию, что, по сути, и является главной мыслью Декларации, Митрополит Сергей говорит о естественной близости сердцу чад Русской Православной Церкви успехов и неудач их земной Родины при ясном

ВОЗЗВАНИЕ АРХИРЕЙСКОГО СОБОРА 15 /

сознании проходящего характера установившейся в ней государственной власти, которой, по завету апостола (Рим. 13, 1—5), предписывается христианам законопослушность в гражданской сфере *не только из страха, но и по совести*, что должно служить основанием нормальных отношений Церкви и власти в любом государстве. Ни о каких уступках власти в области веры или же выражения солидарности с ее богоборческим курсом в Декларации, конечно же, нет и речи.

В-четвертых, нет никаких достоверных данных, свидетельствующих, что Митрополит Петр прервал обменные со своим заместителем в связи с публикацией им данной Декларации, которая явилась естественным продолжением его и святого Патриарха Тихона усилий по легализации в СССР канонического управления Русской Православной Церковью.

И наконец, в-пятых, относительно обвинения в том, что Декларация явилась причиной репрессий в отношении, как пишут авторы послания, не принявшего ее большинства духовенства. Здесь нужно обратиться к фактам, из которых следует, что не Декларация явилась главной причиной отхода от Митрополита Сергия 37 епископов (из более чем 150), находившихся на Родине, а, как уже указывалось, непонимание его линии в области церковного управления, учитывая тогдашние реальные условия существования Церкви. Что касается прещений, то они налагались Временным Патриаршим Священным Синодом в установленном священными канонами порядке лишь в отношении тех лиц, которые посягали на единство тела церковного, «водружая иной олтарь». При этом недобросовестным измышлением является попытка обвинить Митрополита Сергия в том, что он дал повод развернуть репрессии со стороны режима в отношении несогласных с ним епископата и клира. Общеизвестно, что духовенство Русской Православной Церкви подвергалось репрессиям вовсе не по приговору гласного суда, а в так называемом административном порядке и до Декларации 1927 года. Собственно, уже с начала 1918 года на русское православное духовенство и активных мирян обрушился самый неприкрытый террор именно за их принадлежность к Церкви, который затем по временам то ослабевал, то усиливался, оставив нам память о многочисленных мучениках и исповедниках. Что же касается последующих беззаконий режима в отношении епископов, клириков и активных мирян, наибольший размах которых пришелся уже на 30-е годы, то его жертвами явились отнюдь не только оппозиционеры Митрополиту Сергию, но и в гораздо большем числе (в силу своего явного численного превосходства) его ревностные сторонники, включая подавляющее большинство членов Временного Патриаршего Священного Синода. Достаточно напомнить деятелям Русской Зарубежной Церкви имя единомысленного с Митрополитом Сергием члена Синода при нем митрополита Одесского Анатолия, прославляемого ими как новомученика. Таким образом, авторы послания допускают кощунство в отношении памяти большинства священномучеников и исповедников, которые страдали именно за веру во Христа, оставаясь по примеру мучеников и апологетов христианской древности добросовестными гражданами своего государства.

Нас обвиняют в «попрании памяти святых новомучеников и исповедников». И здесь мы совершенно определенно должны заявить, что в нашей Церкви никогда не прерывалось молитвенное поминовение страдальцев за Христа, преемниками которых довелось стать нашему епископату и клиру. Сейчас, чему весь мир свидетель,

ВОЗЗВАНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА / 6 /

у нас разворачивается процесс их церковного прославления, который в соответствии с древнецерковной традицией должен быть избавлен от суетного политиканства, поставленного на службу меняющимся настроениям времени.

Среди других обвинений в адрес епископов и клириков Русской Православной Церкви, являющихся якобы достаточной причиной для разрыва с ними евхаристического общения, называются и «подобострастное служение безбожной власти», и «небрежение в распространении слова Божия», и «искажение таинств», и «подчинение мирским властям», и «отрыв от паствы», и «нравственная распущенность и сребролюбие», и «перемещение архиереев и священников». Знающему историю Русской Православной Церкви в XX веке послышится в этих обвинениях нечто удивительно знакомое. Ведь почти то же самое шесть с лишним десятков лет тому назад можно было услышать из уст раскольников-обновленцев в адрес русского дореволюционного епископата и клира. И разве не большинство этих служителей Божиих, невзирая на все свои немощи, вынесли затем основной удар беспримерных гонений, обрушившихся на Церковь, поддерживав в недрах народа нашего живой огонь православной веры?

Теперь, оглядываясь уже на совсем недавнее прошлое, мы с благодарностью вспоминаем тех архипастырей и пастырей, которые также, несмотря на свои немощи и человеческие недостатки, несли крест своего служения с заботой о сегодняшнем дне нашей Церкви. И лишь болезни и кончина в расцвете сил иных из них служат пока свидетельством их тяжелой борьбы, которую им приходилось каждодневно вести за это. Однако при этом мы готовы смиренно признать: да, не все в нашей деятельности было безупречным, и мы готовы нести и уже приносим покаяние в своих прегрешениях и на путях возрождающейся соборности исправляем и будем исправлять имеющиеся недостатки в церковной жизни, связанные с ненормальностями внешних условий прежнего бытия нашей Церкви.

Но насколько нравственно с точки зрения Евангелия выступать группе епископов Русской Зарубежной Церкви в роли наших обвинителей? Разве в истории их группировки не было соблазнительных для церковного общества моментов, даже в совсем недавнем прошлом? Напомним только, что во время фашистского режима в Германии Зарубежная Церковь в этой стране отнюдь не была «свободна» и «независима» от мирской власти. Более того, ее руководство не погнушалось содействием гестапо для захвата в 1938 году приходов, входивших в русский Западноевропейский Экзархат. В свою очередь, во время войны оно покорно подчинилось указанию гитлеровского правительства, воспретившего ему развернуть свою деятельность на оккупированных территориях Польши и СССР, что первоначально входило в его намерения. Так что здесь уместно вспомнить слова бывшего настоятеля храма святого равноапостольного князя Владимира в Берлине, а впоследствии архиепископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского): «Исторические факты не позволяют морально противопоставлять Русской Церкви — Зарубежную, превознося Зарубежную, как якобы сохранившую чистоту и бескомпромиссность».

Так называемый Архиерейский Собор также пытается обвинить нас в отступлении от Православия. С этой целью он вновь идет на обман, рассчитанный, очевидно, на крайнее невежество читателей своих документов. Так, Русской Православной Церкви вменяется в вину участие в деятельности Всемирного Совета Церквей,

ВОЗЗВАНИЕ АРХИРЕЙСКОГО СОБОРА 17 /

которому приписывается стремление создать некую «всемирную иерархию, объединяющую все ереси и религии». Однако общеизвестно, что ВСЦ совершенно чужда подобная цель. Его задача состоит в содействии экуменическому сотрудничеству между христианскими Церквами, хранящими веру в Единого Бога, во Святей Троице славы, и в Господа Иисуса Христа как в Единородного Сына Божия — Спасителя мира. При этом такое сотрудничество не затрагивает существа хранимых ими традиций их веры, будучи призванным способствовать достижению взаимопонимания между Церквами разных конфессий в их стремлении, когда будет на то воля Божия, к достижению единства в вере всех последователей Господа Иисуса Христа по заповеди Его *да будут же едино* (Ин. 17, 21). Таким образом, участие в деятельности Всемирного Совета Церквей уже в течение нескольких десятилетий всех Поместных Православных Церквей дает им возможность свидетельствовать перед лицом остального христианского мира истинность хранимой ими веры как залого возможного будущего единства всех христиан. Никакой измены Православию здесь нет, а есть свидетельство о его спасительной красоте перед лицом всего христианского мира.

Авторы «Положения о приходах свободной Русской Православной Церкви» указывают своим приверженцам в нашей стране, что «они не могут молиться о гражданской власти, доколе руководящей и направляющей силой ее является КПСС, имеющая богоборческий антицерковный устав». Мы не будем здесь касаться тех перемен в общественной жизни нашей страны, которые происходят в плане утверждения в ней политического плюрализма. Для нас важна принципиально христианская позиция в вопросе отношения Церкви к государству. Так, будучи приверженными светному политиканству, не раз вносившему смутение в русское церковное общество, зарубежные иерархи попирают завет апостола: *Итак, прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте* (1 Тим. 2, 1—2). Очевидно, что святой апостол Павел, призывая христиан совершать молитву за власти Римской империи, которые в ту эпоху чаще всего выступали как их гонители, давал заповедь на все времена молиться за гражданские власти тех государств, в которых Церковь Христова будет иметь свое пребывание. Форма поминовения на великой ектение: «Еще молимся о богохранимой стране нашей, о властях и воинстве ея...» — соответствует этому апостольскому завету и обычаю, соблюдающемуся во всех Поместных Православных Церквах, имеют ли они привилегированное положение в христианском государстве, или же правительства государств, в которых находится их юрисдикционная территория, вообще чужды христианству. Таким образом, и практика нашей Церкви не содержит в себе ничего такого, что унижало бы ее достоинство, каким-то образом отождествляя ее с тем или иным политическим режимом.

Авторы послания пишут: «Стоит перед нами и следующий вопрос: может ли иерархия Русской Православной Церкви за границей иметь своих епископов в России, на Русской земле? Мы думаем и верим, что не только может, но и должна». Как на причину этого авторы послания указывают на «множество писем», поступающих к ним от верующих с Родины, просящих «дать им хлеба духовного». «Московская Патриархия, очевидно, — пишут они, — не может сделать этого и потому не имеет права воспрепятствовать нам».

В связи с таким заявлением позволительно спросить:

ВОЗЗВАНИЕ АРХИРЕЙСКОГО СОБОРА / 8 /

разве в еще совсем недавние так называемые тастойные годы епископы нашей Церкви не прилагали усилий к тому, чтобы в их епархиях открывались новые храмы, пусть даже их число было тогда невелико, чтобы увеличить количество учащих в Духовных школах и активизировать приходскую жизнь? Ведь те перемены в жизни Церкви, которые мы сейчас наблюдаем, не появились сами по себе, именно тогда они созревали в недрах церковного общества. И теперь, в новых условиях, разве епископат Русской Православной Церкви не имеет попечения об открытии храмов, монастырей и Духовных школ там, где в этом имеется потребность? Так, за последние три года образовались тысячи новых приходских общин, начали действовать вновь свыше десятка монашеских обителей, открылось дополнительно четыре Духовные Семинарии и двенадцать Духовных училищ. При храмах и монастырях стали проводиться организованные занятия по Закону Божию со взрослыми и детьми. Церковь получает возможность значительно расширить свою издательскую деятельность, и прежде всего в сфере обеспечения своей паствы словом Божиим. Причем весь этот процесс в дальнейшем будет усиливаться.

В связи с этим уместно спросить, как сама иерархия Русской Зарубежной Церкви оценивает состояние своих собственных церковных дел в русском зарубежье? Отметим, что Русская Зарубежная Церковь включает лишь меньшую часть православных выходцев из нашей страны, большинство которых объединены также в приходы Православной Церкви в Америке, Русской Западно-европейской Архиепископии Константинопольского Патриархата и зарубежных епархий Московского Патриархата. Факты свидетельствуют, что Русская Зарубежная Церковь испытывает в последние годы заметный кризис, о чем красноречиво говорят многочисленные священнические вакансии в ее приходах в Западной Европе, Америке, Австралии и Новой Зеландии.

Обманом выглядит и упоминание о множестве писем, которые якобы руководство Русской Зарубежной Церкви получает с Родины с просьбой о содействии в устройстве церковной жизни. Нам известно лишь о сравнительно немногочисленной группе мятежных клириков и мирян, заявивших о выходе из ведения Московского Патриархата в зарубежную «юрисдикцию». По долгу пастырской совести мы вынуждены охарактеризовать их состояние как нахождение в духовной прелести. Мы также не исключаем, что в процессе очищения рядов служителей нашей Церкви от скомпрометировавших себя лиц среди них также найдутся желающие перейти в Зарубежную Церковь. История расколов XX века в Русской Церкви свидетельствует о подобной тенденции.

Теперь остановимся на одной мысли «Положения», которая дает нам повод говорить о Русской Зарубежной Церкви с канонической точки зрения. Так, его авторы предписывают своим приверженцам в нашей стране руководствоваться «постановлениями Русской Православной Церкви до Декларации Митрополита Сергия в 1927 году». Но в таком случае Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей должен был бы прекратить свое существование в соответствии с Указом святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России, Священного Синода и Высшего Церковного Совета Русской Православной Церкви от 23 апреля/5 мая 1922 года, которым за самочиние, выразившееся в делании политических заявлений от имени всей Полноты Русской Церкви, упразднилось Высшее Церковное Управление за границей, от коего имеет преемство нынешний зарубежный Синод. Свое осуждение чуждой природе Церкви

JUN 25 1991 *530

45

ВОЗЗВАНИЕ АРХИРЕЙСКОГО СОБОРА / 9 /

деятельности этого Синода святой Тихон высказал также в своем предсмертном воззвании от 25 марта / 7 апреля 1925 года, угрожая его участникам в случае упрямства судом Собора.

Однако Церковь-Мать долго проявляла снисхождение к своим заблудшим сынам, несмотря на то что в тяжкие годы гонений их безответственное поведение углубляло ее раны и увеличивало ее мучения. И сейчас мы по-прежнему готовы все понять и все простить. Даже несмотря на то, что руководство Русской Зарубежной Церкви усилило существующее разделение, образуя параллельную иерархическую структуру и способствуя созданию своих приходов на канонической территории Московского Патриархата, мы вновь протягиваем им руку, призывая к открытому и честному диалогу по всем вопросам, вызывающим разногласия между нами. В связи с этим мы готовы к проведению в Москве или в любом другом месте широкой дискуссии (в рамках научно-церковной конференции или иным образом) по всем вопросам жизни нашей Русской Православной Церкви в текущем столетии, и особенно в связи с Декларацией 1927 года.

Такая позиция не является результатом нашей слабости. Она есть выражение нашей ответственности пред Господом Богом за вверенное нам словесное стадо. Ибо только врагам нашей Церкви и Святого Православия были бы на руку наши разделения.

Поэтому в этот исторический час, когда решаются судьбы нашей многострадальной Родины, мы призываем всех наших православных соотечественников, во Отечестве и в рассеянии сущих, искать мира и любви между собой, оставив в стороне все то, что не может, а следовательно, и не должно служить причиной разделения у исповедующих одну спасительную правую веру. Конечно, в нашей церковной жизни могут встречаться и разномыслия, и соблазны, и поводы для огорчений, но они не должны смущать истинных церковных чад, верящих в конечную всепобеждающую силу Христовой правды и своим смиренным деланием приближающих ее торжество.

Сейчас, как и прежде, актуально звучат слова святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, сказанные им незадолго до его отшествия ко Господу: «Небоязненно взирая на грядущие пути Святого Православия, мы призываем вас, возлюбленные чада наши: делайте дело Божие, да ничтоже успеют сыны беззакония».

Благодать вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа и Святого Духа. Аминь.

JUN 25 1991 * 5 30 47
 DAY MONTH YEAR

1991 • 2

**ЖУРНАЛ
 МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ**

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит еженедельно на русском и английском языках
 Адрес редакции: 119435 Москва, Пискаревский ул. 20

Главный редактор
 Председатель
 Издательского Совета
 Московского Патриархата
 МИТРОПОЛИТ
 ВЛАДИСЛАВСКИЙ
 И ЮРЬЕВЫЙ
 ПАТРИКИЙ

Составительский Совет
 Издательского
 К. М. КОМАРОВ

Документы Архиерейского Собора Русской Православной Церкви

Москва, Свято-Данилов монастырь,
 25—27 октября 1990 года

Определение об Украинской Православной Церкви

Архиерейский Собор под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия в составе 91 иерарха (6 отсутствовали по болезни), рассмотрел и всесторонне обсудил Обращение Украинской Православной Церкви о предоставлении ей независимости и самостоятельности в управлении.

Священный Синод Русской Православной Церкви в своем заседании 20 июля 1990 года (журнал № 112) ознакомился с Постановлением Синода Украинской Православной Церкви от 10 июля 1990 года о мерах, направленных на расширение ее самостоятельности, принятых в духе Определений Поместного Собора Русской Православной Церкви 7—8 июня 1990 года, и имел соответствующее суждение.

Принимая во внимание принципиальную значимость упомянутых постановлений Синода Украинской Православной Церкви для будущего церковной жизни на Украине, Священный Синод постановил: рассмотреть их на внеочередном Архиерейском Соборе 25—27 октября 1990 года.

Для подготовки Архиерейского Собора Священным Синодом тогда была же образована Комиссия под председательством Преосвященного митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Комиссии поручалось тщательно изучить предложения Синода Украинской Православной Церкви в их связи с широким кругом исторических, канонических, пастырских и межнациональных проблем, при решении которых надлежит иметь в виду каноническое претворение в жизнь Определений Поместного Собора Русской Православной Церкви от 7—8 июня 1990 года, касающихся Украинской Православной Церкви.

1 октября 1990 года (журнал № 116) Священный Синод одобрил деятельность вышеозначенной Комиссии.

Материалы и предложения по данному вопросу были направлены всем Преосвященным Русской Православной Церкви и вынесены на обсуждение и утверждение настоящего Архиерейского Собора.

Тщательно изучив и всесторонне обсудив просьбу Синода и епископата Украинской Православной Церкви, Архиерейский Собор определяет:

1. Украинской Православной Церкви предоставляется независимость и самостоятельность в ее управлении.
2. В связи с этим наименование «Украинский Экзархат» упраздняется.
3. Предстоятель Украинской Православной Церкви избирается украинским епископатом и благословляется Святейшим Патриархом Московским и всея Руси.
4. Предстоятель Украинской Православной Церкви носит титул «Митрополит Киевский и всея Украины».
5. Митрополиту Киевскому и всея Украины, в пределах Украинской Православной Церкви усваивается титул «Блаженнейший».
6. Митрополит Киевский и всея Украины имеет право ношения двух панагий и предношение креста во время богослужения.
7. Синод Украинской Православной Церкви избирает и поставляет правящих и викарных архиереев, учреждает и упраздняет епархии в пределах Украины.
8. Митрополит Киевский и всея Украины, как Предстоятель Украинской Православной Церкви, является постоянным членом Священного Синода Русской Православной Церкви.
9. Настоящее Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви подлежит утверждению Поместным Собором Русской Православной Церкви с внесением соответствующих изменений в Устав об управлении Русской Православной Церкви.

ГРАМОТА АЛЕКСИЯ ВТОРОГО, Божиею милостию Патриарха Московского и всея Руси, митрополиту Киевскому и всея Украины ФИЛАРЕТУ

Мы, смиренный Алексей II, Божиею милостию Патриарх Московский и всея Руси, купно со всеми Преосвященными архиереями Русской Православной Церкви — Московского Патриархата, собравшимися на Архиерейский Собор 25—27 октября 1990 года в Свято-Даниловом монастыре в Богоспасаемом граде Москве, руководствуясь стремлением иметь благословенный мир, богозаветную любовь Христову и братское единение в общем делании на ниве Божией со всей Полнотой Украинской Православной Церкви, во внимание к желанию и ходатайству ея Преосвященных архипастырей, собравшихся 9 июля сего, 1990 года в Богоспасаемом граде Киеве для обсуждения и решения их церковной жизни на началах независимости и самостоятельности,

— благословляем через настоящую Грамоту нашу силою Всесвятого и Животворящего Духа быть отныне Православной Украинской Церкви независимой и самостоятельной в своем управлении, а Вам, единогласно избранному 9 июля 1990 года епископатом Украинской Православной Церкви, — ее Предстоятелем. Мы уповаем, что Украинская Православная Церковь будет управляться согласно Божественным и священным канонам и унаследованным от святых отцов обычаям Кафолической Православной Церкви и определениями сего Архиерейского Собора. Мы единым сердцем и едиными устами молим Пастыреначальника Господа о ниспослании небесной помощи и благословения Святой Православной Украинской Церкви.

Украинская Православная Церковь, соединенная через нашу Русскую Православную Церковь с Единой Святой Соборной и Апостольской Церковью, без соборного решения всей Православной Кафолической Полноты да не изменяет у себя ничего, что касается догматов веры и святых канонов.

Соделательная и Вседержительная Живоначальная Троица. Отец, Сын и Святой Дух — да укрепляет всегда Святую Православную Украинскую Церковь, да венчает ее славою и честию и да благословляет ее бытие на спасение благочестивой Полноты ея.

Подписано в граде Москве 1990 года, октября 27 дня

АЛЕКСИЙ, Патриарх Московский и всея Руси

28 октября, в воскресенье, за Божественной литургией в древнем соборе Святой Софии в Киеве Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II вручил Грамоту митрополиту Киевскому и всея Украины Филарету.

Закон Союза Советских Социалистических Республик

О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Глава I

Общие положения

Статья 1. Задать вопрос

Настоящий закон гарантирует права граждан на определение и выражение своего отношения к религии, на соответствующие этому убеждения, на беспрепятственное исповедание религии и исполнение религиозных обрядов, а также социальную справедливость и равенство, защиту прав и интересов граждан независимо от отношения к религии и регулирует отношения, связанные с деятельностью религиозных организаций.

Статья 2. Законодательство о свободе совести и религиозных организациях

Законодательство о свободе совести и религиозных организациях состоит из настоящего закона, устанавливающего в соответствии с Конституцией СССР основные гарантии свободы совести, и издаваемых в соответствии с ним законов Союза ССР, союзных и автономных республик.

Статья 3. Право на свободу совести

В соответствии с правом на свободу совести каждый гражданин самостоятельно определяет свое отношение к религии, вправе единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии.

Родители или лица, их заменяющие, во взаимном согласии вправе воспитывать своих детей в соответствии со своим собственным отношением к религии.

Не допускается какое-либо принуждение при определении гражданином своего отношения к религии, к исповеданию или к отказу от исповедания религии, к участию или неучастию в богослужениях, религиозных обрядах и церемониях, в обучении религии.

Осуществление свободы исповедовать религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые необходимы для охраны общественной безопасности и порядка, жизни, здоровья и морали, а также прав и свобод других граждан, установленные законом и совместимые с международными обязательствами СССР.

Статья 4. Равноправие граждан независимо от их отношения к религии

Граждане СССР равны перед законом во всех областях гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни независимо от отношения к религии. Указание в официальных документах на отношение гражданина к религии не допускается, кроме случаев, когда этого желает сам гражданин.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав и установление каких-либо преимуществ граждан в зависимости от их отношения к религии, равно как возбуждение связанных с этим вражды и ненависти либо оскорбление чувств граждан влекут ответственность, установленную законом.

Никто не может по мотивам своих религиозных убеждений уклоняться от исполнения установленных законом обязанностей. Замена исполнения одной обязанности на другую по мотивам

религиозных убеждений допускается лишь в случаях, предусмотренных законодательством СССР.

Статья 5. Отделение церкви (религиозных организаций) от государства

Все религии и вероисповедания равны перед законом. Установление каких-либо преимуществ или ограничений одной религии или вероисповедания по отношению к другим не допускается.

Государство не возлагает на религиозные организации выполнение каких-либо государственных функций, не вмешивается в деятельность религиозных организаций, если она не противоречит законодательству. Государство не финансирует деятельность религиозных организаций и деятельность по пропаганде атеизма.

Не допускаются ограничения на ведение научных исследований, в том числе финансируемых государством, пропаганду их результатов либо включение их в общеобразовательные программы по признаку их соответствия или несоответствия положениям какой-либо из религий или атеизма.

Религиозные организации не выполняют государственных функций.

Религиозные организации вправе участвовать в общественной жизни, а также использовать наравне с общественными объединениями средства массовой информации.

Религиозные организации не участвуют в деятельности политических партий и не оказывают политической партиям финансовой поддержки. Служители религиозных организаций имеют право на участие в политической жизни наравне со всеми гражданами.

Религиозные организации обязаны соблюдать требования действующего законодательства и правопорядок.

Государство способствует установлению отношений взаимной терпимости и уважения между гражданами, исповедующими религию и не исповедующими ее, между религиозными организациями различных вероисповеданий, а также между их последователями.

Статья 6. Отделение школы от церкви (религиозных организаций)

Государственная система образования в СССР отделена от церкви и носит светский характер. Доступ к различным видам и уровням образования предоставляется гражданам независимо от их отношения к религии.

Граждане могут обучаться религиозному вероучению и получать религиозное образование на языке по своему выбору индивидуально или совместно с другими.

Религиозные организации, имеющие зарегистрированные в установленном порядке уставы (положения), вправе в соответствии со своими установлениями создавать для религиозного образования детей и взрослых учебные заведения и группы, а также проводить обучение в иных формах, используя для этого принадлежащие им в пользование помещения.

ЗАКОН О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ (2)

Глава II.

Религиозные организации в СССР

Статья 7. Религиозные организации

Религиозными организациями в СССР являются религиозные общества, управления и центры, монастыри, религиозные братства, миссионерские общества (миссии), духовные учебные заведения, а также объединения,

состоящие из религиозных организаций. Религиозные объединения представляются своими центрами (управлениями).

Религиозные организации в СССР образуются с целью удовлетворения религиозных потребностей граждан по исповеданию и распространению веры и действуют в соответствии со своей

собственной структурой, выбирают, назначают и заменяют свой персонал согласно своим уставам (положениям).

Статья 8. Религиозное общество

Религиозное общество образуется гражданами в целях совместного исповедания веры и удовлетворения иных религиозных потребностей и действует на добровольных началах.

Уведомление государственных органов об образовании религиозного общества не является обязательным.

Статья 9. Религиозные управления, центры и объединения

Религиозные управления, центры и объединения действуют на основании своих уставов (положений), поскольку они не противоречат действующему законодательству.

Религиозные организации в СССР, имеющие руководящие центры за рубежом, могут руководствоваться в своей деятельности их уставами (положениями), если при этом не нарушается советское законодательство.

Отношения государства с религиозными управлениями, центрами и объединениями, в том числе и зарубежными, не урегулированные законом, разрешаются в соответствии с договоренностями между ними и государственными органами.

Статья 10. Монастыри, братства и миссии

Религиозные управления и центры вправе в соответствии со своими зарегистрированными уставами (положениями) основывать монастыри, религиозные

братства и миссионерские организации (миссии), которые действуют на основании своих уставов (положений), регистрируемых в установленном законом порядке.

Монастыри и религиозные братства могут быть образованы также в порядке, предусмотренном настоящим законом для образования религиозных обществ, с регистрацией их уставов (положений).

Статья 11. Духовные учебные заведения

Религиозные управления и центры в соответствии со своими зарегистрированными уставами (положениями) вправе создавать духовные учебные заведения для подготовки священнослужителей и служителей иных необходимых религиозных специальностей. Духовные учебные заведения действуют на основании своих уставов (положений), регистрируемых в установленном законом порядке.

Граждане, обучающиеся в отечественных высших и средних духовных учебных заведениях, пользуются в порядке, установленном для учащихся государственных учебных заведений, правами и льготами по отсрочке прохождения военной службы, налогообложению, включению времени обучения в трудовой стаж.

Статья 12. Уставы религиозных организаций

Устав (положение) религиозной организации, в соответствии с гражданским законодательством определяющий ее правоспособность, подлежит регистрации в порядке, установленном законом. Этот устав содержит сведения о виде и местонахождении религиозной организации, ее вероисповедной принадлежности, о месте в организационной структуре религиозного объединения, об имущественном положении, о правах по учреждению предприятий и средств массовой информации, основанию других религиозных организаций, созданию учебных заведений и об иных полномочиях, о порядке решения имущественных и других вопросов в случае прекращения ее деятельности, а также иные положения, связанные с особенностями деятельности данной организации.

Уставы (положения) или иные документы, определяющие вероучительную сторону деятельности, решающие прочие внутренние вопросы религиозной орга-

низации, не подлежат регистрации в государственных органах. Государство принимает и следит за исполнением внутренних уставов религиозных организаций, если они представлены в соответствующие государственные органы и поскольку они не противоречат действующему законодательству.

Статья 13. Религиозные организации — юридические лица

Религиозные организации признаются юридическими лицами с момента регистрации их уставов (положений).

Религиозные организации как юридические лица пользуются правами и несут обязанности в соответствии с законодательством и своими уставами (положениями).

Статья 14. Регистрация уставов религиозных организаций

Для получения правоспособности юридического лица религиозным обществом образовавшие его граждане, достигшие восемнадцатилетнего возраста, в количестве не менее десяти человек подают заявление с приложением устава (положения) в исполнительный комитет районного (городского) Совета народных депутатов по месту предполагаемой деятельности общества. В случае, если религиозное общество принадлежит к какой-либо религиозной организации, это указывается в уставе и подтверждается соответствующим религиозным управлением или центром. Исполнительный комитет рассматривает заявление в месячный срок и принимает соответствующее решение.

При отсутствии подтверждения, указанного в части первой настоящей статьи, исполнительный комитет местного Совета народных депутатов вправе запросить дополнительные материалы и получить заключение специалистов. В этом случае решение принимается в трехмесячный срок.

Религиозные объединения, а также центры, управления, монастыри, религиозные братства, миссии, духовные учебные заведения, создаваемые религиозными организациями, представляют на регистрацию устав (положение), принятый этими организациями, в исполнительный комитет районного (городского) Совета народных депутатов по месту своего расположения. Исполнительный комитет принимает решение о регистрации устава в месячный срок.

Законодательством союзных и автономных республик может быть установлен иной порядок регистрации уставов (положений) религиозных организаций.

Статья 15. Отказ в регистрации устава религиозной организации

Решение об отказе в регистрации устава (положения) религиозного общества или религиозной организации направляется заявителю в письменной форме с указанием оснований отказа. Это решение или превышение установленного настоящим законом срока принятия решения могут быть обжалованы в суд в порядке, установленном для обжалования неправомочных действий органов государственного управления и должностных лиц, осуществляющих права граждан.

Статья 16. Прекращение деятельности религиозных организаций

Деятельность религиозных организаций может быть прекращена лишь при их ликвидации в соответствии с их собственными установлениями или при нарушении положений настоящего закона, других законов Союза ССР, союзных и автономных республик.

Решение о прекращении деятельности религиозной организации принимается органом, зарегистрировавшим ее устав (положение). Это решение может быть обжаловано в суд в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством.

blue-red

ЗАКОН О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ (3)

Глава III.

Имущественное положение религиозных организаций

Статья 17. Пользование имуществом, являющимся собственностью государства, общественных организаций или граждан

Религиозные организации вправе использовать для своих нужд здания и имущество, предоставляемые им на договорных началах государственным, общественными организациями или гражданами.

Районные Советы народных депутатов и государственные органы могут передавать религиозным организациям в собственность или в безвозмездное пользование культовые здания и иное имущество, находящиеся в собственности государства.

Религиозные организации имеют преимущественное право на передачу им культовых зданий с прилегающей территорией.

Решения по вопросу о передаче религиозным организациям культовых зданий и имущества должны приниматься не позднее чем в месячный срок с момента получения соответствующего ходатайства, с одновременным сообщением об этом в письменном виде заявителям.

Передача религиозным организациям и использование ими объектов и предметов, являющихся памятниками истории и культуры, осуществляются в соответствии с законодательством.

Владение и пользование земель религиозные организации осуществляют в порядке, установленном законодательством.

Статья 18. Собственность религиозных организаций

В собственности религиозных организаций могут находиться здания, предметы культа, объекты производственного, социального и благотворительного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для обеспечения их деятельности.

Религиозные организации имеют право собственности на имущество, приобретенное или созданное ими за счет собственных средств, пожертвованное гражданами, организациями или переданное государством, а равно приобретенное по другим основаниям, предусмотренным законодательством.

В собственности религиозных

организаций может быть также имущество, находящееся за границей.

Религиозные организации вправе обращаться за добровольными финансовыми и другими пожертвованиями и получать их.

Финансовые и имущественные пожертвования, а равно иные доходы религиозных организаций налогами не облагаются.

Право собственности религиозных организаций охраняется законом.

Статья 19. Производственная и хозяйственная деятельность религиозных организаций

Религиозные организации вправе в соответствии с законодательством и своими уставами (положениями) учреждать издательские, полиграфические, производственные, реставрационно-строительные, сельскохозяйственные и другие предприятия, а также благотворительные заведения (приюты, интернаты, больницы и другие), обладающие правами юридического лица.

Прибыль от производственной деятельности и иные доходы предприятий религиозных организаций облагаются налогами в соответствии с законодательством в порядке и размерах, установленных для предприятий общественных организаций.

Статья 20. Распоряжение имуществом религиозных организаций, прекративших свою деятельность

После прекращения деятельности религиозных организаций имущество, предоставленное им в пользование государственной, общественной организацией или гражданами, возвращается его прежнему владельцу.

При прекращении деятельности религиозной организации распоряжение находившимся в ее собственности имуществом осуществляется в соответствии с ее уставом (положением) и действующим законодательством.

На имущество культового назначения, принадлежащее религиозным организациям, не может быть обращено взыскание по претензиям кредиторов.

При отсутствии распоряжений имущество передается в собственность государства.

ЗАКОН О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ (4)

Глава IV.

Права религиозных организаций и граждан,
связанные со свободой вероисповедания

Статья 21. Религиозные обряды и церемонии

Религиозные организации имеют право основывать и содержать свободно доступные места богослужений или религиозных собраний, а также места, почтаемые в той или иной религии (места паломничества).

Богослужения, религиозные обряды и церемонии беспрепятственно проводятся в молитвенных зданиях и на принадлежащей им территории, в местах паломничества, в учреждениях религиозных организаций, на кладбищах и в крематориях, в квартирах и домах граждан.

Командование воинских частей не препятствует участию в богослужениях и выполнению религиозных обрядов военнослужащими в их свободное время.

Богослужения и религиозные обряды в больницах, госпиталях, в домах для престарелых и инвалидов, в местах предварительного заключения и отбывания наказания проводятся по просьбам находящихся в них граждан. Администрация этих учреждений оказывает содействие в приглашении священнослужителей, принимает участие в определении времени и других условий проведения богослужения, обряда или церемонии.

В иных случаях публичные богослужения, религиозные об-

ряды и церемонии осуществляются в порядке, установленном для проведения собраний, митингов, демонстраций и шествий.

Религиозные организации вправе обращаться с предложениями о проведении богослужений и гражданам, находящимся в больницах, госпиталях, домах престарелых и инвалидов, в местах лишения свободы.

Статья 22. Религиозная литература и предметы религиозного назначения

Граждане и религиозные организации вправе приобретать и использовать религиозную литературу на языке по своему выбору, а равно другие предметы и материалы религиозного назначения.

Религиозные организации вправе производить, экспортировать, импортировать и распространять предметы религиозного назначения, религиозную литературу и иные информационные материалы религиозного содержания.

Религиозные организации пользуются исключительным правом учреждения предприятий по выпуску богослужбной литературы и производству предметов религиозного назначения.

Статья 23. Благотворительная и культурно-просветительская деятельность религиозных организаций

При религиозных организациях могут создаваться общества, братства, ассоциации и другие объединения граждан, образующиеся для благотворительности, изучения и распространения религиозной литературы и иной культурно-просветительской деятельности. Они могут иметь собственные уставы, регистрируемые в порядке, установленном для общественных объединений.

Религиозные организации вправе осуществлять благотворительную деятельность и милосердие как самостоятельно, так и через общественные фонды.

Пожертвования и отчисления на эти цели исчисляются из

сумм, подлежащих налогообложению.

Статья 24. Международные связи и контакты верующих в религиозных организациях

Граждане и религиозные организации вправе на групповой или индивидуальной основе устанавливать и поддерживать международные связи и прямые личные контакты, включая выезды за границу для паломничества, участия в собраниях и других религиозных мероприятиях.

Религиозные организации могут направлять граждан за границу для обучения в духовных учебных заведениях и принимать в этих целях иностранных граждан.

ЗАКОН О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ (5)

Глава V.

Трудовая деятельность в религиозных организациях и на их предприятиях

Статья 25. Трудовые правоотношения в религиозных организациях

Религиозная организация вправе принимать на работу граждан.

Условия труда устанавливаются по соглашению между религиозной организацией и работником и указываются в трудовом договоре, который заключается в письменной форме.

Религиозная организация обязана в установленном порядке зарегистрировать трудовой договор.

В том же порядке регистрируются документы, определяющие условия оплаты священнослужителей.

Граждане, работающие в религиозной организации по трудовому договору, могут быть членами профсоюза.

Статья 26. Трудовые права граждан, работающих в религиозных организациях

На граждан, работающих в религиозных организациях по трудовому договору, распространяется законодательство о труде наравне с рабочими и служащими государственных и общественных предприятий, учреждений и организаций.

Налогообложение доходов от работы в религиозных организациях, получаемых гражданами, включая священнослужителей, осуществляется по ставкам, установленным для рабочих и служащих государственных предприятий, учреждений и организаций.

Статья 27. Трудовые правоотношения граждан на предприятиях и в учреждениях религиозных организаций

На граждан, работающих на всех предприятиях, учреждениях религиозных организаций, а также в созданных ими благотворительных заведениях, распространяются законодательство о труде, порядок налогообложения, социального страхования и социального обеспечения рабочих и служащих государственных и общественных предприятий, учреждений и организаций.

Статья 28. Социальное обеспечение и социальное страхование граждан, работающих в религиозных организациях

Граждане, работающие в религиозных организациях, включая священнослужителей, подлежат социальному обеспечению и социальному страхованию наравне с рабочими и служащими государственных и общественных предприятий, учреждений и организаций.

В этих целях религиозные организации, их предприятия и заведения вносят в Фонд государственного социального страхования и Пенсионный фонд СССР отчисления в порядке и размерах, устанавливаемых для общественных организаций, их предприятий и учреждений. Всем гражданам, работающим в религиозных организациях, государственная пенсия назначается и выплачивается на общих основаниях в соответствии с законодательством.

ЗАКОН О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ (6)

Глава VI.

Государственные органы и религиозные организации

Статья 29. Государственные органы по делам религий

Государственный орган СССР по делам религий является информационным, консультативным и экспертным центром. В этом качестве он:

осуществляет контакты и координационные связи с аналогичными учреждениями в союзных и автономных республиках и за границей;

создает банк данных о религиозных организациях в СССР и по исполнению законодательства о свободе совести и религиозных организациях;

создает экспертный совет религиоведов, представителей религиозных организаций и специалистов по проблемам прав человека для проведения религиоведческой экспертизы и дает в необходимых случаях официальное экспертное заключение по запросам органов государственного управления и суда;

оказывает по просьбе религиозных организаций содействие в достижении договоренностей с государственными органами и необходимую помощь по вопросам, требующим решения государственных органов;

способствует укреплению взаимопонимания и терпимости

между религиозными организациями различных вероисповеданий внутри страны и за границей.

Государственный орган СССР по делам религий образует Советом Министров СССР.

Государственные органы по делам религий союзных и автономных республик образуются и действуют в соответствии с законодательством Союза ССР, союзных и автономных республик.

Статья 30. Ответственность за нарушение законодательства о свободе совести и религиозных организациях

Должностные лица и граждане, виновные в нарушении законодательства о свободе совести и религиозных организациях, несут ответственность, установленную законодательством Союза ССР, союзных и автономных республик.

Статья 31. Международные договоры

Если международным договором, в котором участвует СССР, установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законодательстве о свободе совести и религиозных организациях, то применяются правила международного договора.

Президент Союза Советских Социалистических Республик
М. ГОРБАЧЕВ.

Москва, Кремль. 1 октября 1990 г.

- 84 -

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

№ 38, 23 сент. 1990 г. стр. 2

УССУРИЙСК

И ХРАМЫ МЕНЯЮТ НАЧАЛЬСТВО

Церковно-приходское собрание Свято-Покровского храма единогласно решило выйти из-под юрисдикции Московского патриархата и войти в состав Русской православной церкви за границей, духовно-административный центр которой находится в Нью-Йорке.

— Разрыв произошел из-за поведения епископа Гавриила, — сообщил настоятель храма игумен Иннокентий. — Без нашего согласия он обложил храм непомерным налогом в 80 тысяч рублей в год. Особенно ощутимо это сейчас,

когда мы ведем реставрационные работы. Кроме того, епископ бывает очень груб к духовенству и прихожанам, что вызывает обиды и горечь в сердцах верующих людей. Но не только из-за личных качеств Гавриила мы решились на такой отчаянный шаг. Многие факты свидетельствуют о несоборности в бывшей нашей патриархии, в частности то, как у нас в епархии проводилась подготовка к Поместному собору Русской православной церкви, который состоялся в июне в Москве.

— — — СП

Суетна не вера, суетны отдельные люди, ее исповедующие.

ЭТО ИХ МОЛИТВАМИ ПРАВОСЛАВИЕ КОГДА-ТО СТАЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕЛИГИЕЙ

1 марта 1991 г. ● Знамя юности ● 3 стр.

ПО ПОРЯДКУ НОМЕРОВ ОКРЕ-Е-СТИСЬ!

НА СЦЕНАХ, бывших прежде площадками для выступлений артистов и лекторов общества «Знание», самозабвенно поют свои мантры кришнаиты. В залах, где раньше проводились партийные собрания, сегодня идут богослужения евангелистов. В бывшем Доме кинематографистов собираются католики. Бьют колокола православного кафедрального собора, что на площади Свободы в Минске. Поблизости, где-то в переулках за Свислочью, говорят, действует синагога. А не в таком уж дальнем Ивье муэдзин созывает на молитву мусульман. Нет, до того, чтобы вернуть во все анкеты графу «вероисповедание», еще далеко, но... О своей приверженности к вере все чаще заявляют люди, судьба которых в атеистическом прошлом вроде бы складывалась неплохо. И в рейтинге доверия к различным общественным институтам церковь набирает все больше очков.

Впрочем, что мне, воспитанной в атеистическом духе, за дело до всех этих религиозных событий? Но нечто большее, чем простое любопытство, толкает к дверям храмов, заставляет разглядывать тусклые лица икон и просветленные лица молящихся.

Кто они, люди, слушающие священника? Почему-то в уме всплывают строчки Блока. Помните: «Грешить бесстыдно, непробудно, Счет потерять дням и ночам. И, с головой от хмеля трудной, Пройти стороной в божий храм...»

Но храм — не то и храм, чтобы отрешиться в нем от суеты. Здесь думают о людях — святых и грешниках, ушедших из жизни. Здесь ставят свечи «за здоровье» близких. Здесь, погружаясь в молитву, пытаются ощутить единство с Богом — символом всего лучшего, что есть в человеческом духе. Здесь называют друг друга братьями и сестрами и творят милосердие. Так было тысячу лет назад, так есть сегодня, так будет завтра и послезавтра.

«Покрестись, — советуют мне друзья, никогда не отличавшиеся религиозным фанатизмом. — На всякий случай. Не бойся, теперь ведь свобода совести».

Креститься не спешу. Именно потому, что свобода совести и, по идее, можно сознательно выбрать себе веру. А для сознательности нужны знания, которых у меня, к сожалению, нет. Из школьных атеистических бесед и институтского курса истории религиозных и атеистических учений (бывшего научного атеизма) в памяти обо всех мировых религиях остались только какие-то смутные обрывки информации. «Нет бога кроме Аллаха, и Магомет — пророк его», пятикратная молитва каждый день и священная война — газават — вот все, что запомнилось из вероучения и культа ислама. О буддистах и говорить нечего: они проповедуют полное бездействие, уходят от жгучих проблем современности. Что же касается христианства, то и его «подвиги» всем извест-

ны: крестовые походы и инквизиция. Как говорится, все религии хороши, выбирай на вкус. А ведь есть еще иудаизм, брахманизм, даосизм и множество других вер, о которых я не знаю вообще ничего.

Сегодняшним первоклашкам выбирать веру будет легче. Собственно, выбор уже сделали за них, пригласив во многие школы священников — для еженедельных проповедей или ведения уроков закона Божьего. Естественно, в школы пришли исключительно христианские проповедники — других в Белоруссии просто трудно найти. А уж в нюансах — какую ветвь христианства, православную, католическую или протестантскую, представляет приглашенный миссионер — никто особо не разбирается: главное, что удалось пригласить хоть кого-то.

Христианская церковь выходит в большой свет. Священников показывают по телевизору и приглашают на открытие выставок, духовная музыка звучит в эфире. И, оставив храмы, священнослужители приобретают все черты светских людей.

Однажды мне пришлось писать о вечере духовной поэзии и музыки. Рассказывая о нем, я не назвала главных организаторов вечера — одну очень солидную общественно-религиозную организацию. Вышел материал в свет — и в тот же день явился в редакцию представитель организации: дескать, почему газета их вниманием обошла?! Вот вам — и Христова заповедь: «Не тво-

рите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас». Вспоминается еще один случай: накануне празднования Дней славянской письменности и культуры Министерство культуры решило пригласить в Минск хор московских священнослужителей. Однако святые отцы такую цену заломили за выступления, что пришлось министерству отказаться от своих намерений. Вот вам и: «Не собирай себе сокровищ на земле»...

Понимаю: суетна не вера, суетны отдельные люди, ее исповедующие. Это их молитвами православие когда-то стало государственной религией. Не дай Бог, такое повторится и место замполитов в армии займут полковые священники, и вместо завучей по внеклассной работе в школах появятся попы. Свобода совести умрет, не успев родиться. Дорога к Богу — одинокий и трудный путь, по нему не ходят толпами. И для истинных вероучителей, на встречу с которыми я надеюсь, духовное просветление каждого из прихожан, наверное, во много раз дороже размаха «религиозно-просветительской работы».

Я еще не решила, нужны ли мне церковные обряды или достаточно научиться строить царство духа внутри себя. Хочу быть уверенной в одном: мой выбор будет только моим, независимым от моды на то или иное вероучение.

А пока дорога к Храму не найдена, я читаю Библию (не Коран и не Веды — просто потому, что в Минске их гораздо труднее достать). Открываю Евангелие от Матфея, и натыкаюсь на давно знакомые строки: «И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Эта заповедь — не для шумных проповедей и выступлений со сцены. Она — для меня.

Марина КУНОВСКАЯ.

ВИ

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПРОЗРЕНИЕ СТРАШНО СВОЕЙ ОЧАРОВАТЕЛЬНОЙ ЛЕГКОСТЬЮ

"ОГОНЕК" №12/91 с.19

ОСТАТКИ ЧЕЛОВЕКА

от и приехали, доползли и замерли у московского асфальта вагоны с зеленой текущей наледью на крышах, свечи вздрогнули в руках, скопился народ, колени коснулись земли — из Петрограда, через столицу и дальше, в Саровскую пустынь в шестидесяти верстах от Арзамаса возвращаются останки Прохора Мошнина — Серафима, Саровского чудотворца, заступника православия земли русской, наставника монахов и собеседника ангелов. Повторилось торжество веры. Во времена оскудения благочестия и расшатывания умов. Честные мощи опять открыты для всенародного поклонения.

«Моли спастися нам».

Ну, конечно, в первый раз, в 1903-м, это было совсем по-другому. Комиссия Св. Синода собрала случаи чудесного исцеления представителей народа, и сам Св. Синод решил: открыть многочисленные мощи. Десятки тысяч бого-

мольцев, неописуемое «ура» многотысячной толпы, прибыл царь Николай II, из-под мраморных плит, из дубового гроба-колоды — в кипарисовый гроб; благоухание, исходящее от святых мощей, на золотом блюде — ключ, которым заперт гроб; зубы, выбитые у преподобного разбойниками; покров из зеленого бархата с золотым позументом, шитье шелками и золотом.

И твердая как алмаз вера не срамила себя — хромой сжигал костыли, без которых — ни шагу двенадцать лет, и это подтверждали дежурные офицеры и свидетели из народа; окунались в целебный источник и прикладывались к мощам бесноватые, немощные, истеричные, бесплодные, мучимые лихорадкой, падучей, лишаем, грыжей, слепые от контузии в голову в турецкой кампании...

А государю Серафим оставил письмо. Царь читал его через семьдесят лет после кончины преподобного. Прочел и, говорят, горько так заплакал. Письмо спрятали в архивах полиции.

Серафим вообще был прозорлив. 14 декабря 1825 года кричал: «Драка! Драка! В Петербурге бунт противу государя». Что соответствовало действительности.

Но в 1903-м все было отраднo. Незрячая вдова-казачка Анна Иолева! И вдруг с глаз ея, как чешуя, спадает слепота!

И снова для нее светел Божий мир. А для нас?

Нет, это понятно, что Государственный музей истории религии Министерства культуры РСФСР откопал, передал, что знамение примирения и надежды и все такое... Но почему нам так не хочется выпустить мощи святые из собственных рук и мы норовим спешно переметнуться в редкие ряды принимающих мощи — кротких, верующих — и быть, как прежде, одинаковыми, гуртом? Ведь запели умильно свежиспеченные ревнители веры в телевизорах раньше поминавшие только «богачку», и то по соседству с нецензурными словами; ведь заахали газеты, засюсюкали одинаково слащаво и напыщенно в религиозном рвении; поседевшие с партбилетами в карманах товарищи начали прилюдно божиться и мучиться с цитатами из Библии, борясь со своенравным ударением; в речах писателей империализм и социализм вытеснились Царством Божьим и кознями сатаны — и это коллективное прозрение страшно своей очаровательной легкостью, не прибавивши ни миллиметра морщин, не кольнувшей хоть раз совесть; и атеисты, бессознательные, еще с детсадовских песен и прекрасной «Смерти пионерки», также бессознательно домысля заняты места в первых рядах под крестами венцами и кадилами, оттесняя тех, кого заступники рус-

ской земли не покидали никогда. тех, кому нужны эти мощи, тех, кого защитит преподобный Серафим. Нас он не спасет. Не надо врать.

Зачем задыхаться в счастливом смехе: ах, надо же, сохранились, не сгрызла музейная Жучка, не отправили на мясокостный завод, не надо делать вид, что все вернется, вот только осталось царя выписать — и заживем кучеряво, вперед, православные! То, что осталось, — всего лишь горсть родной земли на братскую могилу, где все, кто сгинул на чужой стороне, навалом и вперемешку. Это всего лишь обгорелый старинный кирпич посреди жестокого пепелища. Он может лечь в основу нового здания, под своды которого войти уже не нам.

Не надо слишком торопиться меняться. Не надо ставить на себе крест. Нам трудно, но в каждом из нас есть остатки человека. Есть алмазная основа, надо наращивать ее, созидать свою душу, думать прежде всего о собственной душе, о человеке, а не цепляться гуляющим репьем за любые шибко и широко шагающие штаны, сдавшись.

Как нам не хватает эти годы людей, которые не стыдятся себя и не боятся признать себя лишними в этом времени! Как страшны те, кто гнется в любую сторону: коммунист, социалист, христианский демократ, антикоммунист, фашист, куда угодно, с кем угодно, бросив все, перечеркнув все прошлое — но лишь бы задница осталась на месте — в кресле! Как нам поразительно не хватает людей, честно говорящих: «Вот до этого предела я могу вас вести. Дальше моя душа не позволяет. Я уйду. Уступаю дорогу тем, кто может». Как мы топчемся на поле одной командой, постоянно меняющей форму, и нами играют низкие страсти, мелочные расчеты, низменные порывы, жалкие умы, позорное высокомерие, жадное властолюбие, призрачная честь, циничная безнравственность, истеричная узколобость, луженые глотки.

У нас почти не осталось святых, которые десятилетия растили себя, чтобы потом совсем немного растить ближних.

А то, что передали верующим мощи преподобного Серафима, — что ж, это прекрасно, кто спорит... Серафим — значит «пламенный», он недвижно выставлял службу, два с лишним года питался травяным отваром; нападали на него разбойники, а потом пожар сжег их дома; злые духи поднимали его в воздух, швыряли оземь; преподобный терпел мороз, дождь, мух, комаров, не топил печку, делился трапезой с медведем, молился близ гроба, не вышел даже к епископу, простоял на камне тысячу дней и ночей; набиралось к нему по пять тыщ посетителей; когда он шел из церкви в келью в ближней пустыни, две версты кругом стоял народ, и он благословлял; основал женский Дивеевский монастырь, спасал сирот, одевал их в брачные одежды чистоты и целомудрия, а они боролись со страстями и шли спасительным путем к вечности; двенадцать раз посещала его наяву Богоматерь, последний раз с двенадцатью девами, св. Иоанном Предтечей и св. Иоанном Богословом. Мантия Царицы небесной при этом была застегнута большой круглой застежкой.

Умер он 73 лет, 5 месяцев, 12 дней от роду, и закончилось его земное странствие. Люди начали хранить останки этого человека.

«Аврора» выстрелила 73 года 5 месяцев назад. Снаряд долетел и разорвался, но это не значит, что мы должны пускать остатки людей в себе по ветру.

Александр ТЕРЕХОВ

ВИ

ны: крестовые походы и инквизиция. Как говорится, все религии хороши, выбирай на вкус. А ведь есть еще иудаизм, брахманизм, даосизм и множество других вер, о которых я не знаю вообще ничего.

Сегодняшним первоклашкой выбирать веру будет легче. Собственно, выбор уже сделали за них, пригласив во многие школы священников — для еженедельных проповедей или ведения уроков закона Божьего. Естественно, в школы пришли исключительно христианские проповедники — других в Белоруссии просто трудно найти. А уж в нюансах — какую ветвь христианства, православную, католическую или протестантскую, представляет приглашенный миссионер — никто особо не разбирается: главное, что удалось пригласить хоть кого-то.

Христианская церковь выходит в большой свет. Священников показывают по телевизору и приглашают на открытие выставок, духовная музыка звучит в эфире. И, оставив храмы, священнослужители приобретают все черты светских людей.

Однажды мне пришлось писать о вечере духовной поэзии и музыки. Рассказывая о нем, я не назвала главных организаторов вечера — одну очень солидную общественно-религиозную организацию. Вышел материал в свет — и в тот же день явился в редакцию представитель организации: дескать, почему газета их вниманием обошла? Вот вам — и Христова заповедь: «Не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас». Вспоминается еще один случай: накануне празднования Дней славянской письменности и культуры Министерство культуры решило пригласить в Минск хор московских священнослужителей. Однако святые отцы такую цену заломили за выступления, что пришлось министерству отказаться от своих намерений. Вот вам и: «Не собирай себе сокровищ на земле»...

Понимаю: суетна не вера, суетны отдельные люди, ее исповедующие. Это их молитвами православие когда-то стало государственной религией. Не дай Бог, такое повторится и место замполитов в армии займут полковые священники, и вместо завучей по внеклассной работе в школах появятся попы. Свобода совести умрет, не успеет родиться. Дорога к Богу — одинокий и трудный путь, по нему не ходят толпами. И для истинных вероучителей, на встречу с которыми я надеюсь, духовное просветление каждого из прихожан, наверно, во много раз дороже размаха «религиозно-просветительской работы».

Я еще не решила, нужны ли мне церковные обряды или достаточно научиться строить царство духа внутри себя. Хочу быть уверенной в одном: мой выбор будет только моим, независимым от моды на то или иное вероучение.

А пока дорога к Храму не найдена, я читаю Библию (не Коран и не Веды — просто потому, что в Минске их гораздо труднее достать). Открываю Евангелие от Матфея, и натыкаюсь на давно знакомые строки: «И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Эта заповедь — не для шумных проповедей и выступлений со сцены. Она — для меня.

Марина КУНОВСКАЯ.

ВИ

КОНЕЦ ВЕКА

БОГ, СТРАХ И СВОБОДА

Денис ДРАГУНСКИЙ

В иных местностях народ не понимает решительно ничего, ни в словах службы церковной, ни даже в «Отче наш». И, однако, во всех этих невоспитанных умах воздвигнут алтарь Неведомому Богу.

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ

Власть коммунистической идеи заканчивает свое существование и как фактор мировой политики, и как индивидуальный духовный опыт сотен миллионов людей. Страх отступает. Наступает свобода. Возвращаемся к Богу. Из тупика парадов, салютов и кумачовых полотнищ вырुливаем на деполитизированный простор, где в синем небе золотятся маковки церквей, и звучит далекий благовест утреннего звона.

Сказывается усталость от бесконечных социальных экспериментов. Поэтому самыми крепкими, самыми притягательными и популярными становятся идеи возвращения к истокам, возрождения реставрации. Не так важно, что именно возрождать, главное — не строить заново, не идти в который раз непроторенным путем. Такое общественное настроение понять легко. Другое дело, что вытасканные из прошлого идеалы — начиная от великой и процветающей Российской им-

перии и кончая «неискаженным» марксизмом-ленинизмом — все это соблазн и миф, точно такой же миф — идиллическое православие, легенда о Святой Руси. Официально-православная Россия не была христианизирована, не была евангелизирована на уровне личного мировоззрения и опыта. Об этом свидетельствовали и Победоносцев, и Розанов, и Соловьев, и даже Чехов: истово верующая Ольга из рассказа «мужики» со слезным умилением произносила непонятные слова дондеже (пока не) и аше (если). В примитивной военной монархии, какой являлась Россия, церковь была гВчреждением, Главным империи и духовный подвиг отдельных ее служителей не меняет дела.

Идея государственного православия сохранилась в исторической памяти современных консерваторов, и вот уже церкви предлагается занять место КПСС в авангарде борьбы за

3921

JAN 14 1991 * 38 50

"ВЕК XX И МИР" №1/1991

светлое будущее (М. Антонов). Слово «духовность» со всевозрастающим церковным наполнением звучит с телевизора и со страниц газет так же часто и в тех же кофтекстах, как рафее — «партийность». Появилось кошмарное сокращение «РПЦ», подверстывающее Русскую Православную Церковь к известному политическому ряду. Мне уже приходилось беседовать с молодыми людьми — слава Богу, несвященнослужителями, а чиновниками — которые сами себя именовали «представителями РПЦ». Свято место пусто не бывает.

Бог — если отвлечься от чисто богословских истолкований — всегда был средоточием высших, непреложных нравственных норм. Но приходится говорить в прошедшем времени — «был». Во всяком случае, таким высшим судьей был скорее «Неведомый Бог» давней российской глухоты, чем утонченный и одновременно очень рациональный и удобный Бог нынешних новокрещенцев. Тех, которые бегут в храм кто с партсобрания, кто из театра-студии, кто с националистического митинга, а кто и с эстрадного концерта, где впервые услышал Имя Божье под аккомпанемент японского синтезатора.

Может ли свобода от аморализма породить мораль? Ведь теперешняя свобода — это, в сущности, Свобода-2, а Свобода-1 уже состоялась в революцию, когда были опрокинуты религиозные нормы, а их место занял сознательный революционный аморализм — подробно разработанная и официально утвержденная доктрина насилия (Ленин, Пятаков, Лавинский и мн. др.).

Нарушилась гармония между Домом и Миром. В здоровой — т.е. в традиционной культуре долг перед государством и долг перед близкими и самим собою согласуются путем личного религиозного опыта. В Боге примиряются страх перед безличным

государственным насилием и желание личной свободы. Свобода, отказавшись от Бога, высвободила страх, уничтоживший ее самое.

Направо пойдешь, налево пойдешь, прямо двинешься... Три дороги, три богатыря, запнувшиеся о камень безложной свободы — Маяковский, Короленко, Горький. Маяковский сказал революционному аморализму безусловное «да», и своим самоубийством напророчил гибель вождей т.н. «ленинской гвардии», изобретателей мясорубки, первыми сгинувших в ее горловине. Короленко сказал столь же безусловное «нет», и беззвучно исчез в голодной Полтаве, оставшись в школьных хрестоматиях автором трогательных и скучноватых «Детей подземелья». Умнее всех оказался Горький. Авансировав свою моральную безупречность перед нынешними строгими судьями с помощью «Несвоевременных мыслей» (как чуть раньше авансировался перед большевиками с помощью романа «Мать») — Горький принялся строить компромисс. Увы! После исторической битвы осталось за ним. Компромисс между людоедской практикой государства и естественным стремлением к мирной домашней жизни создавался по мере того, как расхристаннe бойцы революции заменялись аккуратными чиновниками. Этот компромисс, подменивший былую гармонию Дома и Мира, представлял собой устойчивую смесь, составленную из военно-бюрократических традиций, верности приказу, а иногда и слову, из преданности начальству и узкому кругу близких, а также из своеобразных заменителей честности. Каждый, даже самый жестокий и тупой чиновник, хоть раз да за кого-то заступился, хоть раз да возразил начальнику, и не уставал напоминать об этом блистательном факте. Сюда же обычно прибавлялась и элементарная добродетель в семейной жизни. По

мере ослабления репрессий (1950—70 гг.) сформировался комплекс «лично порядочного человека», с ударением на слове «лично», что подразумевало всеобщую замаранность в непотенных общественных делах. Личные связи между людьми делались тем сильнее и важнее, чем больше ослабевали политические. Страх из недостойного чувства превратился в уважительную причину политического безразличия. «Почему же вы молчали?» — «А мы боялись!»

Но вне политики на «лично порядочного человека» можно было условно рассчитывать. При этом, мера его житейской надежности была прямо пропорциональна степени его консерватизма. Морально растленное общество сковывалось ритуалами «порядочности». Очевидно, здесь мы имеем дело с нравственной ценностью традиции как таковой. Традиция обладает странным свойством уравнивать доброе и злое, сглаживать, примирять противоречия. Отказ от традиции — даже во имя свободы — оборачивается уничтожением норм человеческого общежития, разрушением более или менее приемлемых форм социального поведения. Что за мораль идет на смену революционному аморализму и застойно-консервативному кодексу «личной порядочности»?

В большой политике наши крайние радикалы выдвигают почти исключительно негативные программы, исполненные подросткового разрушительного энтузиазма. Духовная связь с большевиками, постоянно вменяемая радикалам в вину, на самом деле весьма поверхностна. У тех была вполне определенная цель — овладеть громадной страной и править ею к собственной выгоде. Радикалы же стремятся к распаду империи, и к еще более бесчеловечному и бессмысленному разделению людей, чем классовое размежевание.

Казалось бы, классовая борьба — куда уж более! Оказалось, есть — национальная сегрегация... Потоки беженцев, погромы, пограничные войны, ужасающая судьба полукровок — вот реальное содержание радикальных и демократичных словес о свободе, суверенитете народов и избавлении от диктата Центра. Большевики шли на террор сознательно — радикалы же не видят — или не желают видеть — кровь невинных обывателей за увлекательными политическими декларациями.

Весьма отвлеченные соображения радикалов не складываются в сколько-нибудь последовательную (даже аморальную!) систему норм и ценностей. Негативные, разрушительные устремления радикалов порождают не аморализм, как у революционеров — большевиков, а имморализм. Печальный парадокс — взгляды консерватора мне глубоко противны, но он так или иначе морален, и я могу на него по-человечески положиться, или вести с ним адекватный диалог, или, по крайней мере, прогнозировать его действия. Политические воззрения радикала сами по себе и справедливы, и, бывает, даже гуманны, но он имморален, и поэтому на него трудно рассчитывать и в обычной жизни, и даже в собственно политической деятельности.

Об этом же говорят бесконечные расколы, размежевания и взаимные обвинения внутри радикальных движений. Зачем в партии, в депутатской группе — по пять сопредседателей? Сопредседатели обычно бывают в смешанных комиссиях — по числу сторон, а здесь-то почему? Боятся чьей-то единоличной власти. Из-за спины свободы, как и семьдесят лет назад, выглядывает страх, и снова Дом приносится в жертву Миру, и снова маленький человек пойдет на плаху во имя чего-то великого и прекрасного. Маленький человек всегда

проигрывает в большой политической игре.

Возвращение к Богу тоже грозит превратиться в игру — воздвижение храмов, пышные празднества, присутствие духовенства на любом мало-мальски значительном собрании («А представители духовенства?» — строго вопрошает проректор, просматривая списки приглашенных на вечер памяти известного профессора-филолога). Но нам, чтобы вернуться в моральное пространство цивилизованного мира, необходима своя Реформация. Не выстаивать литургии, совершаемые на малопонятном старославянском языке («аше» и «дондеже»), а вдумчиво читать Писание. И стараться жить по Писанию. Но это еще далеко-далеко впереди. Сначала надо просто научиться жить.

Но как? Кто научит? Опять придется надеяться на тех, кто живет в благополучии духовном и телесном — проще говоря, на развитые страны. Конечно, они прекрасно понимают,

что без их помощи маятник страха и свободы разметает Россию, превратив ее в бездонную воронку, которая втянет в себя беззаботный мир. Поэтому они непременно будут нам помогать. Но мы сами — неужели мы только черная дыра на карте, которую цивилизованный мир, спасая себя, будет вынужден как-то залатать? Или мы представляем для них какую-то положительную ценность?

Я думаю, что да. Россия-СССР накопила гигантский опыт, политический и человеческий, связанный с бесконечными попытками осуществить неосуществимое. Политический опыт — проработка тупиковых государственных, экономических, социальных, национальных моделей. Человеческий опыт — опыт страдания, терпения, выживания в невыносимых условиях. Этот опыт принадлежит всему человечеству — без этого опыта миру не раз придется заглядывать в пропасти, в которых уже побывала Россия.

APR 21 1991 * 3 4 3 15

L000033 - 01

JAKOREWAA

21-APR-1991 15:25:16

ПРЕДПАСХАЛЬНАЯ БЕСЕДА С ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКИМ И ВСЕЯ РУСИ: ЕСТЬ ЕЩЕ СВЯЩЕННИКИ, КОТОРЫЕ ПОЛАГАЮТ, ЧТО ИХ ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА - НЕ СВЕРШЕНИЕ ТАИНСТВ, НЕ СВЯЩЕНОСЛУЖЕНИЕ, А ПОЛИТИКА

● 3

● «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

● 6 апреля 1991

СВЕТ ВО ТЬМЕ

«Свет во тьме светит, в тьма не объела его» — так звучит ключевой стих того отрывка Евангелия от Иоанна, который читается в православных храмах в Пасхальную ночь. Тьма «не объела» свет — так прочитал славянский переводчик текст греческого оригинала, который его латинский коллега перевел противоположно: «Свет во тьме светит, в тьма не приняла его». Русский пере-

вод — оптимистичен. Латинский — трагичен. Греческий оригинал вмещает в себя оба смысла.

Какое прочтение предпочесть нам сегодня? Что есть свет, и что значит он перед лицом тьмы? Об этом наша предпасхальная беседа с Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II.

— Сегодня наше Отечество переживает Смутное время. Внутри Церкви активно проявились силы, которые стараются навязать мнение: какой должен быть истинный путь Церкви, как надо перестраивать и обновлять жизнь. Ваше Святейшество, что Вы думаете об этом?

— К сожалению, часто считают, что задачи Церкви находятся в одном контексте с задачами политических партий. Поэтому неизбежны и неизживаемы конфликты между Церковью и государством, Церковью и властью. Они были всегда. С самого начала Церкви приходилось платить кровью своих мучеников за право жить без постоянной ориентации «направо» и «налево». Этот конфликт не был решен и когда государство стало христианским. И в Византии, и в России государи

продолжали считать свои интересы абсолютными интересами, а к церкви относились как к некому инструменту своей государственной политики.

— Утилитарное отношение государства к Церкви заметно и сегодня. Кстати, каково отношение Церкви к референдуму? Верно ли считать, что встреча Патриарха в Кремле стала своеобразным благословенным Союзом?

— Во-первых, благословения никто не просил. Так что об этом речи нет. Наша страна является исторически сложившейся, со своими экономическими, духовными связями. Мы убеждены, что 1917 год не является ни началом, ни концом нашего исторического пути. Но идеологические и политические средства, которыми руководствовались

ПРЕДПАСХАЛЬНАЯ БЕСЕДА С ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКИМ И ВСЕЯ РУСИ: ЕСТЬ ЕЩЕ СВЯЩЕННИКИ, КОТОРЫЕ ПОЛАГАЮТ, ЧТО ИХ ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА - НЕ СВЕРШЕНИЕ ТАИНСТВ, НЕ СВЯЩЕННОСЛУЖЕНИЕ, А ПОЛИТИКА

государство все эти годы, исчерпаны. Мы надеемся, что в противостоянии сил, выступающих за раскол страны, и сил, желающих сохранить прежнюю политическую систему практически неизменной, займут о себе и иные силы, желающие нашему государству единства, но на принципиально новой политической основе. А требование однозначного «да» или «нет» — ведь это и есть большевизм мышления.

— Почему Патриарх приехал в Кремль накануне референдума, а не Президент прибыл в Патриархию?

— Даже князь Владимир приглашал к себе священнослужителей, крестивших Русь. Христос не стеснялся прийти не только к власти имущим, но и к последним грешникам.

— Не было ли попыток вовлечь Церковь в прибалтийский конфликт?

— Еще в прошлом мае Конференция Европейских Церквей, президентом которой я являюсь уже многие годы, приняла заявление, в котором говорилось: «Мы молимся о том, чтобы народы Балтики достигли самоопределения мирными законными средствами».

Январские же события в Вильнюсе вынудили меня уточнить позицию. 15 января в газете «Известия» применение вооруженной силы было мной охарактеризовано, как грех.

— В чем суть конфликта Русской Православной Церкви с зарубежной церковью?

— Для нас эти разногласия печальны, потому что они носят сугубо политический характер. Для Русской Православной Церкви размежевание верующих на политической основе — вещь неприемлемая.

Нас разделяет прежде всего наличие у нас, оставшихся в России, такого опыта, которого, к счастью, нет у них. Это — опыт жизни Церкви в условиях репрессивного режима, который установился на необозримое время. Как выжить в условиях тоталитаризма, если нет надежд на его

распад? Вспомним, что еще в 70-е годы Солженицын говорил о том, что скорее с исторической арены исчезнет западно-демократическая модель общества, нежели коммунистическая. Легко с позиции книжного морализма обвинять нас в том, что мы заплатили «кесарю» слишком большую дань. Но как же можно не понимать, что раз дань платили именно мы — то мы и переживали нравственную боль и муку несравнимо большую, чем наши далекие судьи...

Ведь и для Патриарха Тихона в послереволюционное время сложнее всего было понять: власть большевиков — случайность, кратковременность, или она воцарилась надолго. Это не вопрос приспособления или конъюнктуры. Для Церкви этот вопрос очень важен и серьезен: надо распознать волю Божию о нас. Любая власть — если она власть, а не мираж — от Бога.

В христианской, да и Патриаршей проповеди тех лет постоянно звучит мысль о том, что в бедах, постигших нас, виновны мы сами: «Достойное бо по делам нашим приемлем». Именно приемлем, а не отвергаем, не убегаем. Это область глубоких христианских переживаний.

Вообще можно сказать так: духовная мудрость человека определяется его отношением к тем несчастьям, которые постигают его самого, его народ, Родину. Она измеряется тем, в какой степени мы готовы принять, осознать и, если хотите, оправдать те страдания, которые постигают всех нас. Распознать в них не какую-то случайность, а крест, тяжелый крест, через который человек и должен обновиться, прийти к спасению. Христианский путь — это путь узкий, скробный, путь крестопошениа.

— Что означает выражение «узкий путь»? Почему

LO00033 - 03

JAKOREWAA

21-APR-1991 15:25:34

ПРЕДПАСХАЛЬНАЯ БЕСЕДА С ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКИМ И ВСЕЯ РУСИ: ЕСТЬ ЕЩЕ СВЯЩЕННИКИ, КОТОРЫЕ ПОЛАГАЮТ, ЧТО ИХ ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА - НЕ СВЕРШЕНИЕ ТАИНСТВ, НЕ СВЯЩЕННОСЛУЖЕНИЕ, А ПОЛИТИКА

христианство при этом называют религией свободы? Почему Христос говорил: «Бремя мое легко»?

— Есть путь широкий, путь без ориентиров. Путь, при котором человек не понуждает себя ежедневно и ежечасно к духовным усилиям. Этот путь не способствует внутреннему рождению человека. Но если тот преодолевает свои слабости, душевные и духовные беды, то он преображается. Об этом мы сейчас забыли. Любовь, страдание—это крест. Христос еще до своего Распятия говорил: «Кто хочет быть совершенен, тот пусть возьмет крест свой и идет за мной».

Путь Христов тяжок. Это постоянное совершенствование. Любому, кто живет по совести, никогда не бывает легко. Но духовно — это истинное бремя легкое и благое. Ибо радостно послушание совести, послушание любви.

— Ваше отношение к священнослужителям, которые стали депутатами?

— Священники, епископы, любой христианин имеет право участвовать в общественной деятельности. Но они не имеют канонического права отождествлять свою позицию с позицией всей Церкви.

— Это — грех?

— По меньшей мере, самозванство. Главное для Церкви соединить людей там, где их можно соединить. Именно тогда, когда растет политическая поляризация, для Церкви важнее всего стать для всех — убежищем и спасением. Обычно человек приходит в Церковь и священник его спрашивает: «как веруешь?». Но сейчас же ситуация обратная. Прихожанин намерен спросить священника о его политических взглядах, и на основании этих ответов решить, будет ли он молиться у этого батюшки или нет.

— Как обустроить Россию? У России есть своя духовная миссия?

— У России своя судьба. И я убежден, что она отлична от путей иных народов. Но нельзя внешне вернуть то, что было 70 или 300 лет назад. Это утопия. Нельзя вернуть политическую систему. Но можно перейти, вернуться к утраченной системе ценностей. Когда говорили «Святая Русь», то это не означало, что Русь считала себя святой. Русь стремилась к святости, чистоте и безгрешности. Если мы хотим возродить святую Русь, то мы должны возродить ту систему, неразрывно связанную с ценностями, которой мы обязаны лучшими страницами своей истории.

— Каковы эти лучшие страницы?

— Страницы эти связаны с убежденностью, которую Русь, Россия впитала от православия: только святость нормальна для человека. А грех, любовь, даже самый маленький и самый распространенный, ненормален и искажает природу человека.

Абсолют, стремление к абсолюту — национальная черта России. Она проявлялась и проявляется во всех. Да в тех же большевиках, в конце концов. Россия с болью, но пережила время служения богам ложным. Боюсь, однако, она не сможет пережить то время, когда человек вообще откажется служить чему бы то ни было, полагая свое маленькое и здеешнее бытие вполне самодостаточным.

— Зарубежная Церковь давно уже причисляла Императора Николая II и его семью к лику святых. Почему это не сделала Русская Православная Церковь?

— Каждую неделю Патриарх получает по этому поводу послания и «за», и «про-

тив». Канонизация не означает ничего в судьбе того человека, который канонизируется. Божий суд над ним уже свершился. Канонизация имеет смысл, как некий церковно-педагогический акт для людей, которые еще продолжают свое земное существование. Сейчас слишком сильна тенденция канонизировать все деяния его жизни. Не за то, как он умер, а за всю его политику и жизнь. Здесь есть опасность не канонизации, а идеологизации. Здесь спорных вопросов очень много. Пока не будет у людей выработано православное отношение к мученичеству, как к тому, что не столько завершает земной путь, сколько открывает новую жизнь, до тех пор эти вопросы будут возникать.

— Этот акт может вызвать конфликт между Церковью и властью?

— Сейчас по крайней мере церковное сознание озабочено гораздо больше сохранением мира в Церкви, нежели

отношениями с властью. Не может быть речи о том, что царя Николая II не спешат причислять к лику святых в силу его царского происхождения. Ведь в самые страшные времена мы не отказались от открытого почитания как святых князя Владимира или Александра Невского.

— Говорят, что Русская Православная Церковь — церковь, тесно связанная с советской властью. Подтверждение тому ищут в конфликте с Русской Зарубежной Церковью...

— Легко заклеить вместо того, чтобы серьезно и взвешенно разобраться в реальном положении, в истории. Человеку, конечно, удобнее снять с себя ответственность перед Богом, чем вдумываться.

LO00033 - 04

ЖАКОРЕВАА

21-APR-1991 15:25:37

ПРЕДПАСХАЛЬНАЯ БЕСЕДА С ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКИМ И ВСЕЯ РУСИ: ЕСТЬ ЕЩЕ СВЯЩЕННИКИ, КОТОРЫЕ ПОЛАГАЮТ, ЧТО ИХ ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА - НЕ СВЕРШЕНИЕ ТАИНСТВ, НЕ СВЯЩЕННОСЛУЖЕНИЕ, А ПОЛИТИКА

Схема вполне стандартна. Похожа на традиционную уловку бывших антицерковников. Взять какого-то отдельного священника или монаха и сказать: вот он какой нехороший. И все они такие...
— Есть слова Христа: «По пришествии моем найду ли я веру на Земле?» Как это понять?

— Глаза боятся — руки делают. Эта русская поговорка о работе. Когда отстраненно посмотреть на религиозную запущенность российского общества, становится страшно. Но когда видишь, как то в одном, то в другом человеке зажигаются огоньки веры, любви, кротости и молитвы, отчаяние уходит.

Мы не знаем, какие судьбы ждут Россию. Но мы должны исполнить свой долг. Мы должны нашу радость о Христе воскресшем подарить как можно большему количеству людей.

— Что значит русскому в России быть христианином?

— Наверное, то же самое, что и еврею. Помните, Иоанн Креститель говорит фарисеям: «Не вздумайте говорить о себе — отец у нас Авраам». Так и нам, пожалуй, нет смысла восклицать: отец у нас — Сергей Радонежский, если мы лишь клянемся его именем, но не живем его молитвенной жизнью.

— Как Вы относитесь к патриотическим движениям?

— Патриотические движения у нас — крайних форм, но в них может быть две вещи, дающие надежду на то, что их можно преобразить. Первое — это безразличие к судьбам своей страны. И второе — в них есть дух служения, о котором мы говорим. Они действительно хотят служить идее, может быть, несколько неправильно понятой, извращенной, с несерно понятными целями и задача-

ми. Если бы у Церкви была возможность серьезного воспитания, то в это можно исправить. Есть религиозная дилекция, но есть еще и одиозность национального сознания. Принцип церковной жизни здесь, как и во всей, наверное, человеческой жизни, такой: отсекай ничего нельзя. Надо преобразовывать.

— Ваш первый Патриарший визит был в Израиль. Обсуждался ли там вопрос об антисемитизме в России?

— Я встречался с премьер-министром И. Шамиром, с президентом Израиля Х. Герцогом, с религиозными лидерами Иерусалима. У меня сложилось впечатление, что они понимают, что христианство и православие нельзя считать источником антисемитизма. Чрезвычайно важно и показательно было, что израильская сторона выразила готовность содействовать нашей Церкви в решении наших имущественных проблем в Палестине, а также вопросов, связанных с возрождени-

ем паломничества во Святую Землю.

— Божья Матерь покровительствует России... В день отречения императора Николая II от престола была явлена икона Божьей Матери, на которой изображена Богородица, держащая скипетр и державу, символы царской власти...

— В те дни при участии святителя патриарха Тихона был написан акафист этой иконе, Державной иконе Божьей Матери. В нем есть такие слова: «Премилостивый Господь и Создатель наш посла во дни гонимого Посещения Своего Ангела Пресветлаго новоявленна в образе Твоем Державном». Икона эта — не предостережение. Это утешение нам. Даже в

скорби своей Господь придет к нам. В испытаниях наших Господь близок к нам, он не оставит нас. Мы, очевидно, ушли далеко от Него и поэтому испытываем боль. То же самое можно сказать и о совершившемся 2 месяца назад возвращении мощей преподобного Серафима. В наступающие для народа, для страны тяжелые, скорбные дни нам тоже дается это духовное утешение.

— В чем скорбность будущих дней?

— Да в том, что на самых разных уровнях, в самых разных областях жизни людей постигает очень печальное нездоровье, начиная от уровня государственного, национального бытия. В душе человека тоже начинается идеологизация.

— Похоже, что самые трудные времена нас ждут впереди...

— Я думаю, что да. Мы не имеем права убаюкивать людей. Сейчас те группы, партии и лидеры, которые говорят: идите за нами, и мы вам за столько-то дней или лет все устроим, несут очень большую, тяжелую ответственность, потому что очень разрушительно для человеческого сознания — обещать что-то и не выполнять. Но потом-то наступит ухудшение, это неизбежно. Надо честно предупредить людей о том, что начинаются тяжелые времена. К ним надо быть внутренне готовыми. В конце концов время нашей скорби может быть сокращено в зависимости от нашего внутреннего состояния.

Если мы придем к полному покаянию, только тогда возможно улучшение. Но покаяние означает перемену самой системы ценностей. Для чего мы живем? Опять тот же самый вопрос: во сколько мы оцениваем свою душу, свою жизнь?

LO00033 - 05

JAKOREWAA

21-APR-1991 15:25:37

ПРЕДПАСХАЛЬНАЯ БЕСЕДА С ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКИМ И ВСЕЯ РУСИ: ЕСТЬ ЕЩЕ СВЯЩЕННИКИ, КОТОРЫЕ ПОЛАГАЮТ, ЧТО ИХ ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА - НЕ СВЕРШЕНИЕ ТАИНСТВ, НЕ СВЯЩЕНОСЛУЖЕНИЕ, А ПОЛИТИКА

— Как Вы думаете, монархия для России — лучшая политическая система?

— Дело в том, что монархия в России была разной. Скажем, великие княжества домосковского периода, царствование московского периода и императоры петербургские — это разные модели государственного строения. И главное, религиозное самосознание было разное. Скажем, Великий князь Киевский или Владимирский, или Московские князья, до Ивана Грозного, ощущали себя служителями земли Русской. А начиная с Ивана Грозного, они чувствовали себя властителями. Не думаю, что так однозначно этот вопрос можно ставить или решать. Нельзя забывать, что для Церкви не могут существовать какие-то вечные и непреходящие национально-государственные строения. Вечностью обладает человеческая душа. Все остальное может уходить. Нам нужно, решая вопросы будущего нашей страны, всматриваться не столько в наше прошлое, сколько вслушаться в голос Божий, те события, которые сейчас происходят.

— Акафист иконе Державной Божией Матерью был забыт официальной Русской Церковью и читался лишь в Катакомбной церкви. Значит, Русская Православная Церковь шла на поводу у богоборческой власти?

— Державная икона всегда почиталась. Она хранилась и в Церквях, и дома у верующих. Акафист, службы переписывались и читались. Но есть слова апостола Павла: «Не давайте повода ищущим повода». Поскольку власти в этом акафисте видели обличение своего вла и поэтому боялись, то зачем же их провоцировать и вызывать на Церковь лишние беды, лишние гонения? Для понимания христианской политики чрезвычайно важно уяснить, что

христианство вообще — реальность иерархическая. Существует иерархия ценностей: что важнее всего, что необходимо всего? Для Церкви важнее всего сохранить себя, сохранить для людей, для возможности доступа к чаше Христовой, к чаше причастия.

Есть правило: христианину приходится брать на душу грех, чтобы избежать греха большего. Если хотите, типичный пример: война, Церковь не воюет в этом. Ей приходится благословлять солдат, защищающих Родину. Убийство остается убийством даже на войне, и это грех. Солдат, вернувшись с войны, должен нести покаяние.

— Но ведь убивать — не желание солдата, а его долг.

— Долг есть долг, но любое убийство отравляет душу. На войне солдат ненавидел кого-то. Рана душе нанесена.

— А если человек не идет на войну?

— Грех еще больший.

Но есть ситуации, в которых человек, христианин должен жертвовать личной чистотой, личным совершенством. Для того, чтобы стоять нечто большее.

— Отечество?

— И Отечество. И Церковь, и вообще ближних.

— Нежелание служить в армии — большой грех?

— Это не в традициях Русской Церкви. Иоанн Креститель сказал солдатам Римской армии, по сути, оккупационной: «Слабых не обижайте». Он не говорил: уходите из армии, поворачивайте оружие против ваших эксплуататоров. «Слабых не обижайте».

Так же и в области церковной политики. Вот Преподобный Иоанн Лествичник в VI веке говорил в наставлении к пастырям: «Можно оставить одно добро ради другого, большего добра. Так поступил тот, который бежал мученичества не по страху, но для пользы спасаемых под его руководством».

Так и в отношении митрополита Сергия, последующего церковного руководства при советской власти. Приходилось говорить неправду, приходилось говорить, что у нас все нормально. Но ведь шли гонения на Церковь. Делались заявления о политической лояльности. Отказывались от полноты церковной жизни, от благотворительности, от милосердия, от Державной иконы Божией Матери тоже. Шли на компромиссы. Ради того, чтобы оставили Церковь людям. Чтоб Церковь не ушла совсем в катакомбы. Чтоб человек мог найти, если у него есть желание, этот храм. Чтоб он мог хотя бы причаститься и исповедоваться. Митрополит Сергий, когда подписывал декларацию, сам находился в тюрьме, но он подписал не для того, чтобы выйти. Есть сведения, что ему сказали так: если вы не подпишете, все епископы, которые находятся в заключении, будут расстреляны. Это свыше сотни человек. Вот вопрос: можно ли покупать чистоту собственных одежд ценой сотни жизней? Хорошо заявлять об абсолютистских позициях, находясь за океаном. В таком случае я могу сказать митрополиту Виталию: если вы убеждены, что миром правят масоны, то почему вы не анафематствуете президента США?

— Может ли повториться гапоновщина?

— Может, пока у нас будут священники, которые полагают, что их главная задача — не свершение таинств, не священнослужение, а политика.

С. БЕРЕСТОВ,
Т. ХОРОШИЛОВА,
Г. РЕЗАНОВ.

Фото Е. УСПЕНСКОГО.

-АЯ-

БОРЬБА С ИСЛАМОМ ПРЕЖНИХ ЛЕТ — ЭТО ВКЛАД В ОБОСТРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗЛИЧНЫХ РЕЛИГИЙ И НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

(1)

НАУКА
И
РЕЛИГИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Издается с сентября 1959 года

НОВАЯ
'90

Главный редактор
В. Ф. Правоторов.

УРОКИ ИСТОРИИ

С чем у нас боролись

А. БЕГМАТОВ

С первых лет Советской власти религия была объявлена вредным обманом народа, чуждым новому обществу мировоззрением. Вывод отсюда напрашивался сам — ее надо уничтожить, вырвать с корнем из нашей жизни, вытеснить на самый дальний край. Фронт борьбы с религией не сразу достиг мусульманских районов.

Пока жил Ленин, действовало его предупреждение об осторожности в отношении ислама, имевшее большой политический смысл. Но уже со второй половины 20-х годов никаких особых различий в подходах к конфессиям не делается. Ячейки Союза воинствующих безбожников начинают активно работать и в Средней Азии. Как и повсюду в стране, здесь главным средством борьбы с религией все чаще оказывается динамит: уничтожаются мечети. По некоторым подсчетам, в 20-е годы более половины архитектурных памятников, связанных с религией, были сровнены с землей. В то время набирают силу репрессии против священнослужителей. Определить число репрессированных духовных наставников мусульман еще предстоит.

Для каждой конфессии выбирались наиболее эффективные методы противодействия. Когда оглядываешься на историю борьбы с исламом, невольно кажется, что власти (то есть Сталин, без чьего повеления не осуществлялась ни одна сколько-нибудь значительная акция в стране) именно против него направляли особенно сильные удары. Один из самых сокрушительных — изъятие из жизни народов, исповедовавших ислам, арабской графики. И сейчас маститые ученые доказывают, что религия здесь ни при

чем, что замена ее была продиктована жизнью*, что, мол, без этого наши народы плелись бы в хвосте цивилизации, ибо сложность арабской графики задерживает общественное развитие народов. И сегодня пишут, что ее отмены требовал сам народ. Как у нас организовывались сотни широких кампаний — «по желанию трудящихся», знают все.

Интересно, каким образом сложность графики может задержать общественное развитие? Японская графика во много раз сложнее и кириллицы, и арабской графики, в ней несколько тысяч знаков-иероглифов, но разве японцы относятся к числу отсталых народов? Говорилось и о несоответствии арабской графики фонетике национальных языков. Однако народы, пользующиеся ею, приспособили ее к особенностям фонетики своих языков, ввели дополнительные буквы и знаки. Великие творения Бируни, Хорезми, Низами, Бабур, Навои, многих, многих других мудрецов и поэтов Востока были написаны на арабской графике, и в течение многих веков никому не приходила мысль о несоответствии этой графики фонетике тюркского или фарси.

Горячее желание народа перейти с арабской графики на латиницу, а потом — на кириллицу — тоже миф. Как появлялись в прессе выступления трудящихся в поддержку той или иной кампании, хорошо известно.

* См., например, выступление доктора филологических наук Э. Фазылова в «Науке и религии», 1989, № 11. (Примеч. автора).

"НАУКА И РЕЛИГИЯ" УРОКИ ИСТОРИИ "С ЧЕМ У НАС БОРОЛИСЬ"

(2)

Арабская графика выполняла еще одну немаловажную функцию: тюркские народы и народности нашей страны, пользовавшиеся арабской графикой, свободно читали печатные издания на этой графике, где бы они ни выходили. Например, до революции полиграфия была относительно развита в Казани и издававшаяся там художественную, научную, религиозную литературу читали в Средней Азии, на Кавказе. Это сохраняло единство духовной культуры.

Ныне же, когда все тюркские народы, проживающие в нашей стране, пользуются одной графикой — кириллицей, они друг друга понимают с трудом или почти не понимают.

Видимо, в порядке заботы о соответствии национальных алфавитов фонетике языков начались репрессии за чтение книг на арабской графике. Многие тысячи «арабистов» окончили свою жизнь в сталинских лагерях. А в конце 30-х — начале 40-х годов преследовали уже не только за чтение этих книг, но и за их хранение. Таким людям предьявляли обвинение в национализме, подрывной деятельности против Советской власти, они объявлялись врагами народа. Сейчас трудно сказать, сколько было таких врагов у наших народов. В одном только Узбекистане были репрессированы в ходе борьбы с арабской графикой сотни тысяч грамотных людей.

В панике люди стали избавляться от опасных книг: сжигали, топили в реках, закапывали в землю, в старые могилы. И лишь немногие прятали их в надежде на лучшие времена. В НКВД, разумеется, книги уничтожали. Большинство сотрудников были неграмотны и не ведали, какие именно это книги, а те, кто умел читать, молчали в страхе.

(В конце 30-х годов в органы НКВД поступил донос на одного партийного работника Андижана. Во время обыска у него дома обнаружили книгу на арабском алфавите — этого было достаточно, чтобы его репрессировать как врага народа. Он погиб, а потом выяснилось, что книга, изъятая у него дома, была первым переводом на узбекский язык «Манифеста Коммунистической партии», изданного на староузбекской (арабской) графике.)

По приблизительным подсчетам, уничтожено несколько миллионов книг, изданных на арабской графике.

У кампании против арабской графики был еще такой дальний прицел: с переходом на латиницу, а потом на кириллицу народ должен был сде-

латься грамотным, духовенство же, которое в большинстве свободно писало и читало на арабской графике, должно было стать безграмотным, а значит, — потерять авторитет. На духовенство обрушилась пресса. С тех пор ни в центральной, ни в местной прессе о служителях культа не было напечатано ни одного доброго слова. Во всяком случае, за последние 30 лет — до начала перестройки — я таких не встречал.

Я же могу засвидетельствовать, что, несмотря на травлю представителей духовенства (иногда это называлось «идеологической изоляцией»), люди относились к ним с уважением. Думаю, что отмена арабской графики, напротив, способствовала в известной степени сохранению авторитета мусульманского духовенства. Со временем только служители культа могли читать книги на арабской графике, а значит, и слово божье — Коран. Репрессии уничтожили многие тысячи священнослужителей. Но те, кто уцелел, хранили традиции, были известны своей нравственной чистотой, высокой культурой. (Разумеется, речь не о появившихся за последние десятилетия в среде духовенства

шарлатанах, аморальных людях). Собственно, все это относится не только к мусульманскому духовенству, но и к христианскому, буддийскому, иудейскому.

Иные наши ученые до недавнего времени радовались, что отмена арабского алфавита усилила позиции атеизма. «С переходом на новый алфавит и всеобщим распространением грамотности мулла во многом утратил свою власть над духовной жизнью населения, перестал быть носителем «священного» письма. Замена графической основы одновременно означала превращение письменности из орудия религиозной пропаганды в орудие социального прогресса» (Базиев А. Т., Исаев М. И. «Язык и нация». М. 1973. С. 114). Итак, одна письменность объявлена орудием религиозной пропаганды, а другая — орудием социального прогресса. А знают ли, помнят ли эти ученые авторы, что на латинице и кириллице была зафиксирована древнеримская мифология, а также Библия и Евангелие? По их логике, и эти алфавиты являются орудием религиозной пропаганды.

В результате отмены арабской графики люди оказались оторванными от собственной истории и культуры — от богатой художественной литературы, философии, естественных и гуманитарных наук. На латинице и кириллице за 60 лет была

"НАУКА И РЕЛИГИЯ" УРОКИ ИСТОРИИ "С ЧЕМ У НАС БОРОЛИСЬ" (3)

издана лишь небольшая часть произведений далеко не всех поэтов и ученых, составляющих славу культуры Востока.

При этом многие из них представлены в новейших изданиях далеко не полно. Скажу об одном лишь Навои, которому повезло больше других, он издавался довольно часто. Но некоторые его произведения сокращены на треть, а то и наполовину — из них исключено все, или почти все, что выражает отношение поэта к исламу: его обращения к богу, восхваления Аллаха, коранические образы и т. д. А поэты, в чьем творчестве преобладали религиозные мотивы, — Ахмад Ясави, Суфи Аллаяр, Хувайдо, десятки других прекрасных поэтов, не издавались вообще.

Коран — выдающийся памятник мировой литературы, в течение веков оказывавший огромное влияние на развитие всей культуры Востока, оказался недоступен наследникам этой культуры в нашей стране.

В 1943 году произошло некоторое смягчение в отношении к религии и церкви. Был создан Комитет по делам религий. Религиозным объединениям разрешили легальную деятельность при условии их официальной регистрации. В это время проявилась недвусмысленная дискриминация ислама. Это, как и ряд других фактов того времени, незримо наводит на мысль о том, что Сталин имел какие-то свои счёты с мусульманами и заботился о том, чтобы народам, исповедовавшим ислам, жилось особенно несладко. К середине 40-х годов были зарегистрированы десятки и сотни христианских церквей и модельных домов. Пусть их было во много раз меньше, чем в прошлое время, во много раз меньше, чем требовалось верующим, но в районах распространения число зарегистрированных мечетей оказалось ничтожно мало, ни в коей мере не соответствовало числу мусульман. Две-три мечети на область с сотнями тысяч или даже миллионами жителей — в такой ситуации для пятничного или праздничного моления мусульмане должны были ехать за десятки и сотни километров. До 1989 года, например, в Наманганской области действовали три, в Ферганской — четыре мечети. В Кашкардарьинской, Сурхандарьинской, Сырдарьинской, Навоийской, Хорезмской областях мечетей — по одной-две. В Туркменинии было четыре мечети на всю республику, при этом в Ашхабаде — ни одной. Регистрация шла с огромным трудом, лишь с разрешения центра. И во многих случаях

не столько для удовлетворения религиозных потребностей мусульман, сколько из-за участившихся визитов мусульманского духовенства из сопредельных стран.

Волна кампаний по закрытию модельных домов, начавшаяся в конце 50-х — начале 60-х годов, на мой взгляд, сильнее всего захлестнула ислам. Местные руководители, пытаясь показать центру свои «успехи» в атеистическом воспитании населения, усердствовали без предела. Они овладели искусством организовывать «заявления» верующих о том, что мечеть им больше не нужна, что они уже больше не верят в Аллаха. Власти шли навстречу пожеланиям трудящихся — в центр уходил очередной победный рапорт.

Совет по делам религий при Совете Министров СССР отнюдь не пресекал эти беззакония.

До того ли было в этих условиях, чтобы еще учитывать в разных ситуациях религиозные чувства верующих?

Ислам запрещает есть свинину. Только ее в основном и поставляют регулярно в магазины Средней Азии. И вот уже люди говорят, что, конечно, мол, это государство заботится только о христианах. Мелочь? Как сказать...

Попытки развивать свиноводство в некоторых районах Средней Азии дают такой же эффект. Если бы планирующие и торгующие организации, их руководители задумались об особенностях и потребностях не только верующих, но и большинства населения региона, то свинину можно было поставлять в те регионы, где она потребляется с удовольствием, и взамен получить говядину или баранину. Таких примеров можно привести немало.

Новая вспышка подлинно сталинского отношения к исламу произошла в середине 80-х годов в Узбекистане, когда идеологическую работу в республике возглавила Р. Абдуллаева. Во время ее идеологического «господства» были запрещены праздник навруз, как содержащий религиозные элементы, приветствие «салам алейкум», ношение тюбетек — трудно сказать почему. Но самой непримиримой была борьба Абдуллаевой с изображением полумесяца на надгробных камнях, можно было подумать, что религиозная символика на кладбищах не давала ей покоя ни днем, ни ночью. Впрочем, кресты на могилах христиан на кладбищах республики ее не интересовали. Как раз в те годы я был

"НАУКА И РЕЛИГИЯ" УРОКИ ИСТОРИИ "С ЧЕМ У НАС БОРОЛИСЬ" /4/

уполномоченным Совета по делам религий в Узбекистане, и верующие часто обращались ко мне с вопросом, почему на кладбищах запрещается только исламская символика, а символика других религий не запрещается? Мне трудно было ответить на этот вопрос. Но я знал, что это — вклад в обострение отношений между представителями различных религий и национальностей.

Жизнь религий в нашей стране последние десятилетия свидетельствовала, что принятый в 1918 году Декрет о свободе совести оставался в основном мертвой буквой. Отделение церкви от государства на деле вылилось в гонение на религию, в незаконное вмешательство государства в дела церкви. А комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культурах при исполкомах советов зачастую сами плохо были знакомы с этими законами и занимались главным образом атеистическим воспитанием населения...

Остается надеяться, что новый закон, регулирующий взаимоотношения государства и церкви, окажется «работающим» законом.

г. Андижан
Узбекской ССР

ВИ

О ЦЕЛЯХ И ПРИНЦИПАХ "ИСЛАМСКОЙ ПАРТИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ"

В СССР: ОТНОШЕНИЕ К "ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ", К ДЕЛУ ПИСАТЕЛЯ РУЖДИ, К ИМАМУ ХОМЕЙНИ И ДР.

ИЗВЕСТИЯ:

№ 7 • 8 января 1991 года • 4

ПОД ЗЕЛЕНЫМ ЗНАМЕНОМ

Существует ли угроза исламского фундаментализма?

— Какие задачи ставит перед собой ваша партия?

— Основную цель партии мы попытались выразить в ее названии. Мы хотим, чтобы ислам возродился там, откуда его изгоняли, и распространился в районах, где о нем не знают совсем или имеют искаженное представление.

Отсюда вытекает другая наша задача — защита правоверных от преследований, от сознательной лжи по отношению к нашей вере, от искажений, возникающих от плохого знания ислама. Иными словами, наша цель — делать все возможное, чтобы человек мог жить по Корану и Сунне (священному преданию, которое считается дополнением к Корану. — В. С.).

— А какова численность партии?

— В партии у нас свыше 10 тыс. человек. Основная масса членов находится в Средней Азии и на Северном Кавказе. Соответственно расселению мусульман в стране в нашей всесоюзной партии три региональные организации — среднеазиатская, где большинство составляют таджики; кавказская, где преобладают дагестанцы и чеченцы с ингушами; и европейской части СССР с Сибирью, где почти все — татары. Среднеазиатская и кавказская группы оформились организационно: проведены учредительные конференции. В европейской части такую конференцию пока не провели. Наш организационный комитет зарегистрирован в Москве, партия еще не зарегистрирована, поскольку регистрация партий начинается официально лишь с нового года.

— Ряд богословов считает, что правоверные вообще не должны состоять в политических партиях. Не случайно такой ревностный мусульманин, как президент Пакистана Зия-уль-Хак, погибший два года назад, под конец своего правления запретил политические партии и провел выборы на непартийной основе. Вам не кажется, что, соединяя ислам с политикой, вы отступаете от заветов пророка?

— Наш пророк Мухаммед — благословение Бога и мир ему! — начал с организации мусульманской общины и ушел в лучший мир, создав сильное государство. Можно ли создать государство, не занимаясь политикой? Конечно, нет. Правда, у нас задачи гораздо более скромные. Мы не помышляем о создании своего государства, а хотим лишь защищать интересы мусульманского меньшинства в Со-

ветском Союзе, которые не в состоянии защитить назначенные государством официальные имамы и муллы.

— Как я понимаю, вы отрицательно относитесь к официальным муллам. Но деятельность неофициального духовенства не столь безобидна. В частности, в Душанбе, как указал в интервью «Московским новостям» президент Таджикистана К. Махкамов, проповедники сыграли не последнюю роль в трагических февральских событиях 1990 г.

— Наша партия отвергает насилие. В ее программе говорится, что партия «действует конституционными методами, осуждает методы и практику терроризма и экстремизма, все формы дискриминации».

— Это прекрасные слова, такую декларацию можно только

приветствовать. Но ведь бывает и так: центральное руководство политической партии исполнено благих намерений, а на местах «горячие головы» поступают совершенно иначе...

— Согласно священному Корану, Бог заповедал верующим говорить слово «мир» пророкам и посланникам Бога, всем, кто хочет идти по пути истины; при прощании говорить его неверным. Неужели же религия, которая так осуждает лжецов, призывает верующих говорить о мире, а

иметь в виду нечто другое? Насилие и экстремизм прямо осуждаются в исламе.

— Будучи улемом, вы, естественно, хорошо знаете постулаты вашей веры. Тем не менее да-

Ислам, пожалуй, единственная из мировых религий, переживающая бурный подъем. Увеличивается не только число мечетей. Растут влияние и власть политиков, выступающих под зелеными знаменами ислама. Победа революции Хомейни в Иране уже вошла в историю. Но вот два совсем свежих примера: в Алжире исламисты нанесли на выборах поражение партии, стоявшей у руля государства четверть века; в Пакистане над партией Беназир Бхутто на выборах одержал верх Исламский демократический альянс. Наконец, нельзя забывать и об Афганистане, где моджахеды (воины за веру) оказались грозным противником для одной из самых мощных современных армий.

«Исламский бум», естественно, не мог не затронуть и нашу страну. Сегодня на вопросы нашего корреспондента отвечает Валиахмед Садура, член совета улемов (богословов и правоведов) Исламской партии возрождения, созданной в 1990 году.

вайте посмотрим, что происходит в реальной жизни. Вы же не станете отрицать, что приверженцы радикальных мусульманских течений (на Западе их чаще называют фундаменталистами) то и дело прибегают к насилию. Вспомним хотя бы об убийстве ими египетского президента Садата или о захвате заложников в Ливане.

— А почему вы выделяете именно ислам, оставляя без внимания преступления, совершенные последователями других религий? Если провести простые статистические подсчеты по преступлениям, связанным с нарушением прав личности, то больших различий в количестве этих преступлений в Ливане, Северной Ирландии, Колумбии или Мьянме вы не обнаружите.

— Ирак оправдывает оккупацию Кувейта ссылаясь на то, что он ведет священную войну против американских империалистов и других неверных во имя ислама. Как вы оцениваете действия Ирака?

— Вторжение иракских войск в Кувейт не может рассматриваться как допустимая исламом война за веру, так как мусульмане воевали против мусульман.

JAN 17 1991 * 49 30

"ИСЛАМСКАЯ ПАРТИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ"

(2)

В Коране сказано: «Верующему не подобает убивать верующего, разве только по ошибке... Кто убьет верующего умышленно, тому воздаянием будет геенна, в которой он будет гореть вечно». Поддерживать это вторжение, по-моему, значит отказываться от исламского миролюбия, о котором я только что говорил.

— Поговорим теперь об исламе и демократии. Насколько я понимаю, шариат не признает ни независимости судей, ни свобод

ды слова. И те современные мусульманские лидеры, кто пытается применить каноны шариата к современной жизни, демонстрируют нетерпимость к инакомыслию. Пример — смертный приговор, вынесенный имамом Хомейни писателю Рушди. В свете этого возникает вопрос о совместимости исламских порядков с принципами либеральной демократии.

— Согласно шариату, судья должен быть зависим только от Бога и, как любой мусульманин, не должен бояться никого, кроме Бога. В вынесении решений он руководствуется Кораном и Сунной. Если этого оказывается недостаточно, он может обратиться к единодушно выраженному мнению авторитетов или прибегнуть к аналогии, сопоставляя то, что он рассматривает, с Кораном и Сунной. Над шариатскими судами нет никакой высшей инстанции, которая запрещала бы судье говорить что бы то ни было, если это не противоречит Корану и Сунне.

В странах, где преобладает мусульманское население, как правило, религиозные лидеры не стоят у власти. Поэтому они не могут лишать граждан свободы слова.

— И все-таки что вы, литературовед по профессии, думаете о деле Рушди? Неужели вас не корбит, когда литератору отказывают в праве на жизнь только

за то, что он высказал на бумаге?

— Я не имею права много говорить о книге Рушди, поскольку ее не читал, а только держал в руках. Могу лишь сказать, что нельзя не восхищаться верностью своей цивилизации, которую Хомейни сохранил, несмотря на длительное пребывание на Западе. Дело в том, что мусульманина занятия творчеством не освобождают от моральной ответственности перед обществом. Эту заповедь Рушди

нарушил, написав произведение не просто аморальное, но и святотатственное по отношению к пророку — мир ему! Такое сравнимо разве что с глумлением над могилами. Если это либеральная демократия, то мы против нее. Хотя лично я против смертной казни за создание произведений искусства.

— Шариат отвергает не только свободу слова, но и равноправие женщин. Говоря о защите мусульман, не собираетесь ли вы защищать и прежние порядки, лишавшие женщину многих прав, которыми у нас, по крайней мере по закону, она сейчас пользуется?

— Эмансипация, которую у нас внедряли под влиянием Запада, имела своим результатом отчуждение женщины от семьи и домашнего очага. Мы являемся свидетелями того, как распадаются семейно-брачные отношения и как страдают от этого дети. Ислам исходит из того, что женщина должна быть прежде всего хранительницей домашнего очага и воспитательницей детей. Естественно, что воспитание детей требует, чтобы женщина была просвещенной, и просвещению среди женщин в мусульманском мире уделяется не меньше внимания, чем просвещению среди мужчин. Это позволяет женщинам занимать достаточно высокие посты, вплоть до поста премьер-мини-

стра. Можете сопоставить это с ролью женщин в высших эшелонах власти нашей страны.

— Похоже, что религия сегодня частично заполняет духовный вакуум. И все же к чему это приведет? Меня беспокоит влияние идей радикального исламизма, пустивших корни в сопредельных странах, на азиатские республики СССР. Не несет ли это для них угрозу нового тоталитаризма?

— Духовный вакуум действительно есть. Но заполняют его, и не без успеха, шарлатанствующие проповедники «восточных» культов, колдуны, маги, экстрасенсы и т. п. С моей точки зрения, одобрить это нельзя. Совсем иное дело, когда стремление обрести твердую нравственную опору подводит человека к религии. Те, кому марксизм-ленинизм не давал возможности открыто реализовать свой интерес к ней, становятся истинными верующими. Рост числа верующих мусульман — это знамение времени. В то же время он подтверждает неумирающую приверженность народов Советского Востока к религии, которая была базовым элементом их культуры.

Что касается угрозы нового тоталитаризма, то я не вижу возможности для его проникновения в нашу страну с мусульманского Востока; примеры культурной или какой-нибудь иной экспансии оттуда мне неизвестны. Более того, можно сказать, что в своей прозападной эйфории мы забываем, что некоторые мусульманские страны экономически очень сильны и могли бы оказывать нам помощь на более выгодных условиях, чем Запад, если бы мы не продолжали игнорировать их потенциальных возможностей как наших партнеров.

Кроме того, мне кажутся необоснованными разговоры о новом тоталитаризме, когда старый тоталитаризм совсем неплохо себя чувствует в республиках Средней Азии и в Азербайджане. К сожалению, прессу больше беспокоят нарушения прав человека в Прибалтике и Молдове, чем запрет на деятельность нашей партии в Таджикистане, что можно квалифицировать как нарушение права на политическую деятельность по веронсповедальному признаку.

Беседу вел
В. КОСЫРЕВ.

С 7

ОГОНЕК

№ 34 (3239)

19-26 АВГУСТА

1989 г.

Нина ЧУГУНОВА

Фото Евгения СТЕЦКО

ОПТИНА, ЗАВЯЗЬ...

Какое средство употребляет против помыслов, сильно влекущих меня к осуждению ближнего, и особенно того, который меня чувствительно оскорбляет, которого поступки кажутся несообразными званием о Христе и дерзкими. Не в состоянии быть мирным, а не быть покойным в духе, значит носить душевную тяжесть?

— При появлении помыслов, побуждающих тебя к осуждению ближнего за нанесенную им тебе обиду, когда рассвирепевшая буря мысли устремится к взаимному отмщению,образи состояние скорби твоей с бывшим состоянием скорби Спасителя мира. Того, напротив, который наносит нам оскорбления, мы должны почитать благодетелем нашим: он не другое что, как орудие, коим Бог устраивает наше спасение.

Мир будет просвещать разум подвижника, заря кротости духовной прострет свои лучи на ум. Когда же разум не будет мрачен, он удобнее может отразить зло.

— Каким образом согревается охлаждающая душа?..

Из **ВОПРОСОВ УЧЕНИКА И ОТВЕТОВ СТАРЦА** «Исторического описания Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при ней Скита Св. Иоанна Предтечи» Леониды Кавелина. С.-Петербург, 1847.

Оптина пустынь, светоч Русской православной церкви, пожала судьбу монастырей, церквей, крестов, колоколов российских. «Золотая чаша, в которую сливалось все лучшее духовное вино России» (М. Концевич), была выплеснута и разбита. Говорят, что когда колокол снимали, чтобы увезти и переплавить, а через семь десятилетий разыскивать взамен хотя бы и малые колокола, в приходах вымаливая, то девяти-сотпудовый, с бархатным, повсюду слышным голосом колокол не проходил

в проем колокольни, так что сначала был разломан проем, а вслед брошен («начаяно обронен») и разбит на сотни кусочков колокол. И последние оптины богомольцы, блуждая по земле, вмяшейся от удара, собирали кусочки, чтобы хотя так сохранить память.

Потом об этих событиях писали кратко: «После Октябрьской революции монастырь прекратил свое существование». Но колокол снимали, наверное, в двадцать втором году, и Оптина была еще жива...

Пятый отдел Наркомюста, призванный провести в жизнь Декрет Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», назывался ликвидационным. Декрет издан в январе 18-го.

В начале 18-го на станции Вятка изрублен шашками епископ Дионий Измайловский. В том же году в Елабуге убит вслед за тремя сыновьями протоиерей о. Павел Дернов; в Петрограде красногвардейцы пытались проникнуть в Александровскую Лавру, с увещеванием к ним обратился протоиерей о. Петр Скипетров — убит; в Туле и Харькове расстреляны крестные ходы; расстрел толпы верующих при ревизии церковного имущества в Пермской епархии; убит митрополит Владимир Киевский и Галицкий (Богоявленский); убит протоиерей Иоанн Восторгов, служивший в Покровском (Василия Блаженного) соборе; после трехдневных истязаний зверски убит священник Михаил Лисицин станции Усть-Лабинская Кубанской епархии; расстрелян настоятель Санкт-Петербургского собора протоиерей Алексей Ставровский, заменивший собой молодого священника, на которого пал жребий репрессии после убийства Урицкого... К 22-му году по суду расстреляно белого духовенства 2691 человек, монашествующих мужчин 1962, монахинь и послушниц 3447, без суда расстреляно не менее пятнадцати тысяч, ликвидировано более семисот монастырей. Соловецкий, как известно, тогда же превращен в первый концлагерь.

Оптина подвергалась уничтожению постепенно.

Сначала были конфискованы мельницы затем кирпичный и лесопильный заводы. После был отобран лес, принадлежавшие монастырю и кормившие его рыбные ловли, луга, огороды, сады, скот, пасека, скит. В скиту, куда не один раз устремлялся получавший, однако, благословение поселиться поодаль Лев Николаевич Толстой, где бывали Достоевский... впрочем, о чем я? — в скиту должен был быть устроен дом отдыха. Наконец, «основанный в XIV в. предводителем шайки разбойников Оптию (Макарием) монастырь и центр старчества, сплотивший вокруг себя ортодоксально мыслящих представителей интеллигенции с целью поддержать мистический дух и противодействовать всему новому (цитирую «Атеистический словарь».— Н. Ч.) — т. е. развитию науки и материалистической философии...» прекратил существование.

Из оставшихся трудоспособных монахов была организована инокская сельскохозяйственная артель. В храмах сбители пока еще совершались службы. 30 июля 1922 года, проболев немногo более года, окончил свое земное бытие старец иеромонах Анатолий (Потапов). Осиротевшие духовные дети старца перешли под руководство к отцу Нектариию. Вся оставшаяся братия монастырская и большинство сестер Шамординской обители* (бывшего прибежища не одним лишь духовных сестер, но множества бесприютных сирот) еще держались вместе под видом артели, кормя себя трудом на небольших огородах. Зимой того же года старца Нектария арестовали. Больного, его увезли в санях.

Из молодых монахов до конца оставался в Оптиной послушник Илья Жирнов, впоследствии иеромонах Иоанн (скончался в ссылке), но молодые

* Сегодня это место запущенное, ничье.— Н. Ч.

монахи держались тверже, жили в обители под страхом изгнания, ареста.

Когда храмы, кладбище, трапезная, скит и семьдесят гектаров монастырского леса перешли в ведение государства и государственного музея, а монастырские здания занял детский дом, из братии было позволено остаться лишь двадцати монахам в качестве рабочих и сторожей, остальные покинули Оптину с великой скорбью, но остались поблизости в Козельске. По настойчивой просьбе крестьян из деревни Стенино в Оптиной был оставлен для богослужения Казанский собор, и в нем отныне почти ежедневно совершал службу вместе с иеродиаконном Серафимом иеромонах Никон, ученик и колодник старца Варсонофия и автор записей «Дневник иеромонаха Никона Беляева»

(последним он покинул обитель).

В июне 1924 года двери Казанского храма были заколочены досками, но о. Никон продолжал еще жить в Оптиной и принимал верующих для беседы и служил всенощные бдения в больничной кухне. Последняя всенощная, совершенная в Оптиной о. Никонем, была 15 июня двадцать четвертого года.

К этому времени в Козельске собралось очень много монашествующих. В козельской газете писали, что «по вечерам из каждого переулка и из-за каждого угла выползают черные вороны».

Отец Никон (Беляев) умер от туберкулеза в ссылке в «Архангельской области» (на Соловках?) в 1931 году. 15 мая 1932 года декретом правительства за подписью Сталина была объявлена «безбожная пятилетка», поставившая целью: к 1 мая 1937 года «имя Бога должно быть забыто». Когда перед завершением пятилетки был проведен опрос, результаты его оказались

конфузными, о чем писала в «Известия» Н. К. Крупская: «...массы были смущены параграфом опросного листа, касающимся религии». Перепись показала, что две трети сельского населения и треть городского откровенно веруют. Пятилетка была перенесена, и новый подсчет должен был состояться в сорок втором году. Страшно вымолвить: война остановила истязание.

Через шестьдесят пять лет после последней всенощной мученика за веру о. Никона в щебечущем солнечном лесу за Козельском я встретила на тропинке двух девушек, повязанных платочками, и спросила дорогу на Оптину. Они указали, напоследок обернулись.

— Господь доведет, — сказала одна. И мне открылся купол в строительных лесах.

Перед монастырскими воротами стояли вразброд сельхозмашины под

желтой вывеской «СПТУ». На дороге остановились «Жигули», оттуда выбрался мужчина в цветных полотняных трусах и женщина... В монастыре ударили к трапезе.

В трапезной молились, после разом сели, а кто-то стал читать Писание, громко, стоя перед как бы попитром с книгой.

— Ешь, — сказала веселая москвичка Людмила, черпая фасоль.

— Для вас читают, — озлилась паломница в кресле довроном. У этой старушки все зубы были металлическими.

— Можно молчать во славу Господа, можно и говорить во славу Господа, — быстро и радостно сказала Людмила.

Все в трапезной громко стучали ложками. Потом встали и затепли. И я встала, как на соборании. Потом убрала посуду и, когда спускались с тарелками из трапезной, посторонились, давая дорогу послушникам, инокам, ризопроформным, мантийным — в облачении...

Но вообще странное чувство было разлито во всем воздухе Оптиной, прежде не виданной мною никогда... Не одно лишь благолепие, а если и благолепие, то вся же с шумом некоторым, с гамом строительным, с залахом стружки и бензина. И широко шагал через весь двор молодой и чернобородый отец-эконом Мелхиседек, да и прямо спор слышался от строительной площадки, где бегали мальчишки, стучали топори.

Возвращенная обитель живет в молитвах и трудах.

Из записи беседы с корреспондентом наместника Свято-Введенского монастыря отца Евлогия (Смирнова).

— ...все-таки многие, очень многие жили тогда так: завтра — не быть России. Кто же вселял надежду? Это сделала православная церковь. Именно церковь обратилась к народу в опаснейшее для его духа время. Мне ветераны рассказывали: мы сидели в окопах и не было в нас веры в победу, и вдруг!... Да, обращение церкви было благотворно.

— И это совершилось не медля, а вскоре.

— Да! Никто не ожидал! На второй, на третий день войны. Отзывчивой показала себя церковь.

— Отец Евлогий, были священники, благословлявшие оккупантов.

— Ах, знаете...

— Невозможно же говорить, что они «не знали официальной точки зрения». Разумеется, благословение было искренним.

— Но вы представьте себе: оккупанты шли — и открывали закрытые прежде храмы. Вернулось то, что было когда-то...

— ...удавлено, чего не делалось и при Орде.

— Да, Орда не запрещала богослужение в православных храмах.

— Мы говорили с вами о «списке врагов народа». Что же, с церкви началось избиение народа? Мне непонятно столь быстрое проуждение жестокости в народе. Мне непонятна эта физкультурная быстрота, с какой милость сердца уступила крепости сердца, одна вера — другой. Бог — божеству.

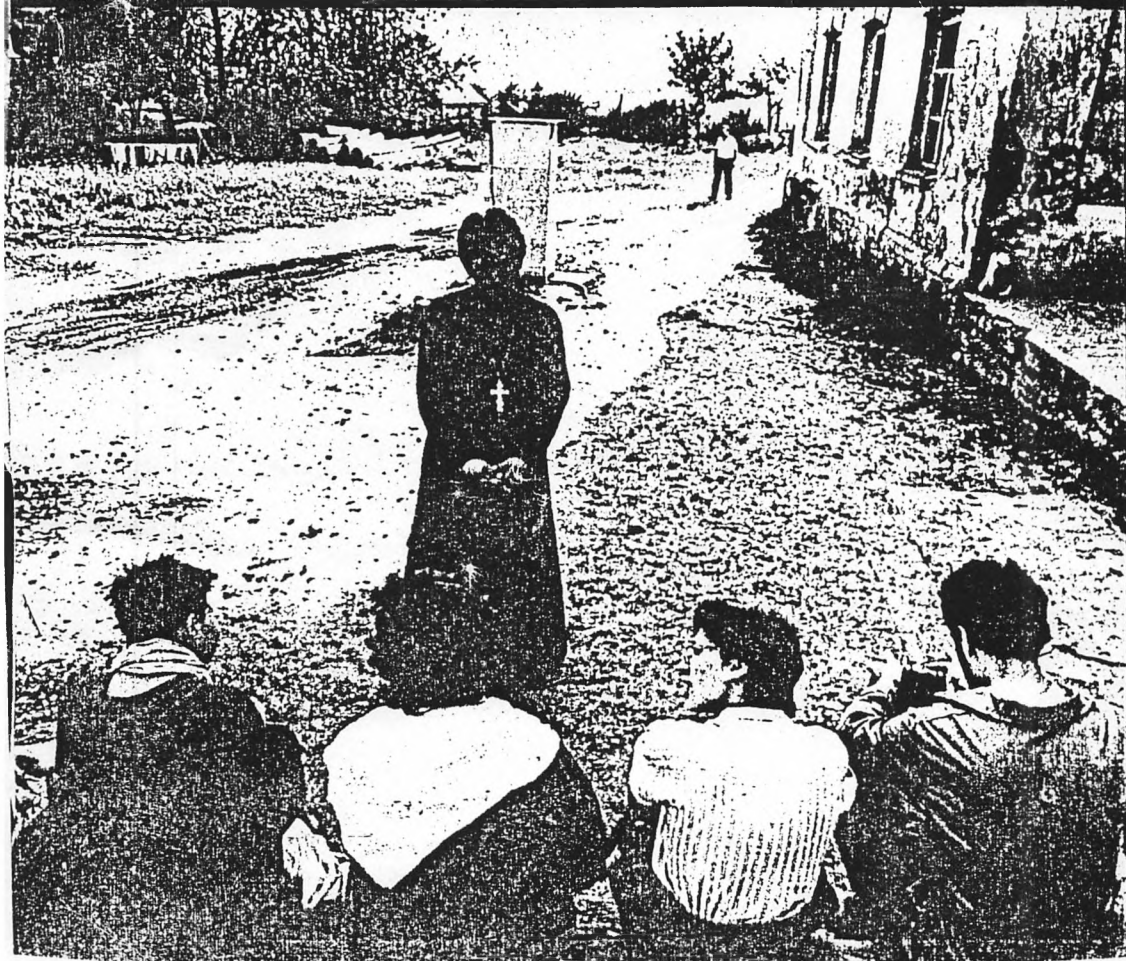
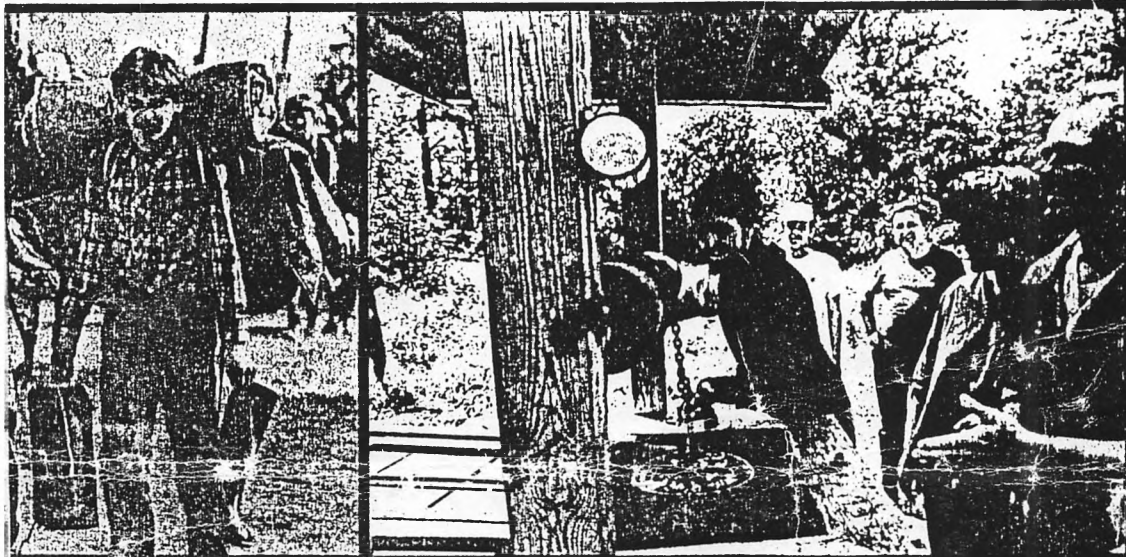
— ...Да, я рассказывал об инокской артели, образованной после закрытия обители. Бедная была артель. Собирали даже травы... Недавно! Ко мне приходят паломники, семейство, и приносят — вот, возьмите эту травку. Они мне ее приносят и говорят: батюшка, скажите, что это? Теперь вы мне скажите: что это?

— Не знаю, отец Евлогий, не знаю. Запах странный, чуждый.

— Таволга! (смеясь счастливым тихим смехом). Таволга! Исконный русский чай. Эти люди мне сказали: вы сидите на сокровище. Вам за нее пошла бы копейка на кирпичики. Да... а здесь был дом отдыха, и лагерь был пионерский. Один старожил московский, профессор, узнал, что я в Оптину назначен, сказал: а вы знаете, куда вы едете? Туда, где я до войны был в пионерлагере. Как? — сказал я. Вот так.

— В те годы в пионерских отрядах был лозунг «Режим — основа лагеря».

— В прошлом году детдом, который был здесь довольно долго, устроил встречу своих воспитанников. Встреча происходила в скиту. Люди все пожилые, благородные, интеллигентные, ученые. Съехались со всех краев и земель страны. Увидев меня, они даже забыли, зачем собрались. Мне дали слово. Я рассказал о монастыре, о наших намерениях. Меня с большим вниманием выслушали. По окончании моей речи двое пожелали ответить — интересно, что у них совпало желание. Они сказали: вы приехали на восстановление и встретились с таким разрушением. А мы здесь когда-то жили и знаем здесь каждый кирпич. В трудных обстоятельствах, в каких оказался наш Дом, нам пришлось печи сооружать из кирпичей крепостных стен, башен. И в этом мы перед вами виноваты и хо-

TOPIC: СССР /РЕЛИГИЯ/

ITEM: МОНАСТЫРЬ ОПТИНА ПУСТЫНЬ С 1988 ГОДА СТАЛ ДЕЙСТВУЮЩИМ -ОПЫТ ВОСХОЖДЕНИЯ ВОЗРОЖДАЕТСЯ НЫНЕ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

"НОВОЕ ВРЕМЯ" № 47/89 стр.42,43

КУЛЬТУРА

Оптина пúстынь: ОПЫТ ВОСХОЖДЕНИЯ

Церковная мораль и современное общество

Анатолий Горелов,
доктор философских наук

«**О**н... до того много принял в душу свою откровений, сокрушений, сознаний, что под конец приобрел прозорливость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришел, чего тому нужно и даже какого рода мучение терзает его совесть, и удивлял, смущал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово». Такую характеристику дал Ф.М.Достоевский в романе «Братья Карамазовы» старцу Зосиме, прототипом которого послужил настоятель скита Оптиной пустыни иеросхимонах Амвросий, причисленный в 1988 году на Поместном соборе Русской православной церкви к лику святых. Прочитированный отрывок кратко передает суть этого человека, в миру Александра Михайловича Гренкова, который окончил духовное училище и семинарию, некоторое время учительствовал, а затем вступил в монастырь под руководство первого старца Оптиной пустыни Леонида, был пострижен в монахи и стал широко известен на Руси. С ним Достоевский вел долгие беседы в Оптиной пустыни, с него писал отца Зосиму, в уста которого вложил некоторые важные для себя идеи.

Достоевский следовал сложившейся в русской культуре традиции, которая началась с Н.В.Гоголя и братьев Киреевских, неоднократно бывавших в Оптиной пустыни, и закончилась Л.Н.Толстым. Хотя к религиозной проблематике в своих

произведениях обращались и писатели поздней поры — М.А.Булгаков, Ч.Т.Айтматов («Плаха» — последний по времени пример), они уже не могли посетить этот монастырь, закрытый в 1924 году.

Я побывал здесь в первый раз в 1979 году. Из «космического» города Калуги, куда меня пригласили на ежегодные чтения памяти К.Э.Циолковского, я поехал в город седой древности Козельск и место вдохновения писателей и философов — Оптину пустынь. Козельск, или Козлеск, — название, говорящее о

множестве коз в лесу, — один из самых знаменитых городов на Руси. Его почти не коснулись урбанизация и индустриализация: 750 лет назад было 11 тысяч жителей, сейчас ненамного больше. Жившие охотой и собирательством козельчане, узнав о приближении татар, собрались на вече и решили биться до последнего. Взяв город после семинедельной осады, Батый приказал отрубить всем жителям головы. «Никого не осталось в живых», — доложили ему. «Рубите головы мертвым». На холме, где когда-то стоял кремль, сохранилось захоронение защитников города с языческим идолом, которого, отбив у него руки и ноги, превратили в крест. Рядом памятник советским воинам, погребенным здесь же.

В деревянном двухэтажном тихом музейчике у входа стоят часы, подаренные маршалом Жуковым, родившимся неподалеку от этих мест.

На площади перед музеем — остов крупного древнего храма. «Разбирали его перед войной, потом хотели наблюдательную вышку устроить, а после войны взорвать решили,

CODE: СССР / РЕЛИГИЯ /

ИТЕМ: МОНАСТЫРЬ ОПТИНА ПУСТЫНЬ С 1988 ГОДА СТАЛ ДЕЙСТВУЮЩИМ - ОПЫТ ВОСХОЖДЕНИЯ ВОЗРОЖДАЕТСЯ НЫНЕ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

- 2 -

"НОВОЕ ВРЕМЯ" № 47/89 стр. 42, 43

да побоялись — еще неизвестно, получится или нет, а соседние дома точно не устоят. Так и оставили», — говорит директор музея.

Разрушенные храмы, только поменьше этого, стоят кругом, и лишь одна действующая церковь в приличном состоянии.

Я попрощался с любезным директором и пешком пошел в Оптину. Перешел через Жиздру и свернул с дороги в прекраснейший и целительный сосновый бор.

— Как пройти к монастырю?

— Здесь сто дорог, и все ведут в пустынь, — был ответ.

Когда Гоголь в первый раз приехал сюда в 1850 году, ему повстречалась девочка с корзиной ягод. Он попросил дать ему ягод и спросил, сколько заплатить, а она ответила: «Ничего. Разве можно брать деньги со странных людей...» Гоголя так поразил этот факт, что он написал о нравственном влиянии пустыни на людей. Здесь он трудился над вторым томом «Мертвых душ», в котором хо-

тел дать образ положительного человека, перевоспитавшего Чичикова, но позже сжег написанное в Москве. Сюда после смерти своего сына в тяжелом душевном состоянии приехал Достоевский и здесь начал писать «Братьев Карамазовых» — роман, ставший венцом творчества гениального писателя. Здесь А. К. Толстой писал «Князя Серебряного». Сюда приходил пешком из Ясной Поляны Л. Н. Толстой, в этих местах он хотел первоначально поселиться после своего ухода из дома в 1910 году. В Оптике Л. Н. Толстой написал свою последнюю работу «Действительное средство», которая заканчивалась словами: «...давайте же будем... общаться людям это знание, потому что это единственное действительное средство борьбы». Сюда приезжали философы И. В. Киреевский и В. С. Соловьев. Иван Киреевский похоронен здесь рядом со своим братом.

Русские писатели и философы черпали в пустыни нравственную силу — источник их труда и вдохновения. Как солдату нужно оружие, так писателю

и философу — нравственная мощь, и именно за этим они приезжали.

Хотя в 1979 году в монастыре было сельское ПТУ, а в кельях жили не монахи, а рабочие, нравственное влияние пустыни продолжало сказываться. В столовой училища меня накормили обедом, а когда я спросил, сколько заплатить, ответили: «Ничего не надо, спасибо вам».

В келье Амвросия жил Михаил

Эти ворота открывают вход в храм?

Николаевич Сахаров с женой, приветливые и радушные люди. Михаил Николаевич работал на ближайшем заводе, от которого и получил келью. Жена его долго не хотела пускать меня в дом: как выяснилось потом, не по злобе, а из-за стеснения перед чужим человеком. Обстановка внутри была самой убогой, какую только можно представить. Низкий потолок, капли воды, выступавшие на каменных стенах. Я взял у них адрес: Оптина, Пионерская ул. (она одна, идущая по кругу), дом 1, и, уходя, попросил попить воды. «Какая вкусная!» — «Это из Пафнутаевского источника. Он считается святым. Сюда издали ездят», — со-

CODE: СССР /РЕЛИГИЯ/

ITEM: МОНАСТЫРЬ ОПТИНА ПУСТЫНЬ С 1988 ГОДА СТАЛ ДЕЙСТВУЮЩИМ -ОПЫТ ВОСХОЖДЕНИЯ ВОЗРОЖДАЕТСЯ НЫНЕ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

- 3 -

"НОВОЕ ВРЕМЯ" № 47/89 стр. 42, 43

общила жена. «Да нет, это не тот, — поправил муж. — Тот пропал. Вот здесь клумбы были с цветами, потом, конечно, все растащили, потоптали». — «А кто еще в этом доме жил?» — «Во всем нашем доме жили четыре монаха, а сейчас три семьи. Вон в том доме жил Гоголь, а в том — Достоевский. Здесь вообще-то нельзя было никому жить, кроме монахов. Но им разрешили».

...И вот я снова здесь через 10 лет. Монастырь, основанный по преданию в XV веке грозой прежних дремучих лесов разбойником Оптой, неоднократно упраздняемый и восстанавливаемый, прославившийся благодаря введению в нем с 1821 года старчества и закрытый после революции, вновь с 1988 года стал действующим. Теперь хозяева здесь наместник архимандрит Евлогий, отец Владимир, отец Иннокентий и еще два десятка (пока!) иноков, посвятивших себя служению Богу. Их дело — не только молитвы, но и восстановление этого, по словам П.А.Флоренского, «духовного санатория» в его прежнем виде.

Недавно монастырь обрел свою святыню. 23 октября 1988 года был праздник открытия мощей нового святого — Амвросия, привлекивший небывалое для этих мест количество народа — несколько тысяч человек.

Амвросий — человек, чье существование не вызывает сомнений, сохранились его фотографии и свидетельства многих людей (ведь он принимал в день по 30—40 человек), и в то же время официальный святой! Он был третьим в ряду великих оптинских старцев после отца Леонида и отца Макария и достойным продолжателем школы нравственного самосовершенствования, которая развивалась в XIX веке в Оптиной пустыни. Мы как-то забыли, что монашество ставило своей задачей воспитание совершенного человека, теория самосовершенствования рассматривалась отцами церкви как «наука наук и художество художеств». Одной из высших ступеней восхождения было старчество — институт духовного руководства монахами, в возрождении которого на Руси большую роль сыграли Пансий Велич-

ковский (также канонизированный на последнем Поместном соборе) и его ученики.

По мнению Амвросия, нет выше добродетели, чем любовь, и нет хуже порока и страсти, чем ненависть. Амвросий призывал к доброте, простоте, благожелательности в отношении к ближнему и сам отличался приветливостью, участием и жалостью к людям. Как и другие старцы, он соединял в себе всевидение (по нынешней терминологии — сенситивные способности) и праведность. По его словам, прогресс — дело человеческой души, а не общественных отношений.

Конечно, церковная мораль не может быть буквально перенесена на светскую среду. По Иоанну Лествичнику, составившему лестницу совершенствования, мать дарований — смирение. Смирение играло особенно большую роль в православной церкви, считаясь основой духовной жизни. Но какое влияние это могло оказывать на частную и государственную жизнь? В русских людях и так, быть может, слишком много смирения, и не помогла ли эта многовековая проповедь культу личности? Правда, наряду со смирением и покорностью процветала и гордыня: мы, миссионеры, несем новую истину и впервые можем воплотить ее в жизнь. За нее, впрочем, тоже отчасти ответственно православие, именно свое истолкование христианства считавшее единственно верным. А крутость наряду со смирением, по С.С.Аверинцеву, вторая наиболее характерная черта православной жизни? Не она ли хоть в малейшей степени, но ответственна за ужасы гражданской войны и последующего террора?

В церковном призыве к постоянному самоукорению и боли о грехах (ужоряющий себя — выше несогрешившего, по словам старца Макария) есть нечто возвышающее человека. Ощущение греховности нужно не для того, чтобы только терзаться, а чтобы мучения вели к возрождению падшего (слова Зосимы, выражающие главную мысль «Братьев Карамазовых», да и не только этого произведения До-

CODE: СССР /РЕЛИГИЯ/

ИТЕМ: МОНАСТЫРЬ ОПТИНА ПУСТЫНЬ С 1988 ГОДА СТАЛ ДЕЙСТВУЮЩИМ -ОПЫТ ВОСХОЖДЕНИЯ ВОЗРОЖДАЕТСЯ НЫНЕ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

- 4 -

"НОВОЕ ВРЕМЯ" № 47/89 стр.42,43

стоевского). Настоящая кара — единственная действительная, единственная устрашающая и умиротворяющая — заключается в «сознании собственной совести». Эти слова Достоевский не случайно вложил в уста старца.

Опыт нравственного самосовершенствования притягивал в Оптину пустынь писателей и философов, которые наравне с монахами участвовали в нем, хотя отношения складывались не всегда гладко. Гоголь только здесь, по его словам, и встретил понимание, вел переписку с Макарием и другими иноками и писал иеромонаху Филарету: «Мне нужно ежеминутно... быть мыслями выше житейского дрязгу, и на всяком месте своего странствия быть в Оптиной пустыни». И.В.Киреевский много лет плодотворно сотрудничал с Макарием в издательской деятельности, а его брат П.В.Киреевский собирал в Козельском уезде песни, и ему слали их в Оптину пустынь со всей России. А вот отношения с Л.Н.Толстым, которого Амвросий называл «воплощением гордыни», у него не сложились, и сам Толстой отзывался о нем довольно критично.

Опыт восхождения возрождается ныне в новых условиях. И опять в нем участвуют деятели культуры.

Роль религии состоит в обращении человека к собственному несовершенству. Переживая, человек стремится стать выше. Главное, быть может, не то, чему учит человека церковь, а что чувствует он сам в ее лоне. Становится ли он сам лучше? Если да, значит, религия выполняет свою духовную роль в обществе.

Гонения на религию в нашем веке совпадали с чудовищными преступлениями против человека и человечности. Религия уничтожается в самые трагичные периоды развития общества (может, именно для того, чтобы заглушить чувство вины и стремление к высшему), и вместо нее насаждаются тоталитаризм, культ личности Земного Бога.

Религия не узурпирует проблемы этики, и можно спорить с Достоевским, что «если Бога нет, то все дозволено», и доказывать, что простые нормы морали и нравственности столь же абсолютны, сколь и церковные заповеди. Но и религию не устранить от решения нравственных вопросов.

Сейчас пришла пора спокойно удостовериться в том, что существует особый разряд верующих людей, которые по-своему ставят и решают возникающие перед ними нравственные проблемы. Их попытки следует знать и уважать.

И есть люди, вечно мучающиеся и мятущиеся, которым религия тоже может помочь. Рассказывают, что, когда Л.Н.Толстой в последний раз уже после ухода из Ясной Поляны пришел в Оптину пустынь, он долго колебался, идти ему к старцу или нет, дошел до Святых ворот, спросил о здоровье старца и все-таки не вошел в скит. В этом есть нечто символическое. Покинуть привычную среду, потому что жить в ней стало невозможно, и подойти вплотную к возможности новой жизни, но не сметь начать ее и умереть, не найдя в себе сил жить ни в «том», ни в этом мире... ■

- 1 ф -

CODE: РЕЛИГИЯ

ГОЛОДОВКА ВЕРУЮЩИХ В ИВАНОВЕ - БЕЗНАВРАСТВЕННОЕ, АНТИЗАКОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ.

Пролетариям всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 28 (3233)

8—15 ИЮЛЯ

Фото
Олега
КАПЛИНА

События, довольно долго вызревавшие в городе Иваново, а затем вырвавшиеся наружу и в считанные дни ставшие известными всему миру, представляются мне слишком значительными, чтобы ограничиться простым их изложением (хотя даже оно, я уверен, оставило бы неизгладимый след во многих сердцах). Противостояние верующих, отстаивающих свое право на общину и храм, и местной власти, зачастую не очень-то склонной считаться с законом,— противостояние, не новое для нашей жизни вообще,— заметно обострилось в последние годы.

CODE: РЕЛИГИЯ

ГОЛОДОВКА ВЕРУЮЩИХ В ИВАНОВЕ — БЕЗПРАВСТВЕННОЕ, АНТИЗАКОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ
МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ. 12/

Александр НЕЖНЫЙ

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Немало поучительных историй можно напомнить в связи с этим. В Кирове, например, православные верующие после упорной борьбы добились таки перелома в отношении к своим насущным нуждам со стороны руководителей области; в Ровно высоко поднимавшаяся волна общественного недовольства улеглась лишь после возвращения храма; в чувашском селе Байгулово в ноябре — декабре минувшего года верующие тридцать пять дней не выходили из Богоявленской церкви, требуя превращения ее из клуба в храм... И настояли на своем, хотя сначала начальство пыталось сломить их холодом (отключили тепло) и темнотой (отключили электричество).

В Иваново от столкновения выскочила искра, и грянул взрыв: голодовка! Объявили ее, само собой, не исполкомские и обкомовские работники, доведенные до края отчаяния перегибающими в своих требованиях гражданами, а пять женщин (вскоре осталось их четыре — одной взятая ноша оказалась не по силам), которые, после многомесячных уроков усвоив, что аппарат им не перетянуть, бросили на чашу весов последний довод — свою жизнь. И 21 марта, в 8 утра уже были у кинотеатра «Современник» и к его стене приставили укрепленное на двух древках полотнище: «Объявляется голодовка с 21 марта. Не едим и не пьем до открытия Красного храма и согласны умереть на родине первых Советов».

Построенная в начале века из красного кирпича и по его цвету получившая второе название — Красный храм — Введенская церковь возвышалась напротив: с узкими стрельчатыми окнами, мощными барабанами и зелеными куполами без крестов. Широкий проспект имени Фридриха Энгельса разделял «Современник» и церковь; по нему прохотали трамваи, катили машины, шли люди. Шел Дубов Лев Николаевич, секретарь облисполкома, — шел и возле женщин приостановился. «Сидите?» «Сидим!» — ответили ему. Он вздохнул: «Что с вами сделаете?».

Целый день возле них толпился народ, высказывая по поводу голодовки различные соображения, среди которых можно, пожалуй, отметить глубоко запавшую в сознание старшего поколения и теперь вдруг прозвучавшую весьма кстати мысль об иностранной разведке с помощью подкупленных женщин ре-

шившей потрясти основы советского строя. Доктор Хайдер, во имя несомненно высоких целей усевшийся голодать напротив Белого дома и за долгие дни своего жертвоприношения на глазах у всего мира обросший бородой, — сколько слов одобрения и поддержки высказали ему на собраниях и митингах незнакомые советские люди! Даже портреты его продавали на московских улицах... Любый протест там у нас привычно рассматривается как должное — в самом деле, что еще остается у них порядочному человеку? Но здесь — с нерассеявшимся еще миражем всеобщей гармонии, с билетом на вход в счастливое царство, который вот-вот должна была выписать каждому гражданину добродетельная власть, с еще не отзвучавшими в народной памяти победными трубами в честь достижений индустриализации, коллективизации, покорения природы и преодоления вредных пережитков проклятого прошлого? «Экстремисты...» — сказал заведующий идеологическим отделом обкома КПСС Н. В. Михеев — Они использовали веру в политических целях».

Отчаяние — экстремизм? Вопль о помощи — политическая спекуляция? Стремление к духовной свободе, поставленное выше собственной жизни, — не тот метод?

Русская трагедия встает перед нами в этих вопросах. Всякий раз, когда по заблуждению ума и сердца общество перестает сознавать значение абсолютных ценностей, когда самородное золото оно разменивает на обиходную медь, когда ждет истины от им же сотворенных кумиров, — тогда в человеке как бы умирает ответственность за все, что происходит с его народом, с его землей и его храмами. И тогда он превращается либо в покорного исполнителя чужой воли, либо в скорбного созерцателя стеснившего Отечество произвола, либо в жертву ничем не обузданного зла. Демократия вовсе не исключает гражданского неповиновения, столь не-

привычного еще у нас для одних и столь ненавистного для других; без него, если хотите, она становится всего-навсего картонной маской, и без него проспект Энгельса обречен остаться улицей, которая никогда не приведет к Храму.

С недавних пор вошедшая в наше сознание символика фильма «Покаяние» придала, как мне кажется, понятию «Храм» нечто общекультурное или, точнее, общедуховное. И стремление спасти храм от разрушения — это прежде всего стремление сохранить исторические основы народного бытия, уберечь питающие нацию корни, защитить источник света, которому грозит мрак

CODE: РЕЛИГИЯ /

ГОЛОДОВКА ВЕРУЮЩИХ В ИВАНОВЕ - БЕЗНАВРСТВЕННОЕ, АНТИЗАКОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ
МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ.

насилия, тем более опасного, что оно
искушает человеческую душу соблаз-
ном новой веры, новых богов и новой
нравственности.

Вместе с тем было бы непроститель-
ным и чисто интеллигентским заблу-
ждением истолковывать понятие
«Храм» преимущественно как символ
культуры в отрыве от питающей его
почвы. Противоборства, происходящие
сегодня во многих городах и селах стра-
ны и почти зеркально отображающие
ивановские события, вряд ли достигли
бы такой остроты, если их сердцевиной
оказались бы исключительно символы.
И сколь ни важно для нас сосредото-
ченное в стенах православной церкви,
католического костела, иудейской си-
нагоги и мусульманской мечети огром-
ное культурно-историческое содержа-
ние, сколь ни дорога нам воплощенная
в Храме Красота и наглядно скрепляе-
мая им связь времен,— надо признать,
что вовсе не это является главной при-
чиной, побуждающей верующих требо-
вать возвращения своих святынь.

Во имя чего в таком случае верующий
люд затевает изнурительную для него
тяжбу с властью, отправляет в Москву
ходоков и пишет отчаянные письма, со-
бирая под ними тысячи (!) подписей?
Почему в подмосковной Ивантеевке вот
уже два года с неослабевающим упор-
ством верующие отстаивают свое право
на церковь Смоленской Божьей Матери,
которую пятьдесят лет назад прежняя
власть у них отобрала и которую нынеш-
няя власть срочно превращает в музей?
Почему волнуется Новосибирск, где на
полтора миллиона жителей всего лишь
одна действующая церковь и где в цен-
тре города, в постыднейшем состоянии,
как укор всякому неочерствевшему
сердцу, стоит некогда величественный,
торжественного, византийского стиля
храм во имя Александра Невского —
ровесник города, его святыня, слава
и память? Была в нем студия кинохрони-
ки, теперь затевается реконструкция
под филармонический зал... Почему той
же болью и тем же стремлением отзы-
ваются Симферополь, Челябинск, село
Кучиновка Черниговской области,
Алушта, Свердловск, райцентр Струги
Красные Псковской области, Белая
Церковь, Закарпатье, Брест, Прже-
вальск, Дивеево — десятки городов
и селений нашего Отечества?

13/

Миллионы верующих, отмечает жур-
нал «Коммунист», не досадный промах
истории, а реальность. И пусть их убе-
ждения будут нелепой ошибкой, при-
скорбным заблуждением, детской наив-
ностью, но ведь если за семьдесят лет
самого передовое мировоззрение не
смогло истребить в человеке стремле-
ние к Храму, то, стало быть, по трезво-
му рассуждению, приходится ныне при-
знавать, что это не столько ошибка,
заблуждение и наивность, сколько
огромный факт народной жизни с глу-
бокими и прочными корнями. Не счи-
таться с ним — значит, впасть в самый
худший вид политического идеализма
и ставить крест на демократическом
развитии общества...

Возле объявивших голодовку женщин
сразу же появилась милиция.

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Я обошел вокруг Введенской церкви.
Пятиэтажные дома-коробки из серого
кирпича стояли с ней рядом в 4-м пере-
улке Спартака; коробки повыше, па-
нельные, выстроились вдоль проспекта
Энгельса; бетонные здания универсама
и кинотеатра видны были напротив...
Новая жизнь устроила здесь себя как
бы наспех, на скорую руку, однообразно
и скудно, и вполне можно было вообра-
зить, что, очнувшись, она с горьким изу-
млением взирает на Красный храм
и снова и снова пытается понять при-
чину его красоты и своей гнетущей безли-
кости.

В городе Иваново (население, по дан-
ным последней переписи.— 481 тысяча
человек) одна православная действующая
церковь — Преображенский собор,

закрытый в тридцатые годы и возвра-
щенный после войны. (В начале века на
40 тысяч жителей было 11 церквей.)
В канун Благовещения, вечером, я на-
прасно пытался протиснуться внутрь
собора.

Если нас унижает столпотворение
в магазине, то не стократ ли большее
для человеческого достоинства страш-
ная теснота в церкви, сопровождаемая
увечьями и обмороками?

Провозглашенная нашей Конституци-
ей свобода «отправлять религиозный
культ» в таких условиях явственно при-
обретает черты недоброй пародии
и плохо прикрытого пренебрежения
к верующим гражданам, которые полу-
чают предметное доказательство своей
«второсортности». В окутывавшем об-
щество сумраке не различить было
нравственных страданий человека,
в горестном изумлении спрашивающе-
го — себя, небо, родную власть.— отче-
го так стеснен он в исповедании своего
религиозного чувства, отчего из года

CODE: РЕЛИГИЯ

ГОЛОДОВКА ВЕРУЮЩИХ В ИВАНОВЕ - БЕЗПРАВСТВЕННОЕ, АНТИЗАКОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ.

в год обречен проталкиваться к амвону сквозь плотную, жаркую толпу и отчего к главной в его жизни радости он может приблизиться, лишь пройдя какие-то дикие испытания? Кто это все устроил? Зачем?!

Для меня несомненно, что этот, вырвавшийся из оскорбленного сердца вопрос нуждается в объяснении куда более основательном, чем полагают те, кто склонен искать ответ на него (равно как и на многие другие мучительные вопросы нашей жизни) в деятельности некоего тайного сообщества, поставившего своей целью погубить Россию. Сторонникам этой идеи было бы полезно взглянуть чуть пошире и взять, например, себе на заметку, что в братской Монголии маршал Чойбалсан перебил половину лам и уничтожил более семисот церквей и монастырей. И что в неведомой нам сейчас, но некогда чрезвычайно дружественной Албании Энвер Ходжа объявил всякую религию вне закона, а в Кампучии мальчики Пол

Пота и Йенг Сари, хлебнув поистине адской смеси из пальмового самогона и человеческой крови, убивали мотыгами буддистских священников. Следовало бы, кроме того, попытаться осмыслить гонения, пережитые церквями социалистических стран Восточной Европы, и объявленный сразу же после Апрельской революции в Афганистане беспощадный поход против ислама — решение, ставшее одной из главных причин десять лет терзающей эту страну войны. Поистине, надо уж очень стремиться принизить понимание сокровенной глубины истории до вполне обыденного уровня, чтобы «тайный заговор» стал универсальной отмычкой едва ли не ко всякой трагедии нашего недавнего прошлого, в том числе и к трагедии, постигшей Храм.

Великий гражданин Владимир Галактионович Короленко в одном из шести своих писем к А. В. Луначарскому с глубокой горечью писал: «Вы являете первый опыт введения социализма посред-

ством подавления свободы. Что из этого может выйти?» «Вы хотите неклассового общества, общества коммунистического содружества,— пытался он убедить народного комиссара просвещения при личной с ним встрече в Полтаве в июне 1920 года,— для вас человеческая личность должна быть святей, чем для кого-нибудь другого, а вы ее топчете».

Короленко за социализм, поскольку, по мнению писателя, лишь этот общественный строй может обеспечить социальную справедливость. Но он вместе с тем решительно против такого социализма, который поднимается на костях затоптанной свободы.

Из несвободы как всеобщего принципа неизбежно вытекает ожесточенное грубым материализмом отношение нового строя к церкви, после 1918 года оставшейся, по сути, единственной организацией, еще сопротивляющейся тотальному насилию над духовной жизнью и пытающейся отстоять независи-

мость мысли и совести от посягательств государства. «Вы обещали свободу,— читаем в послании патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров по случаю первой годовщины Октябрьской революции.— Великое благо — свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. ...Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры».

Замечательно совпадение оценок последовательного демократа Короленко и вряд ли близкого ему по убеждениям православного патриарха. Мы никогда не поймем действительных причин беспощадно жестокого отношения социализма отечественного, так сказать, образца к церкви и верующим, если упустим из виду точно такое же отношение к необходимым для нормального развития общества демократическим принципам. Даже сейчас, семьдесят лет спустя, достаточно чуть понастойчивей по-

CODE: РЕЛИГИЯ

ГОЛОДОВКА ВЕРУЮЩИХ В ИВАНОВЕ - БЕЗНРАВСТВЕННОЕ, АНТИЗАКОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ. 157

скрести поверхностный и примитивный атеизм многих руководящих товарищей, и за ним почти безошибочно открывается нелюбовь к свободе вообще, тяга к приказу, ломанье, силовому давлению, страх перед многообразием жизни и стремление во что бы то ни стало загнать ее в привычные рамки своих представлений, навыков и убогих идей.

Ну вот, скажем, почему так упорно отказывали ивановские власти в регистрации второго православного общества (а заодно — и третьего)? Должностные лица, все поголовно с высшим образованием, не понимали разве они, что поступают незаконно? На ленте магнитофона остались разговоры верующих с секретарем горисполкома Л. Антоновой, секретарем облисполкома Н. Балабановой (теперь — заместитель председателя облисполкома), председателем облисполкома В. Тихомировым, бывшим уполномоченным Совета по делам религий А. Лысовым, — и, слушая их, я начинал понимать, какую глущую удушающую тоску может испытывать человек, ощутивший себя заложником расчетливого бюрократического абсурда. «Они не ваши слуги, — стеной вставал Лысов на защиту руководителей, — а слуги народа». «А мы кто — не народ?» — спросили верующие, указав, что их просьбу поддерживают тысячи жителей города. Лысов отбил, не дрогнув: «Вы — люди. А народ — имеется в виду вся область».

Аппарат откровенно надеялся взять измором, переждать точку кипения и с тихим торжеством спустить на тормозах. Однако не получилось: после четвертого хождения ивановских граждан в Москву, к двухэтажному особняку на Садовой, Совет по делам религий при Совете Министров СССР своей властью отменил незаконный отказ и зарегистрировал вторую православную общину в Иванове (а вслед за ней и третью).

Председатель Ивановского горисполкома Анатолий Павлович Головков — невысокий, крепкий человек сорока двух лет с хорошим, открытым лицом. Мы встретились в апреле, я спросил: «Тогда, в августе прошлого года, какие у вас, Анатолий Павлович, были основания отказывать в регистрации второго православного общества?» Он мягко ответил: «Мое, например, мнение личное — я против того, чтобы расширять на сегодняшний день церковную общину». «Причины?» «Ну, чисто, может быть, по атеистическим, что ли, причинам. Мне кажется, это не тот выход. Не тот путь. Может быть, потому, что я воспитан в духе атеизма. Мне, например, претит, если откровенно, между нами

говорить, расширение на сегодняшний день круга... числа верующих. Исполком не считал в принципе нужным регистрировать эту общину потому, что, как мы считаем по своей статистике, у нас около пяти тысяч верующих... Это не официальная статистика, а по нашим прикидочным данным. Такое количество — мы и на исполкоме считали — для него достаточно одного храма».

У исполкома, таким образом, одна статистика (выдающая, кстати, тайный учет верующих граждан), у епархии — своя, более достоверная.

Но даже если бы агентурные, так сказать, данные, полученные представителями Советской власти, не вызывали сомнений — это обстоятельство ни в коей мере не могло бы служить основанием для отказа в регистрации религиозного общества. Заявления двадцати человек — по закону — достаточно для того, чтобы община получила право на существование; а в нашем случае просили об этом три тысячи граждан!

На симпатичном лице Анатолия Павловича возникла и сделала его еще более привлекательным улыбка — как бы стеснительная, но в то же время, несомненно, и снисходительная. «Ну, я не знаю... Это опять надо вести разговор о чисто человеческом понимании. Вы говорите, что по закону — нет. Но по закону многого у нас нет. Мы долж-

ны и сами как-то думать. Правильно? Не во все же инструкции можно уложиться, существующие на сегодня».

Чтобы доходчивей выразить и без того банальную мысль, что для нас, граждан СССР, советские законы являются обязательными, я даже прибег к довольно-таки школьному примеру о штрафе за переход улицы в неположенном месте. Головков возразил: «Это явные законы». «А этот, — спросил я, имея в виду законодательство о религиозных культах, — не явный?» «Я еще раз говорю, — со вздохом промолвил председатель горисполкома, — что это все-таки зависит от нашего мировоззрения. Должна быть своя точка зрения».

Жутковато становилось мне между тем в его кабинете. Если бы он один такой нашелся на всю нашу державу, то в конце концов можно было бы и рукой махнуть. Но я совершенно точно знал, что и в других городах, областях, краях и республиках в крепких руках держат власть люди, которые, подобно Анатолию Павловичу, терпеть не могут верующих, причем вовсе не потому, что с молоком матери всосали атеизм (о настоящем, глубоком, подчас трагиче-

CODE: РЕЛИГИЯ /

ГОЛОДОВКА ВЕРУЮЩИХ В ИВАНОВЕ - БЕЗНРАВСТВЕННОЕ, АНТИЗАКОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ
МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ. / 6/

ском атеизме они часто и понятия не имеют, и вся их философия сводится к двум-трем затвержденным еще в юности шаманским заклинаниям).

Православные ли, католики, мусульмане или протестанты обладают чувствами для них понятиями о духовной свободе и вредной в их глазах склонностью упорно добиваться ее действительного осуществления. И так сильна еще идущая от самых истоков традиция подавления духовной свободы, такую негласную, но прочную поддержку еще получает она и так, судя по всему, отвечает тому идеалу общества, который любезен иным руководителям, что они совершенно не стесняются с замечательной ревностью лишать верующих весьма скудных (шаг влево, шаг вправо — считается побег) прав, отпущенных им бывшим семинаристом в год великого перелома.

Но, чтобы открыто нарушать закон, нужна, я полагаю, твердая уверенность в том, что даже легкого шлепка не последует в наказание. — не так ли?

НЕ РАБ, НО СЫН

Не следует вместе с тем думать, что лишь верующие испили из этой горькой чаши. Если реальной властью обладают силы, стремящиеся заключить жизнь в рамки жесткой детерминированности, если мрачные грезы о послушном народе еще и поныне владеют верховными умами. и если к молодому вину перемен усердно подмешивают изготовленную в годы застоя плодоягодную сивуху, то едва ли не всякое движение общества к подлинно демократической независимости будет неизбежно наталкиваться на глухую бюрократическую стену. Однажды вечером в моем номере собрались «неформалы» — человек двадцать. Разные тут были люди: юристы, музыканты, студенты, педагоги, инженеры, кооператоры — словом, российские интеллигенты, с очень внимательным, трезвым и острым взглядом на общественную жизнь города Иваново.

Лично для себя они не искали равным счетом ничего; притягательной точкой их помыслов была, если говорить вообще, духовная свобода — та самая духовная свобода, право на которую с таким мужеством отстаивали верующие. Но для чего вдруг понадобилась им она? Почему раньше они могли обходиться без нее, и жили, и обзаводились семьями, и получали зарплату, и растили детей? Да потому, что, чувствуя себя рабом, человек слагает с себя ответственность за судьбы города, области, страны и мира; но стоит ему лишь однажды осознать свою сыновность, как в нем тотчас пробуждается от рода присущее стремление творить более достойную, более гуманную, более нравственную жизнь. Страсть

к общественному творчеству возникает в нем — и это, быть может, есть самое главное достижение нашей перестройки.

Весь город в ту пору был взбудоражен событиями вокруг Красного храма; с них и начали. «Городское и областное руководство отнеслось к этим событиям со старых позиций, оно не желает уступить и пяди», — сказал сотрудник Дворца пионеров А. Хитров. «Настало между тем время, когда невозможно не считаться с людьми. Надо делиться властью, а они не хотят. Налицо неверие в народ», — сказал Л. Беляев, председатель профкома энергоинститута, — пренебрежение его интересами, страх перед ним... Это настолько не вяжется с тем, что мы читаем!» «Голодовка верующих всех объединила», — сказал художественный руководитель областной филармонии А. Резник. — 31 марта застал исполком горсовета, народ двинулся туда. Там уже каре из милиции. Никто не выступал, не было ни лозунгов, ни плакатов, стояли, ждали. Спросили начальника: что решили власти? Он в мегафон: просьба разойтись! Милиция двинулась на людей». «Меня задержали», — сказал С. Михеев, студент 4-го курса сельхозинститута. — Злостное неповиновение властям, сопротивление. На следующий день — суд. Я попросил, чтобы привели человека, который меня задержал. Пришел совсем другой, на все мои вопросы отвечал невпопад. Оштрафовали на 25 рублей, говорят: иди! А в институте уже знают, что меня задержали; уже звонок был, чтобы меня исключили. Мне в милиции говорили: умирают они — и пусть умирают. Тебе что за дело? Мне жить стало страшно!»

Тишина наступила после этих слов Сережи Михеева. Мне кажется, я вполне точно знал, о чем думали сейчас мои собеседники, собравшиеся в номере гостиницы «Центральная». Молодой человек поверил, что он может быть гражданином, что политика касается его в той же мере, как, скажем, и первого секретаря обкома партии, — и получил деспотический пинок в незащищенную душу. Ни одного из нас «казарменный социализм» не хочет выпустить за порог своего мрачного общежития, в другую жизнь: но увидевший свет и осознавший себя сыном уже никогда не вернется назад.

«Вот вы, — обратился ко мне А. Рождественский, председатель кооператива инженерного дизайнера, — начали нашу встречу с того, что узнали, кто мы, где работаем. В городе же о нас создают представление, что «неформалы» — это какие-то безымянные силы, подстрекатели, которые что-то нехорошее делают с народом, мутят воду...»

CODE: РЕЛИГИЯ

ГОЛОДОВКА ВЕРУЮЩИХ В ИВАНОВЕ - БЕЗНРАВСТВЕННОЕ, АНТИЗАКОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ
МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ. (H)

Сомнительные люди с нулевой общественно полезной деятельностью. Основная тема нашего руководства, когда речь заходит о «неформалах», — хватит разговаривать, давайте работать! Как будто мы все безработные и только и делаем, что шастаем от митинга к митингу». «Третий месяц», — сказал Е. Солодовников, руководитель городского хора ветеранов партии, член Союза журналистов СССР, — мы добиваемся регистрации совета, который бы координировал деятельность «неформалов». Третий месяц эта волынка длится, они категорически отказываются нас регистрировать как общественную организацию, не приводя никаких доводов, кроме одного: нецелесообразно!» «Действительно», — сказал член исторического клуба «Иваново-Вознесенск» реставратор Л. Шлычков, — Иваново — родина первых Советов. Но ведь нельзя же 1905-м годом подменять все историческое наследие! Мы добились, чтобы Министерство культуры поставило на охрану тринадцать улиц. Но сносят и здесь. Вот недавно — дом из фоновой среды, прошлый век, низ каменный, верх деревянный. Мы говорим: он на охране, нельзя ломать! По личному распоряжению Головкова ночью дернули тросом, верх свалили... В области больше двух тысяч гибнущих памятников,

средств на реставрацию нет, а они не хотят отдать Красный храм верующим, которые бы привели его в порядок».

В память о нашей встрече кто-то из них подарил мне брошюрку из восьми листов: справочный материал о «неформалах» в Иваново, выпущенный обкомом КПСС в помощь горкомам и райкомам партии. Тяжкое впечатление, надо сказать, оставляла она. Вот, к примеру, какой оценки удостоились Л. Шлычков и клуб «Иваново-Вознесенск»: «В его предложениях немало интересного, но, отстаивая историческое наследие, он подходит к нему с размытых, внеклассовых позиций и слабо увязывает наше наследие с задачами современного развития. Проследживается в позиции тенденция к конфронтации с партийными и советскими органами («Давайте объединяться, чтобы оказывать давление на не понимающие нас власти»). Имеющий некоторый опыт вдумчивый читатель тотчас обнаружит, что ему до боли знакомы эти мертвые слова, способные, однако, душить любое творческое начало. «Внеклассовой позицией» можно запросто искалечить жизнь не только скромному реставратору, но даже и Нобелевскому лауреату; а сыновнюю боль за гибнущее достояние отцов при известном навыке можно легко изобразить требующей особого надзора «тенденцией к конфронтации». И разве так уж в самом деле хрупки, нежны и ранимы

обком и облисполком, разве хоть отчасти напоминают они какую-нибудь беззащитную девицу, что на них ни в коем случае нельзя «оказывать давление», чтобы побудить наконец всерьез заняться спасением культурно-исторического наследия?

Стремясь расстаться со своим прошлым, общество решительно двинулось вперед; события катят валом, лики и голоса времени многообразны, а из брошюрки привычно грозит высохший палец: за пределами «партийной линии на перестройку... поиск решения общественных проблем бесперспективен. Любая попытка выработать альтернативу партийной линии... направлена на срыв перестройки». Политическое клеймо, как мы видим, уже наготове: дело за лбами, на которых, по старым канонам, полагается его выжечь.

ИГРЫ

Было бы в высшей степени несправедливо изображать председателя горисполкома Анатолия Павловича Головкова главным противником духовной свободы в Иваново вообще и совести в частности. Его личный и значительный вклад для нас несомненен; но в то же время, будучи далеко не детьми и имея за плечами определенный опыт, мы с вами прекрасно понимаем, что если обком партии против передачи храма верующим, то и обл- и горисполкомы по принципиальным соображениям займут точно такую же позицию. А обком против — и никуда от этого не денешься.

Правда, высказаться от всего сердца, как Головков, прямо заявивший, что увеличение числа верующих ему претит, руководящие работники областного комитета партии себе позволить не могут. Не будем догадываться, каковы их истинные взгляды; у них в конце концов есть позиция, которую они не таят от граждан города и области и с которой познакомили и меня.

Я внимательно выслушал короткую, энергичную речь первого секретаря обкома КПСС Михаила Александровича Князюка. Он указал, что надо решать тысячи неотложных вопросов. С жильем, например (приходит женщина, трудившаяся в войну не покладая рук, а она до сих пор в общежитии), в социальной сфере (первой городской больнице в буквальном смысле нужны подпорки), в торговле, коммунальной сфере, сельском хозяйстве — повсюду непочатый край непростой работы. А тут — голодовка. «Бывает», — сказал

CODE: РЕЛИГИЯ

ГОЛОДОВКА ВЕРУЮЩИХ В ИВАНОВЕ - БЕЗНРАВСТВЕННОЕ, АНТИЗАКОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ
МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ. 181

Князюк, — ребенок начинает капризничать, упадет на пол и дрыгает ногами... Мы им предлагаем другую церковь — не хотят». (В многосложных своих заботах Михаил Александрович мог и заламятовать, что другую — Ильинскую — церковь хотела бы получить третья православная община, которую — вопреки решению местной власти — зарегистрировал Совет по делам религий при Совете Министров СССР.)

Был апрель; еще совсем недавно кипели предвыборные страсти, и кандидаты в народные депутаты СССР М. А. Князюк, на одной из встреч с избирателями, отвечая на вопрос о судьбе Красного храма, объяснил, какую огромную ценность представляют хранящиеся в Красном храме документы, и добавил, что их не удастся полностью разместить в строящемся сейчас специально для архива здании.

Я отправился в областное архивное управление, к его заведующей Л. Н. Лисицыной. Да, подтвердила она, новое здание в нынешнем году будет завершено. По проекту оно рассчитано на полтора миллиона дел, но вместит скорее всего на четыреста тысяч меньше. Стали считать: в Красном храме находится чуть более пятисот тысяч единиц хранения; в Ильинской церкви — свыше двухсот тысяч; около ста тысяч дел надо принять от ведомств и, кроме того, разгрузить райгосархивы. Работа большая, кропотливая, и вся площадь нового архива, по словам Людмилы Николаевны, будет занята не раньше чем только через пять-шесть лет. «А Введенскую церковь», — сказала она, — мы полностью освободим к середине 1990 года. В конце концов мы и здание строили, чтобы уйти из церквей».

Можно было бы, конечно, и это досаднейшее расхождение, эту неведомо как закрывающуюся в ответ Михаила Александровича своим избирателям не точность, это, прямо скажем, глупое недоразумение списать на чрезвычайную перегруженность заботами, если бы мы давным-давно не подметили у наших руководителей склонность к разного рода играм с народом. Красный храм не может быть передан верующим не по каким-то идеологическим соображениям, не из боязни порухи основополагающих принципов, не из стремления всемерно ограничить свободу, а только лишь из-за того, что новый архив не вместит всего бесценного достояния, среди которого, оказывается, есть документы, ныне крайне необходимые для реабилитации жертв периода культуры личности... Едва заметный перенос ударения, небольшая натяжка — и вот уже в массовом сознании возникает образ тупой православной толпы, которой вынь да положь возможность расширить себе лоб в земных поклонах имен-

но во Введенской церкви и которой наплевать на общенародное достояние и скорбь о мучениках сталинского времени.

Полноте, товарищи! Бесценное достояние, говорите вы? Да, воистину; но ни в одной просвещенной стране оно не находится в столь ужасающем состоянии, как в нашем Отечестве; ни в одной уважающей свое прошлое державе оно не гниет и не горит, как у нас; и ни в одном цивилизованном государстве не сооружают архива по проекту почти двадцатилетней давности, как это сделали в Иваново. Что же касается реабилитации, то я, право, не слыхивал, чтобы в государственном архиве хранились доносы секретных осведомителей, протоколы допросов и приговоры «троек» — искать все это следует в учреждениях совсем иного профиля. И вряд ли в Ивановском областном архиве прилежный исследователь отыщет дело православного священника Михаила Аретинского из Шуйского района: арестованный и сосланный на три года в 1929-м, он в тридцать пятом получил новый срок и, поглощенный ГУЛАГом, бесследно исчез, оставив сиротами восемь детей... Под сводами Введенской церкви на деревянных стеллажах наверху нет дела адвентистского про-

поведника Петра Кулакова, в сорок шестом вторично арестованного в Иваново и получившего десять лет лагерей за «антисоветскую пропаганду», которой — по мнению дотошного следствия и справедливого суда — являлись его беседы о Боге, Библии, добре и зле. Не найдем мы в Красном храме и дел двух сыновей Кулакова, Стефана и Михаила, осужденных два года спустя все по тому же обвинению. (Михаил вынес заключение и ссылку, сейчас он — председатель республиканского совета церкви адвентистов седьмого дня в РСФСР; его брат, боевой офицер, прошедший от Москвы до Берлина, погиб в лагерях.)

Или, может быть, в госархиве хранятся материалы об изъятии церковных ценностей, а, попросту говоря, о разграблении храмов в начале 20-х годов? Шуйский житель Федор Петрович Тихомиров мне пишет, что в городе и его окрестностях до революции было более полутора десятков храмов и один женский Всехсвятский монастырь. С тридцатых годов ни одной действующей церкви в Шуе не осталось, сообщает Федор Петрович и продолжает: «Последним был закрыт Воскресенский собор. В 1922 году я был подростком, учеником VI класса. Но все равно горь-

CODE: РЕЛИГИЯ /

ГОЛОДОВКА ВЕРУЮЩИХ В ИВАНОВЕ - БЕЗНРАВСТВЕННОЕ, АНТИЗАКОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ
МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ. 19/

ко на душе. Видел я Воскресенский собор до изъятия серебра и золота. Это был великолепный храм с многоярусным иконостасом. Все иконы имели серебряные оклады, а одна, особо чтимая верующими икона Шуйской Смоленской Богоматери, написанная в 1654 году, была облачена в будничные дни в серебряный оклад с золотым венцом на Богомладенце и Богоматери, а в праздничные дни — в жемчужную ризу... Теперь в Воскресенском соборе так называемая межрайбаза. В войну сбросили позолоченные главы, вода, проникая в здание, испортила древнюю настенную живопись. Так жаль — не выскажешь!»

Уже знакомый нам заведующий идеологическим отделом обкома партии Н. В. Михеев само расположение Красного храма считает веским доводом против того, чтобы передавать его верующим. В центре города действующая церковь не нужна, убежденно говорил Николай Васильевич, совершенно позабыв, что в столице нашей Родины неподалеку от Красной, Новой и Старой площадей находится добрый десяток храмов, колокольным звоном призывающих прихожан на литургии и всенощные.

Особенно же глубокое впечатление производило стремление Михеева подвести под свои оценки случившихся в Иванове событий конституционную и даже богословскую базу. Он вспомнил 52-ю статью Конституции СССР и записанное в ней запрещение разжигать вражду и ненависть в связи с религией и нашел, что действия объявивших голодовку женщин посеяли злую рознь среди тихих ивановских граждан; он отметил, кроме того, вопиющее несогласие этих действий с канонами Библии, которая призывает верующих к смирению и терпению. Екклезиаст и Исайя, сказал он, учат терпению. Бог дал тебе жизнь — он и прервет ее, заключил Николай Васильевич и подвел последний и неотразимый итог: «Тем самым действия верующих идут вразрез с христианством».

Непросто возражать столь эрудированному человеку. И если я все-таки осмеливаюсь на такой отчаянный шаг, то исключительно из уважения к истине, самому духу которой неприемлема подмена важнейших для общества смыслов и выстраданных человеческого понятий.

Действительно, жители города далеко не однозначно отнеслись к выбранной четырьмя женщинами форме гражданского протеста. Но понятное расхождение во взглядах на голодовку (при том, что справедливость требования верующих в принципе сомнений не вызывала) лишь в очень возбужденном воображении способно вызвать призрак

Варфоломеевской ночи и уж, конечно, не может скрыть действительной ответственности тех, кто с самого начала предпочел закону произвол. Мне кажется, кроме того, что если бы товарищ Михеев (и другие товарищи) хоть единожды в жизни потрудились внимательно прочесть Библию, то это не причинило бы ровным счетом никакого ущерба его мировоззрению, но зато существенно повысило бы его общекультурный уровень. Я даже больше скажу: и политический тоже, ибо Библия учит мудрости. И если бы товарищ Михеев хотя бы однажды с должным тщанием прочел книгу Екклезиаста или Проповедника, то, может быть, запомнил бы, например, следующее: «Бывает время, когда человек властвует над человеком во вред ему». Или: «Притесняя других, мудрый делается глупым». Или же: «Мудрость лучше воинских орудий; но один погрешивший погубит много доброго». И, поразмыслив над этим, они, быть может, взглядом трезвых политиков обозрели бы страну нашу, и без того взволнованную кровью, пролитой в Армении, Азербайджане, Грузии и Узбекистане, утомленную постоянной заботой о пропитании, замученную предыдущими корыстными и тупыми вождями, — и, обозрев, сказали: «К чему нам раздражать народ наш ивановский и запрещать ему то, к чему он стремится? Зачем нам разжигать в государстве нашем еще один очаг недовольства? Ведь не враги мы себе и своему народу!»

Христианское смирение вообще представляется властям беспроектной картой, которой можно безбоязненно покрыть собственные прегрешения против закона и демократии. Чрезвычайно кстати вспоминать о благочестии и кротости, когда надо регистрировать новое религиозное общество, — вспоминать и укорять измучившихся людей в нарушении канонических вероисповедания. Ухватив из Евангелия, что всякая власть от Бога, куда как сподручно этими словами, будто фиговым листком, прикрыть свое холодное презрение к чувствам верующих и свое пренебрежение священным долгом быть подлинно отеческой властью для всех без исключения граждан Отечества...

Первый секретарь Ивановского обкома КПСС М. А. Князюк народным депутатом СССР не стал: он проиграл на выборах бригадир слесарей-сварщиков Ивановского завода автомобильных кранов А. И. Стрелкову.

CODE: РЕЛИГИЯ /

ГОЛОДОВКА ВЕРУЮЩИХ В ИВАНОВЕ - БЕЗНРАВСТВЕННОЕ, АНТИЗАКОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ
МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ. /10/

СВИДЕТЕЛЬСТВА

На двенадцатые сутки голодовки ранним утром первого апреля их перевезли в областную больницу, где сначала поместили в реанимацию, а затем в терапевтическое отделение. Состояние четырех женщин, само собой, было не из лучших: бодрее и тверже других держалась Лариса Васильевна Холина, зубной врач поликлиники меланжевого комбината, председатель исполнительного органа («двадцатки») второй православной общины, но видно было, что и ее силы на пределе. Гораздо слабее выглядели ее двадцативосьмилетняя дочь Маргарита Александровна Пиленкова и сорокашестилетняя Валерия Константиновна Савченко; Галина Ивановна Яшукловская (ей сорок восемь) в сравнении с ними казалась покрепче.

Не менее, чем их физическое состояние, тревожило меня их состояние нравственное; говоря же точнее, я боялся фанатизма, озлобленности, этаким. знаете ли, жертвенной одержимости, с какой несчастные иранские мальчишки бежали на минные поля, веря, что гибельный огонь сразу вознесет их в обещанный аятоллой рай. Однако нетерпимости, стремления во что бы то ни стало настоять на своем, вырвать неположенное, воздать, по закону Моисееву, злым на злое в них совершенно не было. А было оскорбленное чувство и нежелание мириться с очевидной несправедливостью. Холина рассказывала (часто переводя дыхание и маленькими глотками отпивая из стакана

воду, которую они позволили себе после шести суток сухой голодовки): «Мы были согласны ждать. Была бы гарантия — уедет архив, и храм передадут верующим. Но когда поняли, что придется по третьему кругу ходить туда-сюда... Двадцатого марта передали в облисполком заявление о голодовке. Дубов, секретарь облисполкома, мне вечером звонит: отложите эту акцию на один день, дайте нам подумать, проконсультироваться. Мы откладывать не стали. Они, — голос Холиной дрогнул, — нас обманывают на каждом шагу, мы убедились».

«Первую ночь, — продолжала Холина, — мы не спали. Было холодно, ветер, зимой задуло. Тревожно нам было. На следующий день, в одиннадцать тридцать, подъехали два автобуса, вышли милиционеры, человек, наверное, пятнадцать. Раздвинули толпу и нам объявили: есть решение горисполкома, вы должны отсюда уйти. Мы молчим. Один из них сорвал плакат, другие взяли нас за руки и за ноги и потащили в автобус. Как дрова. Народ кричал: не позорьте свои погоны! Привезли нас в ограду

Введенской церкви, выгрузили. Мы встали, встряхнулись. Вот, говорят, ваш храм, молитесь, голодайте хоть год. Мы спросили: нам что, только здесь можно находиться? А там северная сторона, холод, и лужа большая. Они говорят: где хотите. И уехали. Мы обошли кругом, взяли доски и на южной стороне сели. Сидим. Тут еще один автобус приехал, и тоже с милицией. Мы из Октябрьского района, говорят, вы почему пришли на нашу территорию? Давайте собирайтесь и уходите. Откажетесь уйти добровольно — мы вас погрузим и обратно отвезем. Среди них нашелся, правда, один, позвонил начальству. Приехал Демьяненко, он, кажется, полковник, сидите, сказал, никто вас не тронет. Нам больше не трогали. Так мы до 31-го на ступенях храма и жили. Спали на досках. Одеяла нам принесли, а поверх укрывались полиэтиленовой пленкой — от дождя, снега. Первые шесть дней без воды было очень тяжело. Без воды, без клизмы. Доктор Хайдер в Америке, он регулярно очищался. В бригаде, у реставраторов, есть туалет, мы туда сунулись, прораб нас прогнал. Как вы сами все организовали, так и решайте сами ваши дела. Идите, говорит, к «Современнику» — это через проспект, туда, где мы первый день сидели. А у нас уже слабость, голова кружится, сердцебиение. Меня рвало. Потом, правда, устроилось: одна женщина из дома рядом нас к себе водила. «Утки» нам купили, ими пользовались. Антонова приезжала, секретарь горисполкома. «Прекратите голодовку, я вас призываю к благоразумию! Вы не передумали?» «А вы, — мы ей говорим, — не передумали?» «Это не способ, — она говорит, — есть другие методы». Мы отвечаем, что другие методы мы уже все испробовали. «Не думайте, — она говорит, — что если вы упрорствуете, то вам будет послабление». Головков был. Он все свое: я лично против. Приехал Подзирук, летчик, его 26-го выбрали в народные депутаты. Спросил: чего вы хотите? Мы ответили: пусть назовут сроки, когда нам отдадут церковь. Хорошо, сказал он, я вас понял».

«Я приехал к церкви в понедельник, двадцать седьмого марта, вечером, — рассказывал мне подполковник Виктор Семенович Подзирук. — Они объяснили, что голодовка — это крайняя мера, к которой их вынудила позиция местных властей. Объяснили, что не настаивают на немедленном освобождении храма, что хотели бы знать точные сроки, когда из него уедет архив, а пока просят передать им подсобные помещения, просят убрать из ограды машины и гаражи. Я с этим полностью согласился. На следующий день, во вторник, я поехал к председателю горисполкома Головкову. Он сразу сказал, что церковь не отдаст. Я ответил: каждый день играет не на вас. Даже те, кто не верит, теперь поддерживают верующих. И с каждым днем таких людей

CODE: РЕЛИГИЯ /

ГОЛОДОВКА ВЕРУЮЩИХ В ИВАНОВЕ - БЕЗНРАВСТВЕННОЕ, АНТИЗАКОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ. *111*

будет все больше. Вы знали, сказал я Головкову, что общину зарегистрировали, что ей нужно культовое здание. Почему вы не продумали свою позицию? Денег у вас на восстановление церкви нет. Вы говорите — музей, а окупится ли он? А на деньги, которые в местный бюджет будет отчислять церковь, вы хоть подземный переход через проспект Энгельса постройте. У нас областной город — и ни одного такого перехода! Я на стороне верующих. Пусть будет прекрасный храм, и пусть он радует глаз.

Областная молодежная газета «Ленинец» в номере от 2 апреля опубликовала подборку высказываний только что избранных народных депутатов СССР по поводу событий вокруг Красного храма. Решительным противником передачи церкви верующим оказался лишь один — председатель областного совета ветеранов войны и труда А. Лебедев. Двое — В. Семенов, председатель областного суда и областного отделения Советского фонда мира, и З. Смолина, председатель комиссии партийного контроля при обкоме КПСС — дали уклончивые ответы. И четверо — Е. Стилаков, главный врач 2-й городской больницы, С. Звонов, директор автопредприятия № 2, В. Подзирук и А. Стрелков — заявили, что храм можно и нужно вернуть верующим. Звонов, в частности, отметил (цитирую по газете): «Голодовка, по существу, была спровоцирована бездейтельностью местных властей. Вся вина за тот ажиотаж, который возник сегодня в связи с Введенской церковью, я считаю, лежит на них. Не сказать ничего людям за одиннадцать дней голодовки!»

Ивановский житель с большим интересом в эти дни открывал местные газеты. Из «Ленинца» он мог, например, узнать, что по проспекту Ф. Энгельса мимо Введенской церкви прошла хорошо организованная манифестация молодежи с приданной ей агитационной машиной, оглушительно кричавшей: «Мы не приемлем ультимативные условия объявленной голодовки! Мы выступаем против политических спекуляций вокруг данной ситуации!» По стилю призывов и некоторым другим признакам читатель, наверное, понял, что ему сообщили о шестивм, так сказать, официальном, но в то же время с явной претензией предстать как бы вполне народным и возникшим исключительно по зову сердца.

Газета, кроме того, перепечатывает опубликованное в «Огоньке» (№ 6, 1989 г.) письмо членов второй православной общины: дает возможность высказаться Л. Холиной; публикует часть из «хлынувшего в редакцию потока писем», стремясь при этом, как объяснил мне редактор «Ленинца» А. Романов,

сохранить соотношение мнений своих читателей, в котором на десять голосов «за» передачу храма верующим приходится лишь один «против».

Орган обкома КПСС и облисполкома «Рабочий край» на девятый день голодовки опубликовал пространную статью «Вглядываясь в лица», которая и стала предметом усиленного обсуждения на предприятиях и в учреждениях города.

Заместитель редактора «Рабочего края» и автор этой статьи В. Соколов обвиняет в «беспардонном вранье» Биби-си. Я вполне допускаю, что зарубежные голоса были, мягко говоря, не вполне точны в своих сообщениях, и я был бы готов разделить возмущение журналиста подобной недобросовестностью. Однако для начала я хотел бы сделать маленькое и вполне невинное заявление: нам врать нельзя точно так же, как и им. Больше того: нам даже как-то уж совершенно глупо врать, ибо голодовка происходит в Иваново, а не в Манчестере, и четыре женщины лежат на паперти Введенского храма, а не на ступенях Вестминстерского аббатства. Вот почему для Соколова не составляло ровным счетом никакого труда спросить, к примеру, у Валерии Константиновны Савченко:

сколько лет она живет в Иваново? У него, видите ли, явилась плодотворная идея выяснить, можно ли причислить к истинным ивановцам объявивших голодовку женщин. Надо ли говорить, с каким огромным удовлетворением в предоставленных ему справках он обнаружил, что Савченко живет в Иваново «около пяти лет», Пилenkова «прибыла в Иваново в мае 1987 года», Холина «живет в Иваново с 1983 года», а Ящукoвская вообще только три года назад пожаловала в Ивановскую область, с февраля 1987-го на ивановской земле не прописана и «...появилась в Иваново буквально за несколько дней до начала голодовки».

Но не следовало бы Соколову доверять справкам. Савченко живет в Иваново почти двадцать лет; Пилenkова здесь в 1986 году родила сына («коренного ивановца» — не без юмора заметила она. — Если им так уж хочется коренных жителей»). Кстати, он сам, а также первый секретарь обкома КПСС, областной прокурор и многие другие видные ивановские деятели — люди приезжие и, если применить к ним один из образов статьи «Вглядываясь в лица», «никаких корней на этой земле» не имеющие. Однако ни у кого не возникала дикая мысль объявить их по этой причине ненастоящими ивановцами. Как справедливо сказала корреспонденту «Ленинца» Холина, люди, которых она лечила, никогда не спрашивали у нее: ивановка она или нет.

CODE: РЕЛИГИЯ

ГОЛОДОВКА ВЕРУЮЩИХ В ИВАНОВЕ — БЕЗНРАВСТВЕННОЕ, АНТИЗАКОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ
МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ. 112

И немало еще подобных «открытий» в этой статье — об архимандрите Амвросии (Юрасове), например, который изображен — опять-таки с чужих слов и казенных справок — не то закоренелым диссидентом, не то любителем всяческой «клубнички».

Но даже и не фактические ошибки, и не комичные потуги автора изобразить себя знатоком православия — поразительна нравственная ущербность самого духа статьи, служебная однозначность оценок. Та же Холина, между прочим, стала одним из организаторов благотворительного общества «Вера и милосердие», созданного прихожанами Преображенского собора для оказания помощи больным и престарелым, но какая-либо иная краска, кроме густо-черной. Соколову была совершенно ни к чему. Я спросил его: «Виктор Григорьевич, с какой целью вы писали эту статью?» Он ответил: «Канонизация этих людей, предпринятая западными средствами информации.— несгибаемая четверка, борцы и тому подобное — вызвала резкий протест у многих ивановцев. Как и лозунг, под которым шла голодовка: «Готовы умереть на родине первых Советов». Надо было показать, что это за люди. Мы знали, что это люди сомнительные. И цель моей статьи была — снять необоснованный ореол святости». «Но ведь по законам нашего ремесла.— я сказал.— надо было хотя бы поговорить с ними. И на архимандрита хорошо было бы вам хотя бы взглянуть». Соколов тяжело молчал.

Поверьте: я вовсе не стремлюсь обличать Виктора Григорьевича за его молчание. Мне кажется, он пока еще не почувствовал и не воспринял как главную заповедь, что демократическое общество освобождает журналиста от всякого рода навязанных ему в прошлом лживых обязательств. Однако взамен оно обязывает журналиста к долгу искреннего, правдивого, мужественного свидетельства.

ПАЛАТА № 504

Место секретаря облисполкома Лев Николаевич Дубов занял в конце прошлого года и сразу же оказался в самом центре столкновения между верующими и местным руководством. Психология служебного человека — штука сложная: Дубов, во всяком случае, в первое время своего пребывания на ответственном посту был против передачи храма православной общине и, как мог, гнул настроение Холиной к уступ-

кам и согласию с властью. Затем, осмотревшись, решил, что со всех точек зрения Красную церковь лучше вернуть верующим. «Орган ли.— говорил он мне.— музей или планетарий — что бы там ни сделали, с экономической точки зрения все будет нецелесообразно. Ведь мы слезы льем, когда говорим о культуре на селе! А средств...— и Лев Николаевич развел руками.— Нельзя отдавать идеологический пятачок — так еще говорят... Я в этом ничего страшного не вижу».

С таким убеждением пятого апреля он пришел в палату № 504, в которой продолжали голодовку четыре женщины. Я их не видел два дня и молчаливо поразился происшедшим с ними переменам. «Нас уже шатает», — сказала Холина. Четыре часа кряду убеждал их Дубов прекратить голодовку. В конце концов Холина протянула ему бумагу: «Наше заявление в облисполком».

Прочел и я: «Мы, четверо верующих, объявивших голодовку в знак протеста против произвола местных властей, не ставили перед собой цели убивать себя. Сейчас заканчиваются 16-е сутки нашей голодовки. Состояние наше крайне ослабленное, по мнению врачей, вот-вот начнутся необратимые процессы. Таким образом, мы видим, что местные власти невозмутимо и спокойно примут факт нашей смерти, т. к. за 16 дней нам не было предложено ни одного варианта компромиссного решения нашего вопроса. Мы принимаем решение выходить из голода, восстанавливать свои силы для того, чтобы вновь продолжать борьбу за Введенскую церковь».

Не скрою: я вздохнул с облегчением: и Дубов, по-моему, тоже. Ведь это в самом деле страшно — видеть, как из людей капля за каплей вытекает жизнь. «Решение, я думаю, правильное.— помолчав, сказал Дубов.— Вы действительно на грани истощения. А я вам обещаю, что буду принимать все меры, какие от меня зависят». «У нас надежда слабая.— со своей кровати отозвалась Холина.— Мы уже переговоры с вами вели и ваши обещания слышали». «Я вам твердо обещаю.— повторил Дубов.— свое полное участие в положительном — для вас положительном — решении вопроса. Но, видимо, нужно время, чтобы в головах определенной части людей такое решение тоже созрело. Я надеюсь, что меня поддержат».

CODE: РЕЛИГИЯ

ГОЛОДОВКА ВЕРУЮЩИХ В ИВАНОВЕ - БЕЗНРАВСТВЕННОЕ, АНТИЗАКОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ
МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ. 1 139

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Из «Итогового документа венской встречи представителей государств — участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе»:

«Они подтверждают, что будут уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений... Они также подтверждают всеобщее значение прав человека и основных свобод...»

С целью обеспечить свободу личности исповедовать религию или веру государства-участники будут среди прочего:

— способствовать климату взаимной терпимости и уважения... между верующими и неверующими;

— основывать и содержать свободно доступные места богослужений или собраний».

Советское государство, подписав этот документ, взяло на себя, таким образом, обязательство соблюдать его на всей территории СССР.

Тогда почему верующие граждане нашей страны вот уже долгое время не могут добиться возвращения храмов:

в Иванове,
Новосибирске,
Симферополе,
Алуште,
Таганроге,
Каневе,
Дивееве

и во многих других городах и селах Отечества?

Чего мы ждем?

ГОНЕНИЯ НА ПРАВОСЛАВНЫХ В ХОРВАТИИ

Национальные конфликты, имеющие религиозную окраску, вспыхнули сегодня и в тех регионах Европы, что ранее считались примером братских отношений между различными народами и Церквами. Одним из них является Хорватия, где пришедшие к власти националистические силы активно используют ошибки прежнего руководства, искусственно раздувая противоречия. Катализатором процессов, ведущих к усилению напряженности и вражды, выступают группы, отождествляющие себя с Римско-Католической Церковью. Нежелание Ватикана отмежеваться от этих групп ставит под сомнение курс на установление добрых отношений между Церквами, декларированный II Ватиканским собором.

В Сообщении для общественности, подписанном иерархами и священнослужителями епархий Сербской Православной Церкви, объединяющих приходы в Хорватии, с горечью отмечается, что православные сербы в этой республике живут в атмосфере угроз и насилия, самые жестокие формы которого применяются в отноше-

нии православных священников и членов их семей, в особенности детей. В Далмации зафиксированы случаи убийств и изнасилований. Глазным виновником происходящей трагедии называются государственные власти Хорватии.

Авторы сообщения констатируют, что руководители Римско-Католической Церкви в Хорватии, за редким исключением, поддерживают курс правящей партии в отношении Православной Церкви и сербского народа. Ведущая роль в антиправославной и антисербской кампании принадлежит католическому еженедельнику «Глас Консила».

В документе высказан решительный протест против запугивания и угнетения сербского православного народа в Хорватии и содержится просьба к хорватским государственным властям и духе подлинно демократической европейской традиции — уважать неотъемлемые права сербского народа в Хорватии, его церковное и национальное лицо, духовное и культурное самосознание.

Обращаясь к христианской

созести римо-католиков, в первую очередь к епископату и духовенству, православные священнослужители призывают их способствовать установлению духа мира и любви между представителями Церквей и народов, ибо, согласно Евангелию, любовь — признак, по которому можно отличить христианина.

Вместе с тем в сообщении содержится призыв к православному, живущим в условиях, сравнимых с оккупационными, сохранять свое человеческое и национальное достоинство, не воздая злом за зло, а противопоставляя ему добро, воздая за ненависть — любовью, за преступление — добротелью.

Священный Синод епископов Сербской Православной Церкви, рассмотрев на своем заседании Сообщение для общественности, сделанное епископами и духовенством Сербской Православной Церкви в Хорватии, подтвердил, что изложенные в нем факты и данные им оценки полностью соответствуют действительности.

ПИСЬМА ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЗИЦИИ СВЯЩЕННИКА Г. ЯКУНИНА ПО
 КОНФЛИКТУ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ

... «Московский церковный вестник» № 2 (47). Январь 1991 года.

ОТВЕТ ПАТРИАРХА

В последнее время «Советская Россия» опубликовала целый ряд материалов о кризисной ситуации в Персидском заливе. С тревожными размышлениями о сложившейся там ситуации на страницах газеты выступили писатель, народный депутат СССР Василий Белов, ученый и публицист Эдуард Володин, другие авторы. 23 декабря 1990 года газета поместила письмо с десятками подписей Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II в связи с позицией в этом вопросе православного священника, народного депутата РСФСР Глеба Якунина.

Ниже полностью публикуется полученный редакцией ответ Патриарха.

ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

В ответ на «Письмо Патриарху», опубликованное в Вашей газете 23 декабря 1990 г., должен прежде всего сказать, что в Православной Церкви не принято лишать священнослужителей сана по политическим мотивам. У нашей Церкви нет политических установок, которые были бы обязательны для всех ее членов и служителей. Каждый человек, руководствуясь Священным Писанием и Церковным Преданием, и в соответствии с велениями своей совести сам определяет свое отношение к тем или иным событиям общественной жизни.

Конечно, Церковь напоминает своим чадам о том, что, принимая те или иные решения, верующему христианину надлежит прежде всего вспомнить о своей верности Христу, и, отбросив партийные или политические предпочтения и даже обязательства, в одиночку (если у него нет духовного отца), перед судом своей христианской совести, решить вопрос о степени соответствия своих предстоящих дел духу Евангелия и Православия.

Далее должен сказать, что священник Глеб Якунин не является представителем, делегированным Русской Православной Церковью в Верховный Совет РСФСР. Православная Церковь вообще не является общественно-политической

организацией, и потому у нее нет своих, общецерковных, представителей в органах власти. Патриарх также является депутатом не от Церкви, а от Фонда милосердия и здоровья, и если мне приходится в Верховном Совете страны отстаивать интересы Церкви — это я делаю скорее вопреки своему формальному депутатскому статусу, но — все же исполняя свой долг Патриарха.

Программы и политические действия священнослужителей-депутатов лишь в чрезвычайно редких случаях обсуждаются и благословляются церковным руководством и церковным народом.

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917—1918 гг., нормы которого мы стараемся сейчас возродить, постановил, что священник может заниматься общественно-политической деятельностью, но лишь в качестве частного лица, гражданина, не выдавая свою позицию за общецерковную.

Поэтому, пользуясь случаем, я хочу обратиться не только к авторам письма в «Советской России», но и ко всем моим согражданам и особенно к депутатам — коллегам наших священников по депутатскому служению: не спешите мнения того или иного верующего депутата отождествлять с позицией всей Церкви.

Что же касается о. Глеба — я особенно молюсь о нем, чтобы Господь даровал ему дар различения духов и подлинную духовную мудрость. И — безотносительно к случаю, который послужил поводом для письма в газету, — я лично прошу о. Глеба быть мягче и сдержаннее в своих выступлениях и действиях и прошу его попробовать лучше понять грань между миром и Церковью, ту грань, за которой перенос законов политической или рыночной борьбы и конкуренции в церковную жизнь становится разрушительным. Кроме всего — для духовного облика того самого человека, который слишком механически пытается строить и понимать церковную жизнь.

И в заключение — об отношении Церкви к возможной посылке советских солдат в Персидский залив. Несомненно, осуждая акт насилия, совершенный иракской стороной, мы в своих действиях стремимся взвешивать все возможные последствия наших поступков. И прежде всего мы не желаем никому дать повода считать, что конфликт в Персидском заливе есть конфликт межрелигиозный, как столкновение между мусульманами и христианами. Президент Ирака, к сожалению, как можно судить из некоторых его выступлений, пытается придать нынешнему противостоянию именно религиозный характер. Мы же со своей стороны не хотим этот конфликт освящать высшими религиозными мотивами. Я уверен, что агрессия, совершенная Ираком, является беззаконием не только с позиций христианской морали, но и с точки зрения мусульманской этики.

И дай Бог всем мира и мудрости — и во всем мире, и у нас дома, и в Церкви.

АЛЕКСИЙ,
 Патриарх Московский
 и всея Руси
 («Советская Россия»)

ВАЛААМ ПЕРЕДАЕТСЯ В СОБСТВЕННОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

PM-1, 8.00 25.2.91

Письмо Патриарха Московского и Всея Руси, народного депутата СССР Алексия Второго рассмотрено на заседании президиума Совета министров Карелии. В тексте послания содержится просьба передать в собственность русской православной церкви комплекс культовых и административно-хозяйственных зданий и сооружений Спас-Преображенского монастыря на Валааме в полном объеме.

Как известно, в декабре 1989-го года церкви была передана часть культовых зданий. Появились на архипелаге и первые монахи. Но в дальнейшем этот процесс затормозился по ряду причин. Какой, например, будет судьба живущих на Валааме людей, а их не менее 500-т? Кто построит жилье для тех из них, кто не согласится с новым статусом архипелага и решит выехать на материк?

Общественность тревожит и будущее музея Валаама, накопившего большие фонды и немало сделавшего для возрождения жемчужины Ладоги. К сожалению, без ответа пока остаются и другие непростые вопросы. Однако СМ Карелии, выражая добрую волю и желание к сотрудничеству, все же согласился с просьбой Патриарха. Принято решение внести в президиум ВС автономной республики проект указа о передаче в собственность русской православной церкви всего комплекса Валаамского монастыря.

-----СЦ-----

L000128

JAKOREWAA

24-FEB-1991 21:21:43

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

№ 1 (46). Январь 1991 года.

«Московский церковный вестник»

13

Православие на берегах Сены

«Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!». Радостные слова пасхального торжества, в который раз возвещающего спасение. В Церкви менее ста человек, но оттого, что нет здесь привычной российской толчеи, особенно осязательно единство молящихся. Самое непривычное — звучащие на французском языке слова литургических молитв, которые мы привыкли слушать по-славянски. Собственно говоря, если бы не язык, была бы полнейшая уверенность в том, что вы в России. Впрочем, даже тот, кто не знает французский, все равно чувствует себя как дома — настолько все здесь свое. Тем более, что пасхальный тропарь поется и по-французски и по-церковнославянски. Здесь — это в церкви святого Иоанна Богослова, что в парижском предместье Исси-ле-Мулино. Целый ряд греческих, да и мажорских, русских, православных приходов во Франции перешли — сознательно перешли — из языка народа, среди которого живут наши соотечественники — для того, чтобы проповедь Православия была более действенной.

И теперь французы есть не только среди православных мирян, но и среди монашествующих и священников.

РУССКАЯ православная эмиграция во Франции не только сохранила, но и приумножила духовное богатство отеческой веры, а сама история французского Православия исчисляется веками, начиная с глубокой древности. В Марселе (некогда греческой колонии — Массалии) до сих пор стоит древнейшая на этой земле церковь святого Виктора (III век). Небесный покровитель Галлии (так раньше именовалась Франция) — святой Дионисий (Сен-Дени) — отождествлялся местной церковной традицией с апостолом от 70-ти — премудрым Дионисием Ареопагитом. По преданию,

он был предан язычниками мученической смерти — усечен мечом на высоком холме близ римской крепости Лютеция (будущий Париж), и с тех пор этот холм именуется «горой мучеников» — Монмартром. Один из ранних отцов Церкви, грек из Смирны, стал епископом Лиона и навсегда вошел в историю под именем святого Иринея Лионского, возглавившего Лионскую Церковь после гибели святого епископа Потина и других мучеников и мучениц Лионских, убитых в 177 году во время гонений, воздвигнутых римским императором Марком Аврелием. Церковь чтит память жившего на территории будущей Франции твердого

борца против арианской ереси — святого Илария Пиктавийского (III век), епископа города Пуатье. Его сподвижником был известный миссионер и проповедник Галлии святой Мартин Турский — тот, которого старинные живописцы всегда изображали отдающим свою одежду нищему. Именно святой Мартин основал в 360 году в местечке Лигюже первый в галльской земле монастырь. Жало кто знает, что традиции восточного монашества были восприняты западными христианами от сосланного в Галлию Афанасия Великого; один из самых прославленных греческих Отцов Церкви, он был другом великого подвижника — святого Антония Великого, в честь которого названо Сент-Антуанское предместье Парижа.

После трагического церковного раскола, разделившего Запад и Восток, французские христиане оказались в римской юрисдикции. И только через несколько веков православию суждено возродиться тут: первое упоминание о православном священнике в Париже относится к 1727 году, когда отец Даниил Яковлев стал духовником членов русского посольства. После победы над Наполеоном во французскую столицу пришли российские полки, с ними появились и походные церкви, а в 1816 году в Париже, на улице Берри возник постоянный руско-православный приход. С 1820 года возобновляется служба в греческом православном приходе в Марселе, где в 1845 году воздвигнут был первый православный каменный храм

FEB 24 1991 * 131 25

L000128

JAKOREWAA

24-FEB-1991 21:21:43

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

2.

во Франции уже в новое время. А когда Франция присоединила в 1869 году город Ниццу, то вместе с ней на территории страны появляется и первая русская каменная церковь, построенная здесь годом раньше россиянами, приехавшими отдохнуть на этот средиземноморский курорт. И наконец в 1861 году в Париже, недалеко от Триумфальной арки на улице Дарю, построен русский собор святого Александра Невского с верхней и нижней церквами (в нижней церкви хранится иконостас первого русского прихода с улицы Берри). В конце прошлого века в Париже, а также в городах, наиболее посещаемых российским дворянством, — в Биаррице и По, в Каннах и Ментоне — строятся все новые русские храмы. Все эти церкви открыты сегодня, а Александро-Невский парижский собор недавно призван французским правительством культурным памятником национального значения.

После первой мировой войны во Францию устремляются два потока православной эмиграции: греки, изгнанные из Турции, и десятки тысяч наших соотечественников — россиян, покинувших родину после революции и гражданской войны.

Множество русских людей наполняет уже существующие приходы; строятся и новые церкви. 28 марта 1921 года Синод нашей Церкви во главе со святейшим Патриархом Тихоном

издает указ о подчинении всех русских приходов в Западной Европе «до восстановления нормальных отношений с Петроградом архиепископу Евлогию (Георгиевскому) с возношением его имени за богослужением». С 1923 года архиепископ (бывший Волынский и Житомирский) Евлогий, возведенный Патриархом Тихоном в сан митрополита, избрал парижский Александро-Невский собор своим постоянным местопребыванием.

К сожалению, наша православная эмиграция в те тяжкие и смутные годы (а таковыми они были для

всей России) не сумела сохранить единства духа в союзе мира. Часть православных, создав в сербском городе Карловцы в 1921 году Всеаграничный собор, прервала общение с Церковью в России, а поскольку митрополит Евлогий не поддержал их, то шесть лет спустя «карловчане» разорвали молитвенное общение и с ним.

На стороне митрополита Евлогия остались и русские православные приходы в Америке во главе с митрополитом Платоном.

С этих пор «парижане» (а иногда и «американцы») условно именовались евологиянами. Большинство русской православной эмиграции относилось и относится именно к «американской» и «парижской» группам. К евологианским приходам принадлежали и многие выдающиеся мыслители, литераторы, богословы, деятели русского религиозного возрождения

XX века: Николай Бердяев и Петр Струве, отец Сергей Булгаков и отец Александр Ельчанинов, Иван Ильин и Борис Зайцев, Георгий Федотов и Алексей Ремизов, многие — многие другие.

В период гитлеровской оккупации многие православные россияне участвовали во французском Сопротивлении, а после победы некоторые эмигранты приняли решение вернуться на родину, чтобы служить Церкви именно здесь, в России. Героями Сопротивления, принявшими му-

ченическую смерть в борьбе с нацизмом, стали мать Мария (Скобцова) и ее сын Юрий, священник Димитрий Клепинин, расстрелянный гестаповцами за помощь евреям, юная княжна Вика Оболенская, погибшая в концлагере, православный журналист и писатель Илья Фундаминский-Бунаков; все они участвовали в работе Русского студенческого христианского движения. Были членами Движения и замечательные священники, вернувшиеся после войны в Россию: покойный протонерей Андрей Сергеенко, до сих пор окормляющий

своих прихожан протонерей Борис Старк.

В результате массовой эмиграции из России много тысяч русских студентов и студенток с 1921 по 1925 год заполнили аудитории европейских университетов, в основном во Франции, Германии, Болгарии, Югославии, Бельгии и Чехословакии. В октябре 1923 года в чехословацком

L000128

JAKOREWAA

24-FEB-1991 21:21:43

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

3.

городе Прешове собрался первый съезд русских студентов в Европе, на котором и было восстановлено дореволюционное Русское студенческое христианское движение (РСХД), замечательно сплотившее как российскую молодежь, так и православную эмиграцию более старшего поколения. Его председателем, бесменным до своей кончины в 1962 году, был избран протонерей Василий Зеньковский, известный православный философ, психолог и педагог, в то время директор Пражского педагогического института.

На первом всефранцузском съезде Движения в замке Аржерон в 1924 году было принято решение основать в Париже русский богословский институт. Вопрос упирался лишь в финансы: ведь наша эмиграция отнюдь не была богатой. Но владыке Евлогию буквально чудом была дана возможность приобрести за очень небольшую сумму участок земли на улице Кримае, 93. Произошло это как раз в день памяти преподобного Сергия Радонежского. С тех пор и по тому же самому адресу в Париже существует торжественно освященное осенью 1925 года Свято-Сергиевское подворье с Богословским институтом преподобного Сергия. Это единственное православное высшее учебное заведение в Западной Европе, дающее полное богословское образование. В течение десятилетий в этой духовной школе преподавали такие выдающиеся деятели православия, как епископ Кассиан (Безобразов), архимандрит Кириан (Керн), священники Николай Афанасьев, Сергей Булгаков,

Василий Зеньковский, Георгий Флоровский, Александр Шлеман, светские богословы В. Вейдле, Б. Вышеславцев, П. Евдокимов, Л. Зандер, А. Карташев, К. Мочульский, Г. Федотов и другие.

Свято-Сергиевский богословский институт сегодня связан с Французской Академией и обладает ценнейшей библиотекой в двадцать две с лишним тысячи томов. Ректор института протонерей Алексей Князев и профессор догма-

тического богословия протонерей Борис Вобринский — представители младшего поколения русского религиозного возрождения нашего столетия. Учатся в институте русские и французы, греки и диванцы, сербы и румыны. В целом во Франции в настоящее время около 200 тысяч православных, которых окормляют 96 приходов, 64 из них — русские (в том числе 14 — Русской Зарубежной Церкви), 20 — греческие (Константинопольский Патриархат), остальные, их немного — арабские (Антиохийский Патриархат), сербские, румынские, один болгарский.

МЕЖПРАВОСЛАВНЫЙ Комитет, объединивший представителей различных Православных Церквей во Франции, был создан в Париже еще в 1939 году. А в 1958 году православные священники и миряне основали богословский журнал «Контакты», на основе которого возникло Православное Братство, созданное по инициативе русских парижан для всех братьев по вере. Каждые

три года Братство созывает общие съезды православных Западной Европы, на которых обсуждаются заранее намеченные темы. Среди прочих ассоциаций, входящих в Братство, наиболее активным остается Русское студенческое христианское движение. Многие верующие России хорошо знают РСХД и всегда будут ему благодарны: принципиально стоящее вне политики Движение долгие годы помогало нам лекарствами и религиозной литературой — ведь иными путями в то время она была почти недоступна. И сейчас РСХД продолжает посылать книги в наши духовные школы и монастыри, в приходские церкви и просто верующим. Начиная с 60-х годов и до наших дней «Вестник РСХД» (в заглавии издания слово «студенческое» сейчас снято) остается одним из самых читаемых в православных кругах журналов.

Но РСХД — это еще и живая духовная связь с нашей историей, с нашей церковной традицией дореволюционного периода, с православной культурой прошлого. Сами за себя говорят даже имена выдающихся руководителей движения: председатель — Кирилл Ельчаинов, сын прославленного священника отца Александра Ельчаинова; вице-председатель — Михаил Соллогуб, по материнской линии внук православного писателя Бориса Зайцева, очерки которого уже дважды публиковались в «Московском церковном вестнике». Главный редактор «Вестника РСХД» — Никита Струве — внук другого известного церковного писателя и мыслителя А. Б. Струве.

L000128

JAKOREWAA

24-FEB-1991 21:21:43

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

9.

Сейчас явно наступают времена, благоприятные для грядущего воссоединения всех православных россиян. Для нас Российское Православие едино. Если мы что-то и критикуем в нашей иерархии, то при этом мы остаемся внутри Церкви и никогда ее не покинем.

Чем глубже будут ощущать священники и миряне внутреннее, сущностное единство Русской Церкви, тем реальнее станет встречное движение различных исторически сложившихся группировок внутри ее. Чем тверже мы будем стоять в любви, бодрости и трезвости, тем ближе окажется грядущее исцеление, очищение и возрождение России.

А. БЕССМЕРТНЫЙ.

На слайке: храм преподобного Сергия в Париже.

- АЯ -

БЕСЕДА С ПРОТОИЕРЕЕМ И. МЕЙЕНДОРФОМ О АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

4.

Я уверен, что через десять—двадцать лет в России будут разные приходы. Желательно, чтобы в монастырях были длительные истовые службы на славянском языке, но вместе с тем нужны и миссионерские общины, где будет больше понятного русского языка. Особенно он необходим при чтении Священного Писания.

— Но ведь с переводом святыни огромные трудности. Помимо всего прочего, простая замена церковнославянских слов на русские почти не поможет в понимании текста. Там другая система образов, отличный от нашего способ выражения мысли...

— Мне нравится то, что делает Аверинцев. У него нарочито архаизированный язык, сохраняется множество славянских оборотов, слов и выражений, которые всем понятны. Как ни парадоксально это звучит, вам трудно еще и потому, что между славянским и русским языками нет такой пропасти, как между греческим и английским, например. Аверинцев пытается сохранить связь языков. Я думаю, это хороший подход.

— Есть ли в программе семинарии практика для студентов, готовящая их к будущему пастырству?

— Да, в пастырской программе на третьем году обучения обязательно надо по выбору ходить в тюрьмы или госпитали, заниматься молодежью. Все студенты обязательно приписаны и к какому-нибудь приходу. Они должны делать доклады о своих занятиях. Те, к кому они ходят, пишут потом отзыв. У нас есть директор, следящий за этим.

— Это происходит в учебное время?

— Нет, обыкновенно вече-

(Начало на 13-й стр.)

ром, по выходным, когда нет лекций. У нас расписано, сколько часов должны студенты заниматься такого рода практической работой.

— Если ваши студенты приходят, например, в больницу, то чем они там могут заниматься?

— Во всех больших госпиталях есть, как их здесь называют, «фулл тайм» — протестантские или католические священники, которые только и делают, что занимаются больными. Они с большим удовольствием с нами сотрудничают, вводят наших студентов в курс дела, смотрят, чем они могут помочь.

— Правильно ли я понял, что их миссия не заключается в том, что они замещают там саделок, уборщиц, медперсонал?

— Нет, их деятельность чисто религиозная. Так же, как и в тюрьмах. Хотя у нас есть и так называемое Пантелимоновское братство. Но это уже необязательно. Члены братства по своей инициативе по субботам ездят и служат литургии в госпиталях, особенно в психиатрических больницах, куда никто не ходит. В Нью-Йорке госпитали огромны. При поступлении туда у людей спрашивают, какого они вероисповедания. Так что когда мы приходим в госпиталь, то находим по списку православных и идем к ним. Правда, многие не интересуются религией, они только номинально православные.

— Наверное, не хватает людей для работы в таких местах?

— От, не хватает! Наша трудность в Америке — это то, что мы меньшинство, в отличие от России. Нам очень трудно. Православные очень разбросаны. Мы не можем позволить себе, например, постоянных

православных капелланов. Правда, у нас есть тридцать пять или около того православных священников в армии. Но они должны фактически заниматься не только православными. То есть они, конечно, не причащают всех подряд, но обязательно входят в их религиозные и личные проблемы. Если священник — капеллан отряда, а православных там всего три-четыре человека, остальные мусульмане, все остальные могут ходить к нему за советами.

— Но все-таки подавляющее большинство американцев — христиане. У нас же возможно до половины верующих призывников — мусульмане, с которыми гораздо труднее найти точки соприкосновения.

— Да, здесь большинство христиан. Правда, много евреев. Есть и капелланы евреи, раввины. Это может быть довольно сложно. Вот ты православный, служишь на каком-то корабле, а капеллан — раввин. Ясно, в молитве с ним нельзя общаться. Но предполагается, что к нему можно пойти, если, например, хочется домой поехать или горько на сердце и он может как-то помочь.

— В заключение, какой девиз кратко характеризующий Американское Православие, вы выбрали бы?

— Миссионерство, конечно. Православие в этой стране либо будет миссионерским, либо заглохнет.

Но и богословие. Я абсолютно уверен в том, что и миссионерство, и церковная, и общественная, и пастырская деятельность неотделимы от богословия. Наука и практика составляют одно целое, разделять их очень опасно.

Очень важны для нас и русские коды. Русская Церковь положила освящения Православия в Америке начиная с Алеку прошлого века и до сих пор. Мы помним об этом.

L000125

JAKOREWAA

24-FEB-1991 21:19:26

БЕСЕДА С ПРОТОИЕРЕЕМ И. МЕЙЕНДОРФОМ О АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

3.

роде последствие режима внешней жизни, когда Церковь вынуждена была сидеть, так сказать, «под крышкой» государства, взаперти. Кроме того, уставы бывают разные. Можно и так, и по-другому.

Да, мы — Америка, нам нельзя забывать об этом и уж очень настаивать на каких-то второстепенных вещах. Надо соблюдать иерархию ценностей, не забывая о нашей первоочередной задаче — миссионерстве. Наш более мягкий по сравнению с вашим устав — это практический пастырский подход.

— Ваши студенты сами выбирают, на какие занятия им ходить?

— Ну, нет! Есть предметы обязательные, только часть их можно выбирать. Причем соотношение обязательных и выбираемых предметов меняется в зависимости от срока обучения. Скажем, первый год почти все обязательно. Со второго года выбор уже больше.

— А посещение занятий?

— Оно обязательно. Вообще-то мы обращаемся со своими студентами, как со взрослыми людьми, отвечающими за свои поступки в первую очередь перед собой. Хотя если кто-то вообще не будет ходить, ему будет сделано соответствующее внушение.

— Есть ли у вас связь с другими учебными заведениями?

— Да, и в октябре у нас в Америке — общий съезд духовных школ. Здесь даже есть школа, которая стоит на совершенно тех же принципах, что и наша, так же устроена. Это греческая семинария. Хотя греки не признали автокефалию Американской Церкви, мы в полном общении. Это не признание чисто теоретическое, поскольку мы совместно причащаемся, никто этого не запрещает. У нас учатся греческие студенты, бывают греческие архиереи, недавно приезжал Вселенский Патриарх.

Единственное, с кем у нас нет общения, к большому моему личному прискорбию, это с Русской Зарубежной Церковью. Нет связи и с ее семинарией в Джорданвилле.

— Разрыв сохраняется по настоянию обеих сторон?

— Нет, напряжение исходит только с той стороны, исключительно: контакты только личного порядка.

— Они вас не признают?

— Не только нас. Они вообще никого не признают. Я считаю — это трагедия. Похоже на положение со старообрядцами, к несчастью.

— Я знаю, что есть пункт, по которому Русская Зарубежная Церковь обвиняет Московскую Патриархию и, видимо, вас. Это экуменизм. Как вы к нему относитесь? Зарубежная Церковь считает его предательством Православия.

— Это не так. Есть разный экуменизм, это понятие очень растяжимо. Он несовместим с Православием, если предполагает религиозный релятивизм, когда считают, что истинной Церкви нет, ее только надо создавать. Цель такого экуменизма — смесь из всех религий. Это, конечно, недопустимо. Но каждый, кто честно посмотрит, как Православие участвует в экуменическом движении, поймет: для нас это возможность свидетельства об истине Православия, хотя отдельные богословы и церковные деятели могут говорить глупости, с которыми совсем необязательно соглашаться.

Если меня приглашают на съезд, где нужно говорить о Православии, что же мне ответить — нет! Почему? Разумно ли это? Я считаю, что выставлять нам постоянно упрек в экуменизме интеллектуально нечестно. Его называют даже ересью двадцатого века. Якобы все Церкви объединяются в нем в каком-то масонском заговоре. Но это же не так, это неправда!

Конечно, есть экуменизм и другого рода. Бывало, что Церкви из коммунистического

мира иногда по чисто политическим соображениям принимали участие в так называемых конференциях мира. Все это советская пропаганда, и никакого проку от таких поездок не было. Да, на конференции свозили православных Патриархов, они там сидели. Но я сам, сидя с ними во Всемирном Совете Церквей, никогда не видел никакого предательства Православия.

И у нас в Церкви есть такие же ревнители-антиэкуменисты, как в Русской Зарубежной Церкви. И это хорошо, что они есть! Они заставляют нас не забывать о всех опасностях, требующих тщательно блюсти Православие.

— То есть и у вас по этому вопросу существует разномыслие...

— Да, в рамках Православия.

— Есть у вас в семинарии традиционно сильные направления исследований, особенно любимые и разработанные предметы?

— Начну с себя. Моя область — история Церкви, патристик. Церковное предание — это то, что меня больше всего интересует. Сам я учился в Богословском институте в Париже, известном своей философской ориентацией. Здесь эта линия представляется меньше. Разработки ведутся в области догматики, Священного Писания, канонического права. Сильно литургическое богословие, которым занимаюсь покойный отец Александр Шмеман. Интерес к нему объясняется еще и тем, что после перевода богослужения на английский язык оно стало, если так можно выразиться, менее замороженным.

— А как вы сами относитесь к переводу богослужения на разговорный язык?

— Я думаю, что это придется делать и Русской Церкви. При этом моем эстетическом чувстве, что славянский язык великолепен, думаю, вам от этого не уйти. Только перевод не должен быть насильным, как это произошло у католиков: сразу старое в корзину! Все надо делать постепенно.

L000125

JAKOREWAA

24-FEB-1991 21:19:26

БЕСЕДА С ПРОТОИЕРЕЕМ И. МЕЙЕНДОРФОМ О АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

2.

— Как вы отбираете студентов? Учиться у вас может любой человек, даже неверующий, если он хорошо сдал экзамены и интересуется православным богословием, или у вас иные принципы приема?

— Конечно, мы имеем право не брать, кого не хотим. Но к нам поступают и желающие работать для получения научной степени. Требования к ним другие, чем для кандидатов в священство. Те, кто хочет рукоположения, обязаны представить рекомендацию приходского священника или епископа. Другим это не нужно.

Например, недавно к нам приехал поляк-католик, изучающий православное богослужение. Сейчас он живет вместе с нами, учится, соблюдает наш устав, хотя, конечно, не причащается здесь. Таким, как он, мы не отказываем в приеме на учебу. Конечно, во многом это связано с аккредитацией, о которой я уже говорил. К тем, кто не претендует на степень священства, к академическим студентам, приходящим на занятия вечером, требования менее жесткие, чем к остальным. Мы принимаем и женщин. Они живут в отдельном помещении, но лекции слушают со всеми вместе.

— Ваш диплом дает им право преподавания?

— Да, но имейте в виду, что в Америке все эти права — вещь очень неопределенная. Так как образование здесь в значительной мере частное, то все дипломы и степени никаких особых гарантий поступления на работу не дают. По ним лишь составляют более или менее определенное представление о профессиональной квалификации кандидата на должность. Они придают ему, так сказать, «представительность».

— Итак, основная цель семинарии не подготовка к священству, а общее богословское образование...

— И все-таки большинство окончивших семинарию принимает сан. Есть священники и среди учащихся. Те же, кто хочет заниматься научной работой, остаются на дополнительную двухгодичную программу «мастер оф геолоджия». Это что-то вроде вашей аспирантуры.

— А зачем, по-вашему, нужно будущему священнику тратить столько лет на учебу? Распространено мнение, что единственная наука, знание которой нужно на приходе настоящего времени, — это богослужебный устав. Для многих это реальность.

— Такие же настроения есть и у нас, и не только среди студентов, но даже и архиереев. К несчастью...

— Зачем же священнику богословское образование?

— О, это вопрос самый главный! Священник не только требоисполнитель. Он проповедник, апологет, пастырь. Он обязан знать, что и как думают и знают прихожане. Богословское образование предполагает энциклопедические знания. Но основное в нем то, что оно дает некий синтез, делает очевидным, что к чему. Синтез, конечно, не только интеллектуальный, академический, но и духовный. Это высшее понимание того, что важно и менее значительно и с духовной, и с научной точек зрения. Такое образование в идеале должно давать умение, подобное святоотеческому, которое заключалось в том, чтобы говорить и делать все, что нужно для защиты Православия именно в той среде и в тот момент, когда это требовалось.

— Однако мы знаем, что психические и физические ре-

сурсы человека ограничены. Врачи, ему отпущено тоже не бесконечно. Если он усленно будет заниматься одним, например, наукой, то в силу своей ограниченности меньше сил будет тратить на другое, например, молитву. Волей-неволей...

— С такого рода психологией надо решительно бороться. Всеми способами. Будем держаться здравого смысла: конечно, если ты занимаешься наукой, пишешь книги, то нельзя, скажем, восемь часов в день петь в храме на глас пятый. Это физически несовместимо. Но лучшие традиции Православия, в том числе и русского, указывают на то, что богословие и духовная жизнь связаны. Рассказывают, например, что известный историк Церкви академик В. В. Болотов знал только две дороги: в библиотеку и в храм. Обратившись к отцам Церкви классического периода, мы увидим, как ни покажется это кому-то странным, ту же картину. Не надо только грать здравого смысла, и тогда связь богословия, как науки и духовной жизни станет очевидной.

— Хорошо, но как же в семинарии связаны обучение и религиозная практика? У вас есть храм...

— ...и он занимает центральное место в нашей жизни. Ежедневно утром и вечером бывают богослужения. Посещение их обязательно. Конечно, мы ничего не навязываем, но предполагается, что все ходят на службу. Если кто-нибудь скажется больным, его, конечно, из-за этого не выгонят, но обычно все ходят.

— В укладе жизни Свято-Владимирской семинарии я заметил значительные отличия от нашей Московской академии. Гораздо больше волюнтаризма бы в соблюдении постов. Что это: уступка миру или принцип?

— Это не уступка миру. Я думаю, тот строгий режим, который создан в наших духовных учебных заведениях, особенно в Москве, есть своего

БЕСЕДА С ПРОТОИЕРЕЕМ И. МЕЙЕНДОРФОМ О АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

№ 2 (47). Январь 1991 года.

«Московский церковный вестник».

РУССКИЕ КОРНИ АМЕРИКАНСКОЙ МИССИИ

Протоиерей Иоанн Мейендорф — известный православный богослов современности, автор книг по патристике, церковной истории. Он — профессор Свято-Владимирской семинарии, принадлежащей Американской Православной Церкви. С 1984 года после смерти протопресвитера Александра Шмемана является деканом семинарии.

С ним встретился в Нью-Йорке наш корреспондент М. ДУДКО.

— Отец Иоанн, расскажите немного о том, как начиналась ваша семинария.

— В 1988 году мы праздновали свой пятидесятилетний юбилей. Это значит, что семинария открылась в год 950-летия Крещения Руси. С этой датой связано избрание святого равноапостольного князя Владимира как покровителя нашей школы. Наша Церковь имеет русские корни. Она, как и Русская при святом князе Владимире, имеет миссионерскую направленность. Мы здесь так же тогда начинали, как он начинал там.

В довоенные годы и во время войны профессорско-преподавательский состав в основном был русским. Это и первый ректор семинарии владыка Макарий (Ильинский), и Г. П. Федотов, и Е. В. Спекторский, бывший ректор Киевского университета, Н. О. Лосский, Н. С. Арсеньев и многие

другие. Затем уже после войны сюда прибыли Флоровский, Шмеман, Верховской. Тогда же приехал и я. После войны, особенно после Флоровского, бывшего деканом с 1949 по 1955 год, школа все более перестраивалась на американский лад. Преподавание стало ориентироваться на удовлетворение миссионерских потребностей этой страны — Америки.

— Но русские традиции сохраняются!

— Несомненно. Однако кое в чем мы ушли довольно далеко от прежнего состояния. Например, у нас иной метод преподавания. Это связано с тем, что мы имеем в Америке так называемую аккредитацию, то есть нас здесь признают как часть американской системы образования. Мы имеем право выдавать свои дипломы и присваивать степени. Поэтому мы должны следовать сложившимся здесь принципам образования и соответствовать установленным стандартам.

Кроме того, наш студенческий состав сейчас в основном американский. Американцы — это в основном те, кто принял Православие уже в зрелом возрасте. Мы должны учитывать их интересы и привычки.

— Сколько студентов сейчас обучаются в семинарии!

— Около ста.

— Они как-то разделяются на курсы, факультеты, потоки!

— Да, такое разделение есть. Основная группа студентов, примерно 75 человек, учится три года. Но есть и двухгодичные программы для мирян, которые хотят стать регентами, учителями в школах.

— Семинария имеет право присваивать различные ученые степени. Чем они отличаются?

— Основа для священства — «мастер оф дивинити» — магистр богословия. Это степень пастырского направления. «Мастер оф арт» — то же самое, но без пастырского элемента, потому этот курс короче. Наконец, для желающих заниматься научной работой у нас есть степень «мастер оф теолоджи» — магистр теологии. Чтобы получить ее, окончившие семинарию должны остаться здесь еще на два года.

Чтобы не возникло недоразумения, надо сказать, что принимаются в нашу семинарию лица, уже имеющие одно высшее образование. Таким образом, это не та семинария — среднее духовное учебное заведение, к которой вы привыкли. Наша школа завершает высшее образование, приводит его в систему, осмысливает его с духовной точки зрения.

«Московский церковный вестник»

ЗАЯВЛЕНИЕ

МЕЖПРАВОСЛАВНОЙ КОМИССИИ ПО БОГОСЛОВСКОМУ ДИАЛОГУ МЕЖДУ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ И РИМСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ

12

(Фанар, 12 декабря 1990 года).

В Фанаре, где находится резиденция Вселенского Патриарха Дмитрия, состоялась встреча представителей Православных Церквей — участниц богословского диалога с Римской Католической Церковью. Все участники встречи считают, что единственной темой диалога сегодня должна стать проблема унии, без решения которой все усилия сторон, направленные на достижение целей диалога, окажутся напрасными.

1. Мы, представители Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Русской, Сербской, Румынской, Грузинской, Элладской, Польской, Чехословацкой и Финской Церквей, являющиеся участниками Богословского диалога между Православной Церковью и Римско-Католической, по приглашению Его Святейшества Вселенского Патриарха Дмитрия, откликнувшегося — силу своим координаторским полномочиям — на просьбу православной делегации, принявшей участие в заседании Совместной Комиссии во Фрайзинге, провели в Фанаре чрезвычайное заседание под председательством Его Высокопреосвященства Варфоломея, митрополита Халкидонского, специально приглашенного для председательствования на этой встрече, и в присутствии членов синодальных комиссий Вселенского Патриархата — по межправославным проблемам и по диалогу с Римской Католической Церковью — в течение двух дней — 11 и 12 декабря 1990 года — всесторонне обсудили остро стоящую в различных странах Восточной Европы проблему унии с тем, чтобы дать более точную оценку сложившейся ненормальной ситуации и выработать реше-

ние о том, как нам относиться к Богословскому диалогу, начатому десять лет назад.

2. Представители Православных Церквей, непосредственно пострадавшие от унии, особенно в последнее время в странах Центральной и Восточной Европы, подробно рассказали о ситуации и драматических событиях, приносящих ущерб православным, которые трудно себе даже представить и которые вызвали у всех участников горечь и разочарование. Все участники были согласны в том, что оживление унии сегодня сопровождается грубым нарушением прав человека и религиозной свободы. Особенно это выражается в прямом насилии против отдельных людей, в злоупотреблении законодательным процессом и в подозрительных манипуляциях учреждений государственной власти.

3. Упомянулось также об усилиях, уже предпринятых для мирного и справедливого урегулирования возникающих проблем на местах и связанных с этим решительных заявлениях представителей Православных Церквей в адрес Ватикана и всех ответственных институтов власти, а также Вселенского Патриархата — Ватикану, ни одно из которых, к сожалению, не привело к улучшению положения.

4. Все участники выразили

согласие в том, что диалог, ведущийся между Православными Церквами и Римской Католической Церковью, должен стать действенным механизмом для преодоления проблем, возникающих между двумя Церквами из-за оживления унии. Сама по себе эта проблема отбрасывает назад цели диалога. Совершенно очевидно, что без положительного решения этой проблемы, все усилия православных и римо-католиков, направленные на разрыв отношений между ними и на достижение целей диалога, окажутся напрасными. Поэтому, все участники считают, что единственной темой нашего диалога сегодня должна стать тема унии. Обе стороны в этом диалоге призваны совместно выработать систему принципов для урегулирования отношений между православными и униатами и на ее основе добиваться прекращения актов насилия в соответствующих регионах. При таких условиях диалог поможет православным и римо-католикам не только установить мир на какое-то время, но и добиться справедливого, радикального и окончательного разрешения этой проблемы.

5. При сложившемся неординарном положении, упорно проявляющемся во многих аспектах, в отношениях между православными и уни-

атами, безусловно, не может быть оправданного оптимизма для продолжения Богословского диалога, если бы не существовало совместного заявления, сделанного во Фрайзинге смешанной комиссией по диалогу, которое остается единственным положительным моментом обсуждаемой проблемы. В этом заявлении, в котором не упускается из виду религиозная свобода униатов, единогласно отвергается метод униатства как полностью противоречащий экклезиологии общения и духу церквей-сестер, особенно когда они участвуют в диалоге.

6. Это Фрайзингское заяв-

ление, в котором униатство отвергается как метод, должно стать отправной точкой и основой для дальнейшего обсуждения этой проблемы в рамках Богословского диалога.

7. Как только этот главный вопрос будет решен справедливо и по-христиански, тогда Богословский диалог может беспрепятственно развиваться дальше, охватывая все темы и проблемы, какие могут возникнуть в ходе его органического развития.

8. Было признано, что для нормализации отношений между православными и униатами, было бы полезно ежегодно давать оценку — в рамках Межправославной комиссии по диалогу с Римской Католической Церковью — отношениям между православными и римо-католиками, включая положение в регионах, вовлеченных в конфликт.

В заседании Межправославной комиссии участвовал архиепископ Смоленский и Калининградский Кирилл, Председатель Отдела внешних церковных сношений.

L000130

JAKOREWAA

24-FEB-1991 21:21:46

КОНФЛИКТ В ЦЕРКВИ В КАШИРЕ /Московская обл./: РАСКОЛЬНИКИ
ЗАБАРРИКАДИРОВАЛИСЬ В СОБОРЕ

«Московский церковный вестник»

6

№ 2 (47). Январь 1991 года

ФАРС ВМЕСТО ДРАМЫ

«Суд решает: истребовать у ответчика имущество, которым он овладел незаконно, — Успенский собор и расположенную на его территории сторожку. О том, как выполняется постановление суда, мы сообщим в следующих номерах». (А. Залесский, «Каширский раскол», «Московский церковный вестник» № 24 (42), ноябрь 1990 года).

Выполняя обещание, сообщаем: каширский «раскол» преодолен. Вернее, собственноручно ликвидирован «епископом Лазарем» (он же священник Константин Васильев). Отец Константин, предприняв сепаратистский демарш, внятно не объяснил, под чью, собственно, опеку он удаляется из юрисдикции Русской Православной Церкви. Однако действия, совершенные им после судебного решения, вероятно, заставят отмежеваться от новоявленного «владыки и Русскую Зарубежную Церковь», и Истинно-Православную Церковь, и даже «Богородичный центр».

Согласно постановлению городского суда, отец Константин со товарищи должны были освободить собор в течение трех суток. Апеллировать в Мособлсуд К. А. Васильев своевременно не соизволил (равно как зарегистрировать новую общину и обрести тем самым права юридического лица).

На четвертые сутки раскольники числом около двадцати человек, возглавляемые «Лазарем», забаррикадировались в соборе. Судебному исполнителю отговорили лишь после того, как выяснилось, что второпях сваренные из листового железа двойные двери в лучшем случае декоративны — внутрь можно без особого труда попасть через временную перегородку, отделяющую летнее помещение от зимнего. Отво-

рив, первым делом безобразно оскорбили судебного исполнителя (женщину, к слову сказать). Она, утершись, вызвала наряд милиции. После этого Васильеву было еще раз предложено покинуть храм, на что он неожиданно спокойно согласился.

Дальше — больше. Оказывается, кандидаты в новомученики основательно подготовились к переезду. Скарб «беженцев», тщательно упакован-

ный, едва поместился в добром десятке грузовиков. Вывезли все, до единой иконы, богослужебную утварь и книги, газовые плиты, вывернутые электролампы, вырванные с корнем плафоны. Короче, ВСЕ, вплоть до, простите, унитаза. Два грузовика были задействованы под мебель из батюшкиного дома. Погрузившись, укатили в неизвестном направлении.

Однако не о мебели речь. Дело обстоит куда печальнее.

В 1939 году большевики перевели храм в разряд «недействующих». Без малого полвека в здании располагались мучные и другие склады, пункт приема стеклопосуды и т. п.

В 1988 году общине Русской Православной Церкви удалось вернуть Успенский собор. Пожилые люди, не чавшие уже и дожидаться до этого светлого дня, жертвовали средства, приносили чудом сбереженные старье, иногда фамильные родовые иконы.

В храм Божий приносили Богу, а не священнику Константину Васильеву в личную собственность. «Лазарь» вывез дары под чистую.

Говорить о случившемся тяжело и горько. Успенский со-

бор снова пуст, остались голые стены. Давно замечено, что ересь опустошает и души, и храмы.

Придется все начинать сначала. «Епископ» нанес удар не столько по Московской Патриархии, сколько по сердцам православных каширян.

Затевать параллельно с делом об освобождении храма имущественный процесс — значило бы отложить выдворение самозванца-самосвята еще

на несколько месяцев. Выступая на суде, благочинный протоиерей Александр Ганаба сказал: «Пусть берет столько, на сколько хватит совести... Совесть оказалась довольно емкой».

Отец Константин настоятельно настоял в каширском храме полтора года. За такое время можно многое успеть. Пример тому у меня под окном: открывшаяся в 1988 году церковь святителя Митрофана Воронежского. Храм, едва не превращенный за годы безбожной власти в груду камней, преобразуется и оживает на глазах.

Успенский же собор так и стоит в руинах. Алтарная преграда, не скорую руку сколоченная из горбыля, до сих пор кое-как обита оргалитом. Зато свой дом отец Константин отретшировал на славу, нашлись деньги и на гараж.

Распускаясь по городу фантастически нелепые слухи, истерические телеграммы в Верховный Совет РСФСР («Нас избивает милиция!») и прочие подвиги «раскольников», видимо, следует опустить, щадя нервную систему читателей.

Подведем итоги: никакого РАСКОЛА в Кашире НЕ БЫЛО.

1991-02-24 10:11 14

LO00130

JAKOREWAA

24-FEB-1991 21:21:46

КОНФЛИКТ В ЦЕРКВИ В КАШИРЕ /Московская обл./: РАСКОЛЬНИКИ ЗАБАРРИКАДИРОВАЛИСЬ В СОБОРЕ

2.

А были фарс, фанфаронада — парды амбиций и неуравновешенного темперамента небольшой группы людей. Деяния каширских «катакомбщиков» — материал даже не для памфлета, а для фельетона.

На этом можно было бы и поставить точку, но... Мы обитаем сегодня в язычески мифологизированной социальной среде. И сказочных мальчиков, еще не потерявших способность видеть, что «король-то—

голый», на каждый случай просто не напасть. Да и не сдюжат оные мальчики против новейших политмифологизаторов от масс-медиа.

...Газета «Московские новости» от 16 декабря 1990 года: «Драма в Кашире». Автор Максим Никулин. «Через несколько дней (с момента трансформации отца Константина во «владыку». — С. Ю.) духовенство и прихожане соседних церквей начали войну против епископа и его пасты, обвиняя их в ереси и сектантстве», — пишет Никулин. Каких церквей? Флора и Лавра? Какую войну?! Бабушки с дрекольем на обновленцев пошли!

Читаем дальше: «Последовало определение Каширского горсуда о немедленном освобождении храма. Подразделение ОМОН заняло храм». Сотрудники каширского отдела внутренних дел, куда я принёс почитать про ОМОН, занявший храм, веселились от души. Никакого отряда милиции особого назначения в Кашире нет. Самый обыкновенный наряд был вызван судебным исполнителем только после того, как васьильевцы окончательно потеряли контроль

над собой. Милиционеры в храм не заходили, занимаясь тем, что заворачивали с шоссё порожние грузовики, дабы раскольникам было на чем увозить добро.

Но довольно. Отмечать все нелепцы этой статьи значит слишком низко пригнуться для ответа.

Демократически-перестраивающаяся и ретроградно-партийная пресса — сямские близнецы-братья — занята сегодня поддуживанием и науськиванием всех на всех. Чем больше действующих лиц будет втянуто, тем лучше. (В публикации «Московских новостей» фигурируют митрополит Ювеналий, отец Глеб Якунин, Зоя Крахмальникова. Вали кулем — потом разберем!)

Очередные Фергана или Новый Узген, похоже, возвращаются не только в штаб-квартирах мафии, но и в редакционных окопах. «Драма в Кашире», тираж более полутора миллионов экземпляров...

Отец Алексей, назначенный настоятелем разграбленного «раскольниками» собора, в воскресенье вернулся домой только около семи вечера. До обеда в храме, после — занятия с детьми в воскресной школе, потом требы на дому у прихожан. Перед молодым священником — непочатый край работы. «Новому батюшке тяжело, мы ему всем миром поможем...» — сказала пожилая женщина, вызвавшаяся проводить меня к собору.

Община Успенского храма сегодня в трудном положении. Всем, кто пожелает пожертвовать на восстановление храма, сообщаем номер расчетного счета: 000701703 в Каширском отделении АГРОПРОМБАНКА, НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ УСПЕНСКОГО СОБОРА.

С. ЮРОВ.

Москва — Кашира.

- АЯ-

CODE: культура

ИТЕМ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ В МОСКВЕ:
СТОЛКНОВЕНИЕ ДВУХ ПРОЕКТОВ -АЛЕКСАНДРА I и НИКОЛАЯ I

(1)

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ» № 34, 20 августа 1989 г.

НА ОБСУЖДЕНИЕ

Какая дорога ведет к храму Христа Спасителя

В последнее время все активнее разворачивается кампания за восстановление храма Христа Спасителя, снесенного в тридцатые годы. Собираются подписи, идет речь о всенародном сборе средств...

То, что разрушение храма Христа Спасителя было актом вандализма, бесспорно, так же, как разрушение Чудова монастыря в Кремле с церковью Архангела Михаила, украшенной фресками Рублева, как уничтожение тысяч церквей во всех городах России.

Нельзя, однако, вандализм относить только ко времени Сталина, Хрущева, эпохе «застоя». Он продолжается и по сей день: церкви сносятся бульдозерами, разрушаются из-за равнодушия, невежества, эстетической и нравственной глухоты тех, от кого зависит их сохранение. Особенно грустна судьба сельских храмов.

Все силы, все средства должны быть брошены на то, чтобы сохранить то, что еще можно спасти, что буквально взывает к нашей помощи. Новоделы, которые должны по старым чертежам строиться заново, могут подождать: средства у нас одни — и они далеко не безграничны. Удивительно, как не думают об этом энтузиасты восстановления храма Христа Спасителя. Они-то обязаны знать, что в свое время строительство храма, занявшее более 40 лет, стоило свыше 15 миллионов золотых рублей. Если действительно восстанавливать храм, понадобится по крайней мере 150 миллионов и не одно десятилетие работы. А это значит, что на многие годы вперед практически все ре-

сурсы, которыми мы располагаем для этих целей, должны быть отданы храму Христа Спасителя; реставрация других памятников вынуждена будет свернуться.

Но, может быть, историческая и художественная ценность памятника настолько выше всего другого, что стоит принести ему в жертву сотни церквей, которые могли быть, но не будут спасены? Чтобы ответить на этот вопрос, надо знать о храме Христа Спасителя несколько больше того, что сообщают в своих воззваниях энтузиасты его восстановления.

В 1884 ГОДУ член комиссии по построению храма М. Мостовский выпустил книгу-отчет, по которой легко восстановить историю храма. 3 ноября 1812 года, спустя 20 дней после того как французы оставили Москву, царь Александр I обратился к народу с «Высочайшим благодарственным манифестом об изъявлении российскому народу благодарности за спасение отечества». Высочайшую благодарность «долженствовало увековечить видимым вещественным памятником. Этот памятник есть храм Христа Спасителя». 25 декабря 1812 года царь издал указ о строительстве храма. Из всех конкурсных проектов больше всего понравился Александру проект А. Л. Витберга на Воробьевых горах. 12 октября 1817 года торжественно отпраздновали закладку храма.

После смерти Александра Николая I «приказал приостановить производство работ». Было возбуждено дело против комиссии по построению храма во главе с Витбергом. На нее «чиновники насчитывали до 900 тысяч рублей разного рода растрат. Витберг был сослан в Вятку». «Свинцовая рука царя не только задушила гениальное произведение в колыбели, — писал А. И. Герцен в «Былом и думах», — не только уничтожила самое творчество художника, запутав его в судебные проделки и следственные полицейские уловки, но она попыталась с последним куском хлеба вырвать у него честное имя...»

В сороковых годах Витбергу было позволено вернуться в Петербург. «Погибая от бедности, — вспоминает Герцен, — он сделал последний опыт защитить свою честь. Он совершенно не удался...»

ОН И НЕ МОГ удачи: уже полным ходом шли работы по новому проекту архитектора К. А. Тона. В книге-отчете М. Мостовского читаем, что новое «место для сооружения храма было лично избрано Государем Императором Николаем I вблизи священного Кремля, где находился Алексеевский монастырь XVI века». Монастырь и соседняя церковь Всех Святых были сломаны. 10 сентября 1839 года состоялась торжественная закладка.

CODE: культура

ITEM: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ: ПРОТИВ
НЕКОТОРЫХ ИСКАЖЕНИЙ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ

(2)

«Николай I, — сообщается в статье 1893 года, — велел сделать новый план храма в старинном русском стиле...»

Задание архитектору стояло в прямой связи со всей политикой императора. Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона (1897 г.) «в царствование Николая I господствовала деятельность охранительная, направленная к ограждению России от западноевропейских революционных влияний путем опеки и детальной регламентации всех проявлений национальной и общественной жизни. К двум прежним устоям государственности — православию и самодержавию прибавлен еще один: народность. Сущность официального представления о народности сводилась к тому, что Россия есть совершенно особое государство и особая национальность и поэтому должна отличаться от Европы всеми основными чертами национального и государственного быта.»

Победа над Наполеоном в 1812 году была для Николая I победой верноподданного русского духа над мятежным духом французской революции, над пагубным европейским свободомыслием, так грозно оуоазвавшимся в восстании декабристов, на всю жизнь смертельно напугавшим императора. Сама Николаевская триада «православие, самодержавие, народность» была противопоставлена триаде Великой французской революции: «Свобода, равенство, братство». Храм Христа Спасителя должен был отвечать всем установкам официальной идеологии: «Государь остался сколь нельзя более доволен проектом Тона».

ВСЕМ, кто интересуется судьбой храма Христа Спасителя, следует знать, что храм, задуманный в 1812 году Александром I, и храм, осуществленный в соответствии с

требованиями Николая I, — это не только два разных проекта двух разных авторов в разных точках Москвы. Это произведения, принципиально противоположные друг другу, воплощающие разные художественные, смысловые, политические задачи. Храм Витберга задумывался как пантеон героям 1812 года, храм христианского духа. Храм Тона стал материальным воплощением антиевропейских, самодержавных, националистически-охранительных установок Николая I. То, что в нынешнем воззвании в пользу восстановления храма манифест Александра I соединен с изображением постройки Тона — искажение реальной истории.

Неубедительны и распространяемые сегодня сведения о том, что храм был якобы построен на собранные народом средства. Идея Александра I состояла в том, что он в благодарность Москве постройкой храма хоть отчасти возмещает жертвы, принесенные народом на алтарь Отечества в 1812 году.

Что касается реально осуществленного храма, то в опубликованных Мостовским (а он был попечителем канцелярии комиссии по постройке храма) сметах по постройке ни о каких пожертвованиях нет ни слова, зато прямо сказано: «Сооружение храма во имя Христа Спасителя в Москве стоит государству 15 123 163 рубля 89 коп.». Да, по церквам проводились «кружечные сборы» на храм, но это обычное церковное дело.

...Благое дело должно осуществляться открыто и честно, без утайваний и умолчаний. Люди, отдавая деньги на то или иное благотворительное начинание, имеют право знать ВСЕ — и, зная, решать, как им поступать.

Дорога к Храму может быть только прямой.

Мария ЧЕГОДАЕВА.

СП

CODE:

ГЕНЕРАЛ АРМИИ В.ВАРЕННИКОВ ОБЪЯСНЯЕТ: В АФГАНИСТАНЕ ЛИШЬ
ИТЕМ: 30 СОВЕТСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ, ОБСЛУЖИВАЮЩИХ ПОСТАВЛЯЕМУЮ ТЕХНИКУ

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ» № 34, 20 августа 1989 г.

Стр. 8—9.

Русские возвращаются в Афганистан?

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ МН

Такой вопрос может возникнуть по прочтении сообщений некоторых зарубежных агентств, которые даются со ссылкой на военную оппозицию правительству Наджибуллы. Приводится и точная цифра: под Кандагаром, Хостом, Джелалабадом, Гератом уже действуют 1500 советских советников.

Обратившись к главному редактору «МН» Юрий Тепляков обратился за разъяснением к главнокомандующему Сухопутными войсками СССР генералу армии Валентину ВАРЕННИКОВУ.

— Это что, утечка информации? Откуда оппозиции известно, что советников ровно 1500?

— Помню, в 1987 году, когда я сам был в Афганистане, оппозиция до мельчайших подробностей описывала бои под Кандагаром: сбито 5 советских штурмовиков, сожжено 18 танков, уничтожено 462 советских десантника. Ужас, какие потери! Я сперва подумал: наверное, от меня скрыли трагедию, которая только что произошла. Связываюсь со штабом: что под Кандагаром? В ответ: последняя неделя — самая тихая.

Другой случай. Извещают на весь мир: афганские самолеты бомбили территорию Пакистана. Я немедленно обращаюсь к представителю ООН: надо под вашим контролем провести расследование. Достигаем договоренности. А Пакистан в последнюю минуту говорит: не надо. Оказалось, расследовать-то нечего.

И теперь наши 1500 советников — ложь. Но ложь осознанная. С одной стороны, оппозиция подогревает своих полевых командиров, что они вновь воюют против русских, значит, кровь проливается во имя ислама, с другой — пытаются убедить мир: Советский Союз нарушает свои обязательства.

— И все же, есть ли советские военные в Афганистане?

— Есть! Это группа специалистов человек в 30. Количество колеблется плюс-минус 5 человек. Это зависит от вида поставляемых вооружений и техники для афганской армии.

Никаких других наших советников ни в штабах афганской армии, ни на линии огня нет. Я только что говорил с Кабулом. Данные самые последние.

А ложь меня не удивляет. В неправом деле это тоже сила. Самое главное — крикнуть, а там поди разберись.

сн

Спор о восстановлении храма Христа Спасителя

Автор статьи в "Московских новостях" справедливо называет разрушение храма Христа Спасителя в Москве - он был взорван и снесен в тридцать четвертом году - проявлением вандализма. Нельзя не согласиться с Марией Чегодаевой и в том, что в эти страшные годы погибли гораздо более значительные произведения религиозного искусства - например Чудов монастырь в Кремле с церковью Архангела Михаила, украшенной фресками Рублева. Более того - автор статьи указывает на то, что подобный вандализм относится не только ко времени Сталина, Хрущева, к эпохе "застоя". И сегодня ^{- ПИШЕТ ЖУРНАЛИСТКА -} церкви ~~не~~ с^яются бульдозерами, "разрушаются из-за равнодушия, невежества, эстетической и нравственной глухоты." Нужно спасти - пишет Чегодаева - то, что еще может быть спасено. А с восстановлением храма Христа Спасителя, по мнению автора статьи, можно подождать - тем более, что на то, чтобы построить храм Христа Спасителя заново, понадобятся огромные средства - не менее ста пятидесяти миллионов рублей.

Хотелось бы предложить еще один критерий, которым следует руководствоваться ^{ср/} в вопросе ремонта и спасения гибнущих храмов. Историческое, эстетическое значение храма - вторично. Храм - не музей, а место молитвы и нравственного водительства, спасающего людей от одичания. Поэтому в первую очередь храмы необходимы там, где на сотни километров нет ни одной открытой для богослужения церкви. Это - дело ^{и в первую очередь} более неотложное, чем восстановление храма Христа Спасителя в Москве.

Следует указать и на то, что художественная ценность храма Христа Спасителя не бесспорна, что, разумеется, никак не оправдывает тех, кто его варварски разрушил. Этот храм, построенный русским архитектором Константином Андреевичем Тоном, был освящен в тысяча восемьсот тридцать девятом году. Стиль этого архитектора и его современников в истории архитектуры назван "византийско-русским": правильнее было бы назвать его эклектичным, то есть не очень удачным сплавом византийского

архитектурного наследия с имперской помпезностью русского девятнадцатого века. Говорят, что о вкусах не спорят. Нет, спорить необходимо, но пользоваться при этом нужно верными критериями оценок.

В девятнадцатом веке - а отчасти еще раньше - русская иконопись стала клониться к так называемому "реализму". Но икона есть "окно в вечность", она возвещает не о том, что было, а о том, что должно быть - не о повседневной, а об идеальной, преображенной человечности. По этой причине фреска^ц Андрея Рублева не устареет никогда, а живопись, былин-ные барельефы храма Христа Спасителя устарели уже к началу нашего века.

Размышляя о том, какой должна быть храмовая архитектура, следует помнить, что наиболее совершенной, ибо соответствующей учению о сущности Церкви, была византийская базилика. Входящий в этот храм видит, прежде^{жа} всего, огромный образ Христа, помещенный в абсиде храма. К этому образу устремлены фигуры святых на боковых стенах храма, как устремлены к нему молитвы и чувства верующих - как служащих священников, так и молящихся. При постройке храма Христа Спасителя и других храмов девятнадцатого и предшествующих веков этот канон, этот критерий были утрачены. В поисках новых форм храмовой архитектуры следует помнить об этом.

CODE: CCCP

ТЕМА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТОМ, ЧТО МОЖНО, А ЧЕГО НЕЛЬЗЯ УСТРАИВАТЬ В ХРАМАХ.
СИТУАЦИЯ ТУПИКОВАЯ: СУМЕВ РАЗОРИТЬ, НЕТ СИЛЕНОК НИ ДУХОВНЫХ, НИ МАТЕРИАЛЬНЫХ, ЧТОБЫ ВОССТАНОВИТЬ

Ленинградская правда

12 апреля 1989 года + № 86 (22528) ● 3

Подумаем вместе Страсти вокруг Спаса,

или «Шахская гора» на Румболовской

ЖАЛЬ, что рубрика «Подумаем вместе», под которой был опубликован материал «Компромисс во спасение?» (см. «Ленинградскую правду» от 18 февраля с. г.), не была воспринята коллегами из всеволжской районной газеты «Невская заря» как предложение обсудить альтернативные точки зрения. Напомним, что в статье Е. Богословской шел разговор о том, правомерно ли с этических позиций создавать в церкви... кафе?

«Невская заря» свое несогласие с публикацией в «Ленинградской правде» выразила в реплике «Передержка», опровергнув замечание о том, что до последнего времени на открытом Всеволжским исполкомом счете для добровольных пожертвований на создание местного музея и восстановления памятников не было ни копеечки. Оказывается, к моменту нашей публикации на счете числилось 3460 рублей, и автор реплики Н. Гладуш спрашивает: «Так можно ли дезинформировать сотни тысяч читателей?»

Дезинформировать неможе даже одного читателя, но прежде всего уточним, что «до последнего времени», а именно — до того момента,

как кооператив «Шах-Даг» принялся за ремонт здания — именно «00 рублей 00 копеек» было на благотворительном счете. Какая уж тут «передержка»? Да и те деньги, которые пополнили его сейчас, — слишком малая сумма, чтобы залатать дыры (в буквальном смысле!) на памятниках.

«Невская заря» еще в сентябре прошлого года поведала всеволжцам о том, как разительно изменится облик старинной церкви: вплоть до... фонтана в центре храма. И все это делает для всеволжцев кооператив «Шах-Даг», что в переводе с азербайджанского означает «Шахская гора». Воистину неслыханными путями кооперативные: где Румболовская гора и где Шахская?

Немало писем получили мы в ответ на статью «Компромисс во спасение?». За исключением редактора «Невской зари» А. Забелюковой, требующей опубликовать поправку (какую?), все остальные читатели правильно восприняли приглашение к размышлению о судьбе памятников. Среди откликов — взволнованная и в то же время конструктивная статья А. Толубеева.

СУДЯ по названию статья «Компромисс во спасение?» и по сути происходящего, несмотря на усилия граждан, общественных организаций, партийных и советских органов, всех лучших передовых представителей нашего общества, — гражданская война в области культуры еще не закончилась, угли тлеют, что-то догорает, а что-то загорается с прежней «неразумной» силой. Даже в области гражданского строительства мы продолжаем строить по своему образу и подобию вне времени и Памяти.

Кстати, о времени и памяти... Я хочу процитировать следующие документы, опубликованные в первом номере нового журнала «Известия ЦК КПСС» за 1989 год:

«В Народный Комиссариат Юстиции
8-й Ликвидационный отдел
Мы, прихожане церкви при Военно-медицинской Академии, просим Вас отменить распоряжение о ликвидации на-

шей церкви с целью превратить ее в клуб.

Существова с основания Академии, она имеет историческое значение, а доски с именами врачей, погибших при исполнении своего долга, почти за двухсотлетний промежуток времени покрывают ее стены.

Помещение для клуба может быть отведено в другом месте, мы же просим пощадить нашу церковь, т. к. в ней мы хоронили наших близких и с нею связано много дорогих воспоминаний.

(следуют подписи):

Петроград. 21 января 1921 г.
В. И. Ленин — П. А. Красикову.

Т. Красиков! Эту просьбу передал мне А. М. Горький. Удобно ли, даже при особых условиях, превращать церковь в клуб? Есть ли налицо какие-либо особые условия? Не лучше ли отменить и вернуть церковь?

Разберитесь, пожалуйста, и разузнайте повнимательнее, а мне пришлите краткое сообщение об итоге.

27.1.1921 ЛЕНИН»

ДОКУМЕНТЫ, хранящиеся доселе за семью печатями, недвусмысленно раскрывают позиции — руководителей и руководимых, и самое существенное, как говорится, из первых рук, — ленинскую позицию. Находясь на противоположной точке зрения, вполне определенные «радетели» и ни спровергательницы и уничтожили громадный слой отечественной культуры.

Ситуация нельзя тупиковая. С одной стороны, двух мнений быть не может — «богу буга», но, сумев разорить, мы не можем восстановить — и духовных, и материальных силенок не хватает. С другой стороны — пробудившаяся совесть укоряет, напоминает, но опять же, не имея материальной основы для претворения благих намерений в реальность, укор этот приобретает очертания безграничного страдания, а с безграничностью и бесконечности какие взятки?

А уж спросить тем более не с кого! Конечно, спасибо хо-

CODE:

ИТЕМ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТОМ, ЧТО МОЖНО, А ЧЕГО НЕЛЬЗЯ УСТРАИВАТЬ В ХРАМАХ.
СИТУАЦИЯ ТУПИКОВАЯ: СУМЕВ РАЗОРИТЬ, НЕТ СИЛЕНОК НИ ДУХОВНЫХ, НИ
МАТЕРИАЛЬНЫХ, ЧТОБЫ ВОССТАНОВИТЬ

121

операторам (серьезно, спасибо!) — укрепили материальную оболочку храма, но как быть с духовным наполнением?

ем этой оболочки и духовным содержанием тех людей, которые хотят использовать этот храм? Хорошо бы этим людям заглянуть в журнал «Огонек» за февраль месяц этого года и хотя бы пробежать глазами статью Ал. Митты «Культура оптом и в розницу», в которой автор утверждает: «В Японии, например, нельзя уничтожить ни один храм, как бы дряхл и древен он ни был. И нет варианта обойти этот нравственный закон». И еще: «Преемственность создает культурный слой, на котором вырастает цивилизация». Так по каким же нравственным законам живем мы и какую цивилизацию возводим?!

Не хочу вдаваться в расклад: что можно, а что нельзя устраивать в храмах, какие-то вещи и обсуждать грех, но в качестве компромисса — и то не до конца будучи уверен в своей правоте — рискну предложить: библиотека или читальня? Да! Краеведческий уголок, где собираются все памятные для района и даже горят свечи, ведь горит же у нас Вечный огонь... Почему нет? Разумеется, если нет необходимости и возможности использовать здание по прямому назначению. Но главная мысль, пожалуй, в другом. Кооперативу, который восстановит такой храм, — снять если не все, то значительную часть налогов на вполне определенное, выгодное по своей протяженности время или по крайней мере предоставить ему возможность где-то неподалеку построить свое заведение на льготных условиях, предоставляя стройматериалы для объекта и соответствующую технику.

Исполком этого района должен быть заинтересован и в приведении в должный вид памятников культуры на своей территории, и в параллельном развитии складывающейся новой социально-бытовой инфраструктуры, которая призвана облегчить нашу жизнь.

Есть соображения по поводу более крупных объектов, во

уже в центре нашего города.

Меня давно смущает искусственно созданная архитектурная и духовная незавершенность купола Владимирской церкви, Казанского собора. Собор не должен и не может быть без креста. Любои, а этот тем более. Кстати, а вернее не-кстати, таких нелепостей в Ленинграде в виде громоотводов много...

Может быть, в качестве компромисса оставить в Казанском соборе музей религии, а для атеизма подготовить другое помещение... Экспозицию такого музея истории религии (как части мировой культуры) могли бы составить ученые, занимающиеся исследованием духовного наследия человечества, при помощи ленинградских духовных лиц, святых отцов Духовной Академии и Лавры.

Если это предложение покажется кому-то малорезультативным и не заслуживающим внимания, то уж не мною высказанное — Музей Отечественной войны 1812 года, думается, тоже должен находиться под сенью креста. Русский солдат все-таки шел на подвиг во имя Отечества, помнясь. И память об этом не противоречила бы духу прошедшего времени и, надюсь, сегодняшнего. К тому же, в Казанском находится прах Кутузова, который не был атеистом. Простим их причастность к Богу, если уж взяли на себя право казнить и миловать.

Но вот простят ли нам наши потомки наше циничное и, как ни страшно сказать, социалистическое варварство? У будущих потомков нет над нами никакой власти: ни политической, ни финансовой, но мы обязаны представить им материальные доказательства нашей причастности к спасению Духа и Культуры, потому что Культура и есть материальная оболочка Духа.

Сенная площадь должна быть Сенной, а не Мира. Возможно, скоро на Земле не будет травы, так пусть хоть в названии останется часть уклада жизни предков, и останется на месте прекрасный Спас на Сенной, но не в качестве кафе или ресторана... Пусть в этом Соборе горят свечи

декабристам и народникам, большевикам и всем участникам героической битвы за Спасение человечества от алж, всем жертвам террора и, застоя, блокады и культа, и пусть он станет Собором Мира. Я не могу не сказать сегодня о позоре Невского проспекта, где бывшая Лютеранская церковь приспособлена под бассейн, а в Армянской церкви — склад. После того как Петр прорубил окно в Европу, к нам заглядывают гости. Согласитесь, стыдно же перед ними, надо набраться мужества, признаться в варварстве и исправить положение.

Голландской церкви хоть повезло! Там библиотека. А бывший Костел св. Екатерины Валлен-Деламота и Ринальди — редчайший пример переходного стиля от барокко к классицизму — еще до пожара превращен в склад. К нам приезжает много верующих, в том числе из стран социализма и развивающихся стран, и хорошо бы они не видели, куда все это развивается. Пусть видят этот Костел действующим, бываю там, оставляют там свои печали и уезжают от нас с Надеждой, Верой и Любовью.

Если уж это предложение не вяжется с нашей внутренней идеологией (а может быть, устоявшимся прежим стереотипом), то хотя бы свяжем это с изменениями во внешней политике нашего государства. В крайнем случае пусть в Лютеранской церкви звучит музыка Баха и Генделя, в Костеле — Моцарта и Вивальди, и профессиональные актеры играют средневековые мистерии. В православном Казанском исполняются Бортнянский и Рахманинов — по моему, это разумный компромисс. Давайте вернем человеку и всему, что создано им, Человеческое лицо.

Я призываю народных депутатов-ленинградцев позаботиться о том, чтоб было что передавать тем будущим поколениям, которые за вас и нас проголосовать не могут!

А. ТОЛУБЕЕВ,
артист АБДТ им. М. Горького, секретарь правления
СТД РСФСР

О ФАНАТИКАХ АТЕИЗМА И СВОБОДЕ СОВЕСТИ

"ИЗВЕСТИЯ", 5 марта 1991 года, стр. 4

МОИ СОВРЕСНИКИ могут вспомнить песню с бодрым призывом: «Церкви и тюрьмы сровняем с землей». Не сбылась песня, не оправдались надежды относительно тюрем. Получилось наоборот: много пришлось построить лагерных барачков и на Севере, и в Сибири, и дальше. А закрыли всего лишь одну Таганскую тюрьму в Москве. Что касается церквей, то тысячи храмов и монастырей были разрушены, к чему и призывала песня. Произошла также редкая в истории метаморфоза: монастыри и храмы заняли под колонии и тюрьмы. И случалось так, что церковные служители вместе с прихожанами несли там свой тяжкий крест в годы произвола и репрессий. Будем верить и надеяться, что прошелшее не возвратится. Но — и не забудется.

В стране начал действовать Закон «О свободе совести и религиозных организациях», рожденный в муках. На свет же появился, по моему убеждению, вполне удовлетворительным для нашего времени и для ближайшей перспективы. В том, чтобы закон работал, заинтересованы организации всех вероисповеданий: сельский приход, Патриархия и буддийский дацан, мечеть и синагога. С каждым днем они становятся все более активными, начинают понимать свои права и возможности, осознавать самостоятельность и защищать свои интересы.

Канули в Лету прежние законоположения о регистрации всех религиозных обществ в Москве. Прекращена унижительная процедура государственной регистрации духовенства, установлено нормальное налогообложение доходов священнослужителей. Религиозным организациям может передаваться в собственность недвижимое и культовое имущество. Не таясь, можно теперь учить Закон божий, Коран или Тору даже в школьном помещении. Находит поддержку введение альтернативной службы по соображениям совести.

Приходит пора, когда в сфере свободы совести вместо силы непримиримой материалистической идеологии настанет власть закона. Партийный атеизм умолкает. Прибавится беспокойства работникам исполкомов, к которым станут чаще обращаться по делам религиозных организаций. Неуютно чувствуют себя уполномоченные Совета по делам религий, ибо власти их пришел конец, а должности упраздняются. Более ошутимыми станут трудности у профессиональных атеистов, поскольку закон не разрешает государству финансировать деятельность по пропаганде атеизма.

ДАВНО идет перестройка. Но не стареют боевые ветераны-обществоведы, озабоченные коммунистическим воспитанием народа. И вот большая группа ученых-атеистов под эгидой межреспубликанского филиала Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС в г. Киеве выпустила книгу «Атеистическое воспитание: содержание, формы и методы» (Киев, 1989). Книга посвящена тому, как верующего человека сделать атеистом. Без вопроса, хочет ли он стать безбожником или поедпочитает верить в какого-либо из богов.

Уместно спросить: по какому законному или идеологическому основанию, какими силами и за

чей счет будет выполняться комплекс мер, предлагаемый авторами?

Невозможно найти серьезного, ясного, убедительного обоснования того, ради какой цели надо верующих людей перевоспитывать в атеистов. Станут ли они в этом новом качестве лучше, т. е. честнее, добрее, заботливее к окружающим и, наконец, трезвее: православие во все века свои стремилось утверждать народную трезвость. Атеизм эту тему обходит, а мне давно хотелось поделиться информацией,

которую я вычитал в «Настольной книге священнослужителя» (том 4). Так вот, когда священнику приходится на исповеди выслушивать рассказ о семейном конфликте, возникающем на почве неумеренного употребления вина, т. е. пьянства, то в книге ему советуют в беседе с исповедующимся рекомендовать: а) не упрекать пьяного, пока он не придет в трезвое состояние; б) стараться воздействовать не угрозами, а лаской и настойчивыми убеждениями, указывая на вред алкоголя для здоровья, гибельный пример для детей, материальное разорение семьи. К этому добавляется и молитва об исправлении пьяницы. Надо сказать, что не только православие, но и другие конфессии весьма активно выступают за народную трезвость, что для нашего времени не может не считаться полезным.

На высшем политическом и государственном уровнях снята прежняя установка на атеистическое воспитание населения. Нет подобной цели ни в Программе, ни в Уставе КПСС, также нет ее и в новом законе. Никакого официального атеизма новый закон не допускает. И ему надо неукоснительно следовать, признав за человеком право на свободу вероисповедания.

О ФАНАТИКАХ АТЕИЗМА И СВОБОДЕ СОВЕСТИ

Обстоятельства в корне меняются.

Теперь атеисты от науки перестали проповедовать реакционную сущность религии и утверждать, что быть верующим человеком безразлично.

При серьезном дефиците бюджета КПСС становится неизбежным сокращение штатов партийных учреждений, в первую очередь, конечно, это должно коснуться идеологических научных учреждений. Что же касается Института научного атеизма, то его следовало бы, на мой взгляд, закрыть целиком и по возможности скорее. Помимо ощутимой экономии денежных средств, подобное решение принесет и другую реальную пользу. Будет реализован отказ КПСС от атеистического воспитания населения (на-

рода), что изжило себя на данном этапе развития общества, да и провозглашено складывающейся многопартийности. За четверть века, надо признать, институт не сложился как центр культурного атеизма, исповедующего законное право человека на свободу совести и религии.

МНОГИЕ десятилетия атеизм утверждал себя в качестве науки, и, естественно, появились сотни ученых, создавших кандидатские и докторские диссертации. Вот лишь несколько примеров по «Книжной летописи»

1989 г. Кандидатом философских наук стал Л. В. Калина за работу «Атеистическое воспитание молодежи в трудовом коллективе». В МГУ П. Хамшик защитил диссертацию по теме: «Инженерно-техническая интеллигенция как объект атеистического воспитания». Докторские диссертации защитили, в частности, М. Ф. Джалилов на актуальную и перспективную тему: «Взаимосвязь научно-технической революции и атеистического мировоззрения», Л. Ходжаев «Деятельность компартии Туркменистана по атеистическому воспитанию молодежи в 70—80-е годы» (защита в Институте истории партии Украины). М. Н. Усенко обогатила науку работой «Социалистическая семья как фактор формирования атеистического мировоззрения личности». Все это происходило совсем недавно — в разгар перестройки под пристальным ВАР, да и по сей день продолжается. И некому остановить этот поток казенной идеологии, некому порадеть за казенные деньги. Надо бы Минфину ввести жесткий лимит на пожизненную ренту, заработанную на атеизме. А ведь атеизм — это всего-навсего неверие в бога или, по словам К. Маркса, «негативное признание божьего бытия».

Многое меняется в нашей жизни. За минувшие годы были отменены некоторые постановления ЦК КПСС. Однако формально продолжают действовать такие партийные документы, которые, по сути, изжили себя. К числу таких относится, несомненно, постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». Этим документом школе, средним специальным учебным заведениям и вузам предписывалось: «Преподавание предметов (история, литература, естествознание, физика, химия и т. д.) насытить атеистическим содержанием». По моему глубокому убеждению, в этой части постановление с самого начала носило антиконституционный характер.

Но фанатично преданные атеизму преподаватели до сих пор на этом документе основывают позицию всеобщего атеизма.

Московский городской комитет по народному образованию из отозвал еще методические рекомендации, по которым учителям предлагается интерпретировать учебный материал для разоблачения религиозного мировоззрения. С первого класса и по всем предметам, включая математику, рисование и музыку, и даже физкультуру (это не шутка). Главенствует в этих де-

лах «патриарх» педагогического атеизма, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР А. Н. Алексеев, создавший 23 пособия и добрую сотню статей по атеистическому воспитанию школьников и студентов педагогических училищ.

И в вузах предлагается насытить, т. е. наполнить и пропитать, преподавание специальных дисциплин атеизмом. В брошюре доцента Московского института стали и сплавов Р. Н. Данильченко («Атеистическое воспитание — важный фактор утверждения коммунистической морали», М., 1987) сообщается, что атеистическое воспитание по плану института охватывает весь процесс обучения и воспитания студентов с первого по пятый курс и пронизывает преподавание общественно-политических и специальных дисциплин. Против этого не стал бы возражать при условии, что сталь, сваренная по атеистическим рецептам и технологии выпускников, выйдет на высший мировой уровень. Увы...

Верховный Совет СССР поручил пересмотреть программы обучения в государственной системе образования в соответствии с законным правом на свободу совести. Мне кажется, что не должно быть у студентов экзаменов и зачетов по курсу бывшего научного атеизма, названного теперь историей религии и атеизма. Ведь по новому закону граждане имеют доступ к образованию независимо от отношения к религии.

О ФАНАТИКАХ АТЕИЗМА И СВОБОДЕ СОВЕСТИ

3

В Госкомитете СССР по народному образованию приверженцы научного атеизма не хотят потерять направленные деятельности для «профессиональных атеистов», могущих, как выразилась одна ученая дама-атеистка, потерять кусок хлеба насущного. Но закон принят, и решение надо принимать не с позиций атеистического просвещения, а поставив на первое место право человека, его совесть, о свободе которой говорит закон.

Сделаю осторожное предположение. Может быть, приверженность Гособразования СССР

к научному атеизму объясняется тем, что ведущий специалист системы В. Н. Савельев является одним из теоретиков атеистического воспитания молодежи. Совсем недавно в соавторстве с З. А. Тужуризиной вышла его печатная работа «Атеистическое просвещение молодежи в период перестройки» (М., 1989). С начала и до конца в этой работе утверждается **ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ** атеистического воспитания студенческой молодежи. Со страницы 17-й два кандидата наук с укором обращаются к «крупным писателям и поэтам, художникам и скульпторам, не помогавшим в период застоя делу атеистического воспитания». «Мы почти не знаем, — восклицают авторы, — художественных произведений, в которых был бы воплощен образ сознательного материалиста и атеиста...»

Может быть, демократизация народного образования в условиях перестройки высшей школы даст основание Гособразованию СССР искать и найти другие подходы, которые отвечали бы смыслу и духу нового закона. На такое решение дает надежду поручение правительства СССР в связи с новым законом пересмотреть программы обучения в государственной системе образования, привести их в соответствие с правом на свободу совести. С 1992/93 учебного года программы всех учебных заведений должны быть очищены от атеистического «насыщения».

ЗНАЧИТЕЛЬНЕСЕ место занимает в законе благотворительная деятельность и милосердие вплоть до создания с этой целью ассоциаций, обществ и братств, заведений для нуждающихся в помощи и поддержке. Закон прямо говорит о праве религиозных организаций учреждать приюты, интернаты, больницы и другие заведения благотворительного характера. Пожертвования и отчисления на благотворительность и милосердие исключаются из сумм, подлежащих налогообложению.

Об этом можно сказать прямо, поскольку долгие годы господствовало убеждение, что, во-первых, благотворительность религиозных организаций запрещена по закону (хотя ни в одном законе об этом ничего не было сказано), а во-вторых, указывалось на аморальный характер благотворительной деятельности в нашем социалистическом обществе, так как считалось, что советский человек обеспечен всем за счет государственных и общественных фондов и в «подачках» не нуждается.

Похвальное слово новому закону СССР не означает его идеализации. Есть в нем недомолвки. На мой взгляд, следовало бы установить в законе запрет на проведение в помещениях религиозных организаций собраний, митингов и других манифестаций, имеющих политический характер.

При разработке закона моделировался механизм его реализации, теоретически воссоздавалась его «примерка к жизни». Теперь начинается его настоящая жизнь, в которой переплетаются отношения людей, религиозных организаций, их служителей, органов государственной власти и управления, их руководителей и рядовых работников, и для всех один ориентир — Закон.

В. КАЛИНИН,
заслуженный юрист
РСФСР.

«Вечерняя Москва» Вторник, 5 марта 1991 года 2

— Не согласен! —

О БОГЕ, ВЕРЕ И ПОРКЕ НА КОНЮШКЕ

«Свобода совести и от совести» («ВМ», 18 и 28 декабря 1990 года, 11 и 29 января 1991 года) — теперь три письма с противоположным мнением.

СОВЕСТЬ рекомендуется иметь всем, в том числе тем, кто о ней говорит и пишет. Стоит напомнить об этом автору статей в «Вечерней Москве» Б. Яковлеву «Свобода совести и от совести».

Автор требует уважения к религии на том основании, что она давно существует. Будем последовательны. Тысячелетиями существует проституция, наркомания, социальная и иная эксплуатация — все это надо уважать?

Но к религии автор требует уважения не только по причине давности ее существования. Чего только он не находит в ней благостного и целительного! И не в какой-нибудь одной из религий, а во всех, в любой. Ибо любая из религий «готова облагораживать, очеловечивать всю жизнь».

А не готова ли религия «облагораживать» насилие, человекоистребление, угнетение, всю кровь и грязь, которыми полна человеческая история? Вспомним отношение православия к самодержавию и крепостничеству, вспомним инквизицию и крестовые походы, кровавые расправы с «еретиками» во всех странах средневековой христианской Европы. Разве не «облагораживала» православная церковь крепостное право с торговлей людьми, с поркой крепостных на конюшне? А виселицы для революционеров и все прочие прелести истории...

С точки зрения автора атеизм есть тоже религия, ибо он предполагает веру в то, что не существует сверхъестественного мира богов и чертей. С этой точки зрения, к религии следует относить и веру в то, что сегодня в ресторане меня вкусно накормят.

Правда, не всякий атеизм следует считать религией. Есть «мракобесный, злой атеизм», прибегающий к лжи и насилию, он сюда не относится. Спросим: а какой же атеизм надо считать хорошим,

религиозный? Некий неведомый «истинно научный атеизм», который существовал в давние времена и которого у нас нет «на протяжении уже семи десятков лет». Дальше идет безудержное оплевывание всей истории советского атеизма.

И. КРЫВЕЛЕВ,
доктор философских наук.

«Бога нет, это медицинский факт», во времена оны говаривал Остап Бендер, видимо, помнивший, что специалисты по брэнному человеческому телу так и не обнаружили в нем той самой «души», хотя бы и «русской», в которой, по мнению Н. Бердяева, прячется вера в бога.

Все реальные моральные ценности — духовный продукт многовекового опыта народа. Святые отцы присвоили эти моральные ценности и объявили их ниспосланными свыше, исходящими от бога. Мало того, разукрасив их (в том числе и для устрашения) мифами, легендами, сказками, святые отцы превратили все в товар, который веками продают народу за звонкую монету.

Другого такого духовно простилируемого института, как святая церковь, не знает история человечества.

Подобные деяния великий комбинатор Остап Бендер считал охмурением народа. По Б. Яковлеву, оно — облагораживание. Что ж, ренегатство сегодня входит в мо-

ду не только в политике. Применительно к религии давно известно и имя таких «теоретиков» — дипломированных лакей поповщины.

В. АРХИПКИН.

Тон автора изысканий «О свободе совести и от совести» позволяет применить к нему ходячее выражение: у него из-под пиджака подрясник виден. Он похож на Глеба Якунина, который, как говорят, больше является агрессивным политиком, нежели священником с мирной миссией.

В. ФЕДУЛОВ,
атеист с детства.

Вот так три оппонента решительно вступили в спор со «Свободой совести и от совести», посвященной недавно принятым союзному и российскому Законам — о свободе совести и религиозных организациях и о свободе вероисповеданий. Мы выбрали эти письма из редакционной почты с одной целью — представить в «ВМ» и противоположную точку зрения.

Но не хотелось бы ставить тут точку. Ждем писем на эту волнующую очень многих, актуальную, острую и, как мне кажется, неисчерпаемую тему.

Рады будем и письмам верующих, священнослужителей, богословов, которые пока, увы, нечасто высказывают открыто свое мнение, отстаивают убеждения на страницах массовых газет.

Напоминаем наш адрес: 123849, ГСП, Москва, Д-22, улица 1905 года, 7, «Вечерняя Москва». На конверте напишите, пожалуйста, «Свобода совести». Наиболее содержательные письма увидят свет на страницах «ВМ».

ПОСЛАНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО СОВОРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ /МОСКВА/
С КРИТИКОЙ ПОЗИЦИИ ЗАРУБЕЖНОЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№12 1990 стр. 184

Голод, мор, война, революция... В ряду этих веющих могильным холмом слов первое место по частоте занимает леденящее русскую душу слово раскол. Ныне мало кто сомневается в том, что первоисточком наших братоубийственных раздоров, систематически ставивших Отчизну на грань катастрофы, явилось духовное несогласие. Вот почему всякий истинный россиянин, радеющий о возрождении Отечества, независимо от взглядов, места жительства и сложившейся судьбы, как самую опасность воспринимает любые проявления церковного раскола.

Публикуя на своих страницах Воззвание Архиерейского Собора Русской Православной Церкви, мы не считаем для себя вправе давать какую-либо оценку его положениям, поскольку являемся светским журналом. Вместе с тем считаем необходимым обратить внимание на то, что Воззвание проникнуто заботой о сохранении единства матери-Церкви, готовностью протянуть руку несогласным, содержит в себе призыв к открытому и честному диалогу по всем вопросам жизни Русской Православной Церкви.

Журнал «Наш современник» считает своим священным долгом по мере сил способствовать обретению церковного единства. Мы надеемся на доброжелательный и конструктивный отклик со стороны пастырей и прихожан Русской Православной Церкви за границей.

ПОСЛАНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ /МОСКВА/
С КРИТИКОЙ ПОЗИЦИИ ЗАРУБЕЖНОЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

(2)

**ВОЗЗВАНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА
К АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ И ВСЕМ
ВЕРНЫМ ЧАДАМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

**ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ О ГОСПОДЕ
ПРЕОСВЯЩЕННЫЕ АРХИПАСТЫРИ, БОГОЛЮБИВЫЕ ПАСТЫРИ
И ВСЕ ВЕРНЫЕ ЧАДА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ!**

Печальное событие, поставившее под угрозу мир в нашей Церкви и ее единство, побуждает нас обратиться к вам с настоящим воззванием.

Не имея признания всей Православной Полноты, в силу своей антиканоничности, группа епископов, именующая себя Архиерейским Собором Русской Православной Церкви за границей, десятилетиями вносящая раздоры среди наших православных соотечественников, в рассеянии сущих, посеяла теперь церковную смуту уже на территории нашей страны. Собравшись в канадском городе Мансонвилле, указанный Архиерейский Собор принял 2/15 и 3/16 мая сего года два документа — Послание к пастырям и пастве нашей Церкви, живущим во Отечестве, и «Положение о приходах свободной Русской Православной Церкви», — значительно усиливающие и без того фактически существующее разделение между ними и нашей возлюбленной Матерью — Русской Православной Церковью. Призывая ее пастырей и паству перейти под их окормление и объявляя о своем намерении поставить на канонической территории Московского Патриархата в нашей стране свою иерархию, они как на причину такого произвола указывают на «окончательно к настоящему времени парализованное, нераскаянное состояние иерархии и клира Московской Патриархии, отступивших от чистоты Православия».

Позже, в дополнение к указанным документам Архиерейский Синод Русской Зарубежной Церкви обратился с посланием «К верным чадам Русской Православной Церкви в Отечестве и в рассеянии сущим», в котором, повторяя прежние обвинения в адрес священноначалия Московского Патриархата, заявляет о своем исприятии решений Поместного Собора, проходившего в Тронпе-Сергиевой Лавре в июне сего года. Так, они отказываются признавать выборы нового Всероссийского Патриарха в качестве «соборного волеизъявления Русской Церкви» и вообще намекают, что в своих деяниях Собор не был внутренне свободен. Но если весь мир был свидетелем как острых дискуссий в ходе соборных заседаний, так и напряженного в несколько туров при тайном голосовании процесса выдвижения кандидатов в Патриархи и избрания Предстоятеля Русской Православной Церкви, то спрашивается, что же тогда свобода и соборность? При этом авторы

ПОСЛАНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО СОВОРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ /МОСКВА/
С КРИТИКОЙ ПОЗИЦИИ ЗАРУБЕЖНОЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

131

послания не гнушаются и выпадов личного характера против новоизбранного Святейшего Патриарха, основанных на источниках, которые с церковной точки зрения не могут заслуживать доверия.

Все это может вызывать и вызывает смущение в умах некоторой части наших клира и паствы, недостаточно осведомленной о подлинных событиях истории Русской Православной Церкви в текущем столетии. Посему почли мы своим долгом перед лицом епископата, клира и всех верных чад нашей Русской Православной Церкви дать ответы по всем пунктам выдвигающихся в вышеуказанных документах обвинений, а также дать соответствующие разъяснения о самом характере оных, чтобы никто не питал иллюзий как относительно того, что вменяется в вину иерархии и клиру нашей Церкви, так и относительно их обличителей.

Обращаясь к появившимся в нашей стране своим последователям, иерархи Русской Зарубежной Церкви предписывают им «не вступать в евхаристическое общение с Московской Патриархией», пока последняя не отречется от Декларации Митрополита Сергия и не отстранит от церковного управления иерархов, которым они вменяют в вину «антиканонические и аморальные поступки». Такое предписание клирикам и мирянам относительно их разрыва с иерархией, имеющей каноническое признание со стороны всей Православной Полноты в лице епископата Автокефальных и Автономных Поместных Православных Церквей, в соответствии с первым правилом святого Василия Великого, может быть однозначно квалифицировано как подстрекательство к расколу со стороны лиц, уже фактически поставивших себя в положение раскольников.

Как видим, главным пунктом обвинения в адрес иерархии и клира Московского Патриархата выдвигается их связь с Декларацией Митрополита Сергия, принятой в 1927 году.

По этому поводу мы заявляем, что, отдавая дань глубокого уважения памяти Патриарха Сергия и с благодарностью вспоминая его борьбу за выживание нашей Церкви в тяжелые для нее годы гонений, мы тем не менее вовсе не считаем себя связанными его Декларацией 1927 г., сохраняющей для нас значения памятника той трагической в истории нашего Отечества эпохи. Как заявил Священный Синод 3 апреля с. г., «Православная Церковь не может ни встать на сторону тех или иных групповых или партийных интересов, ни связывать свою судьбу с тем или иным политическим курсом». Вместе с тем мы не можем оставить безответными содержащиеся в послании зарубежных иерархов выпады против Патриарха Сергия и Декларации 1927 г. «...Митрополит Сергий, — читаем мы в послании, — будучи только заместителем (Патриаршего) Местоблюстителя, неожиданно превышает свою власть, нарушает единомыслие епископата, издает без рассуждения всех, и вопреки мнению подавляющего большинства иерархов, свою декларацию о единстве интересов Церкви и безбожного правительства. Старейшие иерархи — митрополиты Петр и Кирилл Казанский осудили этот акт и прервали общение с Митрополитом Сергием. ...Таким образом, раскол в епископате Российской Церкви создал Митрополит Сергий. Одни (большинство) пошли путем мученичества, другие — вынужденного соглашательства. В первые же месяцы легализованного властями церковного управления начались беспримерные расправы с несогласными, с большинством епископата. Непреклонных, дерзновенно не имея на это никакого права, Митрополит Сергий увольняет на покой, запрещает единолично в священнослужении, что дало властям основание для предания их суду, заключения в тюрьмы, лагеря и ссылки, где умирали они мучениками за Возлюбившего их».

Мы не думаем, что это писалось в неведении относительно истинной последовательности и характера событий более чем шестидесятилетней давности. Очевидно, что писавшим доступны и издания церковных источников того времени, и исследования историков, посвященные жизни Русской Церкви в ту тяжкую для нее пору. Поэтому мы вынуждены квалифицировать вышеприведенные высказывания как злонамеренную клевету, рассчитанную либо на неведение, либо на отсутствие памяти у читающих сей документ.

Чада нашей Церкви должны знать подлинные факты, связанные с Декларацией 1927 года, обращение к которым делает полностью несостоятельными вышеприведенные измышления.

Во-первых, что касается объема власти Митрополита Сергия, как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, то она полностью покрывала все права и обязанности замещаемого им Предстоятеля нашей Церкви, с чем был согласен русский епископат, включая и зарубежных иерархов, обращавшихся к нему в 1926 году, прося рассудить их в связи с возникшими в их среде разногласиями относительно устройства церковной жизни русской диаспоры. Именно consensus ecclesiae (согласие Церкви) и являлся основным источником его полномочий, воспринятых в силу чрезвычайных обстоятельств жизни Русской Православной Церкви согласно распоряжению Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Крутицкого Петра, оказавшегося с декабря 1925 года и до своей кончины в 1936 году в узах и поэтому не могущего исполнять свои обязанности Первоиерарха.

Во-вторых, Декларация не появилась «неожиданно». Первый ее вариант, получивший известность, в частности, благодаря зарубежным публикациям, стал предметом достаточно широкого церковного обсуждения. Что же касается ее варианта, опубликованного в «Известиях» в июле 1927 года, то он, будучи принятым

185

ПОСЛАНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ /МОСКВА/
С КРИТИКОЙ ПОЗИЦИИ ЗАРУБЕЖНОЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

41

Временным Патриаршим Священным Синодом, готовился также не один месяц, и эти приготовления не являлись секретом. Мы вовсе не намерены идеализировать этот документ, сознавая и его вынужденный характер, и вообще относительную ценность подобных заявлений. Однако со всей определенностью мы обязаны подчеркнуть, что Декларация 1927 года не содержит ничего такого, что было бы противно слову Божию, содержало бы ересь и, таким образом, давало бы повод к отходу от принявшего его органа церковного управления. Именно так и восприняло Декларацию подавляющее большинство епископата Русской Православной Церкви, притом, что критических замечаний в адрес ряда ее положений высказывалось немало. Во всяком случае, известно, что оппозиция Митрополиту Сергию Ленинградскому митрополита Иосифа и отход от него в 1930 году митрополита Казанского Кирилла не были связаны непосредственно с Декларацией, а явились результатом непонимания линии Заместителя Патриаршего Местоблюстителя в вопросах церковного управления, которая в тех условиях была единственно возможной. Эта линия, в свою очередь, встретила сочувствие большинства епископов, сохранивших доверие и сострадание Митрополиту Сергию, в сознании того, что нет такой власти, которая способна лишить их свободы во Христе, ради Которого они обрекли себя на каждодневное умирание.

В-третьих, обратимся к основной мысли Декларации 1927 года, чтобы в этом вопросе не было никаких недомолвок и перетолкований. Конечно же, ни о каком «единстве интересов Церкви и безбожного правительства» здесь нет и речи. По сути, Митрополит Сергей и Временный Патриарший Священный Синод отстаивают здесь верность заповеди Спасителя отдавать кесарю кесарево, а Божие Боговами (Мф. 22, 21). «Нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом». Таким образом, совершенно очевидно, что ни о каком единстве интересов Церкви и советского руководства в области духовной жизни и нравственных ценностей здесь не может быть и речи. Митрополит Сергей вместе с единомысленными с ним епископами обещает гражданской власти лишь лояльность в той мере, в какой она не затрагивает существа веры. Теперь обратимся к высказыванию, которое встречало наибольшее непонимание некоторых представителей русской церковной среды того времени. «Мы хотим, — писал Митрополит Сергей, — быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». Опять же подчеркивая верность святому Православию, что по сути и является главной мыслью Декларации, Митрополит Сергей говорит о естественной близости сердцу чад Русской Православной Церкви успехов и неудач их земной Родины при ясном сознании преходящего характера установившейся в ней государственной власти, которой, по завету Апостола (Рим. 13, 1—8), предписывается христианам законопослушность в гражданской сфере «не только из страха, но и по совести», что должно служить основанием нормальных отношений Церкви и власти в любом государстве. Ни о каких уступках власти в области веры или же выражения солидарности с ее богоборческим курсом в Декларации, конечно же, нет и речи.

В-четвертых, нет никаких достоверных данных, свидетельствующих, что митрополит Петр прервал общение со своим Заместителем в связи с публикацией им давней Декларации, которая явилась естественным продолжением его и святого Патриарха Тихона усилий по легализации в СССР канонического управления Русской Православной Церковью.

И, наконец, в-пятых, относительно обвинения в том, что Декларация явилась причиной репрессий в отношении, как пишут авторы Послания, не принявшего ее большинства духовенства. Здесь нужно обратиться к фактам, из которых следует, что не Декларация явилась главной причиной отхода от Митрополита Сергия 37 (из более чем 150) епископов, находившихся на Родине, а, как уже указывалось, непонимание его линии в области церковного управления, учитывающей тогдашние реальные условия существования Церкви. Что касается прещений, то они налагались Временным Патриаршим Священным Синодом в установленном священными канонами порядке лишь в отношении тех лиц, которые посягали на единство тела церковного, «водружая иный алтарь». При этом недобросовестным измышлением является попытка обвинить Митрополита Сергия в том, что он дал повод развернуть репрессии со стороны режима в отношении несогласных с ним епископата и клира. Общеизвестно, что духовенство Русской Православной Церкви подвергалось репрессиям вовсе не по приговору гласного суда, а в так называемом административном порядке и до Декларации 1927 года. Собственно, уже с начала 1918 г. на русское православное духовенство и активных мирян обрушился самый недрогкий террор именно за их принадлежность к Церкви, который затем по временам то ослабевал, то усиливался, оставив нам память о многочисленных мучениках и исповедниках. Что же касается последующих незаконных режим в отношении епископов, клириков и активных мирян, наибольший размах которых пришелся уже на 30-е годы, то его жертвами явились отнюдь не только оппозиционеры Митрополиту Сергию, но и в гораздо большем числе (в силу своего явного

ПОСЛАНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО СОВОРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ /МОСКВА/
С КРИТИКОЙ ПОЗИЦИИ ЗАРУБЕЖНОЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (15)

численного превосходства) его ревностные сторонники, включая подавляющее большинство членов Временного Патриаршего Священного Синода. Достаточно напомнить деятелям Русской Зарубежной Церкви имя единомысленного с Митрополитом Сергием члена Синода при нем митрополита Одесского Анатолия, прославленного ими как новомученика. Таким образом, авторы послания допускают кощунство в отношении памяти большинства священномучеников и исповедников, которые страдали именно за веру во Христа, оставаясь по примеру мучеников и апологетов христианской древности добросовестными гражданами своего государства.

Нас обвиняют в «попрании памяти святых новомучеников и исповедников». И здесь мы совершенно определенно должны заявить, что в нашей Церкви никогда не прерывалось молитвенное поминовение страдальцев за Христа, преемниками которых довелось стать нашему епископату и клиру. Сейчас, чему весь мир свидетельствует, у нас разворачивается процесс их церковного прославления, который, в соответствии с древнецерковной традицией, должен быть избавлен от суетного политиканства, поставленного на службу меняющимся настроениям времени.

Среди других обвинений в адрес епископов и клириков Русской Православной Церкви, являющихся якобы достаточной причиной для разрыва с ними екаристического общения, называются и «подобострастное служение безбожной власти», и «небрежение в распространении слова Божия», и «искажение таинства», и «подчинение мирским властям», и «отрыв от пастыри», и «нравственная распушенность и сребролюбие», и «перемещение архиереев и священников». Знающему историю Русской Православной Церкви в XX веке послышится в этих обвинениях нечто удивительно знакомое. Ведь почти то же самое шесть с лишним десятков лет тому назад можно было услышать из уст раскольничьих-обновленцев в адрес русского дореволюционного епископата и клира. И разве не большинство этих служителей Божиих, невзирая на все свои немощи, вынесло затем основной удар беспримерных гонений, обрушившихся на Церковь, поддержав в недрах народа нашего живой огонь православной веры?

Теперь, оглядываясь уже на совсем недавнее прошлое, мы с благодарностью вспоминаем тех архипастырей и пастырей, которые также, несмотря на свои немощи и человеческие недостатки, несли крест своего служения с заботой о сегодняшнем дне нашей Церкви. И лишь болезни и кончина в расцвете сил иных из них служат пока свидетельством их тяжелой борьбы, которую им приходилось каждодневно вести за это. Однако при этом мы готовы смиренно признать: да, не все в нашей деятельности было безупречным, и мы готовы нести и уже принесли покаяние в своих прегрешениях, и на путях возрождающейся соборности исправляем и будем исправлять имеющиеся недостатки в церковной жизни, связанные с ненормальностями внешних условий прежнего бытия нашей Церкви.

Но насколько нравственно с точки зрения Евангелия выступать группе епископов Русской Зарубежной Церкви в роли наших обвинителей? Разве в истории их группировки не было соблазнительных для церковного общества моментов, даже в совсем недавнем прошлом? Напомним только, что во время фашистского режима в Германии Зарубежная Церковь в этой стране отнюдь не была «свободна» и «независима» от мирской власти. Более того, ее руководство не погнушалось содействием гестапо для захвата в 1938 году приходо-входивших в русский Западноевропейский Экзархат. В свою очередь во время войны оно покорно подчинилось указанию гитлеровского правительства, воспретившего ему развернуть свою деятельность на оккупированных территориях Польши и СССР, что первоначально входило в его намерения. Так что здесь уместно вспомнить слова бывшего настоятеля храма св. равноапостольного князя Владимира в Берлине, а впоследствии архиепископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского): «Исторические факты не позволяют морально противопоставлять Русской Церкви — Зарубежную, превознося Зарубежную, как якобы сохранившую чистоту и бескомпромиссность».

Так называемый Архиерейский Собор также пытается обвинить нас в отступлении от Православия. С этой целью он вновь идет на обман, рассчитанный, очевидно, на крайнее невежество читателей своих документов. Так, Русской Православной Церкви вменяется в вину участие в деятельности Всемирного Совета Церквей, которому приписывается стремление создать некую «всемирную церковь», «объединяющую все ереси и религии». Однако общеизвестно, что ВСЦ совершенно чужда подобная цель. Его задача состоит в содействии экуменическому сотрудничеству между христианскими Церквами, хранящими веру в Единого Бога, во Святей Троице славы, и в Господа Иисуса Христа, как в Единородного Сына Божия — Спасителя мира. При этом такое сотрудничество не затрагивает существа хранящих ими традиций их веры, будучи призванным способствовать достижению взаимопонимания между Церквами разных конфессий в их стремлении, когда будет на то воля Божия, к достижению единства в вере всех последователей Господа Иисуса Христа по заповеди Его «да будут все едино» (Ин. 17, 21). Таким образом, участие в деятельности ВСЦ уже в течение нескольких десятилетий всех Поместных Православных Церквей дает им возможность свидетельствовать перед лицом остального христианского мира истинность храняемой ими веры, как залогом возможного будущего единства всех христиан. Никакой измены Православию здесь

ПОСЛАНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ /МОСКВА/
 С КРИТИКОЙ ПОЗИЦИИ ЗАРУБЕЖНОЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1)

нет, а есть свидетельство о его спасительной красоте перед лицом всего христианского мира.

Авторы «Положения о приходах свободной Русской Православной Церкви» указывают своим приверженцам в нашей стране, что «они не могут молиться о гражданской власти, доколе руководящей и направляющей силой ее является КПСС, имеющая богоборческий антицерковный устав». Мы не будем здесь касаться тех перемен в общественной жизни нашей страны, которые происходят в плане утверждения в ней политического плюрализма. Для нас важна принципиально христианская позиция в вопросе отношения Церкви к государству. Так, будучи приверженными светскому политиканству, не раз вносившему смятение в русское церковное общество, зарубежные иерархи попирают завет Апостола: «Итак, прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2, 1 — 2). Очевидно, что святой апостол Павел, призывая христиан совершать молитву за власти Римской империи, которые в ту эпоху чаще всего выступали как их гонители, давал заповедь на все времена молиться за гражданские власти тех государств, в которых Церковь Христова будет иметь свое пребывание. Форма поминовения на великой ектеннии: «Еще молимся о богохранимой стране нашей, о властях и воинстве ея...», — соответствует этому апостольскому завету и обычаю, соблюдающемуся во всех Поместных Православных Церквях, имеют ли они привилегированное положение в христианском государстве или же правительства государства, в которых находится их юрисдикционная территория, вообще чужды христианства. Таким образом, и практика нашей Церкви не содержит в себе ничего такого, что унижало бы ее достоинство, каким-то образом отождествляя ее с тем или иным политическим режимом.

Авторы послания пишут: «Стоит перед нами и следующий вопрос: может ли иерархия Русской Православной Церкви за границей иметь своих епископов в России, на русской земле? Мы думаем и верим, что не только может, но и должна». Как на причину этого авторы Послания указывают на «множество писем», поступающих к ним от верующих с Родины, просящих «дать им хлеба духовного». «Московская Патриархия, очевидно, — пишут они, — не может сделать этого и потому не имеет права воспрепятствовать вам».

В связи с таким заявлением позволительно спросить: разве в еще совсем недавние т. н. «застойные» годы епископы нашей Церкви не прилагали усилий к тому, чтобы в их епархиях открывались новые храмы, пусть даже их число было тогда невелико, чтобы увеличить число учащихся в духовных школах и активизировать приходскую жизнь? Ведь те перемены в жизни Церкви, которые мы сейчас наблюдаем, не появились сами по себе, именно тогда они созревали в недрах церковного общества. И теперь, в новых условиях, разве епископат Русской Православной Церкви не имеет попечения об открытии храмов, монастырей в духовных школах там, где в этом имеется потребность? Так за последние три года образовались тысячи новых приходских общин, начали действовать вновь свыше десятка монашеских обителей, открылось дополнительно четыре духовных семинарии и 12 духовных училищ. При храмах и монастырях стали проводиться организованные занятия по Закону Божию со взрослыми и детьми. Церковь получает возможность значительно расширить свою издательскую деятельность, и прежде всего в сфере обеспечения своей пасты: словом Божиим. Причем весь этот процесс в дальнейшем будет усиливаться.

В связи с этим уместно спросить: как сама иерархия Русской Зарубежной Церкви оценивает состояние своих собственных церковных дел в русском зарубежье? Отметим, что Русская Зарубежная Церковь включает лишь меньшую часть православных выходцев из нашей страны, большинство которых объединены также в приходы Православной Церкви в Америке, Русской Западноевропейской Архиепископии Константинопольского Патриархата и зарубежных епархий Московского Патриархата. Факты свидетельствуют, что Русская Зарубежная Церковь испытывает в последние годы заметный кризис, о чем красноречиво говорят многочисленные священнические вакансии в ее приходах в Западной Европе, Америке, Австралии и Новой Зеландии.

Обманом выглядит и упоминание о множестве писем, которое якобы руководство Русской Зарубежной Церкви получает с Родины с просьбой о содействии в устройстве церковной жизни. Нам известно лишь о сравнительно немногочисленной группе мятежных клириков и мирян, заявивших о выходе из ведения Московского Патриархата в зарубежную «юрисдикцию». По долгу пастырской совести мы вынуждены охарактеризовать их состояние как блуждание в духовной прелести. Мы также не исключаем, что в процессе очищения рядов священников нашей Церкви от скомпрометировавших себя лиц среди них также найдутся желающие перейти в Зарубежную Церковь. История расколов XX века в Русской Церкви свидетельствует о подобной тенденции.

Теперь остановимся на одной мысли «Положения», которая дает нам повод говорить о Русской Зарубежной Церкви с канонической точки зрения. Так, его авторы предписывают своим приверженцам в нашей стране привлекаться «постановлениями Русской Православной Церкви до Декларации Митрополита Сергия в 1927 году». Но в таком случае Архиерейский Синод Русской Православ-

ПОСЛАНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО СОВОРА

/7/

ной Церкви за границей должен был бы прекратить свое существование в соответствии с Указом святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России, Священного Синода и Высшего Церковного Совета Русской Православной Церкви от 23 апреля (5 мая) 1922 года, которым за самочиние, выразившееся в делании политических заявлений от имени всей полноты Русской Церкви, упразднилось Высшее Церковное Управление за границей, от когто имсет преемство нынешний зарубежный Синод. Свое осуждение чуждой природе Церкви деятельности этого Синода святой Тихон высказал также в своем предсмертном воззвании от 25 марта (7 апреля) 1925 года, угрожая его участникам, в случае упорства, судом Собора.

Однако Церковь-Мать долго проявляла снисхождение к своим заблудшим сынам, несмотря на то, что в тяжкие годы гонений их безответственное поведение углубляло ее раны и увеличивало ее мучения. И сейчас мы по-прежнему готовы все понять и все простить. Даже несмотря на то, что руководство Русской Зарубежной Церкви усилило существующее разделение, образуя параллельную иерархическую структуру и способствуя созданию своих приходов на канонической территории Московского Патриархата, мы вновь протягиваем им руку, призывая к открытому и честному диалогу по всем вопросам, вызывающим разногласия между нами. В связи с этим мы готовы к проведению в Москве или в любом другом месте широкой дискуссии (в рамках научно-церковной конференции или иным образом) по всем вопросам жизни вашей Русской Православной Церкви в текущем столетии, и особенно в связи с Декларацией 1927 года.

Такая позиция не является результатом нашей слабости. Она есть выражение нашей ответственности пред Господом Богом за вверенное нам словесное стадо. Ибо только врагам нашей Церкви и Святого Православия были бы на руку наши разделения.

Поэтому в этот исторический час, когда решаются судьбы нашей многострадальной Родины, мы призываем всех наших православных соотечественников во Отечестве и в рассеянии: сущих искать мира и любви между собой, оставив в стороне все то, что не может, а следовательно, и не должно служить причиной разделения у исповедующих одну спасительную правую веру. Конечно, в нашей церковной жизни могут встречаться и разномыслия, и соблазны, и поводы для спорчений, но они не должны смущать истинных церковных чад, верящих в конечную всепобеждающую силу Христовой правды и своим смиренным деланием приближающих ее торжество.

Сейчас, как и прежде, актуально звучат слова святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, сказанные им незадолго до его отшествия ко Господу: «Необязательно взирая на грядущие пути Святого Православия, мы призываем вас, возлюбленные чада наши: делайте дело Божие, да ничтоже успеют сыны беззакония».

Благодать вам и мир от Бога Отца, и Господа нашего Иисуса Христа, и Святого Духа. Аминь.

B10

• RWR-155

"В НАШЕЙ АРМИИ КРЕСТА БОЯТСЯ, КАК ЧЕРТ ЛАДАНА"— О.МАРК СМИРНОВ

"Наша газета" /Кемерово/ 4 января 1991. стр.5

Призывнику на заметку

Московский священник Марк Смирнов вспоминает свою службу в Советской Армии

- Мне что-то не приходилось встречать верующих, оскорбленных тем, что молодежь стала носить кресты даже и из моды. И меня, священника, это ничуть не оскорбляет. Оскорбляет меня другое, когда восемнадцатилетнего рабочего, меня, на одном из Ленинградских заводов постоянно прорабатывали на собраниях за то, что я ношу длинные волосы, что будучи христианином ношу крест. От меня все время добивались ответа: "Ты что, верующий? Ты что, в семинарию собрался?" Почему-то никому не было вдомек, что это личное дело человека - иметь свои убеждения и символы, одеваться так, как он сам этого хочет. Чтобы отстали от меня мои "идейно зрелые" товарищи по работе, мне приходилось поднимать глаза на стены комсомольского бюро, где висел обязательный иконостас из святой троицы классиков коммунистического учения, и указывая на густые бороды и длинные шевелюры великих мужей, гозорить, что моя прическа никак не противоречит идеалам марксизма-энгельсизма и ленинизма, приводя моих оппонентов в бешенство.

Особенно раздражал инквизиторов новой религии, когда я цитировал известное место из Ленина, где он говорил: "Ни один чиновник не может спрашивать о принадлежности гражданина к религии. Из всех документов вопросы о вероисповедании должны быть изъяты."

А через несколько лет я действительно поступил в духовную семинарию, но на этом мои беды из-за креста не кончились.

Проучившись два года в семинарии, я был призван в Красную Армию. И вот тут-то я узнал, что такое свобода совести и вероисповедания, гарантированная советской Конституцией в армии. Первым делом, во время шмона на призывном пункте у меня отняли карманный Новый завет. Это несмотря на то, что у меня в военном билете в графе "профессия" было записано: священнослужитель. Затем, уже в бане, когда надо было переоблачаться в армейскую одежду, увидели крест. Потребовали снять. Отказался. И на первом дне своей службы сразу получил пять суток ареста.

Потом крест оставили, но начались профилактические беседы с замполитами, которые решили понаблюдать за мной. Но поскольку

"В НАШЕЙ АРМИИ КРЕСТА БОЯТСЯ, КАК ЧЕРТ ЛАДАНА"— О.МАРК СМИРНОВ

дискуссии на темы религии ничего не давали, скорее наоборот - обнажали всю беспомощность комиссарской мысли - перешли на методы трудового перевоспитания. В инженерных войсках, где я служил, это называлось "поставить на лопату". Помнится, замполит части говорил: "Если он святой, пусть докажет этой большой совковой лопатой".

Когда я попал в школу сержантов, то и оттуда меня отчислили, потому что верующий не может быть командиром, доверить солдат ему нельзя.

Но самое драматическое случилось на Рождество 71-го года, когда я попросил командование части отпустить меня в увольнение для посещения близлежащей церкви. Командир части изрек на мою просьбу следующее: "Устав запрещает посещение церкви военнослужащими в форме, а форму снимать вы не имеете права."

Спустя несколько месяцев в нашу часть приехала проверочная комиссия, которая опрашивала солдат, есть ли у них какие-нибудь жалобы. Из всей части жалоба была у меня одного. Я сказал проверяющему, что командование нарушает Основной закон страны и препятствует мне в удовлетворении религиозных потребностей. С грустью посмотрев на правдоискателя, проверяющий, морской офицер, сказал: "Я вам не советую жаловаться, вам это не поможет все равно, но повредит в дальнейшей службе".

Не прошло и трех дней после посещения части проверочной комиссией, как я уже получил несколько нарядов вне очереди. Ночью, когда воинский устав предписывает отдых, мне было приказано мыть так называемую взлетную полосу - стометровый коридор казармы.

На следующий день я получил десять суток ареста на гарнизонной гауптвахте.

Не буду описывать все мытарства, это будет слишком долго. Кончилось тем, что с гауптвахты меня отправили в психиатрическую больницу, после чего командование, так сказать, проводило меня домой. Так я расстался с армией и уже навсегда.

Почему мне все это вспомнилось? Я прочел в "Красной звезде" письмо курсанта Даугавпилсского военного авиационного училища В. Ровкина. Он пишет: "Я, курсант военного училища, исповедую христианство. Недавно офицер факультета, увидев у меня на шее крест, потребовал, чтобы я его снял. "Еще раз увижу, - сказал он, - отправлю на гауптвахту".

На письмо курсанта Ровкина газета "Красная звезда" ответила справкой Главного Политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота, что отныне, после принятия нового Закона о свободе совести, любое должностное лицо обязано руководствоваться его положениями.

Никак не могу отделаться от ощущения, что не смотря на все новации нашего времени, не смотря на то, что слово "Бог" пишется с большой буквы, все-таки боятся в нашей армии креста, как черт ладана. Боятся даже такой легковесной вещи, как мода на ношение креста.

Что ж, спора нет, религиозные взгляды, вера человека - вещь серьезная. К символам надо относиться тоже серьезно. Не много найдется сегодня людей, которые сегодня, тоже ради моды, оденут пятиконечную красную звезду. Даже среди подписчиков одноименной газеты. Впрочем, это дело вкуса. Не нам решать. Лишь бы не сажали на гауптвахту солдат за крест и не отправляли в "психушку".

Стране нужна армия, а не воинствующие атеисты.

Марк СМИРНОВ.

Всё

blue-red

ЗА ВСЕ ВРЕМЯ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (СТОЛЕТИЯ!) ИНКВИЗИЦИЯ
НЕ УНИЧТОЖИЛА ФИЗИЧЕСКИ И МОРАЛЬНО СТОЛЬКО ЛЮДЕЙ, СКОЛЬКО
ТА ДИКТАТУРА, КОТОРАЯ МЕНЕЕ СТОЛЕТИЯ ПРАВИЛА ЯКОБЫ ОТ ИМЕНИ
ПРОЛЕТАРИАТА

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

ОЖОГ БЕЗБОЖИЯ

"ПОБЕДА", ФЕОДОСИЯ, 27.12.1990, стр 2

ПОЗНАКОМИВШИСЬ с откликами на мою статью «Свет Христов просвещает всех», опубликованными в газете «Победа», а также с идентичными письмами, которые редакция не смогла напечатать из-за нехватки газетной площади, я узнал, что местные жители Л. Хомылева и А. Шитов возмущены позицией православного пастыря, осмелившегося противиться призыву первого секретаря А. Чумака об активизации атеистической пропаганды.

А. Хомылев и А. Шитов справедливо напоминают: Закон о свободе совести

не запрещает заниматься агитацией в пользу как атеизма, так и религии. Однако, не упускают ли они из виду, что указанный закон не предоставляет равные возможности для популяризации своих взглядов верующим и их антиподам. У атеистов мощная полиграфическая база, радио, телевидение, пресса, беспрепятственные условия распространения нужной им информации. В любом ларьке можно купить, к примеру, журнал «Наука и религия», антирелигиозную брошюру копейного достоинства, а в магазине кто пожелает, — тот приобретет и капитальный труд о вреде «опиума для народа». Церковь лишена права свободной продажи вне храмовой ограды своих печатных изданий, выпускаемых весьма скудным тиражом из-за стеснений, налагаемых политикой атеистической номенклатуры. Пропагандистские кадры безбожников гораздо многочисленнее и постоянно действуют практически везде, от дачада до чулочной фабрики, чего церковь не имеет права делать. Перечисленные факты ставят верующих и неверующих в далеко не одинаковое положение. Поэтому требование А. Чумака об интенсификации пропаганды атеизма вызвало у православных Феодосии естественную тревогу и повышенную озабоченность.

Мои оппоненты А. Плоткин, Е. Гордеева, А. Шитов искренне недоумевают, почему я, настаивая на покаянии КПСС за кровавое преследование церкви на протяжении 70 лет, «не каюсь сам за жесточайшую инквизицию», Варфоломеевскую ночь, крестовые походы, души язычников, загубленные при крещении Руси... Кто внимательно читал мою статью, тот видел, что автор отнюдь не замалчивает «недостатки» Церкви, а пишет о них открыто. При этом он не привлекает КПСС к ответственности за злодеяния Нерона по отношению к христианам. В статье речь идет не о всеобщей истории Церкви, а о конкретном отрезке ее исторического бытия, от октября 1917 года по ныне. На Руси никогда не было инквизиции в качестве религиозно оформленного института, как не было среди наших предков и участников крестовых походов. Более того, за все время своего существования (столетия!) инквизиция не уничтожила физически и морально столько людей, сколько та диктатура, которая менее столетия правила якобы от имени пролетариата. Преступления инквизиции рядом с преступлениями большевистского века — капля в море. Это печальная статистика, подтверждаемая не только «Архипелагом ГУЛАГ» Солженицина, но и работами видного советского историка Роя Медведева, а также рядом исследований крупных зарубежных ученых.

Читатель А. Плоткин в своем отзыве

на статью «Свет Христов просвещает всех» льет гневом, поскольку «религиозная мораль позволяет священнику в оскорбительных выражениях поносить основателя нашего государства... В. И. Ленина, назвав его «воинствующим материалистом». Но выражение, «воинствующий материализм» принадлежит Ленину, ничего унижающего честь и достоинство атеиста в данном определении нет.

А. Шитов упрекает меня в том, что я «вожу людей в заблуждение». Ленин, по Шитову, рекомендовал мне бросаться в авантюры политической

Е. Н.

blue-100

ЗА ВСЕ ВРЕМЯ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (СТОЛЕТИЯ!) ИНКВИЗИЦИЯ
НЕ УНИЧТОЖИЛА ФИЗИЧЕСКИ И МОРАЛЬНО СТОЛЬКО ЛЮДЕЙ, СКОЛЬКО
ТА ДИКТАТУРА, КОТОРАЯ МЕНЕЕ СТОЛЕТИЯ ПРАВИЛА ЯКОБЫ ОТ ИМЕНИ
ПРОЛЕТАРИАТА

войны с религией». Член обкома партии подчеркивает: «Никогда основатели марксизма-ленинизма не призывали к расправе с религией».

Тогда как расценивать секретное письмо Ленина (март, 1922) в связи с попыткой верующих не допустить кощунства и грабежа православных храмов: «Чем большее число... реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» («Наш современник», № 4, 1990)?

И проучили, да так, что советское духовенство и сегодня кое-где правит молебны по случаю торжества Октября, о чем с умилением сообщает в редакцию Е. Гордеева в унисон с мемуарными нотками в письме Л. Хомылева, который, голословно обвиняя меня в «низменных политических мелкогрупповых интересах и амбициях», строго вопрошает: «верующий ли священник Лапковский», поскольку критика атеистов-партократов не является типичным событием в тихой жизни благопослушливого духовенства. Л. Хомылев «видел своими глазами еще в двадцатых годах, как во многих церквях Сибири и Урала в 10-летие Октябрьской революции было богослужение в честь этой великой даты». Драгоценное свидетельство, говорящее о том, насколько забито и напугано «эпохой философствующих падачей и государственного терроризма» рядовое духовенство! Да разве только оно? Патриарх Алексей и весь епископат единными устами и единым сердцем восхваляли тирана Сталина по случаю 70-летия со дня его рождения.

Коммунист И. Корсаков парирует в своем письме мою аргументацию за явлением: будто забрали у общины Казанского собора, ранее принадлежавшее верующим здание церковно-приходской школы «не большевики, а народ». Не списывается ли здесь на заужденный народ обыкновенное преступление командно-бюрократической системы? Может, этот же народ еще при жизни Ленина по собственному желанию украсил страну концен-трационными гзгерями взамен разрушенных монастырей?

...Без покаяния не может быть между людьми примирения. Немецкий народ до сих пор испытывает чувство вины перед другими нациями, ибо допустил вовлечь себя в гитлеровский генцид. Когда же и мы начнем по-настоящему очищаться от прошлого, достижения которого замешаны на крови невинных миллионов, попавших в семидесятилетнюю псевдосоциалистическую мясорубку?

В. ЛАПКОВСКИЙ,
 священник Казанского собора,
 депутат горсовета.

КРИТИКА ВЫСТУПЛЕНИЙ Ю. КУБЛАНОВСКОГО, Т. ГОРИЧЕВОЙ И ДРУГИХ АПОЛОГЕТОВ "ХРИСТИАНСКОЙ УТОПИИ" С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МАТЕРИАЛИЗМА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 14
13.02.91 № 6 (5332)

Е

сть ли у России
путь, кроме
большевизма
и
православия?

Я долго не мог понять политический смысл понятия духовности, спасибо Ю. Кублановскому и другим — прояснили.

Ю. Кублановский, например, рисует («На руинах утопии», «ЛГ», № 45, 1990) нам утопию новейшую, я бы даже сказал, стерильно христианскую. Правда, опирается на могучих предшественников, например на А. В. Карташева (цитирую): «Вся Россия должна быть покрыта огромной, сложной сетью церковных братств... Заражаясь вдохновением и наставлениями от церкви, члены братств специально общественного назначения вносили бы во все каналы культурного творчества и национальной жизни мощные струи евангельского, православного духа».

Ничего не скажешь — вдохновенно,

четко и конкретно, не хуже «ордена меченосцев». Далеко Проханову с его блеклым подражанием Заратустре.

В конце статьи автор провозглашает эпитет И. Ильина: «Собственность и творчество, изобилие и щедрость» — и добавляет от себя: «А что сверх того — пусть принадлежит христианству» Аминь! Свершилось! Первое требование — присоединение государства к церкви.

Для автора статьи нет вопроса возможности и необходимости клерикального пути для России, его занимает лишь, как проити между Сциллой «образованщины» и Харибдой «параноидального неосоветского патриотизма».

И он находит лутеводную нить «в непосредственном целеустремленном живании в евангельский текст, не доморощенном, но выверенном, воцерковленностью и регулярной литургической практикой».

Дело не в отдельно взятой статье, дело в том, что в последние годы христианские и православные идеи все упорнее звучат в обоих русских лагерях: национал-большевиков и демократов, а средства массовой информации рекламируют православие уже как новую идеологию.

Поэтому у меня возникли вопросы:

1. Православная волна — наша последняя надежда в море одиночества или конъюнктура которую не грех «корыстно обуздать»? Нагорная проповедь отменяет «око за око!»

2. Кто новые апологеты христианства! Стремящиеся «корыстно обуздать» или потерпевшие крах «шестидесятники»!

3. Много ли искренне верующих в России! Много ли их даже вместе с теми, кто спешит в церковь освятить кулич, предварительно заряженный Чумаком, а от обедни — к телевизору, впадать в транс от Кашпировского!

4. Разумно ли взывать о единении церкви и государства в стране с многонациональными регионами, да еще во время «ползучей» межнациональной войны!

5. Куда же нас — невоинствующих атеистов! Ведь нас много еще со славных вольтерьянских времен, а за годы сла-

вы КПСС мы вообще составили среди русского населения подавляющее большинство.

6. Последний вопрос — риторический: неужели нет книг, кроме Евангелия и «Манифеста», Библии и «Капитала», и путей России, кроме большевизма и православия!

Казалось бы: чего требовать от государства народным радетелям? Отдай неотъемлемое — свободу, обеспечи порядок и защиту. А затем уж как частное лицо зови людей в храм, пугай именем господним. Отнюдь! Свободе, оказывается, осознанная за нас «учителями», есть необходимость «живания в евангельский текст»... и т. д. Так и видишь, как все народы СССР и их вооруженные формирования, бросив оружие, прямо с митингов, с осанной на

КРИТИКА "ХРИСТИАНСКОЙ УТОПИИ"

/2/

устах, двинулись крестным ходом записываться в церковное братство.

Я понял наконец политический смысл слова «духовность»: им надеются заменить удобную, но устаревшую «генеральную линию партии», «выверенную» на сей раз политсинодом.

Ну да бог не выдаст — свинья не съест. Хоть «пафос атеизма» действительно отыграл, пафос клерикализма авось вовсе не прозвучит: Россия — не Ближний Восток.

Р. С. Написав давно эти заметки, я их забросил. Но как-то ночью посмотрел «Пятое колесо» и узнал от популярного у студентов философа, что мы, русские, оказывается, слишком хороши. Чем, и, дабы проявилась наша настоящая духовность, надо жить гораздо хуже. Дух, мол, не снизойдет на недораспятого. Надо, видимо, так ударить по народу, чтобы дух — нет, не вон, а как раз наоборот — расцвел. Что философ под этим расцветом духа предполагает: ~~внутреннюю~~ безвременья, путчевщину, гражданскую войну или что-то еще небывавшее в русской истории — бог весть.

Затем религиозная писательница, живущая на Западе, поведала, что Запад, чувствуя себя в духовном тупике, пристально изучает богатый опыт наших юродивых (которые, замечу в скобках, не перевелись, хотя и приоделись). Бедный Запад! Еще недавно ему не хватало «самой передовой в мире идеологии», сейчас дефицит на «юродивую святость», жаль только, не платит за нее валютой — завалили бы.

Борис Гребенщиков заявил вслед Есенину, о печальной участи Поэта на Западе — и как там прижилась чуть ли не вся нынешняя русская литература? Ума не приложу...

Я далек от мысли обвинять всех названных мною людей в неискренности. Но то, что практически нет публичных выступлений с позиций материализма, говорит, кажется, о наличии не только естественных источников «духовной» волны.

Поэтому не надеюсь увидеть свое письмо напечатанным.

Л. Г. ШИХАЛЕВ

п. АРТИ
Свердловской области

Ж. Выступление писательницы и философа Татьяны Горичевой в программе ленинградского ТВ "Пятое колесо" - примечание МОРС.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПУТИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ Ф.СВЕТОВА

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

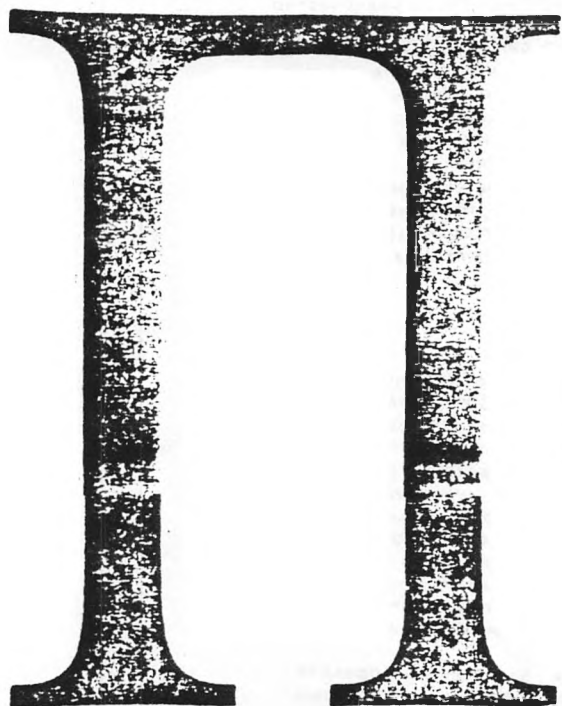
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
13 02 91 № 6 (5332) 14

БЕЗУМНОЕ МОЛЧАНИЕ

Феликс СВЕТОВ

1.

о лемические
заметки
об истинном
и не-истинном
пути
Русской
церкви

Протоиерей В. Свешников опубликовал большую статью («ЛГ», № 40, 1990), стилистически заставляющую читателя вспомнить «Выбранные места из переписки с друзьями» — последнюю книгу Гоголя. «Все так неловчились видеть и вынимать соринки из чужих глаз — из этих соринки уже сложены и у всех на виду горы гниющего мусора. И толпы виноватых. И всяк кричит: не я! не я! Кто же? Кто и что угодно...» И о протоиерей предлагает длинный и всеобъемлющий список «виноватых» и всего «что угодно» — от царского правительства до армян-азербайджанцев, от «Памяти» до евреев, от татаро-монгольского ига до Сталина.

Статья называется «Боже мой, никому не стыдно!». Но разве Гоголь сетовал на то, что... «никому не стыдно»? Стилизация не способна унаследовать стиль.

Я с надеждой читал статью, я все ждал, что священник скажет наконец слово, которое нам всем так необходимо, — кому ж, как не такому человеку, знающему, что, как сказано в Св. Писании, всяк человек — ложь, научить нас — своекорыстных, малодушных, занятых только своим и себя оправдывающих, погрязших в грехе — научить нас, как избавиться от лжи именно сегодня, сейчас, когда мы от этой лжи гибнем... Откуда, как не из Церкви, должно прийти к нам это долгожданное слово? Разве покаяние начинается не с дома Божия, не с Церкви, и разве человек всяк человек, помимо того, что он ложь, не есть храм — дом Божий?

2.

Казалось бы, нас уже никто и никогда не удивит ложью, мы так привыкли, потерпелись к ней за семьдесят лет... Но статья постоянного автора «Московского церковного вестника» О. Газизовой («...Для Слова Божия нет уз», сентябрь, № 20, 1990), меня поразила. Так о-го еще не бывало. Наверно, преувеличение — и такое было... Статья посвящена «Святейшему Патриарху Сергию (Старгородскому) и содержит его апологию, но она при этом открыто полемична и направлена против сегодняшних попыток уяснить причины драматического, чтобы не сказать — трагического положения Русской православной церкви.

В этой статье, обильно оснащенной цитатами из Св. Писания, все поразительно: правда оказывается ложью, а ложь — правдой, мужество — непросвещенностью или глупостью, малодушие — подвигом, честь — бесчестьем, крест... «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия» (1 кор. 1, 18). И эти слова апостола нужны автору статьи для подтверждения мысли о равнозначности подвига исповедников, принявших мученичество и смерть Христа ради, и тех, кто сотрудничал с их палачами.

Возможно ли это? Концепция автора проста. Откровенное и принципиальное, «по совести» сотрудничество митр. Сергия с атеистической властью, гонящей Церковь, веру, физически уничтожившей сотни тысяч исповедников, епископов, священников, монахов, нескрывающихся мирян, закрывшей и уничтожившей десятки тысяч храмов, — реальная жизнь России на протяжении семи десятилетий «реальна», по мнению О. Газизовой, лишь для «внешних» — не церковных людей, реальна для атеистического сознания. Для «верных», для сознания религиозного, церковного, утверждает автор статьи, это неправда, ибо «Церковь свободна всегда и везде» — и в ГУЛАГе, и в гитлеровском концлагере, и во времена римских гонений.

Митр. Сергий, пишет О. Газизова, еще раз напомнил миру «совершенно банальную и в доказательствах не нуждающуюся истину»: Церковь свободна даже в узах, оставаясь неподвластной никакому деспотизму... Но коли так — а это несомненно, — зачем же была нужна печально известная «Декларация» митрополита Сергия 1927 г., зачем нужен был постыдный компромисс с богоборческой властью, провозглашенный в «Декларации», зачем было всегда и везде свободной Церкви добровольно идти в рабство к атеизму и деспотизму?.. На такой вопрос мы не найдем ответа в «Московском церковном вестнике», автор статьи предлагает другой «ответ»: уравнивает подвиг тех, кто был действительно свободен в своих узах вплоть до крестной смерти, и тех, кто ради «спасения Церкви» принимал, восхвалял и благословлял все кровавые преступления режима. Для автора статьи в «Московском церковном вестнике» такого

рода ложь — истина, ибо только «внешние» не способны постичь, что между «Декларацией» митр. Сергия и «Посланием Соловецких епископов» нет различия: компромисс митр. Сергия с режимом и благословение гонителей, то, что он не «печаловался» перед восхваляемыми им властями о церковных своих чадах, отдав их на мучения (не принявшие «Декларацию» епископы, священники, миряне пошли в ГУЛАГ на уничтожение), «было на деле исполнением одного из самых высоких христианских подвигов — подвигом юродства...» (выделено мной. — Ф. С.). Знает ли автор, что в религиозном понимании «юродство» — это обличение зла в мире в подвиге безумия перед людьми?

«Когда в том была надобность, иерарх (митр. Сергий. — Ф. С.) каялся в своих

грехах. А когда в том надобности не было, очевидно, не каялся? Во всяком случае, не только все тем же несчастным «внешним», но и укорененным в Церкви «верным» ничего не известно о том, упомянул ли хоть когда-то митрополит, а впоследствии патриарх Сергий, что лжесвидетельствовал перед Церковью и Россией, утверждая в пору самых кровавых преступлений режима против страны и ее Церкви, что у нас не было и нет гонений за веру. И эта его ложь осталась в наследство его воспреемникам, ни на йоту от нее не отступившим.

Может ли человек православный согласиться с тем, что ложь истинна и спасительна, мученичество равнозначно коллаборационизму, а предательство — подвиг? Можно ли, вслед за О. Газизовой, сравнивать митр. Сергия и Соловецких мучеников с Нилом Сорским и Иосифом Волоцким, причисленными к лику святых, несмотря на их глупые ехклезиологические разногласия? Такая параллель попросту нелепа. Уж если вспоминать отечественную историю и историю Русской Церкви, следует обратиться к примеру, значительно более близкому.

3.

Митрополит Филипп Колычев сказал царю в Успенском соборе: «Мы, о государь, приносим здесь Господу жертву чистую, бескровную о спасении людей, а за алтарем проливается кровь христианская, и напрасно умирают люди». По приказу Ивана Грозного митрополит был судим собором епископов, сослан в монастырь и удушен Малютой Скуратовым. Спустя сто лет Церковь причислила убиенного к лику святых. А что же епископы, его оклеветавшие и отдавшие на расправу?

Церковь жива евангельской правдой, в этом ее сила, потому и врата адавы, как обещано Христом, не могут ее одолеть. Св. Филипп отдал жизнь за истину, в борьбе с государством в лице царя, показав, что и оно должно подчиняться высшему началу жизни. «В свете подвига Филиппова, — писал Г. Федотов, — мы понимаем, что не московско-

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПУТИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ Ф. СВЕТОВА

13)

му великодержавию служили русские святые, а тому Христову свету, который светился в царстве, — и лишь до тех пор, пока этот свет светился». Св. Филипп был все же лишь верен Христу, твердо знал, что «раб не больше господина своего» (Ин. 13, 16), что «никто не может служить двум господам» (Мф. 6, 24), что ничего нет страшней Суда Божьего.

Кому же понадобилась эквилибристика с церковной правдой на страницах «Московского церковного вестника»? И для чего? Не для того ли, чтоб дискредитировать Церковь и православие в глазах и «внешних», и «верных», утверждается «правота» Московской Патриархии, и сегодня, в пору гласности оказавшейся неспособной сказать верующему народу правду о трагедии Русской Церкви в наше время?

Но ни в статье прот. В. Свешникова, ни у О. Газизовой нет ни слова о том, что наша Церковь — в лице ее представителей, епископата, св. синода, патриархов — все эти десятилетия молчала. И когда уничтожали русскую деревню — миллионы и миллионы крестьян, крещеных, православных; и все годы сталинщины, когда страна была опутана колючей проволокой; и в годы хрущевской «оттепели», когда закрывались тысячи и тысячи православных церквей; и в шестидесятые — семидесятые — восьмидесятые, когда в лагеря и психушки шли и шли узники совести, священнослужители, миряне, не способные жить по лжи, для которых правда, совесть, весть евангельскому Слову были выше «благоразумных» и «мудрых» соображений о «пользе дела». Молчали, «боролись за мир», когда дети погибали в позорной войне в Афганистане. Ни слова правды не слышал православный народ от своих пастырей и владык о том, что на самом деле происходит в стране, идущей к катастрофе, о десятках тысяч обездоленных, страдающих, задыхающихся в паутине лжи и ненависти. Прерывали молчание только для того, чтобы благословлять постыдные преступления режима. Почему молчали, зачем лгали — из стра-

ха?.. Никто никого не может судить за страх и малодушие — судить будет Бог, дающий силы на подвиг. Но неужто того страха и того малодушия сегодня — не стыдно?

4.

Что может остановить «неудержимый» поток времени, направленный к коллапсу? — вопрошает протоиерей В. Свешников и отвечает: «только смиренное возвращение к источнику жизни — покаянию». Казалось бы, все сказано, еще чуть-чуть... Но этого не происходит, заклинания священника-публициста на этом завершаются, и очередной призыв к покаянию уходит в пустую риторiku: абстракция не способна научить или согреть ни одно живое сердце. Кому, как не священнику преподавать нам, запутавшимся и растерянным, столь необходимый пример, наглядный урок того, как это должно быть?

Странно повторять азбучные истины по-русски, ибо вся традиция русской культуры, литературы, подлинной русской жизни пропитана и выросла на сокрушающей силе именно личного покаяния. «И с отвращением читая жизнь мою...», — сказано русским поэтом. Неужто усомнимся в искренности этих трагических строк, сочтем романтической риторикой? Современному сознанию в них недостает реализма? Но разве нам всем и каждому недостаточно реализма в собственной жизни — отвращения, чувства стыда...

Мне пришлось как-то процитировать яркие слова одного писателя из либералов: «Пока вы отсиживались на нарах, мы готовили перестройку». К ним отнеслись не однозначно, но вот в недавней статье Л. Аннинского о Леониде Бородине («ЛГ», № 45, 1990) та же самая мысль выражена не менее определенно: «Я из поколения пятидесятых и шестидесятых, из поколения «конформистов», «коллорационистов», «скованных» и приспособившихся... Это я был «камуфляжем лжи», это меня «выдвигали» для оболванивания, это я искал в тоталитаризме «человеческое лицо»... Прохвост — я...». Наверно, и в самом деле, думает читатель, автор этих строк узнал стыд, перед нами готовность к той самой «личной работе», способность перечеркнуть собственную жизнь, с горечью, отвращением признаться в том, что — прохвост?! Ничего подобного, это всего лишь

риторический прием, даже не ерничество и не цинизм. «И по сей день я уверен, — звонко пишет далее наш знаменитый критик, — что нормальные человеческие реакции («маленькие правдежки») больше выправляют жизнь и даже препятствуют бесчеловечным структурам режимов, чем взрывающиеся протесты и романтические противостояния...».

Удивительное признание! Не часто встретишь такое даже при сегодняшнем разгуле гласности. В годы застоя мы трусливо молчали, не решаясь говорить правду, а сейчас, когда разрешено, говорим ее в полный голос: я — прохвост, но в этом и есть моя заслуга, мой вклад! Ибо ложь — это правда, трусость — спасительна, а подвиг и мужество — всего лишь соблазн!

Думаю, пришла пора не призывать — «призывы» вызывают только раздражение и отталкивание, важно показать, что она такое, эта «личная работа», — покаяние, сокрушающее осознание своей собственной вины, своего соучастия в происшедшем. А то ведь наш доверчивый читатель и впрямь поверит в то, что, пока Соловецкие епископы стояли на своей Голгофе — Московская Патриархия спасала Церковь!

5.

Я снова возвращаюсь к книге Г. П. Федотова «Святой Филипп Митрополит Московский», вышедшей в Париже в 1928 году. Шестидесять лет, прошедшие после опубликования этой работы, были насыщены грозными, кровавыми собы-

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПУТИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ Ф. СВЕТОВА

(4)

тиями, плоды происшедшего мы пожинаем, и историческое исследование Федотова об эпохе Грозного, одной из ключевых не только в жизни России, но и в жизни Русской Церкви, помогает понять и должным образом оценить происходящее сейчас.

Федотов завершает книгу, рассказав о Божьем отмщении гонителям святого и о его прославлении Русской Православной Церковью. Арх. Пимену царь пощадил жизнь и, надругавшись над ним, сослал в Венецкий монастырь; соловецкий игумен Паисий был заточен на Валааме; еп. Рязанский Филофей извержен из сана. Был убит Басманов, Малюта Скуратов погиб в Ливонии... Быть может, самая жестокая кара выпала на долю царя, пишет Федотов, он видел крушение всех своих дел и начинаний, всеобщее оскудение и распад. Но был еще один виновный, говорит Федотов, и наказание его было особенно тяжким: «Весь русский народ был не только жертвой царя Ивана, но и соучастником его преступления». Общая народная вина была в «безумном молчании» перед царем, она привела ко всеобщей деморализации; интриги епископов и монахов в деле св. Филиппа были преступлениями отдельных лиц, но уже вся русская церковь и вся русская земля несли ответственность за собор епископов, осудивших святителя. Вся земля и понесла кару в годину смуты».

К этим словам исследователя следует внимательно прислушаться: он утверждает, что такого рода «погружение в историю дает нравственное очищение, подобное действию трагедии». Грех царя, пишет Федотов, падал на весь народ и требовал всенародного испупления, а потому в подвиге св. Филиппа нам важно услышать предостерегающий голос Церкви против извращения Истины: в государстве, как и в Церкви, осуществляется все та же Христова правда, епископ поставлен ее стражем и не смеет молчать об ее искажении. Общество, повседневно убивающее идею своей жизни, существовать не может. «Православное царство без правды есть труп, от которого отлетела душа», — пишет Федотов.

Именно поэтому последующее прославление святого Филиппа не могло не быть связано со всенародным покаянием. В 1652 году состоялось перенесение мощей святого в Москву. Грамота царя Алексея Михайловича к св. Филиппу, прочитанная патр. Никоном на Соловках за литургией перед тем, как рака с останками святого двинулась к Москве, как и описание встречи ее в Москве (письмо царя Алексея Михайловича кн. Н. И. Одоевскому), поражает и сегодня не просто благочестием, но и силой веры, детской чистотой сердца и жаждой правды. Царь приносил покаяние за грех предков, за саму землю... «О блаженна истина нелицемерная! — писал царь. — О блажен воистину и треблажен, кто исполнил заповеди Христовы и за истину от своих пострадал». Это написал не публицист и не ученый богослов. Царь написал, самодержец помазанник Божий.

6.

Я прошу прощения за изложение фактов хорошо известных, хрестоматийных (памятных нам «с детства наизусть» — Г. Федотов). Мне представляется тем не менее их повторение весьма существенным. Совсем не потому, что история порой повторяется, и, к нашему прискорбию, не как фарс, а как трагедия. Подлинный лик Русского Православия, выявившийся в жертве св. Филиппа, как ни странно, на протяжении веков постоянно затемнялся. Церковному сознанию, как это ни печально (и мы должны говорить об этом прямо), очевидно, ближе ложь Ивана Грозного, утверждавшего, что церкви Божии светятся «украшениями» и «благостынями», а не праведной кровью мучеников («мучеников же в сие время за веру у нас нет»). Жертву называли (и называют по сей день) «жестремизмом», а компромисс — и ложь — «мудростью». Мудростью, «спасающей» Церковь, называют у нас сегодня «Декларацию» митр. Сергия, «мудростью» называют и прислужничество иерархии богоборческой власти. Но разве подлинный лик Русского православия являлся нам в «мудрости» еп. Пимена Новгородского, Филофея Рязанского и игумена соловецкого Паисия, пытавшихся «соборно» «спасти» Церковь путем гни, трусливого компромисса и прямого предательства, а не в жертве святого мученика бросившего в лицо царю правду, историк церковной жизни и сама русская земля жаждали услышать именно из уст первоиерарха Церкви? Разве имеет хоть макрото отблеск «мудрости» «Декларация» митр. Сергия, от которой стон пошел по залитой кровью русской земле, или новоявленная «мудрость» нашего св. синода о том, что прославление новомучеников есть «акт политический»?

Россия тридцать лет живет в тюрьме, На Соловках или на Колыме.

И лишь на Колыме и Соловках

Россия та, что будет жить в веках.

Георгий Иванов написал эти строки в 40-е годы. И еще сорок лет Россия жила все там же. Никто и ничто не снимет с нас нашу общую вину за «безумное молчание» перед тоталитаризмом, приведшее к нашей сегодняшней «смуте» и всеобщей деморализации. Без сокрушающего осознания такой личной вины мы не продвинемся ни на шаг. Для нас должно быть несомненно, что праведная кровь св. Филиппа, оплодотворившая ниву Русского Православия, стала тем самым семенем, о котором говорит предание. Кровь святого митрополита и дала невиданную в истории Церкви жатву в 20—30 годы нашего века. Славой и молитвами наших мучеников и исповедников — их имена знает только Бог — мы и живы сегодня.

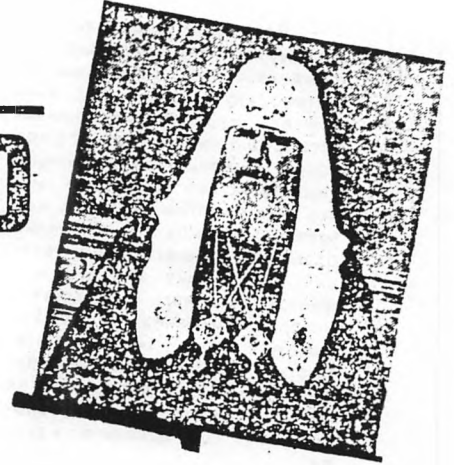

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ ВТОРОЙ:
НАШИ ПРИЗЫВЫ К ЕДИНЕНИЮ НЕ НАХОДЯТ ДОЛЖНОГО
ОТКЛИКА У РУКОВОДСТВА РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ;
СОЗДАНИЕ ПРИХОДОВ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР /

№ 32 (58)
АВГУСТ-90

СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЗ ОПЕКИ

*На вопросы специальных корреспондентов
«Правительственного Вестника»
В. Алексеева и В. Юргеева отвечает
Святейший Патриарх Московский
и Всея Руси Алексий Второй*

Так строятся сегодня взаимоотношения церкви и государства

НАША СПРАВКА: Патриарх Московский и Всея Руси Алексий Второй (в миру Алексей Михайлович Ридигер) родился 23 февраля 1929 года в городе Таллинне в семье православного священнослужителя. После окончания средней школы продолжил учебу в Ленинградской духовной семинарии, затем — духовной академии, которую окончил в 1953 году. В 1959 году был рукоположен в сан священника.

В марте 1961 года принял монашеский постриг и в конце того же года был рукоположен в сан епископа Таллиннского и Эстонского. С 1964-го — архиепископ, а с 1968 года — митрополит Таллиннский и Эстонский. В этом священном сане долгое время был управляющим делами Московской патриархии, постоянным членом Священного Синода Русской православной церкви. В 1986 году был назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским с одновременным сохранени-

ем управления Таллиннской и Эстонской епархией.

Широко известен своей экуменической и миротворческой деятельностью: народный депутат СССР, член правления Советского фонда мира, совета общества «Родина», общественной комиссии Советского Комитета защиты мира по связям с зарубежными религиозными кругами, вице-президент Общества советско-индийской дружбы, активист Всемирного Совета Мира, Конференции европейских церквей (в марте 1987 года был избран председателем президиума и совещательного комитета этой христианской организации).

В ночь с 7 на 8 июня с. г. на Поместном соборе Русской православной церкви в Троице-Сергиевой Лавре (Загорск) на альтернативной основе из нескольких кандидатур тайным голосованием митрополит Алексий был избран пятнадцатым по счету в истории Русской православной церкви патриархом.

ПАТРИАРХ

— Ваше Святейшество, как вы оцениваете нынешние отношения между государством и церковью? От какого «наследия» здесь еще предстоит отказать?

— Для всех очевидно, что государственно-церковные отношения в последние годы заметно улучшились. Что еще важнее, существенно изменилась общественная атмосфера вокруг церкви. Ее не только перестали «не замечать», но, что еще симптоматичнее, к ней теперь обращено внимание различных общественных течений, желающих видеть в ней фактор духовного и нравственного возрождения страны. Все же при этом мы погрешим против истины, если не признаем, что взаимоотношения между государством и церковью пока еще далеки от идеала.

И здесь следует дать ответ на второй ваш вопрос. Государство должно взглянуть на церковь как на главного партнера в тех областях, где им приходится соприкасаться. Если государство, стремящееся быть правовым и демократическим, желает, чтобы церковь могла исполнить свою позитивную роль в тех процессах, которые сейчас охватили общество, то оно должно покончить с тем униженным положением, в котором в соответствии с десятилетиями сложившейся практикой находились различные церковные структуры (от Священного Синода до деревенской приходской общины) при соприкосновении с различными государственными органами и их представителями, когда последние создавали себя чуть ли не хозяевами судеб церкви, а первым оставалась роль терпеливых просителей. Вот от этого «наследия» и необходимо отказать в первую очередь.

— После весьма затянувшейся подготовительной работы над проектом Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» он наконец опубликован. Ваше отношение к этому документу?

— Несмотря на долгую работу по выработке проекта закона, он оказался еще довольно сырым, и прежде всего в плане своего соответствия заключительному документу Венского встречи участников хельсинкских соглашений (январь 1989 г.). Я не буду сейчас подробно анализировать этот проект, вынесенный на всенародное обсуждение. Поместный собор Русской православной церкви сделал по нему специ-

альное заявление, с которым ознакомил советскую общественность через средства массовой информации. Укажу лишь на один существенный недостаток данного проекта с точки зрения как Веческого документа, так и юридических норм существования церкви в правовом государстве, на что, кстати, неоднократно указывали недавно в своих выступлениях члены Поместного собора — высшего органа нашей церкви. Так, призывая право юридического лица за отдельными церковными общинами (религиозными обществами) и церковными учреждениями (религиозными организациями), проект не признает такого права за церковью в целом.

Чем это может обернуться для церкви с традиционной иерархической структурой, каковой является и Русская православная церковь? Во-первых, сохранением своего униженного положения перед лицом различных государственных органов в защите своих прав. И, во-вторых, благоприятными внешними условиями

для разного рода расколов, что, как свидетельствует история, не только болезненно отражается на внутренней жизни церкви, но и весьма способствует социальной дестабилизации. Между тем тот же Венский документ обязует подписавших его государств-участников «для обеспечения свободы человека исповедовать и практиковать религию... в частности уважать права религиозных общин... на самоорганизацию в соответствии со своей иерархической или институциональной структурой» (статья 16).

Для общин Русской православной церкви (равно как и для общин других церквей с традиционной иерархической структурой) проект закона в этом отношении является дискриминационным, поскольку само существо хранимой ими веры требует, чтобы государство признавало их не как отдельные, пусть и имеющие юридическое лицо, единицы, но именно как церковь в том виде, как она сама себя мыслит в соответствии со своей традицией и уставом.

— Принимали ли участие представители церкви в подготовке проекта Закона о свободе совести? На каком этапе? Какой конкретный вклад внесли представители церкви в подготовку документа?

— Еще в прошлом году Священный Синод представил в Совет по делам религий при Совете Министров СССР свои замечания к тому анонимному и «негласному» проекту, который был потом направлен в правительство. Затем перед вынесением нового варианта проекта Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» комиссия Совета Министров СССР заслушала замечания к нему, представленные от имени Священного Синода Русской православной церкви архиепископом Смоленским и Калининградским Кириллом. Сейчас, когда проект проходит по статейному обсуждению в комитетах и комиссиях Верховного Совета СССР, представители нашей церкви, равно как и других религиозных объединений, также при-

влекаются к их работе для высказывания своего мнения по тем или иным положениям этого документа. Что касается конкретного вклада представителей Русской православной церкви в подготовку будущего закона, то о нем говорить пока рано, основные наши пожелания, исходящие как из самой природы церкви, так и из природы правового государства, пока остаются не учтенными законодателями.

— Насколько полно в современных условиях сохраняется значение принцип отделения церкви от государства? Нуждается ли он в пересмотре?

— Принцип отделения церкви от государства, равно как и принцип государственно-церковной симфонии, не являясь чем-то неизменным и на веки установленным. Он суть отражения тех или иных исторических условий бытия государства и церкви. В практике современных демократических государств мы не найдем или почти не найдем существенной разницы в жизни церкви в зависимости от того, являются ли они «государственными» или же существуют в странах, где конституционно церковь отделена от государства. Поэтому, думаю, вопрос должен состоять не в том, чтобы пересмотреть у нас в стране принцип отделения церкви от государства, а в том, чтобы его выполнение наконец стало последовательным, избавив внутреннюю жизнь религиозных объединений и общин от незаконной «опеки» со стороны

ПАТРИАРХ / 3 /

ных государственных органов и их представителей.

— В соответствии с отделением школы от церкви в нашей стране господствует «светский» характер народного образования. При этом ныне все чаще звучат требования отдельных священнослужителей покончить с «атеистическим мракобесием» в школах. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Принцип свободы совести должен предполагать равенство верующих и атеистов в вопросе распространения своих убеждений. Светский характер школы, а, кстати, он является таковым и в ряде демократических государств, предполагает мироозорительную нейтральность при преподавании общеобразовательных дисциплин. В данном случае речь должна идти о том, чтобы преподавание атеизма в учебных заведениях не было бы обязательным, как это было до сих пор, равно

чтобы оно не финансировалось государством. При этом также из провозглашаемого принципа равенства верующих и атеистов, естественно, должно проистекать, чтобы по просьбе учащегося или его родителей в школах могли бы преподаваться и основы религиозных учений, но опять же эти занятия не носили бы обязательного характера и не субсидировались государством.

— В последнее время Русской православной церкви, как и всему нашему обществу в целом, не удалось уберечься от сепаратистских тенденций. Как известно, скажем, на Украине идет формирование Украинской автокефальной православной церкви, несогласия в сердцах верующих и в других местах. Каковы причины этих процессов?

— Сепаратистские тенденции в церковной жизни на Украине не являются чем-то

исторически новым. С ними нашей церкви уже приходилось сталкиваться в первые послевоенные годы. И тогда, так же, как и теперь, они были связаны с политическим сепаратизмом, курс на который был взят определенными общественными силами на Украине. Однако как тогда, так и теперь, в расколе с матерью-церковью оказалась сравнительно небольшая часть клира и пастыря на Украине.

— На Поместном соборе Русской православной церкви в 1988 году высказывались предложения о необходимости сближения и даже соединения ее

с приходами Русской зарубежной церкви, или как их раньше называли, «карловчанами». Возможно ли в обозримом будущем такое слияние?

— Речь здесь должна идти не о слиянии Русской православной церкви с отколовшейся от нее еще в 20-е годы церковной группировкой, разбросанной ныне по пяти континентам и насчитывающей немногим более 300 тысяч человек, а о примирении последней с церковью-матерью. Поскольку в основе этого печального для нас разделения лежат прежде всего политические мотивы, то есть та область, где каждый член церкви вправе быть волен в своих поступках. Мы неоднократно, в том числе и на юбилейном Поместном соборе в 1988 году, протягивали нашим братьям из Русской зарубежной церкви руку братства, чтобы быть едиными в том, что по вере нашей стоит выше всякой зем-

ной политики, — в святом евхаристическом общении. Однако наши призывы не находили должного отклика у руководства Русской зарубежной церкви, а весной этого года положение усугубилось тем, что фактический раскол был перенесен им уже на территорию нашей страны, когда зарубежный Архиерейский собор санкционировал создание своих приходов на канонической территории Московского Патриархата в СССР. Конечно, едва ли это вызовет серьезную дестабилизацию церковной жизни, однако всякий факт разделения в церкви прискорбечен.

— Процесс политизации проникает даже в недра церкви. Все большее число клириков и иерархов становятся политиками — народными депутатами Советов различных уровней. Как это согласуется с принципом, что «церковь — вне политики»?

— Что касается упомянутого вами принципа, то его следует понимать в том смысле, что церковь как корпорация не может находиться на стороне тех или иных партийных интересов, принимая среди своих членов представителей различных политических течений, лишь бы эти люди в своей общественной деятельности не совершали ничего, что вступает в противоречие с учением Евангелия и нормами христианской морали.

Теперь относительно участия духовенства в деятельности Советов. В нашей стране участие клириков в работе представительных органов имеет давнюю традицию. В допет-

ровской Руси епископат и представители клира участвовали в деятельности земских соборов, которые, как известно, являлись высшим законодательным органом Русского государства. В дореволюционной России мы встретим священнослужителей среди членов Государственного Совета и депутатов Государственной Думы. Думаю, что нынешнее выдвижение и избрание некоторых епископов и клириков народными депутатами в определенном смысле есть возрождение былой традиции в условиях, когда общество желает видеть среди выразителей и защитников своих интересов тех, кто, по его представлению, способен отстаивать нравственные начала.

— В стране начинают формироваться партии и общественные движения, названия которых предполагают причис-

лять их принадлежность к церкви. Не есть ли это зарождение клерикализма в СССР? Какие позиции в этом вопросе занимает руководство Русской православной церкви?

— Говорить о зарождении клерикализма в СССР по меньшей мере наивно. Его и дореволюционная Россия в том виде, как он существовал в свое время в странах католического Запада, не знала. Что же касается образования партий, называющих себя христианскими, то это уже организации не церковные, а политические. Такие партии, как известно, существуют много лет в ряде демократических государств, и их названия свидетельствуют лишь о том, что в своей политической платформе они прежде всего ориентируются на христианскую систему ценностей, чаще всего даже без ориентации на определенную христианскую конфессию. Мы знаем, что возрождение таких стран, как Италия и Западная Германия, после страшной ночи нацистского тоталитаризма во многом произошло именно при политическом лидерстве христианско-демократических партий.

В нашей стране своей христианско-демократической традиции нет, хотя одним из ведущих идеологов христианской демократии был замечательный русский религиозный мыслитель и историк Георгий Федотов. Тем не менее я не вижу ничего неестественного в появлении у нас христианских партий, которые могли бы внести свой вклад в дело возрождения Отечества.

ПАТРИАРХ / 4 /

— Как складывается ваше сотрудничество с Советом по делам религий при Совете Министров СССР? Что вам хотелось бы изменить в этих отношениях?

— Как показывает наш опыт и практика многих других государств, имеется объективная необходимость в существовании особого государственного органа, функцией которого является содействие в урегулировании сложного комплекса взаимоотношений между государством и религиозными объединениями.

Сейчас мы вступаем в прямые отношения с государственными органами власти на всех этапах: Советы Министров, МИД, другие министерства и т. д. В этих условиях посреднические функции Совета по делам религий в наших отношениях с государственными ведомствами становятся излишними. Церковь получила возможность прямого участия в выработке в Верховных Советах законодательных актов, регулирующих положение религиозных объединений и государства. Переход к рыночной экономике сделает на определенном этапе излишними посреднические функции Совета и в хозяйственной сфере. Пока же этого не произошло, следует, видимо, сохранить Совет по делам религий, ограничив их деятельность представительскими и посредническими функциями в отношениях с государственными и экономическими ведомствами и государственными предприятиями, исключив полностью вмешательство во внутреннюю жизнь церкви и ее кадровую политику.

Что касается деятельности Верховных и местных Советов, значение которых в решении вопросов взаимоотношений государства и религиозных объединений будет возрастать, то здесь нам, очевидно, также необходимо выработать эффективную систему взаимодействия. Во всяком случае, формирование комиссий по вопросам свободы совести должно происходить с учетом мнения основных конфессий. Официальная позиция конфессий должна заслушиваться при обсуждении всех вопросов, касающихся положения религиозных объединений в Союзе и республиках.

/MM/

blue-red

В. АКСЮЧИЦ: ПУТЬ К ВОЗРОЖДЕНИЮ ОБЩЕСТВА ДОЛЖЕН ПРОХОДИТЬ ЧЕРЕЗ РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

PM-2, "РАДИО РОССИЯ", 14.30 10.12.90

Слово одному из руководителей Российского христианско-демократического движения, народному депутату РСФСР ВИКТОРУ АКСЮЧИЦУ.

АКС.: - XX-й век был подвержен бацилле тоталитаризма - в фашистском варианте его, либо в коммунистическом. Так как стержень этого тоталитаризма был антирелигиозным, антихристианским и направленным в основном на разрушение религиозных устоев жизни и религиозного мировоззрения, то очевидно и возрождение общества, страны и народа к нормальной жизнедеятельности тоже может проходить через религиозное, нравственное возрождение.

Именно поэтому христианско-демократическая партия является как бы основной альтернативой существующим режимам тоталитаризма. Мы занимаем очень радикальную позицию по отношению к идеологии ненависти и разрушения, т.е. к коммунизму, мы отвергаем эту идеологию. Вместе с тем, мы стремимся все-таки превносить в обществе не идеалы раздора и очередной войны, а, прежде всего, национального примирения. И мы готовы сотрудничать даже с коммунистами, но только как с конкретными личностями, живыми людьми, а не как представителями коммунистической идеологии или компартии.

КООР.: - Таким образом вы все-таки не отрицаете одну из христианских заповедей: " возлюби ближнего своего", хотя и находитель на антикоммунистических позициях.

АКС.: - Нет, мы именно исходим из этой заповеди. Мы исходим из заповеди и другой: " возлюби врага своего". Для нас наш политический оппонент - это есть заблудший брат во Христе. Мы спорим, отвергаем его идеологическую позицию. Но боремся не против него, а за его спасение, очищение его души. Такая позиция открывает большие возможности для широкого диалога, для поисков консолидации, примирения.

Я считаю, что именно христианская позиция - очень конструктивная и очень актуальная в нашей стране.

КОРР. - Что Вас беспокоит, тревожит внутри вашего движения и что по-хорошему радует?

АКС.: - Недавно состоялась вторая конференция Всероссийского движения, и меня обрадовало, что после учредительной конференции впервые съехались люди, объединенные общей идеей, люди друг друга не знающие. И оказалось, что собрались родственные души и прекрасный человеческий материал. Радует, что нам есть что сказать обществу. Тот факт, что мы, те кто выставлял свои кандидатуры, на выборах выиграли, причем с большим отрывом от своих оппонентов и даже демократически настроенных оппонентов, говорит о том, что общество готово воспринять наши идеи.

Но очень огорчает, что репрессивные силы режима очевидно именно поэтому, потому что от нас исходит конструктивная идея созидания, до сегодняшнего дня очень яростно с нами борется. Правда тайными способами. Ну, прежде всего монополии на умы КПСС давно лишилась, но она утверждает свою власть монополией на материальные ресурсы страны. На недвижимость, на финансы, на бумагу, на типографии, на средства массовой информации. И мы живем в ситуации информационной блокады.

Мы фактически не можем прорваться к средствам массовой информации, мы не можем наладить издание наших газет, нашей радиостанции, телевизионного канала. И это очень огорчает.

еще сц

- blue-rec.

АКСЮЧИЦ (2)

Вот такая тайная и явная борьба сил старого с нами. Я думаю, что та идея, которая сейчас начата в обществе — она спасительна и для наших оппонентов. Мне хотелось к ним обратиться: слепые вожди слепых! Куда вы ведете страну и общество? Безусловно к краху. Но этот крах втянет и вас в черную дыру. И вы прежде всего погибните. Остановитесь! Я обращаюсь к партийным вождям нашим, которые до сегодняшнего дня правят страной.

Ведь кто у нас сейчас правит страной? КПСС. Обращаюсь к президенту, обращаюсь к ВС Союза. Хватит ориентироваться в собственных решениях, собственной позиции, идеологии КПСС. Необходимо ориентироваться на общенациональные интересы. И только это откроет путь к действительным, реальным преобразованиям.

-----сц-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ. 12.11.00. № 45 (1349)

21

ПРИЧИНЫ многих проблем, которые беспокоят сегодня церковное общество, лежат в ненормальных отношениях Церкви и государства. Возьмем ли мы раскол, разделение с Зарубежной Церковью, проблему унии и автокефалии, настроения в общественной и в приходской жизни или экуменическую политику, которая в начале 60-х годов была по сути навязана Церкви из чисто прагматических соображений,—везде увидим плоды ненормального, подчиненного отношения Церкви к государству. помноженные, конечно, на чисто человеческие немощи.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

**Георгий
ШЕВКУОВ**

Георгий Александрович Шевкуов (1958 г. р.) окончила сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии. Был послушником Псково-Печорского монастыря. Оттуда он был отозван в Издательский отдел Московского Патриархата, где и работает по сей день.

/еще/

---MM---

blue-red

ЦЕРЬКОВ И ГОСУДАРСТВО / 2 /

Недавно в Центральном Доме архитекторов прошла конференция «Русская Православная Церковь: история и современность». Она была созвана по инициативе мирян и по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, с участием Русской Православной Церкви и ряда общественных организаций. На ней были обсуждены насущные для церковной жизни проблемы: отношения Церкви и государства, отделение Русской Зарубежной Церкви, Декларация 1927 года, экуменизм и канонизация святых, положение мирянина в Церкви.

Несмотря на внешне оживление церковной жизни, конференция высказала озабоченность упадком церковного сознания клириков и мирян, выражающимся в различных расколах, нестроениях. Особую озабоченность вызывают участившиеся случаи насилия по отношению к православным в Западной Украине, происходящие при явном попустительстве властей.

Предметом озабоченности является и состояние церковной печати, отсутствие у нее типографской базы и радио- и телекоммуникации. Особой критике была подвергнута газета «Московский Церковный вестник», чья публикация часто не отвечает духу Русской Православной Церкви.

С прискорбением конференция отметила попытки Русской Зарубежной Церкви навязать параллельную раскольническую иерархию на территории нашей страны и осудила как Послание митрополита Виталия в связи с выборами Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, так и решение Синода Зарубежной Церкви об отрыве параллельной юрисдикции на территории России. Эти решения вызвали недоумение и протест у подавляющего большинства русской Православной паствы, которая ранее с определенной симпатией относилась ко многим аспектам деятельности Русской Зарубежной Церкви.

Как проблему, требующую внимания священноначалия Русской Православной Церкви, конференция назвала практику экуменических молитв, чреватую умножением разногласий в Русской Православной Церкви.

На конференции отмечалась необходимость большего внимания и приходам как со стороны церковной иерархии, так и со стороны православной общечерковности, организации Учительского семинара при Священном Синоде для подготовки мирян и преподаванию в церковных школах, более широкого вовлечения мирян в церковное служение. Были одобрены принципы подхода к канонизации святых Русской Православной Церковью и принят и сведению призыв председателя комиссии по канонизации Митрополита Ювеналия и активному участию церковной паствы в вопросах канонизации.

Выступавшие однозначно оценили Декларацию 1927 года как принятую для сохранения Церкви, однако суждение обо всей церковной деятельности в советский период, по их мнению, надлежит вынести Поместному Собору.

Ниже мы публикуем статью сотрудника издательского отдела Московской Патриархии Г. Шевкунова «Церковь и государство», в основу которой положен доклад, сделанный им на конференции.

Р

АСПРОСТРАНЕННОЕ сегодня мнение о том, что вот наконец наступило благоприятное для церковной жизни время, следует признать весьма относительным. Мы являемся свидетелями таких взаимоотношений Церкви и государства, когда период явных гонений, по-видимому, завершился и начинается период внутренних искушений в Церкви, раздоров, нестроений, ересей и расколов, чему волей или неволей способствует та государственная система, которая постепенно утверждается в стране, то есть так называемое правовое, демократическое государство.

Хотелось бы всего лишь одним словом напомнить историю происхождения самого термина и концепции «правовое государство». Эта теория возникла в конце прошлого века в протестантской Германии и, кроме своей известной сейчас всем формулировки «система правового государства», имела еще одну, для нас особо интересное название — «система государственного над церквями верховенства».

Принцип жесткой подчиненности Церкви государству, принцип использования государства церквей в своих целях — один из основных в концепции «правового государства».

С первыми признаками этой новой системы принуждения Церковь столкнулась сегодня в процессе выработки принятия так называемого закона о свободе совести. Представленный на рассмотрение в Верховный Совет закон основан на антицерковном, направленном на разрушение Православной Церкви проекте профессора Розенбаума. Несмотря ни на какие коллективные письма и настоятельные просьбы архиереев, клира и мирян в Верховные Советы СССР и РСФСР, пока не известно, чем разрешатся дискуссии по тем пунктам, которые вызывают особые возражения.

Еще раз хочется подчеркнуть, что не следует обманываться: отношения демократического государства к Церкви — это все та же жесткая система подавления и контроля, но только не средствами тоталитарного режима, а средствами в основном

еще /

ЦЕРЬКОВ И ГОСУДАРСТВО 131

юридическими. Отношение правового государства к Церкви не выдерживает критики даже с точки зрения той же немецкой гуманитарно-протестантской морали, выраженной в категорическом императиве Канта: Церковь рассматривается государством не как цель, но как средство для достижения своих собственных интересов, которые, как мы понимаем, слишком часто будут отличаться от целей Православной Церкви.

Демократическое государство неизбежно будет стараться ослабить наиболее активную церковь в стране, приводя в действие древний принцип «разделяй и властвуй». Именно на это направлены, в частности, пункты закона о религиозных организациях, в которых не предоставляется право юридического лица для всей Церкви и таким образом провоцируются расколы. В этом же контексте «разделяй и властвуй» нам следует рассматривать и факты поддержки уже появившихся расколов и настроений в Православной Церкви со стороны практически всех структур государственного аппарата как отживающего, так, особенно, новообразующегося. Примеры перед глазами: униаты, автокефалисты, «Богородичный центр», образующиеся приходы Зарубежной Церкви — все они в большинстве своем поддерживаются Советами всех рангов, исполкомы и тому подобным. Не секрет, что некоторые руководители Русской Православной Церкви были поражены именно фактами поддержки расколов со стороны государственных структур, которые, казалось

бы, должны были по всем прежним писанным и неписанным законам поддерживать «господствующую» Церковь. Сам факт такого отношения доводил некоторых православных участников конфликтов просто до духовного и волевого паралича. Особенно это проявилось на Украине. Здесь нам ничего не остается, как еще раз напомнить известное: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческие».

Думаю, было бы неверно объяснять все это каким-то общим разговором и тайными инструкциями по расколу Церкви. Но все же странно, что и на Украине, и в Сибири и в Подольске, и на Дальнем Востоке отколовшиеся приходы пользуются столь дружной поддержкой и прямыми симпатиями со стороны уже перечисленных государственных организаций. Но если Святая Церковь живет в одном Духе и движется Им, то и мир живет и управляется неким духом, и этот темный дух также вдохновляет своих служителей и почитателей в том, когда и что им говорить и как действовать. Второй раз в нынешнем столетии Россия и церковный народ в ней сталкиваются с попыткой построения в нашей стране демократического общества. Вероятно, демократия в современном ее виде — это неизбежный этап в процессе общей апостасии. Начавшаяся в феврале 1917 года первая попытка демократизации закончилась для православной Руси трагедией. Говорят, история повторяется дважды, но во второй раз — уже в виде фарса. Сегодняшняя ситуация действительно близка к фарсовой. Речь сейчас

идет не о симпатиях или антипатиях к советской демократии. Речь идет о том, что на сегодняшний день новые опыты этой демократии в нашей стране — данность, в которой нам жить. Тенденции и перспективы таких опытов приходится изучать. Во всяком случае Святая Церковь пережила за два тысячелетия своего бытия слишком многое, чтобы не быть готовой к любого рода самым изысканным искушениям и испытаниям.

П

РИЧИНЫ многих проблем, которые беспокоят сегодня церковное общество, лежат в ненормальных отношениях Церкви и государства.

Возьмем ли мы расколы, разделение с Зарубежной Церковью, проблему унии и автокефалии, настроения в общественной и в приходской жизни или экуменическую политику, которая в начале 60-х годов была по сути навязана Церкви из чисто прагматических соображений, — везде увидим плоды ненормального, подчиненного отношения Церкви к государству, помноженные, конечно, из чисто человеческие немощи.

Цели государства и Церкви (если только государство не является православной монархией) лежат в противоположных сферах: Церковь устремлена и герметична, государство — к должному, Отчеству для Святой Церкви — Царство Небесное, государство своей целью (во всяком случае декларированной целью) ставит устроение всеобщего благоденствия на земле. И еще один момент, который должен быть определенным в понимании нехристианского демократического государства: оно анонимно. Никто из непосвящен-

ных не знает, кто стоит за тем или иным режимом или государственной структурой, какие силы в действительности руководят жизнью общества. Конечно, на поверхности политической жизни мы ви-

дим правительства, партии, диктатуры. Но не секрет, что за этими внешними структурами стоят иные скрытые силы, обладатели реальной власти. Даже в нашей стране, в которой разрушивание целочия скрытой власти чревато самыми неожиданными и неприятными для определенных могущественных сил отрясениями, вдруг выяснилось, что все эти 70 лет никакой диктатуры пролетариата не было, за ней стояла партократия, но и партократия контролировалась мафией, а эта мафия была в свою очередь функциональной частью какой-то другой структуры. Существует множество гипотез, толкующих о том, что за последняя тайна скрывается за этим безличным антихристианским государством. Но как бы то ни было, для православных христиан главным свидетельством, объясняющим духовную сущность всякого антихристианского государства, является Священное Писание: «И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш, и говорил со мною, сказал мне: пойдн, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах многих; с нею блудодействовали цари земные, и вино ее блудодеяния упивались живущие на земле. И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преклепанном именами богохульными... и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудниц и мерзостей земным. Я видел, что жена упоена была кровию святых и кровию свидетелей Иисусовых...» (Откр. 17, 1—6). Все это, впрочем, не относится к одной удивительной государственной структуре, которая была дарована хри-

ЦЕРЬКОВ И ГОСУДАРСТВО / 4 /

странскому миру и называлась православной монархией, православным царством. Если коротко сказать, как святые отцы, и в первую очередь блаженный Августин в своем труде «О Граде Божием», понимают православное государство, то его можно представить как человека, который всеми силами стремится жить по заповедям Божиим. Конечно, нельзя без конца идеализировать монархию: были разные государи, в том числе и такие, которых с трудом можно было назвать церковными, а обер-прокурорами Синода иногда становились и прямо неверующие люди. Но все же в целом потенциальные и реальные возможности православной монархии как христианского общества были настолько велики, что между Церковью и государством появлялись возможности гармонических отношений — симфонии. Сегодня мы можем сказать, что, по-видимому, время, данное Церкви для создания симфонии, прошло. Оно продолжалось несколько столетий и представляло для православного общества возможность наиболее гармонического и интенсивного развития взаимоотношений Церкви и государства. Как справились Византия и Русь с этой предоставленной им промыслом Божиим возможностью — разговор иной, во всяком случае бесчисленные жития преподавших мужей и жем свидетелятствуют об особом периоде жизни Церкви. Но как прошли апостольские времена, как прошли времена вселенских соборов, дав Церкви свои, особые, благодатные дары, так, по-видимому, прошло время симфонии. Но это, впрочем, только предположение. Господь силен восстановить и монархию в России, но заблуждение некоторых наших нынешних монархистов состоит в том, что они пытаются достичь своих целей путем политической борьбы, социальной активности. Православная монархия — дар Божий, и этот дар может быть принят только православным народом, духовно готовым и восприимчивым этой милости Божией.

Другая крайность, которую мы наблюдаем сегодня — и несомненно она наиболее опасна, — это идея создания симфонии Церкви с тем государством, какое есть, то есть с коммунистическим, уходящим, в одном случае, к либерально-демократическим — в другом. Это либо инерция мышления, либо непонимание, либо нечто несравненно более тревожное. Все сказанное сейчас, конечно, не означает того, что Церковь не должна иметь

ничего общего с государством, если оно не является православной монархией. В послании Собора русских заграничных архиереев от 1933 года, написанном, по-видимому, лично митрополитом Антонием Храповицким, говорится:

«Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола не без основания говорит в своей... декларации (имеется в виду Послание митрополита Сергия от 16(29) июля 1927 года, где он и его Синод «решительно и бесповоротно становятся на путь лояльности» к советской власти. — Г. Ш.), что только «кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как наша Православная Церковь со всею ее организацией, может существовать в государственном, закрывшись от власти». Пока Церковь существует на земле, она остается тесно связанной с судьбой человеческого общества и не может быть представлена вне пространства и времени. Для нее невозможно стоять вне всякого соприкосновения с такой могущественной организационной структурой, как государство, иначе ей пришлось бы уйти из мира».

Опыт всех поместных церквей показывает, что уход от мира (не в аскетическом смысле) губит дело Церкви.

П

РОМЫСЛОМ Божиим в нашем Отечестве после катаклизмов революции и гражданской войны пути Русской Православной Церкви разделились как бы на три основные ветви. Патриаршью Церковь, Русскую Зарубежную Церковь и Катакомбную Церковь.

Вероятно, не стоит сейчас останавливаться на канонических обоснованиях и возражениях, которыми обычно оперируют в дискуссиях об этих формах жизни Русской Церкви в экстремальных условиях, но хочется еще раз обратиться к поразительным путям промысла Божия, который сохранил всю полноту Православия в России в эти тяжелые годы. Митрополит Сергей, Патриаршья Церковь сберегли внешнее устройство Церкви в нескольких епископах, как бы в нескольких зернах. Можно с большой долей уверенности утверждать: в 1927 году митрополиту Сергию во время его ареста был представлен Тучковым не только план уничтожения всех епископов, находившихся к началу 1927 года в советских тюрьмах (по разным данным, от 117 до 130 архиереев. См. доклад Дн. Поспеловского. Канада. РХД. № 158, стр. 67), но и план полной ликвидации Церкви, который начал во всей полноте осуществляться совсем скоро, в годы так называемой «безбожной пятилетки». Митрополит Сергей взял на себя задачу оттянуть время, чтобы попытаться сохранить хоть что-то, понимая, что массовых репрессий не избежуют ни его сторонники, ни противники. Не наше дело судить поступки Патриарха Сергия — все происходившее тогда вышло человеческого понимания и должно быть предано на суд Божий и на суждение свободного Поместного Собора Русской Православной Церкви. У нас имеется лишь факт, что Патриарх Сергей пошел на все возможные и невозможные компромиссы, сохранив последнее, что было у Церкви — неприкосновенность догматов.

Подобно святому праведному Иову Многострадальному, Русская Церковь лишилась множества своих чад, имущества, плоть ее была истерзана, и только душа ее — святое учение и догматы были сбережены. Можно себе представить, сколько раздавалось голосов в то безумное время, подобных голосу жены Иова: «Похули Бога и умри!». Но ни Святейший Патриарх Сергий, ни горстка его епископов не отреклись от Бога. Сейчас становится чуть ли не модой злословить Патриарха Сергия. Но вот хочется напомнить случай из жизни великого старца Псково-Печерского монастыря иеросхимонаха Семиона, того самого, о котором святой Иоанн Кронштадтский предсказал как о последнем великом схимнике на Руси. В середине тридцатых годов отца Семиона спросили (а это было в то время, когда Псково-Печерский монастырь находился еще на территории Эстонии), как он относится к митрополиту Сергию и к его декларации. Помолвившись, старец ответил: «Надо идти на все, чтобы люди могли причащаться».

/еще/

--MM--

blue-red

ЦЕРЬКОВ И ГОСУДАРСТВО 151

Путь Катакомбной Церкви — это действительное противостояние безбожной власти, а также той части Церкви, которая пошла на компромисс с этой властью. Этот путь дал много исповедников, так же, впрочем, как и Патриаршья Церковь. Известно, что епископская преемственность Катакомбной Церкви оборвалась в 50—60-е годы со смертью последних катакомбных архиереев. Появляющиеся сейчас то и дело епископы и клирики Катакомбной Церкви, как правило, не имеют канонических подтверждений своего сана. Исключение составляет епископ Лазарь, носящий титул Тамбовского и Моршанского, который был рукоположен одним из зарубежных епископов, тайно приехавшим в Россию с особыми полномочиями, касающимися рукоположения, от собора зарубежных архиереев.

Наконец, сама Зарубежная Церковь, с которой сейчас так нелепо и не вовремя обострились отношения, прошла свой особый путь, сохранив для России очень много, без чего наша церковная жизнь была бы совсем другой.

Те, кто с легкостью осуждает ту или другую сторону, забывают, что митрополит Сергей шел на компромиссы ради Церкви, так же, как митрополит Антоний Храповицкий бежал из России с частью русской паствы тоже ради Церкви, и катакомбные христиане сопротивлялись безбожной власти тоже ради Церкви. Все эти вопросы, так же, как и вопрос об экumenизме и многие другие, может разрешить только свободный Поместный Собор Русской Церкви. Собора этого ждут сегодня многие миллионы верных чад Патриаршей Церкви и православные по всему миру. Многие сегодня в России связывают с членами Зарубежной Церкви не только дружеские, но и духовные, молитвенные связи. Но последние решения Синода Зарубежной Церкви у всех православных людей, с которыми доводилось говорить об этом, вызывают по меньшей мере тревогу и настоятельность. Зарубежная Церковь всегда предстала перед нами в особом облике: это новомученики, царская семья, отец Иоанн Кронштадтский, которого за рубежом в силу обстоятельств смогли канонизировать раньше, это книги из Джорданвила, произведения архиепископа Аверкия, отца Серафима Роуза, наконец митоточивая икона Иверской Божией Матери. Во всем этом мы видели признаки и благодатные плоды истинной церковной жизни. Конечно, в отношении к Зарубежной Церкви присутствовал и, может быть, в значительной степени, элемент идеализации. Но это не беда: идеал подвигает к духовному росту и совершенствованию. Беда, настоящая беда начинается в тот момент, когда идеал начинает разрушаться. И будет несчастьем не только для Зарубежной Церкви, но и для многих в России, если православные люди лишатся опоры, которую они десятилетиями видели в высоком моральном авторитете Зарубежной Церкви. Ни в коем случае не распространяя свое мнение на всех, кто сейчас переходит в юрисдикцию Зарубежной

Церкви (это дело совести каждого), хочется сказать, что сейчас туда неминуемо будут пытаться проникнуть люди, которые не захотели найти себе места на крестном пути пастырского служения русскому православному народу. И если вместо лиц царской семьи и новомучеников, вместо образа отца Серафима Роуза, в качестве представителей Зарубежной Церкви, перед нами предстанут люди, которых в России слишком хорошо знают, то это будет более чем печально.

И

ЕЩЕ одно, чисто личное соображение. Постановление об открытии параллельных приходов является настолько чужеродным и непоследовательным для всего того, что мы знаем о Зарубежной Церкви, настолько непонятым именно сегодня, что невольно приходит мысль, что решение это нашпато, внушено извне, каким-то чужим, неправославным, чуждым пониманием России голосом. Конечно, можно психологически объяснить, что для зарубежного епископа, в городе которого пять или шесть церквей различных православных юрисдикций, не кажется чем-то особенным, что в Москве, в Твери или в каком-нибудь районном центре будет две или больше церквей разного административного подчинения. Но все же Россия — это не Швейцария и не Канада. Здесь совсем другие законы, и те разделения, которые в Западной Европе рождают лишь холодность в отношениях между людьми, у нас могут породить и уже порождают кровавые распри. Именно еще и поэтому кажется, что совет этот воспринят с чужого голоса.

Тем более, что еще в прошлом году, казалось, был найден прекрасный способ общения Зарубежной Церкви с Россией. Тогда в газете «Литературная Россия» было напечатано письмо Предстоятеля Зарубежной Церкви митрополита Виталия «К молодым людям России». Письмо это перепечатывалось, размножалось на ксероксах, зачитывалось с амвона. Десяток таких посланий на самые разные церковные темы могли бы стать огромным вкладом Зарубежья в катехизацию и утверждение правильного церковного сознания, не говоря уже о том, что с авторитетом Зарубежной Церкви в России уже невозможно было бы не считаться на всех уровнях. Но нет! На этом послания кончились, хотя практика таких посланий самая действенная.

Несмотря на нынешние разногласия, всей полнотой Русской Церкви накоплен за эти 70 лет великий опыт существования Святой Церкви в атеистическом государстве. Именно это, по-видимому, и есть истинный вклад Русского Православия в сокровищницу Вселенского Христианства.

В 313 году в Римской империи был провозглашен миланский эдикт, в силу которого христианская Церковь получила статус юридического лица. Почти через 1700 лет, в нынешнем 1990 году, государство снова как будто бы решилось предоставить статус юридического лица Церкви.

/еще/

--MM--

blue-red

ЦЕРЬКОВ И ГОСУДАРСТВО 16 /

хотя демократические силы в обоих наших парламентах до сих пор упорно этому противятся. О том, что такая ситуация может способствовать расколу, много говорилось в многочисленных статьях на эту тему и в посланиях архиерейского собора. Можно лишь добавить, что абсурдность ситуации заключается в том, что в случае принятия такого закона все Церкви с иерархической структурой подвергнутся дискриминации (и в первую очередь Русская Православная Церковь, вся иерархическая структура которой находится, в отличие, например, от католиков, на территории СССР, то есть подчиняется советским законам), а «государственными», то есть пользующимися наибольшим благоприятствованием в законе, будут религиозные объединения, не «отягощенные» иерархией, например, крайние формы протестантизма и иудаизм.

Государство в нынешнем веке явилось для нашей Церкви тем же, чем явился для праведного Иова враг человеческого рода, — оно отняло у Церкви все, что было попущено отнять Богом. Сегодня многое постепенно возвращается Церкви, хотя и не сторицею, как праведному Иову. Новые перипетии с новой государственной властью еще впереди. Иногда спрашивают: какова же цель всех испытаний, которые выпали на долю Русской Церкви? Друзья святого праведного Иова тоже приходили к нему и сетовали с ним на пепелище и рассуждали, за что же эти беды попущены ему Богом. В конце концов они пришли к выводу, что Иов был грешен и за это Господь наказывает его.

Наверное, нельзя сказать, что Россия начала нынешнего века была грешнее, например, Франции или Америки. Хотя, конечно, о грехах России и русского церковного общества сказано много. Но святой Иов страдал не за то, что был грешнее всех, а потому, что мог через эти страдания познать волю Божию, встретить Самого Господа.

Так и Русская Церковь познавала в этом мире волю своего Господа и свидетельствовала об истине для миллионов своих чад. И она с полным правом может повторить вслед за святым Григорием Двоесловом: «Я с обеих сторон выполнил свой долг, выплатив императору повинное, ему надлежащее, и сказав ему во имя Бога то, что я считал истиной». А Истиной всегда было учение Христово, которое никогда не умолкало в Русской Церкви.

Постановление Верховного Совета РСФСР

О порядке введения в действие Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий»

Верховный Совет РСФСР постановляет:

1. Ввести в действие Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» с момента его опубликования.

2. Считать недействующими на территории РСФСР все нормативные акты всех министерств и ведомств СССР и РСФСР, противоречащие Закону РСФСР о свободе вероисповеданий.

3. Комитетам Верховного Совета РСФСР по свободе совести, вероисповеданиям, благотворительности и милосердию и по законодательству представить в Конституционную комиссию Верховного Совета РСФСР предложения о соответствующем изменении статьи Конституции РСФСР о свободе совести, а также подготовить и представить на рассмотрение Верховного Совета РСФСР предложения о внесении необходимых изменений в Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, вытекающих из Закона РСФСР о свободе вероисповеданий.

4. Признать утратившими силу:

Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и

школы от церкви» (СУ РСФСР, 1918, № 18);

постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» (СУ РСФСР, 1929, № 35, ст. 353);

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 года «О внесении изменений и дополнений в постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1975 г., № 27, ст. 572);

Закон РСФСР от 15 июля 1975 года «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1975 г., № 29, ст. 617).

5. Поручить Комитету по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности совместно с Комитетом по законодательству разработать положение об экспертно-консультативном совете, предусмотренном в ст. 12 настоящего Закона и представить в Президиум Верховного Совета РСФСР до 1 декабря 1990 года.

Первый заместитель Председателя
Верховного Совета РСФСР
Р. И. ХАСБУЛАТОВ

Москва, Дом Советов РСФСР, 25 октября 1990 года

Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
О СВОБОДЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ● 10 ноября 1990 г. ● № 258 [40409] ● 5

Свобода вероисповеданий является неотъемлемым правом граждан РСФСР, гарантированным Конституцией РСФСР и международными обязательствами Российской Федерации.

Настоящий Закон исходит из содержащегося в международных соглашениях и пактах положения о том, что свобода иметь религиозные или атеистические убеждения и осуществлять соответствующие этому действия подлежит лишь ограничениям, установленным Законом и необходимым для обеспечения прав и свобод других лиц.

1. Общие положения

Статья 1. Задачи Закона РСФСР о свободе вероисповеданий

Задачами Закона РСФСР о свободе вероисповеданий является регулирование возникающих в этой области общественных отношений в целях соблюдения и единообразного осуществления на всей территории РСФСР принципов свободы совести, закрепленных в Конституции РСФСР, а также реализации права граждан на пользование этой свободой.

Статья 2. Законодательство о свободе вероисповеданий

Законодательство РСФСР о свободе вероисповеданий состоит из настоящего Закона и издаваемых в соответствии с ним иных актов законодательства Российской Федерации.

Статья 3. Содержание свободы вероисповеданий в РСФСР

Гарантированная Конституцией РСФСР свобода вероисповеданий включает право каждого гражданина свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и атеистические убеждения, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой и действовать в соответствии со своими убеждениями при условии соблюдения законов государства.

Статья 4. Основные формы осуществления права на свободу вероисповеданий

Граждане РСФСР, иностранные граждане и лица без гражданства могут пользоваться правом на свободу вероисповеданий индивидуально, а также совместно, путем создания соответствующих общественных объединений. Религиозные и атеистические общественные объединения граждан образуются и действуют на основании своих уставов (положений), регистрируемых в установленном в настоящем Законе порядке. Деятельность общественных объединений граждан, образуемых с целью реализации права на свободу вероисповеданий, не должна быть сопряжена с посягательствами на личность, права и свободы граждан, а также с иными нарушениями законодательства.

Статья 5. Гарантии свободы вероисповеданий

Основными гарантиями свободы вероисповеданий в РСФСР являются:

— равноправие граждан независимо от их отношения к религии;

— отделение религиозных и атеистических объединений от государства;

— светский характер системы государственного образования;

— равенство религиозных объединений перед Законом;

— законодательство, обеспечивающее претворение в жизнь свободы вероисповеданий и устанавливающее ответственность за ее нарушение.

Статья 6. Равноправие граждан независимо от их отношения к религии

Граждане РСФСР равны перед Законом во всех областях гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни независимо от их отношения к религии.

Указание в официальных документах на отношение гражданина к религии не допускается. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их отношения к религии, равно как и возбуждение связанных с этим вражды и ненависти, либо оскорбление граждан в связи с их религиозными или атеистическими убеждениями, влекут ответственность, установленную Законом.

Оскорбление религиозных чувств граждан, равно как и осквернение почитаемых в данной религии предметов, строений и мест, преследуется по Закону.

Статья 7. Гражданские обязанности и религиозные убеждения

Отношение к религии не может быть основанием для отказа или уклонения от исполнения установленных законодательством гражданских обязанностей.

В случаях, предусмотренных законодательством РСФСР, допускается замена исполнения одной граждан-

ской обязанности на другую. Лицам, которые по своим религиозным убеждениям не могут нести воинскую службу в рядах Вооруженных Сил, предоставляется право на условиях и в порядке, установленном законодательством, заменить таковую на службу, не связанную с принятием и ношением оружия.

Статья 8. Отделение религиозных и атеистических объединений от государства

Религиозные объединения в РСФСР отделены от государства. Государство, его органы и должностные лица не вмешиваются в вопросы определения гражданами своего отношения к религии, в законную деятельность религиозных объединений и не поручают им выполнение каких-либо государственных

СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ / 2 /

функций. На территории РСФСР не могут учреждаться исполнительные и распорядительные органы государственной власти и государственные должности, специально предназначенные для решения вопросов, связанных с реализацией права граждан на свободу вероисповедания. Государство охраняет законную деятельность религиозных объединений.

Религиозные объединения не могут вмешиваться в дела государства, не участвуют в выборах органов государственной власти и управления и в деятельности политических партий, члены религиозных объединений имеют равные с остальными гражданами права на личное участие в политической жизни.

Религиозные объединения граждан могут принимать участие в социально-культурной жизни общества в соответствии с законодательством, регулирующим деятельность общественных объединений в РСФСР.

Общественные объединения граждан, образованные в целях совместного изучения и распространения атеистических убеждений, отделены от государства. Государство не оказывает им материальной и идеологической помощи и не поручает им выполнение каких-либо государственных функций.

Статья 9. Светский характер системы государственного образования

Государственная система образования носит светский характер и не преследует цели формирования того или иного отношения к религии.

Преподавание вероучений, а также религиозное воспитание, может осуществляться в негосударственных учебных и воспитательных заведениях, частным образом на дому или при религиозном объединении, а также факультативно по желанию граждан представителями религиозных объединений с зарегистрированным уставом в любых дошкольных и учебных заведениях и организациях.

Преподавание религиозно-познавательных, религиозно-философских дисциплин, не сопровождающееся совершением религиозных обрядов и имеющее информативный характер, может входить в учебную программу государственных учебных заведений.

Ребенок имеет право свободно выражать свое мнение, имеет право на свободу мысли, совести и религии. Государство уважает свободу ребенка и его родителей или законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание ребенка в соответствии с убеждениями по их выбору.

Статья 10. Равенство религиозных объединений перед Законом.

Все религии и религиозные объединения равны перед законами государства. Ни одна религия или религиозное объединение не пользуются никакими преимуществами и не могут быть подвергнуты никаким ограничениям по сравнению с другими. Государство в вопросах свободы вероисповеданий и убеждений нейтрально, то есть не становится на сторону какой-либо религии или мировоззрения.

Статья 11. Государственный контроль за соблюдением законодательства о свободе вероисповеданий в РСФСР

Государственный контроль за соблюдением законодательства о свободе вероисповеданий в РСФСР осуществляется Советами народных депутатов, а также соответствующими правоохранительными органами согласно установленной им Законом компетенции. Осуществление государственного контроля иными государственными органами, политическими партиями и должностными лицами запрещается.

Исключительно в компетенцию Министерства юстиции и его органов на местах в отношении религиозных объединений входит регистрация уставов (положений) религиозных объединений по правилам, установленным настоящим Законом.

Статья 12. Экспертно-консультативный совет при Комитете Верховного Совета РСФСР по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности.

Экспертно-консультативный совет при Комитете Верховного Совета РСФСР по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности образуется из представителей религиозных объединений, общественных организаций, государственных органов, религиоведов, юристов и других специалистов в области свободы совести и вероисповеданий.

Состав совета утверждается Президиумом Верховного Совета РСФСР по представлению Комитета Верховного Совета РСФСР по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности.

Экспертно-консультативный совет:

— создает банк данных о религиозных объединениях, зарегистрированных в РСФСР;

— консультирует Комитет по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности и другие комитеты Верховного Совета РСФСР по вопросам применения настоящего Закона;

— проводит юридическую и религиоведческую экспертизу, дает официальное заключение по запросам органов государственного управления и суда.

Статья 13. Ответственность за нарушение законодательства о свободе вероисповеданий

Лица, виновные в нарушении законодательства о свободе совести и вероисповеданий, несут уголовную, административную и иную ответственность, установленную законодательством РСФСР. Никто не может быть привлечен к ответственности за убеждения, связанные с отношением к религии.

Тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может допрашивать или давать объяснения кому бы то ни было по обстоятельствам, которые стали известными из исповеди гражданина.

Статья 14. Государственные органы и религиозные праздники

По просьбам массовых религиозных объединений органы государственной власти в РСФСР вправе принимать решения об объявлении дней ~~большин~~ религиозных праздников дополнительными нерабочими (праздничными) днями.

II. Право на религиозные убеждения и религиозную деятельность

Статья 15. Право на религиозные убеждения

В соответствии с Конституцией РСФСР каждый гражданин имеет право выбирать и иметь религиозные убеждения и свободно менять их. Гражданин РСФСР может единолично или совместно со своими единоверцами испо-

СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ 13 /

ведовать любую религию, оспрещительно совершать религиозные культы, добровольно вступать в религиозные объединения или выходить из них. Гражданин РСФСР может высказывать и распространять религиозные взгляды и убеждения в устной, печатной и любой другой форме при условии, что эта деятельность не нарушает настоящего Закона, общественного порядка и не сопровождается посягательствами на личность и права граждан.

Воспрепятствование принятию религиозных убеждений или отказу от них, вступлению в религиозное объединение или выходу из него, равно как и применение в этих целях мер принуждения, наказываются по Закону.

Статья 16. Право на совершение религиозных обрядов
Воспрепятствование совершению религиозных обрядов, если они не нарушают законодательства РСФСР, наказываются по Закону.

Недопустимо проведение атеистических мероприятий в местах, используемых верующими в соответствии с настоящим Законом для совершения культа.

Статья 17. Религиозное объединение

Религиозное объединение — добровольное объединение совершеннолетних граждан, образованное в целях совместного осуществления права граждан на свободу вероисповеданий, в том числе для совместного исповедания и распространения веры.

Исповедание и распространение веры включает в себя совершение культа, распространение своих убеждений в обществе непосредственно или через средства массовой информации, миссионерскую деятельность, дела милосердия и благотворительности, религиозное обучение и воспитание, подвижническую деятельность (монастыри, скиты и прочее), паломничество и иную деятельность, определяемую соответствующими вероучениями и предусмотренную уставом (положением) данного объединения.

Религиозные объединения могут составлять региональные или централизованные объединения со своими органами управления и иными структурными подразделениями, предусмотренными уставами (положениями) данных объединений.

Статья 18. Религиозное объединение — юридическое лицо

Религиозное объединение совершеннолетних граждан, в состав которого входит не менее 10 человек, пользуется правами юридического лица с момента регистрации его устава (положения) в порядке, предусмотренном в ст. 20 настоящего Закона.

Религиозное объединение, пользующееся правами юридического лица, может учредить другие религиозные объединения с правами юридического лица.

Статья 19. Уставы (положения) религиозных объединений

Устав (положение) религиозного объединения, получающего права юридического лица, должен отвечать соответствующим требованиям гражданского законодательства.

В уставе (положении), представленном для регистрации, должны быть указаны:

- 1) название, местонахождение и район деятельности религиозного объединения;
- 2) цели, задачи и основные формы деятельности данного объединения;
- 3) порядок образования, структура и управление данного религиозного объединения;
- 4) источники образования средств и имущественные отношения как внутри данного объединения, так и с другими объединениями, взаимодействие с которыми предусмотрено его уставом (положением);
- 5) порядок внесения изменений и дополнений в устав (положение).

Все религиозные объединения в РСФСР, независимо от характера своих определяемых уставом (положением) взаимоотношений с религиозными объединениями вне пределов и компетенции РСФСР, действуют в соответствии с законодательством РСФСР.

Статья 20. Регистрация уставов (положений) религиозных объединений

Граждане, образовавшие религиозное объединение, для получения правоспособности юридического лица подают заявление с приложением устава (положения) в Министерство юстиции РСФСР или его органы на местах (в зависимости от

территории, на которую распространяется деятельность данного объединения).

Принадлежность к региональному или централизованному религиозному объединению указывается в уставе и подтверждается названным объединением. В таких случаях органы юстиции обязаны зарегистрировать устав (положение) в течение одного месяца.

При отсутствии подтверждения регионального или централизованного объединения соответствующий орган юстиции обращается за заключением экспертно-консультативного совета при Верховном Совете РСФСР. В этом случае срок регистрации может быть продлен до 3 месяцев.

В регистрации устава (положения) может быть отказано только в том случае, если его содержание противоречит требованиям настоящего Закона и другим актам законодательства РСФСР. Отказ в регистрации устава (положения) религиозного объединения может быть обжалован в суд.

Статья 21. Прекращение деятельности религиозного объединения

Деятельность религиозного объединения может быть прекращена:

- 1) по решению общего собрания учредителей религиозного объединения, съезда (конференции), его образовавшего, а также в случае его самоликвидации (распада);
- 2) решением суда, если деятельность религиозного объединения противоречит его уставу (положению) и действующему законодательству. Нарушение законодательства отдельными членами религиозных объединений не влечет ответственности всего объединения в целом.

Статья 22. Религиозные обряды и церемонии

Религиозные объединения вправе основывать и содержать свободно доступные места богослужений или религиозных собраний, а также места, почитаемые в той или иной религии (места паломничества).

Граждане и религиозные объединения имеют право беспрепятственно проводить богослужения, религиозные обряды и церемонии в молитвенных зданиях и на принадлежащей им территории,

СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ 141

в местах паломничества, в учреждениях религиозных объединений, на кладбищах и в крематориях, в квартирах и домах граждан.

Граждане имеют право получать, приобретать и пользоваться предметами культа и религиозной литературой, равно как и право совершать и участвовать в религиозных обрядах в воинских частях всех родов войск, в лечебных учреждениях, в домах для престарелых и инвалидов (всех типов), в детских домах и интернатах, в местах предварительного заключения и отбывания наказания (включая штрафные изоляторы и помещения камерного типа).

Администрация данных учреждений обязана обеспечить реализацию этого права граждан на свободу вероисповеданий, в том числе путем предоставления отдельных помещений для совершения обрядов и церемоний, содействия в приглашении священнослужителей и создания условий для их свободного общения с гражданами.

В других местах религиозные обряды и церемонии осуществляются в порядке, установленном для проведения собраний, митингов, шествий и демонстраций.

Статья 23. Религиозная литература и предметы религиозного назначения

Религиозные объединения вправе производить, приобретать, экспортировать, импортировать, распространять предметы культа и религиозного назначения, религиозную литературу и иные печатные материалы.

Религиозные объединения пользуются исключительным правом учреждения предприятий по производству богослужебной литературы и предметов культа.

Выпуск периодических изданий религиозного характера и иной религиозной литературы, не имеющей богослужебного назначения, осуществляется в соответствии с общим законодательством о печати и средствах массовой информации.

Статья 24. Благотворительная деятельность и культурно-просветительская деятельность религиозных объединений

Религиозные объединения вправе осуществлять благотворительную деятельность

как самостоятельно, так и через общественные организации (фонды). Они имеют право создавать культурные и просветительские организации, а также учреждать органы массовой информации, включая радио и телевидение, на условиях и в порядке, установленном для общественных объединений в РСФСР.

Статья 25. Международные связи и контакты

Граждане и религиозные объединения вправе на групповой или индивидуальной основе устанавливать и поддерживать международные связи и прямые контакты, в том числе для паломничества, участия в собраниях, других религиозных мероприятиях, для получения религиозного образования, а также приглашать для этих целей иностранных граждан.

III. Имущественные и финансовые правоотношения религиозных объединений

Статья 26. Собственность религиозных объединений

В собственности религиозных объединений могут находиться здания, строения, предметы культа, объекты производственного, социального, благотворительного, культурно-просветительного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для их деятельности.

Религиозные объединения имеют право собственности на имущество, приобретенное ими за счет собственных средств, пожертвований, завещанное гражданами, организациями или переданное государством, приобретенное на других законных основаниях.

Религиозные объединения могут иметь собственность на территории других государств.

Условия содержания религиозными объединениями объектов и предметов, являющихся историко-культурными памятниками, согласовываются с соответствующими управлениями (отделами) культуры. Государство оказывает материальную по-

мощь в реставрации культовых зданий, представляющих историко-культурную ценность.

Статья 27. Пользование имуществом, являющимся собственностью государства.

общественных объединений или граждан

Религиозные объединения вправе использовать для своих нужд и в соответствии со своими уставами (положениями) территорию, здания и имущество, представляемое им на договорных началах государством и общественными организациями, а также гражданами.

Пользование землей религиозные объединения осуществляют в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Статья 28. Производственно-хозяйственная деятельность религиозных объединений

Религиозные объединения в соответствии с законодательством Российской Федерации и ее субъектов и руководствуясь своими уставами (положениями) вправе учреждать производственные, реставрационные, художественные, сельскохозяйственные и иные предприятия, обладающие правами юридического лица.

Статья 29. Трудовые правоотношения граждан в религиозных объединениях, на их предприятиях и учреждениях

Религиозные объединения, а также созданные ими предприятия и учреждения, могут нанимать граждан в качестве рабочих и служащих.

Оплата и другие условия труда работников определяются религиозным объединением по соглашению с работником и указываются в трудовом договоре. Религиозное объединение обязано зарегистрировать трудовой договор в установленном порядке и производить установленные отчисления.

На граждан, работающих в религиозных объединениях по трудовому договору, распространяется законодательство о труде наравне с рабочими и служащими государственных и общественных предприятий, учреждений и организаций.

Налогообложение доходов от работы в религиозных объединениях, на их предприятиях и в учреждениях, получаемых гражданами, включая священнослужителей, осуществляется по ставкам, установленным для рабочих и служащих.

СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ / 5 /

Статья 30. Налогообложение религиозных объединений

Имущественные и финансовые пожертвования, поступающие в религиозные объединения, а также все виды денежных поступлений от граждан, не подлежат налогообложению.

Прибыль от производственной деятельности на основе собственности религиозных объединений, за исключением средств, отчисляемых на благотворительные и культурно - просветительские цели, облагаются налогом в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном для предприятий общественных организаций.

Статья 31. Социальное обеспечение и социальное страхование граждан, работающих в религиозных объединениях

Граждане, включая священнослужителей, работающие в религиозных объединениях, на их предприятиях и учреждениях, подлежат социальному обеспечению и социальному страхованию наравне с рабочими и служащими государственных и общественных предприятий, учреждений и организаций.

В этих целях религиозные объединения, их предприятия и учреждения производят отчисления в фонды государственного социального страхования и обеспечения в порядке и размерах, установленных для общественных организаций.

Всем гражданам, работающим в религиозных объединениях, на их предприятиях и в их учреждениях, государственная пенсия назначается и выплачивается в соответствии с законодательством на общих основаниях.

Статья 32. Распоряжение имуществом религиозных объединений, прекративших свою деятельность

После прекращения деятельности религиозных объединений имущество, предоставленное в их пользование государственной, общественной или иной организацией, а также частными лицами, возвращается его прежнему владельцу.

При прекращении деятельности религиозного объединения распоряжение находившимся в его собственности имуществом осуществляется в соответствии с его уставом (положением) и действующим законодательством.

При отсутствии правопреемника имущество переходит в собственность государства.

Первый заместитель Председателя Верховного
Совета РСФСР
Р. И. ХАСБУЛАТОВ

Москва, Дом Советов РСФСР, 25 октября 1990 года.

И сегодня молодые люди уходят за монастырскую стену. Почему там, в замкнутой обители, им лучше, чем здесь, в миру, с нами?

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА» 21 декабря 1990 года

Наташина келья

В Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, расположенный в Коломне, приехала по просьбе читательницы А. Кренделевой.

«Помогите спасти мою внучку Наташу Табунову от верной гибели. — написала она в редакцию. — Дело в том, что в 10-м классе Наташа с ребятами начала посещать церковь. Тогда она говорила, что делает это просто так. И вот теперь, в 20 лет, внучка ушла в монастырь.

Наташа впечатлительная девочка. Очень трудолюбивая, привыкла выполнять все, что ей поручают. В монастыре не нарадуются — нашли такую податливую глину: что хочешь, то и лепи. И я, и мать Наташи, и отец, и бабушка по отцу умоляем ее уйти оттуда, но она ни в какую. Вбили ей в голову, что на этом свете жизни только 70 лет, а там, в раю, вечно.

Но дело не только в этом. В монастыре Наташа вначале жила в подвале, теперь на семь ступенек выше, в холодном помещении, без всяких удобств. Нет там ни радио, ни телевизора, ни газет — ничего, только пение псалмов. Священники, матушки никого слушать не велят, и только одна работа и служба с утра до вечера. И так изматывают девочек, что они уже просто не люди стали, а истуканы. Это в наше-то время!»

МОНАСТЫРЬ

С утра нудно моросил дождь, так что пока дошла от автостанции до монастыря, насквозь промокли ноги.

— Ой, милая, — всплеснула руками мать Мария — немолодая уже, худенькая, с добрыми печальными глазами женщина, — настоятельница нет, уехала в Москву, а без ее благословения с Наташей встречаться нельзя. Придется подождать.

— Не переживайте, — видя, что я расстроилась, хлопотала она возле меня. — Сейчас покушаете с дороги, отдохнете. А если мать Ксения придет поздно, у нас и заночуете, место найдется.

То и дело к матери Марии по разным хозяйственным делам обращались молодые послушницы, и вскоре она ушла, проводив меня в трапезную и поручив там заботам рыженькой и милостивой девушки Веры.

С удовольствием ем горячий овощной суп, потом гречневую кашу с поджаренным на постном масле луком. Пью крепкий душистый чай с яблочным вареньем.

— Вы уж не обессудьте: у нас сейчас пост, — говорит Вера, подвигая ближе ко мне тарелку с ломтиками дыни.

...Накормив, она ведет меня через двор в соседнее помещение. Здесь, на втором этаже, живут паломники. Сейчас в просторной комнате пусто, стоящие в ряд кровати застелены.

Самая Вера в монастыре всего полгода.

— Когда мама узнала, что я решила стать монашкой, вначале даже испугалась, — улыбается она. — Папа у меня умер, а мама — журналистка в Москве. Прежде в Бога совсем не верила. Но потом смирилась, стала приезжать сюда. Понемногу сама начала к вере склоняться.

Вера указывает мне свободную кровать, где я могу пока передохнуть, торопливо уходит. Время летит быстро, а дел на кухне у нее сегодня еще много. С сожалением провожаю взглядом ее ладную, даже в неуклюжем монашеском наряде, фигурку. В этом непривычном, незнакомом мне монастырском мире рядом с нею, ласковой и доброжелательной, чувствовала я себя как-то спокойно и по-особому уютно.

Оставшись одна, с интересом осматриваюсь по сторонам. Толстые — больше метра в ширину — неоштукатуренные стены. С потолка свисает одинокая лампочка. Окна — словно бойницы. На одном из широких каменных подоконников стопкой лежат богословские книги, маленькая иконка, мотки пряжи, вязальные спицы. Рядом аккуратно застеленная покрывалом кровать. Видно, что ее хозяйка обосновалась здесь не на один день.

Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь невелик. Прежде вся его территория была обнесена высокой каменной оградой. Сейчас во многих местах стены разрушены, идут реставрационные работы. Некоторые постройки поставлены еще в XIV веке. Основная же часть архитектурного комплекса была возведена в 80-е годы XVII века. Вначале монастырь был мужской. После революции его закрыли, а потом разрушили. Вновь открыли год назад, теперь он стал женским.

Все это рассказала мне совсем юная послушница, прислуживающая в Троицкой церкви, расположенной в центре монастырского подворья.

Пока монастырь больше похож на стройплощадку, нежели на тихую обитель. Всюду строительные леса, нутужно гудят моторы тракторов и машин. Реставрационные работы, как пояснили мне новые хозяева, идут медленно. Не хватает механизмов, материалов. Самую тяжелую и некачественную работу выполняют монашки и послушницы. Все они в монастырь пришли (как сами выражаются) из мира. Верующих с детства — мало. Большинство уверовали в Бога уже взрослыми — два-три года назад. Потому монастырь пока нестрогий

День здесь начинается с молитвы в шесть утра. В половине девятого — завтрак. Пища нехитрая — каша, овощи, в сезон — фрукты. После завтрака идут на работу.

— Сейчас капусту квасим, — рассказывали мне девушки, — а весной картошку садили, разные овощи.

Есть в монастыре свои коровы, козы. За ними тоже нужен уход немалый, но зато и молоко свое. Кроме тяжелой работы на расчистке завалов, несут девушки и другие обязательные послушания — работают на кухне, в пошивочной, убирают территорию монастыря. В пять пополудни все идут в церковь на вечернюю службу. После ужина вновь молитва, а потом монастырь до утра погружается в сон.

БАБУШКА

В тот мой первый приезд в монастырь я так и не сумела встретиться с Наташей. Игуменья не дала на это своего благословения, и я вынуждена была уехать ни с чем. Но твердо решила, что в Коломну еще вернусь, а пока нужно было встретиться с Наташиными родственниками в Москве.

— Она, Наташа-то, у нас раньше миленькая была, а сейчас какая-то странная стала. Все молчит, в глаза не смотрит. — Анна Семеновна вздыхает, пожимая плечами. — Не знаю, чего ей не хватало. Лиля, мать ее, у нас грамотная, директором столовой работает. Все, что хочешь, достанет. Купила Наташе шубу — тысяча рублей стоит! А она в ней в монастыре за козочками ходила, испортила всю. Стоило ли столько лет учиться, чтобы папушкой стать. Я ей говорю: «Работаешь тут безо всякой зарплаты, за одну кормежку». А она сердится: «Какая зарплата, когда я здесь живу». Лиля из-за дочери все глаза выплакала. Столько сил в нее вложила. Летом дачу строить закончила. А для кого все это теперь? С мужем они давно в разводе, сейчас совсем одна осталась.

МАТЬ

— Я с Наташей прежде горя не знала. Тихая она у меня, спокойная была. Гуляла мало, все больше книжки читала. Я ей ни в чем не отказывала, все у нее было. Училась музыке и рисованию. Каждый год на юг к морю с ней ездили. Потом увлеклась религией, в церковь стала ходить... И вдруг ушла в монастырь. Я чуть с ума не сошла. Из хорошей городской квартиры — в первобытные, можно сказать, условия.

А что как раз одноклассник Наташин из армии вернулся. Она с ним переписывалась. Вот я и

решила хоть ненадолго забрать ее домой. Думала, встретятся, глядишь, и на другое ее душа настроится. Все свои связи использовала, дошла до самого высокого начальства в Загорске. Разрешили мне взять дочь домой на неделю. Только сказали, что прежде я сама должна неделю прожить в монастыре.

Не знаю, как уж пережила семь дней. Грязь, обожество, паломники эти... Одна мысль была: увести дочь оттуда.

Домой приехали поздно. Я в ту ночь первый раз за последнее время по-человечески уснула, а утром встала, гляжу — Наташи нет. Чуть свет убежала в свою Коломну.

— Видимо, что-то упустила я в ее воспитании. Сама люблю красиво одеваться, без прически и не подкрасившись на улицу не выйду. А дочери интереса к этому не привила, не сумела воспитать в ней женщину.

НАТАША

За окном солнечно, а здесь, в келье, царит полумрак. Крошечная — двоим не повернуться — каморка. Одна против другой — две кровати. Сводчатые потолки, толстые кирпичные стены... Чисто, опрятно и — ничего лишнего.

— Вот тут я и живу. Разве плохо? — говорит Наташа. Потом продолжает: — Прочтите, что пишет Великий старец и Архимандрит Паисий Величковский. Лучше я все равно не скажу.

Вслух читаю подчеркнутое место: «Желающий спастись и угодить Богу пусть отвратится от всего земного и поживет как одна из птиц; пусть изберет отдельное подходящее место и пребывает наедине или с духовным своим Чадом, переносит недостаток в телесных потребностях — пище, одежде и вещах; в недостатке душа смиряется и умиляется, а ум возвышается».

— Ну, поняли теперь, почему я решила уйти в монастырь? — спрашивает Наташа. — Потому что хочу служить Богу, только ему, и ни в чем другом не вижу смысла. Меня мама в музыкальную школу восемь лет буквально ремнем гоняла. У меня ни слуха, ни голоса, а она говорит: «Учись, это надо для общего развития». Потом в художественное училище ходила. «Будешь много денег зарабатывать», — твердили все. А зачем мне это? И наряжаться я не хочу, ибо понимаю: человек всю жизнь занимается не тем, что нужно для Вечности.

В старой кофте, надетой поверх закапанного краской передника, в темной сатиновой юбке до пят, Наташа кажется мне много неуклюжей. А всего лишь неделей раньше я видела небольшой

портрет, написанный на листе ватмана кем-то из ее друзей. Рисунок этот хранится у Наташиной матери. Открытая девичья шея, распахнутые глаза, завитки волос, обрамляющие тонкие лицо...

— Ты на портрете совсем другая, — неожиданно прерывает меня.

— Какая? — вопросительно смотрит на меня Наташа и сама вдруг отвечает. — Плотская... Да я и сейчас еще малодуховная. Духовная жизнь, она требует самоотвержения, веры в Господа. А откуда она возьмется, вероятно, если с детства ее не было. Здесь даже те, кто с малых лет в вере жил, и то просят: «Господи, дай мне веры!». А я что? Всего два года, как стала о чем-то всерьез задумываться. Я ведь даже еще и не послушница. Это прежде было — полгода поживет насельница в монастыре — становится послушницей, потом уже монахиней. А сейчас прежде испытать себя надо, в вере утвердиться... По маме я очень скучаю. Письма ей обещала писать. Но пишу редко. Маме хочется, чтобы я ей рассказывала о том, как живу, что ем, о козочках, за которыми ухаживаю. А мне это все неинтересно. Мне хочется писать о жизни святых, о Боге. Но это неинтересно маме. Как услышит эти мои рассуждения — ругаться или плакать начинает.

Другие родители тоже переживают за своих дочерей, но многие уже смирились, приезжают сюда, молятся. А мама приехала и заявила, что исповедоваться не будет. «Не хватало, — говорит, — чтобы я кому-то все о себе рассказывала. Как грешила, так и буду грешить». Ну что я могу тут поделать? Могу только молиться за нее. Конечно, нелегко стать истинной монахиней. Не по одежде, не по званию, а по духу. И самое трудное здесь это борьба с грехом.

— Ну какие у тебя грехи? — улыбаюсь я.

— Какие... Вся в грехах. — хмурится Наташа. — Когда стремишься к Богу, надо бороться со страстями плотскими. А я, бывает, хочу и поспать подольше, и носки потеплее надеть, и поесть повкуснее.

— Но разве нельзя жить дома с мамой и верить в Бога, — удивляюсь я, — посещать церковь, выполнять все обряды, молиться? Со временем могла бы выйти замуж, родить детей и воспитывать их.

— Ну вот, — разочарованно говорит Наташа. — ничего-то вы так и не поняли...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Покинув монастырь, не спеша иду по улицам Коломны. Много магазинов, очередей за рыбой, за вином, за пирожками... И

И СЕГОДНЯ МОЛОДЫЕ ЛЮДИ УХОДЯТ ЗА МОНАСТЫРСКУЮ СТЕНУ...

не могу отделаться от ощущения, что вернулась сюда словно с другой планеты. Там, в развороченном, еще не устоявшемся монастырском быте, чувствовала себя удивительно спокойно. Во дворе, в трапезной, в церкви, глядяваясь в лица девушек, все время пыталась понять: чем же привлекают они? Почему хотелось разговаривать с ними, слушать их мягкую, с непривычными словами и оборотами речь? Невольно вспомнились слова случайного попутчика, когда возвращалась в Москву из Коломны.

— Видели бы вы, — говорил он, — каким был монастырь, когда эти девушки впервые сюда приехали. Лопухи выше человеческого роста, всюду развалины и запустение. Около двух лет с тех пор прошло, а сколько уже сделано! Да им, девчонкам этим, в пояс поклониться надо. Они этот подвиг за всех нас несут, наши грехи искупают. Разрушать храмы проще было. Попробуй теперь возродить их...

Когда-то счет монастырям на Руси шел на тысячи. Монахи свободно общались с мирянами, и не было по отношению к ним того непонимания, а порой и подозрительности, которые возникли в результате разведения церкви и общества по разные стороны идеологических баррикад. Как оказалось, победителей в этом противостоянии нет. Для

государства и общества оно обернулось потерей духовных и культурных ценностей. Да и церковь сильно пострадала.

— Сейчас, в трудные для нашей страны дни, кое-кто в смятении и тревоге обращается к церкви — в надежде найти в ней то, чего всем так недостает: покаяния, нравственной чистоты, духовности. Кто-то просто приходит в храм, чтобы побыть там, удаляясь хотя бы на время от повседневных тягостных забот. Другие обращают свою молитву к Богу, прося помощи в самом необходимом. Наташа и многие девушки, которых я встретила в монастыре, пришли сюда не в поиске благ земных. Достаток в их доме был. Не было другого — того духовного родства с окружающими, которое дает возможность приподняться над тяготами бытия и думать не только об удовлетворении своих плотских потребностей, но и о ближних своих. Путь они избрали нелегкий. Не каждый человек способен его осилить. Но найдут ли они то, чего ищут? Смогут ли они, пройдя сквозь монастырскую обитель, понять, что это всего-навсего этап для другой жизни. Обретут ли в себе силы для нее? И поможем ли мы им? И если поможем, то чем?

С. ЕРИСОВА.

ВИ

СООБЩЕНИЕ ЧЕРНОВИЦКОГО ОБЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВД:
 АРЕСТОВАН УБИЙЦА СВЯЩЕННИКА ИВАНА КУЗЯ

ПРАВДА УКРАИНЫ 18 ноября 1990 г. Стр. 3

ИСТИНУ УСТАНОВИТ СЛЕДСТВИЕ

Задержан убийца, совершивший покушение на 32-летнего священника Русской православной церкви из села Репужицы Заставновского района Черновицкой области Ивана Кузя.

Изуродованный труп жертвы был найден 6 ноября в роще вблизи небольшого городка Кицмань. Причиной смерти стали три пули, выпущенные в него из пистолета с близкого расстояния. Обнаруженные рядом с погибшим обгоревший остов личного автомобиля, на котором священник добирался на вечернее богослужение, а также его личные вещи и значительная сумма денег дали основание считать, что злостное преступление совершено не с целью грабежа, а по политическим и религиозным мотивам.

Сотрудники милиции при активной помощи и содействии местного населения включились в поиск убийцы.

— Подозреваемый в преступлении задержан и сознался в содеянном, — сказал начальник отдела уголовного розыска областного управления внутренних дел Г. Г. Москаль. — Обвиняемый взят под стражу. Мотивы, причины и обстоятельства преступления установит следствие.

В. ПЕЛЕХ.

с п

Зоя Крахмальникова: Сергианство подорвало силы не только русской православной церкви на родине, но ослабило церковь и за рубежом

Зоя
КРАХМАЛЬНИКОВА

Александр
НЕЖНЫЙ

ПОСЛЕ СОБОРА ЕРЕСИ, РАСКОЛЫ, НАДЕЖДЫ

Мы живем на погосте, мы ходим
по земле, которая сама стала
мощами святых...

Фото Виктора АХЛОМОВА.

14
МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ
№ 44, 4 ноября 1990 г.

РЕЛИГИЯ

Александр Нежный: Зоя Александровна, задолго до нашего с вами знакомства я узнал о вас, читая вашу «Надежду». Я уверен, что значение этого сборника христианского чтения еще не оценено должным образом, как и удивительная точность и гармоничность в подборе материалов сборника, в их составлении. В двенадцатом выпуске сказано, что вы осуждены и находитесь в ссылке на Алтае. Вас арестовали и судили за «Надежду»?

Зоя Крахмальникова: Да, поводом для моего ареста стала «Надежда» — книги христианского чтения, которые я составляла и которые издавались в ФРГ для России по благословению архиепископа Женевского и Западноевропейского. **Антония.**

А. Н.: Я только сейчас как бы впервые услышал: арестовать за надежду. Надежда — государственное преступление...

З. К.: Меня увезли в Лефортовскую тюрьму КГБ в августе 1982 года. Мне предложили выбор: или я заявляю, что в СССР никогда не было мучеников за веру и что, печатая в «Надежде» материалы, свидетельствующие об их крестном подвиге, я клеветала на советский строй, и тогда выхожу на свободу — или...

А. Н.: ...или случится то, что случилось.

З. К.: Я была приговорена по 70-й статье к шести годам лишения свободы. Пять из них — год тюрем и четыре года ссылки — я отбыла. Вернулась, когда начали освобождать политзэков. Тюрьма — школа, тюрьма — монастырь. Там — земля святая, политая кровью мучеников. Христианство открылось мне в тюрьме как огонь, как крест, как надежда на воскресение. На следствии, в камерах, а затем в изгнании и была выстрадана тема «Горькую плоды сладкого влеча». Так я наз-

/еще/

--MM--

blue-red

Зоя
КРАХМАЛЬНИКОВА

вала свою работу о духовном поражении руководителей Русской православной церкви. Они предпочли добровольный плен у атеистических властей гонениям за благочестие подлинного христианства. Этот добровольный плен «ради пользы церкви» бросил нас в глубочайшую бездну безнравственности и распада. Мы оказались извергнутыми из христианской цивилизации.

А. Н.: Вы имеете в виду Декларацию митрополита Сергия (Страгородского) 1927 года?

З. К.: Декларация митрополита Сергия — первого сталинского патриарха всей Руси, провозгласившая согласие церкви с богоборческой властью, положила начало сергианству как образу действий, как явлению, открывшему новую эпоху в современной нам русской церковной истории — эпоху отступлений. Они стали причиной разделения и разрывов частей единой православной церкви на родине и за рубежом. А «легализация»

церкви, которой добивался митрополит Сергий, на деле привела к миллионным жертвам.

А. Н.: Все это, по-моему, не вполне так. Коммунистическая власть приняла разрушать церковь и гнать верующих едва ли не с первых дней своего существования, за десять лет до Декларации митрополита Сергия. Достаточно вспомнить в связи с этим ставшее теперь известным ленинское письмо по поводу событий в Шуге, где верующие попытались защитить храмы от грабежа, каким по сути явилось «изъятие церковных ценностей». «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» — в этих ленинских строчках и заключен, по моему убеждению, исчерпывающий ответ тем, кто искренне или по расчету пытается ограднить основоположника от идеального родства с его верным учеником.

З. К.: Да, несомненно, сталинизм — это явление не только политическое, но и духовное, религиозное. Это неоязыческая религия «грубого толка», где отказ от поклонения вождю и партии равнозначен смерти. А сергианство — это детище сталинизма, это «христианский большевизм», иными словами — соединение несоединимого и, стало быть, ересь.

А. Н.: На мой взгляд, все это и глубже, и трагичнее. Началось до Сталина, но и до Ленина. Они лишь довели до поистине inferнальных глубин задолго до них возникшую в церковном теле трещину — и столкнули Россию в образовавшуюся пропасть. Благодарность митрополита Сергия советскому правительству в 1921 году за «внимание к ду-

ховным нуждам православного населения» прозвучала по меньшей мере двусмысленно. Благодарить — за что?! Казни священнослужителей не прекращались, и под топор власти несколько лет спустя попали трое из девяти подписавших Декларацию архiereев. Но вместе с тем

было бы крайней исторической несправедливостью ставить в вину исключительно митрополиту Сергию его попытки установить согласие с властью. В истории православия от Константина Великого до святейшего патриарха Тихона (Белавина) мы не найдем периода, когда бы церковь не испытывала давления со стороны государства и не была вынуждена идти на те или иные компромиссы.

З. К.: Ссылки на то, что было, не могут и не должны облегчать бремя нашей ответственности перед

Богом и церковью. Сама идея заплачивать за легализацию церкви поклонением сталинизму есть идея антихристианская. Она подорвала силы не только Русской православной церкви на родине — она ослабила ее и за рубежом. Расколы, ереси, ревизия Евангелия, шовинизм и антисемитизм — все эти духовные болезни отравляют ныне церковное сознание. Солженицын в своих «Посильных соображениях» высказал нашу общую надежду на то, что «церковь поможет нам в общественном оздоровлении». Но церковь помогает обществу своим бескомпромиссным стоянием в вере. Поймите, мы живем на погосте, мы ходим по земле, которая сама стала мощами святых новомучеников и исповедников. Истинная церковь не может быть «министерством нравственности», куда будут «спускать» план и директивы, дабы получить «нравственный продукт». Надежда Александра Солженицына оправдается, когда церковь покажет, как совершается подвиг покаяния.

А. Н.: По моим наблюдениям, нынешнему священноначалию как-то не очень думается о покаянии. Осанна великому палачу? Любовный союз с властью при разорении грекокатолической церкви? «Мы в этом участия не принимали» — таков ныне один из самых популярных ответов. Как будто церковным, православным людям надо объяснять, что не измозженный, всераскаянный грех лишает церковь духовного здоровья!

З. К.: Мы измозгаем сегодня от расколов и разрывов только потому, что церковь молчит и не обличает зла, сказавшего всю нашу жизнь. Между тем в двадцативесковой истории церкви бесчисленны примеры духовного почитательства, бесчисленны примеры вмешательства церкви в общественные катаклизмы, разрешае-

мые примирением враждующих. Никто, кроме церкви, не может занять ее место в жизни личности и народа. Увы, Московская патриархия, видимо, некогда занимаясь проповедью национального примирения, некогда защищая православие от идеологов погромов и фашиствующих молодцов, объявляющих себя православными. Московская патриархия занята новым для нее делом — т р и у м ф а л и з м о м, и ей в этом охотно способствуют средства массовой информации. На телевизионных экранах вслед за секс-бомбами возникают сверкающие драгоценными камнями папаги, митры, наперсные кресты. Экзотика? И, конечно же, профанация православия, которому духовно чужд триумфализм.

А. Н.: Я с горечью отмечаю, что православие все чаще становится ныне удобной формой, в которую можно спрятать даже свою национал-большевистскую сущность. Сейчас куда ни глянь — всюду один православные! Член-корреспондент АН СССР И. Шафаревич — православный, что вовсе не мешает ему изливать яд антисемитизма; председатель Российского национал-патриотического фронта А. Кулаков заявляет о создании «Российского православного движения» с программой, под которой запросто поставил бы свою подпись автор «Майн кампф»; в Лужниках выступает «православный целитель» А. Кондратьев; в Одессе вместе с «белой ведьмой» С. Руденской на эстраду выходит архимандрит Тихон (Бондаренко), инспектор Одесской семинарии, — все это до того пошло, что даже ересь не назовешь.

З. К.: Это духовная порча, болезнь. Церковному руководству надо бы дать этому оценку. Вместо этого патриарх Алексей II говорит в «Правде» о «святой коммунистической идеологии с нравственными принципами христианства и выражает озабоченность по поводу «политических разногласий внутри самой коммунистической партии».

А. Н.: Интервью неудачное, согласен.

З. К.: Не просто неудачное — оно вполне в духе сергианства, в духе «христианского большевизма».

А. Н.: Мне кажется, что святейший патриарх, взойдя на престол и оказавшись перед сложнейшими проблемами, вероятно, надеялся какую-то их часть решить с помощью государства и пока еще правящей партии. Ему сейчас, на мой взгляд, просто необходимо провести четкую грань, обозначить водораздел между недавним прошлым и сегодняшним днем. Надо со всей ясностью выразить свое отношение к Декларации митрополита Сергия и ко всему кругу вопросов, связанных с жизнью церкви в атеистическом государстве. Придется, быть может, созвать международную богословско-историческую конференцию, с тем чтобы она произнесла свое слово о деятельности митрополита (а затем и патриарха) Сергия. Тогда исчезнет повод для значительной части обвинений

ЗОЯ КРАХМАЛЬНИКОВА / 3 /

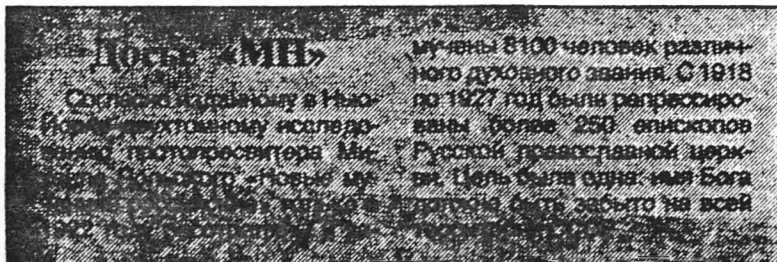
в адрес Московской патриархии, не оставается предлога для тех, кто сегодня порывает канонические связи с РПЦ.

З. К.: Позволю себе не согласиться с вами. Никакие международные конференции, так же как «обозначение водораздела» между прошлым и настоящим, не могут исцелить от расколов. До тех пор пока кафедры будут занимать деятели уходящей эпохи, пока церковный народ не будет избирать себе пастырей без участия КПСС и КГБ, из РПЦ будут уходить священники и прихожане — в не только под омофор Зарубежной церкви. Раскол существует свыше 60 лет, но порожден он не догматическими, а политическими разногласиями. Духовно и догматически Русская православная церковь является единым организмом, и я верю в то, что наступит время, когда она вновь обретет единство. Можно перейти из одной партии в другую, но церковь не партия. Думаю, что следует оставаться рядом с теми, кто страдает вместе с тобой, и общими усилиями искать исцеления. Я так решила для себя.

А. Н.: Согласен. Добавлю лишь, что некоторые наши епископы, к примеру Владимирский и Суздальский Валентин (Мищук), своими действиями как бы толкают священников и прихожан к расколу. Но бывает и так, что переход в другую церковь — это всего лишь желание погромче хлопнуть дверью.

З. К.: И все-таки христианство есть установление не человеческое, а божественное. И потому церковь, пережив великое множество измен, ересей и расколов, неизменно их преодолевала. На этом зиждется наша надежда.

Фото АП—ТАСС.

--MM--

blue-red

CODE: СССР-РЕЛИГИЯ

ИТЕМ: В ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЕ: И СТЫДНО СТАНОВИТСЯ МНЕ...

Собесѣдник № 7 ФЕВРАЛЬ 1990

*В половине
пятого утра
маленький
городок Почаев
еще дремлет
в белых, совсем
не городских
хатах,
среди щедро
разросшихся
садов,
потонувших
в предутренней
тумане. Кажется,
весь мир застал
дыхание
и ждет чего-то
значительного
и таинственного.*

И по-другому ВИДИТСЯ ЖИЗНЬ

О земном и небесном

По длинному коридору братского корпуса Почаевской лавры мимо дверей многочисленных келий неспешно движется дежурный и звоном небольшого колокольчика будит монахов на молитву.

В пять часов в Успенском соборе начинается полунощница, в шесть в пещерном храме читают часы и служат раннюю литургию...

И вот уже солнце, ослепительно прорисовывая на крестах и куполах лаврских соборов, высвечивает весь монастырь, вознесенный на Почаевскую гору. Кажется, что парит над городком, над погруженным в синее ожидание миром огромным, фантастический ковчег. И просыпается городок, наполняя свои улицы людьми, машинами и таким привычным цивилизованным шумом. Говорят, название его произошло от слов «поча Дева творить чудеса».

В 992 году киевский князь Владимир, тот самый, который крестил Русь, основал в этих местах епископальную кафедру и построил в городе Владимире-Волынском храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, сделав Волынь центром церковной и политической жизни западнорусской окраины. С тех незапамятных времен и облюбовали монахи покрытую густым лесом и богатую пещерами Почаевскую гору. А когда на Русь напали полчища татаро-монголов, сюда перебрались монахи Киево-Печерской

лавры, образовав братство. Говорят, что годы те были отмечены небывалым чудом — явлением на горе Богоматери. Коснулась она камня и оставила на нем, как на мягком воске, отпечаток своей ноги — отсюда и заструился источник целебной воды. Это единственное место, где, считается, материализовался след святой.

Я поднимаюсь на гору по не очень крутой дороге, мощенной старым, стертым булыжником. Прохожу арку Святых ворот и попадаю в мир, лишенный суеты и шума, словно само время здесь почтительно затихло, прикоснувшись к древним святыням. Словно задумалось время. Строго смотрит со стен мозаичный Христос... Монахи вводят меня в величественный бирюзово-золотой полумрак Успенского собора, о котором Николай I, сумевший даже в камне уловить скрытый дух непокорности, сказал, что это «произведение дерзкой архитектуры». Начинается поздняя литургия. Под сводами собора звучит пение на забытом мною языке. Я понимаю, что это наш язык, что монахи и паломники, смиренно стоящие вокруг, связаны со мной не только единым временем.

Здесь мои корни, которые они так тщательно берегли для меня, терпеливо ожидая часа, когда я приду. И отдавали служению этому жизни.

Стыдно становится мне за то, что жил я сытно и уютно, словно и не было в мире горя и слез, что заменил абстрактным «гуманизмом» каждодневную любовь к ближнему. Совсем по-другому видится жизнь моя отсюда, с Почаевской горы, и все мелочное отпадает, как ненужная шелуха. Остается только истинное — огромная любовь. Здесь понимаешь, как устала душа от злобы и печали безысходной, чувствуешь, как много потеряли мы, от сколь великого отреклись на своем кровавом пути к «светлому будущему».

Виктор Греков.

Фото автора.

Весь гонорар автор перечисляет на восстановление ансамбля Соловецкого монастыря.

CODE: СССР

ИТЕМ: "СЕГОДНЯ В ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЯХ И МОНАСТЫРЯХ СТРАНЫ СОВЕРШАЕТСЯ СТРАШНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ 20-го ВЕКА: ЗАМЕНА ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ НА ЭКУМЕНИЧЕСКУЮ" - МОЛЬБА О ПОМОЩИ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАХОВ

"СИБИРСКИЕ ОГНИ" , №1 1990

Авторам этого письма — инок Псково-Печорского монастыря А. Нестеровичу и клирику Г. Федотову — мы могли бы ответить: «Церковь отделена от государства, это внутрицерковные проблемы, решайте их сами». Но ведь, по подсчетам, в нашей стране около 60 миллионов верующих. Таким образом, это проблемы миллионов наших соотечественников. Правильно ли, что они остаются вне сферы гласности, тем более что проблемы Русской Православной Церкви волнуют широкую общественность нашей страны? Справедливо пишет публицист Михаил Антонов: «Церковь только начинает оживать после десятилетий угнетенного существования, она так нуждается в перестройке, которая там, по сути, еще не началась. Среди иерархов Церкви немало умных, расчетливых и дальновидных политиков, но общая обстановка застоя в стране, увы, серьезно отразилась и на них» («Наш современник», 1989, № 8). Учитывая это, журнал намерен опубликовать материалы, посвященные проблемам Церкви, русской религиозной мысли прошлого и настоящего.

Дорогие коллеги журналисты!

Письмо вам пишут два религиозных писателя из города Печоры Псковской области. Городок наш районный, небольшой и известен он очень многим только потому, что здесь находится древний и сегодня действующий православный монастырь. Многометровые каменные стены и золотые купола церквей, большие по протяженности, Богом данные пещеры, уникальные здания и храмы — все это привлекает людей. Десятки «Икарусов» ежедневно подвозят сюда сотни туристов. Дата основания монастыря — 1473 год, и долгое время он был крепостью, защищая западные границы Руси от нашествия врагов, выдержал много осад и ни разу не дал врагам зайти внутрь. Так было до тех пор, пока Петр I не «прорубил окно в Европу», построив город на Неве, тогда наш монастырь уже потерял свое оборонное значение. Но сегодняшнее наше письмо к вам — не о врагах внешних, а о врагах внутренних. Более 500 лет монастырь был православным, а за последние годы превратился в еретический. В этот момент вы можете сказать нам, что, в общем-то, мы не по адресу обратились: журнал «Сибирские огни» не печатает материалов на религиозную тему, разве что в критическом плане. Но есть две причины, побудившие нас все-таки написать.

Первая — перестройка, демократизация и гласность. М. С. Горбачев, принимая в Кремле патриарха Московского и всея Руси Пимена и членов Синода Русской Православной Церкви накануне празднования 1000-летия Крещения Руси, сказал: «Мы ясно видим всю глубину наших мировоззренческих различий, но вместе с тем реалистически учитываем существующую ситуацию. Верующие советские люди — трудящиеся, патриоты, и они имеют полное право достойно выражать свои убеждения. Перестройка, демократизация, гласность касаются и их, причем сполна, без всяких ограничений».

И вторая причина, побудившая нас взяться за перо, заключается в словах — «вопл о помощи». Мы просим вашей помощи, а она — в гласности: нужно остановить совершающееся преступление 20 века: замену православной веры в наших монастырях и церквях на так называемую «экуменическую веру», ведь идет уничтожение нашей православной веры, веры наших дедов и прадедов!

Начавшаяся перестройка «растопила лед» отношений между Церковью и Государством, но уж очень силен «разгон» сталинских и хрущевских гонений на Церковь,

CODE: СССР

ITEM: "СЕГОДНЯ В ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЯХ И МОНАСТЫРЯХ СТРАНЫ СОВЕРШАЕТСЯ СТРАШНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ 20-го ВЕКА: ЗАМЕНА ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ НА ЭКУМЕНИЧЕСКУЮ" - МОЛЬБА О ПОМОЩИ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАХОВ

сильна инерция и брежневского «периода застоя». И дело в том, что ранее «запущенные в дело» мероприятия по уничтожению Православия в нашей стране — и сегодня продолжают свою разрушительную работу: еще во времена хрущевских гонений на Церковь некоторые высокопоставленные политики СССР, сообразуясь с требованиями неразумного партийного лидера об уничтожении веры в нашей стране, заключили сделку с американскими и израильскими хасидо-иудеями и пообещали соединить православных СССР с иудеями, католиками, протестантами, баптистами и др. Так, за получение политических и экономических выгод был открыт доступ в нашу страну и в наши церкви и монастыри для западных еретиков, которые ратуют за дружбу и братание всех вер и религий, преследуя цель объединить все веры и религии в одну. Хрущев обещал к 1980 году покончить с верующими в нашей стране навсегда: чем все это кончилось, вы знаете — его самого задолго до этого срока похоронили, причем не как руководителя страны, а на рядовом мирском кладбище. Но вот колеса сделки, заключенной с западными еретиками, начали вращаться: в Ленинградской, Московской, Одесской духовных семинариях начали искать таких священников, которые согласились на это соединение вер, после чего их стали назначать на епископские кафедры и в монастыри начальниками, а также в кафедральные соборы советских городов. Эти епископы и наместники монастырей стали гнать православных, несогласных на объединение вер, а вместо них набирать своих людей, причем все это делается и делается сейчас при поддержке местных партийно-советских органов. Жалобы православных в прокуратуры не имеют никакого успеха, в борьбу с православными включились органы КГБ, МВД, которые стали обвинять нас ни много ни мало, а в клевете и в «подрыве строя». Куда мы только ни обращались — и в Совет по делам религии, и в Институт государства и права, и в другие органы, и везде одни отписки: «Государство в дела Церкви не вмешивается».

Сейчас мы пишем обо всем этом потому, что давно сменились те высокопоставленные политики СССР, которые во времена гонений на Церковь «поторговали» нашей Православной верой, — сегодня в стране осуждается все, что делалось ранее противозаконно и несправедливо, но перестройка, демократизация и гласность медленно захватывают отношения Церкви и Государства, а рычаги ранее заключенной сделки продолжают сегодня «подминать под себя» все новые и новые жертвы.

И сегодня в наших церквях, монастырях и епархиях продолжают командовать экуменисты. Так, в нашем Псково-Печорском монастыре находятся только те монахи, которые согласились на новую веру (в Большой Советской Энциклопедии ее называют «Экуменической»), а за воротами монастыря находится около ста монахов, не согласившихся на новую веру и выгнанных за это из монастыря (и мы в их числе), нас называют «антисоветчиками» и «клеветниками». Точно такая же картина и в Загорске, в Троице-Сергиевой лавре под Москвой, и в Почаевской лавре на Тернопольщине, и в других местах. Нам очень тяжело, мы все больны, нет денег, а главное — продолжается уничтожение православной веры. Помогите же нам, ибо враг, действующий внутри наших церквей и монастырей, — наш общий враг, ведь среди миллионов верующих в нашей стране немало и ваших матерей, отцов и других родственников, ведь миллионы верующих страны — это граждане СССР, труженики колхозов, совхозов, промышленных предприятий, строки, пенсионеры, уже отдавшие свой труд Родине, а экуменисты — это пришельцы из других стран или отщепенцы из нашей среды, которые продались западным еретикам и за сытую жизнь готовы продать не только веру, но и Родину, потому что клятвопреступники из Московской Патриархии являются людьми без всякой совести.

Сегодня в православных церквях и монастырях нашей страны совершается страшное преступление 20 века: замена православной веры на экуменическую, идет уничтожение веры наших славных предков! Откликнитесь на эту нашу беду и впечатайте наше письмо или пошлите его на реагирование, куда сами посчитаете нужным!

С уважением к вам

инок Псково-Печорского монастыря — Александр НЕСТЕРОВИЧ,
клирик Псково-Печорского монастыря — Георгий ФЕДОТОВ
Псковская обл., г. Печоры,

CODE: СССР

ITEM:

НЕ ЗАГОРСК, А СЕРГИЕВ ПОСАД

"НЕДЕЛЯ" №7/90, с.2-3

В 1930 году известный на весь мир российский город Сергиев Посад был переименован в Загорск в честь Загорского

Владимира Михайловича (псевдоним; настоящая фамилия Лубоцкий). Не обсуждая, достоин или нет Загорский того, чтобы в его честь был переименован город, со всей ответственностью можно сказать, что переименование Сергиева Посада, города, названного в честь самого почитаемого русского святого, преподобного Сергия, в город Загорск было актом кощунственным.

...Преподобный Сергий родился в обедневшей боярской семье в селе Варницы близ Ростова Великого около 1314 (по другим источникам — в 1321 году). В 14 лет переехал с семьей в Радонеж, в 20 лет поселился на холме Маковец, где основал монастырь во имя живоначалной Троицы (нынешняя

Троице-Сергиева лавра). До самой кончины 25 сентября 1391 года жил в родном монастыре, покидая его только для того, чтобы примирить враждовавших князей. Уже первые жизнеописатели подчеркивали, что преподобный Сергий старался не покидать Россию даже ради традиционных паломничеств на Афон или в Иерусалим. Восстановление любви на Руси по образу Божественной любви и единства Пресвятой Троицы — вот в чем было общественное служение преподобного Сергия. Имя печальника Земли Русской стало символом духовного единства и возрождения Руси. Победа в 1380 году на Куликовом поле — плод

не только воинского искусства и мужества, но и смиренной любви, молитв и благословения преподобного Сергия. Он не только самый почитаемый русский святой, но он воплотил идеал, тип русской святости: суровые личные подвиги, растворенные милосердием к ближним, и действительное служение обществу молитвой, призывом к покаянию, умиротворению, нравственному преображению. Русские люди вот уже 600 лет прибегают к святым мощам преподобного Сергия, чтобы получить благодатную помощь, —

и получают ее.

...Революционер В. М. Лубоцкий родился в 1883 году в Нижнем Новгороде. В 1918 году был избран первым секретарем Московского комитета партии. 25 сентября 1919 года он погиб от взрыва бомбы, брошенной в здание Московского комитета партии. Похоронен у Кремлевской стены. Не умаляя его заслуг, надо сказать: В. М. Загорский к городу Сергиеву Посаду никакого отношения не имел и ни разу его в своей жизни даже не посетил.

...Ныне люди почувствовали, что не только прошли мрачные, позорные для Родины времена, но, наконец, пришло время покаяния и исправления ошибок. Поднялось народное движение за возвращение исконных имен городам, за реабилитацию тех подвижников, имена которых пытались стереть с лица нашей земли. Это касается не только России, но и всех народов нашей страны. Если мы не вернем имена древним городам, то процесс реабилитации будет опять неполным.

Игумен АНДРОНИК
(А. С. ТРУБАЧЕВ).

Московская обл.

ВИ

CODE: РЕЛИГИЯ
ДОБРЫЕ ПАСТЫРИ ВЫЙДУТ ИЗ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

ITEM: "Литературная газета" №6/90 стр.11

ЛАВРА

Без малого 30 лет назад, 5 марта 1960 года, на четвертой странице нашей газеты была опубликована фотография, сделанные в двух киевских монастырях незадолго до их закрытия — Введенском женском и Киево-Печерской лавре — мужском. Фотограф «скрытой камерой» зафиксировал бытие и быт монахинь и монахов. А один известный писатель, сочинивший сопроводительный текст, как было принято в те годы, осудил их за алчность, жадность к деньгам, лицемерие, аморальность и даже тунеядство, которые они умело скрывали под религиозной личиной.

Как и известный писатель, мы тогда точно знали, что атеизм — наука побеждать, а религия, являющаяся опиумом для народа, со временем отомрет. Но теоретики научного атеизма ошиблись в своих прогнозах.

Полтора года назад был вновь открыт на территории Лавры Свято-Успенский Киево-Печерский мужской монастырь (может, в скором времени дойдет очередь и до Введенского женского). Монахам отделили Дальние пещеры, а недавно возвратили им и Ближние, где покоятся многие преподобные отцы Лавры — основатель монастыря св. Антоний, древнерусские художники св. Алимпий и св. Григорий, врачеватели св. Агапит и св. Дамиан, св. Нестор-летописец и др. Несколько десятков братьев и послушников живут дружно и работают тяжело, по сути дела, заново отстраивая свой монастырь.

А прошлой осенью на территории монастыря открылась Киевская духовная семинария. Второй класс был переведен сюда из Одесской семинарии, а вступительные экзамены в первый класс

абитуриенты сдавали на месте. Из 140 кандидатов в священнослужители было принято 40. Большинство — не мальчишки, отслужили армию, многие женаты. Как говорится, кое-что в жизни повидали, выбор свой сделали сознательно.

Наверно, добрые пастыри выйдут из стен Киевской духовной семинарии. Хочется верить, что не за горами то время, когда вся территория Лавры будет возвращена православной церкви и колокольный звон главной лаврской колокольни возвестит о том, что эпоха борьбы с опкумом для народа окончательно завершилась и началась эпоха мирного сосуществования не-

только с зарубежными странами, но и с собственным народом, который, как мы знаем, вправе исповедовать любую религию или вовсе не исповедовать никакой.

Сергей КИСЕЛЕВ, Владимир БОГДАНОВ (фото),
КНЕВ — специальные корреспонденты «ЛГ»

JAN 14, 1991* 38 39

"ВЕК XX И МИР" №1/1991

Среди язычников

**ФИЛОСОФ ЮРИЙ СЕНОКОСОВ ОБ УБИЙСТВЕ
О. АЛЕКСАНДРА (МЕНЯ)**

— Юрий Петрович, четверть века Вы были близким другом отца Александра Меня, фигура которого сейчас, после его убийства, становится символом всего самого светлого, что есть в современном православии. Об этом написано уже немало. Но что это был за человек в жизни и дружбе? Как вы познакомились? Что связывало вас все это время?

Я действительно был знаком с о. Александром 25 лет. Это был несомненно незаурядный и цельный человек, и очарование его личности останется со всеми, кто хоть немного знал его. Помню, уже во время первой встречи с ним (а мы виделись и общались обычно у него дома) он поразил меня именно разносторонностью и талантом своей личности. Я никогда не замечал в нем фальши. Его открытость, доброта, тактичность, артистизм, мне кажется, были, конечно, связаны с его даром священнослужителя. Но ведь этот дар нужно было реализовать! Причем не где-нибудь, а в давящей атмосфере времени, в стране «развитого социализма».

Последнее, однако,— внешняя сторона, на которую он сам, хотя его долгие годы преследовали и постоянно угрожали — вплоть до последнего трагического дня,— очень редко

обращал внимание. Свое призвание он видел в возвращении общества к Богу, к христианским, человеческим ценностям. Ибо считал, что если люди уходят от Бога, то неизбежно приходят к идолам.

Повторяю, он был удивительной личностью. Другого слова я не нахожу.

— А как вы познакомились, случайно?

— Случайностей в сфере духовной жизни, я думаю, не бывает. Нас познакомил Женя Барабанов, один из авторов будущего сборника «Из-под глыб». Помню также, что при этом присутствовал Володя Кермер — ныне тоже покойный. (Кстати, недавно в журнале «Октябрь» был напечатан его роман «Наследство», одна из сюжетных линий которого — «Катакомбная церковь» — прямо связана с историей семьи о. Александра.)

Всех нас интересовала тогда русская религиозная философия, мы встречались, обменивались мыслями и в какой-то момент по старой русской традиции (кажется, по инициативе Миши Мейерсона, в то время только что окончившего исторической факультет университета) решили перепечатывать на машинке и распространять среди друзей книги Н. Бердяева, С. Франка, С. Булгакова, Г. Федотова. Несколько позже была переведена с английского и таким же образом напечатана работа Николая

Сенокосов Юрий Петрович, 1934 г. рождения, выпускник истфака МГУ, специалист по истории русской философии, сотрудник редакции журнала «Вопросы философии».

114

121

ИСТОРИЯ ЭТИХ ДНЕЙ

Зернова «Русское религиозное возрождение XX века» (В 1974 г. она вышла в Париже в издательстве ИМКА-Пресс.— Ред.)

Отец Александр, блестяще знавший русскую философскую традицию и особенно ценивший Бердяева и Владимира Соловьева за его, как он выражался, «вселенский горизонт», естественно, одобрил это начинание, поощряя в то же время и наши собственные занятия в этой области.

Отличала его личность и еще одна, крайне необычная у нас черта — открытость мировоззрения. Именно она и раздражала больше всего, на мой взгляд, представителей официальной Церкви, видевших в нем «отступника-экумениста». Его обвиняли в том, что он встречался с баптистами и молился с ними, симпатизировал католикам, а после того, как некоторые члены его паствы, разочаровавшись в православии, стали баптистами, упрекали, как он мог это допустить. Естественно, от этого он страдал и сам. Но понимал, что эти люди не ушли от Христа, и не осуждал их.

С другой стороны, ему постоянно напоминали о себе (он был еврей) «Русские патриоты», от которых он получал угрожающие письма.

Что касается его отношения к католикам и протестантам, то оно определялось, конечно, не желанием слияния Церквей — он понимал, что это невозможно. Однако, считал, что экуменическое движение тем не менее должно развиваться. Иначе у верующих будет неизбежно возникать чувство исключительности своей Церкви и сознание, что лишь Она самая истинная, самая великая. А он как бы видел относительность такого понимания.

Но не в смысле релятивизма, а в смысле уважения прежде всего к своей же Церкви. Такое понимание религии и определяло динамический

характер его мировоззрения. У него был другой, отличный от господствующего горизонт видения. Он воспринимал духовную традицию и нес ее в себе, как живую — от древней библейской веры через Новый завет, отцов церкви и до нынешней религиозной практики.

В этом смысле он не был просто «реставратором». Прошлое никогда не интересовало его само по себе. Он искал в нем как бы подтверждение собственному пути, верил в живое, одухотворяющее начало истории. Все его книги, за исключением многотомного Био-библиологического словаря, над которым он работал в последние годы, были объединены в серию, которую он так и назвал: «В поисках Пути, Истины и Жизни». Последнюю книгу из этой серии «Вестники Царства Божия» — о библейских пророках — я считаю самой вдохновенной его книгой.

— И вот этого человека не стало. И пока фактически ничего не известно о причинах его гибели, о мотивах преступления. Широкой публике приходится лишь гадать, кто и за что его убил...

— О. Александр, конечно, жертва, но не в том смысле, как обычно думают об этом русский человек, склонный верить, что все вокруг — жертвы несправедливости и обмана. И чем большее зло в обман его окружают, тем он легче в это верит, тем охотнее говорит о себе и других, как о жертве обязательно неких тайных враждебных сил, злого умысла, предательства и т.д. Нет, убитый — скорее жертва, принесенная слепшами как бы во имя искупления собственных же грехов. Это языческое убийство, совершенное теми, кто продолжает думать, что такого рода вещи могут действительно повлиять на какой-то выход из того кризиса, в котором мы находимся. Ведь те, кто стоит за этим убийством, отнюдь не сумасшедшие, ими что-то двигало, какая-то своя ве-

921

blue-100

131

ра, сформировавшаяся в нашей же, отечественной культуре. Это феномен «православного язычества», как бы парадоксально это не звучало.

Очевидно массовое религиозное сознание живет по каким-то своим законам (пока не понятым нами), и в его недрах могут совершаться чудовишные трансформации самых светлых начал — в преступление.

В истории русской культуры произошло по меньшей мере два трагических события, предопределивших во многом сегодняшнее состояние нашего общества. В XVI веке произошла расправа с «русской святостью», после чего перестала существовать свободная церковь. А в XIX веке — в результате убийства Александра II — наступила трагедия русской государственности. О характере первой трагедии рассказывает, в частности, Георгий Федотов в своей книге «Святые древней Руси».

— Если я не ошибаюсь, эта книга была недавно переиздана в издательстве «Московский рабочий» с предисловием как раз Александра Меня?

— Совершенно верно. Федотов пишет, что победа вступивших в союз с властью иосифлян в борьбе с «внестяжателями» означала надлом духовной жизни народа. С этого времени, то есть примерно с середины XVI века, не только в религиозной, но и в общественной жизни страны и устанавливается тот тип, выражаясь церковным языком, «уставного благочестия и обрядового исповедничества», который вовсе не помешал уже Ивану Грозному прибегнуть в своей политике к самой дикой жестокости. Не случайно, замечает Федотов, опричнина была задумана Грозным как монашеский орден. Это было первое «великое духовное кровопускание».

Русское государство, поработив Церковь и вместе с ней начала свободной духовной жизни народа, было, в сущности, уже поэтому обрече-

но на своего рода будущее самоубийство. Когда в 1881 году был убит Александр II, то это был убит царь, который как раз и стремился своими реформами проложить путь в том числе и к духовному оздоровлению общества. Но копившееся веками зло, не сдерживаемое духовной, свободной работой, не могло, видимо, не прорваться в какой-то момент в виде «языческого наказания». Ведь царь-реформатор был убит в сущности собственным народом. Убийство же в 18-м году Николая II лишь закрепило эту форму безумия в нашей истории. Подобное разрушение духа и власти в стране могло быть компенсировано лишь еще более чудовишным насилием. И я думаю, что мы переживаем сейчас, после «второй отмены» крепостного права, если угодно, завершающую фазу этой многовековой трагедии. В какой-то мере отношение публики к Горбачеву сравнимо с отношением к Александру II.

— То есть, вы считаете, что убийство о. Александра было тем самым неизбежно?

— Хотя это звучит дико, в каком-то смысле — да. Сама возможность подобного убийства — естественна для этого общества.

— Но ведь убивали не только в России. Вспомните эпоху Религиозных войн, например, во Франции. А что касается Александра II, то его убийство отнюдь не было связано не столько с проводимыми им реформами, сколько с попытками устранить их естественные следствия.

— Несомненно. Но тотальность идеологизации конфликтов в России была и, кажется, остается беспрецедентной для христианского мира.

Вспомним хотя бы о смертельной схватке, которая началась в России практически сразу после отмены крепостного права (1861 год) между «монархистами» и «анархистами» или «нигилистами». То есть сторонника-

3921

(9)

ИСТОРИЯ ЭТИХ ДНЕЙ

ми самодержавной системы власти и ее радикальными противниками, заявившими о необходимости полного искоренения «всякой государственности со всеми ее церковными, политическими, военно- и граждански-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учреждениями».

Ведь это — открытая идеология социальной мести, самоубийственной для самого существования народа. В каком же состоянии должны были находиться страна и народ, чтобы появилась эта идеология мести в христианской стране? Как она вызрела? Кто несет ответственность за это: правительство или народ? Или интеллигенция? Самое страшное, что логика «зло за зло» неизменно находит оправдание в якобы духовных ценностях. В одном случае — «истинного православия» и попорченного величия России, в другом — «общественной справедливости». Причем, механизм оправдания предельно прост. Для этого просто нужно, прежде чем убить человека, перестать считать его человеком и назвать, например, предателем. Или врагом народа. Или жидо-масоном. Это было уже множество раз — и повторяется вновь и вновь. В этом и состоит, на мой взгляд, проявление языческого начала в

нашей культуре. Люди продолжают верить в «очищающий», ритуальный смысл наказания. Что якобы в результате наказания, мести обязательно что-то изменится. Если сохраняется атмосфера насилия и страха и более того под знаком критики «руссофобии» активизируется самое темное, агрессивное начало жизни, то убийца всегда найдется. Как это и произошло с убийством о. Александра. Он исповедовывал идею терпимости и верил в возможность сосуществования разных жизненных позиций и точек зрения в христианской культуре — и был убит за эту исповедь.

— И как вы считаете, насколько оправдана была эта его вера? Ибо после всего сказанного вами, надежды, кажется, не остается.

— Что касается России, то я думаю, что надежда все-таки существует. Или, вслед за Кантом, я бы ответил так. Наше упование на Бога в данном случае должно быть настолько полным или абсолютным, чтобы не оставалось никакой надежды на Его участие в наших делах. Лишь чувство собственной полной вины может сделать нас по-настоящему свободными, а значит — ответственными в этом мире.

Беседу провел Андрей ФАДИН

Михаил МАЛЮТИН

КТО СЛЕДУЮЩИЙ

Возможно ли в 1991 г. политическое убийство, и кто может стать его жертвой? Вопрос о том, были ли в России политические убийства в уходящем 1990 году, пока не представляется возможным разрешить однов-

значно. При довольно странных обстоятельствах скончался в Новочеркасске занимавшийся трагедией 1962 года Петр Слуда, анархист. Погиб в автокатастрофе глава «Комитета борьбы против восстановления ди-

35

пломатических отношений с Израилем» историк и философ Евсеев, объявленный на митинге «Памяти», Объединенного фронта трудящихся и других фундаменталистов жертвой «сионистского террора» — но было ли это действительно убийством? Зарублен топором протонерей Мень, один из духовных вождей обновленческого крыла русского православного клира (еврей по происхождению), но было ли это убийство политическим? Во всяком случае, ни одна из тысяч существующих в настоящее время в стране организаций и групп, претендующих на статус политических, официально не заявляла о готовности для достижения своих целей прибегнуть к насилию. «На грани» все время находились в своей пропаганде русские фундаменталисты расистского толка, что и кончилось в конце концов судебным приговором к двухлетнему тюремному заключению их наиболее страстного трибуна Смирнова-Осташвили, но применительно к этой группировке слово «насилие» скорее означает погром, чем индивидуальный террор, да и вообще от скандала в Центральном доме литераторов за версту разит политической провокацией, причем многослойной — как по числу организаторов, так и по количеству целей, убиваемых одним выстрелом. Еще в 1987 году, пытаясь разобраться в ситуации в Москве (материалы об алматинских событиях декабря 1986 попали мне в руки двумя годами позже) я на первых же конференциях и совещаниях формировавшихся тогда «неформальных объединений» употребил термин, хорошо известный специалистам по «истории современности» — стратегия напряженности. Фактически изучением этой темы «на дне» автор этих строк никогда не занимался (один из моих друзей того времени, журналист Владимир Гловтов, заплатил жизнью за попытку по-

нять, как связаны мафия, радикальное крыло афганских ветеранов — он сам прошел эту войну — и какие-то силы, стоящие за боевиками «Памяти»).

Но как чистому теоретику, на «кончике пера» мне всегда было ясно, что существует настоящий «спрут», в котором разнообразными нитями повязаны наиболее оголтелые из «неформалов» любой части идеологического спектра, уголовщины, «теневики», спецслужб, военщины и истеблишмента, более плотный в компактных национальных регионах, но центр которого в такой сверхцентрализованной стране несомненно находится в Москве. Пока разные составляющие этого «невидимого правительства» объединены формулой «чем хуже, тем лучше». Одни из них — за «поражение своего правительства» пока сами им не стали (нам не привыкать, после того как одна знаменитая партия мигом перестроилась 25 октября 1917 года и стала «друг» за «защиту Отечества»). Другие давно догадались, что «конец света в одной отдельно взятой стране» в силу ее масштабов и исторических традиций никак не может быть мгновенным, с ним нужно научиться жить — то есть максимально нажиться, а следовательно, в идеале концу света не должно быть конца. Только в рамках так понимаемых условий задачи можно, на наш взгляд, попытаться дать ответ на поставленные вопросы: да, политические убийства в России в 1991 не только возможны, но и вероятны с достоверностью, приближающейся к неизбежности. Не очевидно другое — будут ли организации и силы, открыто берущие их «на себя», ибо при нынешнем состоянии правоохранительных служб и в особенности — общественного доверия к ним — общественное мнение поддается элементарным манипуляциям и будет «видеть» то, чего нет — и не видеть

ИСТОРИЯ ЭТИХ ДНЕЙ

того, что есть. Если же говорить о возможных покушениях не на «неформалов», а на лидеров общенационального порядка, то эта акция имеет смысл только как элемент государственного переворота. Пока (октябрь 1990) сил, готовых на подобные «подвиги» в расчете на то, что «народ их поймет» не видать ни в «верхах», ни в «низах». Народ, судя по данным опросов, в то, что переворот будет, в абсолютном большинстве не сомневается, в погромы верит тоже (не ясно только, кого будут бить — коммунистов, евреев или «косоглазых»), но те же самые 80—90% на вопрос о том, собираются ли сами принимать в этом участие, отвечают

отрицательно в диапазоне от «мне что, больше всех надо» до «да я что, ненормальный?» Пока это обнадеживает — «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным» и не пахнет, ибо за 70 лет великих побед и свершений осмысленность стала фактом и пошады не будет самим убийцам. Вопрос в том, сколько они сумеют ступить в этот раз, пока «колесо возмездия» не доберется до них самих, и не утащит ли на этот раз данная воронка на дно водоворота не только страну, но и все человечество. Но это не снимает вопрос вопросов — когда и как «поднявший меч от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет русская земля»...

3921

37

"ТАКИЕ МИСТИЧЕСКИЕ СОВПАДЕНИЯ ПРОИСХОДЯТ ОБЫЧНО НЕ БЕЗ УЧАСТИЯ КОНКРЕТНЫХ ЛИЦ..." — РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВА О.АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

"Собеседник" №3/91 стр.7

УБИЙЦА НЕ НАЙДЕН. СЛЕДСТВИЕ В ТУПИКЕ?

Брат Александра Меня, прихожане и друзья трагически погибшего русского священника обратились в «Собеседник» с просьбой организовать пресс-конференцию. Цель поэтов А. Зорина и А. Суздальцева, художницы З. Масленниковой, литературоведа Е. Гениевой, пришедших в редакцию, — еще раз привлечь внимание к следствию, которое тянется четыре месяца и, похоже, зашло в тупик.

Убийца отца Александра не найден. Один из двух подозреваемых выпущен, другой — Бобков находится на судебно-психиатрической экспертизе. Видимых мотивов для убийства А. Меня у него не было. Вместе с тем следствие предпринимает шаги к изъятию у свидетелей и друзей о. Александра его рукописей, книг, частных писем. Следствие, которое ведет Загорская районная прокуратура при участии московских следователей, долгое время игнорировало показания Е. Гениевой о том, что во время последней лекции А. Меня в Библиотеке иностранной литературы за ним следили из автомашины, дежурившей у входа в здание. Не сразу приняты во внимание и показания одной из свидетельниц, опознавшей на видеозаписи похорон подозревательного незнакомца, накануне трагедии замеченного ею удома. Зато обвинение предъявлено близкому знакомому и соседу А. Меня архимандриту Иосифу Пустоутову, сотруднику отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии, якобы помогавшему А. Меню

переправлять за рубеж книги сионистского (?!) содержания. Неизвестно, откуда ползет слух о связи между убийством игумена Лазаря и трагической гибелью Александра Меня (о. Лазарь был якобы членом некоей комиссии Московской Патриархии по расследованию убийства А. Меня, хотя такой комиссии никогда не существовало в природе).

Напрашиваются следующие выводы. Во-первых, Александра Меня пытаются опорочить, изображая то сионистом, то раскольником (известно, что он был экуменистом — поддерживал идею объединения христиан всего мира). Во-вторых, следствие, судя по его действиям, заинтересовано скорее не в том, чтобы найти убийцу, а в том, чтобы собрать как можно больше информации, компрометирующей прихожан покойного священника.

Между тем остается фактом, что убийство А. Меня готовилось исподволь. В мае прошлого года на станции Пушкино был убит чрезвычайно похожий внешне на о. Александра человек, но обстоятельства его убийства до сих пор темны. А. Мень неоднократно говорил друзьям, что он предчувствует скорую смерть — угрозы шли сплошным потоком. Ясно и то, что дата убийства была тщательно рассчитана: похороны не случайно совпали с 11 сентября — днем Усекновения главы Иоанна Предтечи. Такие мистические совпадения происходят обычно не без участия конкретных лиц...

Илья Бруштейн,
Дмитрий Быков.

ПЕРЕСТРОЙКА В ОТНОШЕНИЯХ ЦЕРКОВЬ-ГОСУДАРСТВО СТОЛКНУЛАСЬ С ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ ПАРТАППАРАТА НА ВСЕХ УРОВНЯХ - БЕСЕДА С БЫВШИМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ

ТРЕТИЙ РАЗГОВОР

Бывший председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР К. М. ХАРЧЕВ беседует с писателем Александром НЕЖНЫМ.

Константин Михайлович, сегодня у нас с вами третья встреча на страницах «Огонька». Две предыдущие были в прошлом году, и, судя по отзывам, читатели приняли их с большим интересом. Его причина понятна: отношение государства к церкви и верующим, свобода совести как одно из основных прав человека, законодательство, определяющее степень религиозной свободы, — все это долгие годы, а по сути, без малого семь десятилетий, было сопряжено с самым откровенным и жестоким насилием власти над религиозными чувствами народов нашей страны. Вот почему любые положительные перемены в этой области нашей жизни и у нас, и, насколько я знаю, за рубежом воспринимаются как вернейший показатель реально осуществляемой

перестройки. А тут — и это год от года становилось все очевидней — пошел процесс, захватывающий практически все стороны государственно-церковных отношений, постепенно выводящий церковные организации из-под явного и тайного контроля и вкуче со всеми демократическими переменами в жизни страны в конечном счете обещающий нам действительно свободную церковь. Вы, Константин Михайлович, много потрудились для того, чтобы все это совершилось. Вместе с тем — по большому счету — были сделаны лишь первые шаги, и впереди оставался (и остается) непочатый край трудной, но такой нужной для общества работы. И тут...

— Вы хотите сказать — и тут Харчев снимает?

— Именно так.

ПЕРЕСТРОЙКА В ОТНОШЕНИЯХ ЦЕРКОВЬ-ГОСУДАРСТВО СТОЛКНУЛАСЬ С ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ ПАРТАППАРАТА НА ВСЕХ УРОВНЯХ - БЕСЕДА С БЫВШИМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ

— Уточню: меня перевели на руководящую работу в МИД СССР, и теперь решается вопрос о моем назначении послом в одну из стран. Напомню, что до моего назначения в Совет по делам религий я был чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Кооперативной республике Гайана.

— *Ваша судьба отчасти напоминает судьбу героя романа Александра Бека «Новое назначение» — только с обратным, так сказать, служебным движением. Он — из министров в посла (новое назначение!), вы — из послов в председатели Совета по делам религий. Новое назначение, которое продлилось...*

— Четыре с половиной года. 15 ноября 1984 года был назначен, нынешним летом освобожден в связи с переходом на другую работу...

— *Человек и министр сталинского времени, Онисимов оказался не ко двору наступающей оттепели и вынужден был принять новое назначение. Но с вами-то, Константин Михайлович, все совершенно наоборот! Насколько я могу судить, вы были очень ко двору перестройке именно в качестве председателя Совета по делам религий. Кому и зачем понадобилось отрывать вас от дела, которое вы так успешно повели?*

— Я бы не стал давать своей деятельности столь высокую оценку. В моей работе было всякое, были и ошибки, за которые я сейчас себя беспощадно ругаю. Но, чтобы ответить на ваш вопрос, нам, я думаю, следует сказать несколько слов о кадровой политике аппарата. Кадровая политика — едва ли не решающее орудие в его руках. Ставка на свои кадры определялась не вдруг, не сегодня — она прослеживается едва ли не с тех самых пор, когда партия большевиков стала единственной и правящей партией в нашей стране. Со свойственной ему склонностью к броским формулировкам Сталин сказал, и сказал далеко не случайно, что кадры решают все. Любой закон, как бы ни был он совершенен, можно толковать с теми или иными допущениями. А несовершенный, каких у нас на сегодняшний день подавляющее большинство! Отсюда понятное стремление аппарата располагать своими людьми на всех более или менее значимых для общества и государства постах. Это

ключевой вопрос, это вопрос власти в ее реальном содержании. Несомненно, качество законов имеет чрезвычайно важное значение. Но не менее важное значение имеет и качество исполнителей. Вполне ли они независимы от всякого рода влияний извне, в том числе и от влияния аппарата?! Механизм подбора, расстановки и управления кадрами достаточно тонок и сложен...

— *Будем считать, что в вашем случае он допустил сбой? Вышла ошибка?*

— Всегда возможны ошибки в системах, где, помимо логики и расчета, действуют эмоции. Когда меня назначали в Совет по делам религий, моя кандидатура, я думаю, не вызвала сомнений. Комсомольский, затем партийный работник (я был секретарем Приморского крайкома КПСС по идеологии), выпускник двух академий — общественных наук при ЦК КПСС и дипломатической, посол — такой не подведет. Не должен подвести.

— *Честно говоря, на первых порах ваша деятельность оценивалась вполне однозначно, как продолжение линии предыдущих председателей Совета Карпова и Куроедова — полное подчинение церкви государственной власти. Да ведь, судя по вашему послужному списку, много ожидать было трудно. Проблемы государственно-церковных отношений вам были неведомы, воспитание, полученное вами, побуждало вас относиться к церкви и верующим с тем упрямом прищуром, какой еще и сейчас характерен, увы, для большинства советских и партийных работников, а полученные вами при вступлении в новую должность установки вряд ли изменили эту позицию.*

— Не спорю. Я плоть от плоти аппарата, но я — быть может, неожиданно и для самого себя — пережил известную метаморфозу, изменение взглядов, переоценку некоторых, казалось бы, незыблемых принципов. Опережаю возможный вопрос: я как был, так и остался убежденным материалистом. И я всецело разделяю мысль Маркса,

ПЕРЕСТРОЙКА В ОТНОШЕНИЯХ ЦЕРКОВЬ-ГОСУДАРСТВО СТОЛКНУЛАСЬ С
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ ПАРТАППАРАТА НА ВСЕХ УРОВНЯХ — БЕСЕДА
С БЫВШИМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ

3.

что лишь социальное несовершенство земной жизни побуждает человека искать утешения на небе. «Это государство, — говорит Маркс, — это общество порождает религию, превратное мировоззрение, ибо сами они — превратный мир». Но встречи с верующими, близкое знакомство с их нуждами, картина действительного положения церкви мало-помалу привели меня к осознанию необходимости существенных перемен. Если представление о Боге помогает человеку жить и трудиться в этом трудном и сложном мире, то никто не имеет права лишать его этого живительного глотка кислорода. Кстати, это тоже Маркс — глоток кислорода для угнетенной твари. Говорят: у нас не может быть угнетенного человека! Да ничего подобного! Быть может, самое страшное угнетение — духовное: когда человеку не позволяют верить в его идеалы, когда у него отбирают его святых, когда его — советского гражданина — могут преследовать лишь за то, что он верующий.

— Скажите, Константин Михайлович, а раньше — до Совета по делам религий — вам приходилось читать Библию?

— Нет. Я стал ее читать, уже будучи председателем Совета, и теперь знаю, что она останется со мной до конца моих дней. Библия, Коран дали мне исключительно много. Кто-то из великих сказал: я не верю в Бога, но полностью разделяю морально-нравственные идеалы христианства. Я не колеблясь повторю эти слова в любой аудитории. Если мы на деле ставим общечеловеческое выше всего, то мы должны найти нечто союзнически-ценное в религии.

— Все-таки, Константин Михайлович, аппарат в вашем случае, как говорится, дал маху. Но, впрочем, как можно было угадать, что в вас сохранилось живое сердце...

— Примерно через год мы в Совете двинулись, как мне кажется, в правильном направлении. Простое — простейшее! — требование: написано в Законе — исполни! Позднее мы вышли на более широкую и глубокую постановку вопросов, но тогда даже элементарное требование соблюдать законодательство, которое, по сути, существует с двадцать девятого года и которое со всех сторон жестко ограничивает церковь и верующих, — одно лишь это требование вызвало сначала недоумение, а затем и негодование.

— Стало труднее работать?

— Значительно. Причем, если раньше, когда я говорил с работниками аппарата на одном языке, когда все понимали меня и я понимал всех, у меня не было трений ни с кем из тех, кто имеет отношение к церкви, — ни с отделом ЦК КПСС, ни с «соседями» (так именуется у нас КГБ)...

— «Соседи»? Что ж, это не только мило, но и откровенно.

— ...то теперь начались столкновения. Прежде всего встали на дыбы первые лица в областях и краях. А поскольку они тесно связаны с аппаратом, то стали давить на него — усмирите председателя Совета. И обвинение: неуправляем, потворствует церковни-

кам, мешает идеологической работе. Позвольте, я говорю, мы всего лишь требуем выполнения законодательства и боремся с местным произволом! В Идеологическом отделе ЦК религиозными проблемами в то время занимались два-три человека. Они в основном и формировали позицию руководства по государственно-церковным отношениям. Так вот, когда они разобрались, что мы в Совете клоним к тому, что социализм и церковь совместимы, то всякое понимание между нами пропало. В самом деле, их практическая деятельность, их диссертации, статьи, монографии пронизаны мыслью, что религию невозможно примирить с социалистическим идеалом, что она причиняет вред нашему обществу и что с ней рано или поздно будет покончено. А перестройка поворачивает руль совсем в другую сторону! И, стало быть, им надо либо зачеркнуть все, что они делали, поднять руки и признать: конъюнктура попутала! — либо отстаивать свои позиции. Они выбрали второй путь.

— Но, вероятно, сейчас в связи с перестройкой пришли новые люди?

— Нет. Все те же. А в ряде случаев, к сожалению, пришли еще более консервативные. Что же касается Закона, то если мы станем последовательно выполнять действующее на сегодняшний день законодательство о религиозных культах, то в подавляющем большинстве случаев у представителей власти не будет никаких оснований отказать верующим в регистрации религиозных обществ и в открытии моли-

ПЕРЕСТРОЙКА В ОТНОШЕНИЯХ ЦЕРКОВЬ-ГОСУДАРСТВО СТОЛКНУЛАСЬ С
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ ПАРТАППАРАТА НА ВСЕХ УРОВНЯХ — БЕСЕДА
с БЫВШИМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ

4.

твенных зданий. И церковь, таким образом, начнет чувствовать себя все крепче, все уверенней, все свободней — так, как и должно быть в демократическом обществе. Но ожесточенный догматизм властей на местах и недовольство увеличением объектов, как они говорят, «враждебной идеологии» не могли не привести к разногласиям, принимавшим со временем все более резкий характер.

— *Погодите, Константин Михайлович. Для всякого, кто пытается во всей полноте представить себе положение религии в нашей стране, повседневный контроль над церковью никакими сомнениями не вызывает. Подобная практика начинается, по сути, сразу же после революции и в руках идеологизированного, атеистического государства становится одним из самых действенных средств для подавления, а затем и окончательного искоренения религии в нашей стране. Природа этого стремления имеет в себе нечто иступленно-богоборческое, можно даже сказать — сакральное, но навыворот, с подменной идеи, с установкой на уничтожение священного. Отсюда осязаемый момент глумления над человеком, предметом или смыслом культа, словно акта уничтожения недостаточно и его необходимо всемерно усилить злыми безобразиями. Семьдесят лет нашей истории дают, к несчастью, великое множество примеров подобного рода, из*

которых, должно быть, самые невинные — «комсомольские праздники Рождества и Пасхи» начала двадцатых годов с их оскорбительными для чувства верующих лозунгами, шествиями, частушками. «Радуйся, о, Марксе, великий чудотворче» — этими словами сотрудник тогдашних «Известий» завершает восторженный репортаж о «комсомольском Рождестве — первой в мире глубоко массовой антирелигиозной демонстрации». Был бы Маркс и в самом деле рад, наблюдая, как осуществляется, говоря его словами, «упразднение религии»?

Размышляя над всем этим, ловишь себя на ощущении, что причинно-следственные связи (в том числе пагубные для Русской православной церкви последствия раскола и принесшее ей немало вреда положение церкви государственной в царской

России) не дают какого-то последнего объяснения. И поневоле возникает мысль, что столь беспощадна по отношению к религии может быть только антирелигия, объявившая войну храму, костелу, мечети и синагоге. В такой войне необходима своего рода инквизиция, роль которой последовательно выполняли соответствующие отделы ГПУ, НКВД и КГБ.

— Я объясняю все это по-другому. Недоброжелательная позиция руководства Русской православной церкви по отношению к молодой Советской власти вынудила государство на ответные меры. В дальнейшем же начались извращения ленинских принципов, выраженных в «Декрете об отделении церкви от государства и школы от церкви».

— Пусть будут извращения... Хотя, честно говоря, если они продолжатся семь десятилетий, их и определять надо как-то по-другому. В «Огоньке» напечатана статья полковника КГБ в отставке Я. Карповича, в которой, в частности, идет речь о вмешательстве КГБ в дела церкви. Я знаю, что в бытность свою председателем Совета по делам религий вы пытались вывести ваше ведомство из-под руки «соседей». Но вопрос тут вот в чем: зачем этот надзор нужен вообще?

— Для чего многие у нас пытаются сохранить административную систему? Государственный надзор за религией, рычаги давления на религиозные организации есть немаловажная часть этой системы, и лишь общий и решительный ее демонтаж освободит церковь от всякого рода вмешательств извне. Справедливости ради отмечу, что определенные шаги в этом направлении уже предприняты новым руководством КГБ. Этой же цели могли бы послужить и наши предложения вообще ликвидировать Совет по делам религий, образовав вместо него соответствующую комиссию в Верховном Совете СССР. Кстати, такая практика существовала в первые годы Советской власти.

— Это предложение, как говорят, и стало той последней каплей, которая переполнила чашу терпения аппарата?

— Может быть. Но я хотел бы обратить ваше внимание, что предложение об упразднении ведомства, исходящее от его руководителя, не такой уж частый случай в советской государственной практике.

— Я думаю, едва ли не единственный.

— Скажу еще, что в конце минувшего года Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков подписал подготовленное по нашей инициативе решение СМ СССР, в соответствии с которым численность Совета по делам религий сокращалась на 10 процентов и, кроме того, упразднялись должности двух заместителей председателя.

— *Сколько у вас было заместителей?*

— Три. Я предлагал оставить одного — по мусульманству. Высвобождаются средства, две машины, ликвидируются два никому не нужных бюрократических кресла — разве все это противоречит линии партии, духу перестройки? Так вот, хотя глава правительства подписал решение в декабре 1988 года, оба заместителя председателя Совета по делам религий работают по сей день. Решение принято, но не выполнено. Я даже с письмом в Совмин обращался, указав на вопиющую недопустимость подобного положения. Откровенно говоря, надо мной просто похотели.

— *Вы упомянули, что первый гром прозвучал над вами в конце восьмидесяти седьмого в связи с докладной вашего заместителя, направленной в ЦК КПСС. Но ведь не за горами было 1000-летие Крещения Руси, государству (и, разумеется, партии) надо было определить свое отношение к этому событию. И ваша отставка в ту пору могла одновременно означать, что государство не намерено признавать 1000-летие национальным торжеством. Ибо вы настаивали на том, что эту дату следует отметить как общенациональный и общекультурный праздник, дающий людям драгоценную в наши тревожные дни возможность почувствовать себя единой семьей.*

— По поводу 1000-летия у нас с некоторыми работниками Отдела пропаганды ЦК КПСС наметились серьезные расхождения. И записка зама — ни разу, кстати, не сказав мне, что не согласен с моими принципами и методами, он счел более удобным оповестить о моих «заблуждениях» Отдел пропаганды — стала для аппарата еще одним доказательством, что председатель Совета гнет не туда. Тогдашний заведующий Отделом пропаганды, Складчиков, посчитав, что меня нужно освободить, направил материалы в Секретариат ЦК, но тогда его не поддержали. 1000-летие ясно выявило принципиальное расхождение мнений по важнейшей для

судеб общества проблеме отношении к религии и верующим. Аппарат стоял на том, что для государства 1000-летие Крещения Руси никакого значения не имеет. Дескать, мы не запрещаем отмечать эту дату, но сами ее как бы не замечаем. Если бы такая точка зрения возобладала, то 1000-летие приобрело бы характер узкоцерковного события. Один из членов Политбюро в ответ на наше предложение в честь юбилея заложить в Москве храм отозвался достаточно резко. Новая церковь?! Зачем?! Пусть в Польше закладывают, а мы не будем. Нам удалось в конце концов довести свои предложения до Михаила Сергеевича Горбачева, который проявил к ним большой интерес и оценил их политическое и нравственное значение. Но аппарат своих поражений не забывает...

— *А встреча М. С. Горбачева с Патриархом и членами Синода Русской православной церкви — тоже ваша идея?*

— Нет. О такой встрече просили и Патриарх Пимен, и члены Священного Синода. Мы, со своей стороны, их просьбы поддержали. В том, что встреча состоялась, заслуга Михаила Сергеевича. Он сделал шаг, в значительной степени определивший политику в отношении церкви.

— *Вы присутствовали на этой встрече; тысячелетняя годовщина принятия Русью христианства стала значительнейшим событием в жизни общества. Ваша линия, таким образом, получила очевидную поддержку. И тем не менее...*

— Это еще раз доказывает одно...

— *Силу аппарата?*

— Да. И еще: насколько тяжело и не просто даются реформы. Ведь у перестройки, как известно, не только сторонники... Католики Винницы требуют, чтобы им вернули костел, местные власти — ни в какую, уполномоченный Совета по делам религий, бывший секретарь райкома партии, на их стороне. И видели бы вы, как он был счастлив,

когда узнал, что я уже не работаю! Он получил предметное доказательство своей правоты и подтверждение своего права по-прежнему пренебрегать законными требованиями верующих.

— *Я знаю многих партийных и советских руководителей, уполномоченных, которые восприняли перемены в Совете по делам религий, как принято говорить, с чувством большого внутреннего удовлетворения.*

ПЕРЕСТРОЙКА В ОТНОШЕНИЯХ ЦЕРКОВЬ-ГОСУДАРСТВО СТОЛКНУЛАСЬ С
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ ПАРТАППАРАТА НА ВСЕХ УРОВНЯХ - БЕСЕДА
С БЫВШИМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ

6

Вы были им чрезвычайно неприятны, но подобное отношение, мне кажется, должно вызывать у вас ощущение работника, добросовестно исполнившего свой урок. Вас, к примеру, терпеть не могут многие руководители Иванова.

— Они нарушили закон и полагали, что мы не обратим на это внимания...

— Честно говоря, ничего особенного с ними не случилось. Ну, выпили они свою чашу общественного позора, но ивановские товарищи, кажется мне, убеждены в том, что стыд не дым — глаза не выест. А вот если бы они ответили в судебном порядке за нарушение закона, за издевательство над верующими, тогда, я уверен, и у них, и у всех, кто с ними заодно, сильно бы поубавилось охоты нарушать норму закона, унижать народное чувство. Да, они вынуждены были вернуть храм верующим. Но посмотрите, какими унижительными условиями они это обставили! Покойников в храме — не отпевать. Отчего, спросите вы? Да потому, видите ли, что Введенская — Красная — церковь находится в центре города. Но позвольте, почему последний путь усопших наших отцов и матерей должен пролегать по окраинам и задворкам? Почему сами себя руководители имеют обыкновенные погребать с большой помпой и прощание с мертвыми их телами происходит, как правило, в самом центре наших городов? Почему Сулова и Брежнева можно хоронить в историческом центре России — на Красной площади? А на ивановского труженика власть цыквет и по кончине его, бесстыдной рукой указывая путь, каким ему следовать к могиле. И это в стране, подписавшей Венские соглашения! Я уж не говорю, что находящиеся в ограде храма помещения, которые сейчас пока еще занимает научно-реставрационная мастерская, решено передать музею. Словно нет в городе другого здания и другого места! Как это все понимать?

— Я уже сказал: работники аппарата своих поражений не забывают. Это неприкрытая месть верующим, а также всем, кто поддерживал их справедливые требования.

— Месть — народу?

— Интересы народа — экономические, социальные, политические — и интересы работников аппарата не всегда совпадают. Разрыв между ними и привел нашу страну к кризису.

— Вернемся, Константин Михайлович, к вашей судьбе. Я заранее прошу прощения за неприятный вопрос, но задать его вам я должен. Вас стремились представить человеком, нечистым на руку, — знаете ли вы об этом?

— Если бы я знал, кто именно распускает слухи, порочащие мою честь и достоинство, я бы подал на него в суд. Одно письмо, обвиняющее меня в том, что я за счет церкви обставил квартиру, стало предметом довольно длительного разбирательства в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС. И всем в то время было известно, что Харчев наконец пойман. По счастью, у меня сохранились документы, подтверждающие, что моя мебель приобретена на полном законном основании. Когда все это выяснилось, я спросил: кто оклеветал меня? Ответа не было и нет. И последнее, чтобы покончить с этой темой, — меня бы, я полагаю, с большим удовольствием убрали бы за какой-нибудь очевидный промах, тем бо-

лее — за корыстное использование служебного положения. В этом случае один из членов Политбюро не беседовал бы со мной дважды по полтора часа, пытаясь объяснить мне, почему я должен уйти.

— И почему же?

— Вот и я спросил: почему? Я спросил: быть может, линия, которую проводил я, как председатель Совета по делам религий, не соответствует взятому партией курсу на перестройку? Нет, ответил мне он, в этом вас упрекнуть нельзя. Тогда в чем же, спросил я, заключаются мои ошибки? Ответ был таков: не нашел общего языка с идеологическим аппаратом, «соседями» и руководством Русской православной церкви. Я попытался узнать, что это означает. Услышал, в частности, о кришнаитах...

— Выходит, их регистрация и тем более их паломничество в Индию вам откликнулось?

— И еще как... Их регистрация как религиозного общества была сопряжена с очень большими трудностями. За кришнаитами шла форменная охота, их арестовывали, судили, отправляли в лагерь. И все это — не в какие-то сталинские времена, а всего лишь несколько лет назад, можно сказать, в наши дни. Таким образом, признать кришнаитов — значит признать, что процессы против них не имели под собой законного основания. Иными словами, признать, что был допущен произвол.

ПЕРЕСТРОЙКА В ОТНОШЕНИЯХ ЦЕРКОВЬ-ГОСУДАРСТВО СТОЛКНУЛАСЬ С
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ ПАРТАППАРАТА НА ВСЕХ УРОВНЯХ - БЕСЕДА
с БЫВШИМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ

7.

— Можно понять, отчего вы перестали устраивать ответственных работников ряда ведомств. Но какие могли быть к вам претензии со стороны Синода Русской православной церкви?

— Боюсь, что я не смогу достаточно внятно ответить на этот вопрос. Мне известно, что весной нынешнего года некоторые члены Синода побывали у руководства Верховного Совета СССР. Они, как было мне сообщено, жаловались на стиль и методы моей работы, на то, что я вмешиваюсь в управление Русской православной церковью. Два обстоятельства обращают на себя внимание в данном случае. Первое: все было сделано за спиной Патриарха Московского и всея Руси Пимена, которого члены Синода вопреки сложившимся обычаям и канонам не сочли необходимым поставить в известность о своих намерениях. Я уже не говорю о том, что с их стороны не было даже попытки высказать свои обиды мне в лицо, хотя они прекрасно знали, что я готов в любое время с максимальным вниманием и уважением выслушать каждого из них или всех вместе. И второе: не надо быть семи пядей во лбу, чтобы не понять, что такая во всех отношениях беспрецедентная встреча стала как бы итогом определенной подготовки.

— Но все-таки: у вас есть версия, которая бы проливала свет на поступок членов Синода?

— Думаю, что это в какой-то мере связано с обострившейся в последнее время в верхушке церкви борьбой за преемственность власти. Я не скрывал от членов Синода, что всецело поддерживаю линию Патриарха Пимена в кадровых вопросах. Они же, со своей стороны, были, вероятно, не вполне с ней согласны. Кроме того, поскольку Русскую православную церковь не может не волновать важнейшая проблема преемственности руководства, я — опять-таки не скрывая своего мнения от синодалов — поддерживал идею альтернативных, демократических выборов в духе Поместного собора 1917—1918 годов. Ведь не секрет, что последние патриархи Русской православной церкви были не столько выбраны, сколько назначены под сильнейшим давлением государственной власти.

— Это беда не только Русской православной церкви.

— Разумеется, она в данном случае не представляет исключения. Бывший председатель духовного управления

мусульман Средней Азии Бабаханов — буквально свергнутый верующими в нынешнем году — был при Рашидове поставлен властями на этот пост, несмотря на отсутствие должных нравственных качеств и слабую богословскую подготовку. Вот почему я настаивал на необходимости альтернативных, свободных, истинно демократических выборов на всех уровнях руководства во всех церквях нашей страны, в том числе и в Русской православной церкви. Подозреваю, что некоторые члены Синода по старой привычке больше рассчитывали на поддержку власти, чем на свой авторитет в церкви. Вообще на основании опыта своего общения со многими священнослужителями я пришел к выводу, что в бездуховном обществе — а мы, по сути, лишь начали, лишь пытаемся выбраться из состояния всеобщей бездуховности — верхушке церкви чрезвычайно трудно сохранить свое нравственное здоровье. Я думаю также, что есть священнослужители, которые вообще хотели бы обойтись без перестройки в государственно-церковных отношениях. Вот вам пример, доказывающий, мне кажется, правоту этого утверждения. В те дни, когда в Иванове шла голодовка верующих, требующих возвращения храма, в Москве заседал Священный Синод Рус-

ской православной церкви. С моей точки зрения, было бы совершенно естественно, если бы он принял обращение к правительству страны — с тем, чтобы оно потребовало от ивановских руководителей безусловного выполнения Венских соглашений. Синод отмолчался. Во Дворце съездов ни единого слова не сказали об этом и вообще о нуждах верующих народные депутаты СССР — священнослужители.

— Во многом признавая справедливость ваших горьких упреков, я хотел бы, Константин Михайлович, взглянуть на эту проблему с несколько другой стороны. Если в до-революционной России церковь была связана своим государственным положением, то в России Советской молчание стало для нее условием выживания. Да, Советское государство не смогло уничтожить церковь, хотя на первых порах как будто бы весьма преуспело в этом. Но зато оно сумело создать тип священнослужителя, либо вынужденно, либо вполне добровольно повинующегося земному более, чем небесному. «...нерейские рысы, — сказано

ПЕРЕСТРОЙКА В ОТНОШЕНИЯХ ЦЕРКОВЬ-ГОСУДАРСТВО СТОЛКНУЛАСЬ С ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ ПАРТАППАРАТА НА ВСЕХ УРОВНЯХ - БЕСЕДА С БЫВШИМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ

8.

в одном стихотворении священника Глеба Якунина, не пожелавшего молчать и заплатившего за слово правды годами брежневских лагерей,— в которых уже не обличали, служили Богу без риска». Это ни в коем случае не означает, что в Русской православной церкви не было мужественных людей, готовых до

конца отстаивать свои убеждения. Они были всегда — и в страшные годы беспощадной войны, которую власть вела против церкви, и в недавние тяжкие времена административного насилия. Отец Глеб — лучшее тому подтверждение.

— Я давно с ним знаком и отношусь к нему с большим уважением.

— *Проект Закона о свободе совести еще даже не опубликован для всенародного обсуждения, хотя разговоры о нем ведутся чуть ли не десять лет.*

— У него своя, очень непростая история. В свое время Политбюро ЦК КПСС определило, что Закон должен соответствовать Венским соглашениям. Шесть ведомств — Совет по делам религий, МИД СССР, Министерство юстиции СССР, КГБ, МВД СССР, Прокуратура СССР — должны были подготовить проект и передать его на рассмотрение в Верховный Совет СССР. Не буду подробно рассказывать о том, как шла работа над проектом. Скажу лишь, что Совет по делам религий привлек к ней представителей, по сути, всех существующих в нашей стране религиозных конфессий. Их поправки — а среди них я хотел бы отметить весьма дальние замечания Синода Русской православной церкви, председателя Совета цер-

кви адвентистов 7-го дня РСФСР М. П. Кулакова и деятелей других церквей — мы учли. И вот, когда наконец все шесть ведомств подписали проект Закона, выяснилось вдруг, что он должен еще пройти идеологическую комиссию ЦК КПСС. Почему? — спросите вы и справедливо укажете, что если уж непременно нужна комиссия ЦК, то комиссия правовая. Тут тоже все не так просто. С одной стороны, существует прямое указание Политбюро, что Закон должен соответствовать Венским соглашениям. С другой — нельзя не учитывать стремление сохранить реальные рычаги власти над церковью. И с третьей — у многих наших идеологических

работников сохраняется убеждение, что происходящая сейчас демократизация государственно-церковных отношений нужна лишь для украшения фасада нашего общества и что в конце концов возобладает прежняя политика, которая все поставит на свои места.

Иными словами, нельзя откровенно саботировать выполнение решения Политбюро, но тормозить можно. Что же касается самого Закона, вернее — его проекта, то скажу, что мы стремились провести следующие основные принципы. Первый: свобода обучения основам религии. Второй: предоставление церкви права юридического лица, благодаря которому она может опротестовать через суд любое ущемляющее ее интересы решение власти. Здесь основа подлинной независимости церкви,

ее действительного отделения от государства. И третий принцип: работники церкви уравниваются во всех без исключения правах с остальными гражданами СССР. И, наконец, свобода пропаганды и распространения религиозных учений. Я как коммунист глубоко убежден, что, если мы осуществим все это, партия восстановит свой авторитет в глазах наших верующих сограждан.

— *Мы с вами, Константин Михайлович, не так давно были в Лондоне, на Всемирном конгрессе религиозной свободы, и там еще раз могли убедиться, сколь важное значение придают во всем мире основополагающему праву человека — праву на свободу совести.* «Теряя религию, — заметил, как вы, должно быть, помните, генеральный секретарь Всемирного альянса баптистов Дентон Лотц, — мы теряем душу». Я с ним совершенно согласен. И вот, бросая, так сказать, взгляд из Лондона на положение церкви и верующих в нашем Отечестве, я не возьмусь утверждать, что Советское государство встало на путь одинаково нейтрального отношения как к религии, так и к атеизму. Государственный атеизм — как часть командно-административной системы — и не думает сдавать своих позиций. В этой связи не могут не привлекать внимания первые шаги сменившего вас на посту председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР Ю. Н. Христоряднова.

— Не зная деловых и личных качеств Юрия Николаевича Христоряднова, я не берусь давать какие-либо оценки его деятельности. Да и согласитесь, что это было бы не совсем этично в моем положении. Но я не думаю, чтобы тот или иной человек, даже находясь на посту председателя Совета по делам религий, мог изменить взятый партией курс на демократизацию отношений к церкви и верующим. У нас попросту нет иного выхода. Закон о свободе совести у нас будет, я в этом несколько не сомневаюсь, и будет именно в духе Венских соглашений.

В духе Венских соглашений надо, наконец, решить проблему униатов. Это очень непростой, наболевший вопрос, и он нуждается в новых, свободных от старого мышления подходах. Перед государством равны все церкви. Не должно быть любимых церквей и церквей-падчериц. Униатскую церковь мы не можем не признавать, даже если исходить из законодательства 29-го года.— другого здесь нет. И сейчас думать надо над тем, как политически обеспечить этот шаг — так, чтобы он не привел к нестабильности и конфронтации между сторонниками обеих церквей.

Важно, кроме того, понять, как строить государственно-церковные отношения дальше. Возьмем, к примеру, благотворительную деятельность. Если понимать ее главным образом как создание бесплатных столовых и оказание помощи нуждающимся, то, боюсь, мы тут продвинемся не очень далеко. Я уверен: для настоящей благотворительной деятельности нужна крепкая материальная база, в виде, быть может, принадлежащих церкви (и Русской православной, и католической, и церкви адвентистов, и мусульманским общинам) фабрик по производству детского питания, клиник, сельскохозяйственных кооперативов и так далее... Нужны современная полиграфия, реставрационно-строительные подразделения, программы борьбы с алкоголизмом, наркоманией, курением. Тут огромное поле деятельности, столь необходимой всему нашему обществу, всему народу. И, где бы я ни работал, я постараюсь помочь этому благородному делу.

— Пользуясь случаем, я хотел бы поздравить вас, Константин Михайлович, с присуждением почетного диплома Всемирной организации религиозной свободы — в знак признания ваших заслуг в защите прав человека и религиозной свободы.

— Спасибо.

ЦЕРКОВЬ, ОБРЕТЯ СВОБОДУ ДЕЙСТВИЯ, НЕ ОБРЕЛА СВОБОДЫ ДУХА

«МН» № 9, 1 марта 1992 г.

с. 10

ГДЕ ДОРОГА К НОВОМУ ГРАДУ?

Заметки с конференции «Церковь и тоталитаризм»

Наша конференция была российско-польским собеседованием о судьбах Церкви при тоталитаризме и после него. Под Варшавой, в Оборах, в прекрасном доме за овальным столом собрались христиане — шесть из России, двенадцать из Польши, литераторы, историки, философы, журналисты.

Был, правда, среди нас представитель третьей страны — Голландии, Теодор ван дер Фоорт, а по-другому — отец Федор, православный священник из Девентра. Судьба этого человека — сюжет для особого рассказа. Римско-католик по крещению и воспитанию, химик по светскому образованию, в итоге своих углубленных богословских штудий он расстался с католичеством, перешел в православие и отправился в Ленинград, где поступил в духовную академию. Окончить ее, однако, ему не удалось: однажды когда он выходил из метро, сотрудники КГБ предъявили ему обвинение в антисоветской агитации (он помогал одному приятелю снимать фильм о положении Церкви и верующих в СССР), но обещали все забыть и простить, если он согласится сотрудничать с КГБ. Он сказал: «Не хочу» и вынужден был расстаться с академией, городом на Неве и страной.

Тем не менее он стал православным священником и, кроме того, служит секретарем Европейской протестантской и старокатолической комиссии по оказанию помощи церквям и верующим Восточной Европы. Эта комиссия обеспечила материально нашу встречу, во время которой мы обсуждали ответы на классический российский вопрос, ставший злободневным и для Польши: что делать? Точнее: что делать Церкви в условиях неприязненной для нее свободы?

Наши польские собеседники, люди далеко не одинаковых взглядов, сходились, пожалуй, в одном: Костел, утверждали они, переживает сейчас глубокий кризис. Ежи Воцаль, философ и преподаватель Варшавского университета, вспомнил, что едва ли не в первый же день своей свободы (с введением военного положения Воцаль был интернирован) он отправился в костел св. Мартина — там собирались и горячо молились вчерашние политзаключенные. Костел был полон, и ни у кого не возникло сомнений в единстве общества и Церкви. «Когда я сегодня думаю о костеле св. Мартина, — с горечью заметил Ежи Воцаль, — я думаю, что в символическом смысле это место совсем пусто». «Общество и Церковь,

— подтвердила Барбара Полак, представительница Клуба католической интеллигенции и признанный глава нашего овального стола, — отдалились друг от друга».

Збигнев Носовский, журналист из католического еженедельника «Связь», ссылаясь на опросы общественного мнения, говорил о снижении авторитета Церкви в Польше. Сейчас она занимает третье место после армии и полиции.

Отчего же теперь католическая Церковь в Польше не ощущает прежнего единения с обществом? Молодой польский историк и пламенный католик Артур Матыс сказал, что если еще несколько лет назад существовал конфликт между тоталитаризмом и христианскими ценностями, то сейчас все более и более обостряются отношения между Евангелием и демократией, между заповедями Господа и установками либерализма. Сама по себе свобода, утверждал он, не является достаточной ценностью. «Свобода, равенство и братство — перед кем? Перед гильотиной или перед Богом?» Но когда Костел указывает на это, общество предпочитает затыкать уши. И точно так же нынешнее польское общество не хочет внимать призыву защитить народ от свободы, которая угрожает нравственности. «Стремление к политической независимости, — утверждал Ежи Воцаль, — совпадает с миссией Костела в том

случае, если это стремление не рассматривается как самодостаточное».

В самом деле. Вневременные ценности Церкви оказываются весьма своевременными, когда общество задыхается, по словам поэта, «под игом дикого насилия»; но они же внезапно приобретают некий оттенок архаичности, когда вместо диктатуры бал начинает править рынок. Бог мешает, ибо Он сдерживает. Без Него значительно проще; без Него, как сказал Достоевский, все позволено. «Люди полагали, отметил Ежи Воцаль, — что Костел будет поддакивать их свободе. Но, он продолжал обращаться к ним прежде всего как к верующим: не языком привилегий, а языком долга. И был отвергнут».

Многое из того, о чем говорили за овальным столом в Оборах наши польские собеседники, в той или иной мере было свойственно и российской действительности.

Польша и Россия как бы присуждены друг к другу, отметили достаточно одной цепью — быть может, именно потому, что в их отношениях так много боли.

«Россия, — сказал публицист Томаш Лубенский, — это внутренняя проблема Польши. Если она будет страной счастливой, нам будет легче. Ибо Россия экспортировала свои несчастья». Но в России, подчеркнула Зоя Крахмальникова, «семена сатанинского насилия и лжи упрочились куда сильнее, чем в Польше, где ка-

ДОРОГА К НОВОМУ ГРАДУ (2)

толическая церковь была помощницей антитоталитарных сил». В самом деле: если Костел был оплотом, опорой и убежищем для всех, кто отстаивал подлинную независимость своего Отечества, если четыре десятилетия поляки противопоставляли себя режиму общей молитвой у Креста, то православная Церковь в России не смогла стать духовным центром внутреннего сопротивления государству насилия и лжи. Главная причина — беспощадное, целенаправленное и хорошо организованное разрушение Церкви, начавшееся, по сути, сразу же после победы большевиков. Вмененный в обязанность православному Патриарху и архиереям долг печалования, иными словами — обличения власти в совершенных ею злодеяниях, довольно скоро перерождается в свою противоположность.

Причем, если Патриарх Тихон (Беллавин) шел на вынужденный компромисс с властью в надежде спасти Церковь; если митрополит Сергей (Страгородский) — во всяком случае поначалу — полагал, что зверя можно залоботить, то вот уже пятьдесят с лишним лет, вплоть до самого последнего времени, для епископата Русской православной церкви (за очень небольшим исключением) безусловная поддержка режима стала главным способом сохранения собственного благополучия. Провал государственного переворота в августе 1991 года оказался роковым не только для руководителей ГКЧП, но и для многих иерархов Русской православной церкви. Открывшиеся наконец архивы КГБ обнаружили теснейшую связь епископата с тайной полицией.

Было бы, однако, ужасной неправдой утверждать, что вся Церковь оказалась в этой связке. Всегда находились в ней исповедники и мученики, готовые неволей, кровью и жизнью заплатить за веру в Христа Распятого. И среди нас, приехавших из России, были люди, в той или иной мере ощутившие на себе тупую безжалостность власти: баптистский пастор Александр Савченко, православный христианин Валерий Сендеров и Зоя Крахмальникова, принявшая на себя подвижнический труд

издания сборников православного чтения и отправленная за это в тюрьму и ссылку.

Почему же теперь возрождение Церкви православной в России не приносит нам полного и радостного удовлетворения и, даже напротив, внушает новые опасения и тревоги? Этому не приходится удивляться. За овальным столом в Оборах мы отметили стремление разнообразных политических сил — от коммунистов до демократов — использовать Церковь в своих интересах. Мы также с горечью вынуждены были признать, что наши полу- или вполне коричневые ныне не ступят и шага без того, чтобы не прокричать о своем православии, а Церковь иногда даже вполне благожелательно взирает на близкое соседство черной рубашки со своей белой ризой. Мы не могли не согласиться с тем, что посттоталитарная эпоха может оказаться не менее опасной для христианства, чем эпоха коммунистическая. «Христианство, — с великой болью сказала Зоя Крахмальникова, — исчезает из жизни, как дух, как великая тайна Воскресения. Оно становится социальным. Нет духовной силы, которая могла бы стать закваской для этого мира». Есть большая и неутешительная правда в ее словах для нас, переживающих кризис не столько, может быть, экономический, сколько духовный.

Но даже самая горькая правда может звучать не как отчаяние, а как призыв. Обращенный прежде всего к Церкви, которая, получив свободу действия, не обрела необходимой свободы духа. Слишком много еще в ней чужого, привнесенного, но успевшего укорениться; слишком много самообольщения и склонности подменять глубокую нравственную вспашку наших душ возросшим количеством крещений, венчаний и отпеваний; и слишком мало света, которым она должна освещать все темные углы нашей жизни. Пусть не обольщается она свечами в руках демократов. Их — как еще вчера коммунистов — волнует не вопрос о Боге, а вопрос о власти. Церкви же от века суждено идти своей дорогой — к Новому Граду.

Александр НЕЖНЫЙ

-----СЦ-----

CODE: CCCP

ИТЕМ: ЗА ЧТО УБРАЛИ К.ХАРЧЕВА С ПОСТА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ
РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ? -ОПРОВЕРЖЕНИЕ ВЕРСИИ САМОГО ХАРЧЕВА

№ 48 (3253)

25 НОЯБРЯ — 2 ДЕКАБРЯ

1989 года

стр. 28-29

Александр ДЕГТЯРЕВ,
первый заместитель
заведующего
Идеологическим отделом
ЦК КПСС,
доктор
исторических наук

НЕОБХОДИМОЕ ПОЯСНЕНИЕ К „ТРЕТЬЕМУ РАЗГОВОРУ“

О ВЗГЛЯДАХ НА ПРЕДМЕТ

Котя я работаю в ЦК меньше года и застал лишь финальную фазу этой истории, но после третьего за год выступления «Огонька» в поддержку бывшего председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР К. Харчева считаю нужным изложить и то понимание ситуации вокруг него, которое уже давно складывалось в отделах ЦК, возникло в курировавшихся К. Харчевым сферах, появилось в правительстве и привело в конце концов к его замене на важном посту.

Думаю, что лучше всего опираться в таком разборе не на воспоминания и личные оценки кого бы то ни было (читатель, наверное, заметил, что писатель Александр Нежный знает только одно мнение, одну систему оценок — систему, принадлежащую К. Харчеву). Всякому историку хорошо известно коварство мемуара как источника по истории случившихся в прошлом событий. Первое требование к любому исследователю, решившему использовать воспоминания и оценки мемуариста, — это проверить их другими свидетельствами, документами, фактами.

А. Нежный не делает этого, целиком полагаясь на оценки К. Харчева. Вольному воля, но похоже, что коварство мемуара сыграло свою шутку и с ним. Если, конечно, не было каких-то особых целей. Скорее всего они есть — это хорошо видно по материалам очерков, по симпатиям и ярлыкам. Основная мысль последнего интервью проста: перед нами одна из драм перестройки, когда прогрессивный руководитель оказался побежден консервативным партийным аппаратом, жестким прессингом КГБ, а также едва ли не попавшими под их влияние иерархами Русской православной церкви. Происки следовали один за другим, продолжались не год и не два, и в конце концов — драматический финал. Такова канва рассказа, помещенного в 44-м номере «Огонька».

Попробуем же сверить некоторые его моменты со свидетельствами, содержащимися в солидном слое документальных свидетельств, связанных с деятельностью К. Харчева на означенном посту.

Заметки мои, естественно, окрашенные и личными оценками, не носят характера систематического жизнеописания К. Харчева в бытность его председателем Совета по делам религий. Их цель много скромнее — дать читателю возможность взглянуть на проблему с другой стороны, получить возможность для более взвешенных суждений.

Хочу подчеркнуть, что я не касаюсь истории многих вопросов, решавшихся в бытность К. Харчева председателем Совета. Линия нового отношения к религии, определенная самой перестройкой, осуществлялась множеством людей, участвовал в этом и он. Я концентрирую внимание на тех издержках, которые привели к финалу, закономерность которого оспаривается и героем, и автором интервью.

Итак, вот несколько опирающихся на документы и свидетельства фрагментов об отношении К. Харчева к различным сторонам порученного ему дела.

Думается, что в случае с К. Харчевым мы сталкиваемся с нередкой, к сожалению, ситуацией, когда обряженные в перестроечные словеса недостаточная компетентность и легковесная безответственность получают возможность вершить политические, экономические, духовные, религиозные и иные дела. Читая в недавнем прошлом университетские курсы по истории России, я занимался, естественно, и изучением церковных проблем в нашем Отечестве. И уже потому не поверю, что человек, проведший большую часть сознательной жизни в секретарских креслах и при этом никогда не интересовавшийся проблемами и историей религии (по его признанию в том же интервью, он впервые раскрыл Библию после назначения на пост председателя, на шестом десятке), мгновенно освоился на сложнейшей ниве и начал с лету решать проблемы, связанные с деятельностью многих конфессий в огромном государстве.

По-моему, ближе к истине другая гипотеза. Многие действия бывшего председателя Совета живо напоминали деятельность своеобразного современного Тарелкина. Помните: «Когда в России объявляли прогресс, Тарелкин брал знамя и шел вперед прогресса...» Здесь похожий случай. Правда, неся знамя, Тарелкин в действительности никогда в прогресс не верил. Его жизненное кредо имело другие несущие балки, одной из которых было и довольно циничное отношение к тому, за что он якобы боролся.

Я понимаю, что делаю достаточно резкое сравнение, поэтому оправдаюсь тем, что приоритет такой оценки принадлежит не мне, ее сделала после знакомства с выступлениями К. Харчева одна французская журналистка. Ознакомился и мы с некоторыми основными положениями двух довольно ответственных выступлений председателя Совета.

Первое из них состоялось в конце марта 1988 года в Московской ВПШ. Эта лекция получила резонанс не только среди слушателей партийной школы. Неизвестно кем записанная на магнитофон, она была переправлена за рубеж. Ей посвятил передачу «Голос Америки». Ее перепечатали парижская «Русская мысль», французский журнал «Круа», а в выдержках еще и «Монд». По резонансу она вполне уподобилась лекциям нобелевских лауреатов. «Почему?» — законно спросит читатель. Я думаю, потому, что издания, обратившие на нее внимание, с полным основанием полагали, что в Московской высшей партийной школе — цитадели, готовящей кадры партии, коммунисты ведут исключительно откровенные разговоры (кстати, так оно и есть). «Голос Америки» точно это подметил: «Харчев разговаривает со своими товарищами по партии, поэтому он говорит открыто, без дипломатии».

CODE: СССР

ИТЕМ: ЗА ЧТО УБРАЛИ ХАРЧЕВА С ПОСТА?

(2)

Что же поведал слушателям председатель Совета по делам религий, как очертил концептуальные моменты партийной и государственной политики в этом вопросе? Привожу несколько ключевых высказываний.

«По Ленину, партия должна держать под контролем все сферы жизни граждан (?! — А. Д.), а так как верующих никуда не денешь (! — А. Д.), и наша история показала, что религия всерьез и надолго, то искренне верующего для партии легче сделать верующим также и в коммунизм (! — А. Д.). И тут перед нами встает задача воспитания нового типа священника (! — А. Д.). Подбор и расстановка священников — дело партии! (! — А. Д.)»

Товарищи! В этом нам нужна партийная наука. Обращаюсь к вам с призывом создать в ближайшее время если не институт, то хотя бы проблемную лабораторию по изучению взаимоотношений партии и церкви... (! — А. Д.)

...Партия заинтересована в новом типе русского священника!.. (! — А. Д.)

...Священник — он тоже советский человек, тоже регулярно опускает за нас бюллетени в урну. А взять все эти комитеты и фонды: мира, культуры — везде сидят «эти» (жестами показывает головной убор и длинную бороду, смех в зале)...

...религия входит в социализм и даже не входит, а въезжает, как по рельсам, и так как власть полностью принадлежит нам, то, думаю, в наших силах направить эти рельсы в ту или иную (без разницы! — А. Д.) сторону в зависимости от наших интересов».

От таких пассажей, как рассказывают, падали с мест выдавшие разные виды слушатели. А зарубежные слушатели откровений К. Харчева более всего были потрясены, несомненно, центральной для данного выступления, в реальной жизни глубоко замаскированной коммунистами коварной установкой. К. Харчев открыл ее на этой лекции, и отныне она известна международному сообществу: «Кадры священников — это дело партии!» Ни больше, но и ни меньше.

Французская журналистка Тильви Кофман писала в «Монд», что мысли К. Харчева сформулированы с «жесткостью и цинизмом». С ней трудно не согласиться. Там же она многозначительно обронила: «Советские власти не опровергают этого документа».

Линия К. Харчева здесь однозначно принималась за партийную и государственную. Такие субъективные и сумбурные взгляды на дела не были случайным сбоем одного выступления. Вот пассаж из другой лекции председателя Совета (декабрь 1988 года, Академия общественных наук при ЦК КПСС). В нем он с особой подробностью остановился на начавшихся при его горячей поддержке экономических «экспериментах».

В Красноярске был создан церковный кооператив по разведению пчел и производству меда. Церковные власти были против эксперимента, но т. Харчев К. М. употребил всю силу своей энергии и власти, чтобы кооператив организовался. Однако затея провалилась. Касаясь этой истории, в своем выступлении он рассказывал: «Да, у нас не особенно удался эксперимент в Красноярске. Ну и что? Деньги ведь церковные. (! — А. Д.). В Красноярске все сделал уполномоченный для того, чтобы там все было нормально. Но немножко пошли не по тому пути. Задача

провалилась. Там вообще ничего не осталось. Там вообще ничего в живых не осталось.

Голос с места: Там и не было ничего.

К. Харчев: Объясню, что было в Красноярске. Верующие организовали кооператив. Взяли 200 тысяч ссуду у церкви. Машинами, оборудованием им помогли. И они стали делать фантастический эксперимент по разведению новой породы пчел в Сибири для того, чтобы там выжили пчелы (вы знаете, что выживаемость пчел в Сибири несильна). Работали два года практически. Новые методы применяли, а оказалось неправильно. Ну и что?

Сейчас там кооператив продолжает перестройку, но немножко на других основах, думаем, что делать...»

Читая это, невольно вспоминаешь одного из платоновских героев, изобретавшего аэроплан, делавший над пашней облака посредством назлектризованного песка. Разница, пожалуй, только в словесном оформлении одинаковых по типу проектов.

ОБ ОТНОШЕНИИ К ОТЦАМ ЦЕРКВИ

Касаясь беспрецедентного (впервые за годы Советской власти случилось такое, и это тоже знак перестройки) обращения Синода к высшему руководству страны по поводу действий председателя Совета по делам религий, К. М. Харчев признается, что не может «достаточно внятно ответить на этот вопрос». Далее, правда, сразу следует заметно отдающее все тем же отношением предположение, что повлиять на это могла его позиция о «преемственности руководства» в Русской православной церкви, его предложения об «альтернативных демократических выборах» высшего церковного иерарха.

А. Нежный и К. Харчев излагают это предложение многомиллионным тиражом, ни на секунду не задумавшись, что в сегодняшней ситуации такие разговоры и предложения не только Синод, но любой священник да и всякий верующий с полным основанием сочтут, во-первых, кощунственными, а во-вторых, квалифицируют их как беспардонное вмешательство во внутренние дела церкви, которая, как известно, отделена от государства. Если так, то на каком основании государственный чиновник вторгается в чужой монастырь со своим уставом, пусть и очень модным в нашем гражданском мире?

Но мысль о таком основании даже не приходит в голову бывшему председателю. Он и сегодня уверен, что волен был вмешиваться в дела конфессий, продвигая любые удобные ему идеи и предложения. Не исключаю, что при таком развитии событий конфессии могли дожить и до многомандатных округов, окружных собраний, митингов, программ кандидатов и других прогрессивных нововведений.

Православная церковь оказалась не первой из конфессий, вошедших в конфликт с К. Харчевым.

В мае 1988 года возмущение его действиями высказали руководству Литвы католические епископы. Задержав их при возвращении из Рима на сутки в Москве, председатель Совета затем отказался принять только что возведенных в сан епископов,

CODE: СССР

ТЕМА: ЗА ЧТО УБРАЛИ ХАРЧЕВА?

(3)

передав через служащего, что не признает их назначений Ватиканом.

В апреле 1988 года четыре высших в стране главы духовных управлений мусульман выступили против попыток давления на них со стороны К. Харчева. Даже сквозь присущую лицам духовного звания сдержанность явственно улавливается напряжение, сложившееся к этому времени в отношениях с председателем Совета.

«Руководители духовных управлений наделены саном, и им так же, как и всем советским гражданам, присущи личное достоинство, любовь к своему отечеству и народу. Отношение же К. Харчева к нам, его стремление оказывать давление на нас, используя при этом недопустимые приемы, различные посулы в случае соглашения с ним и т.д., нас глубоко возмущают. Повода для этого мы не давали».

И далее. «Обращаясь с этим заявлением, мы просим оградить нас от неуемного стремления Харчева К. М. подчинить нас своей воле...»

Они отказались выполнять распоряжение К. Харчева о финансировании за счет мусульман созданного в Совете по делам религий информационно-аналитического отдела и выделении денежных средств доплаты некоторым работникам Совета. Для справки: с 1985 по 1988 год сотрудникам Харчева (государственным служащим. — А. Д.) оказалось выплачено исключительно благодаря инициативности нового руководителя несколько десятков тысяч рублей за счет отдела международных связей одной из конфессий.

Надо сказать, что эта поражающая мое консервативное сознание метода оплаты нужд государственного учреждения за счет церковных денег расцвела при К. Харчеве пышным многотысячным рублевым цветом. За счет церковных средств преподносились нескромные подарки зарубежным делегациям и даже оплачивалась подписка на периодические издания для вверенного нашему герою государственного ведомства!

Тенденция к подчинению религиозных деятелей, давлению на них дошла в работе К. Харчева до прямых подмен религиозных деятелей на различных переговорах с зарубежными религиозными организациями. Он, руководитель государственного органа, стал подписывать протоколы и соглашения, в которых содержались исключительно вопросы взаимоотношений между религиозными организациями. Это было уже прямое вмешательство в дела конфессий, ничего общего не имеющее и, более того, прямо противоречащее современным принципам партийной политики в этой сфере... Подчас оно доходило до абсурда. Откройте «Известия» за 27 апреля 1987 года и прочтите на четвертой странице сообщение: «Аден, 26 апреля (ТАСС). Находившаяся в Демократическом Йемене советская мусульманская (! — А. Д.) делегация во главе с председателем Совета по делам религий при Совете Министров СССР К. М. Харчевым (?!! — А. Д.) была принята...» Сам Э. Ионеско мог бы позавидовать таким сюжетным ходам.

Все это было бы смешно, если бы не имело весьма существенной негативной стороны. Религиозные лидеры и даже руководящие деятели некоторых стран, где побывали такие странные делегации, возглавлявшиеся К. Харчевым, не раз выражали недоумение их диковинным составом, а некоторые и прямо высказывались в том смысле, что налицо все признаки ужесточения административного контроля за деятельностью церковных организаций со стороны государства. Таким было лишь одно из объективно возникших следствий некомпетентного руководства, часто напоминавшего действия одного фольклорного атеиста, которого заставили молиться богу. Правда, ущерб, нанесенный им, был много больше, чем в упомянутом случае.

О БОРЬБЕ С БЮРОКРАТИЗМОМ

Полный восторг интервьюера вызывает рассказ К. Харчева о том, как он впервые в советской государственной практике предлагал упразднить учре-

ждение, которым руководил. Это подается едва ли не как акт бескорыстного самопожертвования и, конечно, последовательной борьбы с бюрократизмом. Но, видимо, К. Харчева немного подводит память, а он, в свою очередь, подводит журналиста. Он действительно предлагал упразднить Совет по делам религий, но при этом создать вместо него Государственный комитет по делам верующих и религиозных организаций, что отражено во многих подписанных им ходатайствах. То есть, образно выражаясь, хотел заменить весьма бесформенный с номенклатурной точки зрения портфель председателя Совета на крепкий и модный министерский кейс. В «огоньковском» интервью идея преобразования модернизирована — предлагается вместо Совета создать «соответствующую комиссию в Верховном Совете СССР», то есть поместить орган с исполнительными функциями в высший законодательный орган страны. Предложение весьма спорное.

В том же восторженном духе преподносится и другой шаг К. Харчева — его предложение сократить двух из трех своих заместителей. Читателю это подается как очередная попытка последовательной борьбы К. Харчева с бюрократизмом и раздутыми штатами. На самом деле, если вставить его абстрактные рассуждения в реальную жизненную канву, это предложение предстает в несколько ином свете. К. Харчев предлагал сократить должности тех двух заместителей, которые последовательно и открыто выступали против допускаявшихся им нарушений, волевых решений, грубости и т.п. С учетом этого по-движнический замах превращается в тривиальный и хорошо известный отечественным бюрократам прием избавления от неугодных.

Такой жесткий прессинг К. Харчев демонстрировал не только по отношению к лицам, прямо подчиненным ему по службе, к своему аппарату. Вот сцена, описанная в заявлении председателя российского республиканского Совета по делам религий профессора Л. Колесникова.

«3 июня 1988 года по договоренности с управляющим делами Московской патриархии митрополитом Ростовским и Новочеркасским Владимиром должно было состояться вручение Патриарху Пимену и членам Священного Синода Русской православной церкви поздравительных адресов Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР в связи с 1000-летием введения христианства на Руси. Для этой цели я со своими заместителями был приглашен в резиденцию заместителя Патриаршего Богоявленского собора, где собирались члены Синода. Однако появившийся там т. Харчев устроил в буквальном смысле обструкцию церковным иерархам, выразив негодование тем, что руководители республиканского Совета прибыли для проведения торжественной процедуры... в рабочее время без его разрешения. В результате вручение поздравительных адресов было сорвано, духовенство вовлечено в неловкую ситуацию, а руководство республиканского Совета оставлено в униженное положение».

Считая действия т. Харчева К. М. недопустимыми и недостойными руководителя государственного органа, хочу обратить внимание, что это не первый случай проявления у него «вождизма», командного стиля в отношении и руководства республиканского Совета и высшего духовенства, что компрометирует в глазах служителей культа и его самого и возглавляемый им Совет».

Таковы факты, легко умножить число которых могут, я думаю, многие люди, работавшие под началом К. Харчева.

CODE: СССР

ITEM: ЗА ЧТО УБРАЛИ ХАРЧЕВА?

(4)

К. ХАРЧЕВ И ИНСТАНЦИИ

Я полагаю, что читатель знаком со спецификой работы отделов ЦК в современных условиях. В самом кратком изложении она сводится к следующему. Во-первых, это деятельность по анализу тех или иных линий политического развития, изучение проблем и подготовка документов по поручениям ЦК, его комиссий, секретарей. Во-вторых, это анализ осуществления уже принятых партией на съездах, кон-

ференциях, в постановлениях ЦК решений. Ясно, что в этой работе не обойтись и без оценки деятельности коммунистов, работающих на том или ином участке, что имело место и в данном случае.

Партия выступает за то, чтобы религиозная активность стала конструктивным элементом гуманизации и демократизации общества. Небезразлично ей и то, как будут выстраиваться на новой, уже перестроенной основе отношения религиозных организаций с государственными органами, политическими и общественными структурами. Поэтому внимание к работе коммуниста Харчева было естественным и до определенного времени ничем не отличалось от практики взаимоотношений с другими коммунистами, занимающими руководящие посты.

К. Харчеву много помогали в становлении его как руководителя. Помогали советом и делом, особенно на первых порах. Позднее были беседы по конкретным ошибочным действиям. Работа коммунистов Совета по делам религий обсуждалась в Отделе пропаганды ЦК, а затем по инициативе отдела на партийном собрании сотрудников Совета. Однако, и признавая явные ошибки, К. Харчев не желал их исправлять, непрерывно умножая цепь своих, мягко говоря, непродуманных действий. Стало ясно, что ему попросту не хватает многих качеств руководителя такого сложного органа, как Совет по делам религий. Не хватает теоретической подготовленности, достаточно глубокого понимания процессов, происходящих в религиозной сфере, умения организовать работу Совета. Его импульсивность, непоследовательность, амбициозность стали серьезно сказываться на положении дел. В этих условиях Отдел пропаганды ЦК вышел с предложением рассмотреть вопрос об укреплении руководства Советом. И не был поддержан.

В декабре 1988 года, проанализировав положение дел, с таким же предложением вышел и созданный к тому времени Идеологический отдел ЦК. Оно вновь не было принято.

Вопрос был решен только после беспрецедентного челобитья Синода в адрес высших руководителей государства, которое К. Харчев не берет «внятно» объяснить. Тут вспомнили и о позиции отделов ЦК, не сумевших доказать то, что было доказано религиозными деятелями. Так что «победа» аппарата, о которой пишет А. Нежный, при ближайшем рассмотрении оказывается его поражением (что тоже есть знак идущей демократизации, как не покажется это кому-то парадоксальным).

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Силы земные и силы небесные объединились, как явствует из статьи А. Нежного, в гонениях на нашего героя. Могущественный КГБ, всепроникающий парт-аппарат... Православный Синод, католические епископы и мусульманские муфтии...

Можно предположить, какая трудная судьбина выпадает всякому, на кого обрушит свой гнев этот невероятный для подлунного мира союз!

И где же оказался опальный герой третьего за год «огоньковского» очерка?

«...меня перевели на руководящую работу в МИД СССР, и теперь решается вопрос о моем назначении послом в одну из стран» («Огонек» № 44, 1989, с.9).

Так-то вот, читатель.

Бывший председатель, несмотря на аварийные обстоятельства, искусно совершил мягкую посадку. И теперь, приземлившись на посольское жалованье, предаётся воспоминаниям и ждёт назначения. «В одну из стран». Все равно какую. Он нас в любой представит с блеском.

Бог ему судья!

с П

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ ВО ЛЬВОВЕ

В номере

НАУКА
И
РЕЛИГИЯ

9 СЕНТЯБРЬ
'90

ДИАЛОГИ

■ 50

В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

„БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ“?..

В. АРАЗОВ
иш специальный корреспондент

В боковой комнате

29 октября 1989 года Львов всколыхнула сенсация: греко-католики захватили православный Преображенский собор!

Подобные захваты случались и ранее, но в глубинке, а тут — в центре города!

1 ноября я был во Львове. На ступени Преображенского собора мое внимание привлекла знакомая фигура. Орест Карелин! Активист Комитета защиты Украинской католической церкви. Один из тех, кто стоял в пикете греко-католиков в Москве на Арбате, участвовал в голодовках, заходил к нам в редакцию.

— Храм никто не захватывал, — объяснял мне он. — Просто, 29 октября отец Ярослав и отец Иосиф (священники, служащие в соборе. — В. Х.) объявили, что перешли в греко-католическую веру, и службу начали совершать уже по этому обряду. Если бы мы действительно хотели захватить, то уж захватили бы все церкви в городе! Сил для этого у нас достаточно. Но нам нужны только два храма — святого Юра, потому что это бывшая резиденция митрополита Шептицкого, и храм Преображения — здесь Гавриил Костельник предал нашу веру. Мы хотим, чтобы зло закончилось там же, где и началось.

— Позвольте, Орест, вы говорите, что не захватывали храм. Но почему тогда в нем заперся и объявил голодовку отец Андрей, настоятель храма? Почему заявила протест двадцатка — единственные с точки зрения закона его хозяева?

— Ну что ж. Отец Андрей и двадцатка честно выполняют свой долг. Помните, какой был любимый заголовок, когда хулили греко-католиков, их епископов? «Пастыри без паствы!» А все оказалось наоборот. За храм борются только отец Андрей и двадцатка. А паствы — как не бывало! Петицию с требованием вернуть храм подписали только 200 православных, а с требованием передать его греко-католикам — 3800 человек! Вот и судите.

Захожу в храм. В нем необычно сумеречно. Плотная группа верующих, полукружив алтарь, поет духовные гимны, а в остальном пространстве — как в холле после напряженного совещания: люди собираются в кучки, расходятся, снова собираются. Меж ними озабоченно и энергично курсируют несколько мужчин: не то распоряжаются, не то сообщают последние новости.

Пытаюсь пройти вперед, но оказывается, что вытанувшая полукругом группа верующих выполняет еще одну функцию — не пускать посторонних. Приходится обра-

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ ВО ЛЬВОВЕ

титься к помощи того же Ореста Карелина. С ним меня пропускают беспрепятственно.

В боковой комнате собралось человек десять духовенства и активистов. Настроение у всех приподнятое и одновременно нервное, настороженное. Выясняется, что тут уже ждет встречи с председателем Комитета защиты Украинской католической церкви Иваном Гелем корреспондент парижской газеты «Фигаро» Виктор Лупан.

Появляется Гель. Входит деловым, упругим шагом. Плотный холеный мужчина, со светлой, прекрасно ухоженной бородкой. Все устремляется к нему. Когда оживленные встречи немного падает, нас представляют, и Гель устраивает для нас с Лупаном нечто вроде пресс-конференции.

— На меня заведено уголовное дело, — сообщает он. — О подстрекательстве верующих к захвату храма. Должен заявить, что я сам лишь утром узнал, что здесь будут служить службу с упоминанием папы римского, то есть по греко-католическому обряду. А сам пришел в собор из сугубо личного интереса.

— Что вы увидели в соборе?

— Я пришел в восемь часов. Служба шла как обычно. И только когда отец Ярослав вознес молитву за папу римского, отец Андрей и протодьякон Николай выскочили и подняли шум. Я подошел к ним и сказал, что идет литургия и что отношения надо выяснять после службы. Они успокоились, а после литургии отец Андрей заявил, что храм осквернен.

— Происшедшее, конечно, можно толковать по-разному. Но факт остается фактом — собор занят греко-католиками против воли его настоятеля и двадцатки. Считаете ли вы, что это цивилизованный и христианский метод решения спорных проблем?

— Конечно, это не метод. Но что случилось — то случилось. Отец Ярослав и вся двадцатка, кроме двух-трех человек, встали на нашу сторону. Более того, свыше тысячи постоянных прихожан заявили, что всегда чувствовали себя греко-католиками, и только потому, что негде было удовлетворить свои духовные потребности, ходили в православный храм. Мы вынуждены встать на защиту этих верующих. И призываем Русскую православную церковь передать собор греко-католикам, так как во Львове у них нет ни одного храма. Однако Русская православная церковь, которая благословляла сталинский режим, совершивший множество злодеяний против нашего народа, пытавшийся массовыми репрессиями уничтожить нашу церковь, так вот, эта Русская православная церковь

незаконным образом, при помощи НКВД и сталинского режима захватившая наши храмы, присвоившая наше церковное имущество, пытается теперь действовать по принципу «держи вора» и вновь отобрать храм, как в 1946 году. На территории Западной Украины Русская православная церковь — чужеродный инструмент русификации, проводившейся и при царском, и при большевистском режимах.

— Ну а дальше что — стенка на стенку?

— Народ, очевидно, будет так поступать и дальше, и вряд ли мы сможем контролировать все случаи. Люди будут открывать и легализовать те храмы, что были у них отняты или закрыты...

Диалог без диалога

Вечером 6 ноября во Львов приехал митрополит Киевский и Галицкий, Патриарший экзарх Украины Филарет (Денисенко). На следующий день он принял представителей львовской интеллигенции и неформальных объединений. Разговор то и дело переходил с русского языка на украинский, а с украинского на местный его диалект, так что ход беседы: изложу тезисно, чтобы обозначить позиции сторон.

Митрополит ФИЛАРЕТ: Будем исходить из фактов. Львовский собор был, и с тех пор здесь выросло под покровительством православной церкви два поколения верующих. Все священники, служащие сегодня в храмах, — тоже православные. Это первая реальность. Вторая — наши отношения с римско-католической церковью развиваются позитивно. Третья — существование тех греко-католиков, что не желают следовать за православной церковью.

Для совместного решения этой проблемы мы обратились к Риму. Была создана специальная группа — по семь человек с каждой стороны. Успешно прошел разговор и с папой римским, и с государственным секретарем Ватикана кардиналом Казаролли. После этого приезжал кардинал Виллибранс с посланием от папы. Вскоре состоится следующая встреча, на которой мы продолжим переговоры.

Что касается унии, то она была навязана народу и никогда нами не признавалась.

Нам надо искать подлинно христианский путь решения проблемы, путь переговоров и согласия, а не путь насилия. Мы и раньше говорили, что восстановление унии приведет к насилию, что и случилось 29 октября, когда был захвачен Преображенский собор.

Скоро будет принят новый закон. Но

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ ВО ЛЬВОВЕ

3.

и он должен будет неукоснительно выполняться. Мы идем к правовому государству и все обязаны соблюдать правовые нормы. Как с этой точки зрения расценивать то, что произошло в Преображенском соборе? Ваши люди начали складывать свои капелюхи (головные уборы. — В. Х.) на престол, а ведь это наша святыня! У священника произошел инфаркт, его хотели причастить, но не смогли...

Здесь присутствует председатель Комитета защиты Украинской католической церкви. Но мы знаем лишь греко-католическую церковь, а украинской католической церкви на нашей земле никогда не было.

Должен сказать, что кардинал Виллибранс был поставлен в Москве в тяжелое положение. Как христианин и представитель Святого престола он не принимает методов насилия.

Я обращаюсь к вам с просьбой помочь разрядить обстановку и употребить все ваше влияние, чтобы православные священники смогли продолжить службу в Преображенском соборе.

Реплика: Выбирать должны верующие, и они двадцать девятого сделали свой выбор!

Митрополит ФИЛАРЕТ: Я думаю, что эти люди не были верующими. Верующие никогда не осквернили бы престол.

Православный архиепископ ИРИНЕЙ: Это были вообще непонятно кто. Священник, причащающий облатками, — это по какому обряду? Греко-католики такого причащения не признают. И не случайно половина верующих после этого покинула собор.

О. ВЛОХ, представитель движения «Русь»: Вы говорите, что украинской католической церкви нет. Но в ее поддержку на улицы Львова вышли сотни тысяч людей.

Православный священник: Там были и с Тернопольщины, и с Закарпатья, и с Ивано-Франковщины. Да и основная масса — не верующие, а сторонники неформальных движений.

Митрополит Филарет: На Украине шесть тысяч православных церквей. Если мы соберем сюда свою паству, это будут не сотни тысяч, а миллионы. Но мы не сторонники ни демонстрации силы, ни ее применения.

Р. БРАТУНЬ, народный депутат СССР: Реальность такова, что на Львовщине 60—70 процентов верующих — греко-католики. Они не имеют ни одного храма и не могут удовлетворять свои духовные потребности.

Я не могу отказать своим верующим землякам в праве на исповедание. Пора наконец встать на позиции правды. Почему вы не можете сесть за стол переговоров с архиепископом греко-католиков Стернюком? Надо действовать в духе братолюбия.

Реплика:

Законным или незаконным был Львовский собор, историческая ответственность за бесчинства с греко-католиками лежит на Русской православной церкви, поскольку она шла рука об руку с теми, кто это творил. Вы говорите,

что престол осквернили, так при ликвидации унии еще не то творили. Но мы это простили. Нам всем нужен дух всепрощения. Надо, чтобы и православные и греко-католики могли править службу в храмах по очереди, как в цивилизованных странах.

И. ГЕЛЬ: Нам нужна украинская церковь. И эта украинская церковь должна быть суверенной.

О. ВЛОХ: Мое мнение: если сейчас забрать уголовный иск по Преображенскому собору — все уладится. Это будет первый и, кстати сказать, весьма благородный шаг Русской православной церкви на пути легализации греко-католиков.

Р. БРАТУНЬ: Я тоже считаю, что другого решения проблемы нет.

ФИЛАРЕТ: Вы ведете дело к расколу. Самоочинная автономизация — это самозванство. Тогда на Украине начнется вражда всех со всеми. О какой духовности можно вести речь в такой обстановке?

А что касается репрессий и сталинского режима, то и православная церковь понесла от них огромный урон — вспомним хотя бы, сколько священнослужителей было отправлено на Беломорско-Балтийский канал...

Лидеры неформальных движений стояли за передачу греко-католической церкви во Львове двух храмов, Преображенского и святого Юра, и за прямые переговоры местных иерархов Русской православной церкви с местной же иерархией церкви греко-католической.

Однако Русская православная церковь, в лице митрополита Филарета, идти на прямые переговоры не желала, ссылаясь на сомнения в каноничности рукоположения униатского архиепископа В. Стернюка и на то, что уже идут переговоры Московской патриархии с Ватиканом.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ ВО ЛЬВОВЕ

4

Униатские активисты и те, кто их поддерживал, сочли позицию, высказанную митрополитом Филаретом, жесткой, непримиримой. Местные власти сохраняли нейтралитет в вопросе о захвате храмов. И волна захватов покатилась по городу, по Львовщине и соседним областям.

Московская патриархия делала официальные заявления о том, что «на фоне бездействия или прямого попустительства местных властей имели место десятки случаев захвата православных храмов, осквернения православных святынь, изгнания духовенства Русской православной церкви». Совет по делам религий при Совете Министров Украины принял решение о регистрации общин греко-католиков. Казалось бы, это могло перевести конфликт на рельсы конкретного правового решения конфликтных ситуаций.

Однако все это происходило в неких верхах, весьма далеких от рядовых греко-католиков, и никаких реальных изменений в их положение, увы, не внесло. Страсти, подстегиваемые предвыборной борьбой за места в республиканском и местных советах Украины, продолжали накаляться.

В январе прошла московская встреча, от которой многого ждали.

Вот выдержки из документа, принятого ее участниками.

«Рекомендация по нормализации отношений между православными и католиками восточного обряда на Западной Украине.

В результате обмена посланиями между Его Святейшеством Патриархом Московским и всея Руси Пименом и Его Святейшеством Иоанном Павлом II в Москве с 12 по 17 января 1990 года состоялась встреча делегатов Московского Патриархата и Святейшего Престола.

Во время встречи проявился дух братства и взаимного доверия.

1. Подтверждая приверженность своих Церквей принципам религиозной свободы, признавая, что в условиях правового государства эти принципы должны реализовываться на основе закона равно по отношению ко всем без какой-либо дискриминации, обе стороны считают необходимым скорейшую нормализацию положения католиков восточного обряда на Западной Украине.

2. Эта нормализация должна начать новую страницу в истории отношений между католиками и православными в этом регионе, противостояние и взаимная несправедливость в прошлом должны быть преодолены в духе искреннего прощения, примирения, и уступить место сотрудничеству и совместному свидетельству о Иисусе Христе, благовествовать которого призвана Церковь.

5. ...обе стороны считают, что католические общины восточного обряда в рамках существующих законов обладают правом и возможностью быть зарегистрированными в установленном законом порядке.

6. Зарегистрированные таким образом католические общины, наравне с общинами иных конфессий, имеют право получить от государства в бесплатное и бессрочное пользование культовые здания, а также строить новые храмы, арендовать или приобретать в собственность недвижимость.

7. Констатируя тот факт, что в ряде случаев приходские общины разделились и каждая из групп, как православная, так и католическая одинаково претендует на исключительное пользование храма, мы призываем обе части преодолевать взаимные претензии на основании закона, без вражды, ради достижения братского согласия при уважении свободного выбора людей, без какого-либо давления.

8. Для решения практических вопросов, возникающих в процессе нормализации отношений между православными и католиками восточного обряда, с общего согласия была высказана необходимость образования совместной комиссии с участием представителей Св. Престола, Московского Патриархата, а также православных и католиков с Западной Украины. Каждая составная часть комиссии должна иметь по одному или максимум по два представителя. Эта комиссия в своей деятельности должна исходить из настоящего соглашения и решать спорные вопросы, руководствуясь духом христианской любви и братского сотрудничества. В срочном порядке необходимо урегулировать положение в храмах, занятых католиками

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ ВО ЛЬВОВЕ

восточного обряда без согласия данных общин.

9. Община католиков восточного обряда на Западной Украине возникла 400 лет назад как попытка преодолеть разделение между православной и католической церквями. Эта попытка не привела к желаемой цели. На протяжении столетий сохранялись разделения, которые являлись источником конфликтов и страданий как для православных, так и для католиков.

Оставаясь верными заповеди Христа «да все едины будут» и стремясь осуществить эту заповедь в своих отношениях, обе церкви вступили на новый путь диалога, глубоко убежденные в том, что не этот метод унии, использовавшийся в прошлом, а диалог поможет им совместно решить проблемы, которые их разделяют...»

В ту пору многим, кто пристально следил за развитием событий на Западной Украине, думалось, что сделан заметный шаг к разрядке обстановки. Однако вскоре выяснилось, что в сложной политической борьбе греко-католические иерархи оказались в непростом положении. С одной стороны, следовало придерживаться принятых рекомендаций, то есть всячески сдерживать наиболее непримиримую часть паствы. Паства же ничего не получила ни от высоких межцерковных переговоров, ни от решения Совета по делам религий Украины о регистрации греко-католиков. С другой стороны, надо было расплачиваться по прежним политическим счетам — поддержка за поддержку. А кредиторы, бывшие за депутатские мандаты, были заинтересованы в поляризации мнений, а стало быть, не в «замирении», а в усилении конфронтации.

Закрытые двери

Ветер бьет резкими порывами. Начало марта. Погода во Львове — как маятник. Минут пятнадцать припекает солнце и даже неудобно становится, что ты в меховой куртке, но вдруг что-то меняется в воздухе и через десять минут уже ни зги не видно в налетевшей невесте откуда пурге...

В гостинице «Днестр» работает четырехсторонняя комиссия. Митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий, архиепископ Хмельницкий и Каменец-Подольский Феодосий, игумен Нестор пред-

ставляют Русскую православную церковь. Архиепископ Иринея, протоиерей А. Швец — ее Украинский экзархат, получивший недавно дополнительные права и новое название: Украинская православная церковь*. Архиепископ Мирослав Марусин и митрополит Филадельфийский Стефан Сулик — посланцы Ватикана, представители зарубежной греко-католической иерархии. Архиепископ Владимир Стернюк (Львов), епископ С. Дмитерко (Ивано-Франковск) — местные иерархи греко-католиков. Собрание идет за закрытыми дверями. Журналисты не допускаются. Интервью, комментарии не даются. Часы заседаний, маршрут: поездок держится в секрете. Впрочем, понять участников встречи нетрудно. Осаждают их не только

мои коллеги. С утра до вечера около гостиницы толпятся верующие и активисты общественных движений. Переговоры сложные, неизбежны трудные компромиссы, а именно они-то не всех устраивают. Даже из того минимума информации, что удается раздобыть окольными путями, мы, журналисты, знаем, какое мощное давление оказывается на участников переговоров. Нет, не властями, не партийными органами и не уполномоченным Советом по делам религий. Страшно подумать, какой бы шум подняли некоторые активисты местных общественных движений, если бы получили к тому хотя бы какой-то неясный повод... Приходится только удивляться, как, начиная бороться против несправедливости, извращения правды и фактов, против администрирования и произвола, люди, войдя в азарт, нередко не замечают, что, преступив грань разумного, поменялись со своими противниками местами и уже ожесточенно отстаивают свое преимущественное право на истину (против чего вчера же сами и боролись), отрицают право других на инакомыслие (что еще недавно сами же и отстаивали).

Поначалу казалось что встреча проходит нелегко, но бесполезно. Так было, когда комиссия работала в Киеве, да и здесь, во Львове. Регулярные выезды ее в «горячие точки» области, кажется, тоже способствовали решению проблем.

* В западных областях Украины стала действовать еще и Украинская автокефальная православная церковь — УАПЦ. Но, в отличие от УПЦ это «неформальная» автономия. В четырехсторонней комиссии не участвовали.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ ВО ЛЬВОВЕ

6

Никто из членов комиссии в беседе с журналистами не вступал. Однако о погоде, о достопримечательностях города, о его истории поговорить-то можно? Хотя бы в тенисном темпе: короткий вопрос — короткий ответ. Все-таки элементарная вежливость... Наблюдая за В. Стернюком и обмениваясь с ним иногда короткими, не относящимися к теме переговоров репликами, я явственно чувствовал, как падает у него настроение и копится раздражение. Я понимал, что почтенному и саному и возрастом архиепископу приходится тяжелее всех. Ведь, выйдя с переговоров, он не мог, подобно остальным, запереться в гостиничном номере. Да и ответ перед паствой и общественными движениями за все компромиссы и уступки (а без них какие же переговоры!) придется держать прежде всего ему. И поэтому именно настроение В. Стернюка избрал я в качестве стрелки барометра. А стрелка эта опускалась все ниже, и в последний день переговоров архиепископ покинул заседание, «хлопнув дверью».

Через некоторое время компанию журналистов, ожидавших в холле обещанной после окончания переговоров пресс-конференции, стремительно рассекла высокая худощавая женщина, решительно направившись к двери, за которой шло совещание. Однако на ее пути тут же встал былинного облика человек в рясе. Женщина сначала попыталась отодвинуть его в сторону гневным движением тонкой руки, затем попробовала его просто обойти, но молодец, отступив на шаг и заслонив собой дверь, стоял непоколебимо, лишь время от времени пожимая широченными

плечами в ответ на доносившиеся до нас яростные тирады.

— Кто это? — спросил я у местных коллег.

— О! — ответили мне, — «железная леди»! Лет пять лагерей за антисоветскую деятельность...

Видимо, убедившись в невозможности попасть в зал, «железная леди» стремительно развернулась и, деловито подойдя к нам, громко объявила, что она, народный депутат Украины Ирина Калинец, хочет сделать заявление для прессы. Томившись от вынужденного безделья корреспонденты тут же схватились кто за кинокамеру, кто за фотоаппарат, кто за диктофон или перо.

Смысл заявления сводился к двум пунктам.

Во-первых, личный представитель кардинала Любачивского покинул переговоры и потому, мол, любые документы и договоренности, принятые на переговорах, не имеют силы.

Во-вторых, Русская православная церковь — сталинистская, она уже разваливается на части, так как от нее откололась Украинская автокефальная православная церковь, Сибирская епархия и так далее.

Сообщение об отколовшейся Сибирской епархии меня сильно озадачило. Это надо же прозевать такое событие...

— Скажите пожалуйста, — спросил я, — какую именно епархию вы имели в виду? Их ведь в Сибири не одна и не две?..

— Самую главную. В этой... Ну как ее?.. В Хакасии! Там все в харизматики перешли. Вы что, не читали в газетах?!

Я вознамерился было объяснить И. Калинец, что Хакасской епархии не существует и не существовало, что харизматами — то есть получившими якобы особую благодать — стали члены одной из общин пятидесятников, которые вообще по православному ведомству никогда не числились, но увидел, что ей не до таких нюансов. Разгоряченная, с пылающим взором, Калинец продолжала рубить подобную «правду-матку»...

Между тем, как стало известно впоследствии, демонстративный уход В. Стернюка нарушил ход переговоров, однако посоветовавшись, участники пришли к мнению, что поскольку местная греко-католическая церковь все же представлена епископом С. Дмитерко, есть все основания для продолжения и завершения работы.

Но пресс-конференция так и не состоялась. Вместо нее было распространено заявление комиссии:

«...6 марта представители Святейшего Престола и Московского Патриархата встретились с председателем Совета по делам религий при Совете Министров УССР А. Н. Колесником, а потом с заместителем председателя Совета Министров УССР М. А. Орлик, которые подчеркнули, что согласно с договоренностью, достигну-

той Его Святейшеством папой римским Иоанном Павлом II и Председателем Верховного Совета СССР М. С. Горбачевым, церковное положение в западных областях Украины должно быть урегулировано представителями обеих церквей. Только после этого органы власти будут регистрировать общины греко-католиков.

8 марта комиссия продолжила свою работу в г. Львове и начала ее с урегулирования тех ситуаций, которые определяются наличием в небольших населенных пунктах более одного храма. Это дает возможность самым легким способом удовлетворить

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ ВО ЛЬВОВЕ

7.

религиозные нужды православных и греко-католиков. В результате проведенной работы в ряде случаев с выездами и с обследованием храмов на местах, а также встреч с верующими комиссия единогласно приняла ряд совместных практических решений.

Комиссия обращается к нецерковным организациям с просьбой не вмешиваться в церковные дела. Члены комиссии нанесли визит председателю Львовского горисполкома Б. Д. Котику. На этой встрече члены комиссии рассказали о своей работе и обратились с просьбой, чтобы местная власть содействовала работе комиссии для успешного проведения ее решений в жизнь...

Чтобы избежать недоразумений и разногласий, комиссия не рекомендует использовать в настоящее время один и тот же храм для обеих конфессий. Те верующие люди, которые претендуют на храм, обязаны вносить свои предложения письменно своему правящему епископу и терпеливо ждать решения. До решения спорных вопросов члены комиссии от имени своих церквей обязуются исключать всякую возможность насильственного захвата храмов...

Дорогие братья и сестры, мы обращаемся к вам и напоминаем вам еще раз слова апостола и евангелиста Иоанна Богослова, которые сегодня особо актуальны для нас, православных и католиков: «Возлюбленные, будем любить один другого, ибо любовь от Бога, и каждый, кто любит, рожден от Бога. Кто не любит, не познал Бога, потому что Бог есть любовь».

От имени комиссии:

*Архиепископ Мирослав-Стефан
МАРСИИ, секретарь конгрегации
Восточных Церквей Митрополит
Воронежский и Липецкий МЦФОДН.*

13 марта 1990 года.

Помимо этого заявления на переговорах были выработаны и практические меры урегулирования споров между православными и греко-католиками о принадлежности церковных зданий в городах Бориславе, Золочеве, Николаеве, Нестерове, Стрые, Яворове и в селе Мшана Городокского района, составлены и подписаны соответствующие протоколы, которые затем должны быть переданы на рассмотрение городских и районных Советов народных депутатов. С предложениями комиссии по Бориславу и селу Мшана архиепископ В. Стернюк не согласился. Но в остальном не возражал.

На следующий день была оговорена

встреча журналистов с архиепископом Иринеем в его резиденции, у собора святого Юра. У храма, наглухо закрытого, чтобы не захватили уникаты, — скопления людей. Визу, на церковном дворе, вел службу православный священник. А выше, заняв обе широкие лестницы и площадку перед дверью собора пели свои гимны греко-католики. Над ними парили на деревьях желто-голубые стяги, вымпелы с трехзубцем, портрет С. Бандеры...

Парадный вход в резиденцию Иринея оказался тоже закрыт. Пришлось объясняться, протискиваясь сквозь толпу верующих во дворе к железной двери в заборе. После пяти минут звонков и стука дверь чуть приоткрылась. Меня весьма настороженно и подозрительно спросили, кто такой и чего надо. Объяснил. Дверь заглопнула, и загремели засовы. Минут пять я провел в полной неопределенности. Наконец, дверь приоткрылась, и я протиснулся во двор.

Вопреки ожиданиям, архиепископ был настроен весьма благодушно. Да, сообщил он, комиссия выработала подходы к решению проблем, дала практические рекомендации. Дело теперь за их выполнением. Там, где в населенном пункте один храм, надо провести голосование. Если больше окажется греко-католиков, то храм следует отдать им, а они, в свою очередь, должны помочь православным в сооружении собственной церкви. Где окажется больше православных, храм — им, а они помогут греко-католикам.

О судьбе Святоюрского собора архиепископ сказал, что это один из сложных вопросов, а комиссия, чтобы максимально разрядить обстановку, решила начинать с самых простых проблем, тех, которые можно быстро решить на месте.

— Признала ли православная церковь каноничность сана архиепископа Стернюка? — спросил я.

— Мы вместе трудились в комиссии. Я думаю, что мы и впредь можем работать вместе, готовя проекты будущих решений. Однако должен заметить, что нецерковные организации вносят большую смуту в эту работу. Необходимо, чтобы все акции церкви и общественных движений объединяли, а не разъединяли народ.

— А как относится Русская православная церковь к каноничности Львовского собора? — спросили архиепископа.

blue-peg

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ ВО ЛЬВОВЕ

8

— Русская православная церковь не организовывала и не проводила Львовского собора. Это делали греко-католики, и следовательно, проблема его каноничности — их дело...

А что же вынес с заседаний комиссии П. Стерню?

Он воздерживался от контактов с прессой, но я перед отъездом все-таки проявил настойчивость.

...Дверь открыла невысокая плотная девушка. Я представился. Какое-то время она раздумывала, изучающе глядя на меня, затем попросила подождать и ушла в глубь квартиры. Значит, архиепископ дома. Присет или откажет?

Через минуту меня провели в маленькую комнату. Стены увешаны иконами.

Небольшой обеденный стол в центре.

Архиепископ Стернюк, дородный, с ласковым и в то же время ироническим взглядом поднимается навстречу. Короткий обмен приветствиями и блиц-интервью.

— Какие надежды связывали вы с прошедшими переговорами?

— Я ждал реабилитации нашей церкви, серьезного разговора о незаконности Львовского собора. Кроме того, я надеялся, что нам будут возвращены наши святыни и церкви, открыты семинария и академия для подготовки и воспитания нашего духовенства.

— Какие из ваших надежд оправдались?

— Считаю, что ни одна не оправдалась. Поэтому я и вынужден был выйти из комиссии.

— Однако комиссия выработала вроде бы вполне приемлемый подход к решению проблемы, кому владеть тем или иным церковным зданием?

— У меня другое мнение. Вот, к примеру, в городе или селе две церкви. Значит, одну — православным, другую — греко-католикам. Если православным в своей свободе, то греко-католики в своем храме не помещаются? В таком случае, по справедливости, греко-католикам надо отдать обе, а православные пусть себе строят, мы им поможем.

— Ну а если православные точно так же поставят вопрос? Тогда новый тулик?

— Сталин уничтожил все наше духовенство, к православной церкви отошло все наше имущество, все церкви. Поэтому торговаться сегодня с их стороны — несправедливо и безнравственно.

— Ваш прогноз дальнейших событий? Диалог христиан или новая вспышка конфронтации?

— Процесс может пойти разными дорогами, и я не могу предсказать, как он будет развиваться.

— Можете ли вы, духовный наставник верующих, удерживать их в границах христианского братолюбия?

— Боюсь, что такой силы у меня нет.

— Не считаете ли вы, что процесс урегулирования межцерковных отношений сильно осложняется вмешательством мирских организаций?

— Миряне — это часть церкви, без них мы не можем существовать. И они тоже вправе требовать свободы совершать молитвы в своих церквях...

Мне стало ясно, что теперь уже греко-католические иерархи заняли столь же жесткую позицию, как в начале конфликта — руководство православной церкви. Конечно, открытым текстом архиепископ этого не сказал, да и не мог сказать. Однако вся логика его суждений, мне показалось, вела к тому.

Предчувствие вскоре подтвердилось. 22 марта греко-католические иерархи опубликовали в областной комсомольской газете «Ленинская молодежь» (теперь уже не комсомольская, а молодежная и не «Ленинская молодежь», а «Молода Галичина») заявление, в котором объявили «неправомочными» все документы, принятые на недавних переговорах. Более того: у

верждалось, что эта позиция согласована с папой Иоанном Павлом II. В ответ Священный синод Русской православной церкви выступил с заявлением, где говорилось, что после отказа греко-католических иерархов от достигнутых договоренностей «участились случаи захвата православных храмов, сопровождаемые насилием и беззаконием». «Униатские лидеры призывают к удалению православных с территории Западной Украины, — утверждалось в заявлении. — Во многих местах православные вынуждены молиться прямо на улице. Местная власть, вместо того, чтобы соблюдать закон и обеспечить безопасность своих граждан, занимает одностороннюю антиправославную позицию». Далее обращалось внимание на то, что «беззаконие в Западной Украине достигло своего предела и накал вражды между верующими двух общин грозит перерасти в непредсказуемые осложнения». Авторы документа поставили под сомнение утверждение греко-католического епископата о том, что их позиция согласована с папой Иоанном Павлом II, ибо это утверждение противоречит офи-

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ ВО ЛЬВОВЕ

9

циальному заявлению Ватикана: «Святой престол весьма удовлетворен соглашением, достигнутым его посланцами в сотрудничестве с православными представителями»...

Общественно-политическая ситуация на бывшей Галичине, особенно во Львове и Львовской области, сейчас чрезвычайно сложная. Во многих Советах народных депутатов к власти пришли новые силы — это «демократический блок», объединивший и «Рух», и Украинский хельсинкский союз, и другие движения и организации, оппозиционные коммунистической партии. На этом фоне межцерковная проблема, на мой взгляд, превратилась в проблему религиозно-политическую. И решаться будет, очевидно, уже лишь в общем контексте общественно-политической обстановки.

И в заключение о позиции Украинского Совета по делам религий. Многие, с кем доводилось беседовать, считают, что обстановку можно было бы значительно разрядить, если бы Совет, требуя от местных властей неукоснительного соблюдения действующего законода-

тельства, одновременно начал регистрацию тех греко-католических обществ, которые это законодательство признали, обязались соблюдать и путем разумного диалога уладили свои отношения с местной православной общиной.

Львов — Москва

Ноябрь 1989 — май 1990

Из «Определений Поместного Собора Русской Православной Церкви» (7—8 июня 1990 г., Троице-Сергиева лавра):

«Осуждая проявление насилия сталинского режима по отношению к греко-католикам и всякое вмешательство светских властей во внутрицерковную жизнь, Поместный Собор считает недопустимым возвращение к подобным же методам в отношении к православным. История показала, что через государственное вмешательство, насилие, попрание законных прав верующих, как православных, так и униатов, невозможно решить сложную проблему отношений между этими двумя общинами».

Сколько греко-католиков на Львовщине?

Еще недавно многие утверждали, будто таковых там фактически не существует, а если они и есть, то это лишь небольшая группа. Бурные, драматические события минувшего и нынешнего годов вскрыли совсем иную картину. И тут родилась, на наш взгляд, другая крайность — в определенных кругах начали говорить, будто чуть ли не все население Львовщины считает

себя греко-католиками. Какова же истинная картина? Этим вопросом и занялась группа социологов ИС АН СССР. Проведенный ею опрос (в марте-апреле 1990 г.) показал, что последователями греко-католицизма считают себя 34% религиозного населения, состоящего из верующих и колеблющихся между верой и неверием; приверженцами Украинской православной церкви (УПЦ) — 30% и Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ), заявившей о своей полной независимости от Московской Патриархии, — 18%. Оставшиеся 18% распределились следующим образом: 3% — последователи Римско-католической церкви, 1% — Баптистской церкви, 3% — других конфессий, и 11% по-

ка не определили своей конфессиональной принадлежности.

Исследователи решили также проверить сравнительно широко распространенное мнение, будто греко-католицизм — это «национальная религия» западных украинцев. Однако опрос украинцев, живущих в западных областях и представляющих религиозную часть населения, дал такие результаты: 47% отнесли себя к православным конфессиям (29% — к УПЦ, 18% — к УАПЦ), и лишь 36% назвали себя греко-католиками.

Сектор социологии
религии и атеизма
ИС АН СССР

ВЛК-188

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ ВО ЛЬВОВЕ

У
Энциклопедия
«Науки и религии»
НИЯ

Отдельные случаи перехода верующих христиан из католичества в православие или православных в католичество бывали искони. Причиной тому мог быть брак, смена подданства, служебное положение... Так, уже в XIX веке декабрист М. С. Лунин принял католичество из политических побуждений — как протест против царящего в России порядка. Он стал «диссидентом» не только в политическом, но и в перво-родном смысле слова — инаковерующим, представителем религиозного меньшинства...

В XV веке православие приняла София Палеолог, выйдя замуж за русского великого князя Ивана III. Папский престол возлагал на этот брак свои надежды: впереди торжественного поезда невесты по Руси шествовал папский посланник с латинским крестом в руке. Дело в том, что незадолго до падения Византийской империи последняя династия — Палеологи — приняла унии с римско-католической цер-

ковью в надежде на помощь европейских рыцарей в борьбе против османов. Но Константинополь пал, и София приняла вероисповедание своих предков и своего мужа...

Брестская церковная уния 1596 года — церковно-политическая акция Речи Посполитой. Польская католическая церковь — «любимая дочь» папского престола — вводила в свою орбиту православных украинцев и белорусов. При этом сохранялись особенности православного обряда. Однако и такой «щадящий режим» не устраивал многих. Менее чем через сорок лет сейм согласился с предложением митрополита Петра Могилы о восстановлении православной Киевской митрополитии. В унии же остались в основном западно-украинские и западнобелорусские приходы. По мере вхождения этих территорий в Российскую империю унияты возвращались в православие. Процесс этот шел и добровольно, и насильственно — так же, как и введение унии.

В Галиции униатская церковь (она же греко-католическая, она же украинская католическая церковь византийского, или восточного, обряда) существует четыре столетия. Для части западных украинцев

она стала своеобразной этнической «экологической нишей» в лоне римско-католической церкви. В 1946 году Львовский собор (съезд) греко-католиков объявил о возвращении униатских приходов в православие. Греко-католики не без основания считают Львовский собор в известной степени инспирированным тогдашними светскими властями. Этот фактор и в целом жесткая администрация тех лет помешали истинно свободному самоопределению верующих.

Приходы УКЦ существуют в украинской диаспоре — Канада, США и другие страны, в Польше. Окармляет их кардинал римско-католической церкви, униатский митрополит Мирослав Любачивский, известный достаточно крайними политическими взглядами.

Кроме последователей Брестской унии существуют и другие христианские объединения, принимавшие патронат Ватикана, потому что оказывались в католическом окружении (например, унияты в некоторых областях на Балканах), или вдали от исторической родины и церкви (часть зарубежных армян), или же это локальные религиозные образования, согласившиеся на протекторат и поддержку Ватикана (марониты в Ливане).

L000062 - 01

JAKOREWAA

06-NOV-1990 16:55:06

ЦЕРКОВНЫЕ НОВОСТИ: ИТОГОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА РПЦ; МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ "ТРАДИЦИОННАЯ ДУХОВНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РУССКИХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ, АЗИИ И АМЕРИКИ"

"Московские новости", №44/90, стр.14

Свобода совести и единство церкви

Архиерейский собор Русской православной церкви, прошедший с 25 по 27 октября, принял три документа: два Определения — «Об Украинской православной церкви» и «В связи с принятием Верховным Советом СССР Закона о свободе совести и религиозных организациях», а также «Воззвание» по поводу перехода некоторых общин РПЦ под юрисдикцию Русской православной церкви за границей.

Отныне Украинская православная церковь будет сама поставлять своих епископов, а они — избирать ее предстоятеля, митрополита Киевского и всея Украины, постоянного члена Священного синода Русской православной церкви. Самоуправление УАПЦ распространяется и на хозяйственную, просветительскую, благотворительную и другие стороны ее жизни.

Год назад епископ Иоанн (Боднарчук) сообщил Священному синоду, что он выбыл из подчинения РПЦ и получил сан архиепископа Украинской автокефальной православной церкви в США (УАПЦ) от ее главы — митрополита Мстислава (Скрипника). С этого момента раскол православия шагнул из эмиграции на Украину.

Согласно проведенному Институтом социологии АН СССР опросу УАПЦ в марте — апреле 1990 года пользовалась поддержкой 15 процентов населения Львовской области (крупнейшей в СССР по количеству православных приходов), а в июне — уже 19 процентов. Рост сторонников УАПЦ происходит за счет сокращения числа приверженцев официально признанного православия: их доля за те же месяцы уменьшилась от 28 до 25 процентов.

Не вызывает сомнения, что симпатии к УАПЦ растут на Украине вместе со стремлением к независимости этой республики. Предоставление Украинской православной церкви самостоятельности по

своему замыслу должно приостановить раскол.

Между тем новый Закон о свободе совести позволяет десяти совершеннолетним гражданам создать религиозную организацию, которая вправе обрести статус юридического лица. Митрополит Киевский и всея Украины Филарет оценил это так: «Возможности для раскола увеличиваются». Видимо, поэтому Архиерейский собор заявил о необходимости наделять правом юридического лица церковь в целом, чтобы выход из ее состава отдельного прихода автоматически лишал его какого бы то ни было официального статуса.

Проблема преодоления раскола стоит не только перед Украинской православной церковью: в РСФСР несколько приходов заявили о своем переходе в юрисдикцию Русской православной церкви за границей («МН» в № 20 писали о первом таком случае, происшедшем в Суздале).

Архиепископ Смоленский и Калининградский Кирилл на пресс-конференции по окончании Собора сказал: «Семьдесят лет мы претерпевали гонения, затем мы находились в крепких объятиях власти, от которых у нас иногда трещали кости, теперь мы входим в полосу раскола. Но мы уповаем, что настанет время, когда Русская православная церковь сумеет обновить себя и способствовать обновлению общества».

Александр МИНЕЕВ.

blue-red

L000062 - 02

JAKOREWAA

06-NOV-1990 16:55:10

ЦЕРКОВНЫЕ НОВОСТИ: ИТОГОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА РПЦ;
МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ "ТРАДИЦИОННАЯ ДУХОВНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА РУССКИХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ, АЗИИ И
АМЕРИКИ"

"Московские новости", №44/90, стр.14

Протопоп Аввакум созывает паству

В Новосибирске состоялся III международный симпозиум «Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки». Два предыдущих симпозиума проходили за пределами нашей страны.

Организаторами форума по старообрядческой культуре были Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР, Институт этнографии им. Н. К. Миклухо-Маклая АН СССР, научный совет АН СССР «Роль религий в истории», Международный фонд славянской письменности и славянских культур.

Впервые в симпозиуме участвовали сами старообрядцы. Выступил с приветствием высокопреосвященнейший Алимпиий, митрополит Московский и всея Руси, глава российских старообрядцев Белокриницкого согласия. В адрес симпозиума была прислана поздравительная телеграмма от Российского совета древлеправославной Поморской церкви. Среди участников и гостей симпозиума находились председатель Высшего старообрядческого совета Литовской ССР о. Иоанн (Миролю-

бов), члены совета А. И. Никишин, В. И. Дегтярев, наставник 1-й Даугавпилсской старообрядческой общины о. Алексей (Жилко), первый заместитель председателя Общества русских старообрядцев в Румынии Ф. Кирилз, священник старообрядческой Белокриницкой иерархии о. Леонтий, прихожане различных согласий старообрядческих общин.

Впервые за столетия гонений и фальсификаций в России звучала правда о высокой и духовной крестьянской культуре, о верности национальным традициям и твердости духа. Умение старообрядцев хранить духовное и материальное наследие предков, но и постепенная утрата этого наследия в последние годы, необычайный консерватизм и в то же время редкая открытость, умение впитать все лучшее из культуры народа, чья земля дала им приют, стремление к возрождению древних традиций и невозможность возродить их без помощи научного мира — все это активно обсуждалось на встрече.

В наши дни это далеко не теоретические вопросы. Это связь с живыми людьми, с многочисленными общинами старообрядцев в СССР и за рубежом. Это связь с опытом

крепких семей и хозяйств, создавших в свое время промышленность и торговлю России. Имена Рябушинских, Морозовых, Грачевых, Гучковых, Солдатенкова, Шмита и многих других промышленников и меценатов-старообрядцев олицетворяют расцвет России в конце XIX — начале XX века. Традиции продолжены старообрядцами в Харбине, в США, проявляются они и в крепких хозяйствах старообрядцев-липован в Румынии. Этот опыт нужен сегодняшней России. Симпозиум одобрил и поддержал создание в Москве на базе бывших старообрядческих монастырей в Преображенском научно-просветительского центра традиционной русской культуры «Преображенское». Предложено также учредить международную ассоциацию исследователей старообрядчества под председательством с советской стороны — члена-корреспондента АН СССР Н. Н. Покровского и от зарубежных исследователей — д-ра Р. Морриса (США).

Первыми соучредителями ассоциации стали Академия наук СССР и центр традиционной русской культуры «Преображенское».

Игорь РУСАКОМСКИЙ.

БЕСЕДА С ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКИМ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЕМ

"Работница", №10/90

«ЗЛОЙ НЕ ИМЕЕТ БУДУЩНОСТИ...»

Вечные проблемы духовности, нравственности стоят сегодня перед нашим обществом с особой остротой. С вопросами, которые волнуют многих наших читателей, «Работница» решила обратиться к ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЮ. Святейший Патриарх любезно откликнулся на наше обращение.

— Вы возглавили Русскую Православную Церковь в чрезвычайно трудное для нашего народа время. Если судить по нашей многотысячной почте, настроение у людей не очень оптимистичное. Бесконечные нехватки, плохие жилищные условия, большая природа, неуверенность в завтрашнем дне — все это угнетает, особенно женщин. Может ли, по Вашему мнению, Церковь реально участвовать в решении социальных проблем? Или сфера ее влияния только духовный мир человека?

— Историческое время, выпавшее на нашу долю, исполнено великого и глубокого значения. Это эпоха чрезвычайной насыщенности, напряженности, это время испытания: совершается некий исторический и духовный сдвиг, жизненная ревизия человеческих духовных сил, укладов и путей. Перед обществом стоят нелегкие задачи, требующие скорейшего разрешения.

Церковь, будучи отделена от государства, ни в какой мере не отделена от общества, а значит, и не изолирована от его проблем.

Христианство как религия вечного спасения человека определенных, точно сформулированных указаний для устройства социальной жизни не дает. Но значит ли это, что для христианства социальный вопрос совершенно не интересен и что в христианстве для оправдания этого вопроса нет никаких оснований? Не давая

никаких определенных, точно сформулированных указаний о совершенствовании социальной жизни, христианство тем не менее есть не только чисто духовно-религиозное явление, но и социальное.

Христианство не философия, не отвлеченное учение или мертвая, умозрительная система. Оно живая жизнь, откровение в мире Божественной любви и призыв к участию человека в этой жизни и в этой любви. «Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь», говорит Христос. Отсюда задача Церкви заключается не только в том, чтобы помочь человеку усвоить христианскую истину умом, но и чтобы эта истина стала законом его сердца и была бы оправдываема его жизнью.

Не осуждаются и не упраздняются никакие области жизни как таковые: «каждый должен оставаться в том звании, в каком он призван», научал апостол Павел, и, однако, во всем быть христианином.

Христос не дал никаких определенных указаний относительно социальной жизни человека, но Им был ясно и определенно указан тот дух, которым должна определяться человеческая жизнь, и внутренне-духовная, и социальная: семейная, общественная, государственная. Дух этот, заключающийся в любви к Богу и к ближнему, остается неизменным навеки, находят лишь новые современные формы для своего проявления.

Воздействие Церкви осуществляется прежде всего на души людей. Но личное возрождение христианина неразрывно с его социальным влиянием. Его влияние в семье, обществе и государстве может быть не властным, не кричащим, но действительным и сильным. Это и дает право говорить о социальном значении христианства.

Сейчас благодаря благотворным изменениям в нашем обществе церковь обретает возможность более действительно осуществлять свою социальную миссию. Однако, являясь крупнейшим религиозным объединением в нашей стране, Русская Православная Церковь могла бы более эффективно участвовать в решении многих проблем общества, особенно в сферах деятельности, исконно присущих ей, таких, как

БЕСЕДА С ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКИМ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЕМ

"Работница", №10/90

2.

милосердие, благотворительность, просветительство.

— За многие десятилетия официального отторжения Церкви от государства выросли поколения людей с мироощущением, далеким от христианской морали. Можно ли изменить это положение? Станет ли Церковь искать пути к ушам и чувствам этих людей? Ведь далеко не все ходят в церкви и храмы...

— Влияние Церкви на души людей осуществляется путем свободы, которая единственно соответствует достоинству христианскому, а не принуждению, которым иногда можно достигнуть более скорых результатов, но которое и наказуется в истории. Православие не убеждает и не завлекает, оно пленяет и притягивает, это есть его образ действия в мире.

Двери Церкви открыты для всех, но также и мир весь открыт для христиан, для членов Церкви, для свидетельства о Христе. Ничего в мире нет ценнее бессмертной души человека. По природе своей она добра, и какими бы грехами и пороками ни была отягощена, всегда остается для нее возможность очищения и возрождения.

Для взволнованных страстей нет ни уроков истории, ни опыта, тут нужен светильник истины. Но где его взять среди кружения наших сообществ? Церковь должна возжечь светильник надежды для современного человека, в ней он должен почувствовать опору, увидеть для себя истинный критерий добра, обрести уверенность, понять то Главное, ради чего он живет.

— Что значит в наше время быть верующим?

— Есть некий духовный закон, владеющий человеческой жизнью. Согласно этому закону, человек неизбежно уподобляется тому, к чему он прилепляется любовью, верою и помыслами. Душа человека пленяется тем, во что она верит. Если человек верит в Бога — душа его озарена божественной любовью, и люди, которые рядом с ним, не могут не заметить и не почувствовать света этой любви. «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославили Отца вашего Небесного» — этот завет, данный Христом своим последователям, актуален во все века, а значит, и в наше время. Быть проводником любви Бога к людям, непрестанно проявлять эту любовь в милосердии, в труде, в каждом слове и деле — значит верить в Христа.

— Как видится Вам роль семьи, женщины-матери в создании лучшей нравственной атмосферы в обществе? Если можно, расскажите, пожалуйста, немного о семье, в которой Вы росли, о Ваших родителях, о том, какую роль они сыграли в становлении Вашей личности.

— Семья — это общество в миниатюре, и, как любое общество, она нуждается в своих законах и в своих судьях. Безусловно, что закон семьи — это нравственность, а его охранитель и судья — мать. Семейный союз освящен и благословлен Самим Богом. Основе семейной жизни — браку Церковь придала силу нравственного союза, направленного к духовному единению и к счастью человеческому.

Христианство с самого начала у нас на Руси приняло семью под свое покровительство и существенно возвысило, облагородило и одухотворило ее, и, что, может быть, важнее всего, подняло в общественном сознании центральную личность семейства — мать.

Кроме исторических и фактических данных, подтверждающих это, прекрасной иллюстрацией общенародного взгляда на положение матери в русской семье служит известная былина про Василия Буслави-

ча: при всей своей классической новгородской вольности этот буйный богатырь подчиняется своей немощной, старой матери, так как, говорит он ей, «не послушать тебя мне закон не велит».

Конечно, современные отношения Церкви, семьи и общества несопоставимы с теми, что существовали в старину, но думаю, что роль и назначение семьи остались теми же. Именно в здоровой духом семье закладывается в человеке основа чистой и могучей совести, а следовательно, и всей человеческой нравственности и добродетели. Имея в своей совести безошибочный критерий добра и зла, такой человек знает, чем и чему можно пожертвовать, а чем вообще жертвовать нельзя.

Именно в семье формируется духовная личность, способная иметь Родину, любить ее, бороться за нее, служить ей и умирать за нее. Именно в семье материнская любовь питает характер человека предметной, действительной любовью к людям и вызывает к жизни ту особую духовную доброту и социальность, которая оказывается свободной и от сентиментальности, и от лицемерия.

Я родился и вырос в глубоко верующей православной семье. Мой покойный отец в зрелые годы, окончив богословско-пастырские курсы, стал по призыванию священником. Моя покойная мать привила мне любовь к людям, ближним. Родители ежегодно совершали паломнические путешествия в Псково-Печерский монастырь, в Пюхтицкий Успенский женский монастырь и, наконец, в 1938 и 1939 годах — в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. Эти паломнические поездки во многом определили мой жизненный путь, взрастили потребность к духовному совершенствованию, служению добру и правде.

.blu-100

DEC 16 1990 10 59 21

БЕСЕДА С ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКИМ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЕМ

"Работница", №10/90

3.

Я бесконечно благодарен своим покойным родителям за все доброе и светлое, что они вложили в мою душу в период моего роста духовного и телесного.

В зрелые годы, годы моего пасторского служения, меня с родителями связывали узы сердечной дружбы и глубокой привязанности. Отплатить им за добро я могу лишь молитвенной памятью о них и символической благодарностью.

— *Мы все ищем пути к гражданскому согласию. Каковы реальные усилия Русской Православной Церкви и Ваши лично в этом направлении?*

— У православных верующих, как и у всех граждан нашей страны, вызывают боль и сострадание те трагические события, которые, к сожалению, имеют место в международных отношениях. Призывами к миру и согласию проникнуты неоднократно послания и заявления священноначалия нашей Церкви. Для координации действий в достижении гражданского мира проходят межрелигиозные встречи, совместные выступления религиозно-общественных деятелей.

Мы выражаем свое христианское убеждение в том, что судьбы народов от Господа устроятся, а не от силы оружия, которое, как свидетельствует история, всегда решало лишь судьбу властолюбия, честолюбия и соперничества, но не в состоянии было изменить исторического призвания народов, потому что, как говорил Премудрый, «злой не имеет будущности» и «Бог... не поддерживает руки злодеев».

— *Что Вы могли бы пожелать нашим читательницам?*

— Я желаю здоровья, мира и благополучия, дорогие читательницы журнала, вашим детям, вашим близким и родным, терпения и помощи Божией в трудах и заботах. Пусть пребывает на ваших домах Божие благословение!

Вопросы задавала Ирина СКЛЯР.

— АЯ —

blue-155

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПОГРЯЗЛА ВО ЛЖИ / 2 /

Впрочем, чему удивляться, если кое-где сам комсомол отрешивается от заслуг в воспитании молодежи, которую он пестовал семь десятков лет.

— Мы привыкли вспоминать о церкви, — говорил мне в перерыве отец Георгий, — когда уже не к кому обратиться. Но у нас многое надуманно. Я считаю, что не существует проблем молодежи в том отстраненном от всего общества виде, как их стараются преподнести. Но уж коль выделили все же молодежь, то начните не с того, чему надо их учить, а с того, кто будет воспитывать, что это будут за люди, чиста ли их совесть?

Я согласна с отцом Георгием, ибо непорядочность старшего поколения не может не отразиться на последующем. Но об этом почему-то старательно не вспоминают.

Мария Решетникова.

CODE: LO00071 - 01 JAKOREWAA 14-FEB-1990 15:39:28
ITEM:

ПО ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ ПРОКАТИЛАСЬ ВОЛНА НЕЗАКОННЫХ ЗАХВАТОВ РЯДА ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ, СОПРОВОЖДАЕМЫХ БЕСПОРЯДКАМИ. КАК ОБЪЯСНИТЬ НЕБЫВАЛУЮ ПОПУЛЯРНОСТЬ ПЕТЛЮРОВСКИХ И БАНДЕРОВСКИХ ЛОЗУНГОВ И МЕТОДОВ РАБОТЫ, ПРОПАГАНДИРУЕМЫХ ОУН?

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ». 09.02.90. № 6 (1410)

20

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

В ОЖИДАНИИ ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ НОЧИ

«Я не хочу приводить в свидетели католической неправды беспристрастную тысячелетнюю историю, она довольно известна всему образованному миру, еще свежа память злополучной унии XVII века у нас в России, свежа память фанатической ненависти, с которой истреблялись католиками западные храмы православные, памятны все ужасные поношения и ругательства, коими обзывались православная вера и Православная Церковь и несчастные православные христиане. Теперь возобновились опять времена унии...»

Отец Иоанн Кронштадтский

29 октября 1989 года в восемь часов утра толпа греко-католиков ворвалась во время богослужения в Преображенскую церковь Львова. Верующие православные были изгнаны из храма, а настоятель протоиерей Андрей Горак в течение нескольких дней находился в церкви в качестве заложника. В тот же день вокруг Преображенского храма из числа греко-католиков был организован контрольно-пропускной пункт: в храм допускались только женщины, дабы православные христиане не имели возможности тем же способом вернуть себе незаконно захваченный храм. Обращение к греко-католикам прокурора города С. Д. Крикливца и председателя горисполкома Б. Д. Котижа не возымело должных последствий. Освободить Преображенскую церковь унияты отказались. Прокуратурой города было возбуждено уголовное дело по факту незаконного захвата храма.

Сразу же после захвата Преображенского храма по Западной Украине прокатилась волна незаконных захватов ряда других православных храмов, сопровождаемых беспорядками и хулиганскими выходками, угрозами и шантажом.

В О ЛЬВОВ я приехал в ночь с 13 на 14 января. Несмотря на поздний час, в городе было многолюдно и весело, жители встречали старый Новый год. На месте, где планируется сооружение памятника Т. Г. Шевченко, сверкала рождественская елка, над ней развевался желто-синий национальный флаг. Около елки — портрет Шевченко, окруженный цветами и горящими свечами. Многочисленные стенды вокруг заполнены листовками, воззваниями, призывами, обращениями, информацией, плакатами различных неформальных объединений. Политическая активность, что называется, налицо. Стоящие отдельными группами не меньше сотни людей горячо обсуждали проблемы национального возрождения и Украинской католической церкви. Прислушался и... знакомые речи: во всех бедах виноваты русские — москали и кацапы. В них корень зла. И культуру украинскую они-де загубили, и коммунизм насаждали, и церковь украинскую извели, и вообще их во Львове слишком много. Сводит скулы от обиды за братьев-славян.

CODE:

L000071 - 02

JAKOREWAA

14-FEB-1990 15:39:38

ITEM:

ПО ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ ПРОКАТИЛАСЬ ВОЛНА НЕЗАКОННЫХ ЗАХВАТОВ РЯДА ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ, СОПРОВОЖДАЕМЫХ БЕСПОРЯДКАМИ. КАК ОБЪЯСНИТЬ НЕБЫВАЛУЮ ПОПУЛЯРНОСТЬ ПЕТЛЮРОВСКИХ И БАНДЕРОВСКИХ ЛОЗУНГОВ И МЕТОДОВ РАБОТЫ, ПРОПАГАНДИРУЕМЫХ ОУН?

2

«СССР — тюрьма народов», «КПСС — на свалку истории», «Воссоединение или оккупация», «За самостоятельную соборную Украину», «Советы без коммунистов» и прочие лозунги явно не способствуют консолидации. Но более всего нападков — на Русскую Православную Церковь...

Львовское епархиальное управление расположено рядом с кафедральным собором Святого Георгия. Как и во всех других православных храмах епархии, богослужение проходило на улице. Угроза захвата не только не уменьшилась, но в связи с деятельностью так называемого Комитета защиты Украинской католической церкви, возглавляемого дважды судимым, без определенных занятий, неоднократно привлечавшимся к административной ответственности жителем Львова И. Гелем, увеличилась. Униаты систематически угрожают при первой же возможности захватить кафедральный собор.

Разговор с секретарем епархиального управления протоиереем Андреем Горакком пролил свет на происходящие события.

Угрозы, шантаж, запугивание, ночные телефонные звонки стали повсеместной тактикой униатов. Под их давлением многие священники, опасаясь за свои семьи, перешли в католицизм. Захваты храмов сопровождались хулиганскими действиями, фактами уничтожения богослужбной

литературы, святынь и реликвий. Практически все захваты проходили под националистическими лозунгами.

Действия эти ни в коей мере не отвечают духу христианства, приверженцами которого считают себя греко-католики. Да и как расценить то, что после «богоугодного» захвата храма в селе Залесье Золочевского района Львовской области от сердечного приступа скончался священник В. И. Бочало; как объяснить многочисленные хулиганские действия в селах Мшана, Водяное, городах Стебник, Стрый, Дрогобыч.

Как объяснить небывалую популярность петлюровских и бандеровских лозунгов и методов работы, пропагандируемых ОУН (Организацией украинских националистов)? Председатель Львовского горисполкома Б. Д. Котик не только на митингах, но и по местному телевидению неоднократно заявлял, что сам он в крещении греко-католик, чем фактически «благословил» униатов на вопиющие нарушения законности. Вполне понятно, что во время предвыборной кампании каждый голос на учете, но стоит ли ради этого опускаться до сделок с совестью?

4 декабря 1989 года православные священники в знак протеста направились от кафедрального собора к зданию горисполкома. По всему маршруту их следования стояли католики, пытавшиеся всеми возможными средствами сорвать мирное шествие православных. По пути к духовенству присоединились несколько тысяч верующих, но, не желая кровопролития, действуя в духе истинного христианства, несколько пастырей постарались отговорить прихожан от участия в демонстрации, дабы не провоцировать столкновения и массовые беспорядки, которые уже неоднократно имели место во Львове.

Разгрома в Львовском ГУВД не произошло. На мой вопрос: «Будет ли дело передано в суд, ибо факт по меньшей мере хулиганства налицо?» — последовал уклончивый ответ:

— Может быть, да, а может быть, будет закрыто. Это первое дело в Союзе, уже накопилось три тома документов и протоколов опроса очевидцев и пострадавших. Но сказать конкретнее не можем.

НЫНЕ в четырех областях Западной Украины осуществляют деятельность девять униатских епископов и несколько сот священников. Но за все время с их стороны ни разу не прозвучал христиански-миролюбивый призыв к решению наболевшего вопроса об Украинской католической церкви мирным путем.

Что же положило начало политике захвата православных храмов? Как ни прискорбно констатировать этот факт, в роли вольного или невольного подстрекателя выступил... Совет по делам религий при Совете Министров УССР, принявший решение о регистрации греко-католических общин. Но, помимо регистрации, неизбежно встает вопрос о культовых помещениях для отправления богослужения, предоставить которые Совет по делам религий оказался не в силах. И потому постановление о регистрации общин лишь подхлестнуло людей к захвату церквей.

С самого начала развития событий было очевидно, что у вопроса об Украинской католической церкви явно националистическая подоплека. Католицизм навязывался как единственно приемлемое для украинцев вероисповедание, что ни исторически, ни политически не соответствует истине. Игра исключительно на национальных чувствах народа поставила в нынешней остроте межрелигиозные проблемы.

CODE: LO00071 - 03 JAKOREWAA 14-FEB-1990 15:39:48
ITEM:

ПО ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ ПРОКАТИЛАСЬ ВОЛНА НЕЗАКОННЫХ ЗАХВАТОВ РЯДА ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ, СОПРОВОЖДАЕМЫХ БЕСПОРЯДКАМИ. КАК ОБЪЯСНИТЬ НЕБЫВАЛУЮ ПОПУЛЯРНОСТЬ ПЕТЛЮРОВСКИХ И БАНДЕРОВСКИХ ЛОЗУНГОВ И МЕТОДОВ РАБОТЫ, ПРОПАГАНДИРУЕМЫХ ОУН?

3

Нужны факты? Пожалуйста. До сего времени мне нигде не приходилось встречать такого количества неформальных объединений, ратующих за национальное возрождение, как на Украине и в первую очередь ее западных областях: большинство из них выдвигает откровенно националистические лозунги, направленные не только на конфронтацию между украинцами, русскими, поляками и евреями, но и между самими украинцами.

На том же месте, возле стендов с «наглядной агитацией», несколько молодых людей продают плакаты с заголовком «Героям слава». Чуть ниже крупными буквами — «Герои Украины», а еще ниже —

четыре овалных портрета: Петлюра, Бандера, Чупринка, Коновалец. Здесь же происходит продажа значков с «лицом» Степана Бандеры, как пояснил мне «коробейник», — национального «героя-освободителя». На обратной стороне значка наклеена: «Подарок за материальную помощь». Кому — оуновцам, бандеровцам или лидерам неформалов? До какой же степени нужно дезинформировать людей, дабы они с таким остервенением и восторгом раскупали низкопробный ширпотреб! Не раз приходилось слышать и подобные изречения: «Да чем вам бандеровцы мешают? Это же наши герои, патриоты. А Советы специально переодевались и убивали под их маркой, людей запугивали». Частые гости на месте будущего памятника Т. Шевченко и красно-черные петлюровские флаги. Бедный Тарас Григорьевич! Но что особенно интересно, так это молчание украинской интеллигенции, народных депутатов СССР, а иногда и их прямая поддержка и покровительство.

Так, народный депутат СССР, писатель Ростислав Братунь, неоднократно заявлявший, что противозаконные факты захвата церковей ему неизвестны, поддерживающий идею национальной независимости Украины, когда-то давно писал в газете «Вильна Украина»: «Девять гробов несли на плечах низовчане на место вечно-го покоя. Среди них — маленькие гробики, детские... Я был в Низах, стоял около колодца, когда из него доставали останки жертв бандеровцев... Пусть задохнется вы, изверги, от свежего ветра ранней весны, пусть хлеб станет для вас камнем, а вода пусть отступится от вас, когда вы в жажде наклонитесь напиться к источнику-колодцу».

Ныне позиция литератора, как и многих других деятелей культуры, резко изменилась. Может вызвать лишь недоумение направление львовской областной молодежной газеты, занимавшей соглашательско-покровительскую позицию по отношению к устроителям массовых волнений.

Кто и с какой целью разжигает самые низменные человеческие чувства, опускаясь с высоты национального самосознания до позорного уровня национал-шовинизма? Всего лишь несколько лидеров. Один из них — Степан Хмара. Политический портрет С. Хмары поражает. Он успевает выступать одновременно от лица трех львовских организаций: как член координационного совета Украинско-Хельсинкского союза, один из лидеров комитета защиты УКЦ и... заместитель председателя Львовского стачкома. Последняя должность повергает в легкое замешательство, ибо, как и подавляющее большинство лидеров неформальных объединений, он длительное время нигде не работает.

Другой «герой» — подвизающийся на Ивано-Франковщине кандидат в народные депутаты УССР Л. Лукьяненко, житель Чернигова. Его предвыборная платформа отличается особой реакционностью: выход из состава СССР, развал «империи», реконструкция капиталистической системы, использование наемного труда и т. д. Приговоренный в 1961 году к высшей мере наказания и избежавший ее, Л. Лукьяненко без малейших угрызений совести вещал в автобиографии, опубликованной в националистической газете «Путь к победе», издаваемой в Мюнхене: «И когда война началась, немцев встречали с хлебом-солью. И немцы действительно дали возможность спокойно передохнуть...»

ДНОЙ из основных частей политиканской кампании, связанной на Украине, стал вопрос об Украинской католической церкви. «Нас 5 миллионов греко-католиков», — гласит один из лозунгов. Но во всем западном регионе Украины вряд ли наберется пять миллионов жителей вместе с новорожденными. Тем не менее «статистика» эта попала на страницы «Огонька» и пошла гулять по белу свету.

И вот страсти накалены, идея национальной и государственной независимости витает в воздухе, пьянит головы людей. Долой Россию! А если Россию, следовательно — и Русскую Православную

Церковь. Вот где разгадка — в названии. И решила часть священников, сторонников национальной независимости, создать свою, автокефальную, самостоятельную Украинскую апостольскую православную церковь во главе с Киевским патриархом. Как же, ведь, исходя из почерпнутых из плакатов сведений, 2/3 всех доходов Московской Патриархии поступает с Западной Украины. Так «посадим русскую православную церковь, просоветскую, прокоммунистическую, на государственные дотации» — призывает другой плакат. И огромное число прихожан

CODE: LO00071 - 04 JAKOREWAA
ITEM:

14-FEB-1990 15:39:59

ПО ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ ПРОКАТИЛАСЬ ВОЛНА НЕЗАКОННЫХ ЗАХВАТОВ РЯДА ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ, СОПРОВОЖДАЕМЫХ БЕСПОРЯДКАМИ. КАК ОБЪЯСНИТЬ НЕБЫВАЛУЮ ПОПУЛЯРНОСТЬ ПЕТЛЮРОВСКИХ И БАНДЕРОВСКИХ ЛОЗУНГОВ И МЕТОДОВ РАБОТЫ, ПРОПАГАНДИРУЕМЫХ ОУН?

поддержало автокефальную православную церковь: во избежание кровопролития, ради сохранения Православия.

Во время разгула националистов и униатов архиепископ Ивано-Франковский Макарий объявил голодовку. Здоровье его резко ухудшилось, что подтвердили медики. По многочисленным просьбам архиепископа прекратил голодовку. Но трудно даже предположить, что пришлось претерпеть ему за это время. Надо быть воистину страстотерпцем, дабы вынести такое количество оскорблений и унижений. Но самое страшное — предательство...

За день перед большим праздником — Крещением Господним — настоятель Свято-Воскресенского кафедрального собора протоиерей Стефан Абрамчук уговаривал архиепископа Макария не принимать участия в богослужении во избежание кровопролития, ибо вход в кафедральный собор блокируют католики (в чем я имел возможность убедиться сам). Рано утром владыка Макарий уехал служить в монастырь, а священник С. Абрамчук публично заявил, что владыка их бросил, предал, отказался защищать и с сегодняшнего дня надо переходить в Украинскую автокефальную церковь.

Таким образом, быть может, сам того не желая, Совет по делам религий при Совмине УССР своими неуклюжими действиями дал повод не только к захвату храмов, но и к расколу внутри Православия, чем несказанно осложнил и без того напряженную обстановку. Результат нагляден: из 19 храмов Львова три остались верны Русской Православной Церкви, шесть перешли в католичество, десять — в Украинскую автокефальную православную церковь. Аналогичное соотношение и в Ивано-Франковске. Хочется задать тривиальный вопрос: куда идти христианину, когда верхушка делит власть?

Помню слезы женщины у кафедрального собора в Ивано-Франковске, ее взволнованные слова: «У нас может быть второй Азербайджан, даже хуже. В Азербайджане народ сплочен, а нас сумели расколоть внутри самих себя. Если можете, помогите!».

Истинный патриотизм всегда отвергал национальную исключительность, нетерпимость и ненависть к другим народам, шовинизм и нацизм. Отвергало их и христианство. Ныне обстановка изменилась. Христиан толкают на войну друг против друга. Войну, спровоцированную политическими трюкачами, готовыми, ради достижения власти, организовать новую Варфоломеевскую ночь.

Олег ШЕСТАКОВ,
специальный корреспондент
«Литературной России»
ЛЬВОВ — ИВАНО-ФРАНКОВСК

Когда номер готовился к печати, Центральное телевидение и газета «Известия» сообщили, что Свято-Воскресенский кафедральный собор в Ивано-Франковске постановлением исполкома городского и областного Советов передан католикам восточного обряда; председатель Совета по делам религий при Совмине УССР Н. Колесник в интервью газете «Известия» утверждал, что в настоящее время обстановка на Западной Украине нормализуется...

Нам удалось связаться с управляющим Ивано-Франковской епархией архиепископом Макарием и выяснить, что за последние недели обстановка в области не только не нормализовалась, но чрезвычайно обострилась. Решение исполкомов городского и областного Советов незаконно, поскольку идет вразрез с существующим положением о регистрации общин и предоставлении им культовых помещений. Ряд изданий сообщил, что ответственность за передачу Воскресенского собора взял на себя Н. Колесник.

После захвата Воскресенского собора греко-католики попытались оцепятать здание епархиального управления. Органы внутренних дел не только не воспрепятствовали им в этом, но и отказались обеспечить охрану управления; разбойными действиями был захвачен Свято-Преображенский Гошевский монастырь; толпа греко-католиков вывела из здания Долинского РК КПУ его секретаря и доставила в церковь, потребовала открыть ее и предоставить униатам. В селах Долинского района начались массовые поджоги домов православных...

Выражая протест против противоправных действий органов власти и уполномоченных Совета по делам религий, завершившийся на днях Архиерейский Собор Православной Церкви обратился к правительству СССР и Украины с просьбой незамедлительно прервать акты насилия и беззакония.

ГОВОРИТ СЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ ВТОРОЙ:
 "СЛАВА БОГУ, ЛЮДИ И ВЛАСТИ ПОНЯЛИ НАКОНЕЦ, ЧТО ВЕСТИ ВОЙНУ С
 ЦЕРКВЬЮ И С ВЕРОЙ — ЗНАЧИТ ВЕСТИ ЕЕ СО СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ ДУШОЙ"

111

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
 ГАЗЕТА** 28.11.90 № 48 (5322) 9

ПОМОЖЕТ ЛИ НАМ БОГ?

На вопросы обозревателя «ЛГ» Олега МОРОЗА отвечает
 Святейший патриарх Московский и Всея Руси
Алексий Второй

— Ваше Святительство! Спустя несколько дней после октябрьского переворота 1917 г. митрополит Тихон, получив известие об избрании его патриархом, говорил: «Ваша весть об избрании меня патриархом является для меня тем свитком, на котором написано: Плач, и стон, и горе... Сколько... придется мне глотать слез и испускать стон в предстоящем мне патриаршем служении, особенно в настоящую тяжелую минуту! Не хотелось ли и вам сказать что-либо подобное, когда вы вступали на пост патриарха? Ведь и сейчас тяжелая година!»

— 1990 год все же отличается от конца года 1917-го... Слова, которые вы привели, взяты святителем патриархом Тихоном из пророка Иезекииля. Их судьба, конечно, удивительно схожа. И в дни патриарха Тихона, и в дни пророка Иезекииля только начиналось пленение их народов, в обоих случаях продлившееся 70 лет. И в том, и в другом случае это пленение было вызвано охлаждением ревности по Богу в народе, и ближайшей религиозной опасностью было подчинение верующего народа религиозным взглядам их новых властителей, то есть древнему или новому язычеству.

И пророк Иезекииль, и патриарх Тихон обращались либо к отступникам от веры отцов, либо к людям, находившимся на грани такого искушения. Я напомним вам слова, которые Бог гово-

рил своему пророку, прежде чем вручить ему этот горький свиток: «Я посылаю тебя к сынам Израилевым, к людям непокорным, которые возмутились против Меня; они и отцы их изменили предо Мною до сего самого дня. И эти сыны с огрубелым лицом и жестоким сердцем... Будут ли они слушать, или не будут... но пусть знают, что был пророк среди них. А ты, сын человеческий, не бойся их и не бойся речей их... и говори им слова Мои...» (Иез. 2, 3—7).

Сегодня, кажется, люди, напротив, ищут дорогу к церкви, и потому обращаться к ним с такими суровыми словами было бы неуместно.

Что же касается моего личного самоощущения — оно определяется одной простой церковной заповедью: «На кресте не просят, но и с креста не бегают». Если мне будет уготован путь патриарха Тихона — я приму его. Но дерзать самому сравнивать себя с ним я не могу.

Кроме того, тогда удар сознательно и специально наносился по церкви и патриарху. Сегодня же и церковь, и патриарх будут иметь лишь те скорби, которые будут переживать весь народ. И поэтому патриарху сегодня не стоит выделять свой особый крест.

— Каким вам видится наше сегодняшнее общество? Могли бы вы дать его беглый нравственный портрет?

— Мое видение определяется тем опытом социального общения, который я могу иметь. Пастырь большей частью имеет дело с людьми, которые сами обратились к нему. А раз человек об-

**ГОВОРИТ СЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ ВТОРОЙ:
"СЛАВА БОГУ, ЛЮДИ И ВЛАСТИ ПОНЯЛИ НАКОНЕЦ, ЧТО ВЕСТИ ВОЙНУ С
ЦЕРКВЬЮ И С ВЕРОЙ— ЗНАЧИТ ВЕСТИ ЕЕ СО СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ ДУШОЙ"**

121

ратился в церковь — значит, нравствен-
ное, духовное начало в нем уже пробудилось. В целом задача пастыря — увидеть лучшее в человеке и надеяться на его возрастание. Конечно, та информация, которая идет со всех сторон, приводит подчас в ступор. Но, еще раз, те встречи, которые происходят и у меня, и у моих сослужителей, утешают, особенно это относится к детям, обучающимся в воскресных школах. Надеюсь, мы не потеряем это поколение.

Английский писатель и христианин Гилберт Честертон как-то сказал, что все люди делятся на две категории. Первая и лучшая из них — это просто люди. И их, к счастью, больше всего...

Прошедшие годы, конечно, оставили свой след. О том, каковы пороки нашей общественной жизни, знают все. А в области религиозной можно говорить поистине о религиозном одичании. Христианство пытались вытеснить из жизни людей — но на смену ему приходит подлинное язычество. Колдуны, «целители», суррогаты «восточной мудрости», обожествляемые «пришельцы»... И с этим язычеством, может быть, бороться будет тяжелее, чем тысячу лет назад.

— Люди требуют от КПСС покаяния — за весь тот океан горя и страданий, который она им принесла. Не чувствует ли необходимости в чем-либо покаяться и Русская православная церковь?

— Преподобный Исаак Сирин говорил, что «вся церковь есть церковь согрешающих, вся церковь есть церковь кающихся». Церковь вообще свята не святостью своих членов, а святостью Христа, Который живет и действует в ней.

Если мы этот даваемый нам талант не умножаем — мы грешим. У каждого из нас есть грехи перед Богом и перед ближними.

Но ваш вопрос, очевидно, имеет другой смысл: грешна ли Русская православная церковь перед русским народом? Но что такое Русская церковь, как не сам русский народ, взятый в его духовном устремлении? И у Русской церкви в целом нет греха, отдельного от греха русского народа.

Если же говорить более конкретно — мы не считаем, что позиция, занятая с 1927 года митрополитом Сергием, а затем и последующим церковным руководством, принесла вред церкви и народу. Об этой декларации много сейчас споров. Но ведь декларация митрополита Сергия 1927 г. не стоит каким-то ключевым, поворотным пунктом в истории нашей церкви советских десятилетий. Принятая в надежде остановить гонения, она их в те годы не остановила. В плане же содержательном она не была первой или самой далеко зашедшей попыткой объяснения церкви с властями, отказывавшими церкви в самом праве на существование.

На Красной площади у Покровского собора.

Фото Александра КАРЗАНОВА

В этих попытках объяснения церкви приходилось давать властям требуемую ими дань лояльности. Надо было пояснить, что сама церковь не будет использовать свой авторитет для обострения конфронтации народа и власти, для разжигания политических страстей. Поэтому митрополит Сергий в этой декларации и сказал: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». На эту формулу было много нападов в церковной среде. Но ведь разве не то же самое сказал Тертуллиан — один из первых христианских богословов — римскому императору.

FILE-152

ГОВОРИТ СЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ ВТОРОЙ:
 "СЛАВА БОГУ, ЛЮДИ И ВЛАСТИ ПОНЯЛИ НАКОНЕЦ, ЧТО ВЕСТИ ВОЙНУ С
 ЦЕРКВЬЮ И С ВЕРОЙ — ЗНАЧИТ ВЕСТИ ЕЕ СО СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ ДУШОЙ"

151

также безбожнику и гонителю христиан: «Когда государство потрясено бедствиями, бедствуем также и мы, вместе со всеми членами его, и хотя толпа считает нас чужаками, но беда, кажется, не обойдет и нас» (Тертуллиан. Апология. XXXI, 3). Увы, и в этот раз беда не обошла стороной и христиан — вопреки их подчеркнутому нежеланию вступать в распрю с государством по политическим вопросам.

В самой же формуле митрополита Сергия есть нюанс, которого многие не хотят замечать. Он считает своими беды и радости Родины, а не атеистического государства. Причем о Родине он говорил в те времена, когда само слово это было почти под запретом. И потому не соответствуют истине утверждения из недавнего послания Синода Русской зарубежной церкви о том, что «декларация митрополита Сергия о тождестве интересов церкви и безбожного государства до сих пор лишает патриархию свободы» («Русская мысль», № 3711 за 12.2.1988). Уж если что и лишало патриархию свободы, то, наверное, не декларация.

Дело не в словах 60-летней давности — магической силы они не имеют. Декларация 1927 г., еще раз повторю, сиюминутного реального плода не принесла. Но курс, намеченный еще патриархом Тихоном и развитый митрополитом Сергием, все же помог сохранить церковь и дожить до сегодняшнего дня. Этот курс был — брать на свою совесть меньший грех, дабы избежать греха большего. Так солдат на войне убивает (и это грех), но отдать на погубление врагу своих ближних, с точки зрения церкви, было бы грехом несравненно большим. Личное совершенство иногда приходится принести в жертву ради блага других. Патриарх, или митрополит, подставляющий под заведомый разгром свою паству, согрешил бы перед Богом, людьми, Россией больше, чем если бы компромиссом он заслонил церковь. А заслонять приходилось разными путями, в том числе и провозглашением лояльности.

Это — больно. Но не может многомиллионная церковь в тоталитарном государстве уйти в катакомбы. Мы грешили. Но виноваты мы не перед народом. Ради него, ради возможности не уходить окончательно из реальной жизни

сотен миллионов людей иерархи церкви брали грех на душу — грех молчания, грех неправды. И за него перед Богом мы калялись всегда.

Кроме того, наш отказ увести церковь в катакомбы принес и еще сугубо духовный плод: мы, члены Русской православной церкви, не культивировали в себе ненависти и жажды мщения. Боюсь, что психология катакомб нас подталкивала бы именно к этому.

— Не слишком ли покорно перенесла церковь те злодеяния, которым подвергли ее, вместе со всем народом, убийцы и садисты? Известно, например, что в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей, начатой в феврале 1922 года, по России прошло до двух тысяч процессов и расстреляно было более десяти тысяч верующих, в том числе погиб ряд церковных иерархов, например, митрополит Петроградский Венедикт (он сейчас рассматривается как кандидат на канонизацию, равно как и более ранняя жертва большевистского террора — настоятельница Марфо-Мариинской обители великая княгиня Елизавета Федоровна). Я уж не говорю о бесчисленных потерях, понесенных церковью в последующие годы сталинщины. Между тем резких протестов со стороны церкви, обращений к международной общественности и т. д. неизвестно. Даже в годы брежневщины, когда расстрелы уже не грозили, и тогда церковь не поднимала голос протеста, не вступалась за жертвы произвола (об отдельных протестующих голосах священников я не говорю).

А ведь были моменты — особенно в период патриаршего служения Святейшего Тихона, — когда народ готов был узреть в церкви последнюю опору, сплотиться вокруг нее в противостоянии кровавой деспотии. Вместо противостояния была покорность.

Трудно представить, чтобы так покорна была, допустим, Польская католическая церковь.

— Да ведь наша «покорность» была первоначально связана с ощущением того, что церковь и Россия принимают свою горькую чашу из руки Божией. И сами гонители воспринимались как орудие Божьего исцеляющего жгущего прикосновения. Вспомним послания патриарха Тихона или, скажем, более доступные для читателей вашей газеты стихи Максимилиана Волошина времен гражданской войны. Помните: «Верю в правоту верховных сил, расколовших древние стихи, и из недр обугленной России говорю: «Ты прав, что так судил!..»

Католичество, конечно, имеет свои традиции. Но к числу этих традиций относится и политический реализм. Ни в Прибалтике, ни в послевоенной Польше, Германии, Венгрии, Чехословакии, Румынии католическая церковь не возглавила антикоммунистическую борьбу. Более того, католические общины этих стран легче нашли свое место в социалистических условиях, чем мы, — они не вызвали на себя таких гонений, которые выпали на долю Русской православной церкви.

Позиция патриарха Тихона, который не стал призывать к вооруженному сопротивлению, является глубоко укорененной в православной традиции. Поистине

ВАСИ - 198

ГОВОРИТ СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ ВТОРОЙ:
 "СЛАВА БОГУ, ЛЮДИ И ВЛАСТИ ПОНЯЛИ НАКОНЕЦ, ЧТО ВЕСТИ ВОЙНУ С
 ЦЕРКВЬЮ И С ВЕРОЙ — ЗНАЧИТ ВЕСТИ ЕЕ СО СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ ДУШОЙ"

141

это было не его личное решение, но через него сказалась вера всей церкви, весь ее двухтысячелетний опыт. Здесь нет места обсуждать духовный смысл и обоснованность такого поведения. Скажу лишь, что, оставаясь подлинно православным, нельзя было избрать иное.

Вспомним хотя бы подвиг первых русских святых — страстотерпцев Бориса и Глеба.

— Есть ли у вас чувство обиды на КПСС и государство, которые долгие годы жестоко терзали церковь?

— Спасителем нам заповедано молиться за врагов наших. Молитва же всегда есть созидательное напряжение благой воли. Это воляющее, действующее, активное пожелание всеми силами своей души подлинного блага и добра, спасения тому, о ком ты молишься. Конечно, поэтому духовно невозможно ненавидеть того, кому ты молитвенно желаешь вразумления. Эти люди сами считали себя нашими врагами. Мы же не дозволяли себе испытывать к гонителям ненависти и зложелательства. Если бы мы поддались на это искушение, это и означало бы нашу духовную капитуляцию перед ними, ибо означало бы, что силы зла вошли в наше сердце и сделали нас единными в злобе со своими гонителями.

«Ненавидь грех и люби грешника» — так говорит православие. Я могу и должен осудить (в смысле дать нравственную оценку) поступок человека. Но я не могу поставить знак тождества между этим поступком и самим человеком. «Этот человек солгал» — это дозволенное порицание. «Этот человек лжец» — это уже греховное осуждение. Не оправдывая грех гонений на церковь со стороны государства и со стороны идеологических вдохновителей этих преследований, мы все же всегда старались видеть в гонителях живых людей. Верующие и священники, прошедшие лагеря, рассказывали, что, бывало, даже своих охранников и следователей им удавалось обращать ко Христу. Это о них, об исповедниках, слова того же Володина: «В попытках мы выучились верить и молиться за палачей. Мы поняли, что каждый есть пленный ангел в дьявольской личине».

— Как вы полагаете, почему марксисты прекратили многодесятилетнюю борьбу с церковью? Просто осознали ее практическую бесперспективность или видели более глубоким движениям разума и сердца?

Надеетесь ли вы, что возрождающаяся церковь сможет внести вклад в решение проблем, стоящих перед нашим обществом? Не кажутся ли вам преувеличенными такие надежды?

— За все благие изменения в нашей жизни в первую очередь мы всегда при-

носим благодарение Богу — подателю жизни и добра. Воля Его сказывается и через побуждение людей к исканию добра.

Происходящие перемены не могли не произойти, ибо 1000 лет христианства на русской земле не могли исчезнуть совсем и ибо Бог не мог оставить свой народ, столь возлюбивший Его в своей прежней истории. Не видя десятилетиями просвета, мы не оставляли молитв и надежды — «сверх надежды надежды», как говорил апостол Павел. Мы знаем историю человечества и знаем любовь Бога к сынам Его. И из этого знания мы черпали уверенность, что времена испытаний и господства тьмы кончатся. Слава Богу, люди и власти поняли наконец, что вести войну с церковью и с верой — значит вести ее со своей собственной душой.

Кроме того, груз нерешенных общественных проблем заставляет многих предполагать, что где-то вне их среды все же есть оглядки на решение — за границей

или в выпесненной за пределы активной общественной жизни церкви.

Что касается возможности церкви помочь обществу — надо учесть, что, накопив тысячелетний опыт помощи каждой человеческой душе, церковь не имеет готовых рецептов для общества в целом, для решения его экономических, политических, экологических проблем. Здесь мы должны искать и думать вместе. Здесь и лежит поле собственно диалога (в отличие от церковной проповеди и душепопечительства).

Диалог этот сегодня ведет церковь через участие в Верховном Совете страны и в других органах государственной власти, через совместные конференции, школы, издания. Очень важным считаем дать светским специалистам во всех областях знаний возможность ознакомления с основами христианского видения мира и человека, чтобы, исходя из этого видения, они могли бы сами в своей профессиональной деятельности искать решения, созвучные христианским исходным посылкам и целям.

В частности, поэтому для нас (мы уверены, что и для всего общества) так важен вопрос о допущении факультативного преподавания христианского богословия, основ духовности и нравственности в светских учебных заведениях, конечно, по желанию родителей и самих учеников.

— Как известно, сейчас происходит быстрый рост числа церковных приходов: в 1985 году добавилось три новых прихода, в 1986-м — 10, в 1987-м — 16, в 1988-м — 209, за 9 месяцев 1989-го — 2185... На 1 июля этого года у нас насчитывалось 11 118 приходов против 6806 на начало 1985-го. Радует ли вас такой рост? С одной стороны, он действительно стремителен, а с другой — что такое 11 тысяч приходов на 200 миллионов русского народа?

ГОВОРИТ СЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ ВТОРОЙ:
"СЛАВА БОГУ, ЛЮДИ И ВЛАСТИ ПОНЯЛИ НАКОНЕЦ, ЧТО ВЕСТИ ВОЙНУ С
ЦЕРКВЬЮ И С ВЕРОЙ— ЗНАЧИТ ВЕСТИ ЕЕ СО СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ ДУШОЙ"

151

Где вы берете священников для вновь открывающихся приходов? Если в стране не хватает хороших врачей, хороших учителей, хороших инженеров — откуда взяться хорошим священникам? Стало быть, быстрый рост числа приходов еще ни о чем не говорит!

— Духовность человека, священника в церковном понимании, — это подлинность его религиозной жизни, это любовь к Богу, к молитве, богослужению, церкви и ее установлениям. Отсюда питается уже любовь к ближним. Уверен, что большинство священнослужителей нашей церкви имеют эту двуединую любовь — к Богу и к людям. В конце концов, если духовенство бездуховно — церковь рассыпается, близится к исчезновению. Обновление же, переживаемое сейчас нашей церковью, свидетельствует об обратном — о том, что мы собираемся по священнослужению не перестали быть подлинно духовенством.

Что же касается образовательного и культурного уровня — здесь сложнее. Открываются тысячи храмов. Нужны священники. Но семинарии и на треть сегодня не могут удовлетворить нужду в них. И до перестройки не все священнослужители имели богословское образование. Сейчас же их доля еще более снизится. Епископы вынуждены рукополагать людей, которые свое горячее желание принять крест пастырства не могут подкрепить соответствующей подготовкой. К сожалению, растет разрыв между запросами, которые общество обращает к церкви, и реальной способностью духовенства, недостаточно подготовленного к диалогу и слишком

будут обладать необходимой подготовкой в области вероучения. Поэтому мы считаем, что просветительскую работу миряне должны вести лишь по благословению священника или епископа, которые могли бы удостоверить доброкачественность преподаваемого материала. С другой стороны, светским лицам, приглашающим представителей церкви для чтения курсов лекций в светских учреждениях образования и культуры, следовало бы спрашивать потенциальных преподавателей о наличии у них благословения и подтверждения со стороны церкви.

Надеюсь, что развитие катехизаторского и проповеднического служения поможет скорейшему приходу в церковь новых людей, которые смогут исцелить те недуги нашей церковной жизни, которые не сможем, быть может, преодолеть мы. Создание церковных братств, ставящих перед собой задачи просветительской деятельности, — знамение времени и ответ на нужды церкви.

— В эти дни, когда нигде нет мира — ни на улице, ни в душе, — многие с на-

деждой смотрят на церковь, ожидая увидеть в ней пример мудрости и спокойного достоинства. И церковь в самом деле говорит о мире, о любви, о взаимном прощении. В проповедях. Но в реальной жизни и ее захватывает всеобщая эпидемия ненависти, борьбы, противостояния. Разгорается вражда между конфессиями, идут атаки на Русскую православную церковь со стороны так называемых «карловчан», украинских автокефалистов. Все мы были свидетелями такой иступленной вражды во время вашей недавней поездки в Киев. Как это все понимать!

— За рубежом образовалась своя эмигрантская церковь, к сожалению, чуждающаяся общения с Русской православной церковью и обвиняющая ее в политических и чуть ли не вероучительных компромиссах. О вероучительных, догматических изменениях в нашей церкви всерьез говорить, конечно, нельзя. (Если не считать за «догматическую революцию» наше несогласие считать монархию единственно возможным способом устройства христианского общества.) В области политики... Я не считаю нравственно безупречной позицию человека, который приближается к изголовью тяжко избитого человека и вместо помощи осыпает его упреками: что же ты, мол, не кричал и не звал на помощь, когда тебя били! Значит, слишком сильно били, так сильно, что и кричать было нельзя...

А с другой стороны, подумайте — если бы во времена татарского ига нашлись церковные деятели, которые воспротивились бы политике Александра Невского, митрополитов Алексия и Петра, направленной на замирение с ордой, и начали призывать к анафеме и к организации немедленного восстания? Приблизил бы этот раскол час освобождения?..

Или что было бы, если бы в Византии церковь начинала бы раскалываться из-за политических симпатий или антипатий к тому или иному императору?

Нам не нужны «богословско-политические» инспекции из-за рубежа, проверяющие, так ли мы верим, православны ли молимся и благодатна ли наша церковная жизнь. Но мы с радостью примем попытку поделиться с нами духовным опытом, накопленным зарубежными православными, опытом жизни в условиях, весьма отличающихся от наших,

малочисленного для нашего 200-миллионного народа, возвращающегося к вере, чтобы ответить на эти запросы.

Там более очевидна необходимость различать суждения отдельных священников (особенно по вопросам культурной и общественной жизни) от позиции православной церкви в целом.

У нас есть образованные люди, сочетающие в себе владение современной

ГОВОРИТ СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ ВТОРОЙ: "СЛАВА БОГУ, ЛЮДИ И ВЛАСТИ ПОНЯЛИ НАКОНЕЦ, ЧТО ВЕСТИ ВОЙНУ С ЦЕРКВЬЮ И С ВЕРОЙ — ЗНАЧИТ ВЕСТИ ЕЕ СО СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ ДУШОЙ"

культурой и укорененность в православной традиции. Кроме того, верующие, работающие в светских учреждениях науки и культуры, теперь, не так более своих убеждений, открыто сотрудничают с церковью, а многие из них принимают и священный сан. Растет и уровень наших духовных академий. Совместными усилиями богословских сил церкви Священный Синод вырабатывает позицию церкви по важнейшим вопросам современной жизни. Поэтому затруднение или неспособность того или иного священника дать нужный совет не означает, что подобающий ответ не может найти вообще вся церковь. Разные служения есть в организме церкви — и потому с одними вопрошениями уместно обратиться в монастырь, с другими — в духовные академии, а с третьими — самими основными и нужными человеку — к своему приходскому священнику.

Компенсировать же нехватку подготовленных пастырей мы будем стараться через развертывание широкой издательской деятельности. В условиях, когда не каждый священник может быть серьезным учителем и проповедником, мы надеемся, что телевидение и средства массовой информации помогут нам донести слово Божие до людей.

Мы надеемся также, что богословски грамотные и подготовленные миряне смогут взять на себя часть труда по возрождению подлинно приходской жизни. В этом нельзя ограничиваться усилиями лишь иерархии и священнослужителей. Надо на деле вспомнить, что наша церковь «соборная» и что заботы церкви — это заботы каждого христианина, каждого прихожанина. Должно стать нормальным преподавание закона Божия, религиозного, начал духовности и нравственности мирянам. Хотелось бы, однако, предупредить, что возможно появление самозванцев, людей, которые под видом православия будут проповедовать иные взгляды или же просто не

но сейчас, кажется, уже становящихся и нашими.

Мы готовы к соединению — на церковной, а не на политической основе. От нас же требуют именно политических деклараций и жестов. Но так ведь скоро мы дойдем до того, что человек, пришедший креститься, сначала допросит священника о его политическом кредо и в случае несоответствия позиций пойдет искать другую приход!

Согласитесь, нелепа ситуация, когда будут сосуществовать «Русская православная монархическая церковь», «Русская конституционно-демократическая церковь», «Белорусская православно-экологическая церковь» и т. д.

А если всерьез — церковь издавать строится только по территориальному признаку. Епископ Нью-Йоркский имеет не больше прав открыть свой приход в Рязани, чем епископ Ташкентский.

164
Всех тех, кто согласен быть с нами в единстве веры, кто желает с нами идти ко Христу, мы считаем своими и не желаем, чтобы государственные границы или политические пристрастия разделяли братьев.

Что касается так называемых украинских автокефалистов — эти люди хотят видеть в Христе не своего Господа и Судию, а союзника. Союзника в политической борьбе. 2000 лет назад люди также относились ко Христу как к политической фигуре: одни надеялись на Него как на политического лидера, другие опасались Его так же, как опасного политического преступника. И в итоге вместе они распяли Его... Подчинение церковных интересов политическим, превращение церкви в инструмент политики всегда является насилием над верой и церковью, всегда ведет церковь на Голгофу.

Лишь человек неглубокой веры, неподлинный христианин может использовать свою веру для достижения каких-то житейских или политических выгод. Но что является грехом для одного человека — является грехом и для труппы людей, для партии. Если бы украинские автокефалисты четко могли разъяснить, в чем единство с русской церковью мешает делу их духовного спасения и в чем они станут духовно богаче, отмежевавшись от своих русских братьев, — я постарался бы их понять.

У Украинской православной церкви есть свои специфические сложности, есть свои традиции. Зная об этом, мы предоставили ей независимость и самостоятельность в делах управления. Но несерьезно, когда, скажем, использование церковнославянского языка на богослужении хотят запретить под предлогом, что это, мол, московские притеснения против украинского языка. Ведь и в Москве мы молимся не на русском, но это вопрос не политический, а богословско-духовный, и видеть в нем дискриминацию церковью русских было бы явно неумно.

На языке же ультиматумов, обвинений и ненависти в любом случае в церкви говорить не стоит.

— Ситуация в стране становится все более критической. Если не тайна, о чем вы молитесь в эти дни!

— Это, наверное, заключительный вопрос. И чтобы, отвечая на него, подвести итог всей нашей беседы, я хотел бы привести слова, которыми отец Георгий Флоровский заканчивает свою книгу «Пути русского богословия»: «Ошибки и неудачи прошлого не должны смущать. Исторический путь еще не пройден, история церкви еще не кончилась. Не замкнулся еще и русский путь. Путь открыт, хотя и труден. Суровый исторический приговор должен перерождаться в творческий призыв несделанное совершить. «И многими скорбями подобает в царствие Божие войти».

Мы разве не чувствуем здесь не только утвердительное суждение, но и молитву!

БЕСЕДА С ПРОТОИЕРЕЕМ АЛЕКСАНДРОМ КУБЕЛИУСОМ: "ТАК БОГ ВОЗЛЮБИЛ МИР, ЧТО ОТДАЛ СЫНА ЕДИНСТВЕННОГО, ДАБЫ ВСЯКИЙ ВЕРУЮЩИЙ В НЕГО НЕ ПОГИБ, НО ИМЕЛ ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ" / 1 /

КАК

БЫТЬ

4

● 26 ноября 1990 года ●

С ЛЮБОВЬЮ ?

ПОДУМАЕМ ВМЕСТЕ

*Около 90 миллионов верующих
насчитывается в нашей стране.*

*Но, наверное, намного больше тех,
кого «не посчитали». Потому что это
очень личное, как бы много об этом
ни говорили и писали.*

*Сегодня у нас в гостях главный
редактор издательского отдела
Украинской Православной Церкви,
преподаватель Киевской духовной
семинарии, кандидат богословия,
протоиерей АЛЕКСАНДР КУБЕЛИУС.*

БЕСЕДА С ПРОТОИЕРЕЕМ АЛЕКСАНДРОМ КУБЕЛИУСОМ: "ТАК БОГ ВОЗЛЮБИЛ МИР, ЧТО ОТДАЛ СЫНА ЕДИНСТВЕННОГО, ДАБЫ ВСЯКИЙ ВЕРУЮЩИЙ В НЕГО НЕ ПОГИБ, НО ИМЕЛ ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ"

121

ОТЕЦ Александр, многие называют сегодняшние дни вторым крещением Руси. Вы согласны с этим определением?

— Мне нравится изречение главного героя произведения Лескова Савелия Туберозова, который говорил, что по размышлению пришел он к двум выводам, в коих уличенным желает быть в невежестве и ошибочности. Первое — что христианство на Руси еще не проповедано, и второе — что события могут повторяться, их можно предсказывать. На сей предмет имел я беседу с довольно умным своим коллегой. Он сказал, что мы водой крестились, а Духом еще нет.

— И сейчас идет крещение Духом!

— Вы знаете, скорее всего, нет. Потому что крещение Духом — это своего рода внутреннее очищение. Обычно золото очищается в огне испытаний. Сейчас стало легко — и принять крещение, и посещать воскресную школу. Но где были эти люди, когда было тяжело, когда все было запрещено? Я их не осуждаю, но говорить о том, что это второе крещение, не стоит.

— Я имею в виду массовость — огромное количество народа крестит детей и крестится сейчас...

— Вера проверяется огнем испытаний.

— Значит, это настоящее!

— Я не могу так сказать. Но... массовость не отвечает тем высоким представлениям о христианстве, которое хранит в себе Церковь. В массе есть действительно жгущие огнем веры. Но массовость всегда настораживает.

— Крещение Руси при Владимире было официальным принятием христианства государством, соединением государства и церкви. Вы бы хотели, чтобы сейчас произошло воссоединение церкви и государства?

— Ни в коем случае. Потому что задачи церкви и государства различны. Церковь в своей идее стоит над государством, на что указывал еще Иисус Христос: «Царство мое не от мира сего». Могу сказать только, что я очень положительно отношусь к новому Закону о свободе совести, который был опубликован 10 октября. В свое время я обращался еще к Сахарову с просьбой учесть мои пожелания относительно этого закона. Главное, что меня радует, учтено следующее: «Придание религиозным общинам и объединениям общин статуса юридического лица».

— «Отцы различают в человеке дух, душу и тело», — говорится в Писании. Чем отличается дух от души?

— У Отцов Церкви две точки зрения: дихотомия, то есть двусоставность человека, и трихотомия, то есть трисоставность. Трихотомия — это дух, душа и тело. Этой доктрины придерживался виднейший наш богослов и удивительная личность — архиепископ Лука Войно-Ясеницкий. У него есть даже произведение «Дух, душа и тело». Но когда мы говорим о человеке, то апостол различает духовного человека и душевного человека — это вещи совершенно разные. Духовность в нашем христианском понимании означает близость к Богу и богообщение. А душевность — это просто человечность.

— Почему если духовность поощряется не только в религиозном, но и в нерелигиозном понимании, в Евангелии сказано: «облажены нищие духом»!

— Я считаю, что «духовности» в нерелигиозном понимании нет. Это подмена понятий. Блаженство нищеты духа означает, что человек извергает свой дух вон, он принимает только дух Божий. Истинная духовность — общение с Богом в Духе Святом.

— Минувало уже и 1000-летие крещения Руси. Появились ли в самой религии какие-то новые представления или она как была, так и осталась?

— Нет, православие стабильно, можно сказать, консервативно. Потому что мы храним то Священное Предание, которое передали нам святые апостолы и ученики святых апостолов. Поскольку Бог не изменяется ни во времени, ни в пространстве, и Откровение всегда актуально, нам нет нужды его «подгонять» под современность.

— У меня, может быть, неверная информация, но я слышала, что церковь отказалась от такого своего представления: богатство теперь не осуждается.

— Понимаете, само по себе богатство никакое, оно — ни плохое, ни хорошее. А вот наше отношение к материальным благам может быть греховным либо праведным. Я напомню вам беседу Спасителя с одним из юношей, который подошел к Учителю с вопросом: «О, благий, что мне делать для того, чтобы наследовать жизнь вечную?» — А Господь сказал: «Соблюдай заповеди». — Юноша сказал: «Все заповеди я соблюл». — И тогда Господь сказал: «Продай имение свое, раздай нищим и иди за мной». — И юноша отошел от Него, опечалившись, ибо имел большое имение. То есть само отношение к богатству может быть греховным. Есть люди, обладающие колоссальными материальными благами, но не имеющие в сердце греха сребролюбия, и есть нищие, которые одержимы таким грехом. И я думаю, еще очень важно помнить, что богатому труднее войти в Царство Небесное, нежели верблюду пройти сквозь игольное ушко. Стремление к богатству отодвигает человека от Царствия Божьего.

— Но до какой степени! Ведь церковь тоже стремится, чтобы у нее были какие-то материальные ценности...

— Нет, у нас другое. Дело в том, что нам сейчас передают то, что было разрушено, что было испокон веков собственностью церкви и было незаконно изъято. Состояние этих храмов, монастырей, святых мест — ужасное. Это знают все. Государство нам не помогает. Значит, необходимо откуда-то изыскивать средства. Конечно, мы призываем прихожан к пожертвованию, они покупают свечи, крестики, святые медальоны, богослужебную, религиозно-просветительскую литературу. Естественно, что из этого складывается бюджет. То есть сама по себе цель материального накопления чужда духу христианства. Можно распоряжаться очень большими средствами, но при этом ничем не обладать.

— Отец Александр, в Православном катехизисе сказано: «Мир имеет не только бытие, но и задание и цель — стать богоподобным, достойным божественной славы и блаженства». Получается, что все, что происходит на земле, — каким-то образом по плану Божьему, так!

— Дело в том, что человек обладает свободой воли, он может идти против Бога, а может пребывать вместе с Богом. То, что совершается в мире, совершается по Промыслу Божьему. То есть Он знает, что совершается, Он может вмешиваться для того, чтобы прекратить несправедливость, но он хочет, чтобы мы сами от нее отказались. Зло, которое творится в мире, не приемлется Богом, он не пресекает его только

БЕСЕДА С ПРОТОИЕРЕЕМ АЛЕКСАНДРОМ КУБЕЛИУСОМ: "ТАК БОГ ВОЗЛЮБИЛ МИР, ЧТО ОТДАЛ СЫНА ЕДИНСТВЕННОГО, ДАБЫ ВСЯКИЙ ВЕРУЮЩИЙ В НЕГО НЕ ПОГИБ, НО ИМЕЛ ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ"

131

для того, чтобы мы сами добровольно от него отказались. Он может пресечь...

— Но ведь есть просто жертвы зла, они не виноваты, зло вокруг них, а они не могут противостоять...

— Я бы не судил Бога. Мы не знаем Божьего Промысла. Часто говорят: если бы Бог был, он не допустил бы, скажем, войн, несправедливости, невинных жертв. Если бы был. Но дело в том, что для нас он всегда есть. Почему он это допускает — это тайна, которую мы до конца постичь не можем. Мы можем постигать, но не можем постичь.

— Вы говорите, что у человека есть свобода в мире: он может пасть, а может и не пасть, но есть ведь и такое высказывание в Православном катехизисе: «Свобода человека всегда ограничена, так как человек является частью космоса, и космические силы влияют на него извне и изнутри...»

— Границей свободы человека является Бог, не имеющий границ.

— Это сложно...

— Сложно, да, но вы знаете, мне не нравятся утверждения, что вот космос там и всякое такое... Космос — дело хорошее, но это же творение. Когда мы начинаем говорить о космическом разуме, то мы, как мне кажется, впадаем либо в пантеизм Спинозы, либо исключаем Бога из бытия мира. Открываясь Древнему Израилю, Бог говорит: «Я сущий», то есть «аз есмь». Это очень важно. Конечно, человек как часть творения связан с космосом, но с другой стороны, он связан и с Творцом. С одной стороны, человек, как существо ограниченное в чем-то, действительно имеет границы, а с другой — как и несущий образ и подобие Божье в себе, имеет способность не иметь границ, пребывать в безграничном Боге.

— Как религия относится ко всевозможным целям, которых сегодня появилось очень много!

— Я думаю, что много шарлатанов — потому что каждый человек обладает чувством значимости. Это во-первых. Во-вторых, да, есть действительно люди одаренные. Одаренные кем? Богом. Ведь когда мы говорим «одаренные», это значит, кто-то получил дар просто так. Развивать в себе эти способности можно. Главное — следовать путем, предложенным Христом. В каждом действии, в каждом чувстве такого человека и его мысли должна отражаться вечная слава Божья. Если этого нет, то очень сложно провести границу между добром и злом. Потому что чудеса могут творить и бесы, и люди, соединенные с силами зла. Они могут покорять народы, творить с ними чудеса. И это есть.

— А чего больше!

— Я думаю, что правда всегда побеждает, и добро всегда победит зло. Просто оно может в одном месте не проявляться. Добра всегда в мире, в любой точке (как вам нравится говорить) Космоса больше, но оно может проявляться в меньшей степени, чем зло.

— Да, но от этого не легче.

— Почему не легче? Сознание этого уже облегчает жизнь. Потому что мы, сотрудничая с Богом, должны сделать добро реальностью. Ведь, как говорит апостол Иаков, брат Господень, вера без добрых дел мертва есть. Апостол Павел говорит: покажи мне веру. А показывать ее можно только через добрые дела. По-

БЕСЕДА С ПРОТОИЕРЕЕМ АЛЕКСАНДРОМ КУБЕЛИУСОМ: "ТАК БОГ ВОЗЛЮБИЛ МИР, ЧТО ОТДАЛ СЫНА ЕДИНСТВЕННОГО, ДАБЫ ВСЯКИЙ ВЕРУЮЩИЙ В НЕГО НЕ ПОГИБ, НО ИМЕЛ ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ"

141

чему я говорю о мертвости? Потому что ведь и бесы веруют в Бога, верят и трепещут, ибо они не хотят быть с Ним. Это очень деликатный момент. И еще одно: я лично принимаю как проявление высшей духовности способность творить милосердие, быть милосердным. Почему? Евангельское изречение «Бог есть любовь». И призыв Христа — «Будьте милосердны, как и Отец ваш Небесный милосерден есть». Если мы милосердны, значит, мы любим того, кому мы творим милость. А если мы творим милость и любим, то, конечно, живет в нас Господь. Для того, чтобы Бог пребывал в человеке, необходимо любить. Любить и врагов, и друзей, и весь тварный мир. Говорится в Писании: кто Бога любит, а брата ненавидит, тот лжец.

— Но есть ведь в Евангелии и такое выражение: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю: не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его».

— Это можно попытаться объяснить следующим образом. Дело в том, что проповедь Христа сначала воспринималась немногими. И, естественно, не все домочадцы принимали сию благовест. Кое-кто оставался на прежних позициях, исповедуя языческий культ, исповедуя то, чему научили его предки. Те, кто принимал христианство, естественно, становились по другую сторону. И вот, разделение на тех, кто принимает христианство, и тех, кто не принимает его, является следствием действия меча, меча благовести.

— Отец Александр, а как быть с любовью при нашей непростой обстановке в стране?

— Я могу посоветовать обратиться к практике Мхатмы Ганди, который в основу своей политической деятельности положил религиозные принципы и главное — принцип любви и ненасилия.

— Но если общество наше реальное, конкретное общество уже раскололось на людей, которые в какой-то мере считают друг друга врагами, — вы будете хорошо относиться и к тем, и к другим?

— А я и так и к тем, и к другим хорошо отношусь.

— Выбирать не будете?

— Я выбирать не буду, у меня нет людей, которых я любил бы больше. Мне, например, скорбно, когда христианин поднимает оружие, какого бы исповедования он ни был. Почему я обращаюсь к Ганди — потому что сейчас человечество нуждается в героях. Нам необходима высоко нравственная личность, необходима личная святость, то есть человек, который может стать лидером, должен стать по сути святым. Если это будет, тогда прекратится любой экстремизм.

— Это лидер один на всех?

— Да, и будут поражены и правые, и левые. Благодаря Ганди (я потому говорю о Ганди, что, по словам американского пастора Джона Хомса, в лице Ганди мы имеем самое последнее и самое возвышенное следование Конфуцию, Ландзи, Будде и Иисусу Христу) произошло вот что. Этот человек не был христианином по исповеданию. Он был ортодоксальным вихнунтом, но всей своей жизнью он исповедовал Христа. Благодаря ему Индия стала практически без кровопролития свободной. Ведь вы представьте себе, что

такое религиозные войны: там нет пощады ни детям ни младенцам, ни старикам. И вот англичане, когда уходили из Индии, спровоцировали религиозное столкновение между индусами и мусульманами. И начала литься кровь. Причем проливалась она беспощадно. И Ганди совершил тогда свой поход мира. Там, где он проходил — один, безоружный, — люди бросали оружие и раскаивались. Я не представляю, как это можно сделать. Но этот человек обладал настолько великой силой любви, что одним взглядом, своим присутствием мог пробудить чувство стыда и совести. Для этого надо самому быть святым. А если я, допустим, призываю людей к святости, но не буду сам жить по правде, то что же получится?

— Кого вы могли бы назвать на Украине если не в качестве такого лидера, то по крайней мере больше всех к нему приблизившегося?

— К сожалению, я не знаю кого-либо из святых, живущих в наше время на Украине.

— В связи с лидерством хотелось бы знать ваше мнение и о том, что взбудоражило даже самых провинциальных и пессимистичных — о голодовке студентов на площади.

— Голодовка носила политический характер, и не дело церкви поддерживать те или иные политические требования. Но, несомненно, заслуживает уважения готовность пожертвовать жизнью во имя идеи. И что я совершенно отвергаю — это утверждение, якобы студенческое движение и голодовка инспирированы кем-то. Каждый из этих студентов — взрослый человек, отвечающий за свои действия, и я думаю, каждый из них не настолько глуп, чтобы быть безвольно и бессмысленно управляемым кем-либо. Еще утверждают, что им, мол, платили за голодовку. Это ложь. Это заведомая ложь потому, что человеку можно заплатить и он убьет другого, но сам за деньги он жертвой не станет. Вы когда-нибудь голодали в знак протеста?

— Нет.

— А я голодал.

— Но об этом вы нам не расскажете!

— Нет.

— Отец Александр, как священнику вам приходится часто исповедовать людей. Им становится легче. А вам?

— Тяжелее, конечно, потому что ведь я принимаю грехи на себя. А при этом сам погружаюсь во грех

— Но вы считаете себя счастливым человеком!

— Безусловно. Потому что я иду тем путем, который начертал нам Господь.

— Христианство считает, что не надо думать о завтрашнем дне: «довольно для каждого дня своей заботы». В какой-то мере это призыв к бездействию!

— Ведь Господь благословил труд, вот мы и трудимся.

— Но почему же нельзя думать о завтрашнем дне!

— Есть притча о том, как один человек собрал великий урожай, потом разрушил житницу и поставил новую. Возрадовался. Так вот Господь ему сказал: «Глупец, в эту ночь взят будешь». Ведь тот человек заботился о завтрашнем дне, правда?

БЕСЕДА С ПРОТОИЕРЕЕМ АЛЕКСАНДРОМ КУБЕЛИУСОМ: "ТАК БОГ ВОЗЛЮБИЛ МИР, ЧТО ОТДАЛ СЫНА ЕДИНСТВЕННОГО, ДАБЫ ВСЯКИЙ ВЕРУЮЩИЙ В НЕГО НЕ ПОГИБ, НО ИМЕЛ ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ"

151

— Но это не конкретный завтрашний день, это вообще подразумевается будущее!

— Будущее у христианина одно — это стремление соединиться со Христом в Царстве небесном.

— Отец Александр, сейчас все чаще «с неба» прилетают НЛО. Как вы лично относитесь к разговорам и публикациям об НЛО!

— Никак. И даже без интереса. Объясню, почему. Это моему спасению способствует или же препятствует?

— Но вы верите в то, что есть инопланетяне!

— А почему бы и нет?

— И вам все равно!

— Абсолютно. Меня интересует, каким я завтра или сегодня буду стоять перед судом Божиим.

— А они не имеют к этому отношения!..

— Господь — Он и над ними: Он и их будет судить, и нас. Меня интересует больше, что я скажу Ему сегодня во время вечерней молитвы, потому что когда мы молимся, мы входим в такое состояние, в котором можно услышать глас Божий, и этот глас есть, обмануть его невозможно, Бога обмануть нельзя.

— А как вы относитесь к ясновидящим!

— Есть ясновидящие... А вот в отношении шарлатанов я советую почитать великолепное произведение Всеволода Соловьева «Очарованный принц». Сказать вам честно? Меня это не интересует. Я верю только в Промысел Божий и в то, что Господь милостив к кающимся грешникам. Потому что то, что творится, — по Божью попущению, может быть, против Его желания, но Он всегда знает о том, что творится...

— Как вы думаете, все верующие так считают!

— Я отвечаю за себя.

— Когда говорится о раях, говорится и о вечности. Отец Александр, вы бы хотели жить не на том, а на этом свете вечно!

— Представьте себе, если жить вечно: имеет ли время власть над человеком? Нет. А если не имеет власти, значит, человек всегда один и тот же, правильно? Для стареющего человека жизнь сливается: он не осознает, что живет, и не осознает, что умер. Помните «Путешествие Гулливера»? У него есть там путешествие в страну, где жили люди, неспособные умирать. Они рождались с пятном на лбу. Это было ужасно, они не понимали, живут они или не живут. Вы смерти боитесь?

— Стараюсь не думать.

— Зря. Думать надо. Тогда и жить будете иначе.

— Вы читали лекции в Школе нетрадиционных направлений в науке, в Общественной академии космических наук, в планетарии, в республиканской библиотеке для юношества, в Институте усовершенствования учителей...! Но если в двух словах — что бы вы могли сказать нашим читателям!

— «Так Бог возлюбил мир, что отдал Сына единого, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную».

Интервью вела
И. РЫСЮК.

◆ Р. С. В Древнем Риме рабы доживали в среднем до 17 лет.
Вольноотпущенные — до 23—26.
Торговцы и ремесленники — до 34.
Врачи и купцы — более 40.
А дольше всех — в среднем 70—80 лет — жили христианские священники и их жены.

-ЛФ-

ВОПРОСЫ ВЕРЫ

"СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА" от 25. 8. 90

НИКТО, кому дорога наша культура, не может остаться равнодушным к ее бедам. «Болезни» действительно много. Особенно много различных высказываний насчет кризиса духовности, нравственности. Но пока заметно преобладает эмоциональность, даже митинговость. А она вряд ли может быть средством долгого и постоянного действия. Она рассчитана на непосредственный результат. Когда же мы займемся с серьезными гарантиями, необходима неуклонная, настойчивая, постоянная работа по поддержанию жизни общества в нормальном состоянии. А это требует хороших законов.

Из всех законов, очеловечивающих жизнь человека, важнейшим издавна был и остается закон о свободе личности. Правда, провозглашенная еще в евангельском учении, свобода личности от государства была «узаконена» много позднее — сначала в Великой хартии вольностей (Англия, XIII в.), затем в Декларации независимости (США, 1689 г.) и, наконец, во французской Декларации прав человека и гражданина (1789 г.), откуда перешла в европейские конституции. Непосредственными компонентами свободы личности выступают: свобода личной собственности, свобода совести, собраний, мыслей, мнений, свобода слова и печати, обучения, союзов и ассоциаций, то есть все те великие свободы, которые стимулируют духовные силы человека...

Со времен знаменитого французского художника Эжена Делакруа идея свободы воплотилась в образе красивой жертвенной женщины с развевающимся знаменем в руках. Наш

художник Борис Кустодиев «переоформил» эту идею в фигуру гигантского рабочего, шагающего с красным флагом, как Гулливер, через весь город (картина «Большевик», 1919 г.), чем, конечно, существенно огубил образ и как бы предугадал его судьбу. Я имею в виду не трагедии сталинских времен, будто бы подготовленные тактикой большевизма, а забытые (или замолчанные?) предостережения Плеханова на этот счет. Тема свободы личности, без сомнения, давала чрезвычайно много. Но революционное сознание авангарда и психология толпы — это ведь далеко не одно и то же. Малообразованному обывателю выгоднее было показать свою «свободу» грабежом дворцов, нежели размышлять об истинной свободе.

Действительно, свобода личности была понята чересчур широко — от космологической интуицизма П. А. Флоренского до беспредметных коллажей Д. Бурлюка. Естественно, что между этим интеллектуальным взлетом и приземленным материализмом нового гегемона образовался громадный духовный разрыв. В результате не нашлось ничего лучшего, как пресечь свободу мысли. Культурное развитие было разрешено только в русле официальной идеологии, что и завело нашу культуру в тупик догматизма. Обратной стороной догматизма стало неверие в истину, с чем неизбежно связаны цинизм и аморализм. Я беру на себя смелость поделить некоторые своими мыслями, главным образом в области свободы совести. Именно здесь хорошие слова заметно расходятся с делом.

Статья 3 проекта нового закона гласит: «Каждый гражданин самостоятельно определяет свое отношение к религии, вправе единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии». Прекрасно! Но как тогда понять, что из закона выпала та статья декрета 1918 года, в которой ясно говорилось об отмене всяких правозлишений, связанных с исповеданием какой бы то ни было веры (статья 2)? Значит, правозлишения остаются? И эта законодательная уловка сразу же оказалась на волюнтаризме местных властей. На всю стра-

ну нашумело «ивановское дело» об упорном отказе местных властей передать общине верующих храм. Не менее громкий резонанс вызвала акция рязанских властей, изгнавших с работы учительницу музыки поселка Кадом за то, что они... пели в церковном хоре? Из Рязанского обкома мне ответили, что членов КПСС, посещающих церковь, надо вообще исключить из партии. Не есть ли это возврат к той печальной памяти идеологиче-

ской диктатуре, губительность которой теперь признается, кажется, всеми?

Могут ли помочь возрождению духовности такие меры, как возвращение церкви отобранных и закрытых храмов, свободное издание и распространение религиозной литературы и отправление различных обрядов? Могут, конечно, но, я думаю, только отчасти. Потому что все это, даже доступность религиозной литературы, обращено, главным образом, к внешней, обрядовой стороне сознания, к тому, что «надо», но не к тому, к чему внутренне зовет голос истины. Голос истины зовет к осмыслению себя как части Вселенной. Мы нередко иронизируем над наивностью веры наших предков, не зная, не ведая того, что «метафоры и символы древности (в том числе мифологические и религиозные) содержат в себе, если их расшифровать, больше информации о свойствах сознания, чем любая привязка наблюдаемого поведения к изменениям характеристик мозга» (М. К. Мамардашвили). Сознание начинает вырисовываться как нечто космическое, что сулит грандиозную философскую революцию. Я веду мысль к тому, что необходимо положить конец неоправданной дискриминации древних философских интуиций, которые, по условиям времени, носили религиозную форму. Но как раз подобная дискриминация допущена в проекте Закона о свободе совести, в котором в качестве «варианта» к статье 6 сказано, что «преподавание религиозных учений в учебных заведениях, в которых преподаются общеобразовательные предметы, не допускается» (!). Получается, что знание религиозных учений не относится к общему образованию!

/MM/

/еше/

blue-red

AUG 29. 1990 * 701 22

DAY MONTH YEAR

ВОПРОСЫ ВЕРЫ / 2 /

На, может быть, я слишком поспешен в выводах. Может быть, изучение религиозных учений допускается в университетах? Нет. Ведь университеты — это те же «учебные заведения, в которых преподаются общеобразовательные предметы». Следовательно, и в университетах недопустимо изучать вопросы свободы воли, свободы совести. Выходит, наш школьник, наш студент обречен вариться в мутном вареже так называемого «научного атеизма»...

Не будем касаться сложных вопросов веры, но разве познавательная сторона проблем совести, свободы воли, этики не обогащает духовный мир, мир души? Разве все это является частными вопросами, которые новый Закон о свободе совести допускает к изучению только «частным образом»?

/ MM /

blue-red

НАУЧНЫЙ АТЕИЗМ ПРЕДПОЛАГАЕТ СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ
КАК НАУЧНАЯ ОТРАСЛЬ ЗНАНИЙ

"КОМСОМОЛЕЦ УЗБЕКИСТАНА" от 15. 8. 90 стр. 1

КОММЕНТАРИЙ

Не просто смена вывески

ДОМ НАУЧНОГО АТЕИЗМА ПЕРЕИМЕНОВАН В РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР ПРОПАГАНДЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Дильшод МАХСУДХАНОВ

Порой удивительные вещи происходят в нашей стране в эпоху перестройки. В редакцию «КУ» поступила информация о том, что Республиканский Дом научного атеизма переименовывается... в Республиканский центр пропаганды духовной культуры. Следовательно, круто изменится и деятельность данного учреждения. Что это — дань моде или же переоценка ценностей в духе эпохи нового мышления? Создание центра — указ сверху или инициатива смелых энтузиастов, которые, к счастью, еще не перевелись в родном отечестве! На эти и другие вопросы любезно ответил директор нынешнего РДНА Мирзаазиз Ганиевич ЯХЪЯЕВ.

— В определенном смысле, мы отстали от идеологической перестройки, но это вовсе не означает, что коллектив РДНА все это время бездействовал. С сожалением приходится признать, что в печально известные времена, именуемые застойными, мы с болью наблюдали, как бездумно растрачивались те духовные ценности, которые из глубины веков достались нам в наследство от великих мыслителей Востока: Ибн Сины, Алишера Навои, Абу Райхана Беруни, Аль Хорезми... Мы страдали от своей беспомощности, но, когда грянула эпоха перестройки и гласности, наш коллектив выступил с собственной инициативой о коренном переосмотре дел в области атеистической идеологии. В пропагандистской деятельности мы напрочь отказались от оголтелого отрицания религии, от оскорбления чувств верующих. Сегодня мы стараемся наладить более тесные контакты с деятелями духовенства и верующими в плане дискуссионной и обменной мнениями по различным вопросам и проблемам

жизни, быта, обрядов, ритуалов и традиций верующих.

— Всякое хорошее начинание, если оно угодно правительству, доводится у нас до такого состояния, что народ вспоминает о палке, которую перегнули. Примеров тому множество: коллективизация, «кукурузация», делила, ВАМ, антиалкогольный закон — далеко не полный перечень печальных фактов нашей истории. Теперь — возвращение к религиозным истокам. И сегодня их одна уважающая себя телепередача, или одно официальное печатное издание, или один «перестроечный» фильм не обходится без кадра с изображением разрушенного храма. Все хорошо в меру, но когда конъюнктурщики извращают благородное начинание, у людей появляется недоверие к очередной кампании. Что же все-таки побудило коллектив РДНА пойти на столь решительный шаг!

— Узость и односторонность функциональных задач нынешнего существующего Дома научного атеизма не отвечают

идеологическим требованиям сегодняшнего дня, и это твердое убеждение всего нашего коллектива. Но это вовсе не означает какой-то специальный указ сверху. Идеологическая перестройка в нашем представлении предполагает критический анализ прошлой практики и объективную оценку нашей сегодняшней деятельности, которая должна, в конечном счете, выработать новые формы и методы работы.

— Расскажите, пожалуйста, какой конкретной деятельностью вы предполагаете теперь заниматься!

— Мы остановились на таком варианте: на базе РДНА и его филиалов создать центры пропаганды духовной культуры. Самым сложным моментом в этом процессе является определение основных задач нового Центра. Это исходит из того, что сейчас создается очень много различных неформальных центров и обществ, многие из которых так или иначе претендуют на пропаганду духовного наследия, поэтому конкретизация задач Центра стала процессом длительным и нелегким. На наш взгляд, Центр пропаганды духовной культуры должен служить для реализации следующих задач: широкая пропаганда гуманистического, научного, философского наследия мыслителей древнего Востока, в данном случае, особое внимание будет уделяться пропаганде свободомыслия: в нынешних условиях считаем для себя важной задачей внесение посильного вклада в дело укрепления межнациональных отношений через пропаганду традиций, ритуалов и обрядов народов

Средней Азии и Казахстана, единых или близких по своему содержанию и смыслу; пропаганда духовных богатств, связанных с восстановлением и развитием национальных устоев узбекского народа. Эти три основные задачи будут реализовываться через всевозможные пропагандистские мероприятия и научно-методические издания. В данном случае, успех деятельности нового Центра во многом будет определяться уровнем сотрудничества с соответствующими ведомствами и учреждениями науки, культуры, народного образования, здравоохранения, другими общественными организациями республики. Будут устанавливаться творческие союзы с родственными организациями республик Средней Азии и Казахстана, а при необходимости наша деятельность предполагает такое сотрудничество с родственными организациями других республик нашей страны.

— Означают ли эти перемены полный отход от атеистической идеологии или все-таки что-то из опыта прошлой деятельности РДНА коллектив новой организации возьмет на вооружение?

— Действительно, некоторым может показаться, что с реорганизацией Дома научного атеизма в Центр пропаганды духовной культуры будто бы канут в Лету такие понятия, как «научный атеизм», «атеистическая пропаганда» и т. д. Да, исчезают старые формы и методы работы, исчезает государственный атеизм. Научный атеизм предполагает свое существование как научная отрасль знаний. С другой стороны, объяснение происхождения и эволюции религии то-

же являются предметом научных изысканий. В данном случае, проект нового Закона о свободе совести и религиозных организациях предполагает демократические права и свободы личности в определении своего отношения к религии и атеизму. Исходя из этого, научный атеизм должен служить укреплению гуманистических, общечеловеческих, нравственных ценностей, синтезируя достижения гуманитарных и естественных наук.

— На основании какого официального документа произойдет преобразование РДНА в Республиканский центр пропаганды духовной культуры и как скоро начнет действовать новая организация?

— Проект нового положения о статусе Республиканского центра пропаганды духовной культуры разрабатывался в нескольких вариантах, каждый из которых представлялся президиуму правления общества «Знание» на рассмотрение. В июле все коллективы РДНА и его филиалов на своем семинаре-совещании обсудили и приняли последний вариант проекта положения, составленного с учетом замечаний и предложений предыдущих. В заключение хочу подчеркнуть, что надо трезво смотреть на такие стороны нашей деятельности, как материально-техническая база, пребывающая в плачевном состоянии, и слабое финансовое положение. Исходя из этого, мы будем стремиться в условиях новых экономических отношений находить определенные пути, дающие возможность укрепить материально-техническую базу, будем перенимать опыт общества «Знание» и других культурно-просветительских учреждений.

УНИАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ В БЕЛОРУССИИ

СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ

18 августа 1990 г.

Забывшие страницы

ИСТОРИЮ ПЕРЕПИСАТЬ НЕЛЬЗЯ

К проблеме возникновения и деятельности униатской церкви в Белоруссии

В последнее время среди верующих и духовенства стала активно обсуждаться проблема униатства в нашей стране. Это вызвано, прежде всего, усилением зарубежной радиопропаганды и активной деятельностью экстремистски настроенных униатов в западной части Украины. В Белоруссии также некоторые ученые пытаются выдать униатскую церковь за массовую, так называемую «народную» церковь Белоруссии.

Проблемы греко-католической (униатской) церкви в нашей стране, особенно в Белоруссии и на Украине, нельзя рассматривать без учета истории ее возникновения. Она появилась в XVI веке в результате экспансии католицизма на восток в интересах Ватикана, который стремился осуществить планы подчинения своему влиянию восточнославянских земель.

Одновременно экспансия Ватикана была направлена и против реформации, т. е. активных выступлений сторонников лютеран против католической церкви. Она сопровождалась усилением национально-религиозного гнета и открытой политической, экономической и даже вооруженной борьбой против белорусского и украинского народов, которые тяготели к русскому народу.

Неудачи «восточной политики» Ватикана в XIV—XV веках, особенно крах Флорентийской унии 1439 года, заставили искать новые пути. В 1534 году для защиты интересов церковной и феодальной верхушки был создан католический орден иезуитов (или «Общество Иисуса»). Основным плацдармом нового ордена стала Речь Посполита, королевская и феодальная верхушка которой находилась под влиянием иезуитов. Им удалось обратить

в латинскую веру многих князей и крупных феодалов Польши и Волыни. Объявили себя католиками князья Слуцкие, Заславские, Вишневецкие, Луккомские и др. Новоявленные воины Христа создавали в Белоруссии, Прибалтике, на Украине собственные школы и коллегии, в стенах которых в духе фанатичной преданности Риму воспитывались дети местных помещиков, родовитой шляхты и купцов.

К началу XVII века иезуитские опорные пункты на Украине и в Белоруссии размещались уже более чем в 30 городах и местечках.

В 1582 году в Москве побывал папский легат А. Поссевин, который пытался убедить Ивана Грозного открыть в Москве костелы, допустить в страну латинских священников. Иван Грозный отверг предложения Рима, заявив: «Римских костелов на Руси не было и не будет... кто в какой вере был, тот в ней да пребывает». Возвратившись из Москвы, Поссевин доложил Григорию XIII, что ставка на насаждение католицизма в России при поддержке царского двора ошибочна и рекомендовал Ватикану начать униатскую акцию, которая является более перспективной.

Основные усилия иезуиты сосредоточили на дискредитации русского православия и возвышении преимуществ католической церкви, подчеркивании ее «вселенского» характера. Они умело воспользовались также возникшими в конце XVI века противоречиями между верующими-православными и церковной верхушкой, что проявилось в конфликтах между разложившимися церковными сановниками и общественными организациями православного ме-

щанства — братствами, игравшими в то время важную роль в политической, культурной и религиозной жизни в городах западной Руси. Имея свои школы, библиотеки, типографии, больницы, братства активно боролись против вмешательства как католического, так и православного духовенства в дела создаваемых органов самоуправления. Для нужд этих школ и библиотек русские друзья направляли в Белоруссию книги первопечатника Франциска Скорины, Ивана Федорова и

других на белорусском и русском языках.

К этому времени некоторые видные деятели Русской православной церкви (Кирилл Терлецкий, Ипатий Потий, митрополит Рогоза и др.) стали подручными у иезуитов в подготовке унии. В 1591 году, заручившись поддержкой большинства православных епископов, представители «Общества Иисуса» направили митрополиту Рогозе письмо, которое представляло программу по проведению унии. В 1590—1591 годах в Бресте были проведены тайные соборы, участники которых обратились к королю Сигизмунду III с просьбой признать папство. Король одобрил послания, но народ был против. Широкие массы верующих-мирян отказывались повиноваться изменникам, требовали отстранения их от папской деятельности, выступали за братское единство с русским народом. Виленское братство, например, заявило, что в случае «самовольного принятия унии» оно не будет признавать митрополита Рогозу и его епископов в качестве «духовных владык верующего народа».

/еще/ --ММ--

blue-red

УНИЯ / 3 /

При активном участии ренегатов от православия иезуиты подготовили «соборное послание» папе Клименту VIII, которое они отвезли в Рим. Одновременно Сигизмунд III опубликовал манифест «О соединении папской греческой веры с немалым числом народа католической церкви под властью римского апостольского крестала». Спротивление унии после отъезда послов-ренегатов не прекратилось. В городах распространялись грамоты, в которых митрополит и его приближенные именовались иудами и предателями. Миряне требовали судить их всенародным судом. Однако сделать это в условиях, когда все рычаги власти—армия, суд, монашеские ордена находились в руках клерикалов и короля, было невозможно. Вопрос об унии был решен, осталось его лишь оформить. Послы, прибывшие в Рим, приняли на Евангелии присягу на верность римскому первосвященнику и подписали символ веры, в котором излагались все основные догматы католицизма.

Для утверждения унии собор был назначен в Бресте на 8 октября 1596 года. В окружной грамоте по этому поводу митрополит Рогоза объявил о созыве собора западнорусской православной церкви для окончательного закрепления «святого» соединения с римской церковью. На него были приглашены и «благоверные» христиане, которые имеют желание «выслушать и обдумать» аргументы в пользу принятия унии. Однако митрополит и его наставники из «Общества Иисуса» и не думали созывать собор с участием сторонников православия. Заседание в церкви св. Николая начали ранее объявленного срока — 6 октября. На официальные торжества, кроме творцов унии, прибыли королевские послы: гетман литовский, князь Криштоф, Николай Радзивилл, канцлер Лев Сапега и другие. Они хотели до приезда сторонников православия провозгласить унию.

Сторонники православия, шляхтичи и представители христиан прибыли в город вместе с отрядами казаков, гайдюков. Присутствовали порвавшие с униатством епископы, более 200 священников, а также посланцы братства из Вильно, Киева, Львова, Минска, Пинска, Слуцка, Могилева и других городов. На собор тайно прибыл представитель

константинопольского и александрийского патриархов экзарх Никифор, Кирилл Лукарис, митрополит Белградский Лука. Фактически в Бресте состоялись два собора: униатский, с участием католического клира и короля, и православный — с участием широких кругов православной церкви, братства, земств и верующих мирян. В этой обстановке участники униатского собора торопились. Под колокольный звон провели богослужение, а затем сучинили исповедание

святой католической церкви». Приняли присягу на верность папе Клименту VIII и его преемникам.

Участники второго православного собора решительно осудили и отвергли ненавистную народу унию с Римом. Митрополит Михаил и епископы Ипатий, Владимир, Кирилл Луцкий, Герман Полоцкий, Иона Пинский и другие провозглашались злостными нарушителями церковных канонов и отступниками православной церкви и были лишены церковного сана. Решения обоих Брестских соборов были представлены на утверждение королю Польши Сигизмунду III, который, естественно, утвердил униатство.

Брестская уния по замыслам ее создателей должна была политически и религиозно объединить Украину и Белоруссию с Польшей, способствовать внедрению католицизма в русское государство, укреплению власти польских и литовских феодалов. Преследовалась цель превратить униатскую церковь в антирусское, прозападное формирование под эгидой Рима.

Чтобы укрепить свое господство в Белоруссии, католическая церковь начала активно возводить костелы, православные церкви захватывались униатами, а там, где это не удавалось, их разрушали.

Сторонники унии получили огромную поддержку со стороны польского правительства, им передавались монастыри, имения. Так, Сигизмунд III пожаловал епископу Кириллу в пожизненное владение огромный Спасский монастырь в Кобрине со всеми его имениями.

По данным Я. Н. Мараша, уже в 1790 году католическая церковь владела в Белоруссии 60642 гектарами лучших земель, тогда как в 1652 году их было в три с лишним раз меньше. Каждому костелу в

основном принадлежало 1—3 деревни с крепостными, росло крупное землевладение и в городах, где католическая церковь становилась владельцем каменных домов, лавок, мельниц, винокурен, кирпичных заводов и т. д.

Под прикрытием унии заметно усилилось проникновение в Белоруссию польских магнатов и шляхтичей. Феодалы захватывали все новые земли, оттесняли православную шляхту, захватывали и опустошали небольшие городки, села, избивали крестьян, грабили их имущество.

Население Белоруссии не мирилось с насаждением унии и экспансией католицизма. Уже в течение второй половины 1595—1596 годов прошла кампания протеста против подчинения Ватикану. Население отказывалось признавать католическое духовенство, посещать храмы и платить церковные налоги, нести другие повинности. Исследователь С. В. Полущкая выявила 24 факта физической расправы белорусских крестьян и горожан с униатским духовенством и его пособниками.

Активное сопротивление униатству вылилось в крупные выступления в Минске, Полоцке, Бресте и других городах и деревнях в 1599, 1601, 1618, 1621, 1627, 1633, 1646, 1653 годах. Как писали в начале 1623 года в своем «Мемориале» эрцгерцогскому королю представители белорусских мирян, «жители края испытывают невыносимые страдания: нас заключают в тюрьмы, подвергают изгнанию, лишают должностей, наказывают штрафами, налагают аресты на имущество. В Полоцке к унии одних понуждали кандалами, других — изгоняли из города. В Пинске православных священников униаты забивали в бочки и мучали».

В ответ на жестокости униатов росло сопротивление белорусского народа. Наибольший размах национально-освободительных движений — период польско-русской войны 1648—1654 годов. В результате иноземному господству в Белоруссии был нанесен удар огромной силы.

Победы в польско-русской войне и последующие события — разделы Польши в 1772—

УНИЯ / 3 /

1775 и 1795 годах — означали полный крах унии. В феврале 1839 года более 1300 белорусских и польских священников-униатов собрались в Полоцке, приняли решение о возвращении в лоно православия и воссоединении с Русской православной церковью.

Брестская уния продолжала существовать только в Галиции и Закарпатье, захваченных Австро-Венгрией. В 20—30-е годы XX века католическая церковь буржуазной Польши снова пытается восстановить в западной части Белоруссии униатство. В этих целях в Пинске в 1929, 1932, 1935 и 1937 годах в диоцезе состоялись конференции католических епископов, которые рассматривали вопросы внедрения униатства в Западной Белоруссии.

В годы Великой Отечественной войны Пинск и прилегающие к нему районы были включены гитлеровской администрацией в состав «Рейхскомиссариата Украины». Действующий во Львове униатский митрополит Шептицкий рассылал свои воззвания в поддержку фашизма и активизации деятельности униатской церкви и в южные районы Брестской области. Следует сказать, что некоторые украинские униаты захватили церковные приходы православных в южных районах Полесья. И только после окончания Великой Отечественной войны активными действиями архиепископа Пинского и Лунинецкого Даниила (Юзвук) при поддержке органов власти униаты вынуждены были оставить эти приходы. Нельзя не отметить, что в сороковые годы униаты тесно сотрудничали с немцами, с «Украинской повстанческой армией» (УПА), которая после Великой Отечественной войны несколько лет вела братоубийственную войну с местными жителями.

Русская православная церковь не признала решений Брестского собора 1596 года об образовании унии. В 1946 году во Львове состоялся собор представителей униатских приходов, на котором было принято решение о воссоединении с Русской православной церковью, поддержанное большинством духовенства и верующих. Лишь небольшая группа духовенства не пожелала вернуться в православие, продолжая действовать нелегально, получая поддержку Ватикана.

В связи с обновлением нашего общества местные власти

в ряде областей Украины разрешили регистрировать приходы униатской церкви. Начались трения с православными из-за церковного имущества. Экстремистски настроенные униатские и националистические деятели из неформальных обществ стали захватывать православные храмы и церковное имущество и в ряде мест создали тревожную обстановку.

Следует сказать, что и в Белоруссии некоторые активисты неформальных движений, и прежде всего Белорусского народного фронта, чтобы привлечь внимание общественности, верующих как православных, так и католиков, утверждают, что униатство и у нас было массовым вероисповеданием.

Эти утверждения не соответствуют действительности. Как уже говорилось, Ватикану и королевскому двору Польши удалось в свое время силой внедрить униатское вероисповедание только среди городского населения и местных феодалов, большинство же населения вело борьбу против унии. Основным вероисповеданием во все времена на белорусских землях было и есть православие.

К сожалению, этого никак не могут или не хотят понять современные радители за униатство, которое якобы является «народной» религией Белоруссии. Так и хочется им сказать: загляните в святцы, не наводите тень на плетень. Историю переписать нельзя.

Андрей ЗАЛЕССКИЙ,
член республиканского
правления Общества
по охране памятников
истории и культуры.

A1A1

blue-red

AUG 29 1990 * 701 25

ПРИГЛАШАЕМ НА СЕМИНАР

Вниманию молодых (18—30 лет) членов христианских общин, интересующихся вопросами взаимосвязи христианства и естествознания, обладающих нерастерянным багажом знаний по физике, химии и общей биологии в объеме курса средней школы и желающих глубже познакомиться с современными достижениями наук о Жизни и Творении:

18, 19 и 20 июля (начало в 15.00) в помещении штаб-квартиры издательства «Протестант» по адресу: г. Москва, Мукомольный проезд, д. 1, корп. 2, подъезд 3, цокольный этаж — состоится семинар «Единство Библейской и научной картин мира».

Проезд: метро «Баррикадная», троллейбус 66 до конечной остановки «Мелькомбинат».

В программе семинара лекции:

1. Происхождение Вселенной и Жизни.
2. Естественная История: борьба идей.
3. Значение, тенденции и перспективы наук о Творении.

В программе — демонстрация слайдов и учебных видеофильмов «Заговор эволюции» (США), «Погибший мир» (Финляндия), «Рождение Вселенной» (США—Швейцария), а также свободная дискуссия и специальный разбор трудных вопросов.

Семинар проводит руководитель отдела науки издательства «Протестант» доктор биологических наук Д. А. Кузнецов.

Все справки по телефону: 259-93-97.

ПРОТЕСТАНТ

12

Июль 1990 ГОДА

Открывается христианский лицей

В ближайших планах издательства «Протестант» создание христианского лицея для детей и юношества. Образование и воспитание в христианских традициях было недоступно нескольким поколениям россиян. Мало того — еще недавно было немыслимо сетовать на эту недоступность. В гнетущей казарменной обстановке последних десятилетий чтение и разбор Библии с детьми, даже своими собственными, приравнивалось к их «моральному и нравственному растлению» и каралось в полную силу несправедливого закона.

С помощью Божией и силами многих сотен и тысяч служителей Христа самых разных направлений поколение меняется, мы все свидетели «потепления» духовного климата в стране. Но возникает другая опасность — опасность упрощенного подхода, «кампанейщины» и превращения серьезного, большого и трудного дела — духовного возрождения — в некое экзотическое развлечение, наподобие «ламбады». Кроме того, складывается мнение, что общественная жизнь, наука, культура, история, мораль сами по себе, а христианство — что-то вроде временного попутника и союзника на отдельных этапах истории. Изменить подобное отношение к религии, устранить противоречия и перекосы во взаимоотношениях «возвышенного и земного» считают своей задачей создатели лицея.

Его структура проста: три двухгодичные ступени, охватывающие детей в возрасте от 4—5 лет до 12—13 лет и один трехгодичный цикл для подростков от 13 до 16—17 лет. В программе учтены и отражены разные направления, как специфически религиозные (апологетика, основы религиозной философии), так и чисто «светские» (языки, математическая логика, обучение раннему чтению и скорочтению, творческие мастерские). Кроме того, ряд предметов занимает как бы «промежуточное» положение между теми и другими. Это религиозная эстетика, ставящая целью подробный разбор отраженных в искусстве христианских идей, мотивов и сюжетов в их совокупности, связи различных искусств между собой в их хронологической обусловленности. Немалое место уделяется в планах и риторике, умению вести беседу, дискуссию. Не менее важное место выделяют основатели лицея христианской этике, основам взаимоотношений, т. е., то, что раньше называлось «хорошими манерами», особое внимание будет уделяться детям из неполных семей, вплоть до создания групп с преподавателями-мужчинами. Следует отметить принципиальный момент — учредители не намерены ограничивать обучение рамками какой-либо одной конфессии. Напротив, предполагается привлекать к преподаванию лучших священнослужителей и специалистов разных направлений.

Если вы хотите видеть своего ребенка гармонично развитым, воспитанным, честным и добрым, поспешите отправить до 10 августа по адресу редакции открытку, которая будет считаться заявлением, со следующими данными: Ф. И. О. ребенка, дата рождения, состав семьи, адрес, телефон (одна открытка на одного ребенка). Оплата будет минимальная. Справки и предложения по сотрудничеству по тел 2599397 по понедельникам и четвергам с 14 до 18 часов.

Конкурсное собеседование с 25 августа по 10 сентября. Первое занятие 16 сентября. Места занятий — школы в районе станций метро «Кавовская» и «Электровзаводская».

/ MM/

blue-red

CODE:

ITEM:

из ДОКУМЕНТОВ ПОМЕСТНОГО
СОВОРА 1917-1918 гг.

Анафема Патриарха Тихона большевикам

*По прочтении
передавайте
другим*

Патриарх Московский и всея
России в послании
возлюбленным о Господе
архипастырям, пастырям и всем
верным чадам православной
церкви Христовой обнажил
меч духовный против извергов
рода человеческого —
большевиков и предал их
анафеме.

Глава православной церкви
Российской заклинает всех
верных чад ее не вступать с
этими извергами в какое-либо
общение.

Они за свое дело сатанинское
прокляты и в сей жизни и в
будущей.

Православные! Святейшему
патриарху дано право вязать
и решить по слову Спасителя
нашего: «Истинно говорю: что
вы свяжете на земле, то будет
связано на небе, и что
разрешите на земле, то будет
разрешено на небе».

Не губите же душ ваших,
прекратите общение с
сатанинскими слугами —
большевиками.

Родители, если дети ваши —
большевики, требуйте властно,
чтобы отреклись они от
заблуждений своих, чтобы
принесли покаяние в вечном
грехе, а если не послушают
вас, отрекитесь от них.

Жены, если мужья ваши —
большевики и упорствуют в
служении сатане, уйдите от
мужей ваших, спасите себя и
детей от заразы, губящей душу.

Не может быть у
православного христианина
общения с слугами дьявола.

Помните слова Господа
нашего: «Всякий, кто оставит
домы, или братьев, или сестер,

НАУКА И РЕЛИГИЯ

4

1989

ISSN 0130-7043

или отца, или мать, или жену,
или детей, или земли ради
Имени Моего, получит во сто
крат и наследуют жизнь вечную».

Не бойтесь страданий за
дело Христово.

«Блаженны вы, когда будут
поносить вас и гнать и всячески
неправедно злословить за Меня:
радуйтесь, и веселитесь,
ибо велика ваша награда
на небесах».

Церковь Христова призывает
вас на защиту православной
веры. Иуды-предатели
растерзали нашу земную родину,
а теперь жаждут лишить нас
благодатного крова церкви
православной, разрушают,
оскорбляют и оскверняют храмы
Божии.

По грехам нашим, по
маловерию нашему ниспослал
нам испытания Господь. Забыли
мы Бога, а Бог оставил нас.
Земли наши исполнены крови,
и города исполнены неправды.
«Оставил Господь землю сию,
и не видит Господь».

Но милосерд Вседержитель!
Покайтесь, горячей молитвой
призовите помощь Господа
Сил и отряхните с себя «руку
чужих» — истонных врагов
веры Христовой, объявивших
себя самозванно «народной
властью».

Церковь православная
обращается к вам,
православные: станьте на
защиту оскорбляемой и
угнетаемой ныне святой Матери
нашей.

И если вы не слушаете
церкви, будете не сынами ее,
а участниками жестокого дела
сатанинского, творимого
явными и тайными врагами
Христовой истины.

CODE: CCCP

ITEM: АНАФЕМА ПАТРИАРХА ТИХОНА БОЛЬШЕВИКАМ 12/

Да воскреснет же Бог в
сердцах ваших, и расточатся
враги Его. Встань,
Русь, православная, за веру
Христову, и сгинет
диавольская рать, рассеются,
как болотный туман, козни
мнимых друзей народа,
влекущих его к гибели.

Как тает воск пред лицом
огня, так погибнут нечистые
изверги силою креста Христова.

Дерзайте же! Не медлите!
Не губите души своей, не
предавайте ее дьяволу и его
приспешникам.

*Из собрания Центрального
государственного архива
Октябрьской революции:
листовка без выходных данных,
под № 1011.*

ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА ТИХОНА

20 января открылась вторая сессия Поместного собора Российской православной церкви — открылась анафематствующим посланием патриарха Тихона, получившим широкую огласку.

Вот его текст:

«Смиренный Тихон, Божиею Милостию Патриарх Московский и всяя России, возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской.

Да избавит нас Господь от настоящего века лукаваго

Гал. 1, 4

Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеют семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Забыв и поправы заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем неповинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед Родиной, что все

силы свои полагали на служение благу народному. И все это совершается не только под покровом ночной темноты, но и въявь, при дневном свете, с неслыханною доселе дерзостью и беспощадной жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности — совершается в наши дни во всех почти городах и всяех нашей Отчизны: и в столицах, и на отдаленных окраинах (в Петрограде, Москве, Иркутске, Севастополе и др.).

Все сие преносит сердце наше глубокою болезненною скорбью и вынуждает обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения и прещения по завету Св. Апостола: «согрешающих пред всеми обличай, да и прочии страх имут» (1 Тим. 5, 20).

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестоко дело: это — поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной. Властью, данную нам от Бога, запрещаем вам приступить к Тайнам Христовым, анафематствуем вас,

если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: «измите злаго от вас самих» (1 Кор. 5, 13).

Гонение жесточайшее воздвигнуто и на Святую Церковь Христову: благодатные таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению через расстрел из орудий смертоносных (святые соборы Кремля Московского) или ограблению и кощунственному оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом обители святые (как Александро-Невская и Почаевская лавры) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием; школы, содержавшиеся на средства Церкви Православной и подготовлявшие пастырей Церкви и учителей веры, признаются излишними и обра-

CODE: СССР

ITEM: АНАФЕМА ПАТРИАРХА ТИХОНА БОЛЬШЕВИКАМ /3/

шаются или в училища безверия, или даже прямо в расадники безнравственности. И имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это — народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законною волею самого народа... И наконец, власть, обещавшая водворить на Руси право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми, и в частности над Святою Церковью Православной.

Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить это наступление на нее врагов неистовых?

Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей.

Враги церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противопоставьте им силою веры вашей, вашего властного народного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками всенародного блага, строителями новой жизни

по велению народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной.

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами Святого Апостола: «Кто не разлучит от любви Божия? Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч?» (Рим. 8, 35).

А вы, братие Архипастыри и Пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенною ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной, немедленно устройте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силою внешней противопоставят силу своего святого воодушевления, и мы твердо уповаем, что враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою Креста Христова, ибо непреложно обетование Самого Божественного Крестоносца: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей» (Мф. 16, 18).

CODE: CCCP

ITEM: АНАФЕМА ПАТРИАРХА ТИХОНА БОЛЬШЕВИКАМ 141

Продолжение «Жребия папстыря» уже было подготовлено к набору, в том числе и приложение — текст соборного послания патриарха Тихона, когда в редакцию пришло письмо из Мюнхена. Его автор — Николай Артемов, священник Русской зарубежной церкви, член епархиального совета Германской епархии. Как видно из письма, отец Николай — постоянный, внимательный, пристрастный читатель журнала. Он предложил напечатать такую его реплику:

«Поправка к сведению читателей «Науки и религии» (и косвенно — ответ на вопрос «Каким быть журналу?» см. «Наука и религия», № 9, 1988).

А. Шамаро в «Науке и религии» (№ 12 за 1987 год) цитирует «Анафему Патриар-

ха Тихона» как попытку предвзвешить «Декрет об отделении церкви от государства»: «Проклятия в адрес Советской власти, открытое и прямое анафематствование ее, натравливание на нее наиболее фанатичной части верующих, провоцирование «мученичества»...»

Во-первых, если обратить внимание на употребление анафемы (без предрассудков), то она применима только к православным, что ясно и оговаривается Патриархом (см. ниже: «если только вы носите еще имена христианские...» и т. д.). Здесь отлучаются от Св. Причастия люди, крещенные в Православии, но превратившиеся в убийц и безбожных гонителей Церкви. Отлучение всенародно обличает их отношение к Церкви и вместе с тем зовет к покаянию заблудших. Отлучение «Советской власти» как таковой от Причастия — просто абсурд.

Во-вторых, однако, автор статьи в «Науке и религии» не только пользуется гнусным тоном и играет на невежестве (так сказано в письме отца Николая, и мы это оставляем на его совести. — Ред.), но и прямо обманывает читателя, затушевывая конкретные причины написания такого послания...»

Далее Н. Артемов воссоздает полный текст патриар-

шего послания, которое в статье А. Шамаро приводилось лишь фрагментами. Опускаем эту часть письма, чтобы не повторять публикуемое рядом.

Н. Артемов итожит:

«Утверждения автора, что никакие права «никем» не попирались», а Патриарх якобы звал лишь на защиту «права Церкви и впредь бесконтрольно владеть несметными богатствами» — подтасовка. Никого Патриарх не «натравливал» и не «провоцировал», когда звал к духовному сопротивлению.

Я думаю, что такое обращение с текстом оскорбляет и доверчивых читателей, и верующих Русской Православной Церкви, и проливавших кровь свою за Христа, Новомучеников и исповедников, и — наконец, но не в последнюю очередь, — Самую Истину».

Ну что ж, мы тоже за истину. Истина тех дней трагична. Думаем, приблизиться к ней помогут читателю и полный текст патриаршего послания, и попытка автора документальной повести восстановить атмосферу соборных заседаний, и публикуемая на предыдущей странице листовка 1918 года, найденная М. Одинцовым в архиве.

ОТРЫВОК ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ ЖУРНАЛИСТА ВОСТРЫШЕВА "БОЖИЙ ИЗБРАННИК", ПОСВЯЩЕННОЙ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ТИХОНУ

/1865—1925/

ЖУРНАЛИСТ

ДАННЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» И СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР, МОСКВА

ДЕКАБРЬ. 12. 1990

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ ПАТРИАРХА ТИХОНА

Михаил
ВОСТРЫШЕВ

В начале будущего года издательство «Современник» выпускает в свет книгу журналиста и прозаика М. Вострышева «Божий избранник», посвященную патриарху Московскому и всея России Тихону (1865—1925 гг.).

— Документальный материал о жизни этого мужественного человека пришлось собирать по крупицам, — рассказывает автор. — Работал в архивах Октябрьской революции и кинофотодокументов, в областных и личных архивах. Печатные источники — это, главным образом, или дореволюционные, или зарубежные издания, так как в СССР до недавнего времени патриарха Тихона в официальной печати называли не иначе, как «контрреволюционер» или «буржуй». Многие документы о жизни патриарха Тихона в 1917—1925 годах хранятся в КГБ СССР и до сих пор остаются недоступными. Надеюсь, что когда-нибудь все же или меня, или других исследователей допустят к личному архиву патриарха, который был конфискован после кончины Тихона начальником церковного отдела ГПУ Тучковым.

Предлагаем отрывок из документальной повести.

26 января 1589 года среди древних патриарших кафедр появилась новая — Московская. Царь Федор Иоаннович, с благословения Константинопольского патриарха Иеремия, на торжественной церемонии выбрал из трех кандидатов митрополита Московского Иова.

Деяния первых патриархов совпали со Смутным временем, с попыткой поляков уничтожить русскую государственность. Святитель Иов, не признавший Лжедмитрия, стал первым в череде русских патриархов-мучеников. Сторонники самозванца схватили его в церкви во время молитвы, жестоко избили и заточили в Старицкий монастырь, где через два года он умер. Продолживший борьбу с иноземцами патриарх Гермоген был брошен в темницу, где и скончался от голода и жажды, но перед смертью успел послать с верными людьми проклятие изменникам.

В 1700 году Петр I уничтожил патриаршество, заменив его Священным синодом. И в полный голос заговорили в России о восстановлении патриаршества лишь в начале XX века, века растерянности и раздора, и с особой настойчивостью — после событий 1905 года. Прошел даже слух, что Николай II готов разойтись с семьей, передать царство наследнику, постричься в монахи и стать патриархом.

Февраль 1917 года и уничтожение монархии ускорили решение о выборе первоиерарха. 5 июля 1917 года, после новых волнений и вновь пролившейся крови на улицах Петрограда, синод постановил немедленно созвать Поместный собор Русской православной церкви. 15 августа 1917 года в Москве состоялась торжественная церемония открытия собора. Заседания его, проходившие в новом Епархиальном доме в Лиховом переулке, сильно затянулись. Лишь 5 ноября (18-го по новому стилю), когда в Москве после уличных боев окончательно установилась Советская власть, в храме Христа Спасителя, вмещавшем двенадцать тысяч человек, старец-затворник Зосимовской пустыни иеромонах Алексей вынул из ковчежца с именами кандидатов на патриарший престол жребий избранника. Он пал на митрополита Московского и Коломенского Тихона.

Кончилась жизнь, настало житие мученика...

В одном из первых своих обращений к верующим по поводу наступившего 1918 года патриарх привел библейский рассказ о бездумном строительстве Вавилонской башни, закончившемся крахом, и произнес:

«Сбывается днесь и воочию нашу. И наши строители желают сотворить себе имя, своими реформами и декретами облагодетельствовать не только несчастный русский народ, но и весь мир, и даже народы гораздо более нас культурные. И эту высокомерную затею их постигает та же участь, что и замыслы Вавилонян... Воззри, Господи, и посмотри, как мы унижены, и есть ли болезнь, как наша, какая постигла нас. Весь народ вздыхает, ища хлеба, отдает драгоценности свои за пищу, дрова достает за большие деньги и наследие наше переходит к чужим. Дети просят хлеба, и никто не подает им. Вся эта разруха и недостатки оттого, что без Бога строится ныне Русское государство. Разве слышали мы из уст наших правителей святое имя Господне в наших многочисленных советах, парламентах, предпарламентах? Нет, они полагаются только на свои силы, желают сделать имя себе, а не так, как наши благочестивые предки, которые не себе, а имени Господню воздали славу. Оттого Вышний посмеется планам нашим и разрушит советы наши...»

Теперь все чаще раздаются голоса, что не наши замыслы и строительные потуги, которыми мы были так богаты в мимолетное лето, спасут Россию, а только чудо, — если мы будем достойны этого. Будем же молить Господа, чтобы Он благословил венец наступающего лета Своею благодатью и да будет оно для России лето Господне, благоприятное...»

Но лето 1918-е не стало «господним». Ежедневно, ежедневно к патриарху поступали сведения о разграблении церквей, расправах над священниками. Церковь, отделенная ленинским Декретом от государства, более не являлась хозяином храмов с их древними святынями — все отныне принадлежало государству, и лишь оно вольно было карать или миловать, награждать или отнимать. Духовные пастыри отныне отстранялись от воспитания народа, монастырские и епархиальные типографии отбирались, религия во всеуслышание объявлялась пережитком невежества, монастыри приспособлялись под тюрьмы и жилье советских служащих, повсеместно закрывались домовые церкви, в школах запрещалось преподавание Закона Божия и исполнение религиозных обрядов.

Патриарх вновь и вновь обращается и к Советскому правительству, и к главам других стран с целью хоть в чем-то облегчить участь своих пасомых и своего Отече-

Патриарх Тихон.

ОТРЫВОК ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ ЖУРНАЛИСТА ВОСТРЫШЕВА "БОЖИЙ ИЗБРАННИК", ПОСВЯЩЕННОЙ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ТИХОНУ

/1865-1925/

В начале 20-х годов. Жгут иконы.

ства. Известны его послания 1918 года по поводу введения в России григорианского календаря, с призывом о прекращении междоусобной брани, о пагубности Брестского мира, о воздвигнутых на церковь гонениях. Десятки, сотни писем разосланы первоиерархом в суды, комиссариаты и комиссии в защиту конкретных людей. Некоторые просьбы Тихона удовлетворяли, но чаще сдавали в архив, не удостоив главу Русской церкви ответом...

Про царевичество москвичи заговорили еще в разгар лета, когда газета «Известия ВЦИК» стала путанно сообщать о судьбе арестованного императора. Сначала слухи об убийстве Николая Романова категорически опровергались, утверждалось, что это — провокация. И вот 19 июля в «Известиях» появилась информация: под председательством Свердлова состоялось заседание ВЦИК, одобрявшее расстрел Николая Романова 16 июля в Екатеринбурге. При этом, по решению того же ВЦИКа, газета дезинформировала читателей: мол, жена и дети бывшего императора живы-здоровы, отправлены в безопасное место.

Одним из немногих, кто во всеуслышание осудил расправу без суда и следствия, был патриарх Тихон. Как вызов новым властям прозвучала его ставшая исторической проповедь в Казанском соборе, находившемся по соседству с Кремлем:

«...На днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший государь Николай Александрович, по постановлению Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство — Исполнительный Комитет — одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководясь Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его... Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в упование, что и к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: Блаженны слышавшие Слово Божие и хранящие его!»

Опасаясь за жизнь Тихона, приходская община Москвы организовала из безоружных горожан-добровольцев охрану патриарших покоев на Троицком подворье. Договорились, что в случае ареста патриарха надо суметь ударить в набат, и следом колокольный звон польется со всех московских церквей, созывая народ. А Соборный совет тайно избрал несколько заместителей, которые один за другим, в зависимости от того, будут ли они находиться в тот момент на свободе, должны заменить патриарха в случае его насильственной смерти. Члены собора сообщили об этом Тихону и посоветовали ему скрыться за границу. «Бегство патриарха, — ответил он, — было бы на руку врагам церкви. Пусть делают со мною все, что угодно».

Прошло несколько месяцев, и еще тяжелее стало положение Тихона. Его держали под домашним арестом круглые сутки приставленные красноармейцы, неодном-

кратно оскорблявшие его и хозяйничавшие в его помещении, как у себя дома. Сотрудники ЧК почти ежедневно устраивали допросы патриарху. Советская власть наложила на него контрибуцию в сто тысяч рублей и лишила продовольственного пайка. Его пытались оболгать, вскрывая письма и узнавая адреса, откуда поступила денежные переводы.

Но чем тяжелее становилось патриарху, тем безбоязненной и тверже нес он бремя жертвенного служения, ни на миг не забывая о той нечеловеческой ответственности, которую на него возложили вместе с белым клобуком патриарха Никона. Помнил об этом и когда сочинял непримиримые со злом послания, и когда равно соглашался отпевать и «белых» и «красных»; помнил, когда его пытались втянуть в политическую жизнь страны, требовали, чтобы он объявил себя врагом части своего народа, просили одобрить то или иное «движение». Вот характерный пример из воспоминаний русского эмигранта Григория Трубецкого: «Летом 1918 года... я ехал на юг, в Добровольческую Армию, рассчитывая увидеть всех, с кем связывалась надежда на освобождение России. Я просил разрешение Святого Патриарха передать от его имени, разумеется в полной тайне, благословение одному из таких лиц, но Патриарх в самой деликатной и в то же время твердой форме сказал мне, что не считает возможным это сделать, ибо, оставаясь в России, он хочет не только наружно, но и по существу избежать упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику».

Но и признавать Советскую власть Тихон не спешил. В своих посланиях и молитвах он призывал русский народ к прекращению братоубийственной гражданской войны, осуждал террор, клевету, глумление над религией. Ведь, что греха таить, Декрет об отделении церкви от государства понимался властью и в столичных, и в губернских городах как сигнал к повсеместному уничтожению церкви и ее служителей, к грабежу церковного имущества, которое создавалось, сохранялось и преумножалось многими поколениями. И разве мог смолчать патриарх, когда на его глазах святые обители превращали в застенки, ломали храмы, отовсюду удаляли эмблему христианства — крест, божественные лики завешивали тряпками с глупой фразой: «Религия — опиум для народа», запрещали праздновать христианские праздники, оскверняли и уничтожали святые мощи, реквизировали церковные ценности, срывая с икон серебряные ризы, со священников — драгоценные переплеты, грабя алтари? И Тихон говорил в послании Совету Народных Комиссаров 13/26 октября 1918 года:

«Целью год вы держите в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину октябрьской революции. Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды... Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции... Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью, часто без всякого следствия и суда, даже без упреков, вами введенного суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже перед вами заведомо ни в чем не виноваты; а взять лишь в качестве «заложников», этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами не только им не единомышленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждению. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем невинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной «контрреволюционности». Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения — напутствия Св. Тайнами; а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения...»

ОТРЫВОК ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ ЖУРНАЛИСТА ВОСТРЫШЕВА "БОЖИЙ ИЗБРАННИК", ПОСВЯЩЕННОЙ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ТИХОНУ

/1865-1925/

Но вам мало, что вы ограбили руки русского народа его братской кровью: прикрывались различными названиями — контрибуций, реквизиций и национализации, — вы толкнули его на самый открытый и беззащитный грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом под именем «кулаков» стали грабить более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая, таким образом, нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, задушили в нем сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу от отмщения грехами и преступлениями... Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя... Мы знаем, что наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения НАС в противлении власти, но чем выше будет подниматься «столп злобы» вашей, тем вернейшим будет оно свидетельством справедливости наших обличений... Ныне к вам, употребляющим власть на преследование ближних, истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устройству порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани».

Народ в дореволюционные годы подмечал многие темные стороны жизни церковного клира и высмеивал их. Теперь же, увидев примеры мужества русского духовенства во главе с патриархом, потянулся к погранной церкви. И уже не пастыри заботились о пастве, а паства, гордая и бесправная, возложила на себя опасную заботу и о святых храмах, и о пастырях. И в какой-то момент атеистическая власть испугалась богомольцев, выступив в январе 1919 года циркуляром о том, что «на местах переборщили с применением Декрета об отделении церкви от государства», и даже разъяснив, что недопустимы отобрание церковных облачений, применение церковных украшений для революционных эмблем, что нельзя использовать священников для очистки улиц, что при обысках в алтарях теперь должен присутствовать «служитель культа», а арестовывать духовенство во время богослужений теперь разрешается лишь в исключительных случаях.

Но и эти незначительные «ослабления» в борьбе с религией далеко не всегда исполнялись местной властью, а вскоре, когда гражданская война стала подходить к концу и появилась возможность бросить дополнительные красноармейские части на «внутренний фронт», и вовсе забылись.

Начались новые кампании воинствующего атеизма против православия. Например, 25 августа 1920 года циркуляром комиссариата юстиции было постановлено, чтобы власти на местах начали «полную ликвидацию мощей». А перед этим уже перетряхнули раки с мощами великих русских святых Александра Невского, Сергея Радонежского, Тихона Задонского. Вскрытие зачастую сопровождалось надругательством над памятью святых, а если в раке вместо светлых мощей обнаруживали лишь белые косточки святого, радости безбожников не было конца и они спешили выпить ее на газетных полосках: «Сама жизнь в лице обманутого трудящихся масс сбросила тайные покровы с раззолоченных рак, и религиозная тайна рассеялась!»; «Мощи были нужны для эксплуатации невежественной толпы, наиболее отставшего в умственном отношении крестьянства, которые, трагические последние копейки, шли к «мощам» из города в город»; «Долой церковные застенки с мощами! К ответу черную рать! Да здравствует свет и истина!»

И тогда патриарх обращается с письмом к председателю ВЦИК М. И. Калинину:

«...Как известно, почитание Святых и Их останков (Мошей) и приношение Богу жертвы путем возжигания восковой свечи являются древними обрядами Православной и Римско-Католической церкви, непосредственно относящимися к области культуры. Исходя из присущего будто бы всем мощам признака нетленности, VIII Отдел Народного Комиссариата Юстиции в лице бывшего Петроградского священника Спас-Колотовской церкви Галкина и бывшего ходатая по бракоразводным делам Шпицберга, занялся ревизованием мощей Православной Русской Церкви, вскрывая раки и гробницы с останками признанных Церковью Святых...»

Постановлением VI Всероссийского Съезда Советов от 8 ноября 1918 года (Собр. узак. 1918 г. № 90, ст. 908), постановлением Совета Обороны от 8 декабря (Собр. узак. 1918 г. № 93, ст. 929) и письмом Ленина к рабочим (см. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 28 августа 1919 г., № 190) под страхом строгой ответственности вменяется всем в обязанность точное соблюдение изданных советской властью законов РСФСР и изданных центральной властью постановлений и вместе указан порядок отступления от норм закона при наличии условий, требующих такого отклонения от закона.

Ныне утверждаю, что образ действия VIII Отдела Народного Комиссариата Юстиции в лице Галкина и Шпицберга нарушает Конституцию РСФСР, декрет об отделении Церкви от Государства и при этом не может быть оправдан обычной ссылкой на переходный момент, так как сама Конституция, стремящаяся обеспечить действительную свободу совести, рассчитана, по ее собственным словам (ст. 9), «на настоящий переходный момент».

Галкин и Шпицберг явно увлекают РСФСР на тернистый путь гонения религий со стороны государства и стеснения свободы совести...

Если допустить возможность гонений на религиозный культ в РСФСР, то как же это можно согласиться с Конституцией (ст. 21), предоставляющей в России «право убежища за религиозные преступления?».

На подобных письмах Тихона чаще всего появлялась резолюция: «Оставить без последствий». И совсем поному обходились с бумагами, в которых требовали усилить репрессии против церкви и ее первоиерарха. Например, секретный отдел ВЧК инструктирует председателя ВЦИК: «Появление патриарха Тихона на церковных службах не только в селах, но и в городе Москве будет вызывать большое скопление богомольцев и тем самым: 1) дает возможность духовенству торжественными богослужениями влиять на массы в смысле поднятия своего престижа; 2) провокаторским и контрреволюционным элементам воспользоваться скоплением народа в своих целях для агитации и тому подобных нежелательных для нас действий».

Получив этот документ, секретарь ВЦИК А. Енукидзе начертал «согласен» и тут же засел за ответ: «Настоящим сообщается, что Президиум ВЦИК согласен с заключением секретного отдела ВЧК по вопросу о нежелательности появления патриарха Тихона на церковных службах».

Да когда же такое еще было, чтобы власть, обладающая грозной армией и еще более грозным репрессивным аппаратом, испугалась... богослужения!

Со всех епархий нескончаемым потоком текут к патриарху телеграммы, письма, идут посланцы с рассказами, которые опасно доверить бумаге, и отовсюду стон, мольба о помощи, предсмертная исповедь.

Киевский митрополит Владимир избит, ограблен и расстрелян. Архиепископ Воронежский и Задонский Тихон повешен на царских вратах церкви Митрофаньевского монастыря. Архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника, прославившегося миссионерской деятельностью в Японии, отрезав ему уши и выколов глаза, долго водили по улицам Перми и наконец утопили в реке. Архиепископ Черниговский Василий и Пермский викарный епископ Феофан, приехавшие в Пермь для расследования убийства Андроника, при выезде из города схвачены и расстреляны. В Тобольске замучили архиепископа Гермогена, в Свяжжске умертвили, привязав к хвосту лошади, епископа Амвросия, в Самарской губернии епископа Исидора посадили на кол и так предали мученической смерти. Медленно убивали епископа Никодима, расчленив ударяя по голове железным прутом Ревельского епископа Platona обливали на морозе во

ОТРЫВОК ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ ЖУРНАЛИСТА ВОСТРЫШЕВА "БОЖИЙ ИЗБРАННИК", ПОСВЯЩЕННОЙ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ТИХОНУ

/1865-1925/

дой, пока не превратили в ледяной столб.

Каждый день приносил страшные вести. И вновь звучала проповедь патриарха Тихона:

«Разжигаются страсти. Вспыхивают мятежи. Создаются все новые и новые лагеря. Разрастается пожар сведения счетов. Враждебные действия переходят в человеконенавистничество. Организованное взаимоистребление — в партизанство, со всеми его ужасами. Вся Россия — поле сражения! Но это еще не все. Дальше еще ужаснее. Дозрелась весть о еврейских погромах, избиении племени без разбора возраста, вина, пола, убеждения. Озлобленный обстоятельствами жизни человек ищет виновников своих неудач и, чтобы сорвать на них свои обиды, горе и страдания, размахивается так, что под ударом его ослепленной жаждой мести руки падает масса невинных жертв. Он спил в своем сознании свои несчастья с злой для него действительностью какой-либо партии и с некоторыми перенес свою озлобленность на всех. И в массовой резне тонут жизни вовсе не причастных причинам, пролившим такое озлобление...

Мы содрогаемся, что возможны такие явления, когда при военных действиях один лагерь защищает передние свои ряды заложниками из жен и детей противного лагеря. Мы содрогаемся варварству нашего времени, когда заложниками берутся в обеспечение чужой жизни и неприкосновенности. Мы содрогаемся от ужаса и боли, когда после покушений на представителей нашего современного правительства в Петрограде и Москве, как бы в дар любви им и в свидетельство преданности, и в искупление вины злоумышленников воздвигались целые курганы из тел лиц, совершенно не причастных к этим покушениям, и безумные эти жертвоприношения приветствовались восторгом тех, кто должен был остановить подобные зверства. Мы содрогались — но ведь эти действия шли там, где не знают или не признают Христа, где считают религию опиумом для народа, где христианские идеалы — вредный пережиток, где открыто и цинично возводятся в насущную задачу истребления одного класса другим и междоусобная брань

Нам ли, христианам, идти по этому пути! О, да не будет! Да если бы сердца наши разрывались от горя и утеснений, наносимых нашим религиозным чувством, нашей любви к родной земле, нашему временному благополучию, даже если бы чувство наше безошибочно подсказывало нам, кто и где наш обидчик. Нет, пусть нам принесят кровоточащие раны, чем нам обратиться к мщению, тем более погромному, против наших врагов, или тех, кто кажется нам источником наших бед. Следуйте за Христом! Не изменяйте Ему! Не поддавайтесь искушению. Не губите в крови отщепенца и свою душу...

Летом 1921 года в Поволжье случилась засуха. Начался отродясь невиданный на русской земле голод, а следом шли его верные спутники: тиф с малярией, беженцы, дети-сироты, самоубийства, преступность. Ели глину, кору, полевых животных, трупы умерших. С Поволжья голод перекинулся на Сибирь, Крым, часть Украины, Азербайджана, Киргизии. По официальным данным, к началу 1922 года голодающих насчитывалось свыше 23 миллионов.

Молодая Советская власть предложила возглавить борьбу с голодом общественным организациям. Был создан беспартийный Всероссийский комитет помощи голодающим (ПОМГОЛ), куда вошли врачи, адвокаты, писатели, учителя. Комитет развернул воистину грандиозную работу.

Одним из первых просителей за свой народ стал и патриарх Тихон. В августе 1921 года он основал Всероссийский церковный комитет помощи голодающим (вскоре признан ВЦИКом излишним и упразднен) и обратился со своим знаменитым воззванием «К народам мира и православному человеку»:

«Величайшее бедствие поразило Россию.

Пажити и нивы целых областей ее, бывших ранее житницей страны и уделавших избытки другим народам, сожжены солнцем. Жилища обезлюдели, и селения превратились в кладбища непогребенных мертвецов. Кто еще в силах, бежит из этого царства ужаса и смерти без оглядки, повсюду покидая родные очаги и земли. Ужасы неисчислимы.

К тебе, Православная Русь, первое слово Мое:

Во имя и ради Христа зовет тебя устами Моими Святая Церковь на подвиг братской самоотверженной любви. Спешит на помощь бедствующим с руками, исполненными даров милосердия, с сердцем, полным любви и желанием спасти гибнущего

брата. Пастыри стада Христова! Молитвою у престола Божия, у родных Святых, исторгайте прощение Неба согрешившей земле...

К тебе, человек, к вам, народы вселенной, простираю я голос свой:

Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей с голода. Не до слуха вашего только, но до глубины сердца вашего пусть донесет голос Мой болезненный стон обреченных на голодную смерть миллионов людей и возложит его и на вашу совесть, на совесть всего человечества. На помощь немедля! На широкую, шедрую, нераздельную помощь!...

И мир откликнулся на мольбу патриарха о помощи, на обращения общественных организаций и частных лиц.

«Американская административная помощь» (АРА) выделила голодающим в течение года 25 тысяч вагонов продовольствия. Городской совет города Цюриха ассигновал 50 тысяч франков. Римский папа пожертвовал один миллион лир. Коммунальный совет Вероны — 10 тысяч лир. Люксембург — 100 тысяч франков. Амстердамский интернационал — 794 400 голландских гульденов. Поплыли в Россию груженные продуктами пароходы английского, нидерландского, бельгийского, шведского, чехословацкого, итальянского, норвежского комитетов Красного Креста. Югославия приютила у себя 40 тысяч голодающих. В Казани, Самаре, Саратове немецкие и шведские делегаты устроили кухни и кормили более 200 тысяч человек ежедневно. Бельгийское правительство выделило 750 тысяч франков для помощи русским детям. Австралия направила пароходы с мясом. Многие народы мира предложили принять у себя и прокормить голодающих детей...

А Советская Россия в это время продавала хлеб за границу! Заведующая отделом ЦК ПОМГОЛА (Центральный комитет помощи голодающим) О. Каменева при этом не стеснялась давать интервью: «Существование и возрождение хозяйства России без вывоза за границу нашей единственной валюты — хлеба — абсолютно невыслымо».

Ей вторил ее начальник — заместитель председателя ЦК ПОМГОЛА А. Винокуров: «Вывоз хлеба за границу является в настоящее время экономической необходимостью. При переходе на рельсы новой экономической политики в руках крестьян благополучных районов образовались излишки, которые не могут быть выгодно реализованы на внутреннем рынке благодаря низким хлебным ценам».

И в те же дни, когда патриарх Тихон обратился с воззванием о помощи умирающей России, Л. Каменев в своей хвастливой речи на весь мир заявил о «победе» Советской власти над голодом. М. Литвинов в Гааге заверил иностранцев, что в 1922 году голода в России не будет и в помине. И одновременно Советское правительство с радостью принимает иностранную помощь голодающим. Но вот уже Чемберлен отказывает в кредитах: «Советы только что купили в Лондоне для службы их главного штаба дом, стоящий 250 тысяч фунтов стерлингов. Дворец этот предоставлен Красину, окруженному целой армией стенографисток и диктографисток... Не проще ли, чтобы Советы продали этот дворец, чтобы купить провиант, а мы бы сохранили деньги для наших двух миллионов безработных».

Удручающее впечатление произвели на всех, кто искренне желал помочь голодающим, ликвидация беспартийного Всероссийского комитета помощи голодающим и создание вместо него партийного ПОМГОЛА. Прежний комитет с первых дней своего существования занял независимое по отношению к Советской власти положение, самостоятельно вел переговоры с иностранными державами, выпускал свою газету, имевшую колоссальный успех, требовал от ВЦИКа действенной, конкретной помощи. За что сразу же после роспуска и полатился репрессиями против многих его членов.

ОТРЫВОК ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ ЖУРНАЛИСТА ВОСТРЫШЕВА "БОЖИЙ ИЗБРАННИК", ПОСВЯЩЕННОЙ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ТИХОНУ

/1865-1925/

Но самым всеохватным событием, потрясшим весь мир и в первую очередь вымирающую Россию, стала приуроченная к голоду кампания по изъятию церковных ценностей.

В начале 1922 года вышел декрет об изъятии музейного имущества. И тут же в газетах появились воззвания, где «представители голодающих» просили власть принять меры, чтобы излишнее церковное имущество «пошло на прокормление голодных». Однако церковь уже и сама отдавала свое добро, накопленное веками. Отдавала не без печали, ибо тяжко было видеть искони богатые украшения храмы без их праздничных торжественных одежд. Но разве можно остановиться перед жертвою, когда огромные пространства Родины объята смертью, когда вымирает кормилец страны — русский крестьянин?!

Далеко не везде изъятие ценностей проходило гладко. Во-первых, потому что добровольная сдача была вредна властям — она поднимала авторитет церкви. Во-вторых, потому что изъятие самими властями происходило грубо, с угрозой применения оружия, с попранием религиозных чувств верующих, с требованиями сдать предметы культа, священные для церкви. В-третьих, и это было главное, — прихожане не верили, что церковные ценности пойдут на нужды голодающих.

В марте, предчувствуя возможность кровавых столкновений во время изъятия церковных ценностей, Тихон выступил в газете «Известия ВЦИК» с разъяснением своей позиции:

«Памятуя завет Христа: отдай рубашку ближнему своему, если у тебя есть две рубашки, — Церковь не может оставаться равнодушной к тем великим страданиям, которые испытывает голодающий народ. Эти слова я приводил в своем воззвании, когда предлагал жертвовать в пользу голодающих церковные ценности еще до постановления об изъятии золота, серебра и драгоценных камней из церковного имущества, находящегося в распоряжении общин верующих. В своем воззвании я перечислял эти ценности, подвески, кольца, браслеты, пожертвованные для украшения икон, предметы церковной утвари, не применяемые для богослужения, и старый серебряный лом. Я надеюсь, что комиссия при ПОМГОЛе для ликвидации пожертвованного церковного имущества отнесется с должной осторожностью к самой ликвидации».

К сожалению, кровавых стычек не удалось миновать. Одна из них произошла в городе Шуе Иваново-Вознесенской губернии, где уездная комиссия по изъятию ценностей, прибыв в местный соборный храм, потребовала немедленно сдать для помощи голодающим все украшения из золота, серебра и драгоценных камней. Толпа прихожан ответила комиссии укорами, выкриками. Страсти накалялись, и комиссия подобру-поздорову убралась, когда почувствовала, что ей сейчас намнут бока. Через день она явилась вновь, но уже с отрядом конной милиции. С колокольни ударили в набат. Рабочие и крестьяне окрестных деревень побросали дела и поспешили на соборную площадь. Угрозами, камнями и поленьями толпа отогнала конную милицию от храма. Тогда городские власти вызвали роту 146-го пехотного полка. Солдаты рассыпанным строем, с винтовками на изготовку двинулись на толпу, в толпа с поленьями и кольями полезла на штыки. Рота дрогнула, четырех красноармейцев избили, отняли у них винтовки. Но тут прибыли два автомобиля с пулеметами и дали очередь по взбунтовавшейся толпе. Четверых убили, десятерых тяжело ранили, и толпа рассеялась. К вечеру были произведены аресты прихожан, наиболее громко заступавшихся за свой храм, одновременно комиссия по изъятию церковных ценностей набрала в храме священных сосудов, риз, панкадил, подсвечников на три с половиною пуда серебром.

Вскоре же после событий в Шуе В. И. Ленин под грифом «строго секретно» продиктовал письмо «товарищу Молотову для членов Политбюро». Нынче оно опубликовано в нашей печати («Известия ЦК КПСС» № 4, 1990 г.), и потому, отослав читателей к его тексту, напомним лишь те строки из этого поистине жестокосердного документа,

которые касаются Тихона: «Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент»...

Это указание было исполнено. В развернувшейся антицерковной вакханалии, подогреваемой печатью, были репрессированы многие служители церкви и верующие, но патриарха «не тронули». Однако уже в апреле 1922 года на московском процессе «54-х», закончившемся одиннадцатью смертными приговорами, Тихону было предъявлено два обвинения: препятствовал спасению жизни погибающих от голода и сочувствовал контрреволюционному движению в период гражданской войны. Но слушание дела, на котором патриарху должны были вынести смертный приговор, вдруг отложили сначала до конца года, а потом и вовсе до середины 1923-го...

Попали ли голодающим изъятие с такой жестокой расчетливостью церковные ценности? Часть, наверное, попала, малая часть. Не было полного учета стоимости этих ценностей, не было возможности наладить их быструю и четкую продажу за продовольствие. Все золото и серебро церкви свозили в Москву, и оно оседало в Государственном хранилище и наркомате финансов. Документы о награбленном церковном имуществе перестрают однотипными записями: «Оценка предварительная и неточная».

Самые голодные губернии просили Москву разрешить оставить у себя хоть немножко золотишка, чтобы как можно скорее купить на него хлеб и спасти умирающих. Ответ центра был один: все в Москву, все в Гохран!

Часто прихожане предлагали выскрести из своих амбаров последние запасы зерна и отдать их властям, лишь бы их родному храму вернули его реликвию. Но из Кремля, из комнаты 54, где заседал президиум ЦК ПОМГОЛа, шли ворохи одинаковых телеграмм в губернский исполкомы: «Замена церковных ценностей хлебом и другими продуктами недопустима».

Кто же объяснит логику этих телеграмм? Официальный руководитель «помощи голодающим» тов. Калинин? Или его официальные помощники тт. Смидович, Винокуров, Каменева, Блихничев, Тиртадов, Фрейман, Крумовец?.. Или тот, кто начертил план кампании?..

Летом 1923 года Тихон был препровожден в тюрьму. Начались каждодневные бесконечные допросы, которые должны были увенчаться показательным процессом над Русской православной церковью и казнью ее первоиерарха, изрядно поднадоевшего властям своим заступничеством за казнимых и ссылаемых, неуступчивостью в выполнении директив новой власти.

Но и это испытание было не последним. Часть духовенства, объединившаяся в организацию «Живая церковь», решила обогатить патриарха и с помощью подлога попыталась возглавить русскую церковь, «обновить» ее. «Живцы», как их стали называть, во главе с протоиереем А. Введенским возносили «многие лета благовернейшему Совнаркому», заменяли кресты на могилах красными звездами, развешивали в своих церквях и конторах лозунги: «Обновленческая церковь есть форма коллективизации народного духа на началах религии», «Разными путями, но мы идем к одной цели — к устранению Царства Божия и социализму на земле». А вскоре «живцы» по подкаске свше решили ликвидировать патриаршество. 12 мая 1922 года они явились к находившемуся под домашним арестом на Троицком подворье Тихону и потребовали, чтобы он сложил с себя священный сан, а 14 мая выступили в «Известиях» с воззванием, где угрожали «судом над виновниками церковной разрухи». На следующий же день этих ловкачей принял председатель ВЦИКа тов. Калинин, который, «ввиду отстранения патриархом Тихоном себя от власти», дал добро на

ОТРЫВОК ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ ЖУРНАЛИСТА ВОСТРЫШЕВА "БОЖИЙ ИЗБРАННИК", ПОСВЯЩЕННОЙ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ТИХОНУ

/1865-1925/

создание Высшего церковного управления (ВЦУ) под руководством «живцов».

С помощью чекистов ВЦУ стало превращать «тихоновские» приходы в «живоцерковные», угрозами и ложью переманивало к себе духовенство. Но как без предательства Иуды не было бы Распятия и Воскресения Христа, так измена части клира показала силу духа священнослужителей, оставшихся верными патриарху. Митрополит Вениамин, отлучивший «живцов» («впредь до раскаяния») от церковного общения, через месяц был расстрелян. Расстрелянными или посаженными в тюрьмы оказались большинство иерархов, оставшихся верными томатемусу в заточении патриарху.

Видя свою обездоленность и уже не веря, что Тихон когда-нибудь выйдет на свободу, признали ВЦУ «единственно канонически законной церковной властью» даже такие видные иерархи, как митрополит Владимирский Сергей, архиепископ Нижегородский Евдоким, архиепископ Костромской Серафим.

В мае 1923 года «живцы» собрали Поместный Московский собор. Этот «лжесобор», как называли его верующие, лишил Тихона его сана и уничтожил патриаршество как «монархический и контрреволюционный способ руководства церковью». С новой силой началась травля свергнутого иерарха в печати.

«Молитвы патриарха Тихона не дошли до Господа Бога. Они были перехвачены ГПУ», — похвалялся журналист Ольдер в «Правде».

«Мы, беспартийные крестьяне Загорской волости, узнав, что в ближайшем будущем имеет быть судебный процесс патриарха Тихона, заявляем, что он — кровопиенец в рясе, контрреволюционер и людоед... Мы требуем от центральной Советской власти вынести кровопийце патриарху Тихону суровую и беспощадную меру наказания», — фабриковали «письмо из глубинки» журналисты «Известий ВЦИК».

Пресса должна была подготовить верующих если не с радостью, то хотя бы безучастно встретить казнь своего пастыря после инсценированного суда. Но «режиссеры» просчитались. Длинные свитки, усеянные подписями верующих, в которых выражалась одна просьба — выпустить Тихона на свободу, сотнями доставлялись во ВЦИК. А ведь каждый, поставивший свою подпись под прошением, мог поплатиться головой.

Как недавно деньги на хлеб для России, так теперь во всем мире собирали подписи под воззваниями к своим правительствам защитить главу русской церкви. Особенно много сил приложили верховные руководители церкви Великобритании, заставившие свое правительство предупредить Советское о разрыве установившихся полудипломатических отношений, если патриарх Тихон не будет освобожден.

16 июня 1923 года Тихон вынужден был подписать заявление в Верховный суд РСФСР:

«Будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого зрелого возраста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен к Советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям, как-то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 году, анафемствование в том же году власти и, наконец, воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 году. Все мои антисоветские действия за немногими неточностями изложены в обвинительном заключении Верховного суда. Признавая правильность решения суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаявшись в своих поступках против государственного строя и прошу Верховный суд изменить мне меру пресечения, т. е. освободить меня из-под стражи.

При этом я заявляю Верховному суду, что я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции»...

По освобождении из темницы Тихону разрешили поселиться в Донском монастыре (его прежний дом захватили «живцы»). Сюда со всей России стекались верующие,

встречи с «раскаявшимся» жаждали епископы, священники, миряне. Доступ к патриарху был свободный, кейлик лишь спрашивал посетителя о цели прихода.

Московский корреспондент парижской газеты «Энфармасион» сообщал своим читателям: «Спокойный, умный, ласковый, широко сочувственный, очень просто одетый, без всякой роскоши, без различия принимающий всех посетителей, патриарх лишен, может быть, пышности, но он действительно очень дорог тысячам малых людей, рабочих и крестьян, которые приходят его видеть. В нем под образом слабости угадывается крепкая воля, энергия для всех испытаний, вера непоколебимая... Постоянные изъявления сочувствия и преданности, которые он получает со всех концов России, делают его сильным и терпеливым... Густая молчаливая толпа ожидала приема. Странники, заметные по загорелым лицам, большой обуви и благочестивому виду, ожидали, сидя в тени башенного зубца. Они сделали несколько тысяч верст пешком, чтобы получить благословение патриарха. Сельский священник, нервный и застенчивый, ходил вдоль и поперек... Женщина припала к скамье и закрыла лицо руками. Тяжелые рыдания судорожно вздергивали ее плечи. Несомненно, она пришла сюда искать облегчения в каком-то большом несчастье, и невольно пришли в голову тысячи и тысячи расстрелянных... Горожане и крестьяне, люди, главным образом из народа, долгие часы, порою дни ждут, чтобы открылась маленькая дверь и мальчик — певчий ввел их к патриарху Тихону».

Но и обретенная свобода не дала покоя Тихону. В газетах было объявлено, что, мол, трудящиеся могут не беспокоиться, следствие по делу «гражданина Белавина» (почему-то ни разу не напечатали правильно: «Беллавин») продолжается. За каждым шагом патриарха велось наблюдение, вскрывались письма, шедшие через государственную почту на его имя, велась слежка за близкими к нему людьми. Верующие, опасаясь, что Тихона опять увезут в темницу, не спускали с него глаз. Днем и ночью в Донском монастыре толпился народ в надежде, что, когда люди вокруг, патриарха взять не посмеют.

Главным «инквизитором» при нем состоял в это время начальник церковного отдела ГПУ Тучков. Он постоянно допрашивал своего подопечного, испытывал его провокационными предложениями, клеветал на епископов и священников. Патриарх несказанно страдал от постоянной опеки ГПУ. Особенно его угнетали требования пойти на то или иное соглашательство с властью (например, закрыть Высшее церковное управление за границей, перейти православной церкви на григорианский стиль летосчисления, допустить к управлению церковными делами отдельных «живцов»), за каждое из которых было обещано ослабить гонения на религию, помиловать конкретных, приговоренных к расстрелу или брошенных на каторжные работы священнослужителей. Патриарх порою шел на уступки, но потом нередко отрекался от них, винил в случившемся лишь самого себя, и вновь его голос звучал над Россией и миром. Вот, например, его заявление во ВЦИК, посланное из Донского монастыря:

«Церковь в настоящее время переживает беспрецедентное внешнее потрясение. Она лишена материальных средств существования, окружена атмосферой подозрительности и вражды, десятки епископов и сотни священников и мирян без суда, часто даже без объяснения причин, брошены в тюрьмы, сосланы в отдаленнейшие области республики, владыками с места на место, православные епископы, назначенные нами, или не допускаются в свои епархии, или изгоняются из них при первом появлении туда, или подвергаются арестам. Центральное Управление Православной Церкви дезорганизовано, так как учреждения, состоящие при Патриархе Всероссийском, не заинтересованы и даже канцелярия и архив их опечатаны и недоступны; церкви закрыты, закупаются, обращаются в клубы и кинематографы или отбираются у многочисленных православных приходов для незначительных численно обновленческих групп; духовенство обложено непосильными налогами, терпит всевозможные стеснения в жилищах, и дети его изгоняются со службы и из учебных заведений потому только, что их отцы служат Церкви»...

ОТРЫВОК ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ ЖУРНАЛИСТА ВОСТРЫШЕВА "БОЖИЙ ИЗБРАННИК", ПОСВЯЩЕННОЙ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ТИХОНУ

/1865-1925/

Минуло два месяца после этого заявления, когда по Москве поползли слухи об убийстве патриарха. Но вместо Тихона убитым оказался его келейник Яков Полозов. И хотя находились официальные лица, убеждавшие, что произошел обыкновенный грабёж (преступники унесли с собой две патриаршие шубы), москвичи не верили этому.

Яков Анисимович Полозов был взят мальчиком-сиротой в свой дом Тихоном еще во время службы в Холмище и с тех пор четверть века заменял ему родного сына. Последние годы Полозов был и келейником, и секретарем, и телохранителем патриарха.

Сын Полозова записал по воспоминаниям своей матери: «В 1924 году, 10 декабря моей матери должно было исполниться двадцать пять лет, хотели эту дату хорошо отметить, и 9 декабря она спустилась вниз и стала давать указания Клеопатре (крещеной татарке, работавшей кухаркой при Патриархе и нашей семье). В это время моя мать услышала что-то вроде щелчков наверху. Она побежала наверх. Дорогу ей преградил Патриарх и сказал: «Наташа, твоего мужа убили». Мать увидела отца, который хрипел. В него было пущено пять пуль. Убийцы убежали. Но моментально приехали работники ГПУ во главе с Тучковым, который сразу же заявил, что здесь дело рук белогвардейцев. Откуда он это взял?»

Патриарх был потрясен циничным убийством самого близкого ему человека. Москвичи же, не зная даже подробностей покушения, поняли, что Полозов пал жертвой своей преданности Тихону. Вспоминали при этом покушение на патриарха, совершенное 12 июня 1919 года. Тогда при выходе из храма Христа Спасителя какая-то женщина ударила его ножом в бок. Спустя четыре месяца суд постановил обвиняемую «от наказания освободить и озаботиться помещением ее в условия, наиболее соответствующие ее психическому состоянию». Правда, Яков Полозов, помогший задержать преступницу, уверял, что под женским платьем был... мужчина.

После освобождения из тюрьмы патриарх стал подвержен обморокам, все чаще ощущал тяжелую усталость, приступы «грудной жабы» — давящие боли в левой половине груди.

«Лучше сидеть в тюрьме, — посветовал однажды Тихон, — я ведь только считаюсь на свободе, а ничего делать не могу. Я посылаю архиерея на юг, а он попадает на север, посылаю на запад, а его привозят на восток». (То есть вместо епархий, куда посылал первоиерарх своих архиереев, они попадали в далекие северные и сибирские тюрьмы и ссылки.)

Незадолго до кончины в беседе с врачом Жижиленко, будущим епископом, патриарх говорил о своих глубоких сомнениях в пользу дальнейших уступок Советской власти. Делая эти уступки, он всякий раз с ужасом убеждался, что предел требований властей лежит за пределами верности Христу и что, по-видимому, единственная возможность для церкви сохранить свою верность Христу — это уйти в катакомбы, как первые христиане. Но понимал Тихон и иное — скрыться ему недопустимо, он должен пройти свой крестный путь до конца. В начале 1925 года у патриарха участились приступы «грудной жабы», и его положили в частную лечебницу Бакуниных, рядом с Зачатьевским монастырем на Остоженке. Здесь он и скончался внезапно 7 апреля.

Весть о смерти патриарха Московского и всея России Тихона тотчас разнеслась по Москве. Телефон в больнице Бакуниных звонил беспрестанно. Еще ночью прибыли милиция, газетные репортеры, множество мирян и духовных лиц. Предлагали перенести тело в ближайшую церковь, а с рассветом торжественно перевезти в Донской монастырь. ГПУ запретило «самоволие» и заявило, что это их дело — переправить покойного. В пять утра, когда Москва еще спала, карета «скорой помощи» тихо и незаметно доставила почившего патриарха, обернутого в бархатную мантию, в большой собор Донского мона-

стыря. Сорок мерных ударов колокола оповестили москвичей о всенародном горе.

В храмах начались богослужения. В знак траура на зданиях некоторых иностранных миссий были приспущены флаги. Верующие останавливали друг друга на улицах, скорбели, что не уберегли своего Святителя, сетовали: ему бы еще жить и жить — два месяца назад только шестьдесят минуло, делились последними новостями и слухами. Больше всего слов было сказано о причине смерти патриарха. Одни уверяли, что его отравили, другие — что под видом обезболивания больного зуба ему ввели лошадиную дозу новокаина. Лишь единицы поддерживали официальную версию — смерть от приступа «грудной жабы».

12 апреля, в Вербное воскресенье, свершилось погребение Тихона. После Божественной литургии на высокую площадку перед собором вышел епископ Борис и обратился к сотням тысяч пришедших к Донскому монастырю:

— Вы собрались отдать ему последний долг. Последний долг тому, кто так любил вас. Он любил вас всею силою своей великой души. Он жил для вас. Он душу свою полагал за вас, своих любимых духовных детей. Покажите же и вы свою любовь к нему. Уже то, что вы собрались сюда в таком громадном количестве, говорит, что верующий народ любил своего православного патриарха. Монастырь и все примыкающие улицы переполнены народом. Достаточно малейшего замешательства или крика, чтобы произошла катастрофа. Милиции нет. За порядком смотреть некому. Вся ответственность лежит на мне. Покажите же до конца вашу любовь к Святейшему. Не омрачайте последних минут его пребывания среди нас. Никто ни с места, пока не кончится захоронение!

«Великому Господину, Патриарху Москвы и всея России — вечная память!» — провозгласили, сменяя друг друга, священники. Двойной цепью стояли вокруг гроба епископы и митрополиты. Многим из них скоро идти вслед за патриархом, вслед за тридцатью уже убитыми и восьмьюдесятью заключенными в тюрьмы епископами. Объединенные хоры Чеснокова и Астафьева запели: «Со Святыми упокой». И вот раздалось: «Вечная память!..» Гроб с телом Тихона, избранного в кровавые ноябрьские дни 1917 года занять пустовавший два с лишним века патриарший престол, опускают в могилу.

В 1989 году патриарх Тихон был причислен русской православной церковью к лику Святых...

Донской монастырь.
Похороны патриарха Тихона.

CODE:

ITEM:

"КРУГЛЫЙ СТОЛ" О ВОЗРОЖДЕНИИ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ РОССИИ

"Литературная Россия" от 11. 11. 89, стр. 7

РАДИ ДУХОВНОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ

СЕРГИЮ РАДОНЕЖСКОМУ

В редакции «Литературной России» по инициативе Товарищества Русских Художников, Фонда восстановления Храма Христа Спасителя, ассоциации «Объединенный Совет России» состоялся «круглый стол» «О возрождении духовных центров России, связанных с именем преподобного Сергия Радонежского».

В работе «круглого стола» приняли участие члены Союза писателей СССР Л. Анисов, К. Ковалев, Ю. Ложиц, С. Лыкошин, С. Рыбас, историки С. Беляев, О. Шестаков, заместитель председателя Фонда славянской письменности и славянских культур доктор философских наук Э. Володин, публицист М. Поспелов, представители Владимирского епархиального управления протоиерей А. Кузнецов и иеромонах Мстислав (Болотов), Председатель Центрального Совета Древле-православной Поморской Церкви в Латвии отец Иоанн Мирюлюбов, ответственный секретарь правления Фонда восстановления Храма Христа Спасителя Ю. Юшкин.

В связи с тем, что 1991—1992 годы объявлены годами Сергия Радонежского, особое внимание было уделено вопросу о возрождении мест, связанных с именем преподобного Сергия.

Участники «круглого стола» приняли обращение к народам и правительству России.

Конференция из цикла «Возвращение забытых имен», посвященная Сергию Радонежскому, прошла в Загорске. На ней выступили игумен Андроник, писатель В. Крупин, академик Б. Раушенбах, искусствовед С. Ямщиков, доктор геолого-минералогических наук П. В. Флоренский, скульптор В. Клыков, историки Н. Борисов и другие. Одной из главных тем конференции стало возвращение городу Загорску его исторического имени — Сергиев Посад.

Дорогие соотечественники!

В 1991—1992 гг. Русская Православная Церковь готовится отметить 600-летие со дня кончины Святого Преподобного Сергия Радонежского, Игумена Троицкой обители — великого сына России. Это имя дорого всем — верующим и патриотам, всем русским людям, кто хранит память о вдохновителе победы на Куликовом поле. Это о нем сказал историк В. О. Ключевский: «Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна».

Имя Сергия Радонежского запечатлено во многих памятниках, святых Русской земли и во все времена особо почиталось Россией. Среди духовных дарований Сергия одним из наиболее значительных было созидательное строительное дело. Построил почти в одиночку первую церковь и келью на горе Мановце, что послужило основанием будущей Троице-Сергиевой Лавры, одновременно Сергий стал основателем многих других монастырей и храмов: Благовещенского монастыря в Киржаче, где Сергий собственноручно выкопал первую пещерную келью, Дубинского Успенского монастыря, монастырей в Серпухове и Коломне.

Всего Сергием Радонежским и его учениками в течение нескольких десятилетий на рубеже XIV—XV вв. было поставлено более 150 монастырей. Среди них — Дмитровский монастырь на реке Воже, в память о погибших в битве на Воже воинах, Голутвинский монастырь в Коломне, Симонов монастырь в Москве, Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри, монастырь Рождества Богородицы в Звенигороде и множество других не менее славных обителей.

Все эти деяния выходили далеко за пределы собственно церковной жизни, поскольку Северная Фиваида, как называют историки монастырскую колонизацию Русского Севера, фактически дала этим глухим лесным пространствам развитый хозяйственный, экономический культурный облик, обеспечивший духовный и государственный расцвет.

Сделанное Сергием Радонежским и его учениками стало неотъемлемой частью исторического бытия русского народа, а личные свойства Преподобного Игумена — его поразительная скромность в сочетании с духовным целомудрием — примером и идеальными свойствами народного духа.

Великий надлом, происшедший в нашей духовной истории, явился причиной катастрофического уничтожения памяти и о Сергии Радонежском. Достаточно сказать, что сегодня пустуют или разрушены стены большинства обителей и храмов, связанных с именем Сергия. И за этим стоит еще большая беда — духовная опустошенность и осиротение целых поколений, потеря трудового и хозяйственного уклада Древних исторических центров России.

Само изменение имени города Сергиева Посада — одно из свидетельств мощнейшего надругательства над памятью о великом сыне России.

Восстановление общенародного почитания Сергия Радонежского — одна из необходимых ступеней нашего духовного оздоровления.

Мы считаем, что решение этой задачи надо начинать сегодня и безотлагательно. Тем более что первые шаги в этом направлении уже сделаны.

CODE:

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ РОССИИ / 2 /

ITEM: -----

Под сводами возвращенной верующим церк-
ви Рождества Богородицы в Старом Симонове
в Москве увековечен подвиг Сергиевых иноко-
ратников поля Кулинова — Александра Пере-
света и Андрея Осляби. По недавнему благосло-
влению Патриарха Пимена они причислены к
лику местночтимых святых, с подготовкой их
к общецерковной канонизации.

В поселке Варница — месте рождения Сер-
гия — под Ростовом Великим возобновлена
служба в церкви бывшего Троицкого мона-
стыря.

На земле древнего Радонежа стоит памятник
Преподобному Сергию.

В числе предпринятых шагов обращение об-
щественности и Товарищества Русских Худо-
жников и Владимирскому облисполному с
просьбой поддержать инициативу Владимир-
ского епархиального управления о передаче
Благовещенского монастыря в городе Киржаче
и Свято-Троицкого монастыря в селе Махра,
представляющих особую художественную и
архитектурную ценность, Русской Православ-
ной Церкви.

Можно только приветствовать стремление
всей патриотической общественности страны и
возвращению истинного имени городу, осно-
ванному Сергием Радонежским, — Сергиев
Посад.

На очереди восстановление всех монастырей
и храмов, построенных Сергием, его ученика-
ми, последователями, и возобновление в них
нормальной приходской и монастырской
жизни.

Все, что незаконно отнято у народа и Рус-
ской Православной Церкви, должно быть воз-
вращено подлинному владельцу и наследо-
вателю.

Сегодня стало общепризнанным мнением и
требованием:

— Государство обязано принять участие в
восстановлении незаконно похитенных народ-
ных святынь вложением материальных
средств, сполна отвечающих объему понесен-
ных потерь, о чем необходимо принять соот-
ветствующие законодательные акты. Невоз-
можность повторения содеянного в отношении
Русской Православной Церкви зла и твердые
гарантии ее полноценного существования и
развития должны быть закреплены в приня-
том по итогам всенародного обсуждения Зако-
не о свободе совести.

— Всем незаконно расстрелянным и со-
сланным мученикам за Веру должно быть воз-
вращено их доброе имя и всенародное памя-
тование.

Для возрождающегося народа во всем этом
нет ничего невыполнимого.

Мы знаем одну из немеркнущих заповедей
Преподобного Сергия, говорившего об иконе
Святой Троицы:

«Воззрением на сей образ уничтожается не-
навистная рознь мира сего».

Ныне эти же слова как никогда современны,
и мы можем отнести их и самому Сергию Ра-
донежскому, ставшему для нас образом духо-
вного Единения и Согласия.

АССОЦИАЦИЯ «ОБЪЕДИНЕННЫЙ СОВЕТ
РОССИИ» («НАРОДНОЕ СОГЛАСИЕ»)

ТОВАРИЩЕСТВО РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

ФОНД ВОССТАНОВЛЕНИЯ
ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

--MM--

СИМОНОВ МОНАСТЫРЬ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА ...

Москва

10 1990

МИХАИЛ ПОСПЕЛОВ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

*О! Светло светлая и красно украшен-
ная, земля Русская! Многими красота-
ми дивна ты есть: озерами многими
дивна ты есть, реками и кладезями
местнотимыми, горами, крутыми хол-
мами, высокими дубравами...*

*Слово о погибели Рус-
ской земли*

В 1370 году «...благоразумный пастырь святой и славный в чудесах светило всея России великий Сергей сказал племяннику и ученику своему Феодору: «Я, чадо, надеялся, когда ты кости мои гробу предашь, то после меня игуменом в этом месте будешь, а ныне, если хочешь это дело начать во славу Божию, Бог да поможет тебе и Пресвятая Богородица», и благословил Феодора, ученика своего, и отпустил монахов, захотевших с ним итти. Преподобный же Феодор вышел из монастыря с братнею и шел по многим местам, среди которых возлюбил и нашел место zelo красно на строение монастыря, близ реки Москвы именован СИМОНОВО; и это слышав святой Сергей пришел посмотреть место и увидел, что угодно быть месту к строению этому и повелел ему строить. Преподобный же Феодор благословение от архиерея получив, возвел на том месте церковь во имя Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, честного Её Рождества, и этим основал монастырь и все по чину строения весьма добротню построил, и общее житие учинил, как и подобает по преданию Святых Отцов во славу Божию».

*Житие во святых отца нашего
Феодора архиепископа Ростовского чудотворца.*

Москва моя! В 14—15 веках увеличилась ты и раздобрела. При Иване Калите была расширена и обнесена дубовыми стенами территория Кремля (1339—40), каменные церкви потихоньку обступали Соборную площадь. В 1326 году был заложен Успенский собор. В 1367 году, при Дмитрии Ивановиче, возведены каменные стены Кремля. Вокруг теснился торгово-ремесленный посад. В Замоскворечье (Заречье — как говорили тогда) селились и работали котельники, кузнецы. Оборону твою, Москва, богатырскую начинали монастыри-стражи: Данилов, Симонов, Андронников.

Симонова слобода! Там, где сейчас густо громоздятся скучные этажерки домов и смрадно чадающие цеха заводов, когда-то был дивный сосновый лес, в котором обретались во множестве звери и птицы, а в полноводной Москве-реке плавали большие рыбы.

EH

blue-red

СИМОНОВ МОНАСТЫРЬ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА ...

2

Симонова слобода! Там, где сейчас густо громоздятся скучные этажерки домов и смрадно чадающие цеха заводов, когда-то был дивный сосновый лес, в котором обретались во множестве звери и птицы, а в полноводной Москве-реке плавали большие рыбы.

В современных квартирах все совсем по-другому, чем 600 и даже 100 лет назад, а мать на первенца глядит все теми же любящими глазами, а младенец бесконечным доверием дарит свою мать. Вера и любовь качественно ничуть не изменились, а вот количественно, может быть, и поуменились, съезжились, стусевались, увы! Но это по-прежнему главный стержень человека. Если нет этого стержня, нет любви и веры, то все приобретения материальные, все технические совершенства осыпаются, как шелуха. Сердце человеческое без веры и любви разлагается, гниет. Вера и любовь — единственная надежда на спасение Мира. А Мир — это прежде всего Родина, и спасение Мира возможно лишь через спасение любимой Родины. Такими спасителями Родины 600 лет назад были святые Феодор, Кирилл Белозерский, Ферапонт, святые князья Даниил и Дмитрий и, конечно, чудотворец земли Русской Преподобный Сергей Радонежский и многие, многие другие подвижники во имя единения и процветания Отечества.

Симонов монастырь сегодня — на нашей земле.

В тяжкие, больше столетия утнувшиеся годы татаро-монгольского ига мыслями и действиями Преподобного Сергея была взлелеяна ныне всемирно известная Троице-Сергиева лавра. Святой Сергей, его ученики и последователи основали около тридцати других монастырей, множество церквей. Среди них особенной теплотой веет от освященной Чудотворцем земли Русской церкви Рождества Богородицы в Старом Симонове.

Мелодичный колокольный звон от Москвы-реки льется окрест, возносится, наполняет все и вся, сливается со звоном колоколов соборов кремлевских, всех монастырей московских. Зовут колокола к единению, зовут на великий бой, на жестокий бой во спасение и славу Руси.

«Князь же великий, взяв с собою брата своего и всех князей русских и все православное воинство, пошел к Живоначальной Троице, к отцу своему преподобному Сергию получить благословение от святой обители...»

И сказал ему преподобный старец Сергей: «Это замедление вдвойне ускорит тебе Бог, Господин, не будешь еще венец смертный носить...»

...И сказал ему князь великий: «Дай мне из своего полка двух воинов, Александра Пересвета и брата его Андрея Ослябю, и ты с ними вместе поборешься». Преподобный же старец Сергей тут же повелел своим воинам, инокам Александру и Андрею, готовиться... Они сделали по словам старца своего Сергея».

Сказание о Мамаевом побоище.

Инок Троицкой обители погнбли на поле Куликовом. Первым из русских пал Александр Пересвет.

«Уже близко сходятся сильные полки, выехал злой печенег из великого полку татарского, показывая свое мужество перед всеми. Подобен он был древнему Голиафу: пять сажен высота его, а трех сажен ширина его. Увидев его, старец Александр Пересвет, который был в полку Владимира Всеволодовича, выехал из полка и сказал: «Этот человек ничет равного себе, я хочу встретиться с ним». Был на голове Пересвета шлем архангельского образа, вооружен он схимою по повелению игумена Сергея... Печенег же устремился против него. Христиане же все воскликнули: «Боже, помоги рабу своему!» И ударились крепко копьями, едва земля не проломилась под ними. И упали оба с коней на землю и скончались».

Сказание о Мамаевом побоище.

Великая победа русского народа в Куликовской битве нанесла решающий удар Золотой Орде, переломила в нашу пользу борьбу с чужеземным игом. Слава о русской победе разнеслась по всей Европе.

Куликовская битва — символ и начало благотворного единения русских княжеств, она стала предтечей многих славных побед русского и всех народов, населяющих Россию, над алчными и жестокими захватчиками. Это первое крупное поражение кочевников, поработивших многие страны, первая победа оседлого объединившегося христианского мира.

Святой Феодор был духовником князя

Дмитрия. Конечно, князь тепло прощался со своим духовным отцом, когда шел с войском мимо его обители на юг, на страшную битву, свершившуюся в день Рождества Богородицы 8/21 сентября 1380 года, в престольный праздник Старо-Симоновской церкви. Наверно поэтому похоронили Пересвета и Ослябю у церкви Рождества Богородицы. В те годы церковь эта была весьма почитаема. Рядом шел путь на Серпухов, Тулу. Может быть, и в назидание будущим воинам — защитникам Москвы, героев-иноков, павших на поле брани, не повезли в Троицкую обитель, а предали земле у стен именно этой церкви.

Об их могилах в 1806 году писал Василий Колосов в книге «Прогулки в окрестностях монастыря Симонова»:

Смысл смирения, герои в грозной брани!
Спасена вами Мать на вас с улабкой зрит.
Почтенны шлоки! — простра вежнейши длаки —
Венец бессмертия Россия вас дарит.
Покойтесь, славы, в священных сих стенах,
Вам жертвы воскурат в позднейших временах!

Посмотрим же, как воскуривали эту славу. За шесть столетий над могилами Пересвета и Осляби несколько раз изменялись надгробья и постройки. Сначала это были простой холмик и дубовый крест, затем деревянная часовня и деревянная колокольня. При отце Петра I, Алексее Михайловиче, над могилами была поставлена каменная палатка, в XVIII веке замененная на каменную колокольню. В 1849—1855 годах к церкви были пристроены новая колокольня и трапезная. Могилы оказались в здании церкви. Когда в 1870 году праздновалось 500-летие Старо-Симоновской обители, над местом упокоения иноков-героев была устроена великолепная сень каменного литья, богато украшенная серебром и драгоценными камнями.

ЕН

В/КР-100

СИМОНОВ МОНАСТЫРЬ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА ...

3

ВЕСЬМА АКТИВНУЮ РОЛЬ В РАЗРУШЕНИЯХ СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ
СЫГРАЛИ МИХАИЛ КОЛЬЦОВ, ЯРОСЛАВСКИЙ, КАГАНОВИЧ

Превращение подмосковной Симоновой слободы в рабочий поселок связано с развитием промышленности Москвы в конце XIX века. В 90-е годы вблизи Симоновского монастыря были построены котельные заводы Бари. Позднее они слились с заводом «Динамо». В июле 1899 года на месте помещичьего имения началось строительство электротехнического завода, осуществляемое бельгийским акционерным обществом. В 1906 году завод «Динамо» перешел в руки Русского электрического общества «Вестингауз». Общество было дочерним филиалом американской фирмы, являвшейся крупнейшей международной монополией, которой принадлежало 21 предприятие в Америке, 10 в Европе и 210 отделений в разных частях света.

«Осенью 1917 года, руководствуясь ленинскими указаниями, большевики Москвы развернули широкую подготовку к вооруженной борьбе за власть. Внушительной силой под знаменем партии выступили пролетарии Симоновки. «Теперь большевистский», — с гордостью сообщила о заводе «Динамо» газета «Социал-демократ» в сентябре 1917 года...

В ноябре 1929 года партийный комитет завода «Динамо» обратился в Моссовет с просьбой о расширении своей территории. Городские власти быстро рассмотрели ходатайство динамовцев о закрытии церкви Рождества Богородицы в Старом Симонове и подтвердили решение Пролетарского райкома партии. Церковь была закрыта».

Из истории завода «Динамо».
М., Профиздат, 1961—64.

133

В журнале «Москва» № 4 за этот год, в статье «Путешествие в Китеж-град» Олег Платонов подробно описывает весьма активную роль в разрушениях Симонова монастыря таких людей, как Михаил Кольцов, Ярославский, Каганович. Добавим к его словам репортаж из журнала «Огонек» о событиях 21 января 1930 года: «На развалинах этого старого монастыря, — сказал тов. Давидсон, руководивший работами, — мы должны воздвигать новое. Ленинская слобода (так стала называться Симонова слобода в те годы. — М. П.) своим участием в субботнике показала героическую работу по уничтожению участков мракобесия, созданных царскими опричниками — духовенством». Сообщение о разрушении монастыря было подробно иллюстрировано.

В тридцатых годах, когда церковь Рождества Богородицы оказалась на территории завода «Динамо», богатая сень, украшавшая могилы героев Куликовской битвы, была сломана и увезена, а в трапезной устроили компрессорную станцию завода. Более полувека над могилами тяжело стучали неуместные, кощунственные машины. Грязная вода, отрабатанное масло стекали на землю, укрывавшую прах героев земли Русской. Тех, которые когда-то защищали эту родную, многострадальную землю от глумливых и жестоких захватчиков. Теперь эта земля охраняла и себя и могилы от лопат и отбойных молотков, от сотрясений и вибрации, за нас охраняла нашу память, наше национальное достоинство.

Приходилось слышать и даже читать — и не выброшены ли были останки героев-иноков, когда устраивали новоявленные варвары над могилами фундаменты под компрессоры? Привыкать ли нам? Увы, обретаются же по сию пору в непочтении и сокрытии в Кремле, в подвале Архангельского собора останки многих славных русских женщин. Они были второпях вынесены сюда из разрушенного в 1929 году Вознесенского собора. В этой скорбной общей сестринской могиле-хранилище самый древний прах — княгини Евдокии, вдовы Дмитрия Донского, основательницы Вознесенского собора, постриженной в монахиню после смерти мужа... А взорванные могилы на Бородинском поле?.. А уничтоженные, срытые с лица земли и залитые асфальтом места захоронений профессоров Московского университета и других знаменитых ученых в Даниловом монастыре?.. А оскверненные захоронения вокруг Симонова монастыря? В одночасье ликвидировали обширное, древнее монастырское кладбище, на котором были похоронены многие знаменитые люди России: Татишевы, Голицыны, Басмановы, Мусины-Пушкины, поэт Веневитинов, писатель Аксаков, композитор Алябьев и многие другие. У Владимира Солоухина в «Письмах из Русского музея» есть поразительное по силе описание скорбных действий, связанных с уничтожением Симонова монастыря. Речь идет о перезахоронении праха Аксакова и Веневитинова. Приведены строчки из протокола раскрытия могил: «При извлечении останков некоторую трудность представило взятие костей грудной части, так как корень березы, покрывавшей всю семейную могилу Аксаковых, пророс через левую часть груди в области сердца». Сейчас на месте Симонова кладбища — стадион, беговые дорожки, корты, футбольное поле... А сотни тысяч перепахан-

134

ных могил на деревенских российских кладбищах?.. Так были ли потревожены останки Пересвета и Осляби? Нет! Земля сама спасла их от надругательства, она сильно углубила захоронение, поглотила, впитала в себя прах воинов. Ученым известно, что каждый год на земной поверхности, особенно в низинах, образуется слой перегноя — листья, мелкие сучки, пыли толщиной 3—4 мм. За 550 лет захоронение углубилось еще на 1,6—2,2 метра, то есть минимум до 3,5 метра. Таких глубоких раскопок на месте могил безусловно не было.

Как же все-таки случилось, что компрессоры завода попрали могилы национальных героев, что были снесены купола и разрушена колоколенка церкви, разбиты и ликвидированы иконостасы, сорваны паникадила, замазана грязной, прокопченной известкой настенная роспись, выполненная мастерами Палеха; как случилось, что в те же годы был взорван великостройный храм Христа Спасителя, разрушены большинство строений сопоставимого по красоте своей с московским Кремлем Симонова монастыря (см. журнал «Москва» № 4 за 1990 г.) и тысячи и тысячи других монастырей и храмов перестали духовно кормить русский народ; какие субстанции, какие ведомства усердствовали значительно жестче, нахрапистей, чем иностранные монополии, чем

ЕН

blue-red

СИМОНОВ МОНАСТЫРЬ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА ...

4

та же компания «Вестингауз»; какие люди-люди нанесли культуре и духовности нашей столь страшную разруху, учинили на десятки лет затянувшийся всероссийский погром? Ответы на эти скорбные вопросы должны дать исследователи новейшей истории. Для блага Отечества грядущего мы не должны забывать случившегося. Память нужна не только и не столько помнящему, но гораздо в большей степени его детям и внукам. Наши деды и прадеды это понимали.

Трудно сейчас назвать, определить персонально инициатора номинации русских военных кораблей в героико-патриархальном духе. Однако по сведениям, полученным от знатока истории российского флота М. Телеснина, еще в самом начале XIX века на флоте встречались такие названия, как «Владимир», «Рюрик». В 1860 году в Петербурге были спущены на воду паровые фрегаты «Пересвет» и «Ослябя». Вторым поколением там же на Неве были построены эскадренные броненосцы: в 1898 году на верфях Нового Адмиралтейства — «Ослябя», а в 1901 году на Балтийском судостроительном заводе — «Пересвет».

Увы, судьбы этих кораблей были печальны. «Пересвет» был потоплен перед сдачей Порт-Артура. После подъема, капитального ремонта и включения в 1916 году вновь в состав русского флота в качестве крейсера «Пересвет» 4 января 1917 года подорвался на минах вблизи Порт-Санда. Там сейчас высится памятник, поставленный Министерством обороны в 1955 году, русским морякам, погибшим на боевом посту. «Ослябя» погиб в знаменитом, столь горьком для России Цусимском бою.

Третьим поколением был маленький (80 тонн) речной пароход «Пересвет», построенный в 1914 году в Финляндии. Затем короткое время он назывался «Борец за коммунизм». Кому-то, верно, показалось, что он недостойн такого помпезного названия, и далее борт его «украсили» цифры — «Сторожевой № 102», «Т-842», «Б-45». В Отечественную

войну этот старорежимный пароходик с успехом осуществлял боевое траление на Волге в районе Сталинграда. И, наконец, с 1945 года имя «Пересвет» было дано трофейному немецкому ледоколу «Castor».

Вернемся, однако, в дореволюционные годы. В 1870 году российское петербургское Морское ведомство подарило Старо-Симоновской церкви прекрасную, массивную лампаду, украшенную фигурами архангела Гавриила, иноков Пересвета и Осляби. Лампада исчезла при закрытии церкви. Где она сейчас — неизвестно.

Как же удалось восстановить могилы Пересвета и Осляби?

В 1963 году остатки церкви, хранившей память о героях, были поставлены на Государственную охрану, а менее чем через год в высокие инстанции поступило позорное письмо от руководства завода «Динамо» с предложением исключить здание бывшей церкви Рождества Богородицы из списков памятников, подлежащих охране. Так отреагировал некто — пустоглазый, мертвдушный, безусловно враждебный нашей истории человек. Добро, что высокие инстанции не вняли этому предложению. Но компрессоры продолжали сотрясать славные стены церкви.

В 1966 году народный художник СССР Павел Корин поднял в печати вопрос о восстановлении могил Пересвета и Осляби: «...на Куликовом поле, — писал он, — решалось будущее России и Европы. Русские грудью своей, жизнями тысяч оплатили победу. В те далекие века было завещано помнить павших на поле Куликовом ПОКА СТОИТ РОССИЯ... Пересвет и Ослябя упоминаются в каждой летописи, для множества поколений были они символом доблести, ратной чести».

Через одиннадцать лет, когда попытки общественности с помощью писем в различные инстанции, просьб, протестов и требований освободить славный памятник от компрессоров зашли в тупик, группа москвичей, в которой были В. Наумов, Э. Дьяконов и другие, обратилась за помощью в Совет Министров СССР. Вскоре в одном из постановлений Совмина появилась обнадеживающая строчка: «Вести в действие новую компрессорную завода «Динамо» в 1979 году».

Еще через год у некоторых до странности настойчивых фантазеров родились зловредные проекты передвижки храма-памятника, что было бы, по свидетельству многих специалистов, равносильно его разрушению. Президиум Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, рассмотрев навязчивые предложения, вынес решение оставить памятник на старом месте и просить завод обеспечить возможность начала реставрации в 1979 году. Инициатором этого рассмотрения был член Президиума ВООПИК летчик-космонавт дважды Герой Советского Союза Виталий Иванович Севастьянов (ныне член Верховного Совета РСФСР), который категорически отверг любые попытки передвижки памятника, даже если бы это и было технически выполнимо, прежде всего по нравственно-этическим причинам. На одно из совещаний космонавт приехал в настроении весьма решительном. Терпеливо выслушав доводы «передвижчиков» он выступил коротко и весьма энергично: «В том месте, где хоронят людей, а тем более великих людей, национальных русских героев, их кровь, прах и память,

СИМОНОВ МОНАСТЫРЬ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА ...

ВОССТАНОВЛЕНИЮ И ОЧИЩЕНИЮ ПОРУГАННОЙ ПАМЯТИ СОДЕЙСТВОВАЛИ
КОСМОНАВТ СЕВАСТЬЯНОВ, ПИСАТЕЛИ ЮРИЙ ЛОЩИЦ, ВАЛЕНТИН РАСПУТИН,
ЕГОР ИСАЕВ

слившиеся с землей, светят в небо. Сердце каждого русского человека чувствует, видит и здесь на земле, и на карте, а тем более из космоса точку планеты, где сконцентрированы наша история, наша слава, наши победы. Эта точка зафиксирована в веках. Святотатство — передвигать надгробье, каковым является церковь, святотатство — располагать заводские постройки над могилами.

В 1978—80 годах по вопросу освобождения памятника от компрессоров и восстановления могил героев Куликовской битвы выступили почти все центральные газеты и журналы — и «Коммунист», и «Крокодил», и «Правда», и «Человек и закон», и многие другие. Подготавливая каждую из статей, журналисты беседовали с сотнями людей. Упоминанные статьи читали многие миллионы неравнодушных читателей. Но вот наступает юбилейный год. Вся страна празднует шестисотлетие Куликовской битвы, весь народ — военные, историки, краеведы, церковь... Увы, но по-прежнему одиноки могилы национальных героев. Проход на территорию завода ограничен и затруднителен. Единственный успех в том, что замолчали наконец моторы над могилами. Но запланированные работы были выполнены меньше чем наполовину.

И вместе с тем ширилось возмущение многих тысяч сограждан российских, возвысивших голоса свои за воскрешение могил героев России. Все новые и новые люди принимали участие в этом нелегком движении. Дерево общественного гнева, чайный, забот росло, ветвилось, и его уже трудно было не замечать, игнорировать.

Многие наши с вами славные современники в дни подготовки к юбилею Куликовской битвы побывали на заводе «Динамо», пытались хоть чем-нибудь помочь восстановлению могил Пересвета и Осляби, восстановлению и очищению поруганной памяти. Среди них были: прежде всех писатель Юрий Селезнев, который вместе с В. И. Севастьяновым проводил встречи с рабочими завода «Динамо», писатели Юрий Лошиц, Валентин Распутин, Валерий Сергеев, поэты Валентин Сорокин, Егор Исаев, Владимир Сидоров. Были в Старом Симонове и архитекторы, и художники, и историки, и инженеры; навешали завод «Динамо» руководители Министерства электротехнической промышленности — и тоже заглядывали на памятник, и высокому руководству тоже забота — как же быть с неудобной для завода церковью? Вот сколько много внимания было уделено знаменитым могилам!

МИХАИЛ ПОСПЕЛОВ, БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

что ж, дело, казалось бы, сдвинулось — завод достаточно быстро построил и запустил в ход новую компрессорную станцию. В церкви Рождества Богородицы под руководством главного архитектора Б. Г. Могинова начали работать мастера «Союзреставрации». Но пока еще не было постоянного, озбоченного и усердного арендатора, не было ясно, как организовать подходы к памятнику, никто не мог сказать, когда будет восстановлена разрушенная колоколенка. И получилось, что надо ждать и ждать того светлого дня, когда благодарные потомки смогут поклониться могилам Пересвета и Осляби.

Впрочем, не все хотели терпеливо, пассивно дожидаться открытия этой национальной святыни для широкой публики.

Во второй половине 80-х годов по суббо-

135

там и воскресеньям на восстановлении памятника начали работать большие группы энтузиастов. К могилам героев Куликовской битвы съезжались не только москвичи, но и жители Подмосковья. Порядок вокруг церкви и внутри нее, посильную помощь реставраторам осуществляла возглавляемая В. Д. Ляковым комиссия по шефской помощи Московского городского отделения ВООПИК. В «Дружину», как они себя сами называли, входили люди разных профессий и возрастов. Сюда приходили и с семьями. Всех перечислить совершенно невозможно, но нескольких мы просто обязаны назвать: Жилкин П. С., Захаров И. С., Петрова А. П., Петров В. А., Олейник А. Г., Круглов Г. А., Синицына С. А., Стряпчий Э. И., Полищук Л. И., двое совсем молодых людей — Сережа Францев и Сережа Михайлов и многие, многие другие.

Нелегко было разрушать кирпичные и железобетонные конструкции, которые завод постарался пристроить к церкви. Прежде всего очистили место, где когда-то была надмогильная сень. У изголовья скромного самодельного, из досок сколоченного надгробья в простых стеклянных банках обычно стояли живые цветы. А когда после тяжелой работы усталые доброты по субботам или воскресеньям собирались в сумрачной церковной трапезной на чаепитие, то у могил иноков-героев тепло и трогательно горели свечи.

И вот новое духовное торжество, большая победа соотечественников! К тысячелетию Крещения Руси с помощью Министерства культуры РСФСР, Советского фонда культуры и многих благопоспешных и трудолюбивых сограждан церковь Рождества Богородицы в Старом Симонове выгородили из подступающих вплотную цехов завода, поставив вокруг нее высокий железобетонный забор, и устроили к ней по территории завода проход, также огороженный забором.

СИМОНОВ МОНАСТЫРЬ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА ...
ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ ВОЗВРАЩЕНА ВЕРУЮЩИМ,
РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ И КУЛЬТУРЕ.

6

Талантом и трудами замечательного скульптора Вячеслава Клыкова на могилах были воздвигнуты два светлых мраморных надгробья на одной плите из черного камня. Большой бронзовый щит символизирует богатырскую оборону Руси. Горят над Распятием на белой полированной поверхности надгробий красные лампы, и алые блики напоминают современникам о праведной крови, пролитой за землю Русскую. Сливаются тысячи и тысячи ручейков патриотических чувств в людской поток, стремящийся к могилам Пересвета и Осляби. Большую работу по восстановлению храма-памятника проделали сотрудники Государственного исторического музея. С апреля 1988 года церковь Рождества Богородицы являлась филиалом ГИМа. За это время немало потрудились небольшая группа сотрудников филиала, среди которых особенной старательностью отличалась И. Н. Христюк. При ее деятельном участии были найдены неизученные документы, помогающие восстановить утраченную живопись, проводилась большая работа по историческому воспитанию школьников, беседы с многочисленными экскурсантами, среди которых были и гости из-за рубежа.

Летом 1989 года Русская Православная Церковь и патриотически настроенная общественность торжественно отметили шестисотлетие со дня смерти недавно канонизированного князя Дмитрия Донского. В телефильме режиссера В. Медведева, посвященном Дмитрию

136

Донскому, много внимания было уделено и инокам — соратникам князя Пересвету и Ослябе, а также современному состоянию церкви, где они похоронены.

В марте 1989 года несколько десятков верующих москвичей, а также представители комиссии по шефской помощи МГО ВООПИК и Товарищества русских художников обратились в Совет Министров СССР с просьбой вернуть церковь Рождества Богородицы в благотворные сферы Московской Патриархии. Письмо о нравственной и духовной целесообразности такого шага подписали десятки писателей, в их числе только что избранные тогда народные депутаты В. Астафьев и В. Распутин. И вот Моссовет и Совет по делам религий приняли решение о передаче славного храма общине христиан и Русской Православной Церкви.

Великое благодарение Богу! Наконец-то над могилами Пересвета и Осляби вновь совершаются богослужения, которые истово проводит молодой настоятель храма Владимир Петкевич. Церковь Рождества Богородицы возвращена верующим, русской духовности и культуре, Московской Патриархии. 16 сентября 1989 года Высокопреосвященный владыка Владимир, митрополит Ростовский и Новочеркасский, управляющий делами Московской Патриархии освятил левый придел Преподобного Сергия в церкви Рождества Богородицы в Старом Симонове, а 16 декабря 1989 года был освящен правый придел — Никольский. Прихожане и многие москвичи надеются, что вскоре будет освящен и центральный алтарь церкви.

Ко дню освящения «дружинники» из МГО ВООПИК сделали первый иконостас Сергиевого придела. В спорах, не всегда уверенно и профессионально, однако весьма старательно соорудили они его из старых, тщательно очищенных древесно-стружечных плит и обрезков досок, побелили, покрасили его. Батюшка подобрал иконы. Женщины принесли к иконостасу цветы, украсили букетами цветов могилы Пересвета и Осляби. Когда в церкви начались регулярные службы, первыми в ней крестились молодые люди, которые своими руками освободили храм от машин, от труб и проводов, от пристроек и мусора; те, которые любовно благоустроили тесную площадку вокруг храма. Некоторые из них позднее и венчались в «своем» храме. Совет им да любовь!

Замечательные иконы переданы были церкви Рождества Богородицы из отечественных музеев. Так явилась в храме великолепная Чудотворная икона Божией Матери письма XVII века. Прекрасную резную икону Святого Николая принесли наши соотечественники из Австралии — семья Джамирзе. Прихожанка Соломатина подарила церкви икону с изображением основателей Старо-Симоновского монастыря Святого Феодора Ростовского, Преподобного Сергия Радонежского и Святого Кирилла Белозерского. Мы говорили уже, что большую помощь в восстановлении церкви оказал космонавт В. И. Севастьянов. Он не раз бывал в Пролетарском райкоме, на заводе «Динамо» — и в кабинетах руководства, и в цехах, и в полуразрушенном храме. Приезжал он и в ту пору, когда шла реставрация церкви, был и на освящении и передал затем храму несколько икон из тех, которые ему дарил друзья как человеку, глубоко и искрен-

не интересующемуся истоками русской культуры.

Все бы хорошо, но остается еще много нерешенных вопросов. Сложна проблема, типичная для многих московских церквей, проблема увеличения охранной зоны церкви-памятника, или иначе — площади отвода земли для церковных нужд. Ведь сейчас храм Рождества Богородицы находится как бы в тесном железобетонном мешке. Выгороженный железобетонными плитами проход включает высокий виадук, крутые лестницы которого весьма трудно преодолевать пожилым людям. Сердце кровью плачет, когда видишь старушек с палочками, карабкающихся по ступеням виадука. Проход устроен вплотную к действующей компрессорной станции. Ее машины гораздо мощнее тех, которые недавно стояли в храме. Сильный шум этих машин никак не вяжется с молитвенным настроением посетителей храма, он безусловно перекрывает шумовые санитарные нормы, допустимые вблизи любых гражданских сооружений.

ЕН

6/12-1990

СИМОНОВ МОНАСТЫРЬ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА ...

7

Общественность и приходское сооранние церкви в Старом Симонове вынуждены продолжать дальнейший спор и с заводом, и с Министерством электротехнической промышленности, к которому завод подчиняется, спор о сносе литейного корпуса — он в аварийном состоянии, — чтобы славный храм был виден со стороны Москвы-реки, имел бы выход к набережной. Необходимо добиться скорейшего сноса и других расположенных всего в нескольких метрах от храма корпусов, что полностью соответствовало бы планам реконструкции завода и всего района. По утвержденным в Моссовете планам эти корпуса давно предназначены к ликвидации. Но завод упорствует, завод всячески оттягивает реконструкцию, не желая проезжать с экологически вредными цехами подальше от центра столицы, где ему Моссоветом выделена вполне удобная, просторная площадь. Таким образом во взаимоотношения москвичей с заводом «Динамо» обострились не только вопросы экологии культуры, духовного возрождения, но и просто экологические проблемы Москвы — Первопрестольная должна быть чистым городом!

Недалеко от Старого Симонова сквозь переплетение заводских конструкций, труб и электропроводов хорошо видны приземистые контуры крепостных стен, башен и некоторых еще сохранившихся зданий Симонова монастыря. Здесь десятилетиями идут затянувшиеся реставрационные работы. В кирпичной кладке кое-где змеятся трещины. Их замазывают, они появляются снова. То, что недоделали доморощенные вандалы, наверставают время и нерадивые арендаторы. Для Симонова монастыря таковыми сейчас являются мастерские Росмонументискусства, находящиеся в ведении Министерства культуры РСФСР.

Когда замечательного ученого, реставратора П. Д. Барановского спросили, какое архитектурное сооружение Москвы назвал бы он следующим по значимости, архитектурной и культурной ценности после Кремля, то ответ был незамедлителен — Симонов монастырь. О нем восторженно писали и Карамзин, и Лермонтов, и Герцен, и многие другие

русские литераторы. Он был запечатлен на полотнах многих художников.

Если говорить о будущем культурно-исторического комплекса в этом микрорайоне, и именно так ставит вопрос общественность, и, надо сказать, Моссовет (по крайней мере старый), и ГлавАПУ, и районные руководители всецело поддерживают такую концепцию, — то, конечно, лишь памяти Святых Феодора и Дмитрия Донского, памяти Преподобного Сергия, музею Куликовской битвы, центру Единения и духовного процветания государства Российского надо отдать трапезную и некоторые другие оставшиеся помещения Симонова монастыря, как можно скорее попросив оттуда Росмонументискусство. Кстати, четыре года тому назад Министр культуры РСФСР Ю. С. Мелентьев выезжал к Симонову монастырю и давал там интервью корреспонденту газеты «Известия». Он говорил: «Впервые разрабатывается комплексная программа культурного развития целого района Москвы, рассчитанная на период до 2000 года». Вот в какую дальнюю даль поглядел тогда министр! И теперь, когда мы «разменяли» последнее десятилетие века, невольно возникает вопрос: говоря о 2000 годе, уж не предполагал ли министр эвакуировать свой Росмонумент лишь в 1999-м? Если это так, кто-то должен поправить министра; москвичи вправе ждать действительной помощи от самых высоких инстанций.

Эти строки написаны в период съезда РСФСР в мае сего года, когда новое правительство республики еще не сформировано. Автор допускает, что после съезда в России может появиться другой министр культуры, но должна быть преемственность. И новое Министерство культуры, и Совмин РСФСР, и Верховный Совет федерации должны оказать помощь церкви Рождества Богородицы и остаткам Симонова монастыря.

Но, конечно, община церкви Рождества Богородицы, в которую входят журналисты и писатели, поэт и скульптор, математик и археолог, студенты, инженеры, историки, рабочие и пенсионеры; с великой благодарностью примет помощь от любого человека, любой организации, министерства, любой церкви, монастыря. Ведь храм, затерянный среди заводских построек, лишь налаживает свое скромное хозяйство. Перевести пожертвования можно на текущий счет № 701501 в Пролетарском отделении Промстройбанка.

Давно уж не звонят колокола в Симонове. Их и нет сейчас. И колоколенки у церкви Рождества Богородицы пока нет. Да и звон колокольный в наши дни был бы здесь почти не слышен — завод кругом, наследие мощнейшего американского международного треста «Вестингауз», дышит, ворочается с громом и скрежетом. Но «не в силе Бог, а в Правде». ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО, по его Правде не оставляет сердца людей надежда на мир, единство и благоденствие Руси.

Возносится в веках к небу и затихает колокольный звон, и воскресает вновь широко, гулко, радостно, свято. Так и душа народная... По каким законам никнет и возвышается она? Богу ведомо!

МИХАИЛ ПОСПЕЛОВ. БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

О П Т И Н А П У С Т Ы Н Ь
В Ф О Т О Г Р А Ф И Я Х Л Ю Д М И Л Ы И В А Н О В О Й
(Из цикла "Храм")

Буклет выставки

Фотоклуб "Зеркало"

К 150-летию русской фотографии

Ленинград, 1989

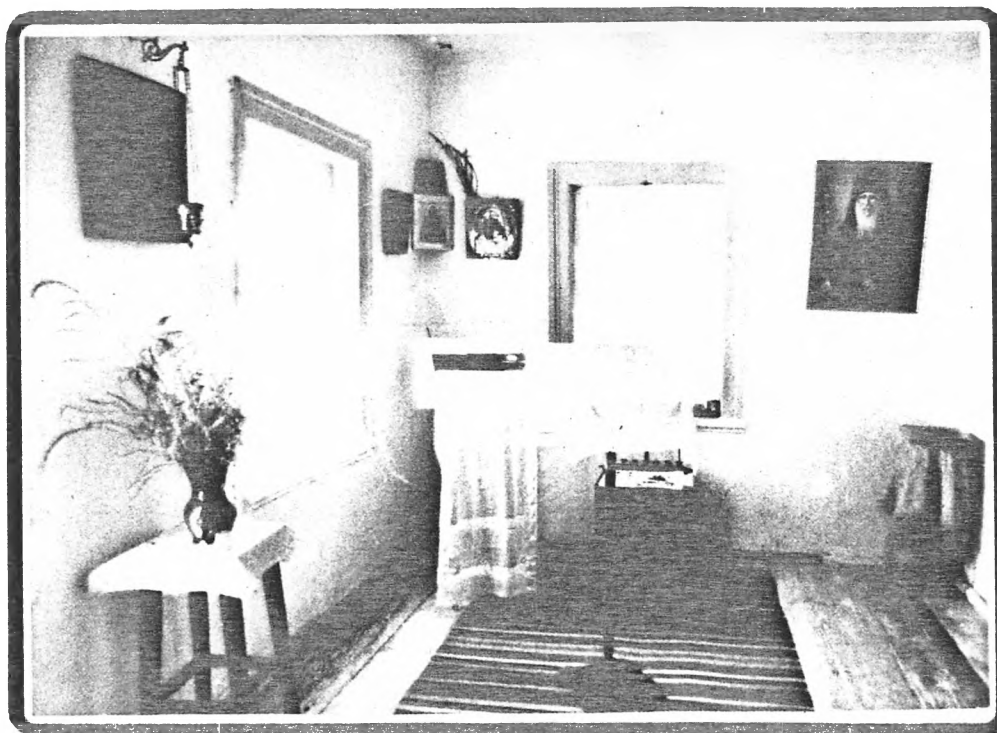

О СЕБЕ

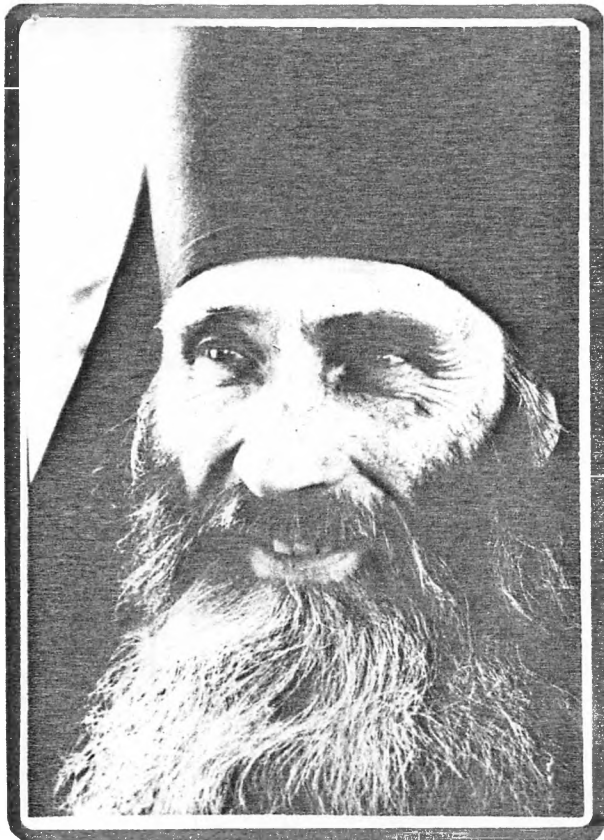
Мне 33 года. Я родилась на Дальнем Востоке, детство провела в Сибири. С 15 лет живу под Ленинградом в пос. Вырица.

С фотографией познакомилась, учась в культпросветучилище, где на втором курсе всем студентам выдали дешевые "Смены" для изучения фотодела. Держа в руках потрепанный фотоаппарат, мне пришло на ум одно воспоминание детства: однажды соседский мальчишка попросил снять себя его фотоаппаратом. Тогда я впервые увидела этот странный черный коробок с вытарашенным на мир глазом. Когда я взглянула в него, — привычный мир показался таким новым и интересным, будто я его увидела впервые. Окуляр фотоаппарата казался каким-то чудесным окошком в мир, из которого все становится виднее. В училище появилось страстное желание снимать. Снимать для меня означает видеть. Собственный "Зенит" появился, когда работала в поселковом Доме культуры. Я снимала все: детей, взрослых, знакомых, незнакомых... Внештатно сотрудничала в районной газете. В 1986 г. закончила фотокурсы при Ленинградском Доме журналистов. Но настоящее обретение мастерства и своей темы произошло в фотоклубе "Зеркало". Меня тянуло к портрету, к жанру. Один из героев Достоевского говорил, что "только в редкие мгновенья человеческое лицо отражает главную мысль". Именно эти мгновенья я хочу остановить в своих снимках. Но найти эти мгновенья возможно только через доверительное общение, а это требует не только фотоискусства, но и большого душевного труда.

Поэтому мне особенно интересны люди, в которых "главная мысль" светит чище и чаще. Поэтому я пришла в мир веры, в мир религиозных раздумий над вечными вопросами бытия.

Этот мир стал моей главной темой. Работа над этой темой стала для меня попыткой дать ответы самой себе на эти вопросы. Эта тема привела меня в с. Вышегород к настоятелю местного храма о. Сампсону Кучинскому, где я начала снимать серию фотографий, которую назвала "ХРАМ". Эта тема привела меня к тому, что я сама в 29 лет крестилась. Эта же тема привела меня в этом году в Оптину пустынь. Результатом поездки в Оптину стали новые фотографии из серии "ХРАМ", которые я представляю на этой выставке. Чувствую, что это не последняя моя поездка в Оптину. Надеюсь, что эта же тема будет вести меня и дальше по

Еще в начале XIX века этот небольшой монастырь никому особенно известен не был. В конце же XIX века это был один из самых знаменитых монастырей России. Из 1000 монастырей России с особой настойчивостью шел народ именно в эту, кажется ничем не примечательную, обитель на берегу реки Жиздры среди Калужских лесов близ древнего Козельска. Сюда ехали великие князья и простые мужики, помещики и странники, столичные интеллигенты и поволжские купцы, любопытствующие студенты и "верующие бабы". И прославленными святынями монастырь не обладал, и шедеврами архитектуры не отличался, и историческими событиями не был отмечен. Леса же вековые тянулись через Козельск от самого Брянска до Мурома. Чем же влекла к себе Свято-Введенская Оптина пустынь? Чем, к примеру, влечет к себе многих путешественников скромный источник в тверской глубинке с маленькой часовенкой над ним?! Ничем иным, как тем, что является началом великой Волги... Также Оптина – тоже источник, один из духовных источников России. Здесь жили живые родники духовности – СТАРЦЫ. Они те, из которых, по слову Евангелия, истекали "реки воды живой" (Ин. 7, 38). Не к стенам, а к старцам шла Русь в Оптину. Если одним словом, Оптина – это старцы. В них ее смысл и притягательная сила. Понять Оптину – понять старчество.

"Итак, что же такое старец? – спрашивал Достоевский. – Старец – это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю". Старец – тот, кто мог взять всю душу другого человека и вместить в свою душу и нести ответственность за нее до конца, взять волю другого в свою волю и направлять и наставлять ее, неся личную ответственность за нее до конца. Старчество – есть прежде всего подвиг любви к ближнему своему, той любви, которая "душу свою полагает за други своя" (Ин. 15, 13). О сути старчества можно сказать словами апостола Павла: "Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести. (...) Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых" (1 Кор. 9, 19, 22). Какой должна быть безмерной душа того, кто принимал в себя не одну, а тысячи душ. Какой труд – ежедневно принимать сотни людей: выслушать, понять, принять, простить, наставить, утешить, предостеречь, поддержать. Для такого служения недостаточно духовных способностей и опыта, здесь необходимы особые дарования свыше. Принимая в себя души и воли других, старец не замыкает их на себе. Великий старец св. Серафим Саровский говорил об этом так: "Как железо ковачу, так я передал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действуй, своей воли не имею, а что Богу угодно, то передаю". Старец – носитель живой святости, хранитель лика Христова, тот праведник, без которого не стоит ни город, ни страна, ни народ. Именно такими были Оптиные старцы Лев (1768–1841), Макарий (1788–1860), св. преп. Амвросий (1812–1891), Иосиф (1837–1911), Анатолий (1824–1897), Варсонофий (ум. 1912), Нектарий (1856–1928). К ним шли как к живоносным источникам за словом назидания, увещания, утешения, за словом духовной правды, посему протоиреем Сергий Четвериков назвал Оптину пустынь "университетом русского народа"; к ним шли как к врачам душ, посему отец Павел Флоренский назвал Оптину "духовной санаторией многих израненных душ".

Не удивительно, что в Оптину стремились приехать многие деятели русской культуры, особенно же – писатели. Пожалуй, путь ни одного из крупных русских писателей XIX в., безразличного к идеалам своего народа, не прошел мимо Оптиной пустыни. В ней бывали В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь, братья И. В. и П. В. Киреевские, С. П. Шевырев и М. П. Погодин, И. А. Тургенев и А. Н. Апухтин, Л. Н. Толстой и А. К. Толстой, Ф. М. Достоевский и К. Н. Леонтьев. Достоевский посетил Оптину в июне 1878 г. вместе с В. С. Соловьевым, дважды наедине беседовал со старцем Амвросием, оставив о нем "сильное и глубокое впечатление". Впечатления от Оптиной легли в основу избрания монастыря в романе "Братья Карамазовы".

Оптина стала частью русского культурного сознания, глубоко определив само это сознание. Об этом точно сказал о. Павел Флоренский: "Если начать проследить мысленно самые разнообразные течения русской жизни в области духа, то непосредственно или посредственно мы всегда приводимся к Оптиной как духовному фокусу, от соприкосновения с которым возжигается дух...". Оптина так глубоко и прочно вошла в русскую культуру и русское сознание, что то и другое без нее уже невозможно представить, как невозможно и само их существование без Оптиной. Может быть лучше всего о насущной необходимости Оптиной сказал Гоголь: "Мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дрязгу, и на всяком месте своего странствия быть в Оптинской пустыни".

Ровно век длилась история Оптиной пустыни как очага старчества на Руси. В 1821 г. был основан Скит при Пустыни, ставший местом жительства старцев, а в 1923 г. Оптина была закрыта. Разрушение духовных основ России не могло не затронуть Оптину. Попытки закрыть Оптину начались с 1919 г. Вначале часть Пустыни музеефицировали. В пасхальные дни 1923 г. в Пустынь прибыли представители новой власти. Была отслужена Пасха, как оказалось, последняя на многие десятилетия. Через неделю в Фомино воскресенье Оптина была закрыта полностью, старцев и монахов арестовали, вывезли в Козельск, храмы опечатали, паломников разогнали. Был арестован и последний оптинский старец Нектарий. В его келье был произведен тщательный обыск, – надеялись найти какие-то богатства, считая, что к старцу стекались народные деньги. Когда же вошли в келью, куда обычно никто не входил, кроме старца, – обнаружили... большое количество детских игрушек: куклы, мячики, фонарики... Эти "богатства" старец раздаривал своим маленьким гостям. Когда же старца спросили: "Зачем это у вас детские игрушки?" – старец Нектарий ответил, юродствуя: "Я сам как дитя". Найденное в келье церковное вино было тут же распито... Старец Нектарий был вывезен из Оптиной на санях по последнему снегу. Казалось, что он больше сюда никогда не вернется. Началось время "мерзости запустения". Пустынь стала пустыней. Монастырь был превращен в лесопильную артель. Вековые сосны оптинского леса повалились под безжалостными пилами лесозаготовителей. В Скиту до 1928 г. сохранялся музей, потом Скит был обращен в дом отдыха, куда, кстати сказать, любили приезжать по старой памяти некоторые советские писатели, видимо, в связи с этим посреди Оптиной поставили памятник отдыхающему М. Горькому. После Отечественной войны в стенах Пустыни разместилось профессионально-техническое училище, а в Скиту уже в последние десятилетия филиал Козельского краеведческого музея. Вся послереволюционная история Пустыни рисуется – случайно или нет – некоей пародией на то, чем была Оптина до революции – вместо "духовной санатории" – дом отдыха, вместо народного нравственного "университета" – пэтэу.

Итогом этого времени "разбрасывания камней" стало полное разорение монастыря: погуганы и обезглавлены храмы, уничтожены иконостасы и все внутреннее убранство, большая часть монастырской ограды разобрана на кирпичи, также как и знаменитая 65-метровая колокольня; под фундамент снесены церковь Владимирской иконы Божьей Матери, монастырская гостиница, где останавливались великие русские писатели, без остатка уничтожено монастырское кладбище, могилы оптинских старцев. По точному замечанию журналиста, "монастырь выглядел так, будто пережил тяжелую осаду, штурм или длительное пребывание неприятеля". Но пережил и выстоял.

Исполнилось 70 лет нового древнего "Вавилонского пленения". В 1987 г. по просьбе патриарха Пимена Оптиной пустынь была возвращена Русской Церкви, русскому народу, русской культуре. Вновь возжена свеча, началось возрождение Оптиной. Собирается монашеская братия, собираются разбросанные камни, собираются иконы и вещи, бывшие некогда в Оптиной. Сейчас Оптина напоминает строительную площадку: храмы в лесах, стройматериалы на монастырском дворе, монахи и рабочие трудятся вместе. Каждый день Оптиной пустыни сегодня наполнен важными, часто историческими событиями: и двух лет не прошло еще, как Оптина 17 ноября 1987 г. передана Церкви, а 3 июня 1988 г. был освящен первый престол в честь Владимирской иконы Божьей Матери; к Успенью был освящен Никольский придел Введенского собора; 22 октября 1988 г. был освящен и главный престол собора, где на другой день первый раз была отпразднована память преп. старца Амвросия как святого, а за неделю перед этим – 16 октября – были обретены его мощи, почивающие ныне во Введенском соборе. Этим же летом вернулся в Оптину и старец Нектарий, останки которого были перенесены в Оптину пустынь из с. Холмищи Брянской области, где он умер в 1928 г. в изгнании. Вместе со стенами восстанавливается и старчество.

И вновь потянулись к духовному роднику Оптиной новые паломники на электричках, автобусах, машинах, пешком: студенты, журналисты, интеллигенты, рабочие, учителя, колхозники, писатели, инженеры, домохозяйки. Оптина пустынь возвращена нам, мы возвращаемся в Оптину пустынь.

Но предстоит еще большая работа по полному восстановлению Оптиной. Сейчас восстановлен только один храм – Введенский собор. Требуются большие затраты сил и капиталовложений. Немало проблем предстоит разрешить. Одна из них – судьба Оптинского скита, где в Иоанновской церкви и кельях старцев монахов размещена литературная экспозиция Козельского краеведческого музея. Но имеет ли сейчас смысл оставлять музей в Скиту, главной части Оптиной пустыни, где жили старцы? Естественнее отдать его целиком монастырю. Это был бы настоящий "живой музей", лучший вариант сохранения памяти о великих паломниках Оптиной пустыни.

Научный сотрудник музея Ф.М. Достоевского –
Г.В. Украинский

Этим летом побывала в Оптиной пустыни и фотограф Людмила Иванова. Она привезла отсюда серию фотографий, которую музей предлагает вашему вниманию.

Опубликованные фотографии:

1. Святые врата Иоанно-Предтеченского скита Оптиной пустыни
2. "Хибарка" св. старца Амвросия
3. Келья св. старца Амвросия
4. Отец Ильян
5. Возвращение мощей старца Нектария в Оптину пустынь.

Адрес Оптиной пустыни: 249700, г. Козельск, Калужская область.

Расчетный счет для пожертвований: № 701415 Ленинское отделение Жилсоцбанка г. Москвы,
№ 000701903 в Козельском отделении Агропромбанка.

ПУСТЕЮТ ДУХОБОРСКИЕ СЕЛА В ГРУЗИИ, РУШИТСЯ ДУХОБОРЬЕ

№ 28, 15 июля 1990 г.

КТО ГОНИТ НАС?

Духоборцы — «борющиеся духом», приверженцы верования, родившегося в центральной России в конце XVIII века. Они не признавали священников, не избирали пресвитеров: «Христос отверг посредников между Богом и человеком». Они не признавали креста, Библии и икон: «Их не было при Христе, и он не учил в них». Они не строили церквей и не ходили в них: «Наши храмы не в бревнах, а в ребрах». Они жили, как первые христиане, коммуной. Они не противились злу насильем — «борелись духом»...

Первое их переселение состоялось в 1804 году. Проклятые Русской православной церковью и Александром I, жестоко преследуемые, духоборцы были сосланы в Таврию. В 1841 году Николай I решил заселить этих «еретиков» еще дальше — в суровую горную Джавахетию, на самую окраину Российской империи. На репрессии продолжались и там. После того как в конце прошлого века расстреляли десятки духоборцев, отказавшихся служить в царской армии и сжегших оружие, значительная часть духоборцев выехала в 1898 году в Канаду. На защиту оставшихся поднялся Лев Толстой. («В их жизни есть что-то похожее на сказку», — писал он)... В XX веке около четырех тысяч духоборцев осели, пустили корни в Грузии.

Джаваети — историческая область Грузии, граничащая с Арменией и Турцией. Село с русским названием Мокрых гор — отрогов Главного Кавказского хребта. Безлюдная улица. Закопанные дома. Из одного — хозяева, мужчины с глубокими, чисто славянскими лицами, которые ныне так редко встретишь в самой России, — выносят мебель, грузят ее на «КамАЗ». «Здравствуйте! — обраща-

ясь к ним, хочется выговорить это слово отчетливо и полно. — Я — корреспондент из Москвы...» «А! Приехали! Где же вы были 150 лет? — неожиданно зло, со слезами в голосе перебивает меня один. — А теперь что?.. У нас ноги к этой земле прилипли». Махнув рукой, уже чуть не рыдая, он берет за следующую вещь...

Это их четвертое переселение.

blue-red

ПУСТЕЮТ ДУХОБОРСКИЕ СЕЛА В ГРУЗИИ, РУШИТСЯ ДУХОБОРЬЕ

№ 28, 15 июля 1990 г.

В селах, где живут духоборцы, — Гореловка, Спасовка, Орловка, Калинин — колхозы самые крепкие в Богдановском районе Грузинской ССР. Крепки их дома и хозяйства. Крепок их хозяйский уклад... Здесь, среди гор, я вдруг нашел нетронутый кусок той исконной и искомой России. России, которой, казалось, больше нет.

Они сохранили все. Обычай, обряды, привычки. Они в праздники собираются на пение псалмов, в каждый знает их наизусть не менее трехсот. Они сами ткнут свою традиционную одежду. Они в каждом доме держат на столе постоянно хлеб, соль и воду — символы жизни. Они любят всех детей одинаково, своих и чужих, и у них не бывает сирот. У них нет воров и пьяниц. Они сохранили деревенский лад и все делают сообща. Помогают в горе, поют в радости...

Но изумительный духоборческий хор, который я услышал в одном из дворов в Гореловке, увы, радован не был: «Люди добрые, поверьте: расставанье хуже смерти...» Хозяева, продав дом, уезжали в Запорожье. Их соседи — в Ставрополье. Другие — в Тульскую область...

Один из последних островков настоящей России распался на глазах... Почему? Кто гонит их? С со-

седьями они живут мирно. Местные власти против переселения: при том, что духоборцев 9 процентов населения района, их колхоз дает 30 процентов сельскохозяйственной продукции. Власть республиканская тоже против. Об этом заявил первый секретарь ЦК Грузинской компартии Гиви Гумбаридзе. Откуда же эти слезы? Почему еще одни беженцы?

Прасковья Зубкова, председатель Гореловского сельсовета: «Люди боятся отделения Грузии — как мы будем жить потом?... В газетах нас стали звать «постояльцами», «колонистами»... Пронесся слух, что в связи с принятием Грузией закона о языке в на-

ших сельских школах детей заставляют учить грузинский язык... Люди стали уезжать поодиночке... В дома уехавших стали вселяться армяне и грузины. Но обстановка сложилась нездоровая. Люди напуганы событиями в Закавказье. Рядом границы исторически враждовавших Турции и Армении — еще один тревожный фактор. Люди нервничают. Люди устали от напряжения».

Мария Углова, бывший председатель колхоза села Спасовка: «Дома уезжающих закупает Фонд Мераба Костава (известного правозащитника, погибшего в автокатастрофе летом 1989 года. — Д.Р.) и отдает их пострадавшим во время прошлогодних стихийных бедствий в Аджарии и Сванетии, а армяне стараются перекупить, говорят: «Если здесь аджарцы поселятся, оставшимся плохо будет». Мы решили все переехать в Тульскую область — около толстовской Ясной Поляны. Но дома там для нас строят медленно, и люди торопятся уезжать кто куда: в Ставрополье, в Запорожье, Краснодар, Смоленск...»

Верить ли этому? Грузинские неформалы, в частности председатель самой популярной, по опросу общественного мнения, партии «Хельсинкский союз» Звиад Гамсахурдия, заявляют, что они против переселения духоборцев, малочисленных, трудолюбивых, не требующих автономии, и что в любом случае в Грузии духоборцам гарантированы все права. Кроме того, вытеснение духоборцев стало бы, особенно после недавних грузинско-абхазских и грузинско-осетинских осложнений, еще одним обстоятельством, сталкивающим национально-освободительное движение в русле межнациональных конфликтов. Это прекрасно понимают и лидеры армянских неформалов, не желающих обострения и без того тяжелой обстановки в Армении... Так, может быть, причины переселения в другом?

Василий Красняков, парторг села Гореловка (Всего в 5 духоборских селах — около 300 коммунистов. Из партии они не выходят. «Настоящий коммунизм — это и есть духоборчество», — говорят они): «Мы здесь 150 лет в ссылке прожили. Просились всегда назад.

Только сейчас нам это разрешили. Язык кругом чужой, природа чужая, людям хочется в Россию, на родину. Климат здесь тяжелый. Социально мы не благоустроены, такая глушь — молодежи учиться негде, работать негде. Отходит она от веры, уезжает... Так чем по одному разъезжаться, решили все вместе. Подали ходатайство в Совет Министров СССР. В мае получили постановление «Об организации добровольного переселения отдельных граждан из Грузинской ССР в Чернский район Тульской области». Вот переезжаем. Уже 100 семей уехало...»

Ну что же! Русские едут на родину, в Россию. (Правда, неизвестно, как примет отвергшая их когда-то земля и как она примет канадских духоборцев, собравшихся переселиться на Алтай. Но это тема отдельного репортажа). Они, труженики, возродят пустующие русские деревни. И улыбается шофер тульского «КамАЗа»: «Ничего, приживутся! Нам работяги нужны!» И смеются девушки-духоборки: «Что делать будем? Дома строить. В тульских институтах учиться...» Так

отчего же здесь так грустно? Отчего плачут, уезжая, люди? Отчего так скорбно застыли на крылечках старушки в ярких традиционных платках?..

Сначала они не хотят отвечать на вопросы. Отворачиваются, когда я их пытаюсь сфотографировать. Потом неожиданно начинают говорить все сразу:

— Куда мы поедем? Здесь наши деды-прадеды, отцы лежат. Кто за могилами посмотрит?

— И там не своями будем, и здесь чужими станем...

— Там попы опять скажут: идите в церкву — мы же для них опасны, к нам народ идет...

— Здесь у нас такое богатство, такие дома, а там еще 20 лет все благоустроить. А из чего там строить? Ни леса, ни камня...

— Какая здесь опасность? 150 лет жила — рядом и турки, и армяне, и грузины — у нас ни одного убийства не было...

ПУСТЕЮТ ДУХОБОРСКИЕ СЕЛА В ГРУЗИИ, РУШИТСЯ ДУХОБОРЬЕ

№ 28, 15 июля 1990 г.

— Кто нас гонит?... Взбесился народ. Один поехал — и все за ним...

— Если б все в одно место ехали, а так... Порушилось духоборье.

Владимир Кузнецов, директор историко-этнографического музея духоборцев в селе Гореловка: «А я никуда не поеду. И музей свой не повезу. Что они там будут делать без своей истории? Мы росли в эту землю. Нас никто отсюда не гонит. Один из наших учителей писал духоборцам в Канаду: «Будьте телом на чужбине, а душой рвитесь к России». Мы же наоборот — телом движемся к России, а душой здесь... Но если и уезжать, то по-духоборски, по-христиански — не хлопать дверью, никого не винить, не упрекать. Спасибо этой земле, грузинам, приютившим нас, армянам, жившим рядом с нами...»

Так кто же все-таки гонит духоборцев? Кто их выживает? Увы, или, вернее, слава Богу, конкретных виновников назвать трудно. Духоборцев вытесняет стечение обстоятельств. Может быть, это их судьба — вернуться в Россию?

В духоборских селах еще осталось около тысячи семей. Но, похоже, процесс переселения уже необратим. Духоборцы плачут, но едут. Лет через десять здесь, в Грузии, вероятно, не останется от них и следа... Что можно сделать для них? Постараться ускорить строительство домов в Тульской области, чтобы они переселились компактно, чтобы окончательно не «порушилось духоборье». Какой вывод можно сделать для нас самих? Что межнациональные конфликты часто бьют в результате по совершенно посторонним, не участвующим в конфликте людям?... Или что и через 20 лет, и через 50 лет в Закавказье также будут делить землю, и, пока не будет подписан некий международный договор с участием незаинтересованных сторон и стран, в котором найдут «территориальный компромисс» в этом регионе, война эта не прекратится?..

Не могу не сказать и еще об одном. Я писал, что с духоборчеством рушится еще один кусочек настоящей России. Но духоборцы — не только русские. Среди них много украинцев, поляков, цыган, мордвы. «Духоборцы не секта, не ограниченный круг, не национальность, — подчеркивают они, — это открытый для всех круг детей Божиих...» И не какая-то территория их родина, а вся земля. И не Россия это рушится, а Дух...

«Несть эллина, несть иудея». Это — самое главное... До этого не могут подняться ни наши российские «патриоты», ни спорящие из-за домов духоборцев кавказцы, ни многие из самих духоборцев. Но пока не постигнут этого на земле, всем хорошо на ней никогда не будет. Как ни перекраивай карту. Куда ни переселяйся.

Дмитрий РАДЫШЕВСКИЙ.

Фото автора.

СОБОР И СОБОРНОСТЬ

«Московский церковный вестник» № 12 (30).

ШАГ НА ПУТИ К РАСКОЛУ... ОСТАНОВИТЕСЬ!

В апреле 1990 г. пять клириков и пятнадцать мирян Русской Православной Церкви, в основном деятели РХДД и сопутствующих организаций (плюс один священник так называемой «катакомбной Церкви»), без участия и благословения церковной иерархии, объединились в группу, которую они самочинно назвали ни более ни менее чем «координационной группой по подготовке Всероссийского православного совещания». Тогда же самозванная «координационная группа» издала соответствующую «Декларацию». В этой «Декларации» члены группы так исповедали свою веру в Церковь: «Верую во Единую, Святую, СОБОРНУЮ и Апостольскую Церковь». Но ведь Православная Церковь не СОБОРНАЯ и Апостольская, а это значит, что ни один из четырех атрибутов Церкви не может быть противопоставлен другим, и что никакое соборное деяние не может совершиться без благословения Апостольского священноначалия.

Величайшая опасность для Церкви — рядящаяся в одежды соборности, митинговая демократия. Именно эта опасность и нависла сейчас над Русской Церковью. Люди, плененные страстями, одержимые личными и политическими амбициями, склонны забывать, что Церковь — это не Лушинская площадь, не первомайская демонстрация и даже не Съезд народных депутатов. Недаром декларация «координационной группы» начинается следующим весьма характерным тезисом:

«Русское Православие XX века обладает одной безусловно авторитетной точкой отсчета — деяниями Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви 1917—1918 годов, каноническая правомочность и чистота которого несомненны. Собор был созван в грозное время, когда Русская Церковь обрела свободу, которой была лишена в предшествующий период синодального управления, но еще не была звергнута в политические смуты режимом государственного атеизма».

Шум мира сего властно врывается в окна Успенского Собора, мутя умы и сердца политической демагогией, разжигая страсти, превращая соборные заседания в нечто напоминающее бурные дебаты европейских парламентов. Такое состояние Собора, особенно в его начальный период, засвидетельствовал в своих воспоминаниях митрополит Евлогий, впоследствии управляющий русскими приходами Константинопольской юрисдикции во Франции, а в конце жизни воссоединившийся с Московской Патриархией. Правда, Собор постепенно воцерковлялся, но этот процесс не успел дойти до своего логического завершения. Поспешные и некомпетентные вмешательства Собора в политику привели к тому, что Собор был разогнан.

Всероссийский Церковно-Поместный Собор 1917—1918 годов успел восстановить в Русской Церкви Патриаршество, и в этом его великая заслуга и непреходящее значение. Что же касается

СОБОР И СОБОРНОСТЬ

«Московский церковный вестник» № 12 [30]

5

прочих деяний Собора, то большинство из них либо не окончены, либо более чем спорны.

Взять хотя бы постановление Собора, принятое уже после Октябрьской революции, о том, что «Глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными». Как должны были относиться к этому постановлению массы революционного народа, пошедшего за большевиками? Или определение Собора о том, что «Православная Российская Церковь... занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение» и что «во всех случаях государственной жизни, в которых Государство обращается к религии, преимущественно пользуется Православная Церковь». А к этим определениям как должны были относиться мусульманские народы, населяющие Российскую империю? Представьте себе, что бы случилось, если бы подобные определения издавала сейчас Московская Патриархия! Отцам Собора явно не хватило пророческого духа. Они не увидели ни Советского государства, которому предстояло спасти мир от фашизма, ни социалистической федерации, ни бурного пробуждения веками дремавших народов Азии. Как это ни больно сознавать, но даже секулярные политики оказались исторически проныцательнее Отцов Собора. Поэтому деяния Собора пришлось на ходу исправлять не только митрополиту Сергию, но и

антиподным ему авторам знаменитого «Соловецкого послания», а еще раньше — Святому Патриарху Тихону.

Для чего же это понадобилось самозваной группе? Судя по тексту «Декларации», — с двойной целью. Во-первых, потому, что некоторые еклизиологические постановления Собора можно истолковать как поощрение самостоятельной активности клириков и мирян «с подчеркиванием возрастающей роли последних», что может обернуться установлением в Церкви своего рода мирянской демократии. А во-вторых, потому, что историсофские и политические определения и деяния Собора, если признать их непреложную авторитетность, могут послужить базой для организации Всеправославного суда над Московской Патриархией, страшного суда, которого с особенной страстью домогаются авторы самозваной «Декларации».

В заключение несколько слов о том, каким хотелось бы видеть будущий Собор. Хорошо бы восстановить лучшую традицию Всероссийского Церковно-Поместного Собора 1917—1918 годов и, всецело доверившись суду Божию, выбрать патриарха из числа нескольких кандидатов по жребию. И еще: ясно, что Собор, созываемый с нарочитой целью избрания нового патриарха, не может заменить собой Собор, необходимый для решения всех назревших вопросов в жизни Российской Церкви.

Ф. КАРЕЛИН,

богослов, церковный публицист.

СОБОР И СОБОРНОСТЬ

«Московский церковный вестник» № 12 [38]

РЕФОРМИЗМ ГИБЕЛЕН

Предстоящий Собор, который должен избрать очередного патриарха, не должен уступить Собору 1917 года; только тогда он положит начало не только действованию нового патриарха, но и новому действованию Церкви в наступающей иной эпохе.

Перестройка, еще не сформировавшая свое лицо, но действующая на сердца людей своей суетой и гражданской активностью, невольно заставляет многих отмежевываться от «застойного периода» патриаршества. Есть соблазн решать все вопросы своим умением, поставить Церковь на рельсы мирского действованиа, тогда как главное в руководстве Церковью — разгадать Промысл Божий о ней. Именно он управляет Церковью. А лучше всего этот Промысл можно понять, вглядываясь в историю. Значит, нам предстоит задача оценить опыт, накопленный Церковью от Патриарха Тихона до Патриарха Пимена. Это дело всех нас, но предстоящего Собора — в первую очередь.

До сих пор было два рода оценок: или молчание, или резкое осуждение. Из патриархов выделялась и отделялась только фигура Святейшего Патриарха Тихона. Между тем период послереволюционного патриаршества дал несчетное число исповедников и мучеников, неоцененное духовное богатство. Огромный вред Церкви в этот период нанесли разделения внутри страны и за границей. Конечно, не Церковь де-

лилась, а люди, но от этого боль не уменьшается. Как нам соединиться, примириться, понять друг друга, чтобы едиными устами и единым сердцем исповедовать Бога и действовать в единомыслии? А между тем и эти разделения могут послужить пользе, как говорит апостол: «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы явились искусные» (1 Кор. 11, 19). Я эти слова толкую так: разномыслия, разделения нужны для того, чтобы нам больше никогда не разделяться. Важная задача Собора — сохранить единство церковное. Я это слово даю широко: от богослужения до богословия и церковной организации. В Божием творении все индивидуально, неповторимо, и Русская Церковь должна сохранить свое лицо.

Сейчас много шумят о реформах, о необходимости ответа Церкви на запросы времени. Очень опасно приспосабливать Церковь к чему бы то ни было. Пожалуй, консерватизм в Церкви сегодня может быть спасительнее, хотя и имеет в себе отрицательные качества. Реформизм в настоящее время особенно губителен. У нас слишком много амбиций и слишком мало мудрости Божией, которая бывает среди нравственно совершенных. Мы — многие — духовно деградировали.

Очень желательно, чтобы патриарха избирали не голосованием, а по жребию, на кого укажет Бог.

Остальные вопросы считаю второсте-

пенными: юридические, издательские, просветительские. Хотя и они играют важную роль, нельзя ставить их на первое место.

Вот мои пожелания предстоящему Собору. Пожелания человека, который

много испытал и много передумал. Помогите нам Бог, быть может, в самом трудном наступающем церковном периоде.

Священник Дмитрий ДУДКО.

СОБОР И СОБОРНОСТЬ

«Московский церковный вестник» № 12 (36).

ГРЕХ ОТРЫВА ОТ НАРОДА

Отрыв мирян от своей иерархии — проявление страшной ереси. Условное название этой ереси — сектантство. Другая сторона этой ереси — отрыв иерархии от народа. В Писании сказано: «Кому сколько дано, с того столько и спросится». Иное спрашивается с овцы, ушедшей из стада, иное — с пастыря, оставившего овец. Думается, причину трагического разрыва между пастырями и пасомыми нужно искать не только в давлении государственного атеизма. История христианской Церкви показала, что давление извне зачастую сплавляет общину. Мы должны вернуться к подлинной соборности в деле, когда клирики, предстоющие у Престола за народ Божий, подлинно окормляют его. Собор 1917 года пытался решить проблему трагического для Церкви разрыва, осудив тех пастырей, которые жили узкокастовыми интересами, забывая при этом о духовных нуждах прихожан.

Отцы ожидаемого Поместного Собора должны особенно серьезно отнестись к избранию патриарха. Сможет ли он осуществить подлинное единство народа и клира? Отстоять интересы верующих от притязаний самодуров в рясах? Сможет ли он печаловаться перед мирскими властями, отстранявая интересы Церкви, как это и делали драв-

ные московские патриархи? Одним словом, сможет ли он, подобно Пастыремечальнику Господу Иисусу, стать для всех «слугой»? Избрание Первоверховного московского надо сделать подлинно всеправославным делом, отвергнув всякую амбициозность, уня интересы всех клириков и мирян. Более того, избрав всенародно кандидата, предоставим Господу через жребий решить, кому стать у кормила, отсекая сим волю человеческую там, где должна торжествовать воля Божия.

Совершается ли всегда воля Божия с согласия нашей воли? Далеко не всегда. Вспомним, что из всех кандидатов на Патриарший Престол в семнадцатом году святитель Тихон набрал наименьшее количество голосов, но именно его сподобил Господь вести Церковь в лихую годину.

На Соборе предстоит решить немало вопросов. Пора наконец соборно выразить и наше отношение к экуменизму. Экуменическая деятельность — вплоть до совместных молитв с инославными — долгие годы осуществлялась у нас вопреки церковным канонам Православной Церкви. Она, без сомнения, требует серьезного осмысления и изучения как явление из ряда вон выходящее.

Диакон Олег СТЕНЯВ.

СОБОР И СОБОРНОСТЬ

«Московский церковный вестник» № 12 (30)

МИРЯНЕ ПРОСЯТ СЛОВА

В заявлении Священного Синода Русской Православной Церкви сказано, что, руководствуясь заветами святителя Тихона — Патриарха Всероссийского, — Церковь не может встать на сторону тех или иных групповых или партийных интересов. Радует также и приглашение к диалогу с церковной общественностью. Надеюсь, что эта линия будет продолжена и на предстоящем Поместном Соборе. Вызывает, однако, недоумение отношение Священного Синода к независимой церковной общественности. Это движение включает в себя разные группы и разных лиц, весьма отличных друг от друга по своей политической ориентации. Большинство из них, называя себя так, имеют в виду независимость не церковную, а политическую, неподчинение известному курсу партии и правительства, кото-

рый упорно проводился в отношении Церкви и верующих весьма длительное время и рецидивы которого иногда проявляются и по сей день. Что же касается православного вероучения, иерархии, правил и постановлений Вселенских Соборов и святых отцов, то никто и не думает ставить их под сомнение. Критикуются лишь те действия иерархов Русской Православной Церкви, которые совершались под давлением атеистической власти и были прямо или косвенно направлены на разрушение самой Церкви. Конечно, недопустима критика мелочная, несправедливая, высказываемая в грубой или оскорбительной форме. Следует прежде всего определить, кто движет критиком: гордость, высокоумие, тщеславие, оскорбленное самолюбие или желание помочь Церкви, улучшить внут-

рицерковную жизнь. И на что направлена критика: на человеческие грехи того или иного священнослужителя, которые не нам судить, или на такие недостатки в жизни Церкви, замалчивание и консервирование которых лишь подрывает авторитет архипастырей и пастырей и в конечном итоге может привести к церковному расколу?

В Московскую Патриархию и на имя отдельных членов Священного Синода поступает много жалоб. Значительная часть их, к сожалению, остается без ответа или направляется на рассмотрение тем, на кого они поданы. Затем начинается расправа над неугодными. Желательно, чтобы Собор создал постоянно действующий орган при Священном Синоде для эффективного церковного рассмотрения этих жалоб. Не следует бояться гласности и стре-

миться во что бы то ни стало не выносить сор из избы. Авторитет высшей церковной власти лишь повысится, если каждый несправедливо обиженный и гонимый сможет добиться у нее правды и беспристрастный церковный суд сможет наказать любого, кто пользуется своим высоким положением, творит беззаконие в церковной ограде.

Как известно, в Соборе 1917—1918 года принимали участие и миряне. Для укрепления авторитета Поместного Собора в широких кругах православной общественности следовало бы пригласить к участию в нем некоторых известных мирян, занимающихся проблемами Церкви.

А. ЗАЛЕСКИЙ,
заведующий общественной приемной при Совете по делам религий при Совете Министров СССР.

ВИ

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ КОНФЛИКТ В ТЕРНОПОЛЬЩИНЕ
("РАБОЧАЯ ГАЗЕТА", 17.6.90, стр.2)

Культура демократии

ПИКЕТЫ У ХРАМА

Довольно своеобразными методами
пытаются разрешить межрелигиозный
конфликт на Тернопольщине

Для каждого молодого, подносящего персты ко лбу, вера начинается с любви к Богу. Поминая в ежедневных молитвах всевышнего, христиане очищаются от пороков людских. По крайней мере, должны бы от них избавляться. Но происходящее в западных областях Украины, в том числе и на Тернопольщине, меньше всего свидетельствует о любви к Господу. Ведь нельзя же любить Бога и, вместе с тем, ненавидеть брата, своего ближнего.

КАК известно, в 1946 году на Львовском церковном соборе было объявлено об упразднении Брестской унии, в результате которой четыре столетия назад была создана греко-католическая церковь. Но хотя значительная часть прихожан и перешла в православие, остались еще люди, которые сохранили приверженность к изгнанной церкви. И только в последнее время у них появилась возможность открыто заявить о своих религиозных убеждениях, появилось стремление возродить ее. Несмотря на то, что ни одна греко-католическая община еще не зарегистрирована, эта вера фактически легализована. Во многих храмах по греко-католическому обряду правят службу. Более того, этим общинам передаются дома божи. В селах области, где всего одна церковь, православные охотно идут на то, чтобы молитвы отправлялись по очереди. И такая мера в нынешней ситуации довольно-таки привлекательна и справедлива. Обряды греко-католической, Украинской православной и Украинской автокефальной церквей имеют много общего. И это пока что единственный выход, чтобы не ущемлять духовные потребности прихожан всех трех конфессий.

В Тернополе все три церкви имеют свои храмы. Совсем недавно православные передали Воздвиженскую церковь автокефалистам. Греко-католическая община обосновалась в церкви Святой Екатерины (в прошлом Доминиканский костел). Кажется бы, чего же еще, у прихода всех трех конфессий есть свой уголок, где можно поклонить колени.

Но этого для некоторых мирян почему-то недостаточно. И тогда в ход идут бранные слова, кулаки, камни. События, происшедшие в селе Подолье Залещицкого района, еще раз наглядно подтвердили, что между греко-католиками и православными идет ожесточенная борьба. Борьба за церковные сооружения, имущество, за сферы влияния.

Греко-католики Подолья, которых примерно десятая часть от всех верующих в селе, заявили о своем желании отслужить панихиду на только что найденной могиле «сичевых стрильцов» 3 мая. На сельском сходе решили привести ее в порядок и отслужить службу 13 мая по православному обряду.

Такой ход событий греко-католиков не удовлетворил. К ним на помощь прибыли братья по вере из соседних регионов. Трудно предположить, чем бы закончились «переговоры», если

бы вовремя не подоспел милицейский десант.

Уже на следующий день воинственно настроенные греко-католики пикетировали церковь Рождества Христова, единственный православный храм в областном центре. 5 мая группа православных священников и монахов, возмущенная происками «суннатов», обратилась в горисполком за помощью. В этот же день в УВД области пришло и коллективное письмо от верующих Украинской православной церкви, где говорится, что «конституционные» права граждан УССР нарушаются экстремистски настроенными католиками, возглавляет которых член УХС Демидась. Выставленный пикет провоцирует бесчинства, противозаконные действия по отношению к православным украинцам. Разреше-

ния на пикетирование у католиков нет. Требование отдать церковь Рождества Христова — не что иное, как желание разжечь вражду между людьми, дестабилизировать обстановку в городе. Католические священники, которые приходят к воротам церкви править службу, призывают к ее захвату. Демидась также призывает, чтобы на акцию захвата церкви съезжались люди со всех уголков области.

Постоянные крики, пение не дают возможности для нормальной жизни. Озлобленные люди, собравшиеся в толпу, готовы к физическому насилию. Эта опасная атмосфера разжигает православных на конфронтацию. За такими действиями прослеживается невидимая рука, которая подталкивает украинцев разных конфессий к побойцу.

На возникшую далеко не простую ситуацию городские власти отреагировали весьма своеобразно. Президиум городского Совета разрешил пикетирование. То есть, по сути, узаконил еще вчера незаконную акцию. Заместитель председателя горсовета С. Оконский, выступая на заседании постоянной комиссии облсовета по культуре и духовному воспитанию, так объяснил действия «отцов города»:

— Любая группа людей имеет право на походы, пикеты, митинги. К нам обратились греко-католики — мы дали им разрешение. Это норма жизни цивилизованных народов.

Бесспорно, добро на пикетирование — мера вполне демок-

ратическая. Но демократично ли благословлять провокацию заведомо зная о ней? Ведь церковь Рождества Христова — единственный православный храм в Тернополе. Все, что можно было отдать, православные уже отдали и уходить им больше просто некуда.

Что же касается цивилизованности народа, то она в не малой степени зависит и от цивилизованности его руководителей, которые демократическую свободу ни под каким соусом не позволят употребить во вред, пусть даже незначительной части населения. Здесь же речь о сотнях, тысячах людей.

Председатель горсовета В. Н. года в интервью областной газете «Вільне життя» объяснил мотивы, по которым президиум горсовета разрешил греко-католикам пикетирование прав

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ КОНФЛИКТ В ТЕРНОПОЛЬЩИНЕ (2)
("РАБОЧАЯ ГАЗЕТА", 17.6.90, стр.2)

славного храма. По его словам, оно дано потому, что верующие все равно поступили бы по-своему.

А что же побудило президиум горсовета в том же решении записать: «Обратиться в Украинский Экзархат о перенесении резиденции Украинской православной церкви из Тернополя?»

Вчера первая сессия Тернопольского городского Совета народных депутатов приняла декрет о власти, не особенно задумываясь о том, есть ли у нее на это право. Сегодня председателю Совета и его команде помешала резиденция архиепископа Лазаря, кстати, народного депутата облсовета. А что будет завтра?

Касаясь напряженных отношений между двумя конфессиями, было бы просто несправедливо не предоставить слово главному организатору «походов» на православных, председателю комитета по защите Украинской греко-католической церкви Я. Демидасю:

— После встречи М. С. Горбачева с папой римским Иоанном Павлом II повеяло ветром перемен. Мы начали регистрировать греко-католические общины. Церковь Рождества Христова четыре столетия была католической. Поэтому она наша. Православные же пусть строят свой храм. Мы четыре десятилетия ходили в чужую церковь. Пусть теперь и они ходят.

— Городские власти, — продолжает Демидася, — действуют нерешительно. Разрешение на пикеты — это полумера. Она только нагнетает обстановку,

вызывает эмоции... Отец Лазарь натравил мальчишек на Павлычко во время предвыборной кампании на Ланнившине, и они бросали в него камни. Таких не может быть не только священник, но и гражданин. Мы требуем выслать Лазаря за пределы области. Два-три десятка православных священнослужителей раскалывают паству, пугая людей католицизмом.

Все правильно, четыре столетия церковь Рождества Христова принадлежала католикам. Но не следует забывать, что строили-то ее в 1540 году православные. И она принадлежала им 100 лет до тех пор, пока униаты не захватили ее. Так по-христиански ли во второй раз изгонять православных?

Уж и не знаю, как и на кого натравливал архиепископ Тернопольский и Кременецкий Лазарь мальчишек, но то, что семидесятилетние бабули стояли плотной шеренгой у ворот православного храма с плакатами «Лазарь враг украинского народа», «Лазарь натравлює українців на українців», «Геть Лазаря з церкви Різдва Христового», «Архієпископ Лазарь винуваєць релігійних конфліктів», видел собственными глазами. И, к сожалению, пан Ярослав Демидася так и не рассказал, откуда у старух, которые, поди, и читать-то не умеют, сии художества.

А, может, члена Руха и УХС Я. Демидася и его коллег за дело выступление неподобающего избранника архиепископа Тернопольского и Кременецкого Лазаря на первой сессии областного Совета, когда он с трибуны заявил, что там, где прошел Рух, льются слезы, и подкрепил свои слова конкретными примерами? Но не будем гадать.

Накануне моего отъезда состоялось заседание постоянной комиссии облисполкома по культуре и духовному воспитанию, где как раз и рассматривался религиозный конфликт между греко-католиками и православными. И вот решение комиссии: возратить все церковные сооружения и имущество в ряде районов тем, кому они принадлежали до Львовского собора 1946 года, независимо от количества верующих. Эта директива и была разослана на места для исполнения, опубликована в местной прессе. Не правда ли, ясно и просто? И, главное, оперативно. Но серьезно ли? Постоянная комиссия наделена рекомендательными правами и не может требовать исполнения своих решений от райисполкомов области.

Спустя три недели состоялось заседание облисполкома, где решение постоянной комиссии было все же признано неправомочным. Остается лишь надеяться, что за этим будут приняты и другие законные меры к разрешению конфликта между двумя конфессиями.

Хочу в конце подчеркнуть: мы не за ту или иную веру, мы — за справедливость и решения проблемы во имя мира между людьми. В данном случае — нашими людьми, украинцами.

О. СВИЦ
спец. корр. «Рабочей газеты».
Тернополь.

**С отцом ГЛЕБОМ ЯКУНИНЫМ,
народным депутатом РСФСР,
мы встретились в канун выборов нового
Патриарха Русской православной церкви**

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

● 7 ИЮНЯ 1990 г. ● 4

-1-

Дом на песке

— Долгое время декларировалось полное отделение церкви от государства. Но так ли это на самом деле?

— Начиная с 1917 года, когда в России вновь возникло патриаршество, во главе церкви стал великий патриарх Тихон, о котором уже писала «Комсомолка», он сразу начал вести независимую от государства политику, противостоял разрушению церкви, как института. Он обличал правительство, устроившее настоящие гонения против церкви. Тихон был подлинным пророком.

У нас в истории таких личностей мало. Православная церковь еще с византийского периода страдает рабскими перед властью. Правда, были великие святые, как Филипп, который обличал Ивана Грозного и был мучим, рукой Малюты Скуратова, погиб в заточении.

Патриарх Тихон нес пророческое слово. Само понятие «пророк» у нас часто понимают неправильно. Есть представление, что это некто, достигший определенной ступени святости, могущий провидеть будущее одного человека или всей страны. Это неверно. Пророк — это тот святой, который призывает к правде, тот забранник Божий, который, не боясь, говорит словами мира сего правду в глаза. Он может сказать правду и своему народу, если народ кивко пал. Бытует представление, что народ — святой. На самом деле бывает и коллективное грехопадение народа, нации. Мы знаем такие примеры.

В двадцатые церковь была практически ликвидирована. А то, что от нее осталось, с дрожью припало к сияющим голеницам нового владыки. Говорить об этом горько. Церковь не стала исключением — и по ее служителям прошла коса террора. С 1948 года церкви разрешили подняться с колен — восста-

новили патриаршество, начались службы в некоторых вновь открытых храмах. Во время войны Сталин использовал религию в своих пропагандистских целях на подымавшейся волне патриотизма.

И все же церковь неустанно находилась под полным контролем бериевского ведомства. Да что говорить — епископат подбирался Советом по делам религий, идеологическим отделом ЦК КПСС и КГБ. По сути церковь руководили атеисты. А вторили им — гласные епископы, смиренные не перед Богом, а перед властями.

Страшными были годы так называемого «тихого» гонения. Названного так потому, что явных репрессий не было. Но с 1959 по 1965 год было закрыто почти 12000 храмов.

Постепенно, еще до революции, церковь наша отучается от своей основной задачи — быть духовным пастырем, замыкается в себе. Уходит от активной проповеди учения Христа и стремления воплотить его в жизнь.

Духовная пустота сразу же заполнилась учениями крайнего толка. Вот почему и церковь до некоторой степени несет историческую ответственность за все то, что произошло после Октября семнадцатого.

На сегодня получилась парадоксальная ситуация: общество наше в поисках выхода из духовного кризиса обратилось к церкви, а она сама недалека от состояния обществу.

В молитве «Верую» есть слова «во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». Соборность, говоря на светском языке, и есть церковная демократия, это общение, это социум, это братство. Именно соборность была подорвана.

Молодежь всегда ищет формы общения, где нет жиж, обмана. Многие молодые люди

идут в церковь, крестятся уже в зрелом возрасте. Но часто и после совершения таинства молодой человек не может получить ответы на элементарные, но главные вопросы: что такое церковь, что такое христианство.

Некоторые конфессии — баптисты, пятидесятники, адвентисты — идут и проповедают в народ. У нас в православии, к сожалению, нет этой традиции. Священники даже с амвона боятся проповедовать прихожанам.

Сейчас многие школы предлагают: придите, прочитайте нам лекцию на религиозную тему. Религиозное воспитание — вопрос чрезвычайно тонкий. Педагогом вообще быть трудно — нужна искра Божья. Преподавать религию на протяжении семидесяти лет было просто запрещено. Сейчас принимается новый закон о свободе совести. Закон Божий, христианская этика, история церкви — все это, думаю, было бы интересно и верующим, и неверующим.

ИНТЕРВЬЮ ОТЦА ГЛЕБА ЯКУНИНА

— Сегодня нет передачи, особенно молодежной, где бы не появлялся человек в расе. Часто священники выступают в самой развешенной компании, приглашать их стало модно. Не кажется ли вам, что это суррогатное «христианизание»: только отвращает молодежь от церкви?

— Вы правы. Нужен специальный канал на телевидении, где бы налапались религиозные идеи, не перемежаясь видеоклипами и не в перерывах конкурсов красоты.

Есть люди, способные заниматься просветительской деятельностью. Известный священник отец Александр Мень написал много популяризаторских книг. Он только теперь стал настоятелем, а долгое время находился в опале за своих радикальных взглядов. Отец Александр Борозов — депутат Моссовета. Но таких людей единицы.

— Спасет ли, по-вашему, религия душу народа, вернет ли его к благочестию?

— Религия и нравственность — вещи неразрывные. Этика без религии слаба. Помните библейскую притчу о доме. В ней говорится, что если дом построен на камне, то такой устоит в бурю. Дом же, построенный на песке, разрушится при первом сильном порыве ветра. Вера является фундаментом этики.

— Сейчас мы подошли к порогу, за которым начинается новая страница в истории нашей церкви. Я говорю о выборах Святейшего Патриарха.

— Действительно, как было объявлено, седьмого июня состоятся выборы нового главы Русской церкви. По-видимому, впервые после патриарха Тихона выборы эти будут относительно свободны и на альтернативной основе.

В некоторых епархиях при выборах делегатов на Поместный Собор были допущены нарушения. Похоже, мы повторяем те же ошибки, что и

предшлых выборов в народные депутаты.

— Мне кажется, вы настроены довольно пессимистически.

— Третьего апреля Синод выступил с уникальным заявлением. Впервые за много десятилетий церковь заговорила почти в полный голос о своей жизни и устройстве, сказала, хотя и в мягкой форме, о том, что государство все эти годы вмешивается в кадровую политику. Мы — правозащитники, диссиденты, говорили об этом очень давно, но, к сожалению, это был глас вопиющего в пустыне.

С первых революционных лет на церковь обрушились страшные гонения. Тысячи храмов были разрушены, тысячи священников и монахов истреблены. К сожалению, церковные иерархи не только умалчивали об этом, но и пытались каким-то образом оправдать это. Но самое страшное не то, как они себя вели тогда, а то, что они не осуждают прошлую политику. Общество разоблачило сталинизм, а сама церковь (ни Синод, ни Соборы, прошедшие за эти годы) открыто не выступила с осуждением и покаянием. Подлинного возрождения не может быть без покаяния.

Зарубежная Православная церковь канонизировала новых святых мучеников. У нас этот процесс идет очень медленно. Недавно был прославлен патриарх Тихон, но уже митрополита петроградского Вениамина, который был несправедливо осужден и расстрелян, прославлять не спешат. Еще в семидесятые годы я поднимал голос, настаивая на канонизации великомучеников Николая, царя, царицы, царицы и царицы, убиенных без суда и до сих пор не преданных земле по христианскому обряду. Понятно, что тогда это было нереальным. Хотя царь Николай совершал большие политические ошибки,

кровь свою он пролил, как страдалец, не говоря уже о немных детях.

— Возможен ли новый раскол?

— Надеюсь, что соборное сознание и ответственность подвигнет наших иерархов, всех участников Собора к мудрому решению, и будет избран наиболее достойный, чьей бы ему доверили и священники, и миллионы верующих. Есть молодые энергичные епископы, но, к сожалению, большинство членов Синода сформировалось еще в шестидесятые годы. Многие из них скомпрометировали себя сотрудничеством с гонителями. Вы знаете, как драматично разворачиваются события на Украине. Произошел раскол в Православной церкви. Возникла автокефальная Православная церковь. Если люди прошлой формации примут высший сан Патриарха — раскол неизбежен. Церкви нужны серьезные реформы.

— Должно быть, и дальше судьбы церкви будут неразделимы с судьбами страны, и многое будет зависеть как от ее взаимоотношений с властями, так и от тех, кто будет руководить Россией.

— Мы рассчитываем, что Россия обретет наконец суверенитет, а ее нынешний лидер В. Ельцин будет способствовать подлинному отделению церкви от государства. Надеюсь, что в России будут приняты радикальные и справедливые законы. Мы же, как народные депутаты, постараемся приблизить это время. Идет процесс духовного возрождения, народ хочет приобщиться к подлинным ценностям. Обновленная церковь должна сыграть благодатную, консолидирующую роль в духовном возрождении нации, возрождении нравственности в нашей стране.

Беседу вел
А. АМЛИНСКИЙ.

РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ УГРОЖАЕТ РАСКОЛ

● «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА» ● 4

● 13 ИЮНЯ 1990 г.

Угроза раскола...

Пресс-конференцией недавно избранного Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия закончил работу Поместный собор Русской православной церкви.

Церкви вменяется грех с властями. Во многих приходах, уже не секрет, важные посты оказались в руках лиц не церковных и подчас не верующих «мирян». Откажется ли она теперь от «партийных объятий»? Возьмет ли курс на независимость? Ту независимость, которую смог, например, отстаивать польский костел, спасая национальную культуру, традицию, дух нации?

Осилит ли и наша церковь роль духовного пастыря, «дабы всем нам ходить в обновленной жизни»? — вопрос далеко не праздный, больной, ведь обновление и усиление роли церкви в нашей жизни приходится на период, раздираемый национальными распрями. Сможет ли она стать Храмом в самом высоком и духовном значении, если сама раздираема распрями? Плачевный факт раскола признал на пресс-конференции и Святейший Алексий. Сотни православных приходов перешли либо в Украинскую автокефальную, либо

в Греко-католическую церковь. Русская зарубежная церковь предприняла шаг перенести «зарубежный» раскол в недра русской церкви, заявив о намерении учредить на канонической территории Московского Патриархата свои приходы и свою иерархию. Это означает, что руководство зарубежной церкви не признает «благотатной жизни Поместной православной церкви».

Многое будет зависеть от нового Патриарха. Уже звучат сомнения, может ли русскую церковь возглавлять человек, родившийся на эстонской земле, в миру Алексей Михайлович РИДИГЕР? Но скорее главное то, возьмет ли он на себя заветы Патриарха Тихона, бывшего духовным центром России, разрываемой политическими битвами. Будет ли на деле руководствоваться духовными принципами, называемыми соборностью, о котором было заявлено Святейшим Алексием на пресс-конференции.

Много враждебных ветров дует на русскую свечу. Пусть ее пламя будет согревающим и освящающим.

Т. ХОРОШИЛОВА,
Г. РЕЗАНОВ.

БЛАГОГОВЕЙНО, НО НЕ В УНЫНИИ, А С ВЕСЕЛИЕМ И
БЛАГОЧЕСТИВОЙ РАДОСТЬЮ ВОЗВРАЩАЕМСЯ МЫ К НАШИМ СВЯТЫНЯМ

"Литературная Россия" от 5. 5. 90, стр. 7 № 18

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Эта речь Павла Васильевича Флоренского, внука прекрасного русского ученого и философа Павла Александровича Флоренского, прозвучала в Москве, на вечере, посвященном 130-летию закладки Храма Христа Спасителя. По глубине мысли и силе духовного воздействия это коротенькое эссе столь примечательно, что нам захотелось познакомить с ним читателей.

Мало ли разрушено на Руси храмов за последние семьдесят лет? Были среди них и великие произведения русского зодчества, были и такие, что прославились священнослужителями, достойно пекущимися о своей пастве. Почему же сейчас обращаемся мы к Храму Христа Спасителя, одному из грандиозных храмов Отчизны, воздвигнутых народом в честь предков, спасших Отечество от врага? Видимо, он является тем связующим звеном, что соединяет день вчерашний с нынешним, сопрягая нас с историей и временем.

Семьдесят лет. Это не просто круглая цифра. Такой срок предсказан пророчками в Священном Писании: в Вавилонском пленении семьдесят лет были сыны Израилевы. Что же, семьдесят лет — и наш срок. Срок небрежения к памяти предков. Срок жизни вне истории? Да, но и срок, по истечении которого пора обращаться к своим святыням, восстанавливать разрушенные храмы, обрести свою свободу. Тогда, в библейское время, — не все вышли из Вавилона, кому-то оказалась привычной жизнь раба, кто-то не стал собирать разбросанные камни разрушения. Лишь тот, кто хранил верность предначертанной пророками судьбе, астал и вернулся в оскверненный Иерусалим к святыням и восстановил историю.

главный ее символ — Иерусалимский храм. Восстановил, может быть, для того, чтобы в 33-м году нашего летоисчисления в нем проповедовал Иисус Христос.

Благоговейно, не в унынии, но с веселием, с благочестивой радостью и верою возвращаемся и мы к нашим святыням и приступаем к возрождению памятника предкам нашим, положившим за нас живот свой. Получится ли затеянное? Наместник Оптиной Пустыни отец Евлогий сказал недавно, что один старец посоветовал ему: «Церковь можно начинать строить и без денег — они сами придут, когда надо».

Но не только слезы радости, но и слезы покаяния застилают

глаза, когда смотрим мы кино-лентку с кадрами разрушения, при нашем попустительстве Храма. Мы хотели вознести на этом месте самый большой, самый высокий (выше Вавилонской башни, которую он повторял бы по архитектуре), непреодолимо светлый Дворец Советов, с невообразимой высоты которого указующий перст определял бы нам дорогу в будущее. И будущее это «оправдывало» жертвы настоящего времени.

Увы! Мы не можем снять с себя вины за происходившее. Это делали наши предки — отцы и деды. Мы все несем в себе обломки Храма, так же, как несем на себе тяжесть ответственности за всю нашу Историю.

Дворец, как вы знаете, не получился. Получилось даже не ровное место, не ноль, а яма — минус. Минус-Храм. Антихрам. Хотя это тоже памятник — памятник разрушению.

Растеряв святыню, люди начинают чтить монументы, и степень почтения к ним определяется грандиозностью конструкции. Вспомним волгоградскую «Валькирию», тевтонским мечом призывающую кого-то на Восток, вспомним памятник в Киеве, неудавшийся монумент Победы в Москве.

Лишь Храм может стать действительно всенародным памятником, вечно живым, полным людей местом, объединяющим их во имя добра, связующим с предками. Вспомним их. Кто они? Это — потомок грузинских царей Багратион, шотландец, «немец» Барклай-де-Толли, названный сын «татарина», монгола Батыя, и названный брат его сына Сартака — Александр Невский и, конечно, наши русские национальные герои. Москва издревле принимала и объединяла людей и народы нашей многонациональной державы. И Храм должен продолжать это дело, дело сохранения и созидания Отчизны, дело единения ее сынов, защиту народов и укрепление государственности. Храм не бывает местом раздора.

Итак, все мы верим, что наступил наконец срок, когда время, идя по предначертанному пути, повернуло вспять страшную пленку разрушения Храма. И перед нашим мысленным взором рассеивается дым, и вновь из обломков встает в гордом величии златоглавый Храм Христа Спасителя, а с ним вместе и сорок сороков церковей древней столицы. Будем надеяться, что мы наконец сошли с пути антиистории и снова пойдем по нелегкому, но достойному пути, связывающему нас с нашим прошлым и ведущему к трудному и ответственному будущему.

Павел ФЛОРЕНСКИЙ

CODE: РСФСР

ИТЕМ: ИЗ ПРОГРАММЫ КАНДИДАТА В НАРОДНЫЕ ДЕПУТАТЫ РСФСР
СВЯЩЕННИКА ГЛЕБА ЯКУНИНА

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА НОГИНСК-ТАРТУ

Доверие

№ 1 0 ЯНВАРЬ 1990 г.

5

СВЯЩЕННИК Глеб ЯКУНИН

**НАШ КАНДИДАТ
В ДЕПУТАТЫ**

На один мандат в Шелковском национально-территориальном округе № 11, куда входит и наш район, претендуют более десяти кандидатов в народные депутаты РСФСР. Среди них и православный священник Глеб ЯКУНИН.

Глебу Павловичу Якунину 55 лет. В духовную семинарию поступил, имея диплом биолога. В 1965 году он выступил против массового закрытия храмов и в защиту прав верующих, за что подвергался преследованиям. С 70-х годов он участвует в движении по защите прав человека, возглавляемом ныне покойным Андреем Дмитриевичем Сахаровым. В 1979 году был арестован и осужден по ныне отмененной статье 70 УК РСФСР (антисоветская пропаганда и агитация). В 1987 году, по отбытии пяти лет лагерей и двух с половиной лет ссылки, амнистирован и освобожден по указу ВС РСФСР. В настоящее время служит в Никольской церкви г. Шелково.

**ЦЕЛЬ —
НРАВСТВЕННОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ
ЧЕЛОВЕКА
И ОБЩЕСТВА**

(Из программы кандидата в народные депутаты РСФСР священника Глеба ЯКУНИНА)

Наша страна находится в состоянии глубочайшего кризиса: экономического, политического, нравственного и духовного. Для выхода из него необходимо проведение важнейших реформ, которые будут способствовать возрождению экономических, культурных, духовных и нравственных традиций России и ее народа. Такие реформы предложены А. Д. Сахаровым и народными депутатами Межрегиональной группы, другими демократическими организациями. Вот некоторые из них:

1. Превращение Советов народных депутатов в единственный источник власти в стране. Отмена 6-й статьи Конституции, утверждающей монополию КПСС на власть.

Лишение КГБ функций политической полиции.

2. Свобода деятельности общественных организаций, включая политические партии и независимые профсоюзы. Свобода убеждений и свобода слова.

3. Отмена монополии государства в области экономики. Равноправие коллективной, частной и государственной собственности в условиях защиты социальных прав человека. Предприятия — в собственности трудовым коллективам.

4. Предоставление каждому возможности получить землю в наследуемое владение и распоряжаться результатами своего труда.

5. Установление государственного и экономического суверенитета Российской республики. Возрождение достоинства и культуры всех населяющих Россию народов.

6. Прекращение вмешательства государства в дела Церкви. Возвращение храмов верующим. Предоставление для Церкви возможности свободно заниматься просветительской деятельностью и делами милосердия (в том числе в детских домах, домах для престарелых и инвалидов, больницах, армии и тюрьмах). Объявление Пасхи и Рождества Христова выходными днями на территории Российской республики.

7. Приоритет экологии при решении экономических вопросов.

8. Сокращение армии и военных расходов до уровня необходимой достаточности. Использование части освобожденных при этом средств на медицину, народное образование и другие социальные нужды народа.

9. Решительная борьба против объединяющихся мафий: административно-командной, «теневой» и уголовной.

10. Отмена номенклатурных привилегий.

11. Право всех граждан, включая инвалидов, пенсионе-

CODE: РСФСР

ИТЕМ: ИЗ ПРОГРАММЫ КАНДИДАТА В НАРОДНЫЕ ДЕПУТАТЫ РСФСР
СВЯЩЕННИКА ГЛЕБА ЯКУНИНА

/2/

Фото Н. АНДРЮШОВА

ров и безработных, на гарантированный минимум дохода с учетом индекса цен.

Я верю в возрождение России и русского человека, основанном на христианских принципах братской любви и согласия, на отрицании нетерпимости и шовинизма, на стремлении к Добру, Милосердию и Правде.

Ни многолетние гонения, ни годы заключения и ссылки не сломали духовную стойкость и твердость позиции отца Глеба Якунина. Его имя известно не только в нашей стране, но и во всем мире как борца за права человека, справедливость и духовное возрождение нашего общества.

Вот что писал о Глебе Якунине А. Д. Сахаров:

— Я знаю отца Глеба Якунина как стойкого, последовательного защитника свободы религии, свободы религиозных убеждений в нашей

стране. Ради этого он готов был идти на жертвы, и эти жертвы у него действительно потребовала судьба. Он был подвергнут тяжелым репрессиям, много лет был лишен свободы. Я убежден, что такой человек может принципиально и последовательно защищать интересы своих избирателей. И не только религиозные, но и социальные, и человеческие интересы. Я призываю избирателей отдать свои голоса за отца Глеба Якунина.

Андрея Дмитриевича Сахарова, страстного защитника прав человека, уже нет среди нас. Тем важнее для каждого из нас выполнить один из последних его наказов и отдать свой голос за православного священника Глеба Якунина.

А. БЕЛАВИН,
доверенное лицо кандидата

21.5.90

ЗОЯ КРАХМАЛЬНИКОВА О ПЕРЕХОДЕ СУЗДАЛЬСКОГО ЦЕРКОВНОГО ПРИХОДА
ПОД ДУХОВНОЕ ПОПЕЧЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

"Московские новости" №20/90 стр.5

ПРИХОД В СУЗДАЛЕ УХОДИТ ИЗ РПЦ

«Вы принадлежите к клерикальной церкви?»

Вопрос судьи не предвещал ничего хорошего. Судья вел себя как прокурор, послушно переписал в приговор обвинительное заключение, составленное следователем КГБ, и осудил меня к шести годам лишения свободы по статье семидесятой.

Дело было в 1983 году. Меня судили за проповедь православной веры, за составление Христианского Чтения «Надежда», издававшегося на Западе по благословению архиепископа Автономия Женевского и Западно-Европейского.

Знал ли мой судья, что слово «клерикальный» означает «церковный» и что он задал абсурдный вопрос? По-видимому, острый классовый инстинкт и воинствующий атеизм сделали свое дело: мой судья был уверен, что на белом свете существуют только две церкви: вредная «клерикальная», разместившаяся по ту сторону железного занавеса, и своя, советская, ничего общего не имеющая с «клерикальной».

В АПРЕЛЕ этого года в одном из малых городов нашей Отчизны произошло событие, которое не могло не произойти. Архимандрит Валентин (Русаяцев), настоятель Цареконстантиновского храма в городе Суздале, вместе с клиром (двумя священниками и диаконом) и прихожанами попросил митрополита Виталия, первоиерарха Русской церкви за границей, принять их под свой омофор. «Что это значит?» — может спросить читатель, который столь же не искушен в церковной жизни, как и мой судья.

За четыре месяца до этого решения в Суздале развернулась серьезная религиозная драма. Она привлекла к себе внимание не только города — благодаря «Пятому колесу» Ленинградского телевидения миллионы телезрителей оказались свидетелями грубого произвола со стороны церковных и мирских чиновников, действующих, как это ны парадоксально, в полном согласии.

Произвол этот стал «привычным бытом» для православного народа нашего Отечества с тех пор, как в 1927 году была обнародована печально знаменитая Декларация митрополита Сергия (Страгородского). Именно он стал первым «номенклатурным патриархом» всяя Руси; отныне все патриархи и епископы получали санк-

цию на обретение сана от партийных и государственных чиновников, призванных контролировать жизнь церкви. Беспрецедентная эта ситуация поставила иерархов РПЦ в положение, чреватое грубыми каноническими нарушениями. Отсутствие необходимого церковного суда, разбирающего такого рода нарушения, усугубило «канонический волюнтаризм», способствуя серьезным нарушениям церковного права.

Все это привело к острому кризису в РПЦ, искажившему принципы церковной и духовной жизни народа. Сегодня наша церковь стоит перед новым испытанием: близится Собор, на котором будет избран патриарх. Кому на сей раз уготовано вести корабль Русской православной церкви, обремененной тяжким грузом прислужничества и политиканства?

Архимандрит Валентин, прослуживший в церкви более тридцати лет и отмеченный неоднократно церковными наградами, «дерзнул» нарушить принципы церковного тоталитаризма и конформизма. Он отказался давать вужную властям информацию о посещающих его как настоятеля храма иностранных туристах. Непосредственный «начальник» отца Валентина архиепископ Валентин (Мяшук) счел такой отказ нарушением «церковной дисциплины», отозвал священ-

21.5.90

Зоя Крахмальникова о переходе суздальского церковного прихода под духовное попечение Русской Православной Церкви за границей

(2)

«Церковное непослушание» в Суздале.

нику в благословении баллотироваться в депутаты горсовета, а когда тот все же был избран депутатом, решил наказать его и прихожан Царь-константиновского храма изгнанием их пастыря в другой приход. Думали ли религиозные администраторы из Московской патриархии, что гласность и перестройка столь серьезны и суздальне, несмотря на воцарившиеся в РПЦ жесткие принципы тоталитаризма, послушаются своих «владык», не пустят в храм присланного им священника взамен архимандрита Валентина и поедут хлопотать во Владимир и в Москву?

Деятели из Московской патриархии, видимо, испугались суздальян и не привяли их. А архиепископ Валентин Мишук, увидев православных просителей, простоявших у Владимирского собора восемь часов, назвал их «черню» и скрылся от них...

В защиту архимандрита Валентина было послано множество писем и телеграмм во все концы света, под некоторыми из них стояли тысячи подписей, одно из писем, подписанное видными деятелями культуры, было опубликовано в «МН» (№ 7).

Однако архиепископ Валентин так же, как Священный синод, оказался неумолим. Приглашенного в синод архимандрита Валентина уговаривали так: «Брось приход, откажись, осуди

своих прихожан, послужишь в другом месте, а там, глядишь, и будешь епископом». Тогда-то архимандрит Валентин, надо думать, ради торжества поправленной справедливости и поруганной церковной правды обратился к первоиерарху Русской православной церкви за границей. Священный синод запретил архимандриту Валентину служить. Но было уже поздно, он вместе с клиром и церковным народом Суздаля был принят под духовное попечение и водительство в Русскую церковь за границей.

Но почему же решение суздальян вызвало гнев Московской патриархии, и что еще она готовит суздальянам и их пастырям? Разве члены Священного синода, так же как мой судья, считают, что на белом свете есть только две церкви: одна «вредная» клерикальная, а другая — полезная, своя, советская? Разве членам Священного синода неизвестно, что Русская православная церковь за границей является частью Матери-Церкви, находящейся на родине? И что государственные границы, идеологические доктрины и государственный строй не могут стать причиной разделений и расколов между частями одной и той же церкви, соединенной духовно, вероисповедно, догматически? Ведь епископату нашей церкви хорошо известно, что митрополит Сер-

гий (Страгородский), нарушая все нормы церковной жизни, по приказанию сталинского аппарата изгнал в 1927 году русских епископов, оказавшихся в революционные и послереволюционные годы за границей вместе с их многочисленной паствой.

Священный синод не только знает об этом, но ищет примирения и согласия со свободной частью Русской православной церкви. Совсем недавно мы могли в этом убедиться, прочитав в «Московском Церковном Вестнике» строки, относящиеся к Русской церкви за границей: «Благотворные перемены меняют устаревшие стереотипы, а мир и согласие постепенно вытесняют вражду и недоверие» (№ 7, март, 1990).

За что же тогда запрещен в служении архимандрит Валентин? Неужто амбиции все еще дороже мира и согласия? Сколько потеряла православная церковь своих чад из-за политиканства и лжесвидетельства ее иерархов! Сколько ушло в протестантизм тех православных, которым не под силу стали политизация церкви и «селекционный отбор» ее архиереев!

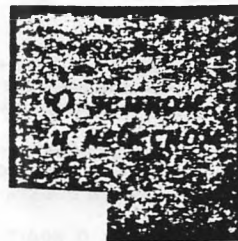
Гласность вскрыла многие тайны, и, если она продлится, она назовет ложью всю ту ложь, которая вчера торжествовала, а сегодня выдает себя за правду. Сталинизм — не только общественное, но и духовное явление, он воцарился на лжи и рабстве, насаждая страх во всех сферах нашей жизни, включая церковь. Однако «всякое растение, которое не Отец Мой небесный насадил — искоренится», — сказано в Евангелии (Мф. 15, 13). У насажденной сталинизмом и усовершенствованной в брежневскую эпоху «номенклатурной иерархии» сегодня еще есть время для всенародного покаяния. Сегодня есть, но завтра его может не быть. И тогда она должна будет уйти со сцены истории. Чем дольше она будет множить свои амбиции, тем стремительнее будет уходить от нее церковь. Этот процесс неизбежен. Поэтому развернувшаяся в Суздале драма привлекает внимание миллионов православных людей. Время гласности дано нам не только для того, чтобы узнавать правду, оно дано для того, чтобы служить ей.

Зоя КРАХМАЛЬНИКОВА.

21.5.90

НЕОБХОДИМО ПРИЗНАТЬ НЕЗАКОННОСТЬ ЛЬВОВСКОГО СОБОРА 46Г.,
ВЕРНУТЬ ХРАМЫ ВЕРУЮЩИМ И ПРИЗВАТЬ ИХ К ПРИМИРЕНИЮ

4 ■ Собеседник ■ № 19 ■ май 1990

Нельзя вернуть 1946 год

«И сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; Итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое.

Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, сатана; написано: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Лука 4, 6—8). Заговорив об утере духовности, нравственных ценностей и идеалов, или обнаружив пустоты в душе своей, или поддавшись влиянию моды, многие в обществе обратились к религии и церкви.

Церковь, представшая в ореоле мученицы (семидесятилетние гонения на нее не прошли даром), представленная лучшими ее служителями (на экранах телевизоров и на страницах миллионнотиражных изданий), многим и стала казаться тем храмом, дороги к которому пока нет.

Священнослужители же нашли дорогу к обществу: стремление людей к нравственной незамутненности вылилось в церковные воскресные школы, нужда физически больных в утешении — в акты милосердия, тоска по честным политикам — в избрание церковных деятелей народными депутатами.

Но увлекшись, боимся заметить, что не так уж чисто стекло. Разные течения и скрытая от глаз общества борьба в самой Русской православной церкви, противоборство церквей на Украине, «бои местного значения» за возвращение храмов зачастую с применением отнюдь не «человеколюбивых» средств...

Кого же тогда призывать (и кому призывать) к миру, согласию, компромиссам?

И здесь противостояние. И здесь политика.

«Ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию» (Иоанн 12, 43).

«Возлюбленные, будем любить друг друга, ибо любовь от Бога, и каждый, кто любит, рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь». Этими

словами заканчивается совместное заявление участников первой встречи четырехсторонней совместной комиссии по урегулированию конфликта между православными и греко-католиками в западных областях Украины. Его подписали архиепископ Мирослав-Стефан Марусин, секретарь Конгрегации восточных церквей (Ватикан), и митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий (Русская православная церковь). Архиепископ Владимир Стернюк (Украинская греко-католическая церковь) подписать документ отказался.

Диалог начался, но не привел пока ни к каким результатам. Более того, семь греко-католических епископов выдвинули требование о признании Русской православной церковью недействительным решения Львовского Собора 1946 года, то есть о легализации греко-католической церкви, о возвращении греко-католикам храмов, принадлежавших им до упомянутого Собора. И это только условие для начала любых переговоров...

В 1596 году Брестский церковный Собор провозгласил на Украине унию православия и католицизма. Согласно новым догматам, прихожане сохраняли за собой большинство православных обрядов, но организационно подчинялись Риму.

По тогдашнему замыслу польских завоевателей, уния должна была символизировать начало полной колонизации украинского населения. Но история распорядилась иначе. Искусственно созданная религиозная конфессия превратилась в самостоятельную церковь. Греко-католическое духовенство стало носителем идей национально-культурного развития украинцев. И речь сегодня идет не о конкретных священнослужителях, запятнавших свою репутацию сотруд-

21.5.90

НЕОБХОДИМО ПРИЗНАТЬ НЕЗАКОННОСТЬ ЛЬВОВСКОГО СОБОРА 46Г.,
ВЕРНУТЬ ХРАМЫ ВЕРУЮЩИМ И ПРИЗВАТЬ ИХ К ПРИМИРЕНИЮ

ничеством с фашизмом. Речь о народе, принявшем греко-католическую веру и не захотевшем от нее отказаться.

Его пытались заставить это сделать — в 1946 году. Насилие было настолько очевидным, что даже неловко доказывать его.

Сталин подписал документ о подготовке расправы над Украинской католической церковью, предрешившей участь греко-католиков на долгие десятилетия. Спустя несколько месяцев во Львове «образовалась» инициативная группа по воссоединению греко-католической церкви с православной, опиравшаяся на поддержку и содействие государственных властей. К тому времени были арестованы большинство греко-католических епи-

скопов и видных священнослужителей. Церковный Собор во Львове состоялся 8—10 марта 1946 года. Он проходил под усиленной охраной и принял решение об упразднении унии 1596 года. Церковь, просуществовавшая три с половиной столетия, оказалась вне закона.

Униаты ушли в подполье. Бушевавшее тогда на Западной Украине националистическое движение получило мощную религиозную поддержку. Жертвами террора стали десятки православных священников во главе с убитым в 1948 году инициатором Львовского Собора доктором Гавриилом Костельником.

УКЦ жила подпольной жизнью более 40 лет. На территории Западной Украины действовала сеть подпольных учебных заведений, готовивших греко-католических священников.

«Законной» церковью считалась Русская православная. Ей были переданы большинство церковных сооружений, изъятых у униатов. Запрещенная греко-католическая вера владела умами большинства верующих. А когда была прорвана блокада вульгарного атеизма и греко-католики вышли из подполья, полководье оказалось неуправляемым.

Речь теперь не только о противостоянии униатов и православных, но и о подчинении последних Русской православной церкви.

Термин «диктат Москвы» в некоторых проповедях встречается чаще, чем «слово господне». Архиепископ Житомирский Иоанн объявил о восстановлении украинской автокефальной православной церкви, запрещенной сталинским декретом в 1927 году. На него синодом Русской православной церкви наложена анафема, он «разжалован» до мирянина. Но раскол среди православных верующих углубляется.

Состоявшийся недавно Архиерейский Собор Русской православной церкви принял решение об автономизации экзархатов Украины и Белоруссии, придав им статус самостоятельных церквей, подчиненных Московскому патриархату. Мера эта вынужденная и крайне запоздалая...

Где борьба, там непременно победители и побежденные. Один за другим теряет приходы Украинская (русская) православная церковь. Греко-католики возвращают себе храмы. Нередко путем насилия. Очередь дошла до кафедрального собора св. Юра во Львове, закрытого нынче для прихожан. Греко-католики и православные молятся в разных местах у этого грандиозного сооружения. И что замки на дверях — воля тысяч людей способна взять верх над любыми преградами...

Противостояние — реальность. Я боюсь людей, которые знают «простейший» путь разрешения конфликта. Вернемся, мол, в 1946 год и восстановим все, как было.

Да, признать незаконность Львовского Собора 1946 года необходимо. Признать греко-католическую религиозную конфессию как церковь — тоже. Но история не терпит сослагательного наклонения. Еще древние учили, что вступить в одну и ту же реку дважды невозможно. Нельзя вернуть 46-й год. Украинская (русская) православная церковь за 40 лет пустила глубокие корни в здешних краях. Мне одинаково дороги чувства православных и католиков, и я не хочу видеть слезы на глазах ни у одной пожилой женщины. Люди, искренне приверженные православью, не имеют ни малейшего отношения к организации Львовского Собора. Они не должны страдать.

В хаосе межрелигиозных противоречий явственно просматривается камень преткновения — кому должны принадлежать храмы? Они построены греко-католиками, были отняты у них после Львовского Собора и перешли в собственность государства. Православная церковь арендует культовые сооружения и собственницей не является. А стало быть, вести переговоры о передаче храмов греко-католикам не имеет никаких полномочий. Греко-католическая церковь лишена юридического лица. Даже в тех случаях, когда церковные сооружения ей переданы, с юридической точки зрения сделано это незаконно. При государственной монополии на церковную собственность выглядит абсурдным конституционный принцип об отделении церкви от государства.

Решение проблемы — легализовать церковную собственность, вернуть ее тем общинам, которые пользовались храмами до сих пор. Пусть верующие решают, по какому обряду в них молиться. А чтобы не ущемлять меньшинство, продумать, как возместить ему в конкретных случаях имущественные потери. Эти суммы могли бы стать начальным капиталом для строительства новых, теперь уже наверняка «своих» церквей.

...Когда возобновит работу четырехсторонняя встреча по урегулированию религиозных вопросов на Западной Украине — неизвестно. Время не терпит. Пока терпение верующих не достигло предела. Пока они еще способны возлюбить друг друга. Пока — веруют, что «Бог есть любовь».

*Степан Романюк,
соб. корр. «Комсомольской правды».
Львов.*

НЕОБХОДИМО ПРИЗНАТЬ НЕЗАКОННОСТЬ ЛЬВОВСКОГО СОБОРА 46Г.,
ВЕРНУТЬ ХРАМЫ ВЕРУЮЩИМ И ПРИЗВАТЬ ИХ К ПРИМИРЕНИЮ

(3)

Без малого сто лет красному костелу св. Симеона и Елены в Минске. Да вот только по назначению использовался он всего ничего: с 1908 по 1930-й и в 1941—1945 годах.

Причины на то разные были, но преобладали, надо думать, все-таки революционно-атеистического характера.

Вряд ли найдется набор видовых открыток города-героя, в котором костел был бы обойден вниманием. Это и понятно: он что застывший фонтан. Пламенный, простой и строгий.

Первый раз Анна Михайловна Нитиевская-Синевиц объявила голодовку у его стен 1 марта 1990 года. Прием старый, проверенный не однажды, действенный. У зампреда Совмина БССР Н. Мазай собралось совещание заинтересованных лиц с участием ксендза Завальнюка, представителей городских властей.

5 марта 62-летнюю коренную минчанку, инвалида второй группы, удалось уговорить прекратить голодовку. Пообещали за две недели решить вопрос о передаче храма верующим.

Католики поверили и взялись ждать. Ровно через месяц на прежнем месте Анна Михайловна вновь соорудила навес из целлофановой пленки.

Как и в первый раз, рядом с ней сел Эдуард Тарлецкий.

— Молитва наша и наш с Анной Михайловной «пост» для того, чтобы скорей случилось чудо и красный храм возвратили верующим. Я считаю, что не отдают костел не потому, что власть плохая, а потому, что молимся плохо... Юноше 21 год, он вырос в семье верующих.

— Эдуард, ты учился в обычной школе, среди мальчишек и девчонок, исповедовавших, скажем так, несколько иные, отличные от твоих цен-

ности. Скажи, белой вороной себя не чувствуешь?

— Нет, что ты. У меня много друзей. И даже те из них, кто не верит в Бога, приходят сюда, поддерживают меня, наше дело.

— Ты веришь в то, что удастся вернуть костел?

— Блажен тот, кто не имеет надежды, ибо обрадуется всему. Главное — чтобы люди делали добро вокруг себя. Добро побеждает.

Все давным-давно уже привыкли, смирились с тем, что в костеле, построенном помещиком Вайниловичем в память о погибших детях Симеоне и Елене, обосновался республиканский Союз кинематографистов. Все, кроме верующих. Не только в своего бога верующих, но и в возможность перемен, зависящих от местных властей.

Решение зависит от них, от властей, считают и кинематографисты.

Наталья Шилок, режиссер-постановщик киностудии «Беларусьфильм»:

— Меня поражает и возмущает агрессивность верующих. То свечками в пальто тыкают, то сторожа книгой своей огрели. Они обижают, оскорбляют девочек. Называют их крысами и проститутками. А разве те в чем-то виноваты? Куда им идти? Непонятна и позиция ксендза. У него нет претензий к правительству, во всем он обвиняет кинематографистов.

Татьяна Булгакова, консультант Союза кинематографистов БССР:

— Костел — богоугодное заведение, и в нем, конечно, служить нужно Богу. Парадоксальность ситуации в том, что правительство вроде бы не возражает против передачи храма верующим. Но в то же самое время нам предлагают переехать то в Дом пионеров, то в здание, построенное пивзаводом. Заведомо неприемлемые варианты.

21.5.90

НЕОБХОДИМО ПРИЗНАТЬ НЕЗАКОННОСТЬ ЛЬВОВСКОГО СОБОРА 46Г.,
ВЕРНУТЬ ХРАМЫ ВЕРУЮЩИМ И ПРИЗВАТЬ ИХ К ПРИМИРЕНИЮ

**НЕОБХОДИМО ПРИЗНАТЬ НЕЗАКОННОСТЬ ЛЬВОВСКОГО СОБОРА 46Г.,
ВЕРНУТЬ ХРАМЫ ВЕРУЮЩИМ И ПРИЗВАТЬ ИХ К ПРИМИРЕНИЮ**

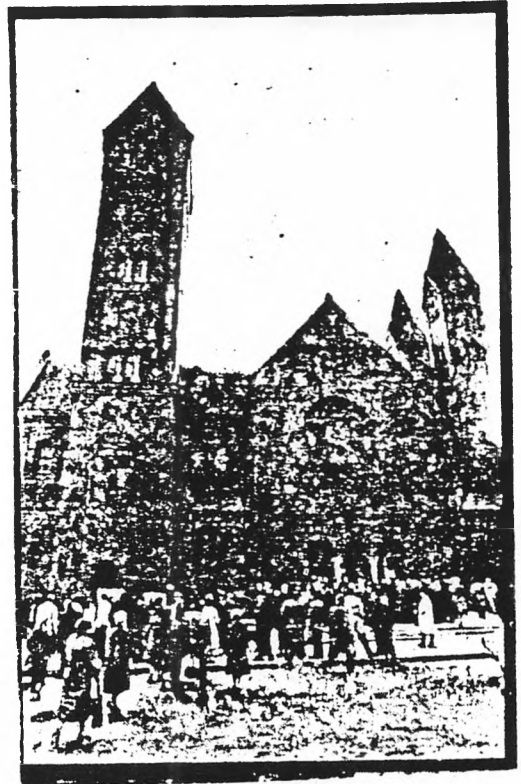
Рядом с постом Анны Михайловны плакат. А на нем слова: «...5 марта 1990 г. зампред Совмина БССР Н. Мазай обещала за две недели решить вопрос о передаче храма католикам, однако ничего за месяц не изменилось...

День и ночь будем молиться у этих стен, не будем пищу принимать, пока не получим обещанный документ о возвращении нашего костела. 4 апр. 1990 г.»

Прощаюсь с ней и спрашиваю:

— А если завтра вам снова пообещают решить вопрос с передачей храма?
— Обещания — пустое. Я трупом здесь лягу, не уйду до тех пор, пока не увижу до-ку-мен-та. Только ему поверю.

*Сергей Ромейков,
Евгений Стецко (фото).
Минск.*

BFD

USSR TODAY
SOVIET MEDIA NEWS AND FEATURES DIGEST
COMPILED BY RADIO LIBERTY MONITORING
CODE / ITEM:

No. NF—

366-26

21.5.90

blue-red

21.5.90

ПЕРВОМАЙСКИЙ РЕПОРТАЖ С КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ
ЭСТОНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

2 L

«Молодежь Эстонии», 5 мая, суббота

Дословно!

1 Мая — драма на Красной площади

Начиналось все красиво. Петстрые, разукрашенные бумажными цветами колонны профсоюзов направлялись на Красную площадь. Царила административная система. Бдительные руководители колонны заметили в своих рядах посторонних (то есть журналистов из Эстонии). «Проходите, не останавливайтесь!». На кумачовых лозунгах абсолютно беззубые здравницы Труд («Товары создают рабочий, а не рынок! Платите рабочим больше — появятся дешевые товары!»).

10.00. Ударил час на Спасской башне. На трибуну Мавзолея поднимаются руководители профсоюзов, члены Политбюро и Президентского совета. Одновременно из шести точек центра города к Красной площади начали движение колонны Ассоциации избирателей Москвы. Им надо пройти несколько километров.

На Красной площади выступают ткачиха, студент, ученый и металлург. В их речах звучит протест против рыночной стихии, возможного падения уровня жизни и безработицы. Горбачев слушает.

Зачитывается резолюция «минтинга»: «Только наше единство и творческий труд могут обеспечить благосостояние». Жид-

кие аплодисменты расцениваются как результат голосования.

10.48. Колонны уходят. С площади уплывают бумажные цветы, уступая место новым бесконечным колоннам, появившимся со стороны Манежа и улицы Горького. По последующим оценкам, в них полмиллиона человек. Совершенно иные лозунги.

(Москвичи избрали Моссовет, а не Президент!)
Сегодня теснят Литву, а завтра?..

Большевики должны отказаться от власти!).

11.01. Окруженный шпалерами милиции народ скандирует: «Свободу Литве!». Этот лозунг станет одним из популярнейших на демонстрации. Над головами людей развеваются примерно полсотни желто-зелено-красных флагов Литвы. Больше лишь русских бело-синие-красных флагов.

(Литва — это свобода блокады или блокада свободы?

Президенту — другая столица.

Политбюро в отставку!).

Все заглушает бодрая музыка маршей. На трибуне Мавзолея приветственно машут руками. Поха.

11.15. Председатель Моссовета реформатор Гавриил По-

пов двумя руками опирается о парапет трибуны. Очевидно, он — единственный человек на трибуне Мавзолея, которому принадлежит нескрываемая симпатия демонстрантов. Колонны, которые должны без остановки пройти по Красной площади, останавливаются у Мавзолея. Скандируют: «Долой КГБ!», размахивают литовскими флагами.

11.17. Скандируют: «Свобода Литве!» Горбачев усмехается, скользит взглядом по площади, отыскивая более мягкие лозунги. Лицо секретаря по идеологии Вадима Медведева бесстрастно. Никто никогда не видел улыбки этого человека. Тем более сегодня. Сегодня у него буквально мертвенное выражение лица.

11.18. Гавриил Попов, кажется, доволен происходящим. Эта организованная Моссоветом манифестация — его дитя.

11.19. Народ кричит, обращаясь к трибуне: «В отставку! В отставку!» Михаил Горбачев одной рукой опирается на парапет, его поза динамична. Он улыбается, обменивается впечатлениями с Лукьяновым и Рыжковым.

11.20. Попов подошел к Горбачеву. Они о чем-то совещаются.

21.5.90

ПЕРВОМАЙСКИЙ РЕПОРТАЖ С КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ
ЭСТОНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

(2)

(Горбачевизм не пройдет!
КГБСС — капут!).

Люди на трибуне становятся все серьезней.

(Блокада Литвы — позор
Президента!

Президент — руки прочь от
Советской власти!).

11.25. Горбачев больше не
улыбается. Единственная не-
уместная улыбка на лице Лукья-
нова. Народ требует выключить
музыку и скандирует:
«Егор, ты не прав!». Выраже-
ние лица Лигачева не меняется.

11.30. Гавриил Попов машет
рукой: идите, идите, наконец!

11.31. Президент нервно по-
стукивает пальцами. Попов пы-
тается уговорить народ про-
должать движение. Безуспеш-
но.

(Меняю засушенного вождя
на одноразовые шприцы!

КГБ — кремлевские людое-
ды!).

11.32. Язов стоит в новой с
иглочки маршальской форме.
Он военный и выполняет при-
каз.

11.33. Горбачев и Рыжков
покидают трибуну. Остальные
следуют за ними. Из угод
сопровождает мощный свист и
протестующие крики. Лигачев
оборачивается, поднимает ру-
ку. Неужели он хочет привет-
ствовать этот народ? Нет, он

МАШЕТ НАРОДУ: проходите...

Единственным еще на полми-
нуты остается на трибуне ми-
нистр внутренних дел Бакагин.

11.40. «Политбюро — в от-
ставку! Моссовет на трибуну!».
Юноши с синими повязками
на руках из Ассоциации изби-
рателей пытаются навести ка-
кой-то порядок.

11.42. Начинается толкотня и
беспорядок. Мужчина с мега-
фоном прорывается сквозь
колонны и умоляет: «За вами
еще несколько сот тысяч мос-
квичей, желающих попасть на
Красную площадь!».

11.50. Наконец движение во-
зобновляется. Через площадь
идут либеральные демокра-
ты, анархисты и социалисты.
Они идут на митинг к воротам
парка Горького.

(«К сожалению, участники
демонстрации не сумели уде-
ржаться от экстремистских ло-
зунгов, содержащих провока-
ционные, грубые и оскорби-
тельные нападки на конститу-
ционную власть»).

(«Правда», 2 мая 1990 г.).
Весна 1990-го привела рос-
сийскую оппозицию на Крас-
ную площадь. Где они будут
через год?

Адлан МАРТИНСОН.
МОСКВА.

(«Правда», 4 мая 1990 г.).

КОНТРАБАНДНЫЙ ВЫВОЗ ИЗ СССР ИКОН И РЕЛИГИОЗНОЙ УТВАРИ

"ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК"

№ 19 (45)
МАЙ-90

12

КГБ СССР сообщает

ТЫСЯЧА ИКОН... ИЗ ГРУЗОВИКА

В АПРЕЛЕ при проведении совместной операции сотрудники Управления КГБ СССР по г. Москве и Московской области и столичной таможни задержали грузовик иностранной фирмы, занимающейся международными автоперевозками. При досмотре был изъят груз, оформленный как личные вещи одного из дипломатов, аккредитованных в Москве. Даже видавшие виды чекисты поразились количеству вывозимой контрабанды, ее исторической, художественной и материальной ценности. В недрах трейлера были обнаружены свыше 1.000 икон, складней, целовальных и на престольных крестов, а также старинных предметов домашнего обихода.

Похоже, грабители собирали свой «урожай» не один год. Больше 1.000 икон — не шутка. Весь живописный фонд Музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева немногим превосходит 2 тысячи экспонатов. Примерно столько же в фондах живописи Государственных музеев Московского Кремля. Так что не останови вовремя чекисты преступный замысел, его смело можно было бы назвать хищением века, невозполнимой утратой части истории XIX века нашего государства. Именно к этому периоду относится большинство изъятых предметов.

Благодаря выставке, организованной чекистами, уже начали находиться владельцы многих украденных икон. При мне женщина, церковный служитель, обнаружила свою икону с образом Казанской Богоматери. И знаете, что сказала эта женщина, услышав, что в скором времени приходу вернут похищенное? «Вернут или не вернут в нашу церковь, это неважно — главное, чтобы эти иконы остались у нас, в России...». Люди чувствуют высочайшую значимость духовных святынь, о которых многие из нас, к сожалению, забыли, и может быть, и не знали совсем.

...Гляжу на образ «Всех скорбящих радость». Судя по записи на обороте, он был вложен в 1862 году во вновь построенный Богоявленский монастырь в Туле. В память о роде вкладчика перечислены их имена. Благодаря этой иконе мы знаем род русских людей из Тулы, имеем живопись, которая датируется временем вклада.

КОНТРАБАНДНЫЙ ВЫВОЗ ИЗ СССР ИКОН И РЕЛИГИОЗНОЙ УТВАРИ

"ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК"

Для нас, современных, понятие вклад чаще всего ассоциируется со Сбербанком. Это мое, индивидуальное. У наших недавних предков вклад был куда как общественнее, гражданственнее. Вклад собору — это был дар народу.

Но самую большую ценность, по мнению старшего научного сотрудника музеев Кремля, искусствоведа Виктории Анатольевны Меняйло, представляют редкие изображения на иконах русских исторических деятелей: преподобных Дионисия, архимандрита Троице-Сергиевского монастыря, Геннадия Костромского и Любимовградского.

Герой смутного времени архимандрит Дионисий воспитал и исцелил замечательного писателя Симона Азарина, который потом составил позднее житие Сергия Радонежского с очень интересными подробностями об эпохе Смуты. Для нас это драгоценный памятник жизни XVII века. Утрачивая этот пласт национального и духовного богатства, мы теряем все нити и связи: над чем думали, на что обращали внимание наши предки...

Говорят, не было бы спроса, не было бы и предложения. Действительно, предметы антиквариата, религиозного культа, художественные ценности, вывозимые из нашей страны, пользуются огромным спросом на Западе. Свидетельством тому — заинтересованность многих известных аукционов в их реализации как музеев, так и частным коллекционерам. Каков же здесь механизм нашей государственной коммерции, отлажен ли он?

Сейчас единственным местом в стране, куда население приносит на продажу иконы и другие предметы религиозного культа, является отдел экспорта Всесоюзного художественно-производственного объединения имени Е. В. Вучетича. В августе 1988 года оно получило возможность выхода на международный рынок без посредничества внешнеторговых фирм.

Одно из первых таких мероприятий — выставка-продажа в Греции икон XIX — начала XX века из немусейного фонда — увенчалось полным успехом. Все 199 произведений были проданы, а прибыль советской стороны составила 146 тысяч долларов США. Но затем, словно, чего-то испугавшись, Минкульт СССР прислал в ВХПО туманную депешу, смысл которой между тем читался однозначно: всякие операции с продажей икон за рубеж прекратить!..

Начальника отдела экспорта ВХПО П. Сидорова я застал за составлением очередной записки на имя министра культуры СССР Н. Губенко. Прежняя докладная, адресованная его предшественнику В. Захарову, успеха не возымела. Как бы то ни было, но коммерческая деятельность ВХПО сегодня идет на спад. Если в 1987 году у населения было закуплено 2.222 иконы, то в 1988-м уже 1.717. В прошлом году удалось приобрести лишь 471 икону.

«Черный рынок» на перемену в настроении Министерства культуры СССР среагировал мгновенно: из ВХПО стали забирать сданные на комиссию иконы. За 4 месяца этого года закуплено всего 44 иконы, а вот взято назад уже 189.

Запрет, наложенный Минкультом СССР, привел к тому, что ВХПО теперь не имеет права даже временно находящиеся в его запасниках иконы передать ни в собственность русской православной церкви, ни в один из музеев страны.

— На кого же работает такая система? — поинтересовался я у Павла Михайловича Сидорова.

— Только на внутренний «черный рынок» и международную контрабанду. Многие из произведений, которые сегодня не рекомендованы экспертно-оценочной комиссией для приобретения в советские музеи, как не имеющие художественных достоинств, по прошествии времени вырастут в цене. Но отсутствию у нас ре-

ставрационной базы и складохранилища вынуждает отправлять иконы XIX — начала XX века обратно их владельцам.

Тем временем многие западные фирмы предлагают нам свою помощь.

Вот строчки из письма министру культуры Н. Губенко от известного финского коллекционера Харри Вилламо: «Я очень заинтересован в налаживании прежних торговых связей и, как мне кажется, в обоюдных интересах. Как известно, Советский Союз не продает раритеты, имеющие музейную ценность. У вас существует авторитетная комиссия, которая производит предварительный отбор

икон перед продажей, и, надо сказать, что все те иконы, которые мне приходилось покупать, находились на краю гибели и в подавляющем своем большинстве требовали трудоемкой реставрации.

Видя, в каких условиях хранятся сотни икон в Москве, я думаю, что многим из них грозит гибель, а некоторые и сейчас уже спасти нельзя. В то же время поток нелегально вывозимых из Советского Союза икон безудержно растет и наводняет западные рынки. В этом году летом ожидается резкое падение их цен.

В связи с этим мне хотелось бы обсудить с вами ряд проблем, которые не только волнуют меня, но представляют интерес и для вас. Очень надеюсь, что вы оможете мне любезность и найдете возможным встретиться со мной, чтобы я смог изложить их вам лично...».

Более 30 лет специализируется на импорте произведений искусства из СССР в ФРГ фирма «Р. Николай и сын». Помимо современного советского искусства (живопись, графика, скульптура) и предметов художественных промыслов, таких, как изделия из серебра, украшения, миниатюрная живопись (Палех, Мстера, Федоскино), а также кавказских и тур-

КОНТРАБАНДНЫЙ ВЫВОЗ ИЗ СССР ИКОН И РЕЛИГИОЗНОЙ УТВАРИ

/3/

"ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК"

икменских ковров, фирма в течение десятилетий покупала русские иконы, главным образом конца XIX века.

«Осуществляемый импорт икон из Советского Союза, для которых Минкульт СССР предоставлял специальные сертификаты, имеет особое значение,—пишет Николаю Губенко глава этой фирмы.— С одной стороны, это помогает бороться с контрабандой икон и подделкой, а также действует строгому соблюдению советских законов. Таким путем нам уже удалось за последние годы существенно сдержать распространение в ФРГ нелегально вывезенных произведений.

С другой стороны, успех нашей деятельности в ФРГ объясняется как раз разумным сочетанием образцов современного советского искусства и старой русской иконной живописи. На наших многочисленных выставках заинтересованной публике должен быть представлен не только современный аспект творчества, но и известная ретроспектива художественных традиций вашей страны. В этом смысле мы всегда стремимся подыскать в Советском Союзе даже что-то сверх предлагаемого набора произведений, что дало бы нам возможность создать завершённое произведение о русском искусстве...»

Еще в начале прошлого года представители фирмы подобрали для закупки в ВХПО новую партию икон. Но ни первая — в конце марта, ни вторая — в июне прошлого года, отправки не состоялись. Прошлогодний запрос фирмы Минкульту СССР остался без ответа. Но продвинули дело вперед и следующие переговоры с ВХПО в начале этого года...

Начальник управления изобразительных искусств Минкульту СССР Г. Попов, давно курирует экспортную деятельность ВХПО имени Е. Вучетича. Лучше его, пожалуй, никто не знает, какой огромный урон несет культура нашей страны из-за обилия надуманных запретов... и нежелания возиться с их отменой. В разговоре по телефону Генрих Павлович посетовал на множество разных причин, но стремления браться за это дело всерьез не высказал...

В пресс-службе управления КГБ по Москве и Московской области мне сообщили и такой факт. Знакомившиеся с выставкой представители духовенства с горечью констатировали, что во многих из двадцати двух вновь открытых православных храмов Москвы сегодня изображения святых зачастую представлены литографиями, а не подлинными иконами. Это в столице, что уж тогда говорить о двух тысячах вновь открытых храмах всей страны. Хозяйственное управление Московской патриархии завалено заказами на изготовление церковной утвари и предметов богослужения на год вперед...

А ЦЕРКОВЬ в нашей стране отделена от государства, но не от общества. Чекисты полагают: а не пора ли привлечь представителей церкви к участию в работе экспертных комиссий, оценивающих значимость икон, предлагаемых к вывозу за рубеж.

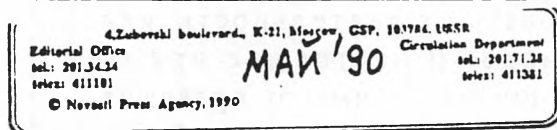
Давно пора иметь в Москве отдельный музей русской иконы. Уверен, что тысячи людей пожертвовали бы сюда свои домовые иконы. А любоваться этимикладами, гордиться своими предками приходили бы их дети и внуки.

В. ЮРТЕВ.

ВИ

23.5.90

ПРАВОСЛАВНЫЕ МУЧЕНИКИ ЗА ВЕРУ: МИТРОПОЛИТ ВЛАДИМИР О РАБОТЕ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К РЕАБИЛИТАЦИИ ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН РПЦ, РЕПРЕССИРОВАННЫХ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

28

Тираж - 3000 экз.

Цена - 2 руб

VOENNYI VESTNIK MILITARY BULLETIN

ВЛАДИМИР, МИТРОПОЛИТ РОСТОВСКИЙ И НОВОЧЕРКАССКИЙ,
ЧЛЕН СВЯЩЕННОГО СИНОДА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ:
ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Решением Святейшего Патриарха и Священного Синода 10 апреля 1989 года была создана Комиссия по изучению материалов, относящихся к реабилитации духовенства и мирян Русской Православной Церкви, репрессированных в советский период. Учреждение Комиссии совпало по времени с активизацией позитивных перемен в общественном сознании, что стало возможным благодаря политике перестройки и демократизации всех сторон жизни. Достижение провозглашенной новым руководством страны цели - построение подлинно демократического государства, основанного на приоритете общечеловеческих ценностей, таких, как уважение к правам личности, невозможно без пересмотра, с одной стороны, отношения государства к церкви и ее роли в общественной жизни, с другой - без пересмотра темных сторон нашей недавней истории и их надлежащей моральной и правовой оценки. Благодаря открытому диалогу в обществе стало ясно, что одним из самых негативных явлений нового периода нашей истории являются факты массовых репрессий многих слоев населения. В том числе почти полное отстранение от общественной жизни, очернение, скрытые и открытые притеснения, а затем и массовые репрессии приверженцев Русской Православной Церкви. Достаточно вспомнить заявление, сделанное на так называемом Петроградском церковном процессе 9 июня - 5 июля 1922 года главным обвинителем, членом коллегии Народного Комиссариата юстиции Красиковым: " Вся православная церковь - контрреволюционная организация. Собственно, следовало бы посадить в тюрьму всю церковь". Этот, да и многие другие факты - свидетельство явной предвзятости по отношению к духовенству. Сегодня предстоит огромная работа по восстановлению попорченного достоинства наших клириков. Комиссия существует на протяжении года, в ее составе 9 человек из разных регионов страны.

23.5.90

ПРАВОСЛАВНЫЕ МУЧЕНИКИ ЗА ВЕРУ: МИТРОПОЛИТ ВЛАДИМИР О РАБОТЕ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К РЕАБИЛИТАЦИИ ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН РПЦ, РЕПРЕССИРОВАННЫХ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Мне поручено возглавить и координировать их деятельность, как Постоянному члену Священного Синода. В настоящее время мы работаем с письмами и материалами, поступающими от правящих архиереев и частных лиц. Проведено за год три общих заседания. За время своего существования нами получены, подготовлены и отправлены в различные государственные инстанции сотни писем, где содержатся просьбы о реабилитации, указании времени смерти и места захоронения тысяч невинных жертв репрессий. Внимательно изучаем мы и просьбы об увековечении памяти погибших и оказании материальной помощи родственникам репрессированных. Сама Комиссия не располагает какими-либо архивами, которые помогли бы выяснить судьбу

репрессированных, мы собираем необходимые сведения по мере возможности. Насколько непрост этот путь, можно судить по одной причине: до недавнего времени факты гонения на Русскую Православную Церковь официальными государственными, общественными и даже многими церковными деятелями умалчивались или фальсифицировались в угоду принятым идеологическим стереотипам. Сейчас настало время, когда люди открыто говорят и пишут о миллионах загубленных жизней соотечественников. Все это принесено в жертву злой демагогической утопии. Пережитый кошмар нашей истории можно охарактеризовать словами Священного Писания: "Боже! Язычники пришли в наследие Твое: Иерусалим превратили в развалины; трупы рабов Твоих отдали на съедение птицам небесным, тела святых Твоих зверям земным; пролили кровь их, как воду, вокруг Иерусалима, и некому было похоронить их. Мы сделали посмешищем у соседей наших, поруганием и посрамлением у окружающих нас" (Пс.78). А к миллионам безвинно пострадавших верующих мирян, к десяткам, а может быть, сотням тысяч замученных священнослужителей и монашествующих приложимы слова апостола Павла: "...иные же замучены были, не принявши освобождения ...другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу. Были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, терпя недостатки, скорби, озлобления: те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли" (Евр.11,35-38).

Созданная Комиссия ставит своей целью не только собирание материалов о репрессированных членах Церкви, но и возбуждение перед государством ходатайства о восстановлении их поруганной гражданской чести и тем самым восстановлении общественной справедливости. По мнению Церкви, все пострадавшие за веру и имя Христово не нуждаются в реабилитации

blue-red

23.5.90

ПРАВОСЛАВНЫЕ МУЧЕНИКИ ЗА ВЕРУ: МИТРОПОЛИТ ВЛАДИМИР О РАБОТЕ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К РЕАБИЛИТАЦИИ ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН РПЦ, РЕПРЕССИРОВАННЫХ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

(3)

с религиозно-нравственной точки зрения: соучастники в безвинных Христовых страданиях достойны почитания Церковью как мученики и исповедники. Более того, их страдания имели очистительное, искупительное значение для судеб России. Пролитая кровь омыла грехи отцов и дедов, их нигилизм, братоубийственную ненависть и распрю. В том-то и дело, что покаяние и возвращение правды нужны не мертвым, а нам, живым. Кровь невинных не только вопиет к небу, но взывает и к нашей совести. Их кровь должна стать для нас семенем возрождения милости и человечности и тем самым устройства России. Увековечивая их память, мы увековечиваем правду и делаем ее активным творческим началом нашей жизни. Все благие начинания не будут успешными, доколе не будет восстановлена вся правда, о содеянных беззакониях, и решительное обращение всем существом к всеобщим святым и вечным идеалам прощения, мира и добросердечности. Синодальная

Комиссия говорит по этому поводу: " Что касается гражданской реабилитации, то это прежде всего задача государства и общества в целом, которые в наше время ставят своей целью восстановить ради правды и своего блага честное имя своих невинно пострадавших граждан. Церковь же готова оказывать содействие при решении обществом этой благодарной задачи". В нынешнее судьбоносное время, руководствуясь сознанием своей ответственности за настоящее и будущее общества, Церковь считает важным моментом преодоления нравственного кризиса, в котором находится общество, необходимость проведения в полном объеме политической и моральной реабилитации всех граждан, осужденных ранее по идеологическим мотивам. Должны быть отменены все приговоры, вынесенные в соответствии с антидемократическими законами, зпращавшими или ограничивавшими идеологическое инакомыслие в стране.

Какое участие в названном процессе принимает сегодняшнее общество? В настоящее время из государственных органов получен список о реабилитации 72 лиц из числа духовенства и мирян Русской Православной Церкви. Для церковного молитвенного увековечивания памяти репрессированных Комиссия постановила записывать их имена на вечное поминовение в четырех главнейших монастырях России: Киево-Печерской Лавре, Свято-Введенской Оптиной пустыни, Троице-Сергиевой Лавре и Московском Свято-Даниловом монастыре.

✓

23.5.90

ПРАВОСЛАВНЫЕ МУЧЕНИКИ ЗА ВЕРУ: МИТРОПОЛИТ ВЛАДИМИР О РАБОТЕ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К РЕАБИЛИТАЦИИ ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН РПЦ, РЕПРЕССИРОВАННЫХ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

(47)

Много недоумений вызывает вопрос о выделении материальной компенсации родственникам пострадавших или самим репрессированным. В связи с этим Комиссия считает необходимым сделать следующее разъяснение: как уже было заявлено на наших заседаниях 13 июня и 12 декабря 1989 года, Церковь не несет ни юридической, ни материальной ответственности перед своими членами, незаконно репрессированными государственными органами. Кто противозаконно, необоснованно репрессировал (а акт реабилитации подтверждает незаконность бывших репрессий), тот и должен нести юридическую, моральную и материальную ответственность. Церковь не может вернуть того, чего она не отбирала, но что у нее отняли. Поэтому требовать с Церкви компенсацию, значит признавать ее виновной и, следовательно, проявлять по отношению к ней еще одну несправедливость. Часто райисполкомы, горисполкомы и другие официальные государственные учреждения адресуют к нам граждан, требующих материальную компенсацию. Ни о какой компенсации со стороны Церкви по нашему мнению, речи идти не должно. Но руководствуясь евангельской заповедью о милосердии к ближним, Церковь может оказывать материальную помощь своим остро нуждающимся членам, в том числе и родственникам репрессированных. В таком случае это должно расцениваться не как компенсация, а как частный случай в общей благотворительной практике Церкви. Компенсация же должна выплачиваться, по нашему мнению, из общесоюзного государственного бюджета или специального фонда, если таковой будет создан.

С верой и надеждой Комиссия вступает во второй год своего бытия.

ВЮ

CODE:

ITEM: О СВЯЩЕННИКЕ Г. ЯКУНИНЕ - ЛИДЕРЕ ДВИЖЕНИЯ "ЦЕРКОВЬ И ПЕРЕСТРОЙКА"

№9, 4 марта 1990 г.

ДОЛГАЯ ДОРОГА В МАРТ

Православный священник Глеб Якунин служит в небольшой Никольской церкви под Москвой. Если не знать его судьбы, то кажется, что он был здесь всегда и неразрывен с тихим и строгим церковным миром. Но приход отец Глеб получил недавно, и путь к призванию своему был для него страдальчески непрост.

...Мы сходили с ним на его предвыборное собрание в Загорск. За окном электрички то и дело возникали сирые свлзуэты церквей; их, полуразрушенных, согревали, как могли, лишь мельные снежные облака. Сейчас о трагедии церкви всем можно писать и говорить. Отец Глеб говорил и тогда, когда все молчали.

Шло начало шестидесятых. Церкви валили, как деревья в лесу: люди ждали обещанного коммунизма. Про это Якунин сказал так: «Всем казалось, что коммунизм и вера в Бога несовместимы. Но разве исчезли из жизни людской обычаи и обряды церкви? Ведь государство практически повторило в своей идеологии символы Святой Троицы: Бог-отец — теоретики учения, Бог-сын — Сталин, Бог — Дух Святой — коллективный разум партии. Как церковные Соборы проходили съезды, демонстрации — как крестные ходы, государство создало свои святые мощи, боролось с еретиками, и построение царства Божьего на земле — та заданность русского сердца, тот идеал, который исповедовали миллионы вступавших в партию».

Он рано остался без отца, рос пионером, комсомольцем, атеистом, учился в институте и окончил его биологом. А потом поступил в Загорскую духовную семинарию. И впервые за веру пострадал. Комиссия из Москвы проверяла семинарскую библиотеку — нет ли там крамолы. Крамола — «Философия свободы» Бердяева — была записана в карточке Глеба Якунина. Отдать книгу значило для него предать Бердяева. Книгу спас, но самому пришлось из семинарии уйти.

Наши дети, хочется верить, никогда не узнают этого. Что такое спасать

любимую книгу. Что такое риск читать то, что нельзя. Как увольняют с работы лишь за то, что ты веришь в Бога. Как сносят беззащитный маленький храм. И как за право говорить то, о чем думается и говорится, сажают в тюрьму. Глеб Якунин все это узнал сполна.

В 1965 году он написал письма патриарху Всея Руси Алексию и главе Верховного Совета СССР Подгорному, где требовал прекратить разрушение церквей и гонения на верующих. Это было вторым испытанием веры. Ему запретили священнослужение. Он остался в церкви на самых простых ролях — певчего, сторожа, дворника.

Через четырнадцать лет он заплатит за преданность вере уже долгими годами несвободы. Как человек в отечестве 70-х рассчитывал быть услышанным? С помощью самиздата, зарубежных радиоголосов, международных организаций. И это неминуемо вело в тюрьму. Якунин жалеет, кстати, что уходит в прошлое слово «диссидент» — за ним ему видится особое поколение людей с особой психологией. Выбрав открытое инакомыслие, он начал рассказывать миру о том, что происходит с верующими и храмами, про «фанатиков», которым грозили психбольницы, про детей, которых могли у них отобрать в детские дома, о лжи, проникающей повсюду. Свой выбор он не считает трудным: «Однажды сказав правду, человек испытывает чувство невероятной свободы, как будто давил на него какой-то столб, а потом исчез».

На заступничество церкви Якунин не рассчитывал: по его словам, ложь, отравляющая общество, проникла и в церковную жизнь. Разрушались и храмы, и человеческие жизни, а церков-

CODE: ДОЛГАЯ ДОРОГА... (2)

ITEM:

ные власти утверждали, что в СССР существует свобода совести и что гонения на верующих — выдумки диссидентов.

На свободу Якунина вышел в 1987 году, тогда освободили всех «узников совести». Усталости, разочарования, апатии у него не было. В новую жизнь вошел органично и сразу же. На мой вопрос о том, что он считает своей Голгофой, Якунин ответил: «В лагере было невероятно трудно и физически, и морально, особенно угнетало множество осведомителей из числа заключенных. Но все-таки самым тяжелым было сознавать, что дело, которому отдал жизнь, идет на воле все хуже и хуже».

Сегодня он лидер движения «Церковь и перестройка», созданного к тысячелетию крещения Руси. Чтобы объяснить нынешний ход мыслей Якунина, приведу цитату из программного документа этой организации: «Большинство церковных руководителей оказались непригодными к миссии,

которой потребовало от них время. Как ни парадоксально, но Русская православная церковь, имеющая многовековой опыт заботы о нравственном состоянии общества, благотворительной деятельности, стала неспособна участвовать в деле, которым ранее занималась столетиями. Но за последние 15—20 лет в ее лоно пришло много ищущей молодежи, интеллигенция, людей, жаждущих активного христианского делания. Необходимо единение всех сил церкви, способных к созидательному действию в поддержку целей и задач, которые ставит перестройка в нашей стране».

Я спросила Якунина, что дает ему уверенность в возможности очищения людей и возрождения страны. Он сказал: «Людей тяготят грехи, это естественно. Через осмысление прожитого они обязательно придут к духовному возрождению». И добавил: «Редкую неделю мне не звонят те, кто когда-то на моем суде вел себя не лучшим образом. Мучаются своей виной, готовы где угодно признать ее. Это искреннее раскаяние, вечное, о котором говорит Библия».

Я видела и слышала кандидата в депутаты России Якунина на предвыборном собрании в Загорске. Он и там доказывал необходимость перемен прежде всего нравственных. Впрочем, само это собрание было знаком идущих моральных перемен: в заводской и безусловно атеистической аудитории его воспринимали нормально, зная о том, что это священник с бывшей репутацией антисоветчика.

Среди других примет новых времен есть у Якунина книга «На пути к свободе совести» — там впервые не в самиздате напечатана его статья. И фотографии: он с папой Римским — первый в жизни недавний выезд за рубеж. И еще такими приметами были бесконечные телефонные звонки в его квартире: сегодня очень многие хотят с ним встретиться. Кстати, доброе рекомендующее слово о нем успел сказать атеист Андрей Дмитриевич Сахаров. Они были добрыми знакомыми, а Сахаров умел выбирать знакомства.

Наталья ПАВЛОВА.

-----СЦ-----

РЕЛИГИЯ
CODE: СВЯЩЕННИК О. МИХАИЛ АРДОВ ОБЛИЧАЕТ ХРИСТИАНСКИХ БОРЦОВ
ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В НАРУШЕНИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЗАПОВЕДЕЙ
ИТЕМ: "РАБОЧАЯ ТРИБУНА"

№ 29

Воскресенье.

4 февраля 1990 года

На идейных перекрестках

Соблазн ПОЛИТИКИ

Жизнь бежит... Столь быстро меняющаяся обстановка в стране создает для Православной Церкви не только дальнейший улучшение и облегчение положения — время разительных перемен несет нам и суровые житейские проблемы, с которыми в прошедшие десятилетия почти не приходилось сталкиваться. И тут не последнее место занимает соблазн вовлечения церкви в область политики.

НЕЛЬЗЯ СКАЗАТЬ, чтобы это был новый соблазн. Так или иначе он стоял и стоит перед христианством во все века двухтысячелетней истории. Во времена недавние, так называемые «застойные», Русская Православная Церковь также не была вне политики. Регулярно созывались конгрессы, на которых священнослужители говорили о положении в Чили, в Южно-Африканской Республике, Северной Ирландии, то есть о проблемах довольно жгучих, но весьма далеких от собственных наших нужд. Но это теперь постепенно уходит в прошлое. Во-первых, потому что кардинальным образом изменилась международная политика Советского правительства, а во-вторых, потому, что явственно идет процесс подлинного отделения церкви от государства.

И вот теперь уже гораздо больший соблазн вносятся в среду православных некоторые из тех деятелей, которые именуют себя «представителями независимой христианской общественности». И соблазн этот тем сильнее, что многие из них руководствуются вполне искренними убеждениями, а кое-кто в предшествующие годы именно за свои убеждения был гоним и даже репрессирован. Взгляды и мнения этих людей публикуются в «независимых изданиях», рекламируются и распространяются западными радиостанциями, вещающими на русском языке.

В моем распоряжении два документа, они вполне представляют определенный жанр. Это «Открытое письмо конгрессу США» священников Г. Якунина и Г. Эдельштейна и декларация «Основные принципы Христианско-демократического союза России (ХДС)», подписанная А. Огородниковым и некоторыми его единомышленниками. Тщательно мы станем искать в этих текстах не только мысли христианских, но даже хоть какую-то церковную терминологию, здесь в каждой строчке читаешь: «международная конференция по правам человека», «третья корзина Хель-

[Окончание на 3-й стр.]

РЕЛИГИЯ
CODE: СВЯЩЕННИК О. МИХАИЛ АРДОВ ОБЛИЧАЕТ ХРИСТИАНСКИХ БОРЦОВ
ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В НАРУШЕНИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЗАПОВЕДЕЙ (2)
ITEM:

[Окончание. Начало на 1-й стр.]

синских соглашений», «свобода и суверенитет личности», «обеспечение гражданских свобод: слова, печати, организаций, собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, паломничества, эмиграции, выбора места жительства, движения людей и идей», «права наций на самоопределение, включая отделение» и т. д. и т. п.

При этом «Письмо конгрессу» удивляет своею, мягко выражаясь, антипатриотичностью, ибо призывает к продолжению экономических санкций против нашей страны. А такой призыв может отразиться на всех людях — на верующих и неверующих, на нашем общем уровне жизни. Что же касается декларации «ХДС России», то там поражает нечто другое. Авторы, ничтоже сумняшеся, провозглашают, что ид «правозащитные идеи» основываются на «мировоззренческом и нравственно-этическом фундаменте, заложенном в Евангелии, данном Господом нашим Иисусом Христом».

У человека, знакомого с евангельской историей и с текстом Нового Завета, подобное утверждение вызовет в лучшем случае недоуменное чувство. Для читателей несведущих придется дать некоторые разъяснения.

Вот один из характернейших эпизодов Евангелия. [От Матфея, главы 11 и 14]. Величайший праведник Святой Иоанн Креститель становится, как бы выразились теперь, «гузником совести» — царь Ирод заключает его в темницу за то, что Святой обличил его в кровосмесительном сожительстве с женою брата. Господь Иисус Христос узнает о том, что Креститель стал пленником царя, но не предпринимает никаких действий. Он как ни в чем не бывало продолжает свою проповедь... И вот наступает день рождения Ирода, и пляшет девица, и преподносит распутной матери своей страшную награду — только что отрубленную голову Иоанна Крестителя...

А представим себе на минуту, как поступил бы в данном случае не Господь Иисус Христос, а какой-нибудь современный христианин, так сказать, профессиональный «борец за права человека», такой, как наш отец Глеб Якунин или англичанин Майкл Бурдо?.. Без сомнения, он собрал бы тысячную толпу и повел бы ее демонстрировать возле Иродова дворца — «Свободу Иоанну Крестителю!»

Вспомним тут и Святого апостола Павла, который не только предписывал христианам абсолютное повиновение любым властям (а ведь речь шла о жесточайшей языческой империи! — Послание к Римлянам, 13, 1—2), но и от самых любимых учеников своих вовсе не требовал безусловной отмены рабства (Послание к Филимону).

Это — касательно прав личности. Теперь же несколько слов о том, как решается в Евангелии проблема «прав наций на самоопределение, включая отделение».

Господь Иисус Христос родился и жил в древней Палестине, поработенной римлянами. Но Он не только не возглавил «патриотическую борьбу народов за национальное освобождение», а напротив того — приказывал платить подать ненавистному римскому кесарю... (Матфей, гл. 22). Да еще по временам благодетельствовал офицеров оккупационных войск — исцелил, например, слугу центуриона в Капернауме (Матфей, гл. 8). Тут необходимо добавить, что истинными борцами «за свободу и самоопределение» были именно заклятые враги Господа Иисуса, те, кто преддл Его на распятие, — первосвященники и старейшины иудейские. Они грезили о мощном и процветающем государстве Израиля, а Господь предлагал людям «Царство не от мира сего».

Полагаю, приведенных примеров достаточно, дабы убедиться, что идеи «свобод и прав человека» в Евангелии отсутствуют. История, однако же, свидетельствует, что христианство вступило в область политики весьма давно. Но это произошло в церкви западной, в той, что впоследствии порвала с православием и стала именовать себя католической. Претензии римских пап на светскую власть в Италии, на главенство над императорами и королями, естественно, вовлекли их в политическую жизнь.

РЕЛИГИЯ
CODE: СВЯЩЕННИК О. МИХАИЛ АРДОВ ОБЛИЧАЕТ ХРИСТИАНСКИХ БОРЦОВ
ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В НАРУШЕНИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЗАПОВЕДЕЙ
ITEM: _____ (3)

Что же касается собственно понятий «свобод и прав человека», то их связали с христианским учением протестанты. Однако же сами идеи эти они заимствовали у своих предшественников, у гуманистов, у Ренессанса. Для чего же понадобилось в свое время смешивать гуманизм с христианством? Ответ на этот вопрос несложен. В XVI и XVII веках никакая идея, ничто хотя бы по видимости не санкционированное церковным учением не могло бы иметь успеха у толпы.

В окончательном же, современном виде идеи «свобод и прав человека» были сформулированы в британском парламенте и в конгрессе США. Декларация независимости Соединенных Штатов говорит, что «люди сотворены равными» и «одарены своим Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами». Удивительно, что почти никому не приходит в голову самая простая мысль: если эти равенства и права «дар Создателя», отчего Господь отнюдь не всех людей творит равноправными, благополучными и свободными?..

На самом деле у христианина во все времена есть только одна существенная свобода — свобода выбора между Богом и сатаной, между добром и злом, между праведностью и грехом... Вспомним, что Господь Иисус Христос на Страшном Суде не спросит нас, ниспровергали ли мы тоталитарные режимы и боролись ли за права угнетенных. Он спросит, кормили ли и одевали ли мы конкретных бедняков, посещали ли больных и узников... (Матфей, гл. 25). Дело Христа в мире было и есть — не переустройство общества, а переустройство, преображение душ человеческих...

Восточная, Православная Церковь во все времена это прекрасно сознавала, хотя иногда так или иначе вовлекалась в политические события. Здесь нет места для подробных экскурсов в историю, я укажу лишь на то, что в канонические правила нашей церкви еще в глубокой древности введено запрещение епископам занимать гражданские должности.

А вот пример из новейшей истории. Самый представительный Поместный Собор, состоявшийся в Москве в 1917—1918 гг., запретил иерархам, клирикам и мирянам делать какие бы то ни было политические заявления от лица Русской Церкви. При этом отнюдь не предписывалось никому никаких определенных взглядов и разрешалось заниматься политикой, так сказать, индивидуально. Более того, избранный на этом Соборе Святейший Патриарх Тихон (недавно прославленный святой) при всей сложности и напряженности отношений с атеистическим Советским правительством прямо отказался дать свое благословение белому движению, Святитель лишь призвал русских людей к прекращению братоубийственной войны.

Вернемся, однако же, к нашим временам. Не станем пускаться в подробные рассуждения о том, насколько сами по себе плохи или хороши «ценности западной цивилизации» — плюрализм, демократия, свобода личности, отсутствие цензуры... Но совершенно ясно, что ценности эти к истинному христианству ни малейшего отношения не имеют и даже зачастую ему прямо противоположны. Общеизвестно,

РЕЛИГИЯ

CODE: СВЯЩЕННИК О.МИХАИЛ АРДОВ ОБЛИЧАЕТ ХРИСТИАНСКИХ БОРЦОВ
ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В НАРУШЕНИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЗАПОВЕДЕЙ

ИТЕМ:

191

что восприятие этих «ценностей» неминуемо влечет за собой так называемую «сексуальную революцию», расцвет порнографического и кощунственного по отношению к религии искусства, легализацию гомосексуалистов и прочих подобных «угнетаемых меньшинств», распространение «конкурсов красоты» (а вернее сказать: «срамоты»), засилье рок-музыки, рост популярности экстрасенсов, астрологов и колдунов... Вот бы о чем задуматься «представителям независимой общественности», если она именует себя «христианской»! Да куда там... Тут хоть трава не расти, а им подавай «третью корзину», да еще в «полном объеме»...

И все же я не решаюсь категорически утверждать, что для о. Г. Якунина, А. Огородникова и их единомышленников политика стала делом первичным, а принадлежность к церкви — вторичным, что православию для них лишь нива, на которой они насаждают свои воззрения. Но им можно и должно задать такой вопрос: понимают ли они, отдают ли себе отчет в том, что вольно или невольно принимают и отошляют божественную проповедь, восстают на Господа Иисуса Христа, ибо «тщетно чтут Его, уча учениям, заповедям человеческим?» (Матфей, 15, 9).

Священник Михаил АРДОВ.

Московская область.

1310

CODE: БЕСЕДА С О. ВАЛЕНТИНОМ, СВЯЩЕННИКОМ СВЯТО-ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ /1/

ITEM:

4 27 ноября 1988 г.
№ 273 (8740)

СГ

Гость четвертой полосы

ХРАМЫ РОССИИ

В наши дни как никогда велико стремление общества к сохранению культурного наследия. Какова может быть здесь роль Русской православной церкви? Своё мнение об этом мы попросили высказать священника Свято-Данилова монастыря отца Валентина (Валентина Зиновьевича Дронова).

— В начале нашей беседы не могли бы вы сказать несколько слов о себе?

— Родился в 1953 году в Москве, в нерелигиозной семье. Родители — участники Великой Отечественной войны, инвалиды. Окончил финансовый институт, работал в НИИ, затем в ГлавАПУ, чтобы лично участвовать в восстановлении храмов Москвы. Но весьма скоро понял, сколь мало возможностей давала действительность тех лет для плодотворной работы в этом направлении. В 1980 году уехал в Курск, где после года служения псаломщиком в сельском храме был возведен архиепископом Курским и Белгородским Хризостомом в сан священника.

— Это возможно и без соответствующего образования?

— Да, в православии для рукоположения не требуется обязательная подготовка в специальном учебном заведении — семинарии. Владыка Хризостом направил меня в село Ольшанка Чернянского района Белгородской области настоятелем Троицкого молитвенного дома. Вот здесь-то я, человек сугубо городской, впервые оценил истинные масштабы бедственного запустения, в котором находятся православные храмы сельских мест России.

Ольшанка была когда-то большим селом, с развитыми промыслами. В конце прошлого века на средства прихожан там была построена просторная пятиглавая церковь. В начале шестидесятих годов века нынешнего ее разрушили — взорвали. С тех пор православная служба велась в арендованном сарае, настолько малом, что от тесноты и духоты пожилые прихожане, случалось, падали в обморок.

Между тем в соседней деревне Захарово каким-то чудом устоял старый деревянный храм — изящный, мастерски срубленный и в довольно приличной сохранности, несмотря на то, что использовался в качестве колхозного склада. Община предложила председателю колхоза отдать ей эту церковь, а взамен собрать деньги для строительства настоящего склада. Разумеется, реставрацию храма верующие собирались произвести своими силами.

«Не устроится и не процветет земля, бросившая на произвол судьбы тихо погибающую церковь.»

Однако надо было еще получить решение уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Белгородской области. Прихожане собрали более двухсот подписей местных жителей под соответствующей просьбой. Подписались механизаторы, доярки, скотницы, ветераны труда и войны, награжденные орденами и медалями. С этим прошением делегация от прихода (несколько очень пожилых женщин, бывших колхозниц, которые на своих плечах вынесли и военное лихолетье, и послевоенную разруху) отправилась в Белгород, к уполномоченному. Этот специалист по делам религий попросту прогнал старушек.

Прихожане затратили еще две недели на новый сбор подписей и направи-

ли ходоков на сей раз в Москву, в Совет по делам религий. В результате был разрешен... ремонт сарая, в котором помещался молитвенный дом.

CODE: СССР

БЕСЕДА С О. ВАЛЕНТИНОМ

ITEM:

Ремонт был сделан, хоть и с великими затруднениями. Например, проект утверждался целый год. Требовали согласовать в райисполкоме эскизы росписей стен молитвенного дома на библейские темы! Крупные разногласия с местными властями возникли по поводу купола, который районный архитектор именовал «пристройкой над кровлей» и настаивал, чтобы ее высота почему-то не превышала 1,5 метра (вместе с крестом). Опять обращались в Москву, откуда поступило в конце концов указание: разрешить сооружение «осветительно-вентиляционного барабана, характерного для зданий культового типа».

Пять лет я служил в сельских приходах России, пока не был назначен в Свято-Данилов монастырь, и везде видел весьма похожие ситуации, когда верующие были лишены какой-либо возможности самим восстановить православные храмы. Причем именно как храмы, а не как склады или гаражи.

— Однако сегодня положение меняется. не так ли?

— И одним из свидетельств перемен стало возрождение из руин Свято-Данилова монастыря. Об этом уже немало сказано и написано. Мне же хочется подчеркнуть вот что. Огромный объем реставрационно-восстановительных работ здесь выполнен — и с высоким качеством — за четыре года. Были восстановлены 45-метровая колокольня надвратной церкви (полностью разрушенная), семь храмов в трех зданиях, четыре жилых корпуса с больницей и трапезной, патриаршая резиденция, здание отдела внешних церковных сношений, обустроена территория внутри и вне монастыря. Пришлось произвести демонтаж фабрики зонтиков и перевод ее в другое помещение, даже трамвайные пути переносились. И все, подчеркну еще раз, — за четыре года.

Для сравнения напомним, что Пафнутьев монастырь в городе Боровске, известный с XV века, восстанавливается государственной реставрационной организацией практически с 1954 года, когда рухнул центральный купол Рождественского собора. Окончания работ при подобных темпах следует ожидать не ранее чем через сорок лет. И сколько таких примеров!

— Чем же объяснить столь быстрое, по нашим меркам, восстановление Свято-Данилова монастыря?

— Им занимались те, кто наиболее заинтересован в успехе начинания. Никаких иных «секретов» здесь нет. Прибавьте сюда широкую бескорыстную помощь, которую оказала общественность. Ежедневно десятки, сотни людей вносили свою трудовую лепту в восстановление памятника. Их работа была

хорошо организована, каждого обеспечивали необходимым инструментом, спецодеждой, было налажено двух-, трехразовое питание.

Этот уникальный пока опыт свидетельствует о тех возможностях, которые открывает участие Русской православной церкви в великом, поистине святом деле спасения нашего духовного наследия. В этом направлении сделаны первые шаги, но они несоизмеримы с масштабом проблемы. Так, к 1917 году в России было около 67 тысяч православных храмов, в том числе в Москве — до 600. В 1939 году по прямому, так сказать, назначению использовалось 150 церквей, в 1955-м — 14 тысяч, а в 1986-м — 6794. Тенденция последних лет достаточно ясна. А ведь в абсолютном большинстве случаев, когда закрывается церковь, это означает разрушение здания или непоправимое изменение его облика.

— Но согласитесь, что далеко не все церковные здания имеют историко-архитектурную ценность.

— Я считаю, что храмы, построенные пусть 75—80 лет назад (позже их просто не строили), нельзя оценивать только с этой точки зрения. С гибелью храмов, сооруженных чаще всего на добровольно приносимые народные копейки, или с превращением их даже в объекты культурного назначения (в достаточно редких случаях, об ином уж не говорю) мы все духовно себя обкрадываем, «оничивочиваем» — есть такое выражение в русской философии.

— Согласен, хотя, конечно, не стоит забывать, что к тем же результатам приводит нигилистическое отношение ко всему историко-культурному наследию, частью которого является церковная культурная традиция.

Теперь следующий вопрос. Как я слышал, реставрация Свято-Данилова монастыря стоила около 30 миллионов рублей. Располагает ли Русская православная церковь необходимыми

средствами для решения гораздо более обширных задач?

— Убежден, что многие люди, независимо от их отношения к вопросам веры, сегодня примут участие в спасении наследия своих предков. Кроме того, существуют и другие источники. Церковь ежегодно вносит в Фонд мира свыше 30 миллионов рублей и примерно 5 миллионов — в Фонд охраны памятников, не располагая, правда, информацией об использовании этих средств. Было бы, думается, целесообразнее направлять их на восстановление в первую очередь монастырей и храмов, имеющих большую историческую ценность.

CODE: СССР

ITEM: БЕСЕДА С О. ВАЛЕНТИНОМ

131

— Последний вопрос, который, как мне кажется, все время в скрытом виде присутствовал в нашей беседе. Не будет ли способствовать усилению религиозных настроений в обществе возвращение Русской православной церкви ее, если можно так выразиться, недвижимого имущества с целью его реставрации?

— По-моему, это глубокое заблуждение — связывать рост или падение таких настроений с состоянием материальной базы церкви. Там, где нет православных храмов, вера тем не менее сохраняется, но ее проявления приобретают иные формы, зачастую искажающие основополагающую христианскую идею любви. Вопрос о вере никак не сводим к использованию церковных зданий. Я надеюсь, что наше правительство учитывало в числе прочих и это обстоятельство, принимая решение о передаче Русской православной церкви нескольких известных монастырей. Поэтому продолжение такой политики представляется мне логичным.

У второй проблемы есть еще одна грань. Восстановление монастырей и храмов даст церкви реальную возможность заняться широкой благотворительностью, что является ее важной задачей. Из опубликованного почти девяносто лет назад отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева о церковной благотворительной деятельности явствует, что в конце минувшего века по духовному ведомству числилось 68 больниц при церквях и 163 при монастырях, 868 богаделен при церквях и 129 — при монастырях.

Почему я вспомнил об этом? Сегодня общество озабочено судьбой одиноких стариков, обездоленных детей и всех тех, кто по разным причинам нуждается в помощи. Мы начинаем осознавать ценность таких понятий, как милосердие, творение блага. И вот тут мне хочется привлечь внимание как можно большего числа людей к мысли одного современного литератора, мысли, которую я полностью разделяю: «Не устроится и не процветет земля, бросившая на произвол судьбы тихо погибающую церковь. Ибо между нашим экономическим положением и духовным состоянием общества существует самая прямая, самая неразрывная связь».

Беседу вел В. ВЕСЕЛОВ.

CODE: СССР

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ДИЗАЙНЕРОВ СССР ПРЕДЛАГАЕТ
ИТЕМ: УЖЕСТОЧИТЬ СТАТЬЮ О РАЗРУШЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

"Литературная газета" №48/88 стр.12

СКОЛЬКО СТОИТ ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

Каждый день приносит известие о гибели очередного памятника отечественной культуры. И так на протяжении десятилетий. И, кажется, никто и ничто не может остановить процесс варварского разрушения важнейших звеньев истории наших народов.

Закон, призванный предотвращать такие преступления, бездействует. Имеется в виду статья 230 УК РСФСР. Но даже если бы она и применялась, то мера наказания по этой статье несоизмерима со значимостью преступления. Цитирую ее, так как многие о ней, наверное, даже не знают: «Умышленное уничтожение, разрушение или порча памятников истории и культуры, природных объектов, взятых под охрану государства, наказывается лишением свободы на срок до 2 лет, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до 300 рублей».

Вот цена за разрушение, например, храма Христа Спасителя в Москве — народного памятника победы над Наполеоном, народного, так как построен был на пожертвования всех слоев населения. В худшем случае два года тюрьмы или штраф до 300 рублей.

Только чудо позволило нам сегодня видеть один из известнейших символов Москвы — храм Василия Блаженного на Красной площади. Чудо потому, что трудно поверить, что одному человеку удалось добиться отмены решения о сносе этого уникального памятника. А ведь все было готово к его сносу! А какое культурно-историческое наследие уже безвозвратно погибло в результате действий безответственных руководителей-временщиков! И, конечно, не только в Москве, но и по всей нашей многонациональной стране.

В настоящее время пересматривается Уголовный кодекс. Нельзя упустить этот случай. Необходимо пересмотреть содержание статьи 230 УК РСФСР (и соответствующих статей УК союзных республик). Предлагаю ее сформулировать следующим образом: «Умышленное уничтожение, разрушение или порча памятников истории и культуры, природных объектов, взятых под охрану государства, рассматриваются как особо опасные преступления, наказывающиеся лишением свободы на срок не менее десяти лет и высшей мерой наказания — в особо тяжких случаях».

Возможно, найдутся люди, которые скажут, что предлагаемое наказание чрезмерно. Но ведь речь идет не только о расхищении какого-то количества социалистической собственности, но о значительно более серьезном преступлении — уничтожении народного достояния.

Наш закон предписывает привлекать к высшей мере наказания жулика, присвоившего несколько сот тысяч государственных рублей. Все с этим согласны.

В то же время человек, который распорядился снести Сухареву башню, остался безнаказанным и даже имя его неизвестно. Утрата бесценная и невозвратимая. Представим, однако, что Сухарева башня будет восстановлена, на чем настаивает общественность. Разве расходы на ее воссоздание соизмеримы с ущербом, нанесенным даже крупным жуликом?

Казалось бы, бесспорное положение. Однако мои попытки поднять этот вопрос остались без внимания. Надеюсь, что вмешательство «Литературной газеты» что-то изменит здесь.

Ю. СОЛОВЬЕВ,
председатель правления
Союза дизайнеров СССР

МОСКВА

CODE: РЕЛИГИЯ

ТЕМА: ПОЧЕМУ ПРИХОЖАНЕ СВЯТО-НИКОЛЬСКОГО ХРАМА В АРТЕМОВСЕ
ИТЕМ: НЕ СМОГЛИ ЗАЩИТИТЬ СВОЕГО СВЯЩЕННИКА ОТ ПРОИЗВОЛА ВЛАСТЕЙ
"Известия" 16.10.89 стр. 3

КОНФЛИКТ У ХРАМА,

или Почему разошлись мнения власти и прихожан

— Поскольку наши христианские права в Артемовске ущемляются,—сказал коренастый мужчина с наградами Великой Отечественной войны,—то мы пришли просить у «Известий» защиты...

Последние слова говорившего утонули в одобрительном гуле группы женщин, сопровождавших ветерана-фронтовика.

ДА, МЫНЕСНЕННЕ обновление коснулось и этой стороны жизни общества. Теперь уже все трудней уходить от проблемы верующих, прячась за формулировку «в СССР церковь отделена от государства». Отделена она и во Франции, и во многих других странах, но почему-то там верующие не сотрясают общественную совесть отчаянными поступками вроде групповой голодовки. У нас же конфликты верующих с властями — явление нередкое. Причиной тому неменяющийся подход и местных, и многих центральных органов к проблемам верующих. Артемовский пример — лучшее тому подтверждение.

Делегация православных христиан привезла письмо.

«Уважаемая редакция!

Обращаемся к вам с просьбой разобраться в нарушениях, допущенных по отношению к нашей общине теми, кто по своему служебному долгу обязан соблюдать законность. Десять лет назад к нам в Артемовск в Святоиколаевскую церковь пришел отец Поликарп. Храм наш нуждался в неотложном ремонте. Души многих прихожан—еще больше. С приходом архимандрита Поликарпа все воспрянули духом. Церковь мы отремонтировали, дела церковные привели в порядок. В своих проповедях отец Поликарп призывал любить ближних. За ближнего он и поплатился. Его перевод от нас — это просто расправа за

то, что он заступился за прихожанина Геннадия Огурцова, который почему-то преследовался секретарем горисполкома В. Г. Астаховым и уполномоченным Совета по делам религии при Совмине Украинской ССР по Донецкой области Л. А. Серпилиным.

Сегодня наш храм осиротел. В. Г. Астахов и Л. А. Серпилин настояли на переводе о. Поликарпа в другой приход, так как он не подчинился их требованиям нарушить «Устав» церкви и законность. Уважаемая редакция, помогите нам вернуть отца Поликарпа, возвратит в его лице справедливость.

Т. Качура, А. Орел, Е. Карпенко и другие» (всего 45 подписей в одном письме и еще 236 подписей, присланных в письмах, поступивших в последующие дни).

Зная из рассказов очевидцев, что во время прощания о. Поликарпа с прихожанами вся площадь у церкви была запружена людьми, из которых многие плакали, можно сделать такой вывод: перемещение настоятеля храма не только больно задело верующих, но и в целом обострило обстановку в христианской общине города. Случившееся никак не укладывается в рамки частного факта, и потому вмешательство газеты оказалось просто необходимым.

— А вы, кстати, не имеете права заниматься этой темой,— без обиняков заявил мне уполномоченный Совета по делам ре-

лигий при Совмине УССР по Донецкой области Лев Андреевич Серпилин.— Не дело государственной газеты влезать в церковные проблемы. Это во-первых. Во-вторых, люди, обратившиеся в редакцию (сколько бы их там ни было), не заслуживают звания добрых христиан, так как христиане, согласно своему вероучению, не должны жаловаться, а призваны только терпеть. Наконец, что касается Огурцова, то этого типа я знаю с 1985 го-

да, и он не тот человек, которого следует защищать. Им даже КГБ занимался...

Неординарность логики уполномоченного была поразительной, но особенно впечатляло последнее замечание об интересе КГБ к личности Огурцова. По замыслу Л. А. Серпилина одно это должно было повергнуть корреспондента в некий священный ужас: как-никак фирма серьезная, с традициями. Но ужаса я не испытывал. Проверив характеристику «этого типа», я вполне официально выяснил у начальника Артемовского горотдела УКГБ по Донецкой области, что к Огурцову его ведомство никаких претензий не имело и не имеет. Тогда как расценить заявление Л. А. Серпилина корреспонденту газеты? Как дискредитацию КГБ или как нелепую шутку?

Между прочим, не у работников госбезопасности, а у Л. А. Серпилина, а также у секретаря исполкома Артемовского городского Совета народных депутатов В. Г. Астахова были причины не любить Огурцова. На действия первого тот несколько раз жаловался (и обоснованно!) в вышестоящие инстанции, а второй не терпел его за то, что тот когда-то обращался с письмом в «Строительную газету» и артемовские чиновники были крепко взъяснены за бездушие в появившейся по письму публикации.

ОГУРЦОВ, конечно, — человек, не похожий на тех малограмотных и безропотных христиан, с которыми привыкли иметь дело Серпилин и Астахов. У парня среднее образование; начитан, нервышки не в порядке после тяжелой травмы, полученной на строительстве северного газопровода. Архимандриту Поликарпу, окончившему в свое время духовную семинарию, а затем и академию, человеку одинокому и ведущему шпический ре-

CODE: РЕЛИГИЯ

ITEM: ПОЧЕМУ ПРИХОЖАНЕ СВЯТО-НИКОЛЬСКОГО ХРАМА В АРТЕМОВСЕ
НЕ СМОГЛИ ЗАЩИТИТЬ СВОЕГО СВЯЩЕННИКА ОТ ПРОИЗВОЛА ВЛАСТЕЙ

образ жизни, пришел по нраву его новый прихожанин. Узнав, что юноша пребывает в стесненных материальных обстоятельствах, старый священник дал ему приют в своем доме, а по истечении трех лет назвал его своим духовным сыном.

Казалось бы, кому какое дело до всего этого? Но секретарь горисполкома не прошел мимо такого факта — выразил архимандриту свое неудовольствие. Вскоре оно сменилось гневом. И вот почему. В Свято-Николаевском храме появилась вакансия регистратора, и отец Поликарп вместе с церковным советом решили предоставить эту должность тридцатилетнему Геннадию Огурцову. В прежние време-

на даже столь ничтожное назначение надо было согласовать в горисполкоме. Но в 1988 году Поместный собор русской православной церкви принял согласованный с нашим законодательством устав, и теперь многие из бывших ограничений отпали. Отец Поликарп поступил в полном соответствии с уставом, который ничуть не противоречит закону. Однако поступок настоятеля вывел из себя секретаря исполкома.

В Донецк на имя В. Нелюбова — секретаря митрополита Одесского и Херсонского, управляющего Ворошиловградско-Донецкой епархией владыки Сергия в декабре 1988 года пошло такое письмо:

«Со стороны настоятеля церкви мы не находим понимания по отдельным вопросам. В ноябре Огурцов без согласования с горисполкомом и аппаратом уполномоченного был принят на работу регистратором. Документацию за этот период вел неудовлетворительно, с нарушениями данных по этому вопросу указаний, а 25 ноября был безучастным наблюдателем бесквнтационного крещения ребенка...»

2 декабря было проведено приходское собрание, на котором рассматривался вопрос о приеме прихожан в учредители, что в данный момент противоречит «Положению о религиозных объединениях в Украинской ССР» (в соответствии с новым уставом абсолютно не противоречит. — Прим.

авт). Договор о передаче молитвенного здания и церковного имущества был составлен до проведения инвентаризации и внесения необходимых уточнений в инвентаризационную опись (но ведь все имущество цело. — Прим. авт.).

Сообщая вышеперечисленные факты, исполком городского Совета просит принять меры реагирования, обеспечивающие соответствующее отношение к исполкому городского Совета, как этого требует «Устав русской православной церкви» и Библия (послание апостола Павла к римлянам, глава 13, стихи 1—5: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога. Существующая власть от Бога установлена, по сему противящиеся власти противятся Богу»).

Письмо написал и подписал В. Астахов, и, хотя речь в нем ведется от имени исполкома, я выяснил, что в действительности он никого из членов исполкома в известность не ставил.

Письмо секретаря даже со столь незначительными «фактами» возымело скорое действие. От митрополита Сергия из Одессы отец Поликарп получил указ о том, что он освобождается от настоятельского служения в Свято-Николаевском храме и переводится в Александро-Невский храм в Дебальцево...

Первого февраля артемовские верующие прощались с архимандритом Поликарпом, и, как писали встарь, «плач бысть велик».

На другой день священник, чье мирское имя Иван Максимович Гуц, отправился в Дебальцево, а его прихожане пошли по инстанциям с жалобами и ходят по сей день.

— И что же, отец Поликарп всегда вызывал неудовольствие властей? — спросил я В. Астахова.

— Ну что вы! Это был золотой человек. С ним прекрасно работалось. Да вот появился этот Огурцов — и все сломалось...

— Конечно, Астахов не должен был поступать подобным образом, — считает председатель Совета во делах религий при Совмине УССР Н. Колесник, с

которым мы обсуждали артемовский инцидент. — Нельзя так грубо вмешиваться в церковную жизнь. Что же касается отца Поликарпа, то мы ничего изменить в его судьбе не сможем. Это дело внутрицерковное...

БЕСПОКОИТ в этой истории другое. Если бы на месте отца Поликарпа оказался любой рабочий, учитель, даже военнослужащий, то голос общественности был бы решающим в его судьбе. Почему же в сходной ситуации священник абсолютно беззащитен? Почему мнение прихода не учитывается?

Мы начали строить правовое государство и отчетливо видим, как среди прочих законов становится все более необходимым закон о свободе совести в СССР. Чтобы только с ним соотносились свои действия как миллионы наших сограждан, верующих и не верующих, так и представители государственной власти. Что же касается данного факта и людей, причастных к нему, могу сказать только одно: неистребила у нас любовь к созданию проблем для самих себя. Часто — из ничего.

Н. ЛИСОВЕНКО.
соб. корр. «Известий».
АРТЕМОВСК — ДОНЕЦК.

CODE CССР
ITEMРЯД ПИСАТЕЛЕЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА - АЙТМАТОВ, БЫКОВ
И АСТАФЬЕВ ЗАИГРЫВАЮТ С РЕЛИГИЕЙ

● 4 ● «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА» ● 30 июля 1986 г.

ТЕМА ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Кокетничая с боженькой

В XVII ВЕКЕ французский философ - вольнодумец Пьер Бейль утверждал, что возможно существование общества, состоящего из атеистов, и что атеисты могут выполнять требования морали не хуже, чем верующие. Тогда эта истина нуждалась в доказательствах, а ее приверженцев было мало. Практика общественного развития полностью и, так сказать, с превышением подтвердила смелое для своего времени утверждение философа.

Религия претендовала и претендует на монополию в области этики. Без веры, мол, нет нравственности. Казалось бы, дела давно минувших дней. Однако нет. В последнее время все чаще встречаются заявления, авторы которых открыто или чуть замаскированно поддерживают эти претензии. В таком духе, например, высказался в печати писатель В. Быков.

Он совершенно справедливо утверждает, что «совесть, сострадание, милосердие — нравственные начала, из века в век утверждавшиеся в людском мире». Но тут же почему-то непосредственно связывает эти нравственные начала с религией. Конечно, признает писатель, в религии есть темные стороны, которые дали основание считать ее опиумом для народа, но ее содержание, как он считает, к этому не сводится, ибо «ею проповедовались и общечеловеческие ценности, важные для всех времен и народов», а между тем, когда у нас «развернулась борьба с религией, то некоторые ретивые головы стали отмечать все подряд».

Давайте вспомним, что Ленин не только осуждал пролеткультовское варварство, но не менее решительно отвергал и любые проявления «кокетничанья с боженькой», характеризуя их как «невывражишнейшую мерзость», заодно относя эту характеристику ко «всякой религиозной идее, всякой идее о всяком боженьке».

Отказаться от принципиального, последовательного атеизма — значит отказаться от самих основ научно-материалистического мировоззрения.

А оставлять нравственность на откуп религии — не есть ли это некая форма заигрывания с боженькой?

Довольно явственную попытку в этом направлении предпринимает в своем последнем романе «Плаха» («Новый мир», 1986, № 6) Ч. Айтматов. Опубликована пока только его первая часть, но многое в ней вызывает, по меньшей мере, недоумение.

Не будем подробно останавливаться на признаках некомпетентности автора в вопросах, занимающих немалое место в ходе его повествования, связанных с жизнью современной православной церкви. Но укажем хотя бы на то, что не существует в Московской патриархии такой должности, как «координатор по учебным заведениям», однако он фигурирует в романе. Выдумана и угроза отлучения от церкви, якобы нависшая над изгнанным из духовной семинарии ее слушателем.

Важней, однако, другое — общая тенденция.

Его герой — исключенный семинарист Авдий Каллистратов — ищет Бога. Его не удовлетворяет традиционный «архаичный» образ Верховного существа, но не нравится ему и атеизм. Приходится искать средний вариант — некоего «Бога-современника», соответствующего «потребностям времени». И еще не найдя такого, богоискатель устремляется с уже как бы найденным в сферу жизненной практики, примкнув к компании уголовников, занимающихся сборанием и сбытом наркотиков. Делает он это с двойной целью: набрать материал для корреспонденции в областной комсомольской газете и именем Бога убедить участников шайки отказаться от их преступной деятельности.

Неправдоподобно, чтобы газета взяла в свои специальные корреспонденты случайного человека, притом явного путаника-богоискателя. Что же касается «миссионерской» задачи, которую поставил перед собой Авдий, то она, видимо, призвана выразить ту

же авторскую идею, которую мы выше отметили у Быкова: именно при помощи религиозных установок можно и нужно оздоравливать нравы и нравственность людей...

И никак не пройти в этой связи мимо некоторых высказываний В. Астафьева, сделанных им на страницах журнала «Наш современник» (1986, № 5).

Он спрашивает: «Что с нами стало?! Кто и за что сверт нас в пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в темную, беспробудную яму, и мы шаримся в ней, ищем дно, опору и какой-то путеводный свет будущего. Зачем он нам, тот свет, ведущий в геенну огненную?» С умилением вспоминает писатель о том времени, когда «мы жили со светом в душе, добытым за долго до нас творцами подвига (Моисеем, Христом, Мухаммедом, Буддой?—И. К.), зажиточным для нас, чтоб мы не блуждали в потемках, не наткнулись лицом на дерева в тайге и друг на дружку в миру, не выцарапывали один другому глаза, не ломали ближнему своему кости». Это райское время ушло в прошлое, его у нас «похитили и ничего взамен не дали, породив безверье, всесветное во все безверье». Что же делать, в отчаянии вопрошает автор, «кому молиться? Кого просить, чтоб нас простили?» И вспоминает: «Мы ведь умели и еще не разучились прощать, даже врагам нашим...»

Прощать, однако, В. Астафьев никому ничего не собирается. Наоборот, он мечтает о том, чтобы «на головы современных осквернителей храмов, завоевателей, богохульников и горлопанов низвергся вселенский свинцовый дождь — последний (!!) карающий дождь».

Такая вот гуманистическая всепрощающая мечта приходит писателю в голову, когда он созерцает историко-этнографический музей, созданный в средневековом грузинском монастыре Гелати.

CODE
ITEM

СССР

Day

Month

Year

КОКЕТНИЧАЯ / 2 /

ЧИТАТЬ такое в советской прессе — более чем странно. И не только из-за явственно выраженной тенденции кокетничанья с боженкой, но

и потому, что перед нами уж очень вопиющие примеры забвения всем известными фактов истории и современности, притом таких фактов, которые марксизмом освещены и теоретически осмыслены и которые в силу их очевидности давно не оспариваются.

Поговорим по существу.

Каждая или почти каждая религия проповедует совокупность моральных норм и заповедей. Они запечатлены в ее основополагающих вероисповедных документах, в книгах, признаваемых священными. Как учит религия, источником этих норм является сам бог, который преподал их людям. Если подойти к вопросу с научной точки зрения, то источником морали следует признать не сверхъестественные силы, а реальные общественные отношения людей. Религия — это фантастическое отражение бытия людей, а религи-

озная мораль — фантастическое отражение реально существующей в обществе морали.

Любая реально существующая мораль внутренне противоречива, так как в ней неизбежно перемешаны новые нормы, возникшие в новое время, с прежними, отражающими совсем другие, ушедшие формы общественных отношений. Но особенно ясно это сказывается в религиозной морали. Ее противоречивость значительно сильнее. Почему?

В религиозных учениях и в запечатлевших их вероисповедных документах моральные учения канонизированы. Они закреплены как нечто неизменяемое, обязательное для всех времен. Поэтому те нормы повседневной жизни, которые возникли в давно прошедшие времена и уже потеряли свой смысл, все же выглядят как обязательные для верующего всех времен. Но одновременно считаются обязательными и моральные нормы следующих исторических этапов, по своему содержанию полностью противоречащие первым. Поэтому, как прагматично, невозможно найти в религиозных учениях однозначные нормы поведения для одних и тех же случаев, на всякое запрещенное можно найти в соответствующих документах прямое разрешение и даже благословение.

Нагляднейшую иллюстрацию этого можно видеть в документе, который считается священной книгой как иудаизма (в ветхозаветной части), так и христианства. Надо полагать, что, апеллируя к религиозной морали, В. Быков и В. Астафьев имели в виду прежде всего именно этот религиозный документ и, говоря конкретно, знаменитые десять заповедей.

Недвусмысленно высказался на эту тему В. Быков в своем следующем выступлении («Книжное обозрение», 1986, № 25): он признал десять заповедей Кодексом морали, «по которому мы живем и до сих пор». Еще бы: не убивай, не кради, не прелюбодействуй. Что еще нужно, чтобы процветала всеобщая

нравственность, как не всеобщее исполнение этих заповедей?

Но читайте Библию дальше! А дальше идет проповедь самого разнузданного кровопролития, убийства человека за любую малость, наконец, прямого массового геноцида. Сам бог, рассказывается в Библии, убивает людей в массовых масштабах, по самым ничтожным поводам. И людям приказывает делать то же. За непослушание, оказанное священнику или родителям, — смерть. За нарушение субботнего отдыха — смерть. За обнаружившееся невестинное состояние новобрачной — смерть. И уж, само собой разумеется, за убийство — убийство: «душу за душу, зуб за зуб»...

У современного израильского солдата библийские наставления служат важным материалом для «идеологического обоснования» истребления арабов.

В самом деле: «В городах сих народов, которых Господь, Бог твой дает тебе во владение, не оставяя в живых ни одной души». Ветхозаветные книги преисполнены описаниями того, как выполнялось это божеское предписание. Вот, «взял Иисус (Навин. — И. К.) Макед и... никого не оставил, кто бы уцелел»; «взял Ливну и «истребил ее Иисус мечом и все дышущее, что находилось в ней»; «выразительно сформулирован общий итог деятельности Иисуса Навина, этого прямого преемника Моисея, по завоеванию Палестины: «И поразил Иисус всю землю нагорную и полуденную, и низменные места, и землю, лежащую у гор, и всех царей: никого не оставил, кто уцелел бы, и все дышущее предал заклятию, как повелел Господь, Бог Израилев». Не убивай?

Не один Иисус Навин был, по ветхозаветным сообщениям, таким усердным исполнителем

божьих предписаний человекоубийства в геноцидном масштабе. Так же действовал и знаменитый царь Давид («помяни, Господи... всю кротость его»).

ПОСТАВЛЕННЫЕ перед такими выразительными фактами, ревнители религиозной нравственности обращаются за помощью к Новому Завету: там-де проповедуется любовь к ближнему и всепрощение, абсолютная кротость и ненасилие. Что же, значит, именно в Нагорной проповеди следует искать «лампаду нашего сознания», тот самый «свет в душе» и т. д.?

При всей «новизне» Нагорной проповеди общая этический позиция Нового Завета мало чем отличается от ветхозаветной. Новый Завет настаивает на непреложности установлений Ветхого Завета («ни одна йота не пройдет из закона»). Он рассматривает рабовладельческий строй как не только угодный богу, но и единственно возможный, он требует от рабов полного и беспрекословного повиновения рабовладельцам и рекомендует последним неугодившего раба «выбрасывать во тьму внешнюю, где будет плач и скрежет зубов». А по части загробных мучений Новый За-

вет выглядит куда страшнее Ветхого. И, наконец, в отношении противоречивости проповедуемых моральных норм обе части Библии одна другой не уступают. Не мсти врагу, ибо он ближний твой, наконец и напои его, «ибо делая сие, ты собереши ему на голову горящие уголья». Хороша любовь!

Может быть, однако, те писатели, высказывания которых мы здесь обсуждаем, имеют в виду не библийские религии как источник нравственности, а, например, ислам или буддизм или вообще некую абстрактную религиозность, не имеющую конкретной вероисповедной формы. Но и к указанным религиям, а тем более к «религиозности вообще», относится все сказанное о христианстве и иудаизме.

Практика есть критерий истины. Религиозная практика богата и поучительна. Мы знаем исторические эпохи, когда в общественном сознании безраздельно господствовала религия. Возьмем средневековье. Сколько людей было истребле-

но в крестовых походах, на протяжении столетий систематически заезавшихся перекрестков во имя распространения того самого учения, которое категорически запрещает убийство?! Сколько людей было под руководством церкви сожжено на кострах инквизиции?! И ведь придумали — не просто убивать любимого ближнего, а заживо сжигать, да еще бывало — на специально замедленном огне.

Свалить эту практику на католическую церковь? Но протестанты делали то же. Православные церкви делали то же. Вспомним, как топили еретиков в Пскове и Новгороде, как жгли на кострах протопопа Аввакума и других старообрядцев. Вспомним, как благословляла православная церковь виселицы, при помощи которых самодержавие расправлялось с революционным движением. Да ведь и крепостное право с узаконенными порками людей на колючие и с правом первой ночи («не прелюбодействуй!») находило в лице церковных ринторов и богословов красноречивейших защитников.

А как же насчет любви к ближнему, непротивления злу, воздаяния добром за зло? Реальная жизнь в течение тысячелетий шла мимо всей этой словесности. Эсплуататорское общество культивировало звериные нравы, находившие свое «идейное» обоснование в религиозной идеологии и нередко прямое воплощение в политической и прочей прак-

CODE
ITEM

СССР

КОКЕТНИЧАЯ /3/

тике церквей разных религий и вероисповеданий, будь то христианство или ислам, иудаизм или буддизм.

А теперь нас призывают вернуться к «свету в душе» и отказаться от «безверья», призывают каяться в нашем атеизме и вымаливать у кого-то прощение. А на «богохульников», то есть на атеистов, призывается «последний карающий дождь», который должен истребить их во имя осуществления наивысших принципов человекобожеской доброты и милосердия...

ЛУЧШИЕ и высочайшие умы в истории человечества самоотверженно боролись с духовной сивухой. Сложилась благородная героическая традиция свободомыслия и атеизма.

Мы, коммунисты, восприняли эту традицию и развили ее. Наш атеизм базируется на фундаменте научного мировоззрения, и он так же незабываем, как это мировоззрение. Нравственность не только не проти-

вопоказана ему, она ему органически присуща. Это нравственность безрелигиозная, обязательно предполагающая совесть, справедливость, духовность в лучшем и высшем значении этих слов. Совесть и справедливость, уважение к труду, духовность в человеческих отношениях, построенных по принципу свободы от эксплуатации. Это коммунистическая нравственность. Ее мы прививаем нашей молодежи.

Лучшие ее носители — те люди, которые стремятся к освобождению от эксплуатации, к социальной справедливости, к расцвету и развитию каждой человеческой личности, которое невозможно без расцвета и развития масс — главной духовной, творческой, организационной силы общества. Массы, а не сверхъестественная сила!

И. КРЫВЕЛЕВ,
доктор философских наук.

ем

РЕЛИГИЯ НИКОИМ ОБРАЗОМ НЕ СМОЖЕТ СПОСОБСТВОВАТЬ "ВОЗВРАЩЕНИЮ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ" - ЛЕОНИД БАТКИН ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА "ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ"

"ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА"

1.1991 с.14

"ЛГ-ДОСЬЕ"

ЛЕОНИД
БАТКИН:
НОВАЯ
ПЛАСТИНКА
НА ТОМ ЖЕ
ГРАММОФОНЕ

К нравственности - через религию?

Мы задали Леониду Михайловичу несколько вопросов: «Как вы оцениваете роль религии в возвращении нравственных ценностей?», «Когда-то Булат Окуджава написал в своей знаменитой «Молитве»: «Господи, дай же ты каждому, чего у него нет». А какой благодати ждете вы в новом году для себя и своих соотечественников?», «Как в вашем понимании соотносятся светская история и история религии?», «Какой факт всеобщей истории произвел на вас самое глубокое впечатление?»

Я ЧЕЛОВЕК глубоко неверующий. «Глубоко» — это означает в данном случае вовсе не простое многократное усиление отрицательной частицы «не». Мое неверие исходит из самых напряженных и базисных областей индивидуального существа и сознания. Оно залегает на той же глубине, где иные люди обретают веру. Михаил Бахтин называл это «последними вопросами» — каждый человек, склонный размышлять над такими вещами или, если угодно, хотя бы прикасаться к ним потревоженной душой, задается последними вопросами перед лицом своей неминуемой и непостижимой смерти, в сознании этой смерти — и вечности, и бесконечности, которыми мы принадлежим в краткий миг после своего появления и перед исчезновением из мира.

Это, конечно, тема не для газетного разговора.

Однако я решился выговорить для начала несколько неуместных слов, чтобы напомнить очевидное: глубоко верующих людей так же немного, как и глубоко неверующих. Это их сближает. Что касается бездумного «атеизма», то он психологически и социально мало чем отличается от поверхностной, модной, идеологической «веры». Сейчас наши телевидение и печать сменили пластинку. Но — на том же граммофоне. И это «поп-православие» такое же мертвенное, обрядовое, пошлое, как и прежние парады и собрания. Нет, более пошлое! — потому что несравненно более наглядна подмена человечности, личности, культуры очередным фельетоном.

Я, совершенно неверующий человек, чувствую себя при виде этого потока кулолов, колокольных перезвонов, кадил, ряс и стандартных «душещепительных» словес — взбешенным и оскорбленным за христианство. Религия — это слишком серьезно и слишком лично. Или это привычный для нас гадкий балаган.

Я никогда не праздновал Рождества. Но то, что рассказано об этом дне в Евангелиях, исполнено бесконечного смысла. Относительно такого смысла бессмыслен вопрос: «А было ли это на самом деле?» Только великие смыслы, и были, и суть — реальность человеческого существования.

Теперь я попробую ответить на ваши вопросы.

1. Религия никоим образом не сможет способствовать «возвращению нравственных ценностей» в СССР. В СССР, замечу кстати, ничто подлинное вернуть невозможно, но есть надежда или даже уверенность, что не вернется и сам СССР. Коренным образом изменятся через сколько-то лет формы социальной, экономической, политической жизни в странах нынешнего СССР. И тогда на новом фундаменте вырастут стены, будет положена крыша. Возникнет что-то похожее на нормальное человеческое жилье, устроенное по-современному, достойное. В нем будет достаточно тепла и света. Тут-то будничные социальные отношения, в которых заинтересовано подавляющее большинство, востребуют мораль как обязательное условие осуществления этих цивилизованных отношений, как систему запретов на то, что мешает работать, зарабатывать, жить по-своему, ощущать себя в безопасности.

Вы видите, я в этом плане, увы, «исторический материалист». То есть я знаю, что общество не спасется самосовершенствованием каждого, потому что жажда самосовершенствования — удел очень немногих. Необходимо, чтобы остальные вынуждены были считаться — через свою выгоду и интерес — с некими общественными условиями, то есть чтобы быть имморальным было невыгодно и опасно.

А поколения, которые приходят в мир, чьи шестеренки смазаны и вращаются благодаря добросовестной работе, коммерческой честности и приватности к соседям, оказываются воспитанными в этих правилах, то есть привычка переходит в нечто большее — в одухотворяющий принцип, в мироотношение. И мироотношение в свой черед становится «первичным». Привычка к выгоде рождает альтруизм, альтруизм же рождает новое представление о «выгодном», новое самоощущение человека, который желает выглядеть и в собственных глазах уважаемым членом общества.

Глубокая личная вера, как и вскормленная с домашнего, семейного детства, привычная, без размышлений и сомнений, но искренняя, уютная, почтенная религиозность сама есть часть определенной нравственной атмосферы. Религиозность вряд ли способна помочь «возвращению нравственности», потому что между ними нет отношений причины и следствия. И та, и другая встроены в нечто третье. Назовем это тотальным состоянием общественного организма.

Или повернем проблему иначе: нравственность — это культурная способность личности совершать ответственные поступки, обеспеченные всем ее индивидуальным духовным состоянием, религиозным ли, внерелигиозным, это торжество особенного, выстраданного смысла над конформизмом. Да, я думаю, что истинно верующий современный человек (личность) тоже и верует как-то по-своему, но механически-массовидно, не догматически. А значит, еретически... Только личная ересь ведет, по-моему, к Богу таким образом, чтобы не увести от культуры.

Добавлю менее спорное: большинство граждан у нас — неверующие, и их обращение в православие, ислам и т. д. вряд ли окажется когда-либо возможным, разве что религия станет у нас государственной и обязательной... Надо надеяться все же,

что этого не случится, хотя официальные деятели, включая руководителей СССР, РСФСР, Москвы и пр., постоянно появляются на телеэкране вместе с церковными иерархами во главе сугубо церковных действ, участвуют в крестных ходах, в освящении при закладке, скажем, Казанского собора в Кремле, «челюпей» и варварской, как и все «надостроили»... Но последнее — дело исторического сознания, вкуса, эстетической психологии. А вот уж что несомненно, так это то, что кощунственно нарушаются внутрирелигиозные нормы, богово смешивается с кесаревым и одновременно попирается норма правовая: отделение церкви и светского государства. Если бы мы и впрямь желали создать светское правовое государство, надо бы прекратить это тошнотворное соединение партийно-советских ритуальных пропагандистских обыкновений и мнимоцерковных церемоний, вроде крестного хода по Тверской во главе с патриархом и демокр-р-ратами по случаю... «дня города», то есть «идиотского праздника», изобретенного в наилучшем брежневско-гришинском стиле, а теперь вот, видимо, занесенного в православные и перестроечные святцы.

Сколько угодно подтверждений, что среди тех, кто считает себя верующим, и среди самого духовенства, а также среди тех, кто полагает полезным идеологически заигрывать с религией, людей, относящихся к религии с глубокой серьезностью, которой она (как и настоящее неверие), безусловно, заслуживает, таких людей слишком мало.

Боюсь, их не было среди тех симпатичных граждан, которые участвовали в крестном ходе к... квартире Е. Г. Боннэр, к дому, где жил Сахаров. Какое неуважение к личности Андрея Дмитриевича! Какая политическая и религиозная безвкусица, джарское отсутствие такта — пусть уж простят мне это мнение участники действа, вдохновлявшиеся искренними, но такими непрощенными эмоциями. Таими... нерелигиозными!

Эх, Россия... матушка. Вот уже и к Сахарову... но со свечами и кадиллом. Я бывал в его доме, и я хочу сказать: «Бедный Андрей Дмитриевич! К Вам не идет наша политическая жизнь. Не знаю, куда она идет, но не к Вам. А знали бы Вы, что недавно произошло на выборах в Польше...»

2. Если каждый должен просить у Бога «чего у него нет» и если считать соотечественников-демократов сплошь людьми умными, тогда — «в свете сказанного выше» и в канун светлого Рождества — «умному дай голову». Вот чаемое чудо и благодать.

3. После фразы, с которой я начал и которая сегодня, пожалуй, выглядит такой же идеологической диверсией, как еще совсем недавно обычное «Слава Богу!» (с запретной заглавной буквы), вы вряд ли удивитесь ответу и на этот вопрос. Нет никакой

иной истории, кроме «светской». «История религии» была в традиционалистских обществах, то есть во всех обществах до Западной Европы XV—XIX веков, всеобщей «знаковой системой» светской истории. Затем история религии утратила — и утрачивает поньше во всем мире — это всеобщее значение, став важным, но более или менее частным ее элементом. Из универсальной части светской истории людей религия превратилась в яркую краску на плюралистической палитре и во внутреннее дело каждого, по крайней мере там, где она перестала быть архаически обязательной, фанатично фундаменталистской.

4. Вопрос, простите, располагает к шутивому ответу, поскольку это что-то вроде школьной викторины: «Кто твой любимый поэт?» и т. п. Так что лучше бы отмолчаться или отшутиться. Например, сказать, что самое поразительное событие — это заявления Президента СССР на Верховном Совете в середине ноября по положению в стране. Их было бы интересно издать с иллюстрациями Сальвадора Дали, если бы, конечно, тот справился. С растекающимися циферблатами и задумчиво пылающими жирафами.

Ну, а ежели власть в некоторое глубокомыслие, то надо бы ответить, что для меня самое удивительное историческое событие — это Октябрьская революция 1917 года. Плюются и прожлиняют, вспоминая о ней, — это так понятно и так теперь легко. А между тем Октябрь неслыханно сконцентрировал в себе самое событийность Истории, все парадоксы и тайны того, что историки называют Событием. Посмотрите-ка. Тут рвется связь времен — но только так (втайне и причудливо) сохраняется. Тут максимум случайности совпадает с максимумом эпохальной и масштабной необходимости; тут максимум сознательного политического умысла и воли сливается с максимумом стихии и непредсказуемости; тут самая явная развилка исторических дорог (альтернативность) совпала с тем, что задним числом выглядит фатальной предопределенностью; тут история структур почти мгновенно перетекла в сверхсобытийную историю — и вновь растеклась в историю структур; тут глобальный результат отложился из выразительных и экзотических провинциальных деталей, персонажей, внезапностей. Здесь совместились величие и ничтожество, кровь и хамский фарс, самоотверженность и слепая жестокость, бескорыстие и обман, властолюбие и фанатизм, расчет и глупость. Все это можно прочесть у А. Платонова и других. Да, это было Событие, «черная дыра» истории, притягивающая тайна ее Космоса, Событие в экспериментально чистом виде, событие как таковое! Над Октябрем всегда будут ломать головы те, кто пытается понять, что такое история.

ВИ

CODE: "ДЕЛО РОЗАНОВА" : ВОСПОМИНАНИЯ ЛАЗАРЯ РОЗЕНТАЛЯ ОБ ИЗГНАНИИ ВАСИЛИЯ
РОЗАНОВА ИЗ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА

ИТЕМ: -----

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ПАНОРАМА

11
НОЯБРЬ
1989

КАК ИЗГОНЯЛИ РОЗАНОВА

Лазарь РОЗЕНТАЛЬ

А. Блок в предисловии к поэме «Возмездие», называя события XX века, в которых выразился «ритм того времени, когда мир готовился к неслыханным событиям», среди прочих сказал и об «убийстве в Киеве Андрея Ющинского».

В убийстве был обвинен М. Бейлис и, по выражению Блока, в прессе «возник вопрос об употреблении евреями христианской крови».

Зачинщиком этих вопрошаний и был В. В. Розанов — в то время уже известный философ, писатель и журналист. Выступление его было неожиданным, — он, в своих книгах и статьях призывавший к поклонению Иегове, во имя «святого чувства древности», ветхозаветности, отвергающий всю европейскую, христианскую культуру, выступил с «кровавым наветом на евреев» в книге «Об обонятельном и осязательном отношении евреев к крови». В то время как многие литераторы подписываются под воззванием В. Г. Короленко «против кровавого навета на евреев», Розанов, в духе свойственного ему юродства, один противостоит всем.

К этому же времени (1910-е гг.) относится и ряд антиреволюционных статей Розанова, в которых жажда революции он объясняет единственным «древним желанием» «дай полизать крови!». Но и это не последняя черта в юродствовании В. В. Розанова — тогда как в газете «Новое время», славившейся своим консерватизмом, он печатал все вышеозначенные статьи, в газете «Русское слово» под всем известным псевдонимом «В. Р.» или «Варварин» он провозглашал вещи противоположные «Широк русский человек!» Позиция Розанова вызвала протест демократической общественности, и 26 января 1914 года произошло событие небывалое в жизни культурной России — писатель публично был подвергнут ostracismu за свои идеи. Произошло это на заседании Религиозно-философского Общества. Общество это в первый раз было открыто под именем «Религиозно-философских собраний» в 1901 году, его задачей тогда были поиски точек соприкосновения между интеллигенцией и церковью; в 1907 году возобновленное после перерыва в четыре года, общество было исключительно интеллигентским, критикующим «историческую церковь», жаждущим «Третьего Завета» и «нового религиозного сознания». Активными членами Общества были Д. С. Мережковский, П. Б. Струве, С. Л. Франк, А. В. Карташев, Д. В. Философов и В. В. Розанов — они были членами Совета РФО, кроме них еще 145 известных петербургских писателей, художников, ученых были действительными членами. Сохранилась стенографическая запись выступления на заседании, посвященном В. В. Розанову, но она не передает общей атмосферы собрания, которая прекрасно ощущается в воспоминаниях очевидца события Л. Н. Розенталя. Кроме того, воспоминания содержат несколько неизвестных фактов, относящихся к «делу Розанова»: 1) то, что в первый раз голосование было отменено: не удалось собрать кворум; 2) что Розанова защищали священники, но они не имели права голоса; 3) то, что Розанов долгое время никак не реагировал на постановление РФО.

Не случайно Л. Н. Розенталь связывает исключение Розанова с последующим развитием событий в «Обществе», с предреволюционными процессами в стране в целом.

Единственное, о чем, к сожалению, не сказано в воспоминаниях, это то, что, как писал А. Блок, кроме «нововременца Розанова», был гениальный писатель Розанов, — автор «замечательных книг «Уединенное» (1912) и «Опавшие листья» (1913; 1915), автор блестящих эссе о русских и зарубежных писателях, исторических деятелях, художниках, великий вопрошатель, сумевший по-новому осветить вечные и «проклятые вопросы». Именно этот Розанов ценен сейчас, переиздание самых главных его книг — дело недалекого будущего.

Автор воспоминаний Л. Н. Розенталь — искусствовед, знаток русской поэзии и литературы, 10 лет назад передал текст своих воспоминаний М. С. Лесману. С любезного разрешения вдовы М. С. Лесмана — Н. Г. Князевой и самого Л. Н. Розенталя мы знакомим с ними наших читателей.

Предисловие, подготовка текста
и комментарии Л. А. ИЛЬЮНИНОЙ.

CODE: "ДЕЛО РОЗАНОВА" : ВОСПОМИНАНИЯ ЛАЗАРЯ РОЗЕНТАЛЯ ОБ ИЗГНАНИИ ВАСИЛИЯ
ИТЕМ: РОЗАНОВА ИЗ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА 12

Подумать только, в «религиозке», когда изгоняли Розанова, был и Александр Блок, а я тогда не знал этого!

* Записки Религиозно-философского Общества за 1914 г. — СПб., 1916.

В ту зиму я видел его там несколько позже один-единственный раз. Но зато лицом к лицу. Воспользовавшись заминкой, он покидал уже начавшееся заседание. Я же, стеснительный студентик-второкурсник, пытался пробраться на

лучшее место. Не то чтобы в первых рядах, но хотя бы посередине. Я остолбенело загорючился ему дорогу и услышал вежливое «извините». Вместе с ним уходили три-четыре человека, так, как и он, одетых с несколько необычной для «религиозки» респектабельностью.

«Религиозка» — неумное, но отнюдь не презрительное, а лишь развязное, непочтительное прозвище Петербургского Религиозно-философского общества, чьим смиренным завсегдатаем, т. е. «членом-соревнователем», я в ту пору состоял. Кого только нельзя было увидеть на собраниях Петербургского Религиозно-философского общества! Воистину Ноев ковчег, неуважительно именуемый «религиозкой». Богоискатели, владимирсоловьевцы, раскаявшиеся декаденты, ученые политэкономы, засевавшие за чтение Достоевского и Льва Толстого, священники, отважно либеральничающие, но рясы не снявшие, поэты-символисты, рясу надевшие... Множество всяких «бывших»: индивидуалистов, соборных анархистов, эсеров, эсдеков, пытающихся примирить Маркса не только с Махом, но даже с Библией. Также оккультисты, теософы, антропософы. Само собой разумеется — студенты, курсистки, взыскующие Града Господня и просто чего-то ищущие... И, конечно, дамы, дамы просто и дамы-мироносицы [1].

Доклады читались о чем угодно. Кто в чем горазд. В прениях каждый говорил о своем. Но слушали все покорно. Однако после заседания, случалось, что-то еще договаривали, толпясь кучками на площадке лестницы и в раздевалке [2].

Председательствовал, и при том нельзя лучше, Антон Владимирович Карташов [3]. Под обличьем молодого, несомненно весьма талантливого профессора — выправка семинариста. Воплощенная честность, убежденность и последовательность мысли, мечты не о реформе и даже не о реформации, а об исполнении церкви, глаза, всегда опущенные долу, веки кажутся особо выпуклыми. Затертый горсткой неумных спорщиков, он покорно признавал тягостность непутевых прений на руково-

димых им заседаниях. И все же пытался оправдать эту бестолковую прю надеждой, что нет-нет, а вдруг мелькнет что-то настоящее, искреннее, значительное.

И действительно изредка мелькало, брезжило. Конечно, подлинно «вы-

скающих» было маловато. Святое беспокойство прорывалось, но не такое, которое бы следовало истолковать как начатки «религиозного сознания».

Изгнать Розанова затеяли было перед тем, как заслушать доклад Георгия Чулкова [4]. Открывая собрание, Карташов предложил на этот раз избрать другого председателя. Назвал Евгения Васильевича Аничкова [5]. Известен как историк литературы, для Общества не то чтобы свой, но и не посторонний. Согласитесь — человек подходящий.

Розанову инкриминировались его выступления в печати во время процесса Бейлиса [6]. Содружеству Мережковский-Гиппиус-Философов, верховодившему в Обществе, и его ближайшему окружению стало, наконец, невмоготу соседство их бывшего друга, отчасти соратника, почти наставника. Все было как на ладони. Дело Бейлиса вызвало тогда возмущение во всем мире. Вспоминали борьбу за оправдание Дрейфуса. Царский суд, хоть и не отверг возможности ритуального убийства, все же был принужден признать невиновность Бейлиса. Всколыхнулись самые широкие круги российской интеллигенции, почувствовав на своей совести всю гнусность антисемитских измышлений. «Религиозке» даже при всей умеренности ее либеральничания никак нельзя было остаться безгласной. А все же выражение элементарных гражданских чувств представлялось для нее делом непривычным. Подвергнуть гонению писателя по церковным и религиозно-философским вопросам, привычно почитаемого вопреки юродничанию и моральной нечистоплотности, разве на такое можно сразу решиться? Совет Общества предложил ему самому уйти. Но где там! Розанов, конечно, ответил отказом.

И вот началось обсуждение на общем собрании. Тотчас же кое-кто встал на защиту изгоняемого. Розоволицый, в золотом пенсне, в нимбе никак не подobaющих солидному человеку пушистых светлых кудрей, весь какой-то неправдоподобный, до ужаса похожий на свои портреты Вячеслав Иванов оказался подлинно, по шутливому прозвищу, придуманному для него Александром Блоком, «Языком Чесаловым». Чего только он не наговорил! Говорил спокойно, веско, убежденно. Его доводы могли бы сойти за математические формулы. Моральной сути он не касался, и казалось, что поистине это не имеет никакого отношения к писателю столь высокого

10.12.89

DAY MONTH YEAR

No.

F—

CODE: "ДЕЛО РОЗАНОВА" : ВОСПОМИНАНИЯ ЛАЗАРЯ РОЗЕНТАЛЯ ОБ ИЗГНАНИИ ВАСИЛИЯ
РОЗАНОВА ИЗ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА

ITEM: -----

ранга, чуть ли не «сверхписателю» наподобие «сверхчеловека» Ницше, как Розанов.

Раздавались и другие голоса не то чтобы в защиту, но и не против. Аничков, человек как будто и самоуверенный, и все же очень уж деликатный, даже растерялся. Спыхватились, что для вынесения какого-либо решения действительных членов на собрании мало вато. Стало быть — лучше отложить до следующего раза. Перешли к слушанию чулковского доклада.

На следующий раз народу привалило видимо-невидимо. Предусмотрев столпотворение, Императорское Географическое Общество предоставило уютнейшей у него «религиозке» не малый зал, как обычно, в большой, парадный на верхнем этаже [7]. Похоже было не то на концерт заезжей знаменитости, не то на театральную премьеру или вернисаж выставки. Завсегдатаи собраний растроились в шумливой разномастной толпе.

Но даже и среди всей этой пестряди лиц, обличей, одежд совершенно неожиданно передо мной предстала фигура человека не то чтобы хорошо, но все же достаточно знакомого. Он был здесь вчуже, стоял как бы одиноко, хотя был даже в сопровождении двух дам. Но его спутницы, типичные, стандартно некрасивые перезрелые курсистки были, также как и он, из совсем другого мира, из мира ассимилирующейся еврейской интеллигенции. Фамилия — Гальперин, отчество — Рудольфович, такая славная борода, очки, сдержанная речь, а также ореол прикосновенности к подпольным революционным кругам. И даже то, что будучи человеком женатым, он был принужден временно прибавляться частными уроками, вызывало во мне симпатию. На мой недоуменный вопрос, как он попал сюда, ответил своим милым приглушенным баском: «По гостевой повестке. Надо же посмотреть, как турнут Розанова».

«Турнут» — это прозвучало отрезвляюще. Оно, конечно, Розанов — на грани гениальности. И к тому же «по Достоевскому» беспощадно правдив, у него смелость «человека из подполья». Проникновеннейший литературный критик, постигавший также и суть искусства вообще. Более того — едва ли не умнейший, мудрейший из современных российских мыслителей, добирающийся, ничего в себе не щадя, до последней правды. А вместе с тем — газетный писака, преданнейший сотрудник верноподданнического «Нового времени», ухитрившийся, однако, в годы, «когда начальство ушло», т. е. в момент революционной смуты, печататься также, конечно под псевдонимом, и в либеральной прессе, циник, порой даже доносчик и вообще пакостник! Что-то вроде античного Протея, но на отечественный лад, иной раз сходствующий с мни-

мым юродом, хулиганствующим черносотенцем Пуришкевичем! Не сторониться, отмежевываться, разоблачать, изгонять, а именно — турнуть!

Не легко сказать такое. За всю свою жизнь что-то не припомню другого такого вечера, где бы я наслушался столько всякой всячины, поносной и славословящей. И явной чепухи и чрезмерных мудрствований. Ораторствовали, спорили. Поначалу походило на парламентскую прю. А под конец парламент обернулся каким-то шабашем.

В зале было заметно присутствие священнослужителей в рясах. Их количество превышало привычную норму. Они не оставались безучастными. Почему-то запомнились выступления троих из них. Священник Константин Агеев, которого я особенно уважал за магистерскую диссертацию о толковании христианского вероучения Константином Леонтьевым, от всего сердца старался сочетать христианское всепрощение и политический либерализм. Но он никак не решался призвать к прямым действиям взамен слов и убеждений, т. е. к тому, чтобы гнать Розанова, а не спорить с ним. Не так-то легко связать уважение ко всяким прочувствованным идеям и элементарное чувство порядочности. По-существу Агеев только мямлил. Более решительным был другой, также весьма интеллигентный батюшка, знающий, речистый и неглупый. Он находил нужные слова в ограждение Розанова не только как писателя по церковным вопросам, но и как выдающегося религиозного философа. Далее, совсем уж грозно, словно самим Свя-

тейшим Синодом посланный, выступал третий священник. С общим настроением аудитории он не привык считаться. В критике столь заслуженного перед Россией и православием писателя усматривал едва ли не посягательство на государственный строй и на Церковь. (Напомнил об особой, очевидно — высоко христианской заслуге Розанова, предложившего «незаконных детей» именовать лишь «внебрачными».) И вознегодовал на присутствие в зале большого количества студентов и курсисток, намекая также на возможное наличие лиц нехристианского вероисповедания.

Признаться, я тогда немножко струнул. Уж очень страшен был этот синодальный Савонарола. Такого в Обществе я видел впервые. Вот-вот призовет громить: «Бей жидов и интеллигентов!». Теперь мне представляется, что он мог бы послужить неплохой моделью для какого-нибудь из анафемствующих персонажей на неосуществленной картине Павла Корина «Уходящая Русь» [8].

Еще больший разницей был в выступлении ораторов-мирян, облаченных в пиджаки. Снова «языкавчелавил» Вячеслав Иванов. Все о том же, о непод-

CODE: "ДЕЛО РОЗАНОВА" : ВОСПОМИНАНИЯ ЛАЗАРЯ РОЗЕНТАЛЯ ОБ ИЗГНАНИИ ВАСИЛИЯ
ITEM: РОЗАНОВА ИЗ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА / 4 /

судности писатели такого калибра, такой категории, как Розанов. Говорил он на этот раз еще уверенней, еще убедительнее, как говорит тот, кто умеет за себя себя убедить в своей убежденности. Наверное неплохо говорили, то ораторствуя, то из глубины сердца многие другие. Но как на грех их выступления слились для меня сейчас в какую-то общую массу неразрешенностей и недосказанностей.

В Университете мне незадолго перед этим довелось участвовать в «кошачьем концерте», устроенном профессору судебной медицины, который на суде над Бейлисом выступал как эксперт весьма неблагоприятно. Мы полчаса исправно свистели и улюлюкали, не давая «бескорыстному ученому» раскрыть рот, чтобы начать лекцию. Он мужественно восседал на кафедре, пока не пришел ректор и не увел его. Но здесь в парадном зале Географического общества все было по-иному. Розанова, которого я хорошо знал в лицо лишь по замечательному портрету Бакста в Третьяковской галерее, в зале не было. Была лишь одна из его дочек, давно притерпевшаяся к папиной «безответственности». Никто не улюлюкал, и лишь росла невнятица, которую нес один оратор за другим.

Туган-Барановский [9] был по-профессорски велик телом и представителем. Для роли председателя он более подходил, чем излишне суевающийся Аничков. Ему и предложили вести собрание, которое, как заранее можно было предвидеть, требовало особой общественной сноровки. Для Общества он, известный ученый-экономист, прикосновенный к марксизму, внезапно проявивший интерес к общемировоззренческим вопросам, был человек новый и еще совсем, по сравнению с Аничковым, чужой. Но это обещало еще большую беспристрастность и, следовательно, большую решимость как председателя. И подлинно, он действовал уверенно. А когда надо — властно. Однако уж близился час последних трагедий, словоизвержению же не предвиделось конца. И даже мощь Тугана-Барановского, его натерелость в общественных делах начали сдавать.

Уж очень разное говорили. И поэтому в памяти залегло лишь общее впечатление от всей этой сумятицы, невня-

тицы, неразберихи суждений, воззрений, идей, чувствований. Какая-то мешанина эстетского аморализма со сверххристианской терпимостью и кротостью. А также едва ли не буддийской отрешенности от всего житейского с равнодушием запуганного обывателя. Как будто глубоко прочувствованная решимость ничего не отвергать на пути религиозно-философских исканий, а все же с ясно выраженным призывом политического недомыслия, с отчетливым привкусом черносотенства.

Под конец начало казаться, что вся затея с изгнанием была зряшная. Ведь Розанов всегда оставался Розановым и к его пакостничеству, граничащему с лукавым юродством, уже давно следовало бы привыкнуть. Не к чему восставать сейчас, когда дело дошло до кровавого навета на евреев, если раньше терпели другие, правда несколько поменьше, пакости, подлости. Лучше, пожалуй, последовать примеру тех, кто, предупреждая о безответственности, едва ли не о неменяемости Розанова, рекомендовал с ним не связываться. А все же сердце сжималось от мысли, что дух нерешимости и какой-то «розановщины» так пропитал большинство без толку несколько часов просидевших здесь в большом зале Географического Общества людей, что собрание не сможет вынести осуждающей резолюции. Началось по-парламентски под умелым спикерством Тугана-Барановского, а кончилось российско-интеллигентским Брокеном.

Но тут Карташов словно на палубе гибнущего корабля бросился на помощь капитану к штурвальному колесу. Он произнес гневную речь. Говорил зло, ожесточенно, воистину — гражданственно. В его словах, как мне тогда послышалось, звучала суровая требовательность: коли ты воистину встал на путь религиозного сознания, то тут уж нужны не только переживания и размышления, а и дела. Религиозно-философскому обществу надлежит очиститься от скверны, которая к нему липнет.

После его речи поднатужились и составили проект резолюции. Конечно — согласительной. Без каких-либо поползновений на изгнание, но с деликатным выражением чувств неприязни. Точной формулировки воспроизвести не могу. Что-то вроде того, что собрание находит дальнейшее пребывание Розанова в Обществе неудобным, нежелательно обременительным, несовместимым с какими-то представлениями, взглядами и т. п. А далее слова пошли «парламентоподобно». Избрали счетную комиссию. Тщательно следили, чтобы голосовали одни лишь действительные члены, а не «соревнователи» и гости. У «действительных» были особые повестки с проколом для отрывного талона, на которых надо было написать «да» или «нет». Кто-то из рясоносных розанских защитников сунулся было с обычной повесткой, но его шуганули.

Лёля (Елена Михайловна) Тагер, курсистка, только что кончившая стоунинскую гимназию, в своих более поздних воспоминаниях об Александре Блоке рассказывает, как она, сидя на собрании случайно рядом с поэтом, нескромно заглянула в его повестку, тревожась за то, что он там напишет. И обрадовалась, когда увидела «да» [10].

Подсчет производился тотчас же при подаче голосов. Когда кончили, на столе президиума возвышались две стопки повесток. Та, что была с «да», т. е. за резолюцию, оказалась внушительнее

CODE: "ДЕЛО РОЗАНОВА" : ВОСПОМИНАНИЯ ЛАЗАРЯ РОЗЕНТАЛЯ ОБ ИЗГНАНИИ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА ИЗ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА

ИТЕМ: -----

другой. Не так чтобы очень, но все же достаточно.

Это было похоже на победу, а все же «религиозке» пришлось посылать подвергнутому моральному остракизму Розанову повестки по-прежнему. А в это время «Новое время» при его [11] деятельном содействии чернило, как только могло, Мережковского. И лишь несколько месяцев спустя Карташов на очередном собрании перед заслушиванием назначенного доклада огласил заявление Розанова о его выходе из Совета Общества, которое приняло в число своих членов Грузенберга, защищавшего Бейлиса на суде. Получилось, что не Розанов позорит общество, а он не захотел позориться дальнейшим пребыванием в нем. В заявлении, как отметил Карташов, были допущены две неточности. Розанов лишь сживал на собраниях за столом президиума, но в Совет не был избираем. А в члены Общества недавно был принят не известный присяжный поверенный Оскар Осипович Грузенберг, а его брат, Семен Осипович, философ.

Розанов, конечно, притворялся, что спутал двух братьев. Это была очередная его выходка наподобие шутовского вызова на дуэль, посланного Пуришкевичем Набокову.

Вскоре затем началась война. О Розанове в Обществе больше не вспоминали. Зинаида Гиппиус отважно выступила с докладом против войны. Евгений Васильевич Аничков появился в военной форме и призвал ненавидеть немцев. Выступал Андрей Белый, вынужденный покинуть Дорнах, недосозданную антропософскую мекку. Промелькнул надевший священническую рясу Сергей Соловьев, племянник философа и поэт [12]. Предоставляя слово заслуженной социал-демократке, философу-марксисту Ортодокс, Карташов старательно отчеканивал ее имя-отчество-фамилию: Любовь Исааковна Аксельрод-Гирш. Событием должен был стать, но не стал долгожданный доклад самого Карташова о судьбах Православной Церкви, занявший два вечера и изданный затем Сытиним отдельной книжкой. За столом президиума можно было увидеть Александра Бенуа, безмолвного и что-то рисовавшего в альбомчике, и члена Государственной Думы Керенского, заговорившего об общем долге в час испытаний. До Февральской Революции оставалось совсем немного времени.

А при ней было уже не до религиозно-философских исканий. И все же поздней весной Общество еще раз собралось. Быть может, в записях неофициального историографа Общества, Каблукова, сохранился след об этом последнем собрании. Мне помнится, что доклада не было. Был лишь свободный обмен мнений. Чудаковатый и все же последовательно рассуждавший теософ говорил тоже все о своем: религиозное сознание должно чураться политики. С ним не соглашался Карташов. Для не-

го борьба за религиозное сознание лишь теперь начиналась по-настоящему. Он был преисполнен надежд и убежденности. Приняв участие в делах Временного Правительства, он стал соучастником в ликвидации Синода, открывшей путь к восстановлению Патриаршества.

В тот вечер уличная страсть к митингованию казалась влившейся в чинный малый зал Географического Общества. А по окончании собрания снова излилась на улицу. Разговоры, споры продолжались между расходящимися в волшебном сумраке теплой по-петербургски белой ночи, не гнушавшейся даже прозаическими окрестностями Сенной площади.

Прошло немногим более полугода. Блок написал «Двенадцать». Мережковские, а также немалое число их единомышленников ополчились на поэта с той же силой, с которой пытались изгнать Розанова. Даже лучший друг Блока, Евгений Павлович Иванов, метавшийся в свое время между Мережковским и Розановым, и тот отвернулся [13].

Автор же «Людей лунного света», «В мире неясного и нерешенного», лучшей книги о Достоевском [14], «Уединенного», «Опавших листьев» вкоре кончил свою жизнь в нищете. Ютась в Сергиевом Посаде, он писал нечто апокалиптическое, прозорливое, надрывно мудрое и дальновидное [15]. Превозносился иудаизм, каялся в своей вине перед евреями. И с подленькой, не внушающей доверия смиренностью, испрашивал сочувствия и помощи у тех, кому раньше бездумно пакостил [16].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: описание публики на РФО у Блока в статье «Литературные итоги 1907 года» (Собр. соч., т. 5. М.—Л.: Сов. писатель, 1963).

2. Основными темами докладов были: «Народ и интеллигенция», «Церковь и интеллигенция», «Национализм и культура».

3. Карташов А. В.— профессор СПб духовной Академии, религиозный публицист.

4. Чулков Г. (1879—1930) — прозаик, литературный критик, поэт. Читал на заседании РФО 19 января 1914 года доклад «Оправдание символизма». Второе заседание, на котором Розанов был изгнан, состоялось 26 января.

5. Аничков Е. А. (1886—1937) — литературовед, критик, общественный деятель.

6. Розанову были предъявлены обвинения в антиобщественном направлении статей «Не надо амнистии» (Богословский вестник, 1913, 3 марта), «Андрюша Юшинский» (Земщина, 1913, 5 окт.), «Наша кошмарная печать» (Земщина, 1913, 22 окт.).

7. Адрес Религиозно-философского общества: Чернышева площадь (ныне площадь Ломоносова), д. 2.

8. Стенограмма заседания позволяет выяснить имена выступавших священников: протоиереев М. А. Лисицына и Н. Р. Антонова, а также других выступавших, среди которых Д. Философов, С. Алексеев, П. Струве, А. Чеботаревская, Е. Иванов, и установить состав собрания. Из 500 человек присутствовавших правом голоса обладали 33 человека; из них 41 чел. проголосовал за исключение, 10 — против и 2 — воздержались. Формулировка постановления была следующей: «О невозможности совместной работы с В. В. Розановым в одном и том же общественном деле». (Записки Религиозно-философского Общества, вып. IV.— СПб., 1914—1916).

9. Туган-Барановский М. П. (1865—1919) — профессор-экономист, редактор журнала «Вестник кооперации».

10. См.: Тагер Е. М. Блок в 1915 году (Блок в воспоминаниях современников. Т. 2. М.—Л., 1980, с. 102).

11. См.: Статьи о Мережковском в «Новом времени», 1914, 29 января, 31 января, где суд над Розановым уподоблен «суду афинской черни над Аристидом, невежественных схоластиков над Галилеем».

12. См.: Записки РФО 1914—1915, вып. V. Пгр., 1916. Гиппиус З. Н. «История в христианстве», Соловьев С. М. «О современном патриотизме», Мережковский Д. С. «О религиозной лжи национализма» и др.

13. Л. Н. Розенталь ошибочно называет Е. П. Иванова среди людей, отвернувшихся от Блока после поэмы «Двенадцать».

14. Розанов В. В. «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского.— СПб., 1902.

15. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени.— Сергиев Посад, 1917.

16. Имеется в виду одно из предсмертных писем В. В. Розанова «К евреям».